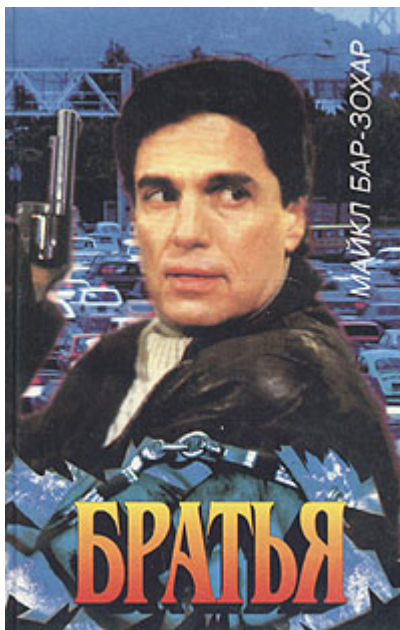

Михаэль Бар-Зохар Братья

Майкл Бар-Зохар Братья

Пролог

Зимой 1949 года сталинская тайная полиция арестовала руководителей Антифашистского писательского комитета. Этот Комитет, объединявший писателей, деятелей культуры еврейской национальности, был образован в годы второй мировой войны, чтобы мобилизовать усилия евреев как в СССР, так и за его пределами на поддержку советского правительства в войне с Германией. Среди основателей этого Комитета были известнейшие писатели, поэты, артисты и философы Советского Союза. Представители Антифашистского комитета даже побывали в США, где их поддержали Альберт Эйнштейн и другие видные личности.

После окончания войны Сталин был обеспокоен, как бы этот Комитет не стал ядром еврейского национализма в стране. Председатель Комитета Соломон Михоэлс, поэты Фефер и Халкин, а также профессор Лина Штерн написали ему письмо, в котором просили учредить для переживших гитлеровскую бойню евреев автономию в Крыму и осудить антисемитизм в СССР.

Советский диктатор пришел в ярость и предпринял меры против “еврейских националистов”. Во время поездки в Минск был убит Соломон Михоэлс. Несколько месяцев спустя все члены Комитета были арестованы, подвергнуты пыткам и приговорены к смертной казни после издевательского судебного разбирательства.

Некоторых из них расстреляли сразу. Остальных смерть настигла в январе

1953 года, вскоре после того, как Сталин осуществил одну из самых чудовищных провокаций в своей кровавой карьере – “Заговор врачей”. Страдающий паранойей диктатор обвинил ведущих специалистов советской медицины в том, что они вступили в сговор с целью убить его самого и некоторых других руководителей партии. Он также заявил, что по приказу из Вашингтона они уже убили Жданова и Щербакова. Михоэлс был посмертно обвинен в том, что он якобы являлся связующим звеном между врачами-вредителями и еврейскими националистическими организациями в США.

Еще до того, как начался суд по “делу врачей”, все оставшиеся в живых участники Антифашистского писательского комитета были расстреляны во внутреннем дворе тюрьмы НКВД на Лубянке.

Сталин умер 5 марта 1953 года, и приговор, вынесенный еврейским врачам, был отменен.

Это повествование охватывает события с 23 января 1953 года до наших дней.

Часть первая

Юность

(1953-1967)

Глава 1

На страну опустилась морозная зимняя ночь, а над заснувшей Москвой бушевал снегопад.

Глядя на кружевные снежинки, танцующие в воздухе за зарешеченным окном ее камеры, Тоня Гордон подумала, что завтра город станет похож на сказочное королевство. Красная площадь укроется безупречно чистым белым покрывалом, уходящая ввысь Спасская башня утратит свои четкие очертания и станет похожа на ледяной дворец, а на луковицах-куполах храма Василия Блаженного и на бастионах Ново-Девичьего монастыря замерцают пушистые шапки снега. Молодые елочки в парке Горького превратятся в заколдованный лес, и ребятня с замирающим от страха и любопытства сердцем будет пробираться меж его холодных сумеречных теней, ожидая появления самой Снежной королевы, а на замерзших прудах в это время разгорится азартная игра в снежки, и кто-то вылепит из снега огромную снежную бабу с морковкой вместо носа и с черными угольками вместо глаз.

Тоня любила белоснежную русскую зиму и всякий раз при ее наступлении снова чувствовала себя маленькой девочкой. В одном из ее самых известных стихотворений “Мое белое царство” как раз описывалась заснеженная Москва. Один раз она даже прочла это стихотворение детям, но, кажется, ее понял только Саша. Дмитрий был еще слишком мал. Теперь она понимала, что больше никогда не будет писать и никогда не увидит своего волшебного мира. К утру, к тому времени, когда первый шалун с восторженным видом ворвется в парк Горького, она будет уже мертва, убитая выстрелом в затылок, и, может

быть, даже похоронена в одной из безымянных могил подобно всем тем, кто был расстрелян во внутреннем дворе тюрьмы НКВД на Лубянке.

Ей больше не хотелось смотреть на снег, и она отвернулась. Узкая койка вся пропахла мочой, табаком и хлоркой. Сколько людей в свою последнюю ночь без сна ворочались на этом жестком ложе, ожидая расстрельную команду?

Тюремный коридор освещался одной-единственной лампой без абажура, и немного света проникало в камеру через щель под дверью. В этом слабом свете Тоня рассмотрела, что все стены камеры исписаны именами, посланиями, датами, выцарапанными в штукатурке. “Мечь!” – нацарапал кто-то на дальней стене. “Сталин – убийца!” – было написано на соседней. “Кровь коммуниста...” – строка обрывалась. Должно быть, автора повели на казнь прежде, чем он успел закончить свое последнее послание. Охранники не давали себе труда стирать эти надписи по той простой причине, что все, кто мог их прочитать, уносили увиденное в могилу.

На дальней стене кто-то нацарапал шестилучевую еврейскую звезду. Тоня непроизвольно подняла руку к шее и потрогала звезду Давида на массивной золотой цепочке. Это был подарок ее сестры Нины, сделанный ею перед тем, как уехать из России. Указательный палец нащупал три крошечные буквы древнееврейского языка, выгравированные на религиозном символе ее народа.

Сама Тоня не была религиозным человеком. В Киеве коммунисты-учителя внушили ей презрение к вере в Бога, и она воспринимала молитвы отца и кошерную пищу, приготовленную матерью, только как уходящие в прошлое обычаи отмирающего мира. И все же, когда сотрудники НКВД отбирали у нее личные вещи – часы, браслет, серьги, она упросила оставить ей эту вещь. После ее смерти они вернут цепочку Морозову, однако, пока она жива, ей хотелось иметь что-то вещественное, осязаемое, что напоминало бы ей о том, кто она такая.

Тоня вдруг подумала о том, что через несколько часов все будет кончено. Одеяло на койке было тонким, протертым до ниток, но она не чувствовала холода. Она не чувствовала вообще ничего, кроме невероятной усталости и пустоты. Тоня до последнего момента надеялась, что произойдет чудо и приказ о ее казни будет отменен. Может быть, Морозову удастся обратиться к самому Сталину. В конце концов, не может вождь допустить, чтобы невинные люди погибали только потому, что они родились евреями.

Но вчера вечером к ней в последний раз привели детей – попрощаться, и она поняла, что надежды больше нет. Хмурая надзирательница проводила ее в голую мрачную комнату на первом этаже. Ее мальчики были уже там, они стояли у дальней стены с выцветшим портретом Ленина. Надзирательница объяснила, что свидание было разрешено в виде исключения, ради полковника Морозова. Обычно посетители на Лубянку не допускались. Да, полковник сам привез детей. Нет, увидеться с ним ей не позволят. Лучше поскорее попрощаться с детьми, так как полковник Морозов должен отвезти их обратно.

Тоня крепко обняла детей, сначала одного, потом другого. Александр щеголял в новом сером пальто с воротником из кроличьего меха, которым он очень гордился. Дмитрий был закутан в старый овчинный тулупчик брата,

который был ему еще велик. Может быть, Саша что-то почувствовал, а может быть, ему подсказал это удивительный инстинкт, которым обладают дети, но он расплакался.

– Ты поедешь с нами домой, мамочка? – то и дело повторял он, и Тоня пробормотала невпопад:

– Скоро, сыночек, скоро...

Дмитрий же, научившийся говорить каких-нибудь пять месяцев назад, так и не произнес ни слова, он прижался к матери и, зарывшись лицом в ее юбку, крепко держал ее за палец маленькой рукой. Казалось, даже надзирательница была растрогана; выводя детей из комнаты, она избегала смотреть Тоне в глаза.

И вот теперь Тоня лежала на койке в своей камере и ждала конвоиров. В соседних камерах ждали конвой ее товарищи – известнейшие еврейские писатели и мыслители Советского Союза. Их тоже должны расстрелять на рассвете. “Господи боже, – подумала Тоня, – разве они совершили какое-то преступление? Разве не служили они верой и правдой Советскому Союзу? Чем я сама заслужила подобную участь?”. Она так хотела жить, у нее было так много всего, что она еще хотела сказать, а в ее душе теснилось столько ненаписанных стихов!

Тоня почувствовала, как на глаза ее навернулись слезы, и прикусила край грубого одеяла, чтобы заглушить рыдания. Охранники не должны слышать, как она плачет; она не доставит им этого удовольствия. Может быть, все-таки это просто кошмарный сон и сейчас она проснется у себя дома, в кругу семьи? В конце концов, не прошло и трех лет с тех пор, как ей была вручена литературная премия Маяковского, а ее стихи учили в школах, читали на заводах и в военных городках. “Литературная газета” даже напечатала интервью с ней и два ее лучших стихотворения, и о ней заговорили как об одном из претендентов на орден Ленина. И вот теперь она здесь, в ожидании казни за преступление, которого она не совершала.

Все это произошло потому, что в годы Великой Отечественной войны она и ее первый муж Виктор Вульф вступили в Антифашистский комитет. Этот шаг и определил их судьбу. Однако, с другой стороны, у них не было никакого иного выхода – само правительство принудило их к этому. Это было в 1941-м, всего лишь через год после того, как она убежала из дома и вышла замуж за Виктора. Они так любили друг друга, и оба были молоды, оба были талантливыми поэтами, целиком и полностью отдавшими себя делу строительства социализма, и оба мечтали о новом мире, который они будут строить, как только закончится война.

Комитет был создан в самые тяжелые дни войны, когда немцы были в пятидесяти километрах от Кремля, готовясь к последнему и решительному штурму. В один из вечеров Виктор пришел домой очень возбужденный и рассказал ей об Антифашистском комитете, который должен был объединить самых известных еврейских деятелей культуры Советского Союза. Виктора просили стать одним из организаторов.

Естественно, что он был польщен. Ведь ему было всего двадцать восемь лет! Конечно, он согласился, и их обоих избрали в руководящий орган

комитета.

Позднее Виктор вошел в состав первой делегации, которая отправилась в США. Вернувшись домой, Виктор привез ей кучу вестей от старшей сестры Нины, которая теперь жила в Нью-Йорке. Нина прислала ей пушистую белую кофточку и, помня о слабостях сестры, три толстые плитки шоколада. Сам Виктор был под впечатлением встречи с Эйнштейном, который обещал поддерживать работу Комитета.

Неприятности начались после войны. Кое-кто из их друзей предложил распустить Комитет. Она помнила, как Славин заявлял:

– Мы члены Союза советских писателей! Нам не нужна еврейская организация!

Но Славин и те, кто его поддерживал, оказались в меньшинстве. Большинство руководства считало, что теперь Комитет должен работать еще активнее.

– Советским евреям необходимо идейное руководство! – сказал их председатель Соломон Михоэлс на пленарном заседании, и собравшиеся поддержали его приветственными криками. Тоня помнила страстную речь Виктора в поддержку Михоэлса, однако теперь, оглядываясь назад, она понимала, что всех их опьянил успех Комитета в России и за рубежом. Они совершенно позабыли о том, что Кремль не терпел никакого национализма, в особенности еврейского.

В сентябре 1948-го, в тот день, когда Виктор начал преподавательскую деятельность в Московском университете, Комитет сделал еще один шаг навстречу своей судьбе. Михоэлс и его заместитель профессор Сапожников направили письмо Сталину с просьбой учредить в Крыму еврейскую автономию. Они также просили вождя осудить антисемитизм в СССР.

Они зашли слишком далеко. Им следовало понять это еще тогда, когда писатель Илья Эренбург, известный своими связями в Кремле, неожиданно подал в отставку с поста одного из руководителей Комитета. Был и еще один дурной знак, на который они не обратили внимания, – Сталин игнорировал их обращение.

Тоня и Виктор не были этим обеспокоены; в то время они были слишком заняты, обустроивая свою крошечную квартирку, которую Виктору удалось получить благодаря его связям в Министерстве культуры. В январе сорок девятого их настигла страшная весть о злодейском убийстве в Минске Соломона Михоэлса. Официальная версия гласила, что виновны в этом какие-то бандиты, однако его жене так и не удалось узнать подлинных обстоятельств его гибели.

Странные, тревожные слухи циркулировали среди членов Комитета. Говорили, что убийцы Михоэлса не были просто хулиганами, что это дело рук офицеров тайной полиции и что убийство было спланированное и подготовленное на Лубянке. Некролог, который должен был быть опубликован в “Правде”, в последний момент был снят, а митинг членов Комитета, посвященный памяти его председателя, был без всяких объяснений запрещен властями.

Виктор упорно отказывался верить слухам. Он постоянно твердил Тоне, что подобные вещи происходят в Советской России просто не могут, однако Антифашистский комитет жил в постоянной тревоге и беспокойном ожидании, а из уст многих его членов можно было слышать самые мрачные пророчества.

– Я чувствую себя так, словно на моей шее все туже и туже затягивается петля, – сказал им однажды вечером Яша Славин сразу после встречи с французскими поэтами-коммунистами.

Этот долговязый юноша с крупным адамовым яблоком и задумчивым взглядом выразительных еврейских глаз был их лучшим другом. У него был знакомый в Политбюро – некто Михаил Пацко высокопоставленный партийный чиновник. Именно он по секрету сообщил Славину, что Сталин, получив послание Комитета, был вне себя от ярости. Когда Славин сообщил это своим друзьям, в глазах его появился самый настоящий ужас.

Виктор только пожал плечами.

– Сейчас не те времена! – сказал он, впрочем, как-то неуверенно.

Но Тоня знала, что в Восточной Европе один за другим шли показательные процессы и демократические лидеры оказывались на виселице по обвинению в “заговоре против государства”. В России люди просто-напросто исчезали без всякого следа. Согласно слухам, несколько миллионов человек были помещены в исправительно-трудовые лагеря за Полярным кругом, а тысячи других расстреляны без суда. Тоня и Виктор никогда не говорили об этом между собой. Может быть, они боялись, может быть, не хотели признаться себе в том, что алый флаг их родины может оказаться запятнан.

Тоня испытала самое настоящее потрясение, когда однажды дождливым воскресным утром с ней разговорилась их соседка снизу – дородная украинка, всегда одетая в черное. Она только что вернулась из церкви, куда власти не препятствовали ходить пожилым женщинам, и Тоня столкнулась с ней у дверей. Женщина горько плакала; ее полное, круглое лицо распухло, а губы кривились от рыданий. Она пыталась вытирать слезы толстыми кулаками, но это не помогало. Тоня зазвала ее к себе и дала выпить горячего чаю. Немного успокоившись, украинка принялась рассказывать ей о своем сыне.

Он попал в плен к немцам и провел два с половиной года в концентрационном лагере для военнопленных. Через два месяца после освобождения, в самом конце войны, его поставили перед взводом красноармейцев и расстреляли.

– Они назвали его предателем, Антонина Александровна! Вы верите в это? Это мой Павка-то?! Вся его вина-то была в том, что он попал в плен к этим извергам. Стали бы вы расстреливать кого-то только за это? И я вот что еще скажу вам. Тоня... – Несчастливая женщина наклонилась ближе и понизила голос. В ее глазах застыли страх и скорбь. – Он не единственный, мой Павка. Говорят, что наш вождь и отец, – она закивала головой, передразнивая Сталина, – приказал расстрелять тысячи наших, которые были в плену. наших сыновей, Тоня. Он назвал их предателями родины. Иногда я думаю, что он сам...

Она спохватилась и прикусила губу, сообразив, что сказала лишнее. Поспешно перекрестившись, она попрощалась и исчезла в своей крошечной

темной комнатке под лестницей.

* * *

Несколько недель спустя после гибели Михоэлса в квартиру супругов Вульф постучали. Этим вечером они никого не ждали, и, когда Тоня открыла дверь, незнакомец на мгновение застыл на пороге, пристально глядя ей в лицо. Это был крупный высокий человек с чуть вьющимися русыми волосами и широким лицом. На нем был обычный гражданский костюм, в каких ходили госслужащие. Тоня рассмотрела его упрямый подбородок, полный рот и прямые брови, но самое сильное впечатление на нее произвели его пронзительные черные глаза, смотревшие на нее из глубоких темных глазниц. В этих глазах была глубокая печаль и странное выражение скрытого страдания.

Через несколько секунд в прихожую вышел Виктор, и гость представился: майор Борис Морозов. Затем они долго сидели и беседовали вдвоем в комнате, пока Тоня на кухне перебирала старые детские вещи, присланные дальне и родственницей: Тоня была на четвертом месяце.

Глубокое беспокойство не отпускало ее. Что нужно этому человеку от ее мужа? Майор в гражданской одежде мог быть только майором НКВД. У нее было ощущение, что она видела его раньше, должно быть, на ежемесячных заседаниях Антифашистского комитета, на которые мог попасть любой желающий. А может быть, этот человек был среди тех, кто просил у нее автограф после ее выступления со своими стихами.

В ту ночь она входила в комнату всего дважды, принося мужчинам печенье и чай. Оба раза Морозов принимался столь откровенно разглядывать ее, что она в конце концов смутилась. Когда Морозов наконец собрался уходить, Виктор позвал ее, и она вышла проводить гостя. Морозов попрощался, официально пожав обоим руки, и в последний раз в упор посмотрел на Тоню, а затем растворился в темноте лестничной клетки.

Когда они остались одни. Тоня повернулась к Виктору.

– Ты видел, как он смотрел на меня? – спросила она.

Но Виктор не слышал ее вопроса, он был очень испуган. Морозов оказался следователем НКВД и расспрашивал Виктора о деятельности Комитета: были ли у них контакты с евреями в Англии и Америке, встречались ли они с западными дипломатами, вели ли подрывную деятельность против существующего строя. Тоня была потрясена.

– Но это же... нелепо, – запинаясь, пробормотала она. – Мы встречались с американцами только тогда, когда правительство просило нас сделать это. Почему ты не сказал ему об этом?

Виктор покачал головой.

– Я объяснил ему, что в последний раз мы встречались с американцами еще во время войны, но он, похоже, мне не поверил.

– Но он должен нам поверить, должен! А ты сходи к Феферу прямо сейчас и расскажи ему об этом человеке.

– Майор сказал, что несколько офицеров НКВД разговаривают сегодня

сразу с несколькими членами правления Комитета. НКВД считает, что все мы вовлечены в империалистический заговор против Советского Союза.

– Боже мой! – прошептала Тоня. – Если они так считают, то это...

– ...Это конец, – закончил за нее Виктор.

Всю ночь Виктор просидел, сгорбившись, в кресле, безостановочно куря свой “Беломор”. На следующее утро, не побрившись и не позавтракав, он помчался к другим членам правления. На улице разыгралась настоящая пурга, и между домами выстуженного города завывали ветры. Это был вовсе не подходящий для прогулок день, но Тоне необходимо было сходить в женскую консультацию на ежемесячный осмотр. Однако лишь только она вышла из дома, из-за белой пелены крутящегося снега появилась темная фигура и приблизилась к ней. Только когда человек оказался на расстоянии вытянутой руки, Тоня узнала вчерашнего майора. На его брови налип снег.

– Не возражаете, если я пройду с вами, товарищ Вульф? – спросил он, упрямо наклонившись вперед навстречу ветру.

Тоня пожала плечами, чувствуя лишь беспомощность и страх.

– Но я иду...

– Я провожу вас до поликлиники и обратно, – сказал майор, и она вздрогнула.

Конечно же, он знал, куда она идет, НКВД вообще знал все, и все же в его голосе была какая-то неловкость, словно общение с нею давалось ему с трудом.

Она ожидала его расспросов, однако Морозов молча шагал рядом и смотрел на нее тем же самым взглядом, в котором таились мука и непонятная боль. Ему было около сорока, и, следовательно, он был старше Виктора всего на четыре года или на пять, однако благодаря крепкому телосложению и широкому лицу майор казался старше своих лет. Когда Тоня вошла в поликлинику, он куда-то исчез, однако стоило ей выйти, и Морозов снова оказался рядом с ней.

На крыльце их дома он достал из больших карманов своего овчинного полушубка два свертка и протянул ей.

– Это вам, – сказал он. – Немного копченой свинины и банка меда. Для вашего ребенка-это будет очень полезно. И еще немного шоколада, ведь вы его любите.

Тоня уставилась на него.

– Я не могу взять это. То есть...

– Возьмите, пожалуйста, Антонина Александровна, – мягко сказал он. – Сейчас в Москве не те времена, чтобы отказываться от продуктов.

Он был прав. Вот уже несколько месяцев Тоня не ела таких вкусных вещей. Но как он узнал, что она любит шоколад? Неужели об этом упоминается в их досье? И обратился он к ней по имени и отчеству. Может быть, он знает и ее отца? Почему она так его интересуется? Может быть, она просто ему понравилась?

Тоня прекрасно знала, что была привлекательной женщиной, и привыкла видеть в мужских глазах вожделение, но ни один мужчина никогда не смотрел на нее так пристально и с таким состраданием.

Она взяла еду только потому, что давал ее он – офицер госбезопасности. После этого между ними появилось нечто общее, похожее на молчаливое соучастие в каком-то деле, и Морозов стал для нее чем-то вроде друга. Может быть, он даже сможет помочь ей и Виктору во время следствия. Тоня хотела спросить его об этом, но не могла.

На следующий день утром, когда она отправилась в магазин за продуктами, он ждал ее на углу в черной машине. Должно быть, он специально оставался здесь и караулил, когда она выйдет. В магазине он взмахнул своей специальной продовольственной карточкой, и Тоня получила двойной месячный рацион без всякой очереди. Домохозяйки, выстроившиеся вдоль рыбных и мясных прилавков, наградили ее уничтожающими взглядами, однако не посмели роптать открыто, с первого взгляда узнав человека с Лубянки.

В последующие две недели Морозов таинственным образом появлялся рядом с ней словно из-под земли, куда бы она ни направлялась. По нескольким словам, оброненным им во время этих долгих молчаливых походов, Тоня догадалась, что ему многое известно о ее работе и что он даже читал некоторые ее стихи.

В конце концов она набралась смелости и поинтересовалась ходом расследования. Виктор к тому времени успел переговорить со всеми членами Комитета, которые также подверглись допросу, но с тех пор ничего больше не происходило, и ее муж немного успокоился. Морозов не ответил на ее вопрос. Он только покачал головой и снова взглянул на нее своими задумчивыми глазами.

Однажды утром, буквально через пять минут после ухода Виктора, в дверь постучали. Это снова был Морозов.

В руках он держал несколько пакетов с едой, а под мышкой бумажный сверток, в котором оказалась штука превосходной шерстяной материи.

– Я не могу принять это, – сказала Тоня. – Я очень благодарна вам, товарищ майор, но...

Он не дал ей закончить.

– Может, мы присядем? – спросил он и, не дожидаясь приглашения, прошел в их единственную комнату.

Тоня поспешно убрала бельевую веревку, натянутую из угла в угол под потолком: в это время года на улице невозможно было ничего высушить.

– Не хотите ли чаю? – преодолевая смущение и неловкость, спросила Тоня, но Морозов отрицательно покачал головой.

Он сидел, положив руки на стол, и пристально следил за ней взглядом. Это напряженное молчание было ей хорошо знакомо, но сегодня Морозов был каким-то другим, словно на него неожиданно свалилась новая забота.

– Сегодня утром, – медленно сказал он, – мои коллеги арестовали Фефера, Халкина, Славина и Гуревича. Сапожников пока на свободе, потому что он выехал читать лекции в Румынию. Тамошняя “Секуритате” позаботится о нем. Все арестованные обвиняются в том, что они являются секретными агентами иностранных держав. У нас имеются неопровержимые доказательства их связи с империалистическими государствами. Всех их будут судить и скорее всего

приговорят...

Внутри у Тони все похолодело, и она сделала произвольный жест, как бы сдерживая готовый вырваться крик.

– Но это неправда! Я знаю их, они не совершали ничего подобного!

– Это приказ сверху, Антонина Александровна, – негромко сказал майор. Он закурил папиросу и глубоко затянулся, по-солдатски прикрывая огонек ладонью. – Однако у меня есть для вас еще более неприятные новости. Вы сами, ваш муж и другие члены руководства Комитета будут арестованы сегодня ночью. Вас тоже будут судить.

– Но за что? – задыхаясь, воскликнула Тоня. – По какому обвинению? Мы ничего плохого не сделали!

– Ваш муж уже почти что мертв, Антонина Александровна. Они все уже мертвецы. Когда мы получаем приказ кого-то арестовать, это означает, что существуют неопровержимые доказательства вины. Ни один человек из тех, кого мне приходилось арестовывать, не оказывался невиновен. Никогда.

У Тони обмякли ноги, и она опустилась в кресло. Комната вокруг нее медленно вращалась. Морозов вышел в кухню и вернулся со стаканом воды в руке.

– Выпейте, вам станет легче, – сказал он негромко, но твердо.

Тоня залпом выпила воду.

– Почему вы мне все это рассказываете?

Майор пожал плечами.

– Потому что в этом нет никакого секрета. Что вы или ваш муж сможете предпринять? Бежать? Вы никуда не денетесь. Вы круглые сутки находитесь под нашим наблюдением. – Внезапно на его лице появилось растерянное выражение. – Я говорю это вам потому, – сказал он, и голос его прозвучал неуверенно, – что мне кажется, я мог бы спасти вашу жизнь.

– Мою жизнь?

Он кивнул, взглядываясь ей в лицо.

– Как? – нетерпеливо переспросила Тоня.

Морозов пожал плечами и ничего не сказал.

– Я не верю вам.

Майор продолжал упорно молчать, не сводя с нее глаз, и она, наклонившись вперед, схватила его за руку.

– А Виктор? Что будет с Виктором?

– Я же сказал, что вашего мужа все равно что уже нет в живых. Я ничего не могу сделать для него. Я могу спасти только вас. Вы редко посещали заседания. Вы женщина, и вы в положении. Вас я могу защитить.

Следующий вопрос сорвался с ее губ прежде, чем она успела его обдумать:

– Но мне это будет кое-чего стоить, не правда ли?

Морозов продолжал смотреть ей прямо в глаза.

– Я хочу, чтобы вы развелись с мужем и вышли за меня.

Некоторое время Тоня молча смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова, затем закрыла лицо руками. Он пытался купить ее. Он спасет ее, если она оставит любимого человека и будет принадлежать ему. Волна негодования

поднялась в ней, и она выпрямилась. Она все еще не могла поверить в реальность происходящего.

– Я понимаю, что выбрал не самый подходящий момент для такого предложения, – негромко сказал Морозов, – но я очень люблю вас.

– Как вы смеете!.. – взорвалась Тоня, но Морозов уже поднялся и потянулся за пальто.

– Подумайте о моем предложении, – сказал он. – Посоветуйтесь с мужем. Независимо от того, согласитесь вы или откажетесь, ваш муж предстанет перед судом и будет приговорен. Единственный вопрос – о вас. И о вашем ребенке. Хотите ли вы родить? Хотите ли вы жить или умереть? Вам предстоит это решить. Во всяком случае, я не требую, чтобы вы любили меня.

Тоня медленно встала, ее била дрожь.

У дверей Морозов задержался. Его плечи слегка ссутулились, и он выглядел странно беззащитным и уязвимым.

– Вы меня не знаете, Антонина Александровна, но вы должны мне верить. Я знаю, что вы любите своего мужа, и мне очень не хотелось делать вам предложение в таких обстоятельствах. Вам сейчас очень нелегко, и вы не заслуживаете, чтобы вас унижали. Вы замечательная женщина, и мне стыдно, что приходится говорить с вами таким образом. Просто ваша судьба мне не безразлична, а другого выхода у вас нет.

* * *

Она пошла встречать Виктора к станции метро “Кировская”. После ухода Морозова ей стало казаться, что она сходит с ума. Милостивый боже, что же ей делать? Неужели нет никакой надежды? “Вашего мужа все равно что нет в живых”, – сказал Морозов, и ей стало невыносимо душно в пустой квартире. Она торопливо оделась и выбежала из дома. Несколько часов она бродила по улицам, не чувствуя холода, пока усталость и наступившая темнота не загнали ее в метро. “...Нет в живых”, – звенел в ушах голос майора.

Виктор вышел из метро в толпе беззаботно веселых школьниц с бантами в косах и в пионерских галстуках. Девочки промчались мимо, оживленно болтая между собой, и их радостный, беспечный смех разбудил в морозном воздухе звонкое эхо. Тоня вздрогнула. Виктор крепко прижал ее к себе и нервно огляделся. Ей стало понятно, что Морозов не лгал. Наверняка Виктор уже знал о произведенных арестах.

По дороге домой они обменялись лишь парой ничего не значащих фраз. Только очутившись в своей квартире, Тоня рассказала мужу о предложении Морозова.

– Это отвратительно, – закончила она. – Отвратительно и низко. Разве я рабыня, что меня можно продавать и покупать?

– Отвратительно или нет, но он прав, – едва слышным шепотом сказал Виктор.

Тоня взглянула на его лицо и увидела, что оно стало белым как полотно. Они сидели в кухне, и сквозь тонкую стенку было слышно, как пьяный сосед

орет на жену.

– То, что он сказал тебе об арестах, верно, – чуть громче продолжил Виктор. – Халкина взяли возле университета. Я сам их видел. Один из моих студентов сказал, что Фефера арестовали возле его дома.

Тоня посмотрела на него еще раз, отказываясь поверить, что Виктор может сказать такое.

– Ты хочешь, чтобы я согласилась на его предложение?

Виктор пожал плечами и, внезапно потянувшись к ней, крепко обнял ее.

– Как ты не понимаешь, что речь вдет о твоей жизни! Они же убьют тебя без колебаний! Они убьют нас всех.

– Но я люблю тебя! – воскликнула Тоня, пытаясь сдержать подступившие слезы. – Я люблю тебя, я не хочу без тебя жить!

Она спрятала лицо у него на плече.

– Я тоже тебя люблю, – прошептал он. – Ты моя жизнь. Просто у нас нет другого выхода, понимаешь?

Виктор гладил ее по волосам, и она чувствовала, как сильно дрожат его пальцы.

– Сделай это ради нашего ребенка, родная, – прошептал он. – Ради нашего малыша.

– Как ты можешь такое говорить? Как ты можешь смириться с мыслью, что Морозов будет целовать меня, раздевать, спать со мной?

Виктор взял ее лицо в свои ладони и заглянул ей в глаза. Он тоже плакал, и скатывающиеся слезы оставляли на его посеревшем лице мокрые блестящие дорожки.

– Ради нашего малыша, Тонечка... – повторил он.

Они не спали всю ночь, просто, не раздеваясь, легли на кровать. Неразрешенный и неразрешимый вопрос разделил их словно глухая каменная стена. Тоня смотрела на ползущие по потолку тени, и память уносила ее в Киев, где прошла ее юность, в тот день, когда она впервые увидела Виктора. Он вошел в аудиторию Высшей школы имени Кирова, улыбнулся студентам застенчивой, обезоруживающей улыбкой и представился:

– Я ваш новый преподаватель литературы.

Она помнила, как преобразался этот застенчивый изящный юноша, когда читал стихотворения Пушкина, Лермонтова, Маяковского и свои собственные.

Помнится, она влюбилась в этого романтического молодого человека с первого взгляда. Возвращаясь домой, она не в силах была думать ни о чем другом, кроме его черных глаз, гордо посаженной головы и тонких артистических рук.

Она припоминала их первые встречи, первые робкие прикосновения, их тайные свидания возле памятника Богдану Хмельницкому, его хриплый голос и прыгающие губы, когда он в первый раз шепнул ей:

– Я люблю тебя, Тонечка.

Их решение сбежать и пожениться все еще казалось ей ненастоящим, похожим на сон. Однако она хорошо помнила свой побег из дома, их свадьбу, долгую утомительную поездку на поезде в Москву и короткую совместную

жизнь. Она любила его так глубоко, так полно, и теперь он просит отказаться от него ради спасения ее жизни.

Тоня встала и подошла к окну. Над Москвой повисла звездная зимняя ночь, а заваленные снегом улицы казались в свете ночных фонарей умиротворенными и спокойными. Морозов казался ей теперь лишь плодом ее собственного воображения, персонажем из кошмарного сна, который исчезнет, когда придет утро и она проснется. Но тут она услышала, как за спиной беспокойно заворочался Виктор. Он не спал, он был слишком напуган, как и она сама. Именно в этот момент она приняла решение. Она сделает все, все что угодно, лишь бы спасти его. Если он умрет, она умрет тоже.

С этой мыслью она вернулась на кровать, схватила горячую ладонь мужа и прижала ее к своей щеке.

Незадолго до рассвета в дверь постучали, и Виктор пошел открывать. Вошли Морозов и два лейтенанта НКВД в форме.

– Гражданин Вульф, вы арестованы, – негромко сказал майор.

Виктор снял с вешалки пальто и шагнул за дверь, даже не обернувшись.

Морозов, проводив его взглядом, повернулся к Тоне.

– Мне очень жаль, – сказал он. Тоня, стиснув зубы, молчала. После непродолжительной паузы Морозов заговорил: – Вы подумали над моим предложением, Антонина Александровна?

Она встала с кровати и подошла к окну. На краю улицы, возле их подъезда, стояла большая черная машина. Из ее выхлопной трубы шел густой белый дым. Наконец Тоня решилась.

– У меня есть одно условие, – вымолвила она, не оборачиваясь. Чувствуя, как горло ее сдавливает внезапный спазм, она торопливо закончила: – Я сделаю все, если вы пообещаете, что Виктор останется в живых.

– Я не могу вам этого обещать, – холодно возразил Морозов. – Его будут судить.

– Мне все известно о ваших судах. – Тоня увидела, как лейтенанты заталкивают Виктора в машину. Случайный прохожий ускорил шаги и отвернулся. – Вы можете приговорить его к тюремному заключению, – продолжала она. – У вас есть связи. Если его приговорят к смерти, я хочу умереть вместе с ним.

Она услышала тяжелые шаги майора, потом он схватил ее за плечи и повернул лицом к себе. Черные глаза его пылали гневом, а сжатые губы вытянулись в тонкую прямую линию. Тоню затрясло.

– Если его не казнят, то отправят в трудовой лагерь, – сказал Морозов. – Вы этого хотите? Лагерь еще хуже смерти. Ваш муж слишком слаб физически, в лагере он не протянет и года.

– За год многое может случиться, – упрямо возразила Тоня.

– Но для него все равно ничего не изменится, – уверенно сказал Морозов и добавил: – Я не могу обещать. Он обвиняется в измене.

– Тогда вам придется арестовать меня вместе с ним.

– Не говорите глупостей, – резко перебил Морозов.

– Значит, вы имеете дело с глупой женщиной.

Майор отступил на шаг и закурил папиросу. Не отрывая взгляда от ее лица, он спросил:

– А если мне удастся спасти ему жизнь?

Тоня не ответила.

– Я подумаю, может быть, мне что-нибудь удастся, – пробормотал Морозов и вышел.

* * *

Суд начался первого июля и продолжался всего три дня. Кроме сотрудников и офицеров НКВД, в зал заседаний никого не допустили. Все это время Тоня провела в зале ожидания народного суда седьмого района, в котором собрались семьи остальных еврейских писателей. Все были испуганы и почти не разговаривали между собой, а жена Фефера предупредила Тоню, чтобы та помалкивала.

– Среди нас есть осведомители, – шепнула она, в отчаянии заламывая руки.

На третий день ближе к вечеру огласили приговор: восемь из десяти членов правления Комитета были признаны виновными в измене родине и приговорены к смертной казни. Их прошение о помиловании было отклонено, и в ближайшее время всех ждал расстрел. Уцелели лишь Виктор Вульф, приговоренный к пожизненному заключению в исправительно-трудовой колонии, и Тоня Вульф, которую даже не вызвали в суд. В документах следствия значилось, что она не была осведомлена о подрывной деятельности Комитета и поэтому не может быть обвинена в преступлении против государства. Семнадцать рядовых членов Комитета были строго предупреждены, однако никакого наказания им не последовало. Комитет был распущен, а его архивы переданы в НКВД.

Вскоре Тоня оформила развод и вернула себе свою девичью фамилию – Гордон. Через месяц после суда она родила сына, которого назвала Александром в честь своего отца. Ранней осенью 1949 года она вышла замуж за Бориса Морозова.

* * *

Звук тяжелых шагов в коридоре испугал ее, и она приподнялась на локтях. На лбу выступил холодный пот. Неужели это за ней? Однако шаги затихли вдали, и она закрыла глаза, с трудом переводя дыхание. Лица детей сменились в ее измученной памяти исхудалым, осунувшимся лицом Виктора. Именно таким она видела его в последний раз три года назад.

Это было знойным июльским вечером. Москва задыхалась от жары. Тоня прождала несколько часов на Ярославском вокзале, где политзаключенных грузили в эшелон, чтобы этапировать в Сибирь. Она с трудом узнала мужа, уныло бредущего в наручниках в самой середине группы осужденных. Его голова была гладко выбрита, и, лишенный своих густых черных волос, Виктор

выглядел поблекшим, постаревшим. Она окликнула Виктора, но он не услышал, и тогда Тоня вдруг поняла, что никогда больше его не увидит.

Она не могла даже написать ему. Морозов предупредил ее, что, если она будет поддерживать контакт со своим бывшим мужем, следователи НКВД устремятся за ней, как гончие по кровавому следу, и даже он не в силах будет защитить ее. Она услышала о Викторе только однажды от его старушки матери, которая жила в Ленинграде. В лагере Виктор заболел туберкулезом и в критическом состоянии находился в тюремном госпитале. Это было больше двух лет назад. Однажды она упомянула об этом при Морозове, надеясь, что он сумеет помочь, но он только покачал головой.

– Я же предупреждал тебя, – сказал он негромко. – Воркута – это настоящий ад. Никто не может выдержать там долго.

Но Тоня не сдавалась. Однажды она тайно попросила своего брата Валерия написать Виктору: друзья и родственники могли писать осужденному раз в три месяца. Однако письмо вскоре вернулось с лиловым штампом “Не числится” поперек адреса. Это означало, что осужденный умер. Бедный Виктор, по крайней мере для него страдания закончились.

С Морозовым они жили благополучно. Он был добр с ней и ласков с маленьким Сашей. Через десять месяцев после их свадьбы Тоня родила еще одного сына – Дмитрия. Ни один из сыновей во избежание каких-либо неприятностей в будущем не прошел обряд обрезания.

Морозов очень любил ее и ни в чем ей не отказывал. Они жили в доме на проспекте Калинина, и теперь ежедневно в ее распоряжении была служебная машина с шофером. Покупки она делала в специальных магазинах, предназначенных только для высокопоставленных деятелей партии и государства. Теперь в их доме не было недостатка в еде, к тому же она могла покупать такие наряды, о которых раньше не смела даже мечтать. Летом они отдыхали в санатории для высокопоставленных чинов НКВД в Сочи, и она впервые познала, что такое роскошная жизнь.

После того как Морозов получил звание полковника, им выделили шикарную шестикомнатную дачу около Бисерова озера. Это место находилось в двух часах езды от города, и с тех пор они проводили там все выходные дни и отпуска, и дети чувствовали себя там прекрасно. В конце концов Тоня оправилась настолько, что попыталась снова писать, однако стихи у нее выходили совсем другие – пропитанные горечью, разочарованием и гневом.

С Морозовым ей жилось хорошо, но она не любила его. Виктор был ее единственным любимым человеком, и она старалась хранить ему верность хотя бы в своих мыслях и чувствах. Ей приходилось делать над собой немалые усилия, чтобы скрыть от домашних свою боль. Когда они с Морозовым впервые легли в одну кровать, она осталась холодна и безответна, неподвижно лежа под его тяжелым телом. Почувствовав внутри его семя, она вырвалась из его объятий и побежала в ванную, где ее вырвало от отвращения. Она чувствовала себя проституткой, продажной женщиной.

Когда она вернулась в спальню, Морозова там не было. Остаток ночи он провел в соседней комнате. На следующую ночь он снова овладел ею, действуя

ласково и осторожно. Тоня сжимала кулаки и скрипела зубами, пытаясь сдержать себя, но непослушное тело инстинктивно откликнулось на любовь и ласки ее нового мужа. Она презирала себя за собственную слабость и предательство по отношению к Виктору. Однако она была одинока, молода и отчаянно нуждалась в нежности и любви. Морозов оказался единственным человеком, которому хотя бы на короткое время удавалось вырвать ее из состояния мучительного одиночества.

И все же она не могла забыть Виктора. Днем ей удавалось отвлечься, но, стоило ей лечь в постель и потушить свет в спальне, ее начинали терзать кошмары, а воспоминания о Викторе навязчиво проникали в ее сны. Бремя вины за то, что она жива, а Виктор мертв и гниет где-нибудь в Сибири в общей могиле, становилось все тяжелее. В тот момент, когда она узнала, что беременна, ей показалось, что она сойдет с ума. Ей казалось, что она совершила страшное предательство, позволив семени Морозова укрепиться в ее теле.

Виктор появлялся в ее снах каждую ночь; она слышала его ласковый голос, а черные глаза смотрели на нее с немым укором. Очень часто она просыпалась от собственного крика в сильных объятиях Морозова. Он никогда ни о чем не спрашивал и только молча смотрел на нее. Он обо всем догадывался.

И все же его сострадание не могло до конца рассеять ее одиночество. Виктор был не только ее мужем, но и близким другом; у них не было друг от друга секретов. Морозов был совершенно другим человеком – сдержанным, немногословным, скрытным. Он почти ничего не рассказывал ей о себе, порой умалчивая о самых банальных эпизодах собственной жизни. Если же он и выдавливал из себя незначительные подробности своей прежней жизни, то вид у него был такой, словно он выдает государственную тайну. Тоня считала, что, должно быть, это его служба, одним из принципов которой было неразглашение никакой информации без крайней необходимости, наложила на него свой отпечаток.

С большой неохотой Морозов рассказал ей, что он сын рабочего, что родился и вырос в Шепетовке на Украине. В Красную Армию он вступил перед войной и почти сразу попал в Военную академию имени Фрунзе. Да, конечно, он воевал... Где? Да везде – в России, в Польше, за границей...

Он женился очень рано, но его жена Марина погибла в годы войны. Да, у них были дети – две дочери, Наташа и Вера. Они тоже погибли.

В этом месте он внезапно замолчал, и его взгляд стал отрешенным, обращенным вовнутрь. В такие минуты откровенности он обычно тяжело вставал и шел к старому буфету в гостиной. Оттуда он доставал бутылку водки и пил в одиночестве, низко наклонившись над стаканом. На лбу его сразу появлялась глубокая морщина, которая обычно не бросалась в глаза.

В редкие минуты радости – например, когда Тоня объявила ему о своей беременности или когда Дмитрию исполнился годик, – он выбирался из своих оков сдержанности и самоконтроля и совершенно преображался. Тоня видела перед собой живого, непосредственного, отнюдь не подавленного человека. Голос его становился удивительно теплым, а когда он пел, в темных глазах его блестели золотые искорки. Несколько раз, когда из репродуктора доносилась

мелодия украинского “Казачка”, Морозов пускался вприсядку перед восторженными сыновьями, вскрикивая и подсвистывая, громко хохоча, то подбоченясь, то хлопая себя ладонями по башмакам. Его непокорные вьющиеся волосы спадали на лоб, а на губах мелькала озорная улыбка, и тогда он выглядел молодым и беззаботным. Но Морозов никогда не рассказывал Тоне о тех событиях, которые превратили молодого украинца с певучим голосом и заразительным смехом в того угрюмого, измученного человека, за которого она вышла замуж.

* * *

Тоня заметила, что Морозов в последнее время сильно изменился. Раньше он никогда не повышал голоса ни на нее, ни на детей, но теперь все чаще становился хмурым и озабоченным. По вечерам он подолгу в одиночестве сидел за столом, а початая бутылка с водкой стояла рядом. Часто он неожиданно входил в детскую и стоял возле кроваток, глядя на спящих малышей. Тоня ощущала его боль и тревогу и расспрашивала о причинах беспокойства, но Морозов отмалчивался.

Это продолжалось до той страшной ночи, две недели тому назад, когда он вдруг разбудил ее. Он выглядел совершенно раздавленным, и Тоня впервые услышала в его голосе отчаяние.

– Происходит нечто ужасное, – сказал ей Морозов, и она в тревоге вскочила с кровати, дрожа в своей тоненькой ночной рубашке, а Морозов замолчал, пытаясь собраться с мыслями. – Кремль объявил войну евреям. Мы тайно арестовывали вожаков по всему Советскому Союзу. Это личный приказ товарища Сталина. Евреи превратились у него в навязчивую идею!

Тоня шагнула к нему, негнущимися пальцами пытаясь завязать пояс халатика. Морозов никогда раньше не говорил так, особенно о Сталине, которого боготворил.

Морозов дышал часто и неглубоко, выпаливая предложения короткими очередями.

– Сталин уже не тот, – говорил он. – Он убежден, что против него существует еврейский заговор. Международный заговор, который состряпан в Вашингтоне и управляется оттуда американскими евреями.

Тоня была потрясена.

– Это безумие, – пробормотала она.

– Вчера ночью мы получили личный приказ Сталина арестовать девятерых врачей в Москве и Ленинграде. Все, кроме одного, евреи. Сталин обвинил их в том, что они планировали покушение на его жизнь и на жизнь нескольких руководителей партии. Берия даже нашел свидетеля.

– Свидетеля? Я в это не верю.

Морозов медленно кивнул головой.

– Врач Лидия Тимашук – бывший агент НКВД, работала в кремлевской больнице. Она утверждает, что имеет доказательства, подтверждающие существование заговора. Якобы она слышала, как врачи планировали убийства.

К тому же она читала медицинские карты высокопоставленных пациентов и может доказать, что их намеренно неправильно лечили, чтобы вызвать летальный исход. Она будет свидетельствовать против евреев.

Морозов помолчал и тронул ее за плечо.

– Среди них твой брат.

– Валерий? – Тоня задрожала. Валерий Гордон был ведущим специалистом-гематологом. – Валерий хотел убить Сталина?

Морозов еще раз кивнул.

– Валерий, профессор Каплан, профессор Родой, доктор Козловская...

– Это безумие, – повторила Тоня, чувствуя, как прыгает в груди сердце. – Никто не поверит в эту чушь. Неужели Сталин верит в это?

– Сталин требует расстрелять их, – резко ответил Морозов. – Он уверен, что они уже отравили Жданова и Щербакова.

Это обвинение было настолько чудовищным, что Тоня некоторое время не могла найти нужных слов.

– Но они же... они давно умерли, – запинаясь, пробормотала она. Ей было известно, что оба партийных деятеля умерли естественной смертью.

– Сталин утверждает, что еврейские врачи-вредители убили их обоих по приказу из Вашингтона. Он также уверен... – Морозов на мгновение заколебался, но продолжал: – ...уверен, что связующим звеном между еврейскими врачами и их заокеанскими руководителями был Соломон Михоэлс.

– Боже мой! – прошептала Тоня.

– Еврейских врачей будут судить и расстреляют в течение нескольких недель. – Морозов отвернулся. – Есть более страшные новости. Сталин отдал приказ об аресте всех оставшихся в живых членов Антифашистского комитета. Всех членов совета.

Тоня внезапно поняла и с ужасом подняла на него глаза. Морозов кивнул. Его лицо было мертвенно-бледным.

– И тебя в том числе. За тобой приедут сегодняшней или завтрашней ночью. Я ничем не могу помочь. Берия забрал у меня дела и передал их в Первое управление.

Тоня знала, что Первое управление НКВД отвечало за разведку и операции за границей. Контрразведкой на территории СССР занималось Второе Главное управление, в котором Морозов был заместителем начальника.

– Я пытался приостановить это, но меня даже не стали слушать, – закончил Морозов. – На этот раз я бессилен.

– Боже мой! – снова прошептала Тоня. – А дети? Что будет с детьми?

Морозов посмотрел на нее и содрогнулся как от удара. Из его груди вырвался нечленораздельный, пронзительный вопль, и отчаянные, хриплые рыдания сотрясли его крупное тело. Повернувшись к ней спиной, он уткнулся лицом в стену, не переставая плакать. Тоня видела перед собой сломленного, раздавленного человека.

Четыре офицера НКВД пришли за ней в воскресенье. Морозов неподвижно стоял в гостиной и молча смотрел, как ее уводят. Тоня понимала, что это и его конец. Сначала его уволят со службы, потом арестуют и, вероятно, расстреляют.

Ее привезли на Лубянку и поместили в эту камеру Предполагалось, что она должна быть изолирована от других заключенных, однако один из охранников сообщил ей, что другие арестованные еврейские писатели тоже находятся в этом блоке. Ее брат и врачи были в другой тюрьме.

Ее даже не стали судить, и она была благодарна за это. Она боялась, что ей придется пройти через все те издевательства, которые выпали Виктору. Тоня была готова к смерти. Она свыклась с этой мыслью давно, когда у нее отняли Виктора. Но дети, милостивый Боже, кто же позаботится о детях? Они были такими маленькими! Она одинаково любила обоих, но больше беспокоилась за своего первенца Сашу. Борис спасет своего сына Дмитрия, может быть, отошлет его к своей матери, но Саша, трехлетний еврейский мальчик, окажется никому не нужным сиротой! Что же она может сделать?

Она встала с койки и подошла к ближайшей стене. Борис как-то рассказывал ей о героине французского Сопротивления Сюзанне Спаак, которая сделала на стенах своей камеры во Фреснесской тюрьме больше трехсот надписей, адресованных мужу. После ее смерти Клод Спаак отыскал и прочел эти записи.

Она надеялась, что Морозов вспомнит эту историю и попросит разрешения осмотреть ее камеру.

Сняв с цепочки звезду Давида, она нацарапала на стене ее острым концом свое последнее послание семье.

“Борис, – писала она, – спаси детей. Нина может помочь с Сашей. Люблю, люблю всех вас...”

Но, прежде чем она успела написать свое имя, в коридоре загрели шаги конвойных. Дверь ее камеры тонко взвизгнула и открылась.

* * *

Незадолго до рассвета ее вывели в восточный двор здания на Лубянке. Снежная буря затихла, и двор был укрыт чистым белым снегом. Надзиратели и конвойные выстроили их у дальней стены, так что они видели перед собой только грубые, неправильной формы кирпичи. Оборачиваться назад не разрешалось. Вся стена была словно оспинами изрыта маленькими ямками. Тоня поняла, что видит следы пуль, которые, выполнив свое кровавое дело, рикошетировали от камней.

Она вздрогнула словно в ознобе. Справа послышалось негромкое сдавленное рыдание, и она немного повернула голову. Рядом с ней стоял Боденкин, поддерживая руками мешковатые спадающие штаны, в расстегнутой куртке. По его заросшему щетиной лицу текли слезы. Тоне он показался таким беспомощным, таким уязвимым, что у нее от жалости защемило сердце. Она

помнила его зажигательные стихи, его величественную и трогательную “Оду Неизвестному солдату”. Теперь от того огня, который зажегся в его глазах при чтении своих словно наэлектризованных, заряженных могучей энергией стихов, от звенящего, дерзкого голоса, который эхом гулял под сводами актового зала в общежитии университета, ничего не осталось.

Рядом с Боденкиным она разглядела еще одну знакомую сгорбленную фигуру. Лауфер. За ним – Белкинд, Сигал и Рыбицкий. Утонченный Бронштейн, сухопарый Гальперин и Плотников, измученный раком философ. Они все были тут – лучшие еврейские писатели и поэты Советского Союза, которым было суждено умереть от руки диктатора-параноика по ложному обвинению в измене.

Может быть, на этом самом месте палачи НКВД расстреляли Фефера, Халкина, Славина и других членов правления Комитета после комедии правосудия, разыгранной четыре года назад. Станет ли когда-нибудь известна правда о них? Будет ли их кто-нибудь помнить?

Тоня стояла по щиколотку в снегу, но холода не чувствовала. Она старалась не думать о том, что должно сейчас произойти. Слева от нее зазвучали слова молитвы – это Горовиц начал молиться, раскачиваясь вперед и назад.

– Шема Исраил... – громко произнес он нараспев, – Адонай Илохейну...

Остальные голоса подхватили молитву, сначала неуверенно, затем слаженно и с силой.

Тоня не умела молиться, она никогда не была в синагоге. Однако теперь она присоединилась к громкому хору голосов, стараясь повторить непослушными губами непонятные слова на чужом языке.

– Шема Исраил... – шептала она, впервые в своей жизни обращаясь к древнему иудейскому богу – Боже, смилуйся над моими детьми, молю тебя, помоги им, ведь они такие маленькие, такие слабые... Защити их, Боже, ведь в их жилах течет моя кровь, а Саша – сын Виктора...

Слева от нее грохнул выстрел, и она услышала глухой звук упавшего на снег тела. Сердце бешено скакнуло в груди. Расправа началась.

Глава 2

Полковник Борис Морозов смотрел в зарешеченное окно кабинета, расположенного на третьем этаже, откуда был виден дворик внутренней тюрьмы на Лубянке. Взгляд его был прикован к изящной женщине, стоявшей к нему спиной. По плечам ее рассыпались длинные золотистые волосы. Он ждал около этого окна с полуночи и видел, как Тоню вместе с другими заключенными вывели из тюремных ворот. Через несколько минут она будет мертва.

Он поежился словно от холода. Господи, как же он любил ее! Она была второй женщиной в его жизни, которую он любил, но и ее ему тоже было суждено потерять.

Он женился на Марине, своей первой жене, за два с половиной года до

войны. Тогда он был младшим офицером Народного комиссариата внутренних дел и перед ним открывались самые широкие перспективы. Он был искренне предан делу большевиков, обожал Сталина и хотел посвятить всю свою жизнь защите своей страны и торжеству коммунизма. Всем, что он имел – домиком у железнодорожной станции, своим образованием, полученным в шепетовской школе, учебой в военной академии, – он был обязан партии.

На самом деле всем, что у него было, он был обязан своему отцу – рослому и сильному человеку, железнодорожнику по профессии, настоящему революционеру, который погиб в 1917 году во время штурма Царицына. Царицын теперь назывался Сталинградом, а погибший отец Бориса считался героем революции. В качестве семьи погибшего за рабочее дело героя Борис и его мать Варвара пользовались особыми льготами: мать получала пенсию за мужа, сын бесплатно посещал ясли и детский сад, да еще им выделили этот ветхий дощатый домишко около депо, экспроприированный у какого-то поляка-торговца, сбежавшего за границу, благо она проходила всего в двух десятках километров от городка. Шепетовка была приграничным городом со смешанным польско-украинским населением. Во время гражданской войны и последовавшего за ней конфликта с Польшей городок несколько раз переходил из рук в руки, и у многих семей по ту сторону границы остались родственники.

Борис знал Марину Арбатову с самого детства. Это была гибкая и тонкая, озорная девчонка с прелестными ямочками на щеках. Ее мать была полька, и после войны с Польшей в 1920 году ее братья, родные дядья Марины, остались на той стороне. Один из них, Хенрик Лещинский, даже вступил в польскую армию.

Борису Марина казалась прекраснейшей девушкой в мире. И он был несказанно счастлив, когда вскоре после его назначения в штаб пограничной охраны НКВД она согласилась стать его женой. Пышные свадебные торжества с обильным угощением продолжались три дня, а гости съехались чуть не со всей Украины. Благодаря своим связям Борис устроил специальный пропуск для ее польского дяди Хенрика, который служил в это время в пограничном отряде польской армии. Хенрик приехал к ним в простой крестьянской одежде, и никто из гостей не догадался, что среди них находится польский офицер.

После свадьбы они поселились вместе с матерью Бориса в домике у железнодорожной станции. Его стройная голубоглазая Марина с серебристым смехом и толстыми золотистыми косами подарила ему двух дочерей. В день, когда родилась младшая дочь Вера, Гитлер напал на Польшу и началась вторая мировая война.

Однажды ночью, недели две спустя, их разбудил тяжелый рокот двигателей. Из окон они видели неуклюжие танки Т-35, на полной скорости движущиеся по немощеным улочкам Шепетовки по направлению к польской границе. Красная Армия вторглась в Польшу. Много позднее Борис узнал о существовании секретного пакта между СССР и нацистской Германией о разделе Польши между двумя этими державами. Но тогда он не понимал, в чем дело. Украинское радио, ведущее свои передачи из Киева, объявило во всеуслышание, что происходит воссоединение с Советским Союзом исконных

украинских и белорусских земель.

Дикторы радио ежедневно предупреждали граждан об опасности иностранной агрессии против СССР. В день, когда выпал первый зимний снег, Морозов прибыл в рай-отдел НКВД в городке и был немедленно направлен в Москву. Там он вступил в 121-й батальон НКВД, состоявший исключительно из офицеров и насчитывавший до семисот человек. Батальон располагался в старых казармах Императорского драгунского полка в Петровском парке в Москве. Их лагерь бдительно охранялся, и само существование батальона было окутано завесой глубочайшей секретности. И снова Борис был доволен судьбой, оказавшись в элитной части НКВД.

Стремление подняться как можно выше по служебной лестнице постоянно подхлестывало его. В НКВД платили гораздо лучше, чем в частях регулярной армии, а заслужившие доверие Кремля офицеры стремительно выдвигались на руководящие должности и могли занять завидное положение не только в партии, но даже попасть в святая святых режима – в Политбюро. К тому же Морозову всегда нравилась секретная и важная работа в разведке, а НКВД, формально являвшийся просто одним из министерств, занимающихся внутренними делами, на деле был самой мощной и влиятельной организацией в стране. Народный комиссариат внутренних дел поглотил прежние секретные службы России – революционную Чрезвычайную комиссию и кровавое ГПУ НКВД не только выслеживал врагов внутри страны, но и проводил секретные операции за рубежом. Руководил этой организацией Лаврентий Берия – доверенное лицо самого Сталина.

Берия был страшным человеком. Его имя никогда не произносилось вслух, только шепотом. Его боялись все, даже члены Политбюро. Он держал под своим контролем не только тайную полицию, но и милицию, и часть армии, особенно ее особые отделы, а также руководил тюрьмами и лагерями. Говорили, что Берия – бесстрашный и безжалостный человек, который за Сталина, не колеблясь, убьет любого своими руками. Морозову удалось однажды увидеть его совсем близко, когда Берия приезжал с инспекцией в их батальон. Это был невысокий лысеющий человек в форме комбрига, с болезненно-желтым лицом, с тонкими бескровными губами и пенсне в металлической оправе.

В августе 1941 года 121-й батальон был переброшен в Белоруссию. Офицерам приказали сдать награды, спороть с гимнастерок нашивки и знаки различия. Потом они получили новенькие револьверы и автоматы, а возле казарм стояли грузовики, нагруженные тяжелыми цинковыми коробками с боеприпасами. Борис и его товарищи не скрывали своей радости – наконец-то им предстояло серьезное секретное задание.

На дорогу ушло почти четыре дня. После того как они миновали последнюю заставу на шоссе, грузовики запрыгали по неровной грунтовой дороге и наконец остановились. Они прибыли на место. Лишь только смолкли моторы, Морозов нетерпеливо отодвинул парусиновый полог, которым был затянута кузов грузовика, и огляделся по сторонам, одновременно пытаясь хоть немного размяться. После долгого путешествия в неудобном кузове все тело

болело и ныло.

Грузовики стояли на просторной поляне в лесу. В тени было натянуто несколько палаток, а около походной кухни возились двое красноармейцев, готовивших традиционную солдатскую кашу.

Зачарованный красотой леса, пробуждающегося ото сна с первыми лучами солнца, Борис выпрыгнул из кузова. В густой листве щебетали ранние пташки.

Он закурил и, вдыхая смолистый горьковатый дым, спросил у одного из красноармейцев, расположившихся на поваленном дереве:

– Как называется это место?

– Катынь, товарищ командир, – отвечал ему молодой парень. – Катынский лес.

* * *

Все утро они были заняты тем, что разбивали собственный лагерь и натягивали палатки. После полудня их построили в середине поляны. Всем остальным – красноармейцам, шоферам, поварам – было приказано немедленно покинуть район. Командир батальона полковник Григорьев вышел к своим людям. Это был жилистый, худой человек с рябым от оспы ястребиным лицом. Сопровождал его какой-то гражданский тип в кожаном пиджаке с мертвенно-бледным лицом.

– Мы здесь для того, чтобы выполнить задание родины, – коротко сообщил комбат. – Это не очень приятная работа, но необходимо ее выполнить. Через некоторое время сюда доставят польских офицеров, взятых в плен во время наших последних операций в этой стране. Они сражались против нашей страны и являются опасными врагами советской власти. Начиная с 1920 года поляки при поддержке вступивших в заговор против нас империалистов пытаются задушить нашу социалистическую революцию. Мы здесь затем, чтобы эти офицеры никогда больше не повели своих солдат против Советского Союза.

Борис и стоявший рядом офицер – молодой армянин – обменялись растерянными взглядами. Что хотел этим сказать Григорьев? А их комбат продолжал все тем же сухим, невыразительным голосом:

– Каждому взводу предстоит выполнить свою задачу. Взводные командиры подробно разъяснят вам, что и как делать. Разойдись!

– Что все это значит? – спросил Морозов у армянина.

– Ты что, не понял? – ухмыляясь, вступил в разговор еще один офицер. – Мы должны перестрелять сволочей.

“Конечно! – подумал Борис. – Правильно! Пора решительно разделаться с этими польскими мерзавцами”. Будучи жителем Украины, он прекрасно знал, насколько коварны поляки. Он припомнил годы революции, когда они с распростертыми объятиями принимали на своей территории любых врагов большевистского режима, которым только удавалось пересечь границу. Они предоставили белым возможность использовать свою страну в качестве плацдарма для нападений на Украину. По окончании гражданской войны, когда Россия не успела еще оправиться от разрухи, поляки нанесли ей коварный удар,

начав войну против молодого государства. Для него, украинца, свести счета с поляками будет высокой честью, словно он действует от имени своей нации.

Ближе к вечеру начали прибывать первые крытые грузовики с польскими военнопленными в сопровождении красноармейцев. Поляки были одеты в грязную полевую форму, в которой они были захвачены. Операция проходила с высокой эффективностью. Катинский лес был разбит на участки, и каждому взводу НКВД досталось по несколько таких делянок. Как только грузовик останавливался на поляне, пленники поступали в распоряжение офицеров НКВД. Они связывали полякам руки за спиной и гнали их на одну из делянок. Затем стрелки выстраивались за спинами приговоренных, держа оружие наготове и ожидая назначенного времени.

Через каждый час в начале следующего они должны были расстреливать пленных из автоматического оружия, а затем приканчивать их из револьверов. В эти минуты от автоматных очередей и pistolетных выстрелов на деревьях дрожал каждый листок, словно в лесу шел нешуточный бой. Строгий приказ запрещал стрельбу в иное время, кроме указанных промежутков, чтобы предотвратить попытку восстания среди остальных пленников, которые пока не догадывались об ожидающей их судьбе. Им только сообщили, что их перевозят в другой лагерь. Тела расстрелянных оставляли там, где их настигли пули. Похоронами должны были заниматься другие подразделения. Закончив работу, взвод возвращался на поляну и встречал следующий грузовик.

Операция непрерывно продолжалась трое суток. Морозов старался изо всех сил. В самый первый раз он немного колебался – всего какую-то долю секунды, потому что ему не приходилось прежде стрелять в живого человека. Однако он быстро справился с собой и пристрелил своего первого поляка – молодого парня с растрепанными пшеничными волосами. Лица его Морозов видеть не мог, но плечи паренька слегка вздрагивали: он догадался, что сейчас умрет. Борис же очень надеялся, что никто не заметил его секундного колебания. Потом ему было гораздо легче.

На протяжении трех этих дней он действовал совершенно автоматически, словно заведенный: конвоировал пленных от грузовиков к очередной поляне, перезаряжал оружие и стрелял, стрелял без конца. Он знал только одно – он поступает правильно. Еще в училище НКВД до него дошли слухи о массовых казнях врагов революции, и не только иностранцев, но и русских. Это было неизбежным злом; красный террор был ответной реакцией, революция защищалась. Еще Ленин указывал, что классовый враг должен быть уничтожен без всякой пощады.

И все же ему было немного не по себе. Он никак не ожидал, что польских офицеров окажется так много. Счет шел уже на тысячи. Большинство пленных были очень молоды; почти мальчишки, они были совсем непохожи на врагов революции. Однако Борис держал свои мысли при себе. Один из офицеров третьей роты, осмелившийся оспорить приказ, попал под трибунал и был расстрелян перед строем лично комбатом Григорьевым.

На второй день они получили новый приказ. Следы расправы стало уже невозможно скрывать от прибывающих партий польских офицеров: мертвые

тела валялись по всему лесу. Теперь пленных под дулом автомата гнали на ближайший участок и там торопливо расстреливали.

Утром третьего дня, когда весь лес дрожал от выстрелов и отчаянных криков, рядом с Морозовым вырос поджарый смуглолицый офицер.

– Это ты Морозов?

Борис кивнул.

– Пошли со мной, там тебя кто-то спрашивает.

Они бегом пересекли лес, петляя между грудями наваленных как попало тел. Мощные бульдозеры копали могилы и сгребали трупы в яму. Бойцы из вспомогательного подразделения обрабатывали ямы негашеной известью: стояло лето, и мертвых необходимо было похоронить как можно скорее, чтобы избежать вспышки инфекции.

– Ну вот и пришли, – сказал офицер, слегка задыхаясь от быстрого бега. И он, и Борис вспотели.

На небольшой полянке распростерлось в траве около двух десятков недавно расстрелянных поляков. Один из пленных, судя по нашивкам – майор, сидел на корточках под деревом под присмотром двух чекистов.

– Вот он, – сказал сопровождающий.

Один из русских, огромный и тучный, повернулся к Борису. К его нижней губе прилипла папироса.

– Это ты Морозов? А у нас для тебя сюрприз. Этот человек все время выкрикивал твое имя, вот мы и решили оставить его для тебя.

– Мое имя? – Морозов ответил изумленным взглядом. – Как он узнал...

– А он и не узнавал, – пояснил толстый. – Он все кричал: “Морозов, Морозов, Борис Морозов! Знает кто-нибудь Морозова?” Вынь да положи ему Морозова. Вот Сашка сказал, что знает одного Морозова в седьмом взводе, – он кивнул на своего товарища, – вот мы и решили послать за тобой. Знаешь этого типа?

Он приблизился к поляку и сильно пнул его ногой, заставляя повернуться. Пленник поднял голову. Его щеки заросли щетиной, от угла глаза до подбородка спускался толстый багровый рубец, а губы были разбиты. В его глазах застыл ужас, но при виде Морозова они вдруг вспыхнули радостью.

– Борис! – простонал он по-русски. – Борька! Слава богу, это ты...

Морозов застыл как громом пораженный. Это был Хенрик Лещинский, дядя его жены.

– Борька, милый, скажи им, кто я такой! – Хенрик попытался подняться, но толстый чекист снова ударил его, и он упал навзничь. Из рта его сочилась кровь.

– Итак, кто он такой? – спросил толстяк уже у Морозова, подозрительно нахмурившись.

Борис уставился на родственника, не в силах выдавить из себя ни слова. Он вспомнил его теплые дружеские объятия во время их с Мариной свадьбы, вспомнил прекрасную вазу из тонкого дрезденского фарфора, привезенную им в подарок. Они вместе пили часами за столом, вместе плясали гопака, положив руки на плечи друг другу. Словно наяву перед его глазами предстала и Марина

в белом платье и в венке из лент и цветов. Марина хлопала в ладоши и смеялась.

– Помоги мне, Борька, – взмолился Хенрик дрожащим голосом. – Ради Марийки. Пожалуйста, Бог тебя благословит!

В мозгу Бориса мчались, обгоняя одна другую, бессвязные мысли. Хенрик был дядей Марины, его родственником, он не мог быть врагом Советского Союза! Но он видел все, что творилось здесь, в Катыни. Он должен умереть. Теперь его никто уже не мог спасти.

“А что же будет со мной? – подумал Борис. – Что будет с Мариной и детьми?” Если станет известно, что среди его родственников есть офицер польской армии, он очень быстро окажется в лагере. Может быть, его даже пристрелят из соображений безопасности. И Марину, его Марину тоже отправят так далеко, что он никогда больше ее не увидит. Он прекрасно знал, как все это делается.

При мысли об этом он почувствовал прилив ненависти к этому чертову поляку, который своим неожиданным появлением поставил под удар его карьеру, семью и саму его жизнь.

“Проклятый сукин сын, – пробормотал он про себя. – Сам виноват, тебе не нужно было вообще вступать в польскую армию”.

И он потянулся за своим пистолетом.

– Так кем он тебе приходится? – снова повторил толстый офицер, подозрительно сверля Морозова крошечными свинными глазками.

Хенрик понял, что сейчас произойдет.

– Ради Христа, Борис, не делай этого! – Он молитвенно сложил на груди руки, и слезы потекли по его избитому лицу. – Бог не простит тебя, Борька, умоляю тебя...

Морозов нацелил пистолет в искажившееся лицо Хенрика и нажал на спусковой крючок.

* * *

В тот же день поздно ночью они закончили свою страшную работу. В лагере их ожидала колонна грузовиков. Прежде чем погрузиться в машины, они по очереди подходили к длинному столу в центре поляны и в мигающем свете керосиновой лампы давали подписку о неразглашении секретных сведений. По мнению товарищей Бориса, ими было расстреляно от двенадцати до пятнадцати тысяч поляков.

Когда колонна машин выезжала с поляны, бульдозеры еще работали, сталкивая тела в ямы и слой за слоем засыпая их плодородной белорусской землей.

В темном кузове грузовика царило оживление. Друзья Морозова шутили, стараясь стряхнуть с себя страшное напряжение, накопившееся внутри у каждого за последние дни. Борис не принимал участия в общем веселье. Отчаянные мольбы Хенрика все еще звучали в ушах, а исполненные страдания глаза виделись как наяву, стоило только смежить веки. “Бог никогда не простит

тебя...” Припоминая последние слова Хенрика, Борис вздрагивал. Хотя его старушка мать верила в Бога, сам он, конечно же, был атеистом. И все же он никак не мог справиться с собой и избавиться от угрызений совести. Он убил дядю жены, человека, который не причинил ему никакого зла. А все остальные, кого он расстреливал, – неужели все они были врагами? Что такого сделали эти вчерашние мальчишки? И Морозов вдруг подумал, что если Бог есть на свете, то божья кара за эти преступления рано или поздно настигнет его.

Эта сводящая с ума мысль преследовала его на протяжении нескольких долгих и трудных лет, пока шла война. Он не знал покоя, ни когда служил в Латвии, где НКВД организовывал широкую сеть резидентуры; ни когда уже во время войны с Германией оказался прикомандирован к армии Конева в качестве специалиста по контрразведке; ни когда после разгрома советских войск под Вязьмой возглавил разведку автономного партизанского соединения под Смоленском; ни даже тогда, когда весной 1944 года вместе освобождал от фашистов развалины родной Шепетовки.

Украина была оккупирована германскими войсками уже летом 1941 года, и Морозов не видел свою семью целых пять лет. Лишь только ему представилась такая возможность, он сел на штабной джип американского производства и поехал к своим. Город лежал в руинах, большинство домов было уничтожено пожарами или прямыми попаданиями снарядов. Мрачные предчувствия терзали его. Станция и депо, конечно, превратились в развалины, а ближайшие дома были разрушены до основания, однако их ветхий домик чудом уцелел. Он подбежал к нему, но остановился на крыльце, встревоженный тишиной. Дом, в котором живут дети, не мог быть таким безмолвным.

– Боря! Боренька, это ты?

На крыльце появилась его мать. Она постарела, согнулась и была одета в какое-то грязное тряпье, но она была жива! Однако одного лишь взгляда на ее лицо оказалось достаточно, чтобы Борис понял: сбылись его самые страшные предположения.

Той же ночью мать рассказала Борису, что Марину повесили через несколько недель после того, как немцы заняли Шепетовку. Нашелся предатель, который донес в комендатуру, что ее муж был офицером НКВД. Его маленьких дочерей застрелили. Вытирая катящиеся по лицу слезы, Варвара Морозова сообщила сыну, что не осталось даже могилки, на которую он мог бы отнести цветы. Всех гражданских, казненных фашистами, зарыли в общих могилах за городом.

Борис в ужасе слушал ее страшный рассказ. Все услышанное той ночью лишь подтверждало то, что он подсознательно чувствовал все это время. Он и не надеялся застать свою семью целой и невредимой. О том, что произошло в Катюни, он рассказать матери не мог – это были секретные сведения, однако в глубине души он понимал, что гибель жены и дочерей стала карой ему за смерть Хенрика Лещинского. От этого ощущения Борис не мог отделаться, несмотря на весь свой атеизм. И еще он чувствовал, что воспоминания об этом преступлении будут преследовать его всю оставшуюся жизнь.

Ему понадобилось всего три недели, чтобы найти человека, выдавшего

Марину немцам. Им оказался Геннадий Архипенко, один из украинских националистов, которые надеялись с помощью немцев создать независимое украинское государство. Морозов отыскал его прячущимся в хлеву неподалеку от деревни Полянка. Свои счета с Архипенко он свел при помощи длинного штыка, снятого с убитого немецкого солдата.

Вскоре Морозов покинул Шепетовку, решив никогда больше сюда не возвращаться. Он надеялся полностью стереть в памяти эту главу своей жизни. Очутившись в штабе армии он подал рапорте просьбой о переводе в “Смерш” – секретное подразделение армейской контрразведки, которое было создано генералом Абакумовым: Название этого подразделения было образовано в результате сокращения слов “Смерть шпионам”, и его сотрудники занимались тем, что выслеживали вражеских разведчиков, предателей и тех, кто сотрудничал с оккупационными властями во время войны. Всех их безжалостно ликвидировали.

Борис, получивший к этому времени звание капитана, с фанатическим самоотречением погрузился в работу. Его отдел, продвигаясь вместе с войсками сначала по территории СССР, потом по территории Польши и, наконец, Германии, выискивал и обезвреживал предателей Родины, польских фашистов, скрывающихся от возмездия офицеров СС. С особым рвением Борис выслеживал украинцев, стремясь отомстить за смерть Марины всем тем, кто пособничал врагу на оккупированных территориях. Память о погибшей жене стала для него святыней: он ни разу не прикоснулся ни к одной женщине.

После окончания войны Морозов некоторое время работал в Берлине, выслеживая семьи украинских националистов, переправленных гитлеровцами на Запад, и распределяя их жен и детей по лагерям в Сибири. По возвращении в Россию он получил звание майора и продолжил свою борьбу против украинских контрреволюционеров и националистов.

После краткого курса английского языка его направили в Западную Европу для работы против украинских политэмигрантов, вынашивавших планы создания на родине подрывной националистической организации. Он лично задержал двух лидеров украинского националистического движения, направлявшихся в США для создания там координационного центра на деньги ЦРУ. Борис сел вместе с ними на поезд Париж – Гавр и пристрелил обоих прямо в купе.

Следующим его заданием была подготовка надежных маршрутов внедрения и системы связи для советских агентов, выслеживающих на Западе украинских беженцев. В 1948 году он всю жизнь действовал в Нью-Йорке, официально числясь шофером советского консула. Вскоре, однако, он вынужден был завершить и эту главу своей карьеры, так как его разоблачил Юрий Соснов – один из первых сотрудников НКВД, бежавших на Запад. Морозову с трудом удалось бежать в Мексику.

После возвращения в Москву его вызвали в штаб-квартиру НКВД на Лубянку к генералу Ткаченко. Сам Ткаченко, старый чекист с обвислыми усами и впалой грудью, руководил Вторым Главным управлением НКВД.

– Мы создаем отдел по еврейским делам, – сказал генерал и так

закашлялся, что все его высохшее тело затряслось от страшного приступа. – Товарищ Берия ожидает неприятностей с этой стороны, – продолжил генерал, не уточнив, однако, что это за неприятности. – Мы хотим, чтобы вы возглавили этот отдел.

Морозов воспринял новое назначение без всякого энтузиазма. Евреи были ему ничуть не интересны, к тому же в прошлом он никак не сталкивался с ними. Только в далеком детстве, в Шепетовке, они с пацанами стайками носились по улочкам, на которых жили эти самые евреи. Бывало, что они били камнями стекла в окнах еврейских домов или дразнили на улицах бородатых мужчин в смешных шапочках. Иногда они таскали за пейсы еврейских детишек, которые с плачем разбегались, крича что-то на непонятном языке. Но дальше этого его знакомство с евреями не заходило.

Одним из первых заданий его отдела стало расследование деятельности Антифашистского комитета. Инструкции и пухлое досье поступили непосредственно из канцелярии Берии. На самом деле никакого расследования и не требовалось, так как все свидетельства и улики уже были тщательно подобраны. И все же Морозову пришлось занять своих людей этой работой. Сам он, будучи оперативным работником, лично руководил расследованием.

Однажды вечером на одном из открытых заседаний Комитета ему показалось, что он увидел призрак, призрак своей Марины. Это была молодая женщина с такими же золотистыми волосами, с такой же озорной улыбкой и такой же гибкой изящной фигурой. Вот уже несколько лет, как Морозову казалось, что какая-то часть его души умерла и он никогда уже не почувствует влечения к женщине, но в ту ночь он так и не мог уснуть. Старые раны снова открылись, забытая боль пронзила его словно ножом, но впервые за это время он обнаружил в своей душе слабый огонек надежды.

Женщина, которая так поразила его, была еврейской поэтессой, и звали ее Тоня Гордон-Вульф.

На следующий день Морозов послал своего помощника в книжный магазин за книгами Тони Гордон. Потом он допоздна сидел в своем кабинете и читал, склонившись над маленькими книжками. Стихи ему понравились, но чтение их превратилось для него в пытку, потому что со страниц вставало перед ним лицо Марины. Ее голос, декламирующий эти стихи, эхом звучал у него в ушах.

Когда он читал стихотворение, посвященное героям Великой Отечественной войны, голос Марины был исполнен торжественности; когда он наткнулся на любовную лирику, тот же голос страстно нашептывал ему мелодичные строки; если ему попадались веселые детские сказки, Борису казалось, что голосу матери вторит беззаботный смех его маленьких дочерей.

В последующие дни он разыскивал и с жадностью поглощал все написанное рукой Тони Гордон. Он послал фотографа со скрытой камерой к ее дому и заставил прождать его на улице несколько часов, пока тому не удалось сделать несколько снимков. Когда из лаборатории принесли ему пачку глянцевых фотографий, он подолгу рассматривал каждую, впитывая малейшие черточки ставшего родным лица. Большую часть фотографий он положил в

правый верхний ящик своего рабочего стола, но четыре из них постоянно лежали на столешнице перед ним. На одном из снимков – самом его любимом – Тоня улыбалась кому-то, поправляя рукой длинные волосы, которые шаловливый ветер бросал ей в лицо. Для него это была Марина, которая снова улыбалась ему и отводила от лица свои длинные золотистые волосы.

Из архива управления он запросил ее досье и вскоре знал о ней почти все. Он узнал о ее киевском детстве, об отъезде сестры сначала в Палестину, а потом в Америку, узнал о том, что ее брат изучал медицину и теперь работает в Васильевском госпитале в Ленинграде. Узнал он и о ее побеге из дома с Виктором Вульфом, и об их переезде в Москву, который, по всей вероятности, спас им жизнь. Через два месяца после их отъезда Киев был захвачен фашистами, которые с невиданной жестокостью уничтожали все еврейское население.

Наконец он понял, что без памяти влюблен в Тоню Гордон. Он поймал себя на том, что выдумывает предлоги, чтобы каждый день ходить мимо ее дома на улице Кирова. На собраниях Антифашистского комитета он слушал, как Тоня читает свои новые стихи, и однажды даже осмелился попросить у нее автограф. Она улыбнулась и написала ему книгу. Нет, у нее не было на щеках таких же ямочек, как у Марины, и смех ее не был таким звонким и серебристым. И все же она была невыразимо прекрасна, а в ее глазах, в ее голосе и ее стихах он обнаружил романтическую жилку и проницательный ум, которыми не обладала его Марина.

Ему было ясно, что он не остановится ни перед чем, лишь бы завоевать эту женщину.

* * *

Стоя у зарешеченного окна, полковник Морозов нервно провел рукой по волосам. Он добился ее, используя все известные ему приемы своей профессии. Сначала, стремясь завоевать доверие начальства, он вызвался провести ликвидацию Михоэлса в Минске. Именно он сидел за рулем тяжелого грузовика, сбившего Михоэлса на Октябрьской улице, когда старик шел к своей двоюродной сестре. Именно после того, как он доставил тело Михоэлса в городское управление НКВД, ему предоставили полную свободу действий в отношении Антифашистского комитета. Разумеется, он никогда не говорил Тоне, что убил Михоэлса.

Однако самым страшным секретом, который он тщательно от нее хранил, была его собственная роль в судьбе ее мужа.

Виктор Вульф был чист, как свежесвыпавший снег. В досье, которые Морозов получил из канцелярии Берии, ни одна ниточка не вела к Виктору и Антонине Вульф, против них не было ни одной улики, ни одного свидетельства. Их имена даже не были включены в список еврейских писателей, подозревавшихся в измене родине. Морозова это не устраивало. До тех пор, пока Виктор Вульф оставался на свободе, он не мог и мечтать о том, чтобы сделать своей Тоню Гордон. Если он хотел обладать ею, мужа

необходимо было устранить.

Несколько ночей Морозов провел без сна, разрабатывая план и фабрикуя ложные свидетельства против Виктора. Так в досье еврейских писателей появились подложные рапорты о контактах Виктора с западными дипломатами, письма, которыми якобы обменивались Виктор и еврейские лидеры в Америке. Фальшивки он получил от умельцев службы “А” Первого Главного управления. Это было легко. Ему нужно было только объяснить им, чего он хочет, и вскоре он уже держал в руках необходимые документы. Приказы столь высокопоставленного офицера НКВД никто и не думал подвергать сомнению.

Меньше чем за две недели он состряпал на Виктора Вульфа “железное” дело. Канва этого дела была безупречной, и, когда досье попало в руки генерального прокурора, Виктора обвинили в измене родине и арестовали. Морозов же был слишком окрылен своим успехом, чтобы задуматься над моральной стороной своего поступка. Виктор Вульф сошел со сцены, а Тоня, испуганная, беременная и одинокая, сама упала в его подставленные руки как перезревший плод.

Но Морозов был уже не молод. Возраст, война, потеря семьи заставили его ожесточиться. Даже назначение на должность заместителя начальника ВГУ не смогло рассеять его “подавленного настроения. Он способен был чувствовать радость, только когда Тоня была рядом с ним, хотя он знал, что она не любит его. К маленькому Саше он относился как к родному сыну, может быть, отчасти потому, что его отца он упек в воркутинские лагеря. Возвращаясь вечерами с работы, он часто и с удовольствием играл с малышом, а когда родился Дмитрий, его собственный сын, радости его не было предела.

Ему удалось сделать невозможное – склеить из кусочков свою разбитую жизнь. У него снова была семья – прелестная жена и маленький сын. Когда Дмитрию исполнилось два года, они съездили в Шепетовку, чтобы навестить его старую мать, которая хотела посмотреть на внука. Эту поездку он предвкушал одновременно и с радостью, и со скрытым страхом, так как боялся, что в памяти снова оживут болезненные воспоминания прошлого. Ему казалось невыносимо тяжелым снова увидеть места, столь тесно связанные с памятью Марины.

К его большому удивлению, ничего подобного не произошло. Когда он увидел свой старенький домик в конце Козьего переулка, впоследствии переименованного в улицу Красных кавалеристов, он лишь почувствовал в груди короткий болезненный укол, и это было все. Морозов понял, что Тоня вытеснила Марину из его сердца.

Но как раз в тот момент, когда он решил, что страдания его остались позади, неприятности посыпались одна за одной.словно далекий гром – предвестник надвигающейся грозы, первые признаки грозящей ему беды появились в Чехословакии. Министр иностранных дел республики Рудольф Сланский и вместе с ним еще два десятка высокопоставленных чиновников, евреев по национальности, были арестованы, предстали перед судом и были признаны виновными в разведывательной деятельности в пользу Великобритании. Большинство из них было повешено. В распространенном

правительством Чехословакии заявлении особенно подчеркивалось их еврейское происхождение. Полковник Зорин, отвечавший в НКВД за координацию деятельности с чешскими товарищами, сказал Морозову, что ходом судебного заседания руководили из Кремля.

Через несколько недель волна антисемитизма докатилась и до Москвы. Придя однажды утром на службу, Морозов узнал, что все высокопоставленные сотрудники НКВД еврейской национальности были накануне арестованы. Среди арестованных были шеф контрразведки генерал Райхман, заместитель начальника Пятого Главного управления генерал Грауэр, а также полковник Горский, который напрямую руководил в Лондоне знаменитым Кимом Филби. В тот же день в тюрьме оказался и Михаил Бородин, соратник Ленина и военный советник Чан Кайши. Там ему и суждено было умереть. Его сын тоже оказался в тюрьме на Лубянке.

– Похоже, Борис Артемьевич, – сказал Морозову в перерыве между двумя приступами кашля генерал Ткаченко, – что кто-то, – он посмотрел куда-то вверх, потом опустил глаза, – объявил евреям настоящую войну.

Морозов кивнул в знак того, что намек на Сталина он понял.

– Я не знал... – начал он.

– Конечно же, нет, – перебил его похожий на мумию генерал и странно посмотрел на него. – И это меня тревожит больше всего, сынок.

– Мы должны были бы первыми узнать об этом, – упрямо повторил Морозов. – В конце концов, именно я занимаюсь еврейским вопросом.

– Это дело не передали в твой отдел, – снова последовал странный, многозначительный взгляд. – Возможно, что кое-кто перестал ему доверять.

Смысл намеков Ткаченко дошел до него, только когда он возвратился в свой кабинет. Он впал в немилость из-за своей женитьбы на еврейке, которая когда-то была членом Антифашистского комитета.

Кроме этого, как и у каждого руководящего сотрудника НКВД, у него были свои враги: офицеры, имевшие на него зуб за какие-то его действия, или просто карьеристы, метившие на его место. Достаточно было хоть малейшего проявления его слабости и уязвимости, чтобы они бросились на него словно стая волков. А признаки эти были, и первый, самый главный из них состоял в том, что он лишился доверия начальства. Теперь враги разорвут его в клочья.

В последующие несколько недель его подозрения превратились в уверенность. По стране прокатилась настоящая антисемитская кампания, однако о принятых мерах Морозов и его отдел узнавали одними из последних. В Москве закрылся Еврейский театр, перестали выходить еврейские газеты, один за другим исчезали еврейские ресторанчики. Арестованы были даже жены руководящих работников наркоматов, которые были еврейками по национальности, в том числе и Жемчужина-Молотова, супруга бывшего наркома иностранных дел в правительстве Сталина.

Все это Морозов узнал из обрывков слухов и проверенных сведений, которые случайным образом достигали его кабинета. В этой широкомасштабной операции он не принимал никакого участия. Все аресты и смещения с постов производились сотрудниками Первого Главного

управления, которое обычно занималось разведывательной деятельностью и секретными операциями за рубежом и не имело никакого отношения к еврейским делам.

Впервые в жизни Морозов ощутил страх. В НКВД отсутствие доверия со стороны начальства означало первый шаг к эшафоту.

Он постоянно спрашивал себя: что он мог бы сделать, чтобы спасти Тоню и детей? Что ему делать, чтобы спасти себя? Ему некуда и не к кому было обратиться, единственным возможным выходом для опального сотрудника НКВД было бежать на Запад, но Морозов знал, что никогда не сможет стать предателем Родины.

Пока он беспомощно раздумывал, откуда будет нанесен следующий удар, началось “дело врачей”. Затем настала очередь Тони.

В отчаянии он потребовал приема у Берии. Берия отказал ему без объяснения причин, но Морозов прекрасно знал, что это означает – вскоре после смерти Тони настанет и его черед.

* * *

Вчера, после того как Тоня и дети встретились в последний раз, он отвез их домой, а сам вернулся на Лубянку. Всю ночь он просидел в своем кабинете, скорчившись за столом и глотая стакан за стаканом обжигающую внутренности водку. Когда в комнату вполз серый рассвет, он деревянными шагами приблизился к окну. Сегодня на рассвете Тоня должна была умереть.

Морозов попытался отвернуться, но его взгляд снова и снова возвращался к окну. Когда он получал ключи от этого кабинета, офицер-администратор пошутил, что отсюда он время от времени сможет наблюдать “веселые комедии”. Но ничей, даже самый извращенный ум не мог бы предвидеть, что “комедия” может превратиться в самую мучительную пытку, которой когда-либо подвергался человек. Морозов должен был стать свидетелем смерти своей единственной и любимой.

Конечно, он мог отвернуться от окна, мог и вовсе не приходить в свой кабинет, однако разворачивающееся внизу действие с непреодолимой силой влекло его к себе точно так же, как взгляд змеи гипнотизирует кролика, заставляя его самого идти навстречу гибели.

На мгновение Морозов закрыл глаза, потом снова посмотрел вниз. Внутренний двор тюрьмы, где обычно приводились в исполнение приговоры, был мал и укутан густой тенью. Несколько сотрудников НКВД выстраивались за спинами стоявших у стены узников, оставляя в снегу глубокие следы. Из караульного помещения появился человек в полковничьих погонах и остановился посередине двора. Должно быть, он что-то сказал, так как стрелки зашевелились. Один из них – коренастый, плотный грузин подошел к крайнему справа заключенному и вытащил пистолет.

Борис наклонился вперед, не чувствуя, что упирается своим пылающим лбом в холодное стекло. Там, внизу, стояла в снегу женщина, которую он любил так страстно и сильно. Он уже ничего не мог предпринять, чтобы спасти

ее. Глядя на то, как она стоит, повернувшись лицом к стене, покорно ожидая выстрела в затылок, он чувствовал себя бессильным и жалким. Ее взяли только потому, что не осмелились тронуть его. Пока не осмеливались. Скоро за ним тоже придут.

Он снова посмотрел вниз. Несколько тел в нелепых, неестественных позах застыли в глубоком снегу. В слабом утреннем свете пятна алой крови вокруг их голов казались черными. Палач, неуклюже переваливаясь, остановился как раз за спиной Тони. Должно быть, она услышала его шаги и хруст снега за спиной, так как Борис увидел, как она выпрямилась, с вызовом отбросив назад свои дивные волосы. Грузин поднял пистолет.

Морозов с трудом сглотнул. Он был словно парализован, не в силах пошевелиться, не в силах закричать. Выстрела он не слышал: двойные рамы отлично поглощали звук.

Он видел, как Тоня вздрогнула, а потом медленно, даже изящно повалилась вперед. Золотистые волосы рассыпались по снегу, а кровь медленно сочилась из раны на голове.

Не оборачиваясь, Морозов нашарил за спиной крышку стола и вцепился в нее мертвой хваткой. “Тоня умерла, – сказал он самому себе. – Тони больше нет. Это не кошмар, это все происходит на самом деле. Тоня умерла”.

Он знал, что скоро последует за ней, быть может, точно так же убитый выстрелом в затылок таким же серым утром во внутреннем дворе тюрьмы на Лубянке.

* * *

Несколько часов спустя нерешительный стук в дверь заставил его вздрогнуть. Все это время он провел в своем кресле, ссутулившись и глядя перед собой невидящим взглядом, погружившись в пучину тупого безразличия и апатии. Теперь он с трудом поднялся, чувствуя себя так, как будто все силы капля за каплей ушли из его тела.

– Войдите... – почти шепотом проговорил он, отворачиваясь к окну.

Вымощенный камнями внутренний двор был пуст: тела убрали, а снег смели. Ничто не напоминало о кровавой расправе, которая произошла здесь всего каких-нибудь два часа назад. Безумная мысль пронеслась в голове Бориса: может быть, все это был просто страшный сон, может быть, Тоня жива?

Между тем дверь в его кабинет открылась, и в комнату проникли обычные звуки обычного рабочего дня – телефонные звонки, шаги на лестницах, отдаленный молодой смех. Так, может быть, весь этот кошмар существовал только в его воспаленном воображении?

Обернувшись, Морозов увидел своего ординарца, Аркадия Духина. Тот был мертвенно бледен и неловко переминался у порога с ноги на ногу, не решаясь встретиться с ним глазами.

– Мне приказали передать вам вот это, товарищ полковник, – промямлил наконец Духин, протягивая ему руку. На его ладони тускло сверкнуло золото.

Морозов осторожно взял из рук ординарца тяжелую золотую цепочку со

звездой Давида. Это был медальон Тони. Она сохранила его до последнего момента. Борис рассеянно крутил дорогую безделушку в пальцах и вдруг заметил, что один из лучей звезды слегка погнут, а к золоту пристала серая цементная пыль. Он всмотрелся в золото, стирая грязь пальцами. Не сразу он вспомнил о том, как рассказывал Тоне о Сюзанне Спаак, о надписях, сделанных ею на стенах своей камеры.

– Я сейчас вернусь, – пробормотал он и поспешил к лифтам, по дороге оттолкнув ординарца плечом.

Через несколько минут он уже стоял в камере Тони и читал ее последнее послание:

“Борис, спаси детей, Нина может помочь с Сашей. Люблю, люблю всех вас...”

Он сжал кулаки. Непреклонная решимость овладела всем его существом. Теперь, когда Тоня мертва, он должен исполнить свой последний долг перед ней. Он должен спасти ее ребенка.

И он знал, как это сделать.

Глава 3

Подгоняемая холодным февральским ветром, Нина Крамер на минуту задержалась в темном подъезде своего облицованного красным песчаником дома в Бруклине, переводя дух. Когда она протерла запотевшие очки, то заметила, что из ее сломанного почтового ящика выглядывает какой-то белый конверт.

На конверте красовалась эмблема агентства помощи еврейским беженцам. Внутри его был вложен стандартный бланк с пропусками, заполненными от руки широкими квадратными буквами. Миссис Крамер, проживающая в Бруклине, Элм Плейс, 49, приглашалась в штаб-квартиру агентства в Манхэттене по вопросу, касающемуся ее племянника “Александра Гордона, трех лет, родившегося в СССР в городе Москве, в семье Тони и Виктора Вульф”

Чувствуя, как быстро забилося в груди сердце, Нина, не заходя в квартиру, поспешила к станции подземки на Флэтбуш-авеню. Она никак не могла понять, что могло означать это письмо. Какое отношение агентство по делам беженцев могло иметь к сыну ее сестры, который должен был жить в Москве? Должно быть, что-то случилось с Тоней, что-то очень скверное, иначе с чего бы агентству пришлось в голову разыскивать ее родственников. Всю дорогу до Манхэттена она ломала голову в поисках возможного объяснения. К тому времени, когда она оказалась на Саут-Парк-авеню, незадолго до закрытия агентства, ее всюду одолевали дурные предчувствия.

Ее принял мистер Липшюц, маленький лысый человечек, который любезно предложил ей стул и, усевшись за свой ветхий столик, долго откашливался, прежде чем заговорить. Наконец он предложил Нине чаю и выложил свои страшные новости.

Он сообщил ей, что ее сестра мертва. Понизив голос, хотя они были одни,

он рассказал, что, по сведениям агентства, Тоня была расстреляна за измену родине и ее второй муж, Морозов, сумел устроить так, чтобы отослать ее сына в США.

Нине потребовалось некоторое время, чтобы усвоить то, что сказал ей маленький мистер Липшюц.

– Нет! – воскликнула она пересохшим ртом. – Вы не знаете мою сестру! Тоня не может быть предателем. Это ложь.

Мистер Липшюц сочувственно кивнул головой.

– Как я вас понимаю! – негромко проговорил он. – Но, как вы знаете, у нас в России есть надежные источники. Мы тщательно проверяем каждое обращение за въездной визой. Мужу вашей сестры пришлось нажать на некоторые свои связи, чтобы добиться разрешения на выезд для мальчика. Как я понимаю, это сын вашей сестры от первого брака. Я не ошибся?

Нина не ответила. Ей продолжало казаться, что то, что она услышала, – это какой-то чудовищный обман, но зачем мистеру Липшюцу лгать ей? Может быть, это все-таки провокация ФБР? Вот только ради какой цели все это задумано?

– Александру всего три года, – продолжал пожилой служащий агентства. – Сейчас он находится в Вене, и наши люди там заботятся о нем.

– Когда... когда мальчик будет здесь? – запинаясь, пробормотала Нина, поднимаясь со стула. Колени у нее дрожали.

– В конце этой недели, – ответил Липшюц, протягивая ей свою маленькую холодную ладонь. – Мы сами привезем его к вам домой.

Через три дня мистер Липшюц постучал в дверь ее квартиры. Он держал за руку маленького мальчика, а в другой руке нес его чемодан. Нина сразу отвела малыша в гостиную, и он в растерянности стоял в центре комнаты, украдкой поглядывая на нее.

Он был бледен, хотя в остальном выглядел здоровым и крепким. Почувствовав на себе ее взгляд, мальчик опустил глаза и сжал крошечные кулачки. В своем не по росту большом поношенном пальто из грубого коричневого драпа он казался особенно маленьким и жалким. Обут он был в высокие черные башмаки, а на голове красовалась огромная кепка с козырьком, размера на два больше чем нужно.

– Александр, скажи мне, как тебя звали дома? – спросила Нина по-русски, стараясь, чтобы голос ее звучал приветливо.

Мальчик не ответил.

– Тебя звали Сашенькой, ведь правда? – продолжала Нина, слегка растерявшись. – Я буду звать тебя Алексом. Алексом Гордоном.

Когда она расстегивала ему воротник, ее пальцы коснулись золотой цепочки на шее мальчика. С бьющимся сердцем Нина сжала в кулаке звезду Давида. Она узнала это украшение. Именно этот медальон с цепочкой она подарила Тоне накануне своего отъезда из России. Отвернувшись, она украдкой смахнула со щеки слезу.

Вечером, когда в холодные комнаты вползли тени уличных фонарей, Нина сидела в обитом ситцем кресле и смотрела на спящего мальчика. У них было

довольно тесно – спальню занимал ее муж Самуэль, сама она ночевала в крошечной каморке рядом с кухней, и поэтому мальчика пришлось уложить на диване в гостиной. От усталости он заснул, еще когда она раздевала его, но Нина продолжала говорить с ним, хотя он не мог ее слышать. С тех пор, как Самуэля сразил удар, после которого он превратился в глухого и немого инвалида, Нина часто разговаривала сама с собой, стараясь рассеять свое одиночество, и это вошло у нее в привычку.

– Сашенька, голубчик мой, – приговаривала она, вспоминая его мать, маленькую Тоню, когда они еще жили в Киеве. Ее маленькая сестра с длинными светлыми волосами и большими, искрящимися как звезды глазами выглядела как настоящий ангел. Она и была ангелом, голубоглазым ангелом, спустившимся на землю, хотя Нина часто называла ее шаловливым чертенком. Теперь она с болью вспоминала, как Тоня обнимала ее, прижимаясь к ней всем своим гибким тельцем, и слезы, с которыми ей удавалось справляться на протяжении всех этих долгих лет, выступили у нее на глазах.

Когда она сняла с Алекса ботинки и одежду, она уложила его на хрустящие простыни, которые достала из клееного фанерного шкафа вместе с пухлой мягкой подушкой. Спящий малыш зевнул и потер глаза маленькими кулачками, а затем свернулся калачиком и зарылся в подушку лицом. У него были такие же, как у матери, длинные шелковистые ресницы и изящно изогнутые брови.

– Ты очень похож на свою маму, – негромко сказала Нина. – Ты знаешь об этом, Алекс?

Нина укрыла его собственным пуховым одеялом, решив, что сама будет обходиться грубым шерстяным. Теперь, когда Алекс наконец был устроен, она наклонилась над ним, всматриваясь в черты его лица и сравнивая их с лицом Тони, которое возникло в ее памяти. И еще она сравнивала его с лицом другого ребенка, белым как мел и неподвижным, которое она тщетно пыталась стереть в своей памяти все это время.

Она так увлеклась изучением лица мальчика, что чуть было не позабыла про свой ритуал, который повторялся в последнее время каждый вечер, когда зажигались уличные фонари, а бруклинские мальчишки прекращали свои шумные софтбольные баталии под ее окном и спешили по домам – ужинать. Вот и сейчас Нина погасила свет и, подойдя к окну, отдернула штору и посмотрела вниз. Машина ФБР была на месте, как и каждый вечер на протяжении последних четырех месяцев. Это был желтовато-коричневый большой автомобиль – мальчишки с первого этажа говорили, что это “плимут” – с помятым крылом и с пятном коричневой краски на левой передней дверце. Внутри сидели двое – она разглядела в темном салоне два тлеющих сигаретных огонька. “Интересно, – подумала Нина, – знают ли они об Алексе, о Морозове и о Тоне?”

Тоня расстреляна за измену. Тоня предала Советский Союз. Конечно же, это отвратительная ложь. Тоня была замечательной поэтессой, которой ее страна могла бы гордиться. Нина всегда восхищалась сестрой, восхищалась и немного завидовала ее красоте, ее таланту, но больше всего она завидовала

тому, что Тоня участвует в строительстве коммунистического общества. Сестры не виделись очень давно, с 1928 года, но Нина встречалась с Тониным первым мужем, Виктором, когда он приезжал в Нью-Йорк в сорок третьем, в составе советской делегации Антифашистского комитета. Тогда он привез ей книжку Тониных стихов с трогательным посвящением на первой странице: “Моей любимой Ниночке от ее маленького чертенка”. Прочитав эти слова, Нина едва сумела сдержать слезы.

После отъезда Виктора обратно в Советский Союз она часто перечитывала эту книгу и вскоре уже знала все стихи наизусть. Подчас она представляла себе, как в самые тяжелые дни Отечественной войны Тоня в военной форме, с сияющими голубыми глазами и развевающимися золотистыми волосами читает свои напутственные стихи уходящим на фронт красноармейцам.

Да, она завидовала сестре, и теперь Нина не боялась себе в этом признаться. Ей тоже хотелось быть там, рядом с Тоней, сражаясь с фашизмом в грозный для Родины час. Тоня воевала с врагом, пока Нина корпела в конторе над бухгалтерскими книгами. Теперь Нине казалось, что она сделала огромную ошибку, в то время как Тоня выбрала правильный путь. Тоня пошла той дорогой, которой должна была бы пойти ее старшая сестра, и жизнь Тони стала воплощением всего того, о чем Нина тайно мечтала.

Примерно три года назад письмо Тони принесло удивительные новости. Виктор был арестован и приговорен к длительному сроку в трудовом лагере за преступления против Советской страны. Тоня развелась с ним, вышла замуж за полковника Морозова и ждала от него ребенка. Письмо было составлено в осторожных выражениях и изобиловало намеками, которые Нине не всегда удавалось расшифровать. Одно место она, впрочем, поняла. Тоня писала, что “Борис каждый вечер возвращается домой поздно, потому что он должен зорко следить за безопасностью нашего государства”. И Нина поняла, что муж Тони связан с НКВД.

Она отправила Тоне встревоженное письмо со своими многочисленными вопросами, однако ответа не получила. Ей нелегко было поверить в то, что Виктор стал изменником родины. Потом она вспомнила, что некоторые из самых страшных врагов коммунизма также вышли из когорты большевиков. Она не могла представить себе, что Виктор пошел на преступление против своей страны, но кто мог подумать, что Троцкий, Зиновьев и Каменев тоже окажутся врагами революции? Может быть, и Виктор оступился, связавшись с врагами, может быть, именно его поездка в Америку вскружила ему голову?

С тех пор от Тони не было никаких известий. Что же случилось? Что такого могла сделать ее младшая сестра? Почему Алекса отослали к ней в США?

Известие о казни Тони чуть было не разрушило ее собственный мир. Нина была убежденной коммунисткой, сторонницей взглядов Маркса – Энгельса – Ленина и четвертого, ныне живущего титана и классика марксизма Иосифа Виссарионовича Сталина. Ни разу в жизни она не усомнилась в справедливости величественных идеалов своей родной страны. Втайне она надеялась увидеть торжество коммунизма во всем мире.

Однако теперь она была смущена и сбита с толку. Даже ее безоговорочная вера в коммунизм не могла заставить ее поверить в то, что Тоня стала изменницей. Это была совершенная чушь! Единственным объяснением, которое приходило ей на ум, было то, что машина советского правосудия допустила ужасную ошибку и Тоня пострадала ни за что. Ошибки были неизбежны, даже в СССР. В водовороте великих преобразований, которые сотрясали ее страну, трудно было разобраться в судьбах отдельных граждан. Люди были всего лишь смазкой для колеса истории. Сам великий Ленин не раз говорил, что, когда рубят лес, вокруг непременно летят щепки.

И все же она никак не могла смириться с мыслью о том, что ее любимая сестра стала одной из этих щепок, которые летят на землю из-под топора. Это просто страшная ошибка советской бюрократической машины. Но как же Виктор? Было ли его осуждение еще одной такой ошибкой? Возможно ли, чтобы и Виктор, и Тоня – оба оказались предателями?

Впервые Нина оказалась в растерянности, а ее вера в Родину – поколебленной. Она повторяла себе, что происшедшей трагедии должно было быть какое-то объяснение, а после суда над Виктором даже написала письмо в Ленинград брату Валерию, но он почему-то ей не ответил.

Нина снова посмотрела вниз на желто-коричневый “плимут”. Алекс получил официальное разрешение на въезд в США, и власти должны знать все о нем, о Тоне и Морозове. Это может стать еще одним поводом для ФБР усилить за ней слежку.

Отвернувшись от окна, Нина на цыпочках прошла в кухню, чтобы заварить себе чай из трав. Пока чайник негромко пыхтел на конфорке газовой плиты, она неподвижно сидела за кухонным столом, сложив перед собой руки.

Несколько месяцев тому назад нью-йоркская “Дейли ньюс” поместила ее фотографию, где она сидела точно в такой же позе: вытянувшееся лицо, лоб пересечен глубокой морщиной, глаза кажутся огромными из-за сильных очков в тонкой металлической оправе. Заголовок над фотографией гласил: “Подозреваемая в сочувствии к коммунистам Нина Крамер дает показания в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности”.

Она не совершала ничего против приютившей ее страны, хотя сенатор Маккарти и его подручные обвинили ее в том, что она якобы является агентом советской разведки. В конце концов ее отпустили. Адвокат Нины Крамер объяснил ей, что она была слишком незначительной фигурой, чтобы с ней возиться. Тем не менее, она вынуждена была оставить свою работу бухгалтером в департаменте здравоохранения. Вскоре после этого, однако, ей удалось найти место в меховом магазине Шпигеля, и все более или менее успокоилось.

Нина была рада, что времена ее печальной известности остались позади. После публикации фотографии в газете ее иногда узнавали и некоторые прохожие на улицах кричали ей вслед и грозили кулаками, а хозяин магазина вышвырнул ее на улицу, обозвав “чертовой красной”, но потребовалось совсем немного времени, чтобы о ней забыли. Только ФБР не оставляло ее в покое. Они в открытую следовали за ней повсюду, а по ночам следили за ее домом из своего автомобиля. Интересно, всерьез ли они надеялись поймать ее на

передаче секретных документов советским шпионам?

Сегодня благодаря появлению Алекса она пропустила митинг Движения в защиту мира.

Поговаривали о том, что сегодня начнется марш протеста на Вашингтон, организованный с тем, чтобы потребовать от президента помилования Розенбергов. Нина готова была пойти вместе со всеми. Она была уверена, что Розенберги никакие не шпионы и что если они на самом деле передали русским какие-то атомные секреты, то сделали это ради сохранения мира. Однако американский империализм решил разделаться с Юлиусом и Этель Розенберг, и президент Трумэн упорствовал в своем решении посадить обоих на электрический стул.

Нина подавила вздох и бросила взгляд на фотографию супружеской четы Розенбергов, вырезанную из газеты и кнопками прикрепленную к стене. Этель была изящной маленькой женщиной, одетой в пальто с меховым воротником. На голове ее была остроконечная кокетливая шляпка. Юлиус наклонился к ней с улыбкой на узком лице. Он был в очках, а под носом полоской темнели маленькие усики. Между ними была натянута проволочная сетка – должно быть, эта фотография была сделана в зале суда или скорее всего в автомобиле, который вез их обратно в тюрьму. Однако даже на этой фотографии плохого качества сразу бросалась в глаза тесная связь между мужем и женой. Нине очень хотелось бы когда-нибудь встретиться с Розенбергами и сказать им, как она ими восхищается, однако всякий раз при взгляде на фото она не могла подавить в себе болезненный укол зависти. Они не только верили в коммунизм, они в отличие от нее самой что-то для него сделали.

Вода в чайнике закипела. Нина налила в стакан травяной настой, такой горячий, что от него валил пар, и, снова усевшись за кухонным столом, стала медленно пить его маленькими глотками с сахаром вприкуску, как это было принято в России.

Ее старые привычки ничуть не изменились, хотя она была гражданкой США уже больше двадцати лет. Она все еще думала по-русски и по-русски считала, ее английский оставался неправильным и скудным, а крошечная полочка в ее каморке, где она спала, была заставлена книгами Достоевского, Толстого, Лермонтова и Ленина. Каждое утро она приобретала в киоске Херши на Фостер-авеню “Русское слово” – русскоязычную эмигрантскую газету. Реакционные идеи, которые проповедовала газетка были ей глубоко противны, но она не в силах была справиться со своим желанием прочесть русскую прессу. Американских книг и газет она не читала, никогда не ходила в театр и очень редко посещала кино. Изредка она выбиралась на концерт классической музыки или балет – для этого ей но нужен был английский. Выглядела она “синим чулком”, волосы заплетала в косы и укладывала в пучок на макушке, а платья предпочитала закрытые, темных тонов. На ногах ее всегда были туфли с квадратными широкими каблуками, которые у нее на родине служили безошибочной приметой женщин среднего возраста и даже назывались “прощай, молодость”.

Даже прожив в Америке двадцать четыре года, она все еще оставалась

чужой в этой стране. Она не любила Бруклин с его непрекращающейся сутолокой и шумом. Она слышала о “Доджерах”, но не знала, кто они такие. Она ни разу не отважилась забраться дальше Кони-Айленда или Манхэттен-Бич. Джаз и другая популярная музыка казались ей чужими. Даже вкус американской еды – кукурузных хлебцев, “хот догов”, гамбургеров – не нравился ей, и один раз в неделю она пешком отправлялась в русскую бакалейную лавку в Вильямсбурге, где покупала селедку, говяжьи сосиски и черный хлеб. Ее время текло однообразно: полдня она работала в меховом магазине Шпигеля, а полдня ухаживала за мужем-инвалидом. Только ночи оставались в ее полном распоряжении, и она мечтала о той жизни, которую могла бы вести, если бы только осмелилась.

Нина часто и с сожалением размышляла о том, что всю жизнь она разрывалась между страхом включиться в рискованную, полную опасностей подпольную деятельность и стремлением быть в первых рядах активистов коммунистического движения. Единственным результатом этих двух столь противоречивых побуждений было лишь сводящее с ума разочарование. К тому же ее не отпускало ощущение, что она бесполезно доживает свои дни.

Нина снова отпила чаю и посмотрела на спящего Алекса. Ребенок зашевелился во сне, моргнул несколько раз, потянулся и снова погрузился в сон. Маленькое его лицо было удивительно безмятежным и спокойным. Она подошла к дивану и бережно поправила одеяло.

– Что случилось, малыш? – негромко пробормотала она. – Спи спокойно.

Хотя у малыша были такие же золотистые, как у матери, волосы, но глаза, серые, с зеленоватым оттенком и как будто светящиеся изнутри, были не Тонины. Алекс, тонкий и светлокожий, слишком маленький для своего возраста, казался вполне здоровым. Нина мимоходом подумала, так же ли он любит шоколад, как Тоня. В свое время она выстаивала длинные очереди перед гастрономом на Ленинской улице в Киеве, чтобы купить сестренке плитку ее любимого лакомства. Твердый, сухой, это все-таки был настоящий шоколад.

– Завтра, – прошептала она спящему мальчику. – Завтра мы тебя вымоем и отскребем всю грязь. Ты у меня будешь выглядеть как новенький, голубчик ты мой.

Затем она подумала о том, что ей нужно будет кое-что постирать и погладить, а потом сходить в магазин Поллака, где торговали поношенным платьем; у Алекса не было никакой другой одежды, кроме свитера с высоким и толстым воротом, поношенных штанов и коричневого пальто. Штаны были сшиты из такой же грубой ткани, из какой мать Нины кроила брюки для их брата Валерия тридцать лет тому назад.

Мысли Нины снова унеслись в прошлое, в самые дальние закоулки ее памяти. Она принадлежала к тому поколению русских, которые были достаточно взрослыми, чтобы понять Октябрьскую революцию, и слишком юными, чтобы принимать в ней участие. Ей едва минуло десять лет, когда был убит царь Николай и большевики захватили власть в России. Будучи ученицей в знаменитой женской гимназии Победоносцева в Киеве, она с замиранием сердца следила за тем, как разворачивались революционные события: от

переговоров в Брест-Литовске до самой гражданской войны. Между ученицами в гимназии то и дело вспыхивали ожесточенные споры, и Нина всегда с энтузиазмом вставала на сторону красных, которые хотели построить на развалинах отсталого, реакционного общественного порядка новое, светлое общество. Она и ее подруга, смуглолицая и нетерпеливая Катя Темкина, часто мечтали вместе о том, как они вступят в легендарную Красную Армию, в которой, как они знали, было немало женщин, в том числе и на руководящих постах.

Однако, когда эскадрон красной кавалерии на короткое время остановился в Киеве, Катя отправилась с красными одна. Нина осталась в городе, чтобы заботиться о раненом солдате Саше Колодном. Впоследствии Нина не раз думала о том, что именно в этот момент она и совершила критическую ошибку, которая определила всю ее дальнейшую жизнь. Ей следовало тогда прислушаться к своим желаниям и отправиться с Красной Армией. Но она осталась в Киеве и тем направила свою жизнь в иное русло.

И все же... тогда ей было только шестнадцать, и она была невысокой, круглощекой барышней с довольно заурядным лицом, с сильным подбородком, большим лбом и длинными шелковистыми волосами. Своими волосами она особенно гордилась и, когда вокруг никого не было, часто любовалась, как они каскадом спускаются ей на плечи. Эти волосы придавали ей задумчиво-мечтательный вид, и она воображала себя одной из чеховских героинь. Однако она не осмеливалась носить такую прическу на людях и, отправляясь в гимназию, заплетала их в косы и укладывала короной на голове или же стягивала тугим узлом на затылке.

Никто даже не подозревал, что за ее простым, невыразительным лицом скрывается романтическая душа, что ее живое воображение рисует полную опасностей и приключений жизнь, посвященную служению высоким идеалам. Глядя на нее, трудно было предположить, что тихая, не отличающаяся красотой девушка грезит о всепоглощающей, страстной любви.

Однако, когда они с Катей отправились в военный госпиталь, расположившийся в конюшнях военного училища, чтобы навестить раненых красногвардейцев, и Саша Колодный легонько пожал ей руку и поглядел на нее нежными серыми глазами, Нина тотчас же забыла все свои революционные мечтания и присела на краешек его койки.

Она дневала и ночевала в госпитале три недели, пока Саша не оправился от своей раны. Когда же он наконец, прихрамывая и опираясь на ее плечо, вышел из полевого госпиталя, его эскадрон уже покинул город.

Нина привела его домой, на что никогда бы не отважилась раньше. Но то были революционные времена, когда молодые устанавливали новые законы. Ее родители немедленно капитулировали, и Саша поселился в маленькой комнате прислуги за кухней. Комната все равно стояла свободной, так как их кухарка вернулась к себе в деревню сразу после того, как началась гражданская война.

Впрочем, через две недели Саша и Нина переехали в Житомир, где поселились в экспроприированном особняке мехового торговца, расстрелянного революционными солдатами. Верхний этаж они делили еще с

четырьмя семьями фабричных рабочих, и Нина тоже нашла себе работу на канатной фабрике. Изредка она ездила в Клев, чтобы навестить родителей.

Они стали близки в первую же ночь, когда остались вдвоем, однако Саша не спешил жениться и не строил никаких планов на будущее. Только однажды, три года спустя, он заговорил об этом, но заговорил как-то странно, не очень понятно. Впрочем, Саша был странным и во многих других отношениях.

Он был коренаст, плотного телосложения, с вьющимися светлыми волосами и тяжелой челюстью, со спокойными серыми глазами. Саша был самым сдержанным человеком из всех, кого Нина когда-либо встречала. Он был молчалив и тщательно взвешивал каждое слово, прежде чем что-нибудь сказать. С ее родителями Саша был исключительно вежлив и даже упомянул, что происходит из еврейской семьи, проживающей в городе Омске. С ней он тоже был нежен и добр, а в минуты близости превращался в ненасытного страстного любовника. Но даже тогда он не раскрывался перед ней полностью. Со временем его сдержанность переросла в скрытность, он стал подозрительным и неохотно делился с ней даже общеизвестными новостями. Все больше и больше он напоминал ей персонаж из читанного еще в гимназии романа – скромного и тихого молодого человека, который сделал конспирацию способом своего существования.

Когда Саша полностью оправился от ранения и перестал хромать, он не вернулся в свой эскадрон. Партия направила его на работу в один из наркоматов в Житомире. Как-то раз Нина обнаружила под стопкой его белья наган. Один из ее знакомых, работавший в одном из госучреждений Житомира, по секрету сообщил ей, что Саша работает в ЧК – Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Но, когда она спросила у него, правда ли это, Саша только улыбнулся в ответ.

Довольно скоро она поняла, что никогда не узнает всего о своем любовнике. В Сашиной жизни были такие моменты, в которые он не посвящал никого. Он часто уходил из дома в самое неподходящее время, часто по ночам, а на все ее расспросы отвечал улыбкой или пустым, ничего не выражающим взглядом. Когда гражданская война закончилась, он по-прежнему пропадал где-то неделями и месяцами. Два или три раза он привозил Нине подарки – шапку из кроличьего меха, кожаные перчатки и пару ботинок. По названиям фабрик, проставленных красной краской на дешевой хлопчатобумажной подкладке, Нина поняла, что эти вещи были куплены в Москве, но, когда она спросила его, что он там делал, он снова ответил ей своей ласковой, обезоруживающей улыбкой.

Однажды зимней ночью, вернувшись после очередной шестинедельной отлучки, Саша снова пришел домой поздно и разбудил ее. Он стоял в своей старенькой шинели, даже не стряхнув с нее снега. Лицо его светилось радостью.

– Нина, – сказал он взволнованно, – я еду в Палестину. Давай отправимся туда вместе.

Она недоверчиво уставилась на него.

– В Палестину? Что мы там будем делать? Ты что, Сашка, стал сионистом?

Он покачал головой.

– Для нас обоих так будет лучше.

– Но ты же коммунист, большевик, – прошептала она. – Тебе нечего делать в Палестине. Наше будущее здесь, в России.

Саша лишь глубоко вздохнул.

– Нина, прошу тебя, поверь мне.

Но Нина упорно стояла на своем. Она боялась признаться ему, что беременна и что ребенок появится на свет будущей весной. Саша слишком часто повторял ей, что не хочет иметь детей, которые в нынешней сложной обстановке являются просто обузой для коммуниста. Она боялась рассердить его, а еще больше того, что он сочтет ее беременность обычной уловкой, чтобы женить его на себе.

Правда, он часто повторял ей, что они все равно что женаты и поэтому им не нужно проходить через все эти глупые обряды отжившей эпохи, однако Нина втайне мечтала о свадебной церемонии, воображая себя в красивом белом шелковом платье своей матери. Саша представлялся ей в длинном черном пиджаке и высоких сверкающих ботинках. Она знала, что многие девочки с их фабрики даже венчались и никто против этого не возражал. Но она не смела поделиться с Сашей своей мечтой, боясь, как бы он не подумал, что ее взгляды остаются буржуазными и реакционными.

В конце концов Саша отправился в Палестину один.

– Если передумаешь, – сказал он ей при прощании, – приезжай. Я буду ждать.

Не успел еще его поезд отойти от станции, как Нина задумалась. Может быть, ей стоило отправиться с ним? Вот только как, ведь она уже чувствовала, как ее ребенок шевелится в животе? Нет, она приняла верное решение. Как только ребенок родится, она напишет своему Саше, и он поймет ее.

Когда у нее родился сын, она назвала его Владимиром. В те годы рождалось много Владимиров, которых называли так в честь Владимира Ульянова. Ее сын родился в марте, накануне первой оттепели, а ровно через год страна пережила страшный голод, оставивший за собой тысячи и тысячи мертвых тел, и его не стало. В последние дни своей жизни маленький Владимир даже не мог плакать, он просто смотрел на Нину своими большими, воспаленными глазами, в которых она читала обвинение и упрек. Он умер у нее на руках.

Укачивая невесомый трупик, Нина чувствовала, как постепенно сходит с ума. Она любила своего сына всей душой, но не сумела спасти его. Многим матерям это удалось. Она подвела своего маленького Володеньку и подвела Сашу, позволив его сыну умереть. Это ощущение своей страшной вины не покидало ее долгие годы.

Мучимая раскаянием и горем, Нина вернулась в Киев к родителям и посвятила себя воспитанию своего младшего брата Валерия и сестры Тони.

Когда ее горе несколько притупилось, и Нина снова обрела способность рассуждать здраво, она решила выехать к Саше в Палестину. К тому времени, однако, Советский Союз уже закрыл свои границы, и получить разрешение на

выезд было крайне трудно. Прошло еще три года, прежде чем она сумела добиться выездной визы и отправилась в Палестину на ржавом итальянском пароходе, чтобы разыскивать там следы своего пропавшего возлюбленного.

Пропавшего, потому что со дня его отъезда она не получила от него ни одного письма. Пропавшего, потому что, когда Нина ступила на землю обетованную, Саша Колодный исчез, как будто его и не было. Во всяком случае она знала, что до Палестины он добрался благополучно – доказательство этому она нашла в списках иммигрантов Еврейского агентства. В пыльной конторе в Яффе в толстом черном grosсбухе она отыскивала соответствующую запись: Александр Колодный, родился в Омске в 1898 году, прибыл 27 февраля 1925 года. Все эти сведения были записаны в книгу чужим почерком, но подпись Саши она узнала – большие, квадратные буквы, размашистое и тяжелое К, длинный росчерк над И кратким. Подпись была подчеркнута жирной чертой, ярко выделявшейся на белой бумаге.

Но самого Саши в Яффе не оказалось. Не было его ни в Тель-Авиве, ни в нищенских поселках Галилеи, ни в измученных малярией кибуцах Израильской долины. За несколько месяцев Нина изъездила страну вдоль и поперек в поисках Саши, живя в крайней нищете и питаясь один раз в день.

Во время своих поисков она часто встречала выходцев из России, которые были знакомы с ним в Израиле. В основном это были молодые леворадикалы. Двое москвичей работали с ним в иудейских фруктовых садах, один пожилой мужчина подписывал его воззвание к фракции палестинских коммунистов, портовый грузчик в Хайфе был арестован вместе с ним английскими властями за подрывную деятельность. Этот грузчик, однако, сообщил ей о Саше самую тревожную из новостей. По приказу верховного комиссара правительства ее величества Александр Колодный был выдворен из страны как большевистский агент, засланный в Палестину Коминтерном для создания подпольной организации.

– Я видел, как его привезли в Хайфу в сопровождении полиции, – сказал ей портовый рабочий. – Они посадили его на борт первого попавшегося корабля, который отплывал в тот день. По-моему, это был французский грузовоз.

История, рассказанная портовым грузчиком, проливала свет на многие обстоятельства. Нина поняла, что Саша отправился в Палестину не по случайному капризу и не потому, что вдруг проникся идеями сионизма. Его послали с секретным заданием. Он был одним из тысяч молодых коммунистов, разъехавшихся по странам капитала для подготовки почвы к мировой революции.

Теперь, когда Нина узнала о нем всю правду, она почти потеряла надежду отыскать его, Он мог быть теперь где-то в Европе, мог вернуться в Россию и снова увлечься какой-нибудь новой секретной работой.

В лагере поселенцев в Галилее Нина встретила тихого хрупкого юношу по имени Самуэль Крамер. Он был слаб здоровьем и хил телом, очень неловок и жутко этого стеснялся, но самое главное – он никак не мог приспособиться к тяжелой жизни на земле Палестины. Может быть, Нину привлекла к нему его

беспомощность и незащищенность, разбудившая в ней нерастроченные материнские чувства, а может быть, она обратила на него внимание потому, что он был полной противоположностью Саше, неуверенным в себе и постоянно теряющим самообладание из-за каждого пустяка. Через месяц после их первой встречи они поженились, и Нина отправилась с Самуэлем в Америку, так что для нее это был брак по расчету. Остаться в Палестине она не собиралась, вернуться в Россию не могла, а в Европе набирал силу фашизм. Самуэль был ее пропуском в США, так как он был американским гражданином, а его родители переехали в Буффало еще в восьмидесятых годах прошлого века. В Палестине он оказался потому, что вступил в еврейский легион, сражавшийся в первой мировой войне на стороне англичан.

Он был единственным сыном у родителей, и весьма избалованным. Свою иудейскую веру он давно утратил и постепенно склонялся влево, а став марксистом, захотел вернуться в Америку и помочь там рабочим организациям. Что касается Нины, то она только надеялась, что после того, как она потеряла Сашу, ей как-нибудь удастся наладить новую семейную жизнь с Самуэлем. Главным для нее было то, что у них были общие идеалы, а любовь и понимание, рассуждала она, придут позже.

Они вместе приплыли в Америку, однако вскоре после того, как они перебрались в скромную квартирку в Бруклине, Самуэля сразил обширный инсульт. Он выжил, но превратился в слюнтявого, вечно ухмыляющегося идиота, не способного двигаться. Вот уже несколько лет он неподвижно лежал на кровати в их бьющей спальне, марал простыни, астматически хрипел, вздыхал и стонал. Он потерял все волосы и зубы и совсем не мог говорить, только иногда ему удавалось издавать некие невразумительные звуки. Нине предстояло убирать за ним, мыть, стирать и кормить Самуэля всю его оставшуюся жизнь.

Вся ответственность легла теперь на ее плечи, и она нашла работу бухгалтера Днем, пока она была на работе, за Самуэлем присматривала пожилая женщина, жившая на той же улице в доме напротив, но Нина подозревала, что она ворует часть его еды, не ухаживает за ним как следует. Часто, возвращаясь с работы, она заставала Самуэля лежащим в луже мочи с бессмысленной улыбкой налицо.

Но иногда он хватал ее за запястье своей правой рукой – удивительно сильной, в то время как левая ни на что не годилась, напоминая высохшую ветку, – и смотрел на нее своими глубокими, мудрыми глазами, в которых светились такие страдание и боль, что от этого взгляда Нина сама готова была сойти с ума.

Нина часто говорила себе, что, если бы не болезнь Сэма, она давно бы уже активно участвовала в борьбе за коммунизм, однако в глубине души она понимала, что это неправда. Она слишком хорошо знала свои недостатки. Ей недоставало стойкости, приверженности идеалам, ради которых она бы решилась бросить все и пойти на баррикады.

Однако ощущение того, что великие исторические события проходят мимо нее, продолжало терзать Нину. Когда началась вторая мировая война, она

потеряла покой и сон. Она могла вернуться в Россию, могла вступить во вспомогательный женский корпус британской или канадской армии. Она знала нескольких женщин, которые именно так и поступили, и это были обычные, ничем не примечательные женщины, такие же, как она сама. Нина даже узнала адрес английского вербовочного пункта и часа два простояла на противоположной стороне улицы, глядя, как молодые юноши и девушки с веселыми лицами скрываются за тяжелыми деревянными дверьми. Но сама она не нашла в себе силы пересечь улицу и, постояв еще немного, вернулась домой.

Еще одним выходом было отплытие в Европу. До Пирл-Харбора американцы свободно путешествовали во Францию, помогая организовывать подполье, вывозя из страны беженцев и важные документы. Кроме того, у Нины была еще одна, тайная причина, по которой ей очень хотелось отправиться в Париж. Однажды она получила письмо, которое чуть было не заставило ее отплыть в Европу с первым же пароходом. Письмо было прислано Эмилией Майер, американской коммунисткой, участвующей вместе с французами в антифашистском движении. В письме сообщалось, что ее Саша в Париже.

“Приезжайте, – писала Эмилия. – Я встречала вашего Сашу и нахожу, что вам стоит приехать хотя бы ради него. Это не человек, а мечта!”

Но мечте суждено было остаться мечтой. Нина так и не решилась выехать даже за пределы Бруклина. Ее разочарование в самой себе не имело границ.

В своей кровати заворочался и застонал Самуэль. Он не спал. Бедняга вообще спал очень редко и мало. Рано или поздно ей придется познакомиться Алекса с его дядей, и Нина надеялась, что это не нанесет мальчику еще одной травмы.

Пока она смотрела на спящего племянника, ей пришло в голову, что с его появлением вся ее жизнь может перемениться. Он сможет заменить ей сына, которого она не уберегла в далеком двадцать пятом году. Она сумеет вырастить его, воодушевить своими идеалами, сделать из него такого человека, каким она всегда хотела стать сама. Благодаря ему она сможет прожить жизнь заново, только счастливее и полноценнее.

Да, подумала она, загораясь решимостью, она сумеет вырастить Тониного сына достойным своей семьи, настоящим патриотом России, верным коммунистом, продолжателем дела Сталина.

* * *

Морозов узнал о неожиданной смерти Сталина от двух офицеров МГБ, появившихся у него дома поздно ночью 5 марта 1953 года.

Он проснулся сразу. Он был один в квартире, но его неглубокий сон часто прерывался одним и тем же видением – золотистые волосы на окровавленном белом снегу.

Морозов никак не мог привыкнуть к своему одиночеству. Один из сыновей уже был на пути в Америку, а второго он отправил в Ленинград, в детский дом имени Панфилова, где воспитывались дети героев, павших за родину.

Заведующий детским домом сообщил ему по телефону, что маленький Дмитрий быстро подружился с детьми и чувствует себя неплохо.

Офицеры продолжали барабанить ему в дверь до тех пор, пока он не открыл им, зябко ежась в своей поношенной пижаме. Сначала он решил было, что это пришли за ним, как когда-то пришли за Тоней, но молоденький капитан сообщил ему, что он должен немедленно явиться в штаб НКВД на Лубянку. Присланная за ним машина с сумасшедшей скоростью промчалась по пустынным ночным улицам и в считанные минуты доставила его на площадь Дзержинского. По дороге Морозов видел вооруженных солдат в полевой форме, которые занимали позиции возле главных правительственных зданий. Несколько подразделений организовывали заставы на улицах, а издали доносился грозный рокот танков.

В здании НКВД на Лубянке окна всех кабинетов были ярко освещены. Беспреданно звонили телефоны, а из громкоговорителей системы внутреннего оповещения раздавались слова команд. По коридорам носились курьеры и вестовые. У ворот высаживались из военных автомобилей высшие руководители НКВД. Массивные створки ворот, украшенные отлитыми из латуни изображениями серпа и молота, впервые на памяти Морозова не были крепко заперты. Напротив, они были широко распахнуты. Казалось, что все сотрудники центрального аппарата НКВД, начиная от младших лейтенантов и кончая генералами, были вызваны сегодня в штаб.

В оружейных комнатах выдавали автоматы и боеприпасы. Грузовики, набитые младшими офицерами, направились к зданиям на Кузнецком мосту и к радиокомитету, а старшие офицеры получили приказ занять оборону вокруг Кремля. Официально эти меры предпринимались для того, чтобы не позволить враждебным силам в трудный для страны час захватить жизненно важные правительственные объекты, однако Морозов подозревал, что это Берия приводит в исполнение свой секретный план по захвату власти в стране. В эти минуты Берия как раз выступал на чрезвычайном заседании Политбюро в Кремле.

К рассвету, однако, стало ясно, что принятые Берией меры, какими бы стремительными и крутыми они ни были, все же запоздали. Офицеры НКВД получили приказ сдать оружие и возобновить свою обычную деятельность. Морозов как раз брился в своем кабинете, когда к нему вошел генерал Ткаченко и принес свежие новости. Новым главой правительства был избран Георгий Маленков.

– Маленков – хороший человек, – осторожно сказал Ткаченко. – Умеренный. Ты слышал о нем?

Они посмотрели друг на друга, взглядом сообщив то, что не осмеливались сказать вслух из боязни, что кабинет прослушивается. Берия и сторонники “жесткого курса” потерпели поражение на выборах нового лидера государства.

Одним из первых решений Маленкова стало распоряжение прекратить охоту за евреями. Со дня смерти Сталина не прошло и двух недель, как еврейские врачи, якобы участвовавшие в “заговоре”, были выпущены на свободу. Среди них был и Валерий Гордон. Доктор Лидия Тимашук, главный

свидетель обвинения, публично призналась в том, что сфабриковала улики в надежде получить повышение.

Морозов переживал приступы бессильной ярости.

Война с евреями закончилась, но на два месяца позже, чем нужно. Если бы только казнь Тони была отложена, она могла бы теперь быть в безопасности. Может быть, ее тоже освободили бы. Каких-нибудь восемь недель, размышлял он, и его семья была бы спасена. Но Тоня умерла, детей он потерял, и их квартира была пуста и тиха, как могила. Каждый вечер, возвращаясь со службы, Морозов открывал бутылку водки и молча пил до тех пор, пока не засыпал прямо за кухонным столом.

В его мрачном существовании после смерти Тони произошла лишь одна перемена к лучшему – он снова был начальником отдела по еврейским делам. Никто не заговаривал с ним о Тоне, словно ее никогда не существовало. Самые близкие друзья неловко поинтересовались судьбой детей, но Морозов, не вдаваясь в подробности, объяснил, что они остались с родственниками. Этот ответ, казалось, устроил знакомых, так как всем было известно, что мать Морозова все еще жила в Шепетовке и что у Тони в Ленинграде был брат.

Никто не беспокоил Морозова, никто не следил за его квартирой, никто не вмешивался в его работу, и он снова почувствовал себя в безопасности. Между тем по коридорам зданий на Лубянке поползли странные слухи о том, что Берия впал в немилость, и что даже свобода и жизнь всемогущего министра госбезопасности висят на волоске. Морозов надеялся на чудо, надеялся, что гроза миновала.

Однако это противоречило бы самому устройству отлаженного механизма государственной безопасности. С момента ареста Тони на Морозова навесили ярлык врага, а враг должен был быть уничтожен машиной НКВД вне зависимости от того, кто стоит у ее руля. Морозов был обречен. В последний раз надежда затеплилась в его сердце в июне, когда Берия был арестован своими же ближайшими сподвижниками и торопливо расстрелян в подвале на Лубянке, как сотни и тысячи его жертв. Вся операция была подготовлена так хитро и проведена так быстро, что помощники и охрана Берии узнали о его аресте, когда он был уже мертв.

Но даже после смерти Берии его бывшие подчиненные продолжали аккуратно исполнять его кровавые приказы. Через месяц после смерти Берии полковник Борис Морозов был арестован. Как раз накануне он навестил в Ленинграде Дмитрия и получил сведения о том, что Алекс, благополучно добравшийся до Вены, был переправлен в Соединенные Штаты. Теперь он жил в Бруклине со своей теткой Ниной Крамер.

Внутренняя коллегия МГБ – даже не трибунал и не суд – лишила Морозова его воинского звания и приговорила к заключению в спецлагере строгого режима в Воркуте. Примерно через год его мать получила официальное уведомление, что ее сын умер. Никаких подробностей не сообщалось.

Варвара Морозова была верующей женщиной. Не думая о строгих коммунистических законах, она пришла в заброшенную православную церковь

и поставила у разбитого алтаря свечу за упокой души своего сына.

Глава 4

С первого же школьного дня Алекс понял, что отличается от остальных детей. Войдя в класс, он был поражен, увидев столько детей одного с ним возраста. Учительницей в школе первой ступени была седовласая дама по имени мисс Мерфи. Она была одета в аккуратное серое платье с крахмальным белым воротничком и сверкающие лакированные туфли черного цвета. Приятным голосом она попросила учеников сесть, а затем велела вставать по очереди, называя свое имя и место своего рождения. Когда пришла очередь Алекса, он встал и сказал:

– Меня зовут Алекс Гордон, я родился в Москве.

И все посмотрели на него с удивлением, даже мисс Мерфи.

После того как все представились, мисс Мерфи стала задавать им разные вопросы для того, чтобы они могли поскорее узнать друг друга. Чаще всего она просила назвать любимую спортивную команду, и многие отвечали:

– “Доджеры”!

Этот ответ неизменно сопровождался хлопками в ладоши и изредка пронзительными криками и свистом. В этом сезоне “Доджеры” наконец-то выиграли кубок чемпионов по бейсболу.

Некоторые, правда, называли “Нью-йоркских янки”, однако аплодисменты в этих случаях были робкими. Когда подошел черед Алекса, он назвал московское “Динамо”, о котором читал в русском журнале.

В классе на мгновение установилась тишина. Дети вопросительно смотрели на него, а одна маленькая девочка со смешными тоненькими косичками громко переспросила:

– Что он сказал?

Сидевший позади нее вихрастый мальчишка воздел руки кверху в комическом отчаянии, и все засмеялись.

– Кто это такие? – спросил он, хихикнув. – Никогда не слышал.

Мисс Мерфи тоже выглядела озадаченной.

– А где это – Москва? – спросила другая девочка.

– Это в Нью-Джерси, – со знанием дела ответил ей сосед, мальчишка с прилизанными редкими волосами.

– А во что они играют? – спросила мисс Мерфи, желая подбодрить Алекса. – В бейсбол или в американский футбол?

– В простой футбол, соккер, – ответил Алекс и сел под удивленными и озадаченными взглядами большинства.

В первый день это были единственные трудности, однако следующим утром, еще до начала занятий, трое мальчишек преградили ему дорогу. Один из них был большим и сильным, с выдающимся вперед подбородком и маленькими глазками. Алекс помнил, что его зовут Ральф. Еще вчера он обратил внимание на его рыжеватые коротко стриженные волосы и нос картошкой. Второго мальчишку, невысокого и жилистого, с бесцветными

волосами и большой родинкой на левой щеке, звали Стейси. Третий, Барт, был бледным тощим парнишкой с узким лицом и бесцветными губами в красной бейсбольной шапочке.

– Мой папаша говорит, что Москва находится в России, – авторитетно заявил Ральф. – И что ты – конну... конну...

– Коннумист, – пришел ему на выручку Барт. Возле них, прислушиваясь к разговору, уже собрались несколько школьников.

– И еще папаша говорит, что ты хочешь с нами воевать и убить всех американцев, – продолжил Ральф.

– Разве ты не американец? – пискнул Барт, выглядывая из-за плеча Ральфа.

И, прежде чем Алекс успел ответить, Ральф ударил его в лицо. Стейси шагнул вперед и, угрожающе взмахнув кулаком, попытался лягнуть Алекса в лодыжку, но промахнулся. Из разбитого носа Алекса хлынула кровь, и обидчики бросились наутек, причем Барт на бегу выкрикивал:

– Коннумист! Коннумист!

Войдя в класс, Алекс сразу прошел на свое место, сопровождаемый враждебными взглядами одноклассников. Ему было больно, и он изо всех сил стискивал зубы, чтобы не заплакать. Когда же он попытался рукавом вытереть с лица кровь, сидевший сразу за ним опрятный мальчуган с веснушчатым носом и участливыми голубыми глазами протянул ему свой крахмальный носовой платок.

– На, – сказал он, – вытри лицо.

В этот момент в класс вошла мисс Мерфи, и он прошептал:

– Мой па из Англии, и он говорит, что футбол – лучшая игра в мире. – Затем он спросил, явно желая убедиться в чем-то: – Ты ведь не коммунист, правда?

Участливого соседа звали Джоуи, и он единственный разговаривал с Алексом в тот день. Остальные лишь неловко косились в его сторону, но старались держаться подальше. Барт, Стейси и Ральф уже раззвонили обо всем, что знали.

Возвращаясь домой, Алекс понимал, что сегодня у него появился первый в его жизни друг, но все равно чувствовал себя очень несчастным. Он так ждал того дня, когда пойдет в школу и будет играть там с другими ребятами. Он хотел иметь много друзей и надеялся найти их среди одноклассников. Теперь ему было ясно, что и в школе он будет одинок.

Одиночество было его обычным состоянием. Его тете Нине не нравилось, когда он играл с другими детьми. Она часто повторяла, что живущие по соседству мальчишки – просто глупое отродье и что он не должен попусту терять время, общаясь с ними. Она не позволяла Алексу играть на улице в софтбол, и он мог только с тоской следить за мальчишками из окна гостиной. Из дома Алекс выходил только вместе с Ниной, когда та шла за покупками, да еще два раза в неделю они выбирались на детскую площадку Миртль-авеню, где тетка садилась на лавку, прямая как кочерга, и вязала, присматривая за ним.

Алекс мог общаться с другими детьми, но даже тогда тетя раздражалась, когда он с кем-нибудь сближался. Тетю Нину Алекс любил больше всего на

свете и был готов на все, лишь бы не огорчать ее. Когда она уходила на работу, ему категорически запрещалось спускаться вниз и выходить на улицу одному. Старая миссис Шнайдер готовила ему обед, и Алекс проводил целые дни в гостинной, играя с немногочисленными игрушками, купленными ему Ниной.

Тетя Нина была самой доброй в мире. Большую часть своего времени она отдавала ему, обучая его русскому языку, географии и истории. Особенно Алексу нравились ее занимательные рассказы о животных. Выражение лица Нины всегда оставалось строгим, и она очень редко улыбалась, однако с ним она была неизменно добра и ни разу не отшлепала его. Все вечера они проводили вдвоем, а за дядей Самуэлем Нина ухаживала, только когда Алекс отправлялся спать.

Дядю Самуэля Алекс очень боялся. Он не мог без страха смотреть на его скрюченное тело, не мог слышать его бессмысленного лепета, а тяжелый запах вызывал у него тошноту, он старался лишней раз даже не подходить к спальне. Иногда ему снилось, что дядя встает с кровати и идет к нему, протягивая вперед трясущиеся руки и разевая беззубый рот, чтобы схватить его. Его лишенная волос голова, отсутствие зубов и белая, как мел, кожа делали дядю Самуэля похожим на кошмарное чудовище.

Всякий раз, когда Алексу снилось что-нибудь подобное, он с криком просыпался, и через считанные секунды Нина оказывалась рядом, обнимая его, гладя и успокаивая нежными русскими словами. В такие минуты ее обычно суровое лицо смягчалось, а глаза наполнялись теплом. Иногда Алекс замечал блестящие в них слезы. Тогда он крепче прижимался к ней, вдыхал ее родной запах и, свернувшись калачиком, засыпал. Он очень любил ее, она заменила ему мать.

Нина рассказала мальчику, что его настоящие отец и мать погибли в России в автомобильной катастрофе. Он родился в Москве, и у него был брат Дмитрий, всего на год моложе Алекса. Они с братом уцелели потому, что в день, когда произошла авария, их не было с родителями. Дмитрий остался в России с дальними родственниками.

Когда Алекс спросил, почему брат не приехал в Америку вместе с ним, Нина объяснила ему, что родственники Дмитрия непустили его за границу.

– Но почему, – продолжал допытываться Алекс, – почему у нас с братом не одни и те же родственники?

В самом деле, они же братья, а у братьев должны быть общие родные.

Тогда Нина неохотно объяснила ему, что они были братьями наполовину, что у них была одна мать, но разные отцы.

– А чей отец был в автомобиле в день катастрофы?

Мой или Дмитрия? – наседал Алекс, втайне надеясь, что погиб отец Дмитрия, а его отец жив.

Тетя Нина на мгновение смутилась, но потом коротко сказала:

– Они оба погибли, голубчик.

Алекс хотел еще спросить, не странно ли то, что оба его отца погибли в одной и той же аварии, но Нина отчего-то сильно разволновалась, и он решил отложить расспросы. Ему казалось, что он немного помнит своего брата. В его

памяти иногда всплывали смутные образы их просторной квартиры в Москве и лицо другого малыша, играющего с оловянными солдатиками на деревянном полу. Это был спокойный мальчуган со стеснительной улыбкой и миндалевидными темными глазами.

Он помнил и свою мать, ее улыбающиеся голубые глаза и длинные золотистые волосы, хотя скорее всего он вообразил себе все это по фотографиям, которые часто показывала ему Нина. У нее было несколько фотографий сестры, и Алекс приклеил одну из них на картонку и поставил в рамке возле своего дивана. Его мама была очень красивой женщиной, и он очень гордился этим. Алекс был уверен, что ни у кого из его одноклассников не было такой красивой матери.

Любил он рассматривать и фото своих дедушки и бабушки. У Нины еще была фотография, на которой его мать, совсем маленькая, сидела на руках полной хохочущей девчонки, которая оказалась его теткой. Все эти фотоснимки, многие уже пожелтевшие от времени, были собраны в старом альбоме, который Нина хранила на полке над своей кроватью.

Нина – тетка настаивала, чтобы он звал ее Ниной, а не тетей или тетушкой, – была сестрой его матери. Она рассказывала Алексу, что, когда они жили в Киеве, она фактически растила и воспитывала свою сестру. Она одевала ее словно куклу, заплетала волосы в косы, покупала шоколад и сласти. Оказывается, его мать любила сладости также сильно, как и он.

Еще Нина рассказала ему, что его мать и отец были поэтами и что оба – Тоня и Виктор – были евреями. Его бабушка и дед погибли во время войны от рук фашистов. Выжил только брат Нины Валерий. О нем было известно только то, что он стал врачом и работал в Ленинграде.

Становясь старше, Алекс постоянно расспрашивал Нину о своей семье, собирая и запоминая любые мелочи, хотя та подчас отвечала ему не очень охотно.

Самой большой драгоценностью была старая книжка стихов матери, которую Виктор Вульф привез Нине в Америку много лет назад. Почти каждый день, прежде чем отправиться спать, Алекс прочитывал одно-два стихотворения и вскоре уже знал многие из них наизусть. Больше всего ему нравилось “Письмо солдата”. Это была настоящая баллада о молодом солдате, который пишет письмо своей любимой, отправляясь в бой за Родину, из какого ему не суждено вернуться живым. В своем письме юноша писал:

Горячая пуля мне грудь не пронзит, пока тебя сердце хранит, Нет в мире оружия такого, какое любовь победит...

Любовь между мужчиной и женщиной пока не волновала Алекса, казалась скучной и непонятной, однако, читая это стихотворение, он был тронут сильными романтическими чувствами своей матери.

Другой поэмой, полюбившейся ему, была “Мое белое царство”, в которой описывалась снежная московская зима. Вчитываясь в эти строки, Алекс живо представлял себе высокие замки и дворцы, населенные отважными принцами и красивыми принцессами, представлял себе царицу Зиму, заснеженный Кремль и вечнозеленые ели в московских парках, ветви которых раскачивает холодный

северный ветер. Тогда ему очень хотелось попасть в Москву, чтобы своими глазами увидеть прекрасный и древний город, "...легенду в белом одеянье и сердца чистого мечту".

Благодаря безграничному терпению Нины он научился читать и писать по-русски раньше, чем по-английски. Нина практически не знала английского, и дома они говорили по-русски, но Алекс подолгу разговаривал с миссис Шнайдер. К тому же он общался с детьми на площадке, а когда тетки не было дома, он включал радиоприемника массивном деревянном ящике, стоявший в углу гостиной, и часами слушал спортивные передачи и радиопостановки. Приемник, конечно, работал, и когда Нина была дома, но она настраивала его на те станции, которые передавали в основном музыку.

У него не было книги стихов отца, и он знал только пять его стихотворений, вырезанных Ниной из русских литературных журналов и наклеенных на листы плотной белой бумаги.

Поэзия отца в отличие от стихов матери была более аскетичной и суровой. В его стихах говорилось о свободе, о борьбе против угнетения, о социальной справедливости. Алекс пока еще не понимал их до конца – он был всего лишь маленьким мальчиком, однако одно из стихотворений потрясло его.

Я с радостью умер бы тысячу раз
И в сотне костров бы сгорел,
Прошел все застенки и в тысячах петель
На улицах дымных висел,
Лишь знать бы, что дело мое не умрет,
Что дело останется жить,
Чтоб прах мой и сердце, собравшись в кулак,
Все цепи смогли раздробить.

Прочтя это, Алекс решил, что Виктор Вульф был человеком твердых убеждений, приверженным истине, с уважением и любовью относящийся к своим соотечественникам. Его стихи не так трогали Алекса, как нежные стансы Тони, однако его идеалы были куда более величественными. Алекс сумел разглядеть за чеканными рифмами страстную мечту отца изменить мир к лучшему и иногда сердился на мать за то, что она вышла замуж во второй раз. Ей следовало остаться верной Виктору Вульфу.

Фотографии отца у него не было, и он часто донимал Нину расспросами о том, как выглядел Виктор, когда во время войны приезжал в Нью-Йорк. Он интересовался не только его ростом, формой лица, цветом волос и глаз, но и тем, во что он был одет. Нина рассказала ему, что Виктор был худощавым, бледным, с широким лбом и пышными черными волосами. В его черных глазах, как она выразилась, постоянно присутствовала какая-то "потаенная мучительная боль". Алекс так до конца и не понял, что такое "потаенная боль", и Нине пришлось объяснить, что лицо его всегда выглядело печальным.

– Он был очень красивым, – закончила она. – Очень красивым, темноволосым и непонятным.

Алекс посмотрел на себя в зеркало и был разочарован: в зеркале он увидел светловолосого мальчугана с широко открытыми серыми глазами. Ему очень

хотелось быть хоть немного похожим на отца, но Нина сказала, что он пошел в мать, в ее сестру Тоню.

– За исключением, пожалуй, рта, – говорила она.

Алекс часто пытался вообразить отца, как он пишет свои стихи, склонившись над столом ночью, в полутемном кабинете, или как он преподает студентам в университете. Иногда он представлял его читающим свои стихи тысячам рабочих и крестьян, собравшимся на Красной площади.

Он довольно точно представлял себе, как выглядит Красная площадь. С закрытыми глазами он мог описать стены Кремля, его башни и ворога, храм Василия Блаженного, мавзолей Ленина, огромное здание ГУМа, вымощенный брусчаткой проулок, отлого спускающийся к Москве-реке. Он постоянно читал книги и журналы, пристально рассматривая фотографии, и вскоре знал Москву едва ли не лучше, чем Бруклин. Нина тоже говорила ему, что он знает о России больше, чем многие русские дети.

Он научился читать в возрасте пяти лет и прочел десятки книг, которые тетя постоянно приносила ему из Русской библиотеки в Грейвсенде. Алекс знал наизусть многие русские песни, особенно те, которые исполнял Ансамбль песни и пляски Советской Армии. Нина почти каждый вечер заводила эти заезженные пластинки на своем стареньком ручном патефоне, который Алексу ни под каким видом не разрешалось трогать. Когда ему исполнилось шесть лет, Алекс уже мог спеть гимн рабочих – “Интернационал” и знал очень многое об Октябрьской революции, о победоносной борьбе рабочих и крестьян России против своих поработителей, о Великой Отечественной войне с фашистами и о героическом труде всего народа, который превратил Советскую Россию в настоящий рай для ее жителей.

Особенно это касалось детей. Он очень хотел бы расти в таких же условиях, что и дети в СССР, хотел носить красный пионерский галстук, говорить по-русски и жить в доме, где все были бы русскими, если бы, конечно, нашлась такая волшебная палочка, которая могла бы перенести этот дом из России в Америку, через степи и океаны, через высокие горы и густые леса.

Так, во всяком случае, говорилось в одном из стихотворений Тони Гордон.

* * *

Вернувшись с работы домой в тот день, когда Алекс столкнулся с Ральфом и его друзьями, Нина застала племянника в подавленном настроении.

– Я больше не хочу ходить в школу, – угрюмо сказал он. – Мне там не понравилось.

Нина сняла пальто и шляпку, уселась рядом с ним на диване и ласково обняла за плечи.

– Я вижу, у тебя синяк на лице, – сказала она. – Расскажи мне, что у тебя стряслось, голубчик мой?

Алекс кратко пересказал ей инцидент с Ральфом. При воспоминании о том, как они дразнили его, на глазах Алекса снова выступили слезы.

– А потом, когда я пошел в класс, один мальчик, его зовут Джоуи, он...

– Что значит – потом? – спросила Нина, изображая крайнее удивление. – И ты так и спустил это Ральфу?

Алекс в растерянности поднял на нее глаза.

– О чем ты говоришь? Я не понимаю...

– Я говорю о том, что, когда тебя бьют, нужно давать сдачи, – твердо сказала Нина. – Нельзя никому позволять запугать себя. Кто бы тебя ни ударил, обязательно ударь в ответ. А ты вместо этого бежишь да еще являешься домой в слезах, словно маленький мальчик.

– Но, Нина, Ральф же гораздо сильнее меня!

Нина пожала плечами.

– Ну так что же? Может быть, он и победит тебя в нескольких кулачных боях, но потом ты либо победишь, либо причинишь ему такую боль, что он больше не захочет с тобой связываться. Тебя перестанут задирать и все оставят тебя в покое, если поймут, что драться с тобой небезопасно. А теперь ступай, – неожиданно закончила она. – Почитай что-нибудь и подумай над тем, что я тебе сказала.

Оставшись одна в своей крошечной комнатке, Нина украдкой смахнула со щеки слезу. Бедный маленький Алекс! Сегодня его в первый раз побили за то, что он осмелился высказать собственное мнение, и вряд ли этот раз будет последним. Сегодня его били за московское “Динамо”, а завтра будут бить за коммунистические идеалы. Дети бывают еще более жестоки, чем взрослые, в своем неприятии чего-то необычного и чужого. Алекс должен научиться драться, должен уметь постоять за себя. В противном случае он может сломаться, позабыть все, чему она его учила, и попытается стать таким, как все, – человеком толпы.

На следующий день вечером Нина снова застала Алекса с разбитым лицом. Она притворилась, будто не замечает ссадин на его лице и страшного рубца над распухшей губой, а Алекс не стал ей ничего рассказывать. Еще через день он выглядел гораздо хуже. Однако на четвертый день, несмотря на то что глаз его закрылся лиловым кровоподтеком, он бросился ей навстречу с победным криком, стоило ей только перешагнуть порог. Порывисто обняв Нину, он тут же выпустил ее и заскакал вокруг нее на одной ноге.

– Ральф снова на меня напал, – гордо объяснил он, – но я сумел ему ответить. Я ударил его прямо по колену. Жаль, что ты не видела, как он плакал и корчился в пыли, как червяк!

– Так ему и надо, – кивнула Нина. – Надеюсь, теперь он не будет тебя беспокоить.

Ральф и вправду больше не задирал Алекса, и его одноклассники нехотя, но приучились терпеть своего странного товарища. Все же в классе у Алекса не было друзей, кроме Джоуи Симпсона, смышленного и любознательного паренька, сына одного из школьных учителей. Джоуи очень привязался к своему странному знакомому, который, казалось, жил совсем в другом, сильно отличавшемся от его собственного мире, который одевался странно и смешно, мог читать по-русски и так интересно рассказывал о далекой России. И, конечно же, самым главным его достоинством было то, что он болел за

московское “Динамо”! Скоро приятели стали неразлучны, и Алекс больше не чувствовал себя одиноким. Однако прошло совсем немного времени, и Нина обнаружила, что ее племяннику угрожает опасность гораздо более серьезная, чем одиночество.

Медленно и сначала почти незаметно школа изменяла Алекса. Нина и раньше волновалась из-за того, что он вынужден был посещать американскую школу, и теперь сбывались ее худшие опасения. Мальчик вырвался из заботливо созданного ею защитного кокона и оказался с глазу на глаз со всеми соблазнами, которыми была так богата американская действительность. Большую часть дня он проводил теперь со сверстниками, разговаривая на английском языке, узнавая все больше и больше об Америке и о ее ценностях, о ее народе и обычаях. Споры нет, Америка была настолько прекрасна, что от ее красоты дух захватывало. Особенно пришлась Алексу по душе история Соединенных Штатов – яхта “Мэйфлауэр”, американская революция, война Севера и Юга... Слушая, как Алекс, захлебываясь от восторга, перечисляет эти памятные даты истории чужой страны, Нина почувствовала внезапный приступ острого беспокойства. Ей казалось, что в эти минуты он совсем забывает о России. Нина боялась, что Алекс незаметно станет чужим ей, а она ему и тогда ничто не поможет ей вернуть его обратно.

В конце концов он был всего лишь ребенком, легко поддающимся любому влиянию! Он играл с одноклассниками в софтбол, читал американские книги и был совершенно околдован первым увиденным фильмом – это был “Робин Гуд” с Эрролом Флинном в заглавной роли. Как-то ему встретились на улице еврейские мальчишки с длинными пейсами и в смешных ермолках, и это пробудило его интерес к своему происхождению.

– Кто я больше всего? – серьезно спрашивал он. – Я больше русский или больше еврей? Могу ли я быть еще и американцем?

Он все еще болел за “Динамо”, но ему нравились также “Доджеры” и “Янки”. Когда “Доджеры” переехали из Бруклина и обосновались на другом конце континента в лос-анджелесском Чейвз-Равине, Алекс разделял возмущение своих одноклассников.

– Они нас предали, – горячо убеждал он Нину тем же вечером, и глаза его пылали гневом. – Они предали Бруклин!

Теперь он одевался так же, как и другие дети, и требовал от Нины яйца всмятку и кукурузные хлопья к завтраку, шоколад “Херши” и жевательную резинку. Ему трудно было устоять перед гамбургерами и “хот догами”. Все чаще и чаще он приносил домой детские комиксы, с интересом следя за приключениями Супермена. Конечно же, он обожал мультфильмы про Микки-Мауса, Плуто и утенка Дональда, а после школы они с Джоуи любили посидеть в “Голливудском газированном фонтане”, где стоял настоящий телевизор.

Тревога Нины достигла предела, когда, вернувшись из школы, Алекс с гордостью поведал ей, что они учили национальный гимн. Потом он встал перед ней, серьезный семилетний ясноглазый мальчуган, и, прижав к сердцу правую руку, пропел ей своим приятным мелодичным голосом

“Звездно-полосатый флаг”. Закончив петь, он устался на нее, и Нина увидела, что щеки его пылают от волнения и переполняющих его сильных чувств.

– Замечательно, голубчик мой, – с трудом выдавила она похвалу. – Очень хорошо.

Телефон в квартире Нины Крамер звонил очень редко. В основном ее беспокоил мистер Шпигель по деловым вопросам. Время от времени звонили ее товарищи из Движения в защиту мира, однако тем осенним вечером Нина подозвала к телефону Алекса.

– Это тебя, – сказала она.

Алекс разговаривал по телефону всего два раза в жизни. Оба раза было очень плохо слышно, и теперь он изо всех сил прижал телефонную трубку к уху.

Это звонил Джоуи.

– Ты слушаешь новости? – завопил он радостно.

– Какие новости? – переспросил Алекс, слегка оглушенный. Должно быть, произошло что-то очень важное, если Джоуи так взволнован.

– погоди, я попросил папу записать, – отозвался Джоуи и серьезным голосом прочел: – “Телеграфное агентство Советского Союза сообщает, что СССР вывел на орбиту вокруг Земли первый искусственный спутник”.

– Ух ты! Вот это да!

– Спутник... – продолжал Джоуи. – Кстати, что означает это слово по-русски?

– Компаньон, попутчик, – объяснил Алекс. – Что там еще?

– “Спутник был выведен на орбиту советской ракетой-носителем, используемой в мирных целях. Он постоянно посылает радиосигналы, которые можно принимать на всей поверхности земного шара. Советский Союз, – с торжеством в голосе закончил приятель, – запустил в космос первый в истории человечества искусственный спутник и положил начало новой космической эре”.

Алекс пришел в такой восторг, что ему не хватало слов, чтобы выразить свои чувства.

– Замечательно, Джо! Замечательно! – закричал он в трубку. – Мы победили!

– Безусловно, – донесся голос Джоуи. – Поздравляю!

Вне себя от радости Алекс обнял Нину за талию и закружился с ней по комнате.

– Мы выиграли! – восклицал он. – Мы выиграли космическую гонку!

Он пел и кричал, не переставая при этом прыгать и скакать. Запыхавшись, он еле смог сообщить потрясающую новость тетке. Его энтузиазм был столь заразителен, что она тоже расхохоталась, кружа вместе с ним по комнате. Алекс ни разу не видел, чтобы она так улыбалась раньше.

– Это правда, голубчик мой? Спутник? Какое замечательное слово! Да, мой милый, сегодня действительно великий день!

– Американцы только хвастались, что хотят запустить спутник, но у них ничего не получилось... – задыхаясь от радости, бормотал Алекс, крепко

обнимая ее за талию. Голова у него закружилась, он споткнулся и чуть не упал. – А русские никому ни слова не говорили, а потом раз – и запустили! Мы в космосе, ура-а!

Нина кивала и улыбалась. У Алекса в голове внезапно промелькнула замечательная идея. Неожиданно оборвав танец, он помчался на улицу. Там, в киоске Лоуи, он купил вечерний выпуск газеты, на первой полосе которой уже был огромный заголовок: “Красный спутник в космосе”. Под ним была помещена фотография, распространенная советским агентством новостей, – сверкающий шар, ощетилившийся тоненькими антеннами.

Вернувшись домой, Алекс вырезал из газеты передовую статью с фотографией, приклеил ее на картонку и прикрепил кнопками к стене над своим столом. Рядом с цветным плакатом с изображением Красной площади и черно-белым снимком, на котором советские солдаты водружали над Берлином флаг победы, спутник смотрелся великолепно. Кроме этих картинок, на стене уже висели портреты Карла Маркса и Сталина, а также изображение знаменитого броненосца “Потемкин”, который, по мнению Алекса, выстрелом из своего орудия дал сигнал к штурму Зимнего дворца в Петрограде. Почетное место в этой скромной частной коллекции занимал маленький бронзовый бюст Ленина, который стоял у Алекса на столе.

В последующие годы его собрание пополнялось другими, самыми разными фотоснимками и вырезками из газет и журналов. Там были портрет Гагарина – первого русского космонавта, красочный плакат со сценой из балета Большого театра, цветной снимок московского “Динамо”, на котором футболисты были сфотографированы в своих голубых майках на поле своего стадиона в Москве. Каждый год Алекс выбирал “снимок года” и вывешивал над столом, аккуратно выведя памятную дату в правом нижнем углу.

В 1960 году это были обломки шпионского самолета У-2 пилота Пауэрса, сбитого советской зенитной ракетой; в 1961-м на стене появился портрет бородатого улыбающегося Фиделя Кастро с сигарой в зубах, который прибыл в залив Свиней, чтобы проинспектировать последствия провалившейся с таким треском операции ЦРУ.

Алекс хотел бы повесить на стену пару вымпелов, концертную фотографию “Битлз”, смешную открытку с кроликом Банни, подаренную ему Джоуи, и портрет Джонни Вейсмюллера в роли Тарзана, но Нина пришла в ярость.

– Я не потерплю этого мусора в своей гостиной, – отрезала она.

Она также не позволила Алексу вывесить его любимый портрет президента Кеннеди. На фотографии молодой президент шагал в спортивной рубашке по ржаному полю, а за спиной его нависли над горизонтом грозовые тучи. Нина твердо сказала Алексу свое окончательное “нет”, хотя это было еще до попытки вторжения американских войск на Кубу.

Алекс считал, что Нина поступает несправедливо. Кеннеди подверг жесткой критике прежнего президента Эйзенхауэра за ложь русским о разведывательном полете У-2. Эйзенхауэр тогда заявил советскому премьеру Хрущеву, что он ничего не знал о задании, которое выполнял американский

летчик над территорией России. Это, вне всякого сомнения, было неправдой, и Кеннеди громко объявил об этом, хотя американский народ мог отвернуться от него за то, что он говорит столь нелицеприятные вещи об их любимом Айке.¹

Но эти доводы Нину не убедили, и она сердито сорвала портрет со стены.

– Никто из моих друзей никогда не увидит в моем доме портрет американского президента, – неумолимо и твердо сказала она, и Алекс подчинился, хотя он никак не мог взять в толк, чем так насолил Нине американский президент.

Кроме того, ее “друзья” перестали навещать Нину с тех пор, как он поселился в гостиной. Алекс догадался, что до его появления в гостиной иногда устраивались собрания бруклинского отделения Движения в защиту мира и лиги Розенбергов, уже давно казненных. В основном сюда приходили немолодые люди, плохо и бедно одетые, которые говорили с сильным иностранным акцентом.

– Вот поэтому за мной и следят те люди в автомобиле, – объяснила ему Нина.

Алекс не знал, что это за люди, но догадался, что за Ниной следят потому, что она поддерживает Советский Союз.

Впрочем, в последнее время люди в автомобиле появлялись крайне редко, всего один или два раза за несколько месяцев. Они подъезжали к дому вечером и, посидев в машине часа два, исчезали. Иногда агенты появлялись без машины. Тогда они со скучающим видом вышагивали по тротуару под окнами или следовали за Алексом. По-видимому, они считали себя хитрыми и ловкими, но Алекс быстро научился распознавать филеров, и его трудно было провести.

Мальчик рос очень наблюдательным, обладал острым восприятием и цепкой памятью. Он даже разработал собственную методику, позволяющую ему обнаружить преследователей. Со временем это превратилось для него в увлекательную игру, в которой он с удовольствием участвовал. Он выискивал на своей улице незнакомцев и старался убедиться, что почтальон, молочник, разносчик из прачечной и мальчишка из бакалейной лавки, проходившие мимо их подъезда, – именно те люди, которых он знал в лицо. Алекс подолгу рассматривал автомобили разъездной торговли, появлявшиеся по соседству, и запоминал названия фирм, которым эти автомобили принадлежали, а также обращал особенное внимание на легковые машины, которые приезжали из других частей города.

Отправляясь в школу, он часто менял свой маршрут, кружил по хорошо знакомым улицам и проходным дворам, определяя, есть ли хвост. Он следил за происходящим за спиной, рассматривая отражения в витринах магазинов. Иногда Алекс неожиданно останавливался и резко оборачивался назад, высматривая преследователей среди прохожих. Он старался даже запомнить лица людей, которых он встречал на улице, ибо одним из его главных

¹ Эйзенхауэр, Дуайт Дэйвид (Айк) – 34-й президент США (1953-1961).

достоинств была отличная зрительная память. Дважды ему Удалось заметить, что двое мужчин, которых он уже видел возле своего дома, следуют за ним по пути из школы. Отвязаться от них оказалось легче легкого, а их неуклюжесть развеселила его.

Теперь он учился в седьмом классе высшей ступени средней школы Джефферсона с Джоуи, Ральфом и Степем. В школе он очень хорошо успевал по всем предметам, кроме математики, которая была его слабым местом. Недавно Алексу исполнилось тринадцать, и он рос не по дням, а по часам. Он начал поглядывать на девочек, хотя пока никто персонально не привлекал его. Джоуи же был влюблен в Лауру Гендель, девочку из их класса с рано развившейся фигурой, хотя Алексу она казалась чересчур полной.

* * *

Понемногу он превращался в высокого, атлетически сложенного молодого человека. Еще со времен своих стычек с Ральфом он решил научиться защищать себя и каждое утро совершал пробежки, а летом плавал в океане и упорно тренировался дома. В свободные вечера он ходил в боксерскую школу Большого Джека Макмиллана, где подавал полотенца, помогал убирать ринги и раскладывал по корзинам мокрую от пота форму тренирующихся там парней. Алекс пристально следил за спарринг-боями и старался запомнить каждое движение бойцов. Иногда сам Большой Джек, огромный и сильный мужчина с красным лицом и расплюснутым боксерским носом, вручал Алексу пару перчаток и позволял молотить тяжелую “грушу” или давал практические советы.

– Когда дерешься с противником, – часто повторял Джек, жуя свою сигару, – помни правило номер один: левая нога впереди, согнута в колене, правая сзади, поддерживает твой вес. Потом делаешь движение всем телом вперед, как будто бросаешь его, переносишь тяжесть на левую ногу, а всю силу вкладываешь в удар правой – бац!

Алекс раз за разом повторял это упражнение, но Большой Джек только недовольно качал головой.

– Нет, парень, не получается. Бойца из тебя не выйдет. В тебе нет огня, нет агрессивности. А это самое важное, понимаешь? “Инстинкт убийцы”!

И все же его усилия не пропадали даром. Бицепсы Алекса становились все больше, и он с удовольствием ощущал, как твердеют его мускулы, когда он сжимает кулаки. Рубашки стали тесны ему в плечах.

Нине приходилось постоянно перешивать что-то из его одежды, покупать новые, более просторные вещи, чтобы успеть за его стремительным ростом. Летом на распродаже в универмаге Маршалла она купила ему прекрасную куртку летчика из натуральной кожи. От куртки чудесно пахло, меховой воротник приятно согревал Алексу шею. Куртка была совершенно новой в отличие от большинства вещей, приобретенных Ниной в магазине Поллака, где торговали поношенной одеждой. Алекс был так счастлив, что с трудом дождался прохладной погоды, когда куртку можно было носить.

В первый же день осени, когда он, гордый, отправился в школу, облаченный в свое кожаное сокровище, небольшая группа учеников поджидала его у ворот. Там были и Ральф, и Стейси, а также еще два паренька, которых звали Брэд и Томми. Барт, который дразнил его в первом классе, переехал на Манхэттен, ибо туда отправился его внезапно разбогатевший отец. Алекс обратил внимание, что при виде его мальчишки сразу замолчали, и сообразил, что его снова ждут неприятности.

* * *

Он догадывался, в чем дело. Накануне вечером президент Кеннеди с тревогой объявил, что советские ракеты, размещенные на Кубе, угрожают безопасности Соединенных Штатов. Разведывательный самолет США, пролетевший над островом, сумел сфотографировать пусковые установки ракет. Алекс смотрел вечерние новости по телевизору в “Голливудском газированном фонтане”, куда они отправились вместе с Джоуи, и своими глазами видел эти снимки. Кеннеди также заявил, что боевые расчеты ракет укомплектованы советскими солдатами. Джоуи считал в этой связи, что Америка должна немедленно оккупировать Кубу и убить Кастро.

Известие об обнаруженных на Кубе ракетах потрясло мир. Алекс не понимал, почему Советский Союз, будучи миролюбивой державой, угрожает Америке ракетами. Нина объяснила ему, что все обстоит как раз наоборот: именно американские ракеты, размещенные по всему земному шару, угрожают безопасности Советской страны и что именно американские бомбардировщики постоянно дежурят в небе, готовые по приказу президента в любую минуту подвергнуть СССР ядерной бомбардировке. Именно Соединенные Штаты являлись агрессором, строящим планы уничтожения России. Советский премьер Никита Хрущев вынужден защищать свою страну!

Хрущев Алексу не нравился. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН советский лидер был так возмущен антисоветской речью кого-то из выступающих, что снял ботинок и, выкрикивая угрозы, сердито стучал им по трибуне. Алексу казалось, что протест в такой форме выглядит слишком наивным и детским и не к лицу руководителю великой страны. Нине пришлось снова объяснять ему, что в поведении Хрущева не было ничего предосудительного.

– Американцы превратили Организацию Объединенных Наций в орудие пропаганды против СССР, – сказала она. – Россия должна была показать всем, что больше не собирается мириться с подобным положением.

Алекс не спорил. Однако вчера вечером, слушая выступление президента Кеннеди по телевидению, он вспоминал злополучный ботинок и сердитые крики Хрущева.

Когда Алекс приблизился к школьным воротам, Ральф преградил ему путь.

– Мы не хотим, чтобы ты учился с нами в одной школе, – злобно сказал он. – Это американская школа, и здесь не место красным шпионам.

С этими словами он схватил Алекса за рукав.

– Отпусти, – пробормотал Алекс негромко. – Я не хочу драться.

С Ральфом они не дрались с первого класса, однако их взаимная неприязнь была настолько сильной, что они почти не разговаривали друг с другом.

– Цыпленочек, – поддразнил его Ральф. – Маленький желторотый цыпленочек.

“Спокойнее, – сказал себе Алекс, – ты один против четверых. Как бы избежать драки?”

– Может быть, хочешь пальнуть своими ракетами прямо сейчас? – насмешливо спросил Томми, красивый белокурый и голубоглазый мальчишка.

– Ты шпион! – злобно выкрикнул Стейси, делая шаг к Алексу.

– Неправда, – сердито ответил Алекс, стряхнув с плеча руку Ральфа.

– А мы видели по телевизору, как ты шпионил за нашим послом в Москве. Ты подлый фискал и использовал наш герб, – снова заговорил Томми. – Разве тебе не стыдно?

Накануне вечером в телевизионной программе новостей седой человек по имени Генри Кэбот Лодж демонстрировал герб Соединенных Штатов в виде орла, вырезанного из дерева. Русские ухитрились поместить подслушивающее устройство в его внутренней Полости, как раз в клюве птицы. Герб висел на стене в кабинете посла Америки в России, и русские прослушивали все его разговоры.

Алекс попросил разъяснений у Нины, и тетя ответила ему, что Советский Союз не может не защищаться и всем известно, что американское посольство в Москве занимается сбором разведывательной информации о Советской Армии.

– Все вы шпионы! – вступил в разговор Брэд, приземистый плотный мальчишка с рябым лицом. Его черные маленькие глазки смотрели на Алекса подозрительно и злобно. – Мы-то знаем, что у тебя в семье все шпионы.

– Неправда! – защищался Алекс. Вокруг них уже собралась небольшая толпа школьников, которые сердито глядели на него.

– Убирайся в свою Россию! – произнес у него за спиной чей-то тонкий голосок.

– Твои родители сидят в тюрьме за шпионаж, – прошипел Брэд.

– Нет! – Алекс вспыхнул. – Они погибли в автомобильной катастрофе.

– Лжешь, – перебил его Ральф. – И твоя любимая тетя тоже шпионка. Мой папаша сказал, что ее зовут Нина Крамер и ее судили за шпионаж. Мы видели фотографию в газетах.

– Но это не так!

– Мы видели твою Нину, когда она приходила забирать тебя из школы, – продолжал Ральф.

Алекс помнил, что Нина действительно два или три раза приходила в школу после уроков и ждала его у ворот.

– Она приходила шпионить за нашей школой, чтобы выстрелить по ней ракетой и убить всех нас. Она тоже попадет в тюрьму, как и все другие шпионы!

Дети приветствовали слова Ральфа одобрительным гулом.

– Алекс! Саш-ша! – пропищал Стейси противным голоском, театральным

жестом протягивая руки к Алексу. Затем он начал ходить кругами вокруг него, копируя походку Нины. – Иди сюда, Саш-ша! – продолжал он, пытаясь передать ее сильный акцент. Очевидно, он подслушал один из их разговоров.

Остальные дети расхохотались.

– Ее повесят, – сказал уверенно Ральф, воодушевленный поддержкой. – А может быть, поджарят на электрическом стуле.

– Ты, гад! – взорвался Алекс.

Он не мог допустить, чтобы этот мерзкий подонок оскорблял его Нину. Размахнувшись, он попытался ударить Ральфа по лицу, но тот уловил его движение и отступил назад. Кулак Алекса лишь слегка задел его по щеке. В следующую секунду Ральф ловко пнул ногой его в пах.

Боль была нестерпимая. Алекс со стоном сложился пополам. Одобрительные хлопки и приветственные крики школьников, подбадривавших Ральфа, доносились до него как будто сквозь слой ваты. Трое приятелей Ральфа, немного поколебавшись, тоже вступили в драку.

Но они мешали друг другу, и их удары не достигали цели. Алекс слегка перевел дух, хотя боль еще не отпустила его. Когда Брэд попытался схватить его за пояс, Алекс ударил его носком ботинка по голени, и тот потерял равновесие. Падая, Брэд схватил его за рукав новенькой куртки. Раздался треск, и мальчишка повалился на землю, сжимая в пальцах оторванный рукав.

В ярости Алекс оттолкнул Брэда подальше и локтем двинул Стейси в живот. Стейси отпрянул, не в силах вдохнуть воздух.

Перед Алексом стоял один Ральф. Он настолько был уверен в себе, что даже не потрудился защитить лицо. Сейчас! В памяти Алекса отчетливо прозвучал голос Большого Джека: “Левая нога согнута в колене и выдвинута вперед, вес тела приходится на правую ногу. Переносишь тяжесть тела на левую ногу, всю силу вкладываешь в удар – пошел!”

Алекс изо всей силы ударил Ральфа в подбородок, мощный удар был направлен снизу вверх. Ральф отлетел назад и рухнул на пешеходную дорожку, закатив глаза.

Однако триумф Алекса оказался недолгим. Брэд и Стейси успели вскочить на ноги и теперь с двух сторон схватили его за руки, а Томми несколько раз ударил Алекса кулаком в живот. От боли Алекс согнулся, и Томми ударил его в лицо. Алекс извивался в руках своих врагов, пытаясь лягнуть Томми ногой, но Брэд и Стейси крепко держали его руки, а Томми продолжал молотить его кулаками и коленями.

– Проклятый шпион! – приговаривал он при этом. Один из его ударов рассек Алексу бровь, и горячая кровь залила левый глаз, мешая смотреть, а вся щека горела точно в огне.

– Что вы делаете?! Немедленно прекратите! – раздался рядом гневный возглас. Мальчишки немедленно выпустили Алекса и разбежались. – Все равно я вас всех видел! – прокричал человек им вслед, и Алекс узнал голос мистера Либлиха, преподавателя математики.

Учитель в синем костюме и мягкой черной шляпе с широкими полями, которую он всегда надевал на улице, погнался за драчунами и исчез во дворе

школы. Алекс покачнулся и скорчился на грязном бордюре, держась руками за живот. Его тошнило. Новая куртка окончательно испорчена: кроме оторванного рукава, коричневая гладкая кожа была сильно исцарапана и местами прорвана. “Что скажет Нина?” – подумал Алекс, но тут же забыл о своих несчастьях, увидев, что Ральф все еще лежит на асфальтовой дорожке.

Наконец он застонал и неуверенно поднялся на ноги, тряся головой словно собака, вышедшая из воды. “Видел бы меня Большой Джек!” – с гордостью подумал Алекс. Это был безупречный нокаут, достойный профессионала.

На следующее утро Нину и Алекса вызвали в кабинет директора. Мистер Холловэй стоял за своим большим столом, нервно постукивая тупым концом карандаша по страницам раскрытого личного дела. Над его головой на стене рядом с национальным флагом висел портрет Томаса Джефферсона². Справа от него в шкафчике со стеклянными дверцами стояли десятки мерцающих кубков – коллекция спортивных трофеев и наград школьных команд за разные годы. В небольшом кабинете стоял застарелый запах крепкого табака.

Директор, худой человечек средних лет с редкими седеющими волосами и выступающими скулами, не производил внушительного впечатления. Поношенный пиджак свободно свисал с его узких костлявых плеч, а тогда морщинистая шея торчала из широкого воротника серой рубашки, которая была ему явно велика. Алекс знал, что директор всегда говорил негромко и никогда не повышал голоса, однако сегодня, по-видимому, случай был особый. Он смотрел на них холодным, неприязненным взглядом, а на скулах его пылали красные пятна гнева. Мистер Холловэй даже не предложил Нине сесть.

– Я буду краток, – начал директор, и по его тону стало ясно, насколько он сердит. – Вчерашнее происшествие является позором для школы Джефферсона. Вашему поведению, Алекс Гордон, нет никаких оправданий. Я не потерплю никаких драк среди своих учеников.

– Но их было четверо против меня одного, – возразил Алекс.

– Школа еще не скоро забудет о вчерашнем скандале, – продолжал мистер Холловэй, словно не слыша Алекса. Его рука с трубкой потянулась к круглой пепельнице, но потом остановилась и вернулась обратно.

– Свидетелями драки были многие школьники. Они не только были испуганы, но некоторые даже получили увечья. – Мистер Холловэй взглянул на разбитое лицо Алекса. – Ральф Бэрр лишился двух зубов и находится в больнице.

“Так ему и надо! Поделом!” – обрадовался Алекс, однако произносить эти мысли вслух не стал. Вместо этого он сказал, отвернувшись от Нины:

– Мне порвали новую куртку...

Директор поднял руку.

– Я не позволю превращать мою школу в антиамериканское заведение!

– Что он говорит? – встревожилась Нина, но Алекс сделал ей знак подождать. Ему было очевидно, что мистер Холловэй винит во вчерашнем

² Джефферсон, Томас – третий президент США (1801 – 1809), составитель Декларации независимости.

происшествии только его.

– Вы, молодой человек, – продолжил директор, – вряд ли можете подать своим товарищам пример американского патриотизма.

– Но я не...

Холловэй не дал ему договорить.

– С самого первого дня пребывания в нашей школе вы, не переставая, высказываете мысли и суждения, лестные для нашего злейшего врага – Советской России и враждебные по отношению к Соединенным Штатам. Я прекрасно осведомлен о том, как вы ведете себя в классе. Вы ведете себя так, как будто не имеете никакого отношения к стране, в которой живете. Возможно, в этом нет вашей вины, но тогда тем более прискорбно, что ваша... – он посмотрел на Нину, – ...ваша семья воспитала вас подобным образом.

– Что вы сказать о семья мальчика? – удалось переспросить Нине на ломаном английском.

– Мой телефон не переставая звонит со вчерашнего вечера, – повернулся к ней директор. – Ко мне поступили жалобы от очень многих родителей, которые требуют исключить вашего племянника из школы.

– Кто эти родители? – воинственно перебила его Нина.

Вчера вечером, когда Алекс рассказал ей о драке, она крепко поцеловала его и одобрила:

– Ты молодец, голубчик мой. Ты поступил правильно!

– Например, мистер Бэрр, – ответил директор. – Мистер Варшавский, отец Стейси, а также один из наших учителей, мистер Джон Симпсон.

– Мистер Симпсон? – Алекс был потрясен. Джон Симпсон был отцом Джоуи.

– Именно так, – подтвердил мистер Холловэй. – Он считает, что вы дурно влияете на его сына.

Впервые Алекс испугался. Если даже отец Джоуи не хочет, чтобы они дружили... Несмотря ни на что, Алекс любил свою школу, и ему нравились некоторые одноклассники и учителя. Если его выкинут, он не сможет больше видиться с Джоуи.

– Пожалуйста, не делайте этого... – заговорила Нина, уяснив, чем угрожает директор ее Алексу.

– Я принял решение не исключать вас, – сказал директор, строго глядя в лицо Алексу. – Вы прекрасно учитесь и на этот раз отделаетесь предупреждением. Скажите спасибо, что страна, приютившая вас, – демократическая и вы имеете право открыто высказывать самые возмутительные суждения. Уверяю вас, что в Советском Союзе дело обстоит совсем не так.

Директор вытер лоб серым носовым платком.

– Вас переведут в другой класс, подальше от Ральфа Бэрра и его друзей...

“И от Джоуи”, – подумал Алекс.

– Я официально предупреждаю вас, что, если услышу еще одну жалобу на ваше недостойное поведение, исключу вас немедленно. Это ясно?

– Да, – прошептал Алекс. Горло его перехватило. То, что здесь

происходило, было несправедливо, и он хотел возразить, что ни в чем не виноват, однако Алекс боялся ухудшить ситуацию и промолчал. Никогда он еще не чувствовал себя таким униженным.

На самом деле ни угроза мистера Холловэя исключить его из школы, ни боязнь новой схватки, ни даже страх расстаться с другом Джоуи не помешали бы Алексу свободно высказывать свое мнение. Причина крылась в другом.

Однажды вечером, через несколько дней после начала Карибского кризиса, они с Джоуи снова были в “Голливудском фонтане”. Отец по-прежнему запрещал ему встречаться с Алексом, но Джоуи не обращал на это внимания. На этот раз он спешил поделиться с другом радостью – Лаура ответила на его записку, но Алекс не слушал его. Он был готов к тому, что каждую минуту может разразиться война между Советским Союзом и Соединенными Штатами, особенно теперь, после того как президент Кеннеди отдал распоряжение ВМС США о блокаде Кубы. С экрана телевизора постоянно доносились сообщения дикторов о том, что с минуты на минуты будет оглашен специальный информационный бюллетень.

– И вот она подошла ко мне, – восторженно сообщил Джоуи, – и говорит: “Это но ты написал мне ту миленькую записочку, Джоуи?” А я говорю...

– Помолчи, пожалуйста, – перебил его Алекс, и Джоуи, явно оскорбившись, закрыл рот.

На экране телевизора как раз появились крупные титры “Специальное сообщение”, а затем возникло лицо диктора.

– Сегодня утром советский премьер Никита Хрущев, – серьезным, чуточку торжественным голосом зачитал сообщение диктор, – официально объявил о том, что советские ракеты будут выведены с Кубы. Хрущев заявил, что СССР пошел на этот шаг в интересах дела мира...

– Что?! – изумился Алекс.

Джоуи покачал головой.

– Я не верю в это.

– Советский Союз готов предъявить мировому сообществу все необходимые доказательства и гарантии того, что эти намерения серьезны, – продолжал диктор.

На экране, однако, его лицо сменилось кадрами кинофильма, снятого с низколетящего военного самолета. Съемки позволяли рассмотреть советские военные корабли, отплывающие с Кубы. На палубах кораблей были размещены длинные, цилиндрической формы предметы, укрытые брезентом. Заметив приближающийся военный самолет, русские матросы сняли брезентовые чехлы, демонстрируя ракеты. Они махали американцам руками, а один из кадров, сделанный с очень близкого расстояния, позволил рассмотреть даже приветливые улыбки на лицах военных моряков.

– Должно быть, я сплю, – пробормотал Джоуи.

Алекс молчал, он был слишком расстроен, чтобы обсуждать с другом случившееся. Ощущение было такое, словно кто-то ударил его молотком по голове. Почему русские так поступили? Что теперь будет?

Понемногу он пришел в себя. Русские капитулировали перед

американцами и теперь отступали. Они уходили с Кубы “в интересах мира”, и это могло означать только одно: когда они размещали ракеты на революционном острове, они действовали в интересах войны. Может быть, Россия совершила ошибку? Прав ли был Кеннеди, когда назвал русских агрессорами?

Алекс спрыгнул со своего табурета и ринулся к двери.

– Куда ты? – крикнул ему вслед Джоуи, но Алекс не ответил.

Всю дорогу домой он бежал и ворвался в квартиру точно смерч или ураган. Нина готовила в кухне.

– Хрущев выводит ракеты с Кубы, – задыхаясь, выкрикнул он. – Он уступил!

Алекс пристально смотрел на Нину, и она растерялась. Она быстро-быстро заморгала, нахмурилась и неуверенно переспросила:

– Это что, шутка?

– Нет, не шутка! Я сам видел русские корабли, отплывающие с ракетами. Их показывали по телевизору!

Некоторое время Нина молча смотрела на него, потом опустилась в кресло, плотно сжав губы, как всегда в минуты раздумья.

– Ну, – сказала она наконец, – это еще раз доказывает, что Советский Союз – миролюбивая страна, которая ради сохранения мира готова даже поступиться...

Но Алекс не мог ей поверить.

– Как ты можешь так говорить! – взорвался он. – Как ты можешь продолжать их защищать? Они чуть не начали мировую войну!

– Но, Алекс...

– Ты всегда их защищаешь, не так ли? Ты всегда находишь веские причины, по которым они делают то или иное. Ты не можешь смириться с тем, что они тоже могут поступать неправильно!

Он бросился в гостиную и сорвал со стены портрет улыбающегося Кастро.

– Нечего тут улыбаться! – пробормотал он со злостью.

Но самое страшное случилось сразу после праздника Шавуот³.

В последнее время Алекс стал особенно интересоваться иудаизмом. В прошлом году ему исполнилось тринадцать, но Нина отказалась праздновать его “бар мицва”⁴, который она считала варварским обычаем.

Алекс остался этим крайне недоволен. Его очень интересовало, как евреям удавалось выжить на протяжении стольких веков, и он хотел больше узнать о своем народе. “Должно быть, что-то особенное в нашей религии, – размышлял он, – раз она помогла нам справиться со всеми катастрофами и уцелеть, несмотря на все преследования и массовые убийства”. Он надеялся, что религиозная учеба накануне “бар мицва” приоткроет ему секреты иудаизма,

³ Иудейский религиозный праздник, посвященный обретению Моисеем Заповедей Господних.

⁴ Церемония, посвященная достижению еврейскими мальчиками тринадцати лет – возраста, с которого в иудаизме наступает религиозная ответственность.

однако спорить с Ниной ему не хотелось. Алекс решил, что, когда он станет старше, обязательно попытается с этим разобраться.

В день еврейского праздника Шавуота он, ничего не сказав Нине, отправился в ближайшую синагогу. Но служба его разочаровала. Мужчины в ермолках и молитвенных шалях пели и молились на иврите. Он ни слова не понял, а не зная содержания молитв, не имел ни малейшего понятия, когда вставать и когда садиться. Даже среди своих соплеменников он чувствовал себя чужим.

На следующий день он заметил Ральфа Бэрра, выходявшего из классной комнаты, в которой должны были начаться занятия. Несмотря на то что в прошлом они часто дрались, теперь оба демонстративно игнорировали друг друга; еще одна потасовка грозила исключением из школы обоим. Однако в это утро Алекс заметил на лице своего врага злобную ухмылку. Удивленный, Алекс подошел к своему столу.

На столе лежал чистый белый конверт. Когда Алекс открыл его, из конверта выпала газетная вырезка. Это была статья из “Дейли ньюс”, датированная прошлым четвергом. Заголовок гласил: “Русские тайно казнят выдающихся еврейских литераторов”. Статью сопровождали несколько фотографий, на которых были изображены пожилой человек в очках по фамилии Михоэлс еще один худой мужчина с высоким лбом по фамилии Фефер, однако его внимание сразу же привлекли два имени, обведенные красным карандашом.

Виктор Вульф и Тоня Гордон-Вульф.

Колени его подогнулись, и он упал на стул. Сердце в груди отчаянно колотилось. Кто-то из класса окликнул его – он не ответил. С трудом сглотнув, он попытался продолжить чтение. Строки сливались, слова плясали перед его глазами, и ему приходилось читать каждое предложение по два или три раза.

В статье говорилось, что в 1949 и 1953 годах органы государственной безопасности тайно арестовали и казнили нескольких известных еврейских литераторов и философов, живших в России. На судебном разбирательстве, которое было циничной насмешкой над правосудием, их обвинили в измене Родине и шпионаже в пользу Англии и США. Большинство из них были расстреляны, остальные сгинули в концентрационных лагерях. Все они были невиновны и пали жертвой сталинской мании преследования.

Казни происходили в глубокой тайне, говорилось в статье, и о них так бы ничего и не стало известно, если бы об этом деле не рассказал советский дипломат, в прошлом месяце попросивший в США политического убежища. Те сведения, которые он сообщил, наконец-то пролили свет на таинственное исчезновение с российской литературной сцены сразу столь многих видных писателей в начале 50-х годов.

Далее следовал список уничтоженных Сталиным писателей и поэтов. В этом списке были имена его матери и отца.

Алекс поднялся и вышел из класса. Учитель математики что-то сказал ему вслед и посмотрел на него удивленным взглядом, но Алекс не слышал. Снаружи шел Дождь, теплый дождь, какой бывает в начале лета, и его тяжелые

капли падали на лицо Алекса, когда он пересекал школьный двор. Ральф, конечно, подонок, но сейчас ему было не до него. Этот кретин просто вырезал из газеты статью и положил ему на стол.

Алекс медленно шел по улицам, и дождь мочил его волосы, одежду и стекал по лицу. Когда он пересекал Флэтбуш-авеню, он чуть не попал под машину. Водитель, мордастый господин с толстой сигарой в зубах, погрозил ему кулаком и что-то прокричал.

Войдя в магазин Шпигеля, Алекс сразу прошел через торговый зал в глубь помещения. Продавщицы окружили его, и одна из них сказала:

– Это Нинин племянник. Смотрите, как он промок!

Действительно, его промокшие башмаки оставляли на ковре грязные следы. Мистер Шпигель, толстый лысый мужчина в очках в золотой оправе и в синем строгом костюме, даже привстал со своего места, удивленно уставившись на Алекса.

Наконец Алекс отыскал Нину. Тетка бросилась ему навстречу, и на лице ее смешались смущение и забота. Она просила его никогда не приходить в магазин без крайней нужды, чтобы не раздражать мистера Шпигеля.

Она что-то спрашивала у него, но Алекс не слышал. Сунув руку в карман рубашки, он медленно вынул оттуда газетную вырезку, промокшую насквозь, как и он сам.

– Скажи... – начал он, но голос его прозвучал удивительно тихо и тонко, так что его едва было слышно. – Скажи, ты знала об этом? Ты знала о том, что Сталин убил моих родителей? Знала?

Нина пристально смотрела на него. Трясущаяся рука поднялась к губам, а глаза наполнились мукой и болью.

* * *

Алекс писал своему брату по-русски:

“Мой любимый брат Дмитрий!

Я писал тебе уже несколько раз, но не смог тебя найти. Я посылаю тебе поздравления с Новым годом и с днем твоего рождения. Тетя Нина говорит, что ты родился 6 июля 1950 года. Но все мои письма возвращались ко мне со штампом московской почты. Наверное, у меня неправильный адрес, и теперь я напишу на конверте, чтобы это письмо переслали тебе по твоему новому адресу. Надеюсь, что на этот раз ты получишь мое письмо. Это важно, потому что у меня для тебя плохие новости.

В американской газете написали, что наша мама и мой отец были казнены советской службой безопасности по обвинению в измене. Знал ли ты об этом? Я не верю в то, что мои родители могли быть предателями. Должно быть, ты знаешь, что наша мама была известной советской поэтессой. Мой отец, как и твой, ни за что бы не женился на ней, если бы она сделала что-нибудь плохое. То, что их убили, – это просто ужасная ошибка. Может быть, твой папа поможет нам узнать правду? Я знаю, что он работает в вашей службе безопасности. Спроси у него, ладно? Я часто читаю мамины стихи и не могу

поверить в то, что она предала Родину, она так любила Советский Союз! Мама часто снится мне по ночам, и тогда я просыпаюсь и плачу.

Пожалуйста, напиши мне, как только получишь это письмо. Мне очень хочется встретиться с тобой. Мне кажется, что я тебя помню – у тебя были русые волосы и черные глаза. Правда ли это? А как ты учишься? Я учусь хорошо по всем предметам, кроме математики, которую я терпеть не могу. Может быть, это оттого, что у нас плохой учитель. Зато я очень люблю читать, люблю музыку, особенно “Битлз”, и еще мне очень нравится цветное телевидение. Какое телевидение у вас в Москве? Тетя Нина говорит, что оно лучшее в мире.

Еще я немного занимаюсь боксом и играю в софтбол. Русского футбола в Америке нет.

Пожалуйста, напиши мне.

Твой любящий брат

Алекс”.

Три месяца спустя письмо снова вернулось к Алексу. На конверте стоял большой лиловый штамп с надписью на русском языке: “По этому адресу не проживает”.

Глава 5

В пять минут восьмого Никита просунул в дверь свою яйцевидную голову и помахал Дмитрию.

– Приготовься, – прохрипел он, обнажая желтые от табака зубы. – Они уже тут. Удачи тебе.

– Спасибо, Никита, – с благодарностью отозвался Дмитрий.

Никита был одним из немногих взрослых в их детском доме, кто относился к нему хорошо. Пожилой дворник тем временем махнул ему узловатой ладонью и исчез.

Дмитрий одернул гимнастерку, ту же затянул тяжелый ремень с бляхой и потер носки ботинок о брюки, чтобы обувь заблестела. Из треснувшего, с отставшей амальгамой зеркала у дверей спальни на него хмуро уставился изящный юноша. Некоторое время Дмитрий критически разглядывал свое отражение: коротко подстриженные русые волосы, высокий лоб, худое, бледное лицо. Черные, миндалевидные глаза смотрели из-под насупленных густых бровей враждебно и настороженно. Упрямые губы под тонким прямым носом изобличали жесткость характера. На верхней губе бросалась в глаза коричневая родинка, похожая на запятую. У Дмитрия был квадратный, резко очерченный подбородок, который дерзко выдавался вперед. Его лицо можно было бы назвать красивым и неординарным, не будь на нем столь сурового, обвиняющего выражения. Взгляд его черных глаз всегда заставлял окружающих чувствовать себя неуютно.

– Расслабься, – приказал он себе. – Успокойся, подави свою агрессивность. Они хотят видеть тебя послушным и дисциплинированным. В этом секрет успеха: в матушке-России только послушный и дисциплинированный может

подняться по лестнице и стать жестоким и сильным. Они хотят увидеть ягненка, а ты, Димка, уже оскалил клыки точно волк!

Дальняя дверь пустынной спальни распахнулась, и в комнату вбежал Ваня. Он слегка запыхался, должно быть, от быстрого бега. Ваня взмахнул руками и возбужденно воскликнул:

– Хорошо, что я тебя застал... Желаю удачи, Димка!

Дмитрий махнул ему рукой и вышел в коридор. В коридоре было холодно, но он чувствовал, как от волнения покрылся испариной лоб и взмокли ладони. Колени слепа дрожали, а в желудке ощущалась какая-то неестественная пустота. Его шаги эхом отдавались в пустом коридоре. С облупившихся стен, некогда выкрашенных светло-зеленой краской, следили за ним с портретов знаменитые русские полководцы – фельдмаршалы Александр Суворов и Михаил Кутузов, Семен Буденный – командующий Первой Конной армией, маршал Жуков – покоритель Берлина. Рядом с портретами висели лозунги, прославляющие Советскую Армию и ее героев. Самый большой транспарант, висевший над входом в столовую, гласил: “Детский дом имени Панфилова для детей погибших героев войны шлет пламенный привет Родине-матери в связи с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!” Какой-то шутник замазал букву Г в слове “героев” и заменил ее на Х. Вторая Е в этом слове тоже куда-то пропала.

Дмитрий вошел в кабинет Льва Брудного, нового администратора детского дома. За окном виднелся огород, все еще скрытый под снегом.

– Проходи! – пригласил Брудный, чуть приподнимаясь из-за стола. На его глуповатом лице появилась сальная улыбка.

Дмитрий постучался в тяжелую дубовую дверь с облупленной эмалевой табличкой “Директор полковник Бородин”.

Войдя в кабинет директора, он увидел, что сам полковник отсутствует. За его широким столом стояли три стула, на которых близко друг к другу сидели двое мужчин и одна женщина. Они курили и негромко переговаривались. На столе дымился горячий чай, разлитый в стаканы, и стояло блюдо с колотым сахаром. Увидев Дмитрия, все трое замолчали. С портрета на стене ласково щурился на Дмитрия Ленин. Дмитрий, однако, помнил, что, когда он впервые попал в этот кабинет, будучи еще совсем малышом, на этом же месте висел портрет Сталина.

– Здравствуйте, товарищи! – громко поздоровался Дмитрий и встал по стойке “смирно”.

– Доброе утро, – отозвался мужчина, сидевший посередине, очевидно, главный в этой комиссии. Перед ним на столе Дмитрий заметил свои анкеты и заявление.

Председатель комиссии – тучный человек лет пятидесяти, в сером костюме и малиново-красном галстуке, который был единственным ярким пятном в его облике. У него были тронутые сединой светлые волосы, водянистые глаза и большой, словно резиновый рот. На лацкане пиджака он носил значок в форме красного флага, на фоне которого была изображена винтовка с примкнутым штыком. Этот знак носили многие ветераны Красной Армии.

– Мое имя – Геннадий Бодров, я из Комитета государственной безопасности. Со мной товарищи Елена Крайнева, заместитель директора Высшей школы КГБ, и полковник Олег Калинин из ГРУ.

Женщина, одетая в строгий синий костюм и белую блузку, обтягивающую высокую пышную грудь, посмотрела на Дмитрия острыми, настороженными глазами. Сигарету она держала как карандаш – большим и указательным пальцами.

Полковник из военной разведки выглядел очень элегантно в темно-синем костюме и ослепительно белой крахмальной сорочке. Когда он посмотрел на Дмитрия и кивнул, по лицу его, слегка испорченному длинным белым шрамом на левой щеке, скользнула быстрая улыбка. Дмитрий почувствовал к нему симпатию.

– Можете стоять “вольно”, – скрипучим голосом разрешил Бодров, притворившись, будто изучает бумаги Дмитрия. Внезапно он резко поднял голову и сказал: – Я вижу, что ваши родители были расстреляны за измену Родине и что ваш сводный брат живет в США.

Дмитрий, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок, неуклюже кивнул.

– Не кажется ли вам, что принять вас на работу в КГБ было бы рискованно? – холодно спросила женщина, выпустив изо рта клуб дыма.

– Да, – поддакнул Бодров. – Если бы вы были на нашем месте, приняли бы вы в КГБ кого-нибудь с такой записью в личном деле?

– Ну полно, товарищи, – приятным голосом сказал полковник Калинин. – Мы же знаем, что Тоня Гордон и Борис Морозов были полностью реабилитированы.

Взяв со стола документы Дмитрия, он быстро просмотрел их и снова положил обратно на стол.

– Дмитрий Морозов – приятный молодой человек, а его успехи достойны всяческих похвал. Не хотим же мы, чтобы этот молодой человек расплачивался за то, что Сталин сделал с его родителями, при этом ошибочно?

Дмитрий почувствовал огромное облегчение. Слава богу, что этот полковник здесь. Кажется, он открыто принял его сторону.

Бодров задумчиво потер лоб и еще раз взглянул на Дмитрия.

– Расскажите комиссии, почему вы хотите учиться в Высшей школе Комитета государственной безопасности?

Дмитрий откашлялся, и Калинин успокаивающе улыбнулся ему. Теперь Дмитрий чувствовал себя гораздо увереннее.

– Если они захотят отвергнуть тебя, – предупреждал его генерал Ткаченко, – то собеседование продлится не больше тридцати секунд. Это настоящий ритуал, в котором все расписано.

“Ну что же, надо оправдать их надежды”, – подумал Дмитрий.

– Меня зовут Дмитрий Морозов, – заговорил он. То, что надо сказать, он давно выучил наизусть. – Я хочу принимать участие в строительстве социализма. Являясь членом комсомольской организации, я хочу служить своей великой Родине и защищать наше справедливое общество от внешних и

внутренних врагов. Я хочу стать сотрудником КГБ, чтобы продолжить дело отца – полковника Бориса Морозова.

“Хотите знать, почему я на самом деле хочу в КГБ? – с горечью думал Дмитрий, механически повторяя заученные фразы. – Может быть, рассказать вам о жизни, которую вел маленький беспомощный мальчик в этом проклятом приюте? О его жизни, полной лишений и побоев? Рассказать, как я научился лгать и изворачиваться, как научился воровать – лишь бы выжить? И о том, как в отчаянии я поклялся себе любой ценой выбраться из этого места?”

* * *

Он почти не помнил тот день, когда его привезли в детский дом. Тогда ему было всего два с половиной года. Иногда, правда, в памяти его всплывали лица, которые он не мог вспомнить, неясные образы – загадочное послание из прошлой жизни. Он вспоминал – или ему это только казалось? – коренастого темноволосого мужчину с суровыми чертами лица, женщину с длинными золотистыми волосами и сладким теплым запахом, веселого светловолосого мальчугана. По ночам ему иногда снилась долгая поездка по заснеженным улицам в черном автомобиле, на заднем сиденье которого рядом с ним со смехом подпрыгивал этот белокурый мальчик.

Он никогда не делился своими воспоминаниями с одноклассниками. Дмитрий был спокойным, замкнутым ребенком и старался держаться особняком. Он так нуждался в материнском тепле, в крепких объятиях и любящих прикосновениях, вспоминая женщину с золотыми волосами. Он, правда, не был уверен в том, что это была его мать. Скорее всего, его мать умерла, иначе бы она ни за что не бросила его на произвол судьбы. А тот белокурый мальчуган? Был ли он его братом? Что с ним случилось?

Дмитрий чувствовал, что с его происхождением связана какая-то тайна. Когда он спрашивал учителей и воспитателей об отце, они отвечали ему лишь холодными, строгими взглядами. Приятелям он говорил, что его отец был полковником и погиб, защищая Родину.

– Как же он мог погибнуть, защищая Родину, – удивлялись ребята, – если, когда ты родился, никакой войны не было?

– А ваши отцы? – парировал Дмитрий. – Мы же с вами ровесники.

Ребята объясняли, что их отцы были Героями Советского Союза и умерли уже после войны, и Дмитрий в смущении отводил глаза – он не знал, что отвечать приятелям.

До тринадцати лет он ничего не знал о том, что на самом деле случилось с его родителями. Когда ему стало об этом известно, он в панике отступил еще глубже внутрь себя, возводя бастионы и сжигая мосты, стараясь сохранить в тайне свой постыдный секрет. Он решил, что никто в детдоме никогда не узнает, какая судьба постигла Бориса и Тоню Морозовых.

Детский дом имени Панфилова располагался в старых казармах императорского семнадцатого кавалерийского полка в пригороде Ленинграда – Пушкине. Казармы состояли из нескольких разваливающихся

серовато-коричневых строений, сгрудившихся в самом центре обширного пустыря, который зимой накрепко замерзал, а весной и осенью превращался в грязное глинистое болото. Солдатские бараки и разваливающиеся конюшни были в срочном порядке подремонтированы и слегка переоборудованы, чтобы вместить три сотни мальчишек-сирот в возрасте от двух до восемнадцати лет. Детский дом был назван именем советского генерала-героя, погибшего при защите Москвы. Директором заведения был отставной полковник, и порядки в детдоме напоминали армейские.

Все питомцы детдома были одеты в одинаковую казенную одежду. На зиму им выдавали темное шерстяное обмундирование, а на лето – два легких комплекта защитного цвета. Каждый из воспитанников также получал фуражку, шинель, пару высоких ботинок и валенки. Волосы им стригли коротко, а койки и запирающиеся шкафчики были предметом постоянных проверок. В спальнях часто проводили дезинфекцию против насекомых, но вшам и клопам было на это совершенно плевать – по ночам они выползали из многочисленных щелей и принимались пировать.

Каждую большую общую спальню занимал один класс или одна возрастная группа. К каждой такой спальне был прикомандирован кто-то из старших воспитанников – “дежурный”, который управлял классами так же, как сержант отделением. По утрам и по вечерам проводились переклички, строевые упражнения на плацу, гимнастика, полувоенные тренировочные занятия. Учителя и инструкторы, в основном из бывших офицеров, жили тут же, при детском доме, вместе со своими семьями.

Никому из воспитанников не позволялось без специального разрешения покидать территорию заведения, а получить такое разрешение было практически невозможно. Дмитрий и его товарищи имели возможность увидеть что-то, кроме унылых барачных, только тогда, когда их вывозили в Ленинград – в музей или на стадион. Девочек среди детдомовцев не было. Исключение составляли лишь члены семей воспитательского состава, которые жили в небольших домиках, отделенных от казарм лишь узким пространством парадной площадки. Позади домиков раскинула свои ветви тенистая каштановая роща.

Жизнь в детском доме приучила Дмитрия к нищенскому существованию. Он ни разу не получал ни новой формы, ни новых ботинок. Выдаваемая ему одежда была изношена и протерта до дыр, несмотря на бесчисленное количество заплат и заштопанных мест. Не лучше выглядели и ботинки. Никаких личных вещей воспитанникам иметь не разрешалось. Любая другая одежда, кроме форменной, нижнее белье, деньги, перочинные ножи или продукты, обнаруженные в шкафчиках, немедленно конфисковывались.

Между тем здания остро нуждались в ремонте. Зимой ветхие строения продувались ледяным ветром насквозь, и дети едва не насмерть замерзли в своих огромных, плохо отапливаемых спальнях, дрожа под тонкими одеялами.

Дмитрий постоянно был голоден. Липкая каша с черным хлебом на завтрак, жидкий суп на обед и картошка с черным хлебом на ужин – таково было неизменное меню их столовой. По праздникам они получали рыбу, мясо

или сосиски. Овощи, выращенные на огороде на заднем дворе, никогда не попадали к ним в тарелки.

– Все погнило, – отвечал на их робкие расспросы повар, огромный тучный человек со злобным лицом и сильными руками. – В этом году опять все погнило.

Никто не осмеливался возражать ему – это могло быть расценено как неподчинение старшим. Наказание за это было одно – исключение, а всем им некуда было пойти.

Детдом, однако, наделил Дмитрия бесценным даром – искусством выживания.

Пока Дмитрий жил в крыле для малышей, пока учился в первом и втором классах, его не обижали. Однако в первую же ночь, когда он перебрался в спальню третьего класса, кто-то украл его ботинки. Поутру он босиком прошлепал по полу к “дежурному сержанту” из старшеклассников и сообщил о пропаже.

Старшеклассник, круглолицый крепыш с сальными волосами и маленькими свиными глазками, только пожал плечами.

– Это твои проблемы, – сказал он и зевнул, обнажая гнилые передние зубы. – В следующий раз будешь осторожнее.

Дмитрий не знал, что делать. Ему было только девять лет, к тому же вот-вот должны были начаться занятия. Он побежал было жаловаться старшему воспитателю, но в коридоре столкнулся с дворником Никитой. Этот уже тогда лысый старичок, одетый по своему обыкновению в застиранную гимнастерку, шагал по коридору смешной утиной походкой.

– Потерял обувку, малыш? – ласково спросил Никита. Голос у него был теплым, а глаза смотрели по-доброму.

– Ага. Хочу пожаловаться воспитателю.

Никита печально покачал головой.

– Не ходи, – посоветовал он, потрепав мальчика по щеке. – Они тебе ничем не помогут, только накажут. У тебя деньги есть?

– Нет, – ответил удивленно Дмитрий. – Откуда?

– Я так и думал. – Никита сокрушенно покачал головой. – Если бы у тебя были деньги или что-нибудь ценное, ты мог бы попросить дежурного помочь тебе. Он бы нашел твои башмаки.

– У меня есть кое-какие книги, – с надеждой сказал Дмитрий. Он очень любил книги о путешествиях и приключениях и выиграл на школьных соревнованиях “Путешествия Гулливера”, “Остров сокровищ” и “Оливера Твиста”.

– Книги – это не то. – Никита снова покачал головой. – Нужны деньги. Если у тебя их нет...

Он пристально посмотрел на Дмитрия.

– Сегодня на занятия можешь надеть валенки, никто не обратит внимания. Но, если у тебя не будет ботинок на субботней проверке, ты попадешь в беду. Мало того, что тебя накажут, но и в твоём деле напишут.

– Но зачем кому-то понадобились мои ботинки? – в отчаянии спросил

Дмитрий, чувствуя, как его глаза наполняются слезами.

Никита вынул из кармана жестяную коробочку с махоркой и ловко свернул папиросу из клочка серой бумаги.

– Чтобы продать, конечно, – объяснил Никита. Заметив удивление мальчика, он добавил: – Их можно продать обратно тебе же или на барахолке в Пушкине. За пару башмаков, даже поношенных, можно взять хорошую цену.

– Но... – замялся Дмитрий. – Нам же не разрешают выходить за территорию.

Никита закурил и, выпустив струю едкого дыма, сказал:

– Всегда есть выход, малыш, всегда.

Только когда Никита ушел по своим делам, Дмитрий понял. Он должен был либо выкупить свои ботинки обратно, либо, если у него не найдется ни денег, ни ценных вещей, украсть ботинки у кого-то еще.

В класс он явился в валенках. На протяжении всего дня он постоянно думал об Оливере Твисте, герое романа Диккенса, о том, как беспомощен и одинок он был в сиротском приюте. Ночью Дмитрий долго лежал без сна, прислушиваясь к храпу и сонному дыханию товарищей. Дождавшись, когда все мальчишки заснут, он стал со своей койки и прокрался в дальний конец спальни. Руки и ноги у него дрожали от страха. Он знал, что красть нехорошо, и ему никогда не приходилось делать этого раньше. Если он попадется, его вышвырнут из детского дома. Но если он не добудет себе ботинок, его накажут.

Кто-то из мальчиков пошевелился во сне, и Дмитрий застыл, сдерживая дыхание и обливаясь холодным потом. Но спящий просто перевернулся на другой бок и продолжал спать. Под койками, однако, нигде не было ботинок. Судя по всему, остальные были умнее и прятали ботинки на ночь либо в шкафчики, либо под подушку. Он был слишком доверчив и наивен, за что и поплатился обувью.

Наконец под самой дальней кроватью он заметил пару ботинок. Осторожно ступая в темноте, он приблизился и опустился на корточки. Никто не шевелился, только его сердце бешено стучало. Два раза он протягивал к башмакам руку и дважды отдергивал. Он не мог решиться, он не хотел становиться вором. Но он и не хотел, чтобы его наказали во время субботней проверки, не хотел, чтобы в его личном деле появилось взыскание. Он же ничего плохого не сделал, за что же ему страдать? Оливер Твист тоже вынужден был воровать, когда покинул Лондон. Иного выхода у него просто не было.

Наконец Дмитрий схватил ботинки и с добычей бросился прочь, но они словно живые вырвались у него из рук! Железная койка загремела, и сердце в груди Дмитрия замерло от ужаса. Хозяин привязал башмаки к ножке кровати!

В панике Дмитрий побежал на свое место, но по обеим сторонам прохода уже поднимались с подушек головы проснувшихся воспитанников.

– Лови его! – заорал кто-то. – Он хотел украсть мои ботинки!

– Держи вора! – дружно подхватили остальные. Дмитрий продолжал бежать, но кто-то подставил ему ногу, и он растянулся в проходе, крепко ударившись лицом об пол. Несколько пар рук немедленно схватили его за руки

и за ноги, удерживая на земле. Дмитрий бешено извивался, пытаясь высвободить руки.

– Отпустите! – прохрипел он, чувствуя, как подступившие слезы перехватывают горло. – Отпустите меня!

– Одеяло! – негромко приказал кто-то, и Дмитрий узнал голос дежурного. – И тише!

На него накинули одеяло, и чья-то сильная рука зажала ему рот. Затем они бросились на него, наверное, сразу впятером или вшестером, изо всей силы пинали его ногами и дубасили кулаками. Боль была ужасной, к тому же он задыхался и широко открывал рот, стараясь глотнуть воздуха, но пыльное одеяло не давало ему такой возможности. По лицу его потекли слезы.

Мальчишки избивали его молча и яростно, и он слышал только их хрипкое дыхание. Дмитрий не мог даже защитить лицо, поскольку его руки по-прежнему оставались прижаты к телу. Один удар разбил ему нос, второй пришелся по губе, и он ощутил во рту соленый вкус крови. Кто-то попал ему ногой по позвоночнику, и Дмитрий вздрогнул от пронизывающей боли, однако не застонал и сжал зубы, чтобы не закричать.

Град ударов внезапно прекратился, и кто-то стянул с него одеяло. Дмитрий чувствовал себя настолько униженным, что долго не открывал глаз. Когда же он наконец осмелился взглянуть вверх, он увидел группу одноклассников, которые с презрением смотрели на него сверху вниз.

– Грязный ворюга! – сказал один из них и плюнул на Дмитрия.

Другой парнишка, стоявший за спинами остальных, попытался лягнуть его ногой, но тут в лицо Дмитрию ударил ослепительный луч карманного фонаря. Он заморгал и отвернулся.

– Посмотрите на него, – сказал голос дежурного. Это он осветил Дмитрия фонарем. – Один из вас оказался вором. Запомните его хорошенько и не позволяйте приближаться к своим вещам. Учителям – ни слова. Это дело мы решим между собой.

Дмитрий вернулся на свою койку, избитый и униженный, и тихо заплакал. Один или два раза он засыпал, но сон его продолжался всего несколько минут. Когда на рассвете он очнулся от своей мучительной полудремы, он долго не мог поверить в то, что попался на воровстве и был избит. Ему представлялось, что все это произошло с ним в дурном сне, однако, когда он повернулся на тонком матрасе, чтобы встать с кровати, то почувствовал сильную боль в ушибленных местах. Это вовсе не было сном, но настоящий кошмар для него только начинался.

Этим же утром он узнал, каково быть изгоем, отщепенцем. Никто не хотел с ним разговаривать, одноклассники корчили ему рожи, плевали перед ним на пол и обзывались разными словами. За завтраком, когда он пришел в столовую, его соседи сразу перебрались за другой стол. В классе он то и дело слышал произнесенное шепотом слово “вор”. Когда после перерыва на обед он вернулся в класс, то обнаружил, что на его парте мелом нарисованы череп и две скрещенные кости.

– Что у тебя с лицом? – спросил его учитель арифметики.

Еще утром, глядя на себя в зеркало, Дмитрий обнаружил, что его избитое лицо расцвело всеми цветами радуги. Верхняя губа стала вдвое больше своих обычных размеров, а под носом был сгусток засохшей крови. На левой щеке обнаружили две ссадины.

– Я упал, – объяснил он, и в классе захихикали.

Пожилой учитель пристально посмотрел на него своими мудрыми глазами.

– В следующий раз будь осторожнее, – посоветовал он и вернулся к занятиям. Скорее всего, он догадался, что произошло, однако, следуя неписаному кодексу чести детского дома, не стал обременять себя расследованием.

Дмитрий понимал, что дальше будет еще хуже и что он навеки проклят своими одноклассниками. Однако его главная проблема оставалась нерешенной. Приближалась суббота, и ему были нужны новые ботинки. Сегодня, самое позднее – завтра он должен предпринять еще одну попытку. Никакого иного выхода у него не оставалось, он вынужден сделать это.

На этот раз он тщательно подготовился. Дмитрий решил стянуть ботинки в другом классе, чтобы лишний раз не навлечь на себя подозрения своих товарищей. Необходимо также было выбрать удобный момент. Он провел без сна еще одну ночь и наконец составил план действий.

Утром он внимательно изучил расписание занятий, вывешенное на доске рядом с кабинетом администрации. Во время второго завтрака он стащил в столовой нож и спрятал его под одеждой. В середине урока географии, примерно в два часа пополудни, он внезапно скрючился на своей скамье так, словно у него разболелся живот, и поднял руку.

– Наверное, я съел что-то не то, – простонал он. – Можно мне пойти в туалет?

Учительница географии Лидия Ражнухина строго посмотрела на него, но смиростивилась и отпустила его неохотным кивком головы.

Выйдя в коридор, Дмитрий ринулся в спортивный зал, где занимались гимнастикой ученики пятого класса. Все они были в майках и синих трусах. В смежной комнатке висела их одежда, а ботинки аккуратно стояли внизу, попарно связанные шнурками.

Дмитрий выбрал две пары ботинок, которые показались ему подходящими по размеру, и, вытащив нож, разрезал шнурки. Правый ботинок он взял от одной пары, а левый – от другой и засунул их под ремень. Затем он собрал все остальные ботинки и, перерезав связывающие их шнурки, кучей свалил обувь в углу. Теперь, когда учащиеся вернутся в раздевалку, они решат, что кто-то сыграл с ними шутку. Каждый будет подолгу разыскивать свои ботинки, и к тому времени, когда двое из них обнаружат пропажу, он будет в безопасности.

Примерно после пяти минут отсутствия Дмитрий вернулся в класс. Его лицо горело, а грудь тяжело вздымалась, но он испытывал огромное облегчение. Нож был надежно спрятан под матрасом, а валенки возвращены в запирающийся шкафчик в спальне. Украденные башмаки он надел на ноги. Как можно спокойнее он подошел к своему столу и уселся на место. Никто не заметил, что за время своей кратковременной отлучки он успел сменить обувь.

Только сидевший в соседнем ряду грузинский мальчик Ваню, или Ваня, как звали его все, бросил взгляд на ноги Дмитрия, посмотрел ему в глаза и хитро, понимающе улыбнулся, словно теперь они стали соучастниками. Дмитрий припомнил, что в ту ночь Ваня тоже лупил его, но сегодня он явно жаждал примирения.

И Дмитрий слабо улыбнулся в ответ. Субботняя проверка прошла без сучка и задоринки. Через полчаса после ее окончания во время торжественной церемонии на главной площадке Дмитрий и его одноклассники получили алые пионерские галстуки – теперь они были членами пионерской организации имени Ленина. Советские традиции требовали, чтобы все дети в возрасте девяти лет становились пионерами – членами детского коммунистического движения. Получив галстуки и значки, воспитанники торжественно продекламировали законы пионеров Советского Союза.

Пионер предан Родине, партии, коммунизму. Пионер следует примеру героев войны и труда. Пионер настойчив в учебе, в труде и спорте. Пионер честен, он хороший товарищ и всегда стоит за правду.

В этом месте Ваня обернулся к Дмитрию и подмигнул. В ту ужасную ночь расправы в Дмитриии что-то переменялось. Воспоминание о пережитом унижении никогда не покидало его, боль и стыд той ночи въелись в его память и плоть. Он поклялся себе, что никогда и никому больше не позволит причинять себе боль безнаказанно. Никогда больше он не будет беспомощно лежать, укрытый вонючим одеялом, и позволять толпе трусов избивать себя.

Как одержимый, он посвятил все свое свободное время физическим упражнениям. По утрам он вставал раньше всех учащихся и в течение часа бегал вдоль забора, окружавшего территорию детского дома, подтягивался, отжимался, приседал. По вечерам он занимался в школьных секциях самбо и бокса и часами оставался в спортзале, вымещая свою ненависть на мешках с песком и тяжелых манекенах, раскалывая деревянные доски ударами кулаков до тех пор, пока кожа на костяшках пальцев не лопалась, и руки не начинали кровоточить.

– Молодец, Димка, гарный боец, – говаривал ему преподаватель физкультуры и улыбался, ощупывая его окрепшие мускулы. Сам он был донским казаком, бритоголовым и кривоногим, с вислыми усами и широкими плечами. – Не хотел бы я познакомиться с твоими кулаками.

“Да, однажды я им всем покажу”, – размышлял Дмитрий. – Я сполна им отплачу!”

Часто размышляя о мести, он, однако, не знал, кому конкретно он будет мстить. Дмитрий надеялся, что кража ботинок была первым и последним дурным поступком в его жизни. Он украл, потому что был вынужден это сделать. Он не был вором, он был школьником, пионером и хотел в будущем стать большим начальником. Учился он намного лучше других. Особенно хорошо давались ему география и история СССР. Он раздобыл несколько книг Диккенса, Жюль Верна, Александра Бека и Николая Островского и зачитывался ими. Некоторые из одноклассников снова стали с ним разговаривать, а он односложно им отвечал, подавляя свою ненависть. Постепенно постыдный

эпизод из его прошлого стал забываться.

Следующая зима оказалась самой суровой с 1937 года. Пришли трескучие ленинградские морозы, Нева и Финский залив замерзли, а детский дом исчез под горами выпавшего снега. Водопроводные трубы внутри казарм тоже замерзли, а краны в ваннных комнатах обросли белыми бородами ледяных сосулек. Каждое утро школьникам и воспитателям приходилось прилагать немалые усилия для того, чтобы добыть хоть немного воды. Оконные стекла были изукрашены толстым слоем изморози, а лютый холод проникал в плохо отапливаемые спальни и прятался по углам словно что-то враждебное и живое, обдающее детей своим ледяным дыханием.

Самые слабые из воспитанников не могли сопротивляться холоду слишком долго. Шестеро школьников, в том числе двое из класса Дмитрия, были срочно увезены в Чапаевский госпиталь с острым воспалением легких. Двое из них умерли. На похоронах Ваня подошел к Дмитрию.

– Мы можем быть следующими, – сказал он негромко и кивнул головой в сторону группы учителей. – Им плевать на нас.

Дмитрий согласно кивнул.

– Но что нам делать?

– Нужна теплая одежда и одеяла, – прошептал Ваня.

– И больше хорошей еды, – подумав, добавил Дмитрий.

Той же ночью Дмитрий и Ваня пробрались в мастерские и украли несколько пил, отверток и молотков. Все это они спрятали в угольном погребе. Вскоре они уже тащили все, что попадалось им под руки: деньги и личные вещи из шкафчиков воспитанников, мешки с картофелем и мукой из кухни, флаконы со спиртом из школьного кабинета биологии. Один из помощников повара, узбек по имени Коля, продавал украденное на городской барахолке у церкви. Он приносил им толстые шерстяные свитера, которые они могли поддевать под школьную форму, запасные одеяла, тушенку в банках и консервированные овощи – по ночам они разогревали их в пустынной кухне – и сигареты “Прима”, которые они курили на заднем дворе. За долю в деле им чем мог помогал “дежурный сержант” Кузьма Бунин. Именно он рассказал своим компаньонам, что учащиеся старших классов тайно передают украденные вещи через забор и никто из них ни разу не попался.

Лежа по ночам на своей койке, Дмитрий терзался угрызениями совести. Что с ним случилось? Он, сын полковника Советской Армии, стал вором, обкрадывающим свою школу и своих товарищей. Он ненавидел себя за это, но ведь он просто не хотел умирать! Кроме всего прочего, он ничем не был обязан ни школе, ни товарищам.

Тем временем еще трое мальчиков в детском доме заболели и были отправлены в больницу. Двое из них умерли, а третий так сильно ослаб, что обратно в детский дом не вернулся. Никто больше его не видел.

Дмитрий и Ваня в отличие от многих детдомовцев встречали одиннадцатый год своей жизни в хорошей физической форме. Дмитрий к тому же оказался блестящим учеником. Однажды в классе его попросили прочесть вслух его же собственное сочинение, в котором он объяснял, почему жизнь в

Советском Союзе лучше, чем жизнь в Америке.

“Разложение американского общества, – писал Дмитрий, – особенно ярко проявляется в росте преступности и наркомании, и капитализм только способствует этому. Люди в Америке становятся грабителями, ворами и жуликами из-за того, что их семьи голодают”.

– Отлично! – воскликнула учительница Кармия Толбухина. Она происходила из семьи старых коммунистов, и даже ее необычное имя было патриотическим, составленным из начальных букв словосочетания “Красная Армия”. – Продолжай, Дмитрий, – с теплотой в голосе попросила она.

И Дмитрий продолжал описывать страдания американских рабочих, подвергающихся страшной капиталистической эксплуатации. Писал он и о том, как производители оружия провоцируют войны в Южной Америке и Азии, о социальной несправедливости, о преследованиях передовых ученых. “Америка – это империалистическое государство, подобно паразиту высасывающее все соки из малых стран, обкрадывает их, за бесценок скупая у них пшеницу, нефть, железную руду”.

Америке Дмитрий противопоставлял Советский Союз, который помогает неразвитым странам, международному рабочему классу и борется за мир во всем мире.

“Я счастлив, что родился и вырос в СССР, – заканчивал Дмитрий свое сочинение, – потому что в Америке голодают даже дети”.

Кармия Толбухина была настолько тронута, что подошла к нему и ласково поцеловала в лоб. В конце учебного года Дмитрий получил награду – маленький бюст Ленина.

* * *

– Дмитрий! Дмитрий, проснись!

Он попытался оттолкнуть руку, цепко державшую его за плечо. Ему снился сон о солнечном тропическом острове. Красивая девушка держала его за руку и заглядывала прямо в глаза. Она любила его. В последнее время Дмитрию часто снились девушки, и все эти сны заканчивались мокрыми пятнами на серых простынях. Однако досмотреть этот сон ему так и не удалось.

– Проснись же, Димка! – все нашептывал ему на ухо настойчивый голос, а рука продолжала терзать его. Наконец он открыл глаза.

– Что за...!

Рука торопливо зажала ему рот.

– Тихо! – Он узнал голос Вани. – Идем со мной. Там что-то неладное творится.

Дмитрий схватил одежду – стояла весна и было довольно тепло – и прокрался на цыпочках к выходу из спальни. На койке возле двери громко храпел Кузьма Бунин. Он не проснулся, когда они неслышно выскользнули в плохо освещенный коридор.

– Что случилось? – спросил Дмитрий, быстро одеваясь. Во рту у него было кисло и мерзко. – Который час?

– Половина третьего. Не надевай ботинки, а то нас услышат.

– Кто?!

Но Ваня уже заторопился по коридору.

– Идем. Я хочу, чтобы ты кое-что увидел.

Ваня провел его в пустынную кухню, затем они выбрались на темный задний двор и спрятались за изгородью возле продуктового склада. Там стоял грузовик, и двое мужчин грузили в кузов тяжелые мешки.

– Это повар, – прошептал Ваня, – и водитель.

– Что это за мешки?

– С мукой. И с картофелем. Они уже погрузили несколько ящиков овощей – все, что мы вырастили в прошлом году. И несколько тюков одеял из соседнего склада.

Из маленькой пристройки появился третий человек и присоединился к остальным.

– А это завхоз, – снова шепнул Ваня.

– Завхоз? – не поверил Дмитрий. – Не может быть!

Он подумал о пожилом дружелюбном завхозе, который очень любил рассказывать им о тяжелых временах, когда в СССР не хватало продуктов и топлива.

– Все мы должны чем-то жертвовать ради нашей страны, – говаривал он.

Теперь же он обкрадывал школу в компании с поваром.

– Как ты узнал об этом? – спросил Дмитрий.

– Проголодался. Пошел на кухню, чтобы разогреть банку овощей, и услышал какой-то шум.

Дмитрий подумал о том, как сам мучился угрызениями совести. Его кражи были ничтожными по сравнению с делами, которыми ворочали повар и завхоз. Эти обкрадывали детский дом машинами!

– Ты запомнил номер грузовика? – шепотом спросил он.

– Да, – кивнул Ваня. – Я еще слышал, как они разговаривали с водителем. Его имя Родион.

– Давай сматываться, – предложил Дмитрий.

На следующее утро они попросили директора детского дома принять их. Оба надели свои пионерские галстуки, и Дмитрий первым заговорил:

– Мы свято чтим традиции, которым положил начало герой-пионер Павлик Морозов.

– Вот как? – Полковник улыбнулся. – Пионер Дмитрий Морозов хочет последовать примеру Павлика Морозова?

Дмитрий неуверенно улыбнулся в ответ.

– Это просто совпадение, что у нас одинаковые фамилии, товарищ полковник.

– Конечно. – Полковник Бородин кивнул. – Я просто пошутил...

Дмитрий и Ваня узнали о Павлике Морозове на уроке всего неделю тому назад. Павлик, двенадцатилетний уральский пионер, был одним из кумиров советских детей. Во время голода 1932 года он подслушал, как его отец и его дядя договариваются о том, чтобы спрятать часть своего зерна и не сдавать его

государству. Как преданный делу партии пионер, Павлик сообщил о преступлении своих родственников властям. Его отец попал под суд, и Павлик давал против него свидетельские показания. После суда дядя жестоко расправился с Павликом. За это дядя был осужден и повешен.

Павлик Морозов стал одним из героев страны, и о нем были написаны рассказы и стихи. Советские пионеры пели песни о Павлике Морозове, ставили пьесы о его подвиге. О его поступке рассказывали школьникам в качестве примера гражданского долга. Каждый пионер должен был сообщать в милицию или в МГБ даже о своих родителях, если узнает, что они хотят нанести вред Советской стране.

– Мы просили принять нас, потому что хотим последовать примеру Павлика Морозова, – твердо сказал Дмитрий. – Прошлой ночью Ваня почувствовал себя плохо, у него кружилась голова и его мутило. Он разбудил меня, чтобы я помог ему, и мы вышли на улицу подышать свежим воздухом. Дежурного нам будить не хотелось. А потом около продовольственного склада мы увидели...

Через полчаса в детский дом прибыл милицейский автомобиль. Старший повар и завхоз были арестованы, в тот же день после обеда в городе по номеру разыскали грузовик с украденными вещами. На еженедельной пионерской линейке директор поздравил Ваню и Дмитрия и прикрепил к их рубашкам значки пионерской славы, а из журнала “Красный пионер” приехали фотограф и корреспондент, которые хотели записать рассказ мальчиков об их мужественном поступке.

Затем на торжественной церемонии, проходившей на парадной площадке, все воспитанники и учителя стояли по стойке “смирно”, а офицеры-отставники взяли под козырек, пока два юных героя поднимали красный флаг. Пионерский хор исполнил “Гимн пионеров”.

Дмитрий смотрел в лица своих одноклассников, которые били его под одеялом четыре года назад. “Они поют в мою честь, – подумалось ему. – Теперь я – гордость школы, и пусть только кто-нибудь осмелится назвать меня вором”.

Вскоре после того, как Дмитрию исполнилось тринадцать лет, на урок в их класс пришел директор.

– Прошу прощения, Яким Ефремович, – обратился он к преподавателю геометрии. – Дмитрий Морозов, пошли со мной.

Дмитрий и Ваня обменялись встревоженными взглядами. Затем Дмитрий поднялся и вышел из класса вслед за директором.

– Что-нибудь случилось, товарищ полковник? – спросил он как можно небрежнее.

– К тебе посетитель, – пояснил полковник Бородин, подводя Дмитрия к своему кабинету.

Открыв дверь, он пропустил мальчика внутрь.

– Я оставлю вас здесь, товарищ генерал, – с почтением проговорил он. – Мой кабинет в вашем полном распоряжении.

Генерал? Дмитрий с тревогой и любопытством посмотрел на худого старика, поднимающегося из-за директорского стола.

– Спасибо, товарищ полковник, – сказал незнакомец и внезапно сильно раскашлялся. Кашель у него был сухой, хриплый, так что, казалось, было слышно, как рвутся натруженные легкие. Лицо его стало пепельно-серым, он пошатнулся и поспешно оперся об угол стола. – Прошу прощения, – проговорил он, когда приступ наконец прошел, и вытер рот смятым носовым платком.

– Мой кабинет... – снова заговорил Бородин.

– Нет-нет, полковник. Я не хочу стеснять вас. – Генерал положил руку Дмитрию на плечо. – Я поговорю с Морозовым у него в спальне. – Хочу посмотреть, как он живет.

Дмитрий в смущении провел неожиданного гостя в спальню. Огромная комната была пуста, только на койке у двери спал Кузьма Бунин, отдыхая после ночного дежурства в лазарете. В окна лился яркий свет нежаркого октябрьского солнца, и крошечные пылинки танцевали в его лучах, ненадолго вспыхивая, словно крупинки золота.

– Моя фамилия Ткаченко, – сказал генерал. – Я офицер КГБ, старый чекист. Я был другом твоего отца.

Дмитрий почувствовал огромное облегчение. Когда директор явился в класс, он подумал, что о его кражах стало известно. Слава богу, тревога оказалась ложной.

Он внимательно посмотрел на генерала. Тот был высок ростом и страшно худ, с впалой грудной клеткой и морщинистой шеей. Волосы и брови его были снежно-белыми, только кончики длинных усов пожелтели от табака. Во рту блестело несколько золотых зубов. Простой коричневый костюм дополнялся небрежно повязанным красным галстуком.

Взгляд его, однако, был настороженным, а мысли свои генерал выражал короткими емкими фразами.

– Твой отец просил меня приглядеть за тобой, но до настоящего времени я не мог этого делать по причинам, которые я объясню позже. Твой отец был моим заместителем и работал во Втором Главном управлении КГБ. Он был прекрасным человеком, коммунистом и патриотом Родины. Ты должен всегда помнить об этом, Дмитрий.

Он достал из кармана пачку иностранных сигарет голубого цвета, судя по виду – французских. Закурив одну, он раскашлялся. Запах дыма был крепким, едким.

– Ребята здесь курят? – спросил Ткаченко, откашлявшись.

– Нам не разрешают, товарищ генерал, – осторожно ответил Дмитрий.

– Я не спрашиваю, разрешают вам или нет, я спросил, курите ли вы, – строго перебил его генерал, бросая начатую пачку ему на колени. – Если сам не куришь, обменяешь на что-нибудь еще. Я-то знаю, как живут в подобных местах. Обо мне не беспокойся, у меня есть еще. Никогда не выхожу из дома без своей отравы. – Он похлопал себя по карману. – И не называй меня “генерал”. Мое имя – Анатолий Сергеевич. Ясно?

– Ясно, – ответил Дмитрий и ухмыльнулся.

– Как тут с тобой обращаются? – спросил генерал из облака дыма. –

Кормят как?

Дмитрий нахмурился. Неужели генерал решил поменять тему их разговора? Они же начали говорить о его отце!

– Вы сказали, что мой отец просил вас приглядеть за мной.

Ткаченко мрачно кивнул.

– Как погиб мой отец?

Генерал пристально посмотрел ему в глаза.

– Значит, они тебе не сказали, – негромко проговорил он. Это был не вопрос, а утверждение.

– Как он погиб? – снова повторил Дмитрий. Отчего-то ему вдруг стало не по себе.

Ткаченко на мгновение склонил свою седую голову, затем внезапно посмотрел прямо в глаза Дмитрию.

– Твоего отца расстреляли в воркутинском спецлагере в апреле 1954 года.

Расстреляли... Дмитрий безмолвно уставился на старого генерала, не в силах переварить услышанное.

– Его приговорили к смерти из-за жены – твоей матери. Она была еврейской поэтессой, фамилия ее была Гордон. Тоня Гордон. Она и ее первый муж Виктор Вульф были признаны виновными в подрывной деятельности. Борис женился на Тоне Гордон после того, как она развелась со своим первым мужем. Впоследствии твоя мать тоже была расстреляна. У тебя есть сводный брат Александр, он живет в Америке. Он – сын Тони Гордон от первого брака.

У него есть брат!

– Он блондин? – с замиранием сердца спросил Дмитрий. Тут ему показалось, что на своей койке шевельнулся дежурный.

– Что-что? – Ткаченко странно посмотрел на него. – Ах да, твой брат! Может быть. Но на твоём месте я не стал бы упоминать о его существовании. Как ты знаешь, у нас не очень доверяют людям, у которых есть родственники за границей.

– Вы сказали, что мои родители были расстреляны... – медленно проговорил Дмитрий, словно просыпаясь.

– Сначала мать, а через год отец.

– Но почему? Что такого они сделали?

– Твой отец будет посмертно реабилитирован, – с нажимом сказал Ткаченко. – Два месяца назад была назначена специальная комиссия, которая по распоряжению Хрущева будет заниматься пересмотром сомнительных дел и решений, принятых в сталинские времена. Я не сомневаюсь в том, что приговор твоему отцу будет отменен, и что его воинское звание будет восстановлено. Он не сделал ничего плохого, и погиб он только из-за того, что женился на этой женщине. Борис Морозов – герой. Вот увидишь, его обязательно реабилитируют.

– А кто реабилитирует меня? – сердито перебил Дмитрий. Вся боль и потрясение от сообщения генерала, все страдания и унижения, накопившиеся за одиннадцать лет в детдоме, выплеснулись наружу в этом яростном взрыве. – Меня? Кто реабилитирует меня? Кто заберет меня отсюда? Может быть, вы? –

Он уставился на генерала в упор, сверля его взглядом.

Ткаченко и бровью не повел.

– Нет, – сказал он спокойно. – Я не стану реабилитировать тебя и забирать отсюда тоже. Я хотел, чтобы ты узнал правду о своем отце.

– Что он был расстрелян как изменник Родины? – бросил Дмитрий.

– Что он был замечательным человеком и отличным работником. Я хотел приехать и рассказать тебе об этом много лет назад, но... – Ткаченко невесело улыбнулся. – Я сам оказался в не очень-то приятном положении. Вскоре после ареста твоего отца я вынужден был выйти в отставку. Только в прошлом году меня вернули обратно на службу.

– Почему?

Ткаченко пожал плечами.

– Наверное, я могу тебе рассказать. Это больше не является секретом. Ты слышал о полковнике Пеньковском?

Дмитрий покачал головой.

– Пеньковский был полковником военной разведки, который предал Родину и начал передавать военные секреты американским спецслужбам. Он нанес огромный вред ГРУ и КГБ.

– А что такое ГРУ? – перебил Дмитрий.

– Военная разведка. – Ткаченко прочистил горло и снова вытер рот платком. – Теперь мы вынуждены перестраивать наши службы. Политбюро приняло решение вернуть из резерва старых сотрудников, никогда не контактировавших с Пеньковским. Я и мои товарищи должны помочь очистить и укрепить госбезопасность. И вот я здесь. По долгу службы мне необходимо было попасть в Ленинград, в одно из наших отделений, и я заехал повидаться с тобой.

И Ткаченко снова согнулся в приступе мучительного кашля.

Дмитрий молча ждал, пока кашель утихнет.

– Товарищ Ткаченко... – сказал он наконец.

– Анатолий Сергеевич.

– Анатолий Сергеевич, – голос Дмитрия упал почти до шепота, – расскажите мне, пожалуйста, об отце.

И на протяжении целого часа, прерываемый приступами сухого кашля, то сидя на койке в спальне, то расхаживая взад и вперед по пустынной парадной площадке и непрерывно дымя сигаретой, старый генерал рассказывал Дмитрию о жизни и делах Бориса Морозова.

– Почему он женился на этой Гордон? – спросил Дмитрий уже у ворот, прежде чем Ткаченко забрался в ожидавшую его “чайку” с шофером. “Это мог бы быть автомобиль моего отца”, – хмуро подумал он.

Генерал только развел руками.

– Мы все предупреждали его, Дмитрий. Эта женщина была не для него. Еврейка да к тому же член этой организации... Но он был как околдован. Он женился на ней, хотя она уже была в списках смертников. Когда она стала тонуть, она потащила за собой и его.

Дмитрий долго стоял у ворот, вздрагивая от порывов прохладного ветра и

глядя вслед отъехавшему автомобилю. Он чувствовал, как в глубине его ожесточившейся от несчастий и унижения души растет ненависть к Тоне Гордон.

“Евреи, – думал он, возвращаясь в здание. – Проклятью, ненавистные, отвратительные евреи. Куда ни плюнь, они всюду – министры, служащие, партаппаратчики, профессора, спекулянты, ростовщики”. Как жид Феджин из “Оливера Твиста”, все они были проклятием любого общества. Его отец был отличным офицером, сегодня он мог бы быть уже генералом, может быть, даже председателем КГБ. Зачем он женился на этой еврейке? Несомненно, что это она хитростью заставила его жениться на себе. Она осталась без мужа, с ребенком на руках, она нуждалась в защите и поддержке, и вот она расставила свои подлые силки, чтобы заманить в них ничего не подозревавшего советского офицера! И его отец попался в эти сети.

Его мать, она одна виновата во всех постигших его несчастьях. Если бы отец женился на русской женщине, то Дмитрий жил бы теперь в просторной квартире в центре Москвы, учился бы в самой лучшей школе, ел бы каждый день мясо, а на каникулы отправлялся бы к Черному морю или за границу – в Чехословакию или в ГДР. Если бы не евреи... Однажды, когда он вырастет и взберется на самый верх советской иерархической лестницы, он прогонит из правительства всех евреев. Пусть убираются к себе на родину, в Израиль или в Еврейскую автономию, в свой Биробиджан. Пусть варятся в собственном соку, пусть мошенничают, обманывают и предают друг друга.

Затем он вспомнил слова Вани о том, что несколько старших воспитанников организовали националистическое подполье. Они хотели, чтобы Россия снова принадлежала только русским, чтобы никакие космополиты-инородцы не смели наживаться на их труде. Вдохновил их пример старой России, в которой на протяжении веков не было места всяким отбросам других национальностей. Их группа называлась “Память”. Может быть, он даже попросит Ваню провести его на одно из их тайных собраний.

И все же один из этих евреев был его сводным братом. Разумеется, это обстоятельство не делало его лучше остальных, но как-никак он был его единственным оставшимся в живых родственником. Было бы неплохо встретиться с кем-нибудь, кого он мог бы назвать членом своей семьи. Может быть, они даже понравятся друг другу, хотя вряд ли это когда-либо произойдет. Александр скорее всего вырастет таким же, как и остальные еврейские дети в Америке. Еврей да к тому же американец – это была худшая из возможных комбинаций. Но как было бы здорово встретиться с ним в таком месте, где их никто бы не знал, увидеть этого белокурого парня стоящим посреди улицы, неожиданно появиться перед ним и сказать: “Привет, Александр. Я твой брат!”

Эти его мысли были прерваны появлением “дежурного сержанта” Кузьмы Бунина, который неторопливо вышел из боковой двери и, скрестив на груди руки, лениво привалился к косяку. Дмитрий ненавидел его всем сердцем, несмотря на то что он помогал им с Ваней тайно выносить краденое. Он не забыл, что именно Кузьма Бунин приказал избить его под одеялом в ту первую ночь.

– Ты, я вижу, торопишься? – сладким голосом поинтересовался он.

Дмитрий кивнул и ускорил шаги, но Кузьма преградил ему дорогу.

– К чему такая спешка? – спросил он, обнажая в улыбке свои гнилые зубы. – У тебя есть новости для твоих товарищей?

Дмитрий оттолкнул его в сторону.

– Пропусти меня, Кузя, я опаздываю.

– Хочешь рассказать ребятам про Тоню Гордон? – крикнул ему вслед Бунин.

Дмитрий остановился как вкопанный. Внезапный холод заставил его содрогнуться.

– Что тебе известно о Тоне Гордон?

– Я все знаю о твоей матери, – с издевкой проговорил Бунин. – Я слышал все, что тебе рассказывал в спальне этот старый козел.

Дмитрий припомнил, что Кузьма шевелился на своей койке, когда Ткаченко рассказывал ему о его семье. “Должно быть, эта сволочь просто притворялся спящим, – подумал он, – прислушиваясь к каждому слову”.

– Я слышал и трогательную историю о твоём папаше, – ухмыльнулся Кузьма. – Герой, расстрелянный в воркутинском лагере за измену. Твои друзья будут рады, когда я расскажу им об этом. Наш Дима – не только вор и барыга, он еще и сын предателя Родины. Иди, расскажи им сам, я тебя не задерживаю...

– Постой, – сказал Дмитрий, затаскивая Кузьму Бунина в ближайшую дверь.

В его мозгу отчаянно металась мысль. Если правда о его отце всплывет, это будут его похороны. Он станет посмешищем всего детдома, к тому же общество “Память” не захочет принять в свои ряды полуеврея. Но хуже всего то, что его, несомненно, выкинут из детского дома с позорным клеймом “враг народа”. Этот ярлык мог относиться даже к родственникам тех, кого только подозревали в антисоветской деятельности. “Враг народа” не мог стать членом Коммунистической партии, не говоря уже о том, чтобы занять мало-мальски значительную руководящую должность; он был обречен на нищенское существование. Путь в высшее общество советской элиты будет закрыт для него навсегда. Для Дмитрия это было крушением всех его честолюбивых планов.

– погоди, – сказал он, держа Бунина за рукав. – Скажи мне, чего ты хочешь?

– А что ты можешь мне предложить? – прищурившись, Кузьма пристально посмотрел на него.

– Пять бутылок водки, – быстро предложил Дмитрий.

Кузьма расхохотался.

– Нет, братишка, так просто ты не отделаешься.

– Я отдам тебе новую форму, не ношеную, – сказал Дмитрий. – У меня есть, честное слово. И она твоя.

Кузьма покачал головой.

– Нет. Я знаю, ты у нас богатенький.

– Чего же ты хочешь? – в отчаянии спросил Дмитрий.

– Я хочу все, что у тебя есть, – негромко сказал Кузьма, и в его светлых глазах вспыхнули хитрые, жадные огоньки. – И еще я хочу, чтобы в ваших с Ванькой делах моя доля была увеличена вдвое против сегодняшнего.

Дмитрий готов был задушить этого гада на месте. Кузьма не оставил ему иного выхода. Как ему убедить Ваню увеличить долю этого подонка в их делах? К тому же, если ему удастся купить его молчание сейчас, то потом этот мерзавец все равно станет его шантажировать. Его тайна никогда не будет в безопасности, пока Кузьма... жив.

– Согласен, – пробормотал Дмитрий, чувствуя в горле страшную сухость. – Я отдам тебе все, что сумел скопить.

“Думай, – приказал он себе, – думай быстрее, ты должен найти решение”.

– Я отведу тебя к своему тайнику, хорошо? Можешь забрать оттуда все, что тебе понравится.

И он схватил Кузьму за плечо.

Пучина бездонного ужаса, в которую он провалился, внезапно подсказала ему, что выход есть. Единственный выход. При мысли о том, что он должен сделать, Дмитрий поежился. Нет, он не может, не может! Однако Кузьма смотрел на него с довольной усмешкой, а в глазах его пылала злоба. Дмитрий был в кулаке у этого вонючки!

“Что делать? – отчаянно размышлял Дмитрий. – Этого не может быть на самом деле, я сплю, и мне снится кошмарный сон!” В его мозгу уже начал сам собой складываться отчаянный план.

Дмитрий огляделся по сторонам. Они были одни.

– А что у тебя в тайнике? – подозрительно осведомился Бунин, высвобождая рукав из пальцев Дмитрия.

– Все. У меня есть все, о чем ты можешь только мечтать.

И это было правдой. В последний год вместо того, чтобы красть самим, Дмитрий и Ваня стали посредниками черного рынка, который пышным цветом расцвел в детском доме. При попустительстве Кузьмы Бунина они продолжали покупать и продавать украденные товары, получая с каждой сделки солидный процент.

– У меня есть консервированная ветчина, рыба, цыплята. Новенькая форма есть, шесть бутылок водки, сигареты, деньги, даже часы. Немецкие, между прочим. Все это я тебе отдам, – бормотал он, не переставая думать о том, как заставить Кузьму прийти сегодня ночью, до того, как он успеет проболтаться.

– И где же зарыты все эти сокровища? – с наигранным равнодушием поинтересовался Кузьма. – Что-то я тебе не верю.

“Веришь, веришь, – подумал Дмитрий. – Ты знаешь что я говорю правду, ведь ты сам участвовал во всех наших делах”.

– Тайник в старой каменоломне. Я сам вырыл его почти на самом дне. Туда никто не заглядывает.

Заброшенная каменоломня располагалась на склоне холма в двухстах метрах к востоку от забора, окружавшего территорию детского дома.

Кузьма приподнял голову.

– Так вот где ты прячешь свои богатства! То-то у тебя в шкафчике всегда

пусто. Но я думал, что до дна не добраться.

– Кто не знает, тот и не доберется, – перебил Дмитрий уверенно. – Я нашел обходной путь.

Старая выработка была глубиной метров двадцать, прямоугольная яма, выдолбленная в известняке и песчанике. В девятнадцатом веке ее использовали в качестве резервуара для орошения полей, расположенных к юго-востоку от Санкт-Петербурга. На белых стенах до сих пор сохранились черные отметки уровня воды.

Кузьма долго смотрел на него. Наконец он слегка пожал плечами.

– Пошли посмотрим, что у тебя там, – уклончиво предложил он.

– Не сейчас. Ночью, после отбоя. Я пойду первым, а ты через пять минут после меня. Смотри, чтобы тебя никто не увидел. – Он помолчал. – И захвати свой фонарик, там довольно темно.

Кузьма кивнул.

– Ладно, ступай. – Он чуть приподнял голову и покосился на Дмитрия. – И смотри, чтоб без шуток, Димка.

* * *

Дмитрий скорчился за валуном в ожидании. Ущербная луна висела низко над землей, но карьер был погружен в темноту, в которой лишь призрачно светились белые известняковые стены. Дмитрий тихо молился, чтобы Кузьма не пришел, надеясь, что тот передумает, и вместе они сумеют подыскать приемлемое решение. Сама мысль о том, что он задумал, сводила его с ума.

От того места, где он прятался, до края карьера было шагов десять, и, даже если он толкнет Кузьму изо всех сил, вряд ли ему удастся скинуть его вниз. Сначала придется его оглушить. Никакого оружия Дмитрий не захватил, и теперь ему придется полагаться только на свои руки.

Сначала он заметил темную фигуру Бунина и услышал его осторожные шаги. Затем закрипели ржавые петли калитки в изгороди, окружавшей каменоломню.

– Димка, ты тут? – негромко позвал Кузьма. Дмитрий не пошевелился. “Не подходи, – думал он. – Беги отсюда!”

– Димка! – Луч фонаря пронзил тьму, и Бунин вошел на территорию каменоломни. – Чтоб ты сдох, маленькое дерьмо! Я знаю, что ты тут.

Дмитрий, немного поколебавшись, вынырнул из-за камня и, сжав кулаки, сделал выпад, стараясь держаться со стороны руки, занятой фонарем. Однако он недооценил своего противника. Бунин, слышав шорох, направил на него луч фонаря, и Дмитрий заморгал, ослепленный. В тот же момент в воздухе что-то промелькнуло, и на его правое предплечье обрушился тяжелый удар. От боли он вскрикнул. Этот гад прихватил с собой оружие! Значит, Кузьма не до конца поверил ему.

Бунин снова ударил его, и Дмитрий почувствовал острую боль в бедре. Поскользнувшись на камне, он упал, и это, наверное, спасло ему жизнь, поскольку на краткую долю секунды он исчез из поля зрения противника.

Длинная тяжелая дубинка просвистела над самой его головой. Тогда он рванулся вперед и, схватив Бунина за ноги, дернул изо всех сил.

Кузьма потерял равновесие и рухнул на землю. Выпавший из его руки фонарик покатился по щебенке к краю карьера. Дубинка все еще была у него в руке, но теперь он тоже был на земле, и Дмитрий его не боялся. Когда Бунин попытался встать на ноги, Дмитрий потянулся в темноте к его горлу, затем схватил за пояс, и удар дубинки пришелся по спине, однако он был не сильным и не причинил ему вреда.

Наконец Кузьма стряхнул с себя противника и с трудом поднялся на ноги.

– Помогите! – пронзительно закричал он. “Можешь кричать хоть до завтра – никто тебя не услышит”, – подумал Дмитрий, снова хватая “дежурного сержанта” за пояс, на этот раз сзади. Резко развернув его, он сложил руки в замок и изо всей силы ударил Кузьму по правому запястью. Тот завопил от боли и выронил кусок свинцовой трубы, служивший ему оружием.

Обхватив Бунина за шею согнутой левой рукой, он усилил захват при помощи правой. Дмитрий был моложе, но, несомненно, сильнее своего противника. Он мог бы задушить его прямо сейчас, но что-то остановило его.

“Никаких следов, – подумал он холодно. – Все должно выглядеть как несчастный случай”.

Кузьма хрипел и мычал, тщетно пытаясь вырваться из захвата. Дмитрий поставил его на колени и, чувствуя, как ненависть удваивает силы, ударил ладонями по шее сразу с двух сторон. Бунин всхлипнул и повалился на землю, как мешок с тряпьем.

Дмитрий не стал выяснять, мертв ли его противник или только оглушен. Подтащив тело к краю обрыва, он провел рукой по земле. Пальцы его нащупали неровный, зазубренный камень, где площадка обрывалась вниз.

Электрический фонарик, выпавший из рук дежурного, все еще горел, отбрасывая рассеянный, тусклый свет на противоположную стену выработки. Дмитрий посмотрел в пропасть и поежился.

На краю обрыва пошевелился Кузьма.

Дмитрий в ужасе отпрянул, держа руки наготове для удара, но Бунин лишь корчился и вздрагивал, лежа на камнях. Из груди его вырвался глухой, булькающий звук.

– Сдохни! – прошептал Дмитрий. – Сдохни, собака!

Схватив Кузьму за одежду, он перевалил его через край. Некоторое время он прислушивался к слабому шороху тела, задевающего вертикальную стену выработки, затем снизу донесся тупой удар.

Покачиваясь, Дмитрий выпрямился. Справа от него лежал фонарик, свет его на глазах слабел и желтел. Пинком ноги он скинул его в яму, туда же полетел обрезок свинцовой трубы. Теперь можно уходить. Он не боялся даже, что его тайник будет обнаружен – его никогда и не было в каменоломне, он сказал это только для того, чтобы заманить сюда Кузьму. Вскоре он уже возвращался обратно, оставив открытой калитку в изгороди – он хотел, чтобы тело поскорее кто-нибудь нашел.

Кузьму нашли на следующий день после обеда, после того, как на

перекличке было замечено его отсутствие. Несколько учителей и воспитателей обыскали детский дом, потом территорию, затем простирающиеся вокруг поля. Преподавательница истории Кармия Толбухина первой набрела на труп и, спотыкаясь, прибежала в детдом в состоянии шока. Новость быстро распространилась, и весь Детский дом гудел, как потревоженный улей. Полковник Бородин вызвал милицию, и четверо следователей начали опрашивать воспитанников. Когда очередь дошла до Дмитрия, он спокойно рассказал, что видел Кузьму спящим на своей койке, когда разговаривал с генералом Ткаченко. Затем, показал Дмитрий, они с генералом вышли на парадную площадку и он проводил своего гостя до машины. Нет, вечером он ни о чем не разговаривал с Кузьмой Буниным. Как он вышел из спальни после отбоя – не видел.

Фамилия генерала произвела должное впечатление, больше Дмитрия ни о чем не спрашивали.

В конце концов следствие с неизбежностью пришло к заключению, что Кузьма Бунин зачем-то пошел к старому карьеру, сорвался вниз с обрыва и разбился насмерть. Единственным, что не укладывалось в эту схему, был обренок свинцовой трубы, который валялся на дне выработки неподалеку от тела, однако вполне вероятно было и то, что труба лежит там довольно давно и не имеет никакого отношения к смерти воспитанника.

У Кузьмы не было никаких родственников, поэтому погребение откладывать не стали. Уже через день Ваня и Дмитрий готовились к похоронам. Дмитрий стоял возле своего шкафчика в одной майке, сражаясь с пуговицами на брюках, когда Ваня внезапно спросил:

– Эй, а это что такое?

И он указал на руку Дмитрия. Все предплечье сильно распухло, а возле локтя красовался лилово-черный кровоподтек.

Дмитрий пожал плечами.

– Упал.

Ваня нахмурился и некоторое время смотрел на него. Затем он кивнул.

– Понятно.

Прошло несколько секунд, и Ваня небрежно спросил:

– Ты случайно не вставал предыдущей ночью?

– Я? – удивился Дмитрий. – Я дрых, как младенец.

И он надел рубашку. Ему показалось, что в глазах приятеля он видит какое-то новое выражение, которого раньше не было. Потом он понял – это был страх. Ваня его боится.

И это было ему по душе.

* * *

Дмитрий уже совершенно загнал себя, когда внезапно перед ним вырос Ваня. На губах его играла заговорщическая улыбка. Со дня гибели Бунина Дмитрий все вечера проводил в спортивном зале, яростно молотя кулаками мешки с песком, с криком поднимая гири и доводя свои силы до полного

истощения. Он надеялся, что усталость поможет ему легче засыпать.

Несмотря на все это, ночь за ночью, стоило ему только закрыть глаза, его начинали мучить воспоминания о том октябрьском дне. Он снова видел перед собой худую фигуру Ткаченко, слышал его голос, повествующий о бесславной гибели отца и отвратительных уловках матери, затем перед ним возникал Кузьма, который, скаля гнилые зубы, угрожал ему разоблачением, а потом хрипел в агонии и дрыгал ногами. Дмитрий понимал, что “дежурный сержант” был подонком, ядовитой змеей, которую давно следовало раздавить. К тому же Бунин не оставил ему никакого выхода. Несмотря на все эти умозаключения, Дмитрий чувствовал себя нисколько не лучше. Происшедшее в карьере словно наваждение преследовало его во сне, заставляя снова и снова замирать от ужаса, и часто он просыпался среди ночи, задыхаясь и дрожа.

В день смерти Бунина Дмитрий испытал новое, доселе неведомое ему ощущение. Оно и нравилось ему, и страшило. Это было незнакомое ощущение собственной силы и безграничного могущества, сознание того, что он способен добиться своего, даже нарушая правила, по которым живут обычные люди. Теперь он знал, что в случае необходимости он сможет убить без колебаний и страха. У него было предчувствие, что в жизни ему придется убивать еще не раз и что каждый, кто осмелится встать у него на пути, кончит так же, как Кузьма Бунин.

Ваня никогда больше не заговаривал с ним о той ночи, но Дмитрий догадывался, что хитрый грузин знает гораздо больше, чем хочет показать. После страшного происшествия их отношения изменились. Ваня полностью признал авторитет приятеля и изо всех сил старался угодить ему. Подчас Дмитрий терялся в догадках, продиктованы ли его поступки дружескими чувствами или же страхом. Ваня приносил ему отличные продукты, водку, две настоящие американские сигареты, которые он где-то раздобыл, и без возражений согласился обменять его старые немецкие часы на свои новенькие – в тяжелом хромированном корпусе с черным циферблатом и зелеными Цифрами, светящимися в темноте.

Ваня привел его на собрание общества “Память”, но Дмитрий был разочарован. Юные патриоты собрались в рощице за домиками персонала и при свечах произнесли над ржавым револьвером слова клятвы. Выглядело это довольно смешно, если не глупо. Потом много и напыщенно говорили о матушке-России, произносили пустые антисемитские лозунги, но никто не собирался приступить к действиям. Призывы Дмитрия не волновали, он горел желанием предпринять что-то, чтобы скорее очистить Россию от либералов и жидомасонов. “Погодите, – подумал он, – дайте мне только выбраться отсюда”.

Сегодняшним вечером Ваня выглядел как-то странно. Лицо его покраснелось, а в глазах светился озорной огонек. Остановившись перед Дмитрием, он отвел в сторону боксерскую “грушу” и громко спросил:

- Как ты думаешь, не пора ли тебе попробовать девчонку?
- Что? – Дмитрий уставился на него, слегка огорошенный.
- Пошли, – поманил его Ваня, – я все устроил.
- Но скоро отбой... – в растерянности пробормотал Дмитрий.

– Все в порядке, – бросил через плечо приятель, быстрым шагом пересекая парадную площадку. – Я дал Араму банку консервированной курятины.

Арам, застенчивый семнадцатилетний армянин, стал теперь в их классе дежурным вместо Кузьмы Бунина. Он довольно скоро понял, что Дмитрий и Ваня заправляют тут всеми делами.

– Куда мы идем? – поинтересовался Дмитрий. Ваня указал на домики обслуживающего персонала, окна которых светились в темноте под раскидистыми ветвями каштанов.

– Помнишь Зою?

Помнит ли он Зою?! Пышнотелая дочь учителя биологии была неременной участницей всех его эротических фантазий. Каждое утро он видел ее у ворот детдома, где она садилась на автобус, чтобы ехать в школу, в Ленинград. Это была потрясающая девчонка. У нее были карие глаза, русые коротко подстриженные волосы, молочно-белая гладкая кожа и пухлые яркие губы, придававшие ее лицу необыкновенно чувственное выражение. Сколько раз Дмитрий лежал без сна, мысленно лаская ее полную грудь, твердые полушария ягодиц и крутой изгиб прекрасных бедер. Сколько раз он мастурбировал под одеялом, воображая, как она раздвигает ноги и как он погружается в горячие и влажные глубины ее лона до тех пор, пока Зоя не начинает вскрикивать от сладостной боли. В моменты обильного семяизвержения Дмитрий как наяву ощущал конвульсивные содрогания ее тела, грезя об обвивающих его ногах и о том, как ее соки смешиваются с его соками. Зоя была для него воплощением всех женщин, которых он хотел покорить, объектом самых неистовых любовных экспериментов, которые он только мог вообразить.

Дмитрий с трудом сглотнул.

– И Зоя согласилась... отдаться мне? Что-то мне не верится.

Ваня негромко хихикнул.

– Сегодня вечером она отдастся нам обоим. – Он показал куда-то вправо. – Нам надо зайти с той стороны, чтобы подойти к домику сзади.

– погоди, Ваня, о чем ты толкуешь? Ей всего пятнадцать, родители убьют ее, если узнают.

– Точно! – Ваня поймал Дмитрия за локоть, и они остановились. – Ты просто не в курсе, что она уже трахалась с Мишкой Пугачевым из одиннадцатого класса. Знаешь его?

Дмитрий кивнул. Пугачев был тихим хрупким юношей с красивым, почти девичьим лицом, на котором невинно светились голубые глаза.

– Я видел их летом в роще, – прошептал Ваня. – Они катались по траве как бешеные. И вот вчера я пошел к Зойке. Ее родители укатили к родственникам в Одессу на новогодние праздники, а она с ними не поехала. Наверное, она хотела под праздники еще раз перепихнуться со своим Мишей.

– Что ты ей сказал? – перебил Дмитрий.

– Я сказал, что, если она позволит нам трахнуть ее, то мы никому не скажем, чем она занималась с Мишей Пугачевым. Если она откажется, то об этом узнает весь детдом. Ее отца уволят, и тогда уж ей не спать больше со

своим хахалем... – Он помолчал. – Вчера она отказалась, но я навестил ее еще разок сегодня после обеда, и она согласилась. Она ждет нас, Димка.

– Она говорила с Пугачевым?

– Не думаю. – Ваня пожал плечами.

Дмитрий следовал за приятелем. Голова у него слегка кружилась. Не может быть, думал он, должно быть, он спит и видит сон. Наконец-то у него будет настоящая близость с женщиной. И не просто с женщиной, а с самой лучшей, самой сладострастной, самой восхитительной! Зоя, он должен трахнуть Зою!

Зоя открыла им дверь домика и пропустила внутрь. Она была в юбке и в свитере, который туго обтягивал ее соблазнительную грудь. Дмитрий заметил, что глаза ее слегка припухли от слез, а губы мелко дрожали. Зоя провела их через темную кухню в гостиную, уставленную нескладной мебелью, грубыми стульями и шкафами. У стены приютился старенький радиоприемник, а торшер с абажуром из промасленной бумаги отбрасывал на пол круг тусклого света. Пушистый жемчужно-серый кот, развалясь на диване, подозрительно разглядывал вошедших.

– Сюда, – сказала Зоя, открывая дверь.

– Иди первый. – Дмитрий повернулся к Ване. – Я подожду тебя здесь.

– Разве ты не хочешь посмотреть? – сально осклабившись, спросил Ваня.

– Нет, – отрезал Дмитрий. “Не хочу я смотреть на тебя, – думал он, – и не хочу, чтобы ты смотрел на меня”.

Войдя в комнату Зои, Ваня щелкнул выключателем, включив свет, и Дмитрий услышал приглушенные возражения девочки. Шагнув к двери, Дмитрий плотно закрыл ее. Он не находил себе места. Сел на стул, опять вскочил. Желтые кошачьи глаза следили за каждым его движением. Дмитрий взял со стола журнал “Огонек”, нехотя пролистал и кинул обратно. Нетерпеливо покрутив рукоятки радиоприемника, он оставил его в покое и стал кружить по комнате. Ладони его взмокли от пота, и он вытер их о штаны.

Сквозь дверь доносились стоны приятеля, которые становились все громче и наконец оборвались на высокой ноте невыразимого наслаждения. Последовала недолгая пауза, а затем из спальни появился Ваня. Волосы его были взъерошены, а глаза сверкали. Пока он застегивал штаны, на лице его сохранялось счастливое выражение.

– Ну, братишка, – пробормотал он, – это что-то! Иди-иди, узнаешь, что такое рай!

Дмитрий вошел в комнату и закрыл за собою дверь. Спальня была освещена лампочкой, свисающей с потолка. В одном углу были свалены тряпичные куклы и плюшевые медвежата, а у окна на стене висели три полки с книгами. Вдоль стены выстроились старенький шкафчик и стол со стулом. Над столом был приколот к стене плакат с изображением балерины, склонившейся в грациозном поклоне, – белое платье на серо-голубом фоне.

Дмитрий взглянул на кровать и даже перестал дышать. Зоя, совершенно раздетая, лежала на смятых простынях. Ее руки были безвольно вытянуты вдоль тела, и она нисколько не пыталась прикрыть свою наготу. Дмитрий,

который никогда раньше не видел голых женщин, почувствовал внизу живота сильное напряжение. При взгляде на ее круглые груди с розовыми сосками голова у него закружилась, но больше всего его восхитили густые курчавые волосы, покрывающие треугольный лобок.

Расстегивая штаны, Дмитрий приблизился к кровати. Зоя лежала, закрыв глаза, и тихо плакала; ее ресницы слиплись от слез, которые просачивались сквозь сжатые веки и стекали вниз по вискам. Дмитрий хотел поцеловать ее, – он так часто представлял себе, как ее мягкие губы раздвигаются под его поцелуем, но Зоя отвернулась, лишь только почувствовала его дыхание на своем лице. Затем она разрыдалась в голос. Горькие рыдания сотрясали ее тело, и она закрыла руками лицо.

Дмитрий в замешательстве уставился на нее. Он не думал, что это будет именно так. Он жаждал вкусить ее пыла, ее жаркого огня, он хотел, чтобы они любили друг друга, задыхаясь от страсти. Вместо этого перед ним лежала несчастная и жалкая девчонка, громко ревущая от унижения и стыда. Она не желала даже, чтобы он к ней прикасался. В какое-то мгновение в груди его шевельнулся все тот же страшный, испепеляющий гнев, который он впервые почувствовал, сталкивая в карьер Бунина. Кровь бешено застучала в висках, и он инстинктивно сжал кулаки и напряг тело, но Зоя выглядела такой беззащитной, такой несчастной, что его ярость угасла сама собой. Теперь он чувствовал одно лишь отвращение и не знал, что ему делать.

Дмитрий отвернулся. Балерина на плакате протягивала к нему свои длинные гибкие руки. Напряжение в паху исчезло, и он поежился. Протянув пальцы, он осторожно прикоснулся к Зоиным волосам и быстро вышел из комнаты.

– В чем дело? – удивленно уставился на него Ваня. Постепенно глупая ухмылка на его лице погасла.

– Идем, – решительно сказал Дмитрий и вышел через заднюю дверь.

По дороге он задел стул, который с грохотом обрушился на пол.

– Твою мать! – выругался он.

Кот выгнул спину и сердито зашипел ему вслед с дивана.

Он стал мужчиной год спустя с дочерью нового шеф-повара. Валя была полногрудой и широкобедрой девицей семнадцати лет от роду, с длинными обесцвеченными волосами, широким лицом, веселыми карими глазами и звонким Заливистым смехом. Ей понадобилось всего два месяца, чтобы завоевать репутацию девушки, с которой легко договориться.

– Надо только сделать ей какой-нибудь подарок, – с видом знатока объяснил Арам, – и она покажет тебе, что значит хорошо провести время.

Дмитрий послал Ваню на переговоры, и за считанные минуты дело было улажено. Валя согласилась ублажить Дмитрия за две литровые бутылки водки, “но чтоб настоящих, с целой пробкой и неразбавленных”.

Встретив Дмитрия на заднем дворе кухни, она с серьезным видом осмотрела подарок.

– Пойдем внутрь, – сказала она, беря его за руку. Ладонь у нее была мягкая и сухая.

Она привела его в кладовку рядом с кухней, где устроила из пустых мешков вполне сносную постель. Когда Дмитрий признался ей, что еще ни разу не спал с женщиной, Валя преисполнилась энтузиазма. Кислая девчонка на глазах превратилась в страстную женщину с ненасытным аппетитом. Услышав о том, что у него нет никакого опыта в постельных делах, она порывисто прижала его к себе, распаяясь все сильнее и сильнее.

– Иди сюда, малыш, – шептала она, в то время как ее гибкий язык то оказывался у него глубоко во рту, то щекотал уши и ласкал шею. – Позволь мне сделать тебе хорошо, позволь своей Валечке показать тебе, что аисты и капуста – просто глупые сказки.

Она тискала и целовала его на мягких мешках из-под муки в полутемной подсобке, она раздела его и заставила ласкать свои крепкие груди и набухшие соски. Затем она обвила его сильными ногами и, усевшись верхом, принялась ласкать и гладить его своими опытными руками, прикасаясь к нему то грудью, то влажно пульсирующим лоном, то нежно целуя его.

Она подпрыгивала на нем, кусала его, целовала, шипала, ласкала, высасывала его, пила его, стонала и вскрикивала в восторге страсти, и это повторялось снова и снова. Она наслаждалась им с таким самоотречением и жаром, перемежая стоны взрывами смеха, что Дмитрий подумал, что она, пожалуй, получает от этого гораздо большее удовольствие. По справедливости это она должна была бы отдать ему пару пузырей за удовольствие, которое получила. Впрочем, он даже никогда не подозревал, что занятия любовью могут принести такое наслаждение. Несколько часов, проведенных с этой девушкой, от которой приятно пахло созревшим хлебом, мылом и сладким потом, навсегда остались одним из немногих светлых пятен в его воспоминаниях о безрадостной юности.

* * *

Генерал Ткаченко снова приехал навестить его за несколько месяцев до его семнадцатилетия. Дмитрий только недавно сменил свой пионерский галстук на комсомольский значок. С тех пор, как они встретились три года назад, Ткаченко почти не изменился. Костюм сидел на нем все также небрежно, а голос и глаза были такими же настороженными, как и раньше, однако мешки под глазами стали заметнее, а кашель – еще более скрипучим и резким.

Ткаченко сообщил, что происшедшая два года назад отставка Хрущева и приход к власти Леонида Ильича Брежнева замедлили работу специальной комиссии по пересмотру всех дел, в том числе и дела его отца. В конце концов примерно месяц назад Борис Морозов был полностью реабилитирован и ему были возвращены все его награды и воинское звание полковника.

Дмитрий слушал молча. Он настолько привык к несчастьям и неприятностям, что не знал, как ему воспринимать хорошие новости.

– Настала пора выбираться отсюда, сынок, – сказал Ткаченко, вынимая из кармана пачку бумаг. – Я хотел бы, чтобы ты заполнил эти анкеты. Это заявление и прочие документы, необходимые для поступления в Высшую

школу КГБ. Через пару месяцев для собеседования с тобой сюда придёт комиссия. Я хочу, чтобы ты, как и твой отец, был рядом со мной. Мне кажется, что тебя ждёт блестящее будущее.

Три месяца спустя после приезда в детдом имени Панфилова комиссии полковник Бородин вручил Дмитрию официальный пакет. Председатель комиссии Бодров уведомлял Дмитрия Морозова, что он зачислен курсантом в Высшую школу Комитета государственной безопасности.

Первого октября он должен был явиться в здание Высшей школы в Москве.

Глава 6

Алекс Гордон поднялся со станции подземки на Флэтбуш-авеню и в подавленном настроении побрел домой. “Черт бы побрал этого консула! – думал он, стискивая зубы. – Черт бы побрал этого сукиного сына!”

Вспоминая равнодушный взгляд русского дипломата, с которым он только что встречался, Алекс недоумевал: неужели все усилия последних четырех лет были напрасны? Все письма, телефонные звонки, месяцы ожидания, и все ради чего? Ради того, чтобы этот тупой чиновник холодно выслушал его?

Четыре года назад статья в газете, описывавшая гибель его родителей, привела его в такое состояние, что первым его желанием было скорее найти брата и поделиться с ним ужасающей новостью. Может быть, Дмитрий знал о родителях что-нибудь еще. Тогда он написал Дмитрию большое письмо и направил его по старому адресу в Москве, однако конверт вернулся к нему с казенным штампом, гласившим, что по данному адресу Дмитрий Морозов не проживает.

Это, однако, не обескуражило Алекса. Скорее наоборот, он еще активнее занялся поисками брата. Он написал Дмитрию еще раз, но с тем же результатом. Тогда он написал в Ленинград своему дяде Валерию и снова не получил ответа. После этого Дмитрий писал в американское посольство в Москве, в советское посольство в Вашингтоне и в российское представительство при ООН. Он бомбардировал советское консульство в Нью-Йорке телефонными звонками и умолял о встрече с консулом. В консульстве ему постоянно отвечали, что консул уехал читать лекции, консул на официальной встрече, консул отбыл в отпуск на родину, и просили перезвонить на следующей неделе или в следующем месяце. Наконец на прошлой неделе ему сообщили, что его просьба удовлетворена, и вот сегодня, точно в четыре часа пополудни, Алекс, одетый в свой лучший выходной костюм, уже звонил в дверь консульства.

В вестибюле здания его обыскали, просветили рентгеном и осмотрели двое крупных молчаливых мужчин. Затем, словно ниоткуда, появилась пожилая женщина, которая, несмотря на летнюю жару, набросила на свои квадратные плечи темный шерстяной платок. Она нехотя отвела его в крошечный кабинетик, располагавшийся здесь же, на первом этаже здания.

– Это кабинет консула? – удивился Алекс.

– Консул очень занят, – ответила женщина. – Вас примет один из его помощников.

Помощник консула был осанистым плотным человеком среднего возраста с коротко подстриженными русыми волосами и круглым, как луна, лицом. Дорогой серый костюм сидел на нем скверно. Церемонно пожав руку Алексу, он юркнул за дешевый конторский стол.

Кроме этого стола и выцветшего плаката с изображением Красной площади на стене за спиной помощника консула, в комнате вообще ничего не было. Не было стеклянных шкафов, уставленных папками с документами, и даже на столе не было ни единой бумажки. По всей видимости, это помещение использовалось только для кратких собеседований.

Алекс говорил в течение десяти минут. Свой рассказ он подготовил еще дома и повторял его до тех пор, пока не выучил наизусть. В нем он описывал все усилия, которые предпринял, чтобы связаться с братом, рассказывал о штампах на конвертах, возвращенных ему почтой, о своих обращениях в советское Министерство иностранных дел, в посольство и генеральное консульство.

Русский чиновник слушал его, сохраняя на лице равнодушное выражение, и лишь слегка постукивал по столу шариковой ручкой. Он не перебивал Алекса и не задал ни одного вопроса даже тогда, когда тот подчеркнул, что отец Дмитрия был высокопоставленным офицером КГБ. Когда Алекс закончил, помощник консула записал имя и последний адрес Дмитрия в маленькую книжечку.

– Очень хорошо, – сказал он и поднялся. – Мы все это проверим и уведомим вас.

– Я могу подробно рассказать вам о семье, – заторопился Алекс. – Бабушка Дмитрия живет на Украине, вблизи...

Человек в сером костюме поднял руку.

– Не нужно, – сказал он и снова повторил свою магическую формулу: – Мы все проверим и уведомим вас.

У дверей как из-под земли выросла все та же угрюмая женщина, которая и проводила Алекса к выходу. Он пришел в себя только на тротуаре, кипя от гнева и возмущения. Несмотря на все обещания, ему так и не дали встретиться с консулом. Клерк в сером костюме был скорее всего лишь кем-то из низших чинов консульского аппарата. На дело Алекса ему было глубоко наплевать, раз он не спросил его ни о чем, что могло бы помочь в розысках Дмитрия. Его это не трогало, и он отнесся к своим обязанностям в высшей степени формально.

Все усилия последних четырех лет пошли коту под хвост. И как только люди, подобные этому “помощнику консула”, оказываются на советской дипломатической службе? Граждане СССР, которым оказано высокое доверие представлять свою великую страну за рубежом, должны быть лучшими из лучших, однако Алекс только что встретился с разжиревшим, хмурым бюрократам, который только и думал о том, как бы избавиться от настойчивого посетителя. “Ублюдок, – зло подумал Алекс. – Мог бы по крайней мере притвориться, что хочет помочь мне”.

Он посмотрел на мальчишек, затеявших игру в софтбол на противоположной стороне улицы. Двое из них скинули рубашки, и их спины блестели от пота. Стояло лишь начало июня, однако жара была невыносимой. Сам Алекс уже давно скинул пиджак, который Нина тщательно отпаривала и гладила накануне сегодняшней встречи с консулом. “Что же теперь делать?” – подумал он. Его поход в советское консульство был, наверное, последним шансом. Припоминая тупой взгляд русского и недовольную гримасу на лице женщины, Алекс со злостью пнул пустую консервную банку так, что она со звоном покатила по пешеходной дорожке. Затем он свернул за угол и оказался на своей улице.

Улицу перегородивал огромный мебельный фургон, остановившийся как раз напротив их дома. Судя по яркой надписи алыми буквами на борту, трейлер принадлежал фирме “Трансальпийские перевозки”. Несколько человек разгружали мебель и ящики с домашней утварью и вносили их в старое двухэтажное здание, которое стояло напротив дома, где жили Алекс и Нина. Приблизившись к фургону, Алекс обратил внимание, что, кроме рабочих компании, одетых в фирменные голубые комбинезоны, в разгрузке участвуют и несколько пожилых мужчин, женщин и совсем молодых юношей и девчонок. Они постоянно спорили, кричали и хохотали, то и дело переходя с английского на мелодичный итальянский.

– Адриано! – позвал пожилой мужчина. – Адриано!

В ответ на его зов в раскрытом окне на втором этаже появилась женщина и сердито крикнула:

– Ты старый осел! Адриано давно уехал домой!

Итальянцы покрикивали друг на друга, шутили, дружелюбно хлопая друг друга по плечам, а то вдруг останавливались и передавали из рук в руки бутылку темного красного вина или поднос с бутербродами. Их шумные ссоры, крики и смех разносились по всей улице. Один из грузчиков, черноволосый человек с розовым чистым лицом и двойным подбородком, во все горло запел сентиментальную итальянскую песню, а его товарищи хором подхватили припев. Остальные же, в том числе пожилая женщина с подвижным, выразительным лицом, принялись подражать театральным жестам певца, то и дело взрываясь заразительным смехом, лишь только тот делал паузу перед началом нового куплета.

Алекс остановился возле фургона, с любопытством рассматривая веселую толпу. В двухэтажный дом въезжало итальянское семейство, а их родственники – судя по всему весь клан – явились на помощь. Он хотел идти домой, однако живое веселье новых соседей настолько захватило его, что он стоял посреди дорожки и глазел на них, глупо улыбаясь. Его собственное подавленное настроение куда-то испарилось.

Кто-то, согнувшись под огромным тюком с одеждой и не видя ничего впереди себя, шел прямо на него, и Алекс посторонился, давая дорогу. Это оказалась молодая девушка. Она осторожно опустила свою ношу на землю, затем выпрямилась и повернулась к нему. Алекс взглянул на нее, да так и застыл.

– Привет, меня зовут Клаудия, – сказала девушка. – А тебя?

Всю ночь Алекс ворочался с боку на бок на своем узком диване. Его лицо пылало, а глубоко в груди, стоило только ему вспомнить лицо Клаудии, оживала какая-то новая, незнакомая боль. Как живая, девушка снова и снова возникала перед его глазами, скрашивая бессонное одиночество нескончаемой ночи. Алекс вспоминал прекрасные черные глаза, полные темные губы, атласную кожу и гибкий стан. Ему хотелось поцеловать ее, зарыться лицом в густую массу шелковистых волос, искрящимся водопадом ниспадающих на ее левое плечо, коснуться пальцами нежной щеки или изящного подбородка. Мысль о ее обнаженном теле и вовсе могла свести его с ума. Горячка, сжигавшая мозг, разбудила воображение, и оно рисовало самые невероятные картины.

Первая любовь всегда мучительна. Джоуи вычитал это в какой-то книге несколько лет назад, когда был по уши влюблен в свою прыщавую толстушку Лауру, которая была уже в прошлом, а ее место заняла тоже прыщавая и толстая Фрида. Алекс, однако, только теперь понял, насколько права была книга, насколько мучительна и болезненна может быть любовь. Он никогда не влюблялся раньше и не подозревал о том, что подобные сильные переживания могут быть вызваны случайной встречей на улице.

Когда в комнату проник первый утренний свет, Алекс, всю ночь не сомкнувший глаз, твердо решил, что он никогда и никого не будет любить так крепко, как он любит Клаудию Беневенто.

Вчера вечером он помог ей внести тюк с одеждой в дом, где всем, в том числе и мужчинами, бесцеремонно распоряжались полные женщины с тяжелыми грудями и в темных платьях. Молодой парень приветствовал появление Клаудии залиvistым свистом и истошными кошачьими воплями, которые, впрочем, она восприняла без раздражения, даже с удовольствием. Когда же Алекс, сгибаясь под тяжестью ее тюка с цветными блузками и яркими платьями, вступил вслед за ней в гостиную, его появление было встречено раскатами добродушного хохота.

– Что, Клаудия, уже одного подцепила? – крикнул ей со стремянки худой смуглый парень.

Его товарищ, широкоплечий крепыш, подававший снизу тяжелую люстру, добавил угрожающим тоном:

– погоди, вот я скажу Стиви!

– Мои несносные братья, – простонала Клаудия и, не выдержав, прыснула. Она двигалась посреди хаоса грациозно, словно принцесса среди своих подданных, явно наслаждаясь этой ролью.

– Это мой друг Алекс! – торжественно заявила она и повторила еще громче, обращаясь к старой седой женщине, которая вошла в гостиную, опираясь на палочку: – Это Алекс, бабушка!

– Кто? – квакнула старуха, с недоумением разглядывая Алекса.

– Алекс. Александр. Алессандро.

Алессандро бросил тюк на пол и пригласил Клаудию в “Голливудский газированный фонтан”.

– Что? – переспросила Клаудия, задорно подбоченившись. – Ты хочешь, чтобы я бросила мою семью трудиться и потеть, пока я буду наслаждаться с тобой мороженым у стойки с содовой?

– Д-да... – запинаясь, пробормотал Алекс.

– Отличная идея! – воскликнула Клаудия, и в ее глазах зажглись озорные искры. – Замечательно! Пошли скорее.

Она весело схватила Алекса под руку, причем ее упругая грудь слегка коснулась его локтя. Алекс почувствовал нарастающую панику. Еще ни одна девчонка в мире не ходила с ним под руку.

– Я ухожу с Алексом! – крикнула Клаудия и с достоинством удалилась, увлекая поклонника за собой.

В кафе она с явным удовольствием проглотила две порции “особого двойного бананового” мороженого с сиропом, орехами, засахаренными фруктами и прочей ерундой, радуя окружающих своими восхищенными возгласами и заразительным беспечным смехом. Продавец содовой, толстяк Луи, человек с редкими седыми волосами, прилипшими к макушке, и на деревянной ноге, улучив момент, шепнул на ухо Алексу:

– Эта твоя девчонка – что надо!

Его девчонка. Алекс собрал все свое мужество и, повернувшись к Клаудии, выпалил:

– А кто этот Стиви?

– А-а, ты слышал! – Она рассмеялась, потом повела плечами. – Мой парень, – сказала она, и Алекс почувствовал, как сердце его упало.

Клаудия некоторое время рассматривала его без своей обычной улыбки, к которой он уже успел привыкнуть. Алексу показалось, что в ее страстных темных глазах мелькнуло что-то, что он не смог расшифровать.

В следующий момент серьезное выражение исчезло с ее лица, и Клаудия снова стала сама собой, беспечной и веселой. Не сходя с табурета, Алекс выслушал живой рассказ о ее прежней жизни. Она оказалась прирожденной рассказчицей, обладающей редким даром увлечь слушателя даже самыми обычными вещами.

Он узнал, что семья Беневенто переехала в Нью-Йорк из Нью-Джерси, где ее отец, несмотря на отчаянное сопротивление продажных политиканов, местных тузов и мафии, сумел стать уважаемым бизнесменом. Они были американцами во втором поколении, а ее деды и бабки родились в Калабрии, “на самом мыске итальянского “сапога”, если ты знаешь географию”. Постоянно оглядываясь по сторонам, Клаудия страшным голосом поведала ему о том, что в ее жилах тоже течет кровь страшных калабрийских бандитов.

У нее была одна сестра, которая, по словам Клаудии, тайно сгорала от неразделенной любви, и три брата, самый старший из которых уже был женат и недавно у него родилась двойня. Самой ей было шестнадцать лет и два месяца, и из всех пятерых она была самой младшей и, конечно же, самой избалованной. Ей нравилось рисовать красками и делать наброски, а в школе она даже получила за свои работы несколько призов. Заветной ее мечтой вот уже давно было учиться живописи. Известный художник приглашал ее стать его

ученицей, однако, если бы она рассказала братьям, что он хотел получить взамен, то это развязало бы самую страшную вендетту по эту сторону Атлантики.

Клаудия сообщила, что, к счастью, она любила красивую одежду. Слово “любила” она выделила голосом, а сама зажмурилась от восторга.

– Тебе нравится моя кофточка? – кокетливо спросила она, поворачиваясь кругом, чтобы дать Алексу возможность лучше рассмотреть свой бутылочно-зеленый пуловер. По ее словам выходило, что ее семья единодушно считает, что у нее редкий вкус, и все они уверены, что Клаудия станет великим дизайнером одежды. Разве не прекрасно, что она сможет совмещать два своих главных увлечения: одежду и рисование? И Алекс сказал: да, несомненно, чудесно.

Затем она засыпала его вопросами о нем самом, и он с готовностью отвечал ей, описывая чувства и мысли, перечисляя надежды и огорчения, в которые не посвящал даже Джоуи. Он рассказал ей о гибели своих родителей, о потерянном брате и об усилиях, которые он предпринял, чтобы выяснить правду о своей семье. Его повесть, похоже, увлекла девушку. Когда он описывал казнь матери, то, к своему изумлению, увидел, как по щекам Клаудии потекли слезы.

– Прости меня, – прошептала она и отвернулась, а Алексу внезапно пришло в голову, что это – первый посторонний человек, который плачет по его матери.

Пытаясь сменить тему, Алекс заговорил о своем неудачном визите в советское консульство, предпринятое им сегодня после обеда. Клаудия рассмеялась, когда он с юмором описывал помощника консула и его цербершу в черной шали. Она даже дружески положила ладонь на его руку и некоторое время не убирала ее, и Алекс вдруг понял, что никогда он не был так счастлив, как в эти минуты, с этой прелестной девушкой в “Голливудском фонтане”.

Когда Алекс проводил ее домой, он подумал о том, что разочарование, постигшее его в консульстве, потеряло всякое значение. Теперь ему казалось, что помощник консула отодвинулся куда-то и существовал только в далеком прошлом. Теперь он хотел только одного – снова увидеть Клаудию.

На следующий день он примчался из школы домой и немедленно занял наблюдательный пост у окна гостиной, выходящего на дом Клаудии. Ему хотелось снова увидеть ее, поговорить с ней, и он решил не отходить от окна до тех пор, пока снова не увидит ее. Тогда ему понадобится всего лишь несколько секунд, чтобы выскочить из квартиры, сбегать вниз по ступенькам и оказаться на улице. Там он должен домчаться до угла, перейти на другую сторону и не спеша вернуться обратно, чтобы их встреча выглядела случайной.

– Не следует показывать девчонкам свой интерес, – не далее как сегодня поучал его Джоуи, которому Алекс рассказал о своей великой любви. – Женщин никогда не влечет к парням, которые кажутся слишком доступными. И еще запомни: если она спросит тебя, говори, что у тебя было полно девчонок. Если она узнает, что ты девственник, она тут же тебя бросит. – Маленький Казанова строго посмотрел на Алекса и пояснил: – В этом возрасте девчонки

интересуются только парнями, у которых есть опыт в любовных делах. Понятно?

И вот Алекс сидел в засаде, наблюдая за домом итальянцев. Чтобы избежать допроса с пристрастием со стороны Нины, чей пронизательный взгляд не пропускал ни одной мелочи, он притворился, будто читает роман Александра Бека о битве под Москвой в 1941 году. На случайные вопросы Нины он отвечал кратко и односложно, не желая вступать в разговоры, которые могли бы отвлечь его от окна.

Его отношения с Ниной давно вернулись в нормальное русло, несмотря на то что тогда, четыре года назад, между ними произошла та первая болезненная размолвка. В тот дождливый день, когда Алекс узнал, что все это время Нина лгала ему о его родителях, его первым побуждением было убежать из дому. Внутри его кипело такое горькое разочарование, что ему не хотелось даже видеть тетку. Но после ссоры в магазине Шпигеля он покорно вернулся вслед за ней домой. Именно там между ними произошел неприятный, мучительный для обоих разговор, на протяжении которого Алекс высказал и выплакал все, что накопилось у него на сердце. Нина тоже пролила немало горьких слез. Свое молчание она объяснила тем, что ей хотелось уберечь его от страшного потрясения, которое неминуемо ждало его, узнай он правду о гибели родителей. Именно поэтому она и придумала сказку об автомобильной аварии.

– Я знала, что в конце концов ты узнаешь правду, Сашенька, – печально призналась она. – Я сама хотела рассказать тебе об этом, но только не сейчас. Я понимала, что тебе больно будет услышать это, и не желала, чтобы ты узнал про весь этот ад в таком возрасте, когда ты еще дитя.

Конечно, она не могла себе даже представить, что обо всем этом будет напечатано в газете и что какой-то маленький мерзавец намеренно оставит вырезку на парте Алекса просто для того, чтобы посильнее уязвить его. Глядя на ее осунувшееся, вытянувшееся лицо, по которому текли слезы, Алекс в конце концов обнял ее. Она была права, вынужденно признал он, она лгала ему ради его собственной пользы.

Оба они знали теперь, что обвинения против Виктора и Тони Вульф были ложными, что улики были сфабрикованы чьим-то злым, горячечным мозгом и что советская государственная машина совершила роковую ошибку. Немного поколебавшись, Нина показала Алексу копию закрытого доклада Хрущева на XX съезде Коммунистической партии в 1956 году. Эта речь, попавшая на Запад какими-то тайными каналами, была опубликована всего несколько месяцев назад. Хрущев развенчал Сталина, объявив его преступником и убийцей, на чьей совести были показательные суды, пытки и массовое истребление людей.

– В это очень нелегко поверить, голубчик, – вздохнула Нина. – Наш вождь и учитель товарищ Сталин, проповедник идей коммунизма, которого мы называли “отцом народов”, оказался вдруг злодеем из злодеев.

– Я читал, что перед смертью Ленин предостерегал партию против него, – осторожно заметил Алекс.

– Ленин, должно быть, перевернулся в своем мавзолее, когда узнал, что наделал Сталин, – твердо сказала Нина. – Это объясняет все, что случилось с

Тоней и Виктором. Коммунизм ни при чем. Во всем виноват Сталин, который приказал своим палачам совершать все эти ужасные убийства и казни. За это твои родители поплатились жизнями.

Кроме того, Нина добавила, что отец Алекса, может быть, еще жив – никто не видел, как он умер. Услышав это, Алекс только выразительно посмотрел на тетку, и она смолкла. Оба знали, что Виктор Вульф мертв; в лагерях за Полярным кругом узник мог продержаться от силы год или два.

Вид открывающейся двери в доме Беневенто оторвал Алекса от воспоминаний. Из дома, жуя яблоко, вышла Клаудия. Двое мойщиков окон, работавших по соседству, засвистели при виде ее, засунув в рот пальцы, но она даже не взглянула на них.

Она была так привлекательна в джинсах, тапочках без каблуков и белой просторной блузке, расшитой зелеными цветами! По всей видимости, зеленый был ее любимым цветом.

Алекс уже вскочил и готов был броситься к двери, когда, к своему удивлению, увидел, что Клаудия пересекла улицу и, подойдя к их дому, исчезла в подъезде. Она шла к нему!

В панике Алекс бросился к двери, потом поспешно вернулся к столу, пытаясь привести в порядок книги и тетради и собрать в стакан разбросанные ручки и карандаши. Он не знал, как ему быть. Еще ни разу он не принимал у себя девушек. Но дверной звонок уже залился звонкой трелью, и в прихожей послышались быстрые легкие шаги Нины. Дверь отворилась, и в комнату поплыл певучий мягкий голос его вчерашней знакомой:

– Привет, вы Нина? Я Клаудия Беневенто, подруга вашего Алекса. Он дома?

– Да, он дома. – В сухом голосе Нины проскользнули удивленные интонации. Черт побери, она могла бы быть немного дружелюбнее!

Он шагнул к двери, но Клаудия уже была в гостиной, улыбаясь ему.

– Привет, Алекс! – воскликнула она.

Боже мой, как она была прелестна! В полутемной прихожей Алекс разглядел суровое лицо Нины, которая смотрела на него через плечо гостьи.

– Я хочу посмотреть твою картинную галерею, – сказала Клаудия. – Можно?

Вчера вечером Алекс рассказал ей о своем собрании фотографий и плакатов, которые были приклеены у него над столом.

– При одном условии, – ответил он.

– Каком? – Клаудия уже была возле стола и рассматривала стену. – Это спутник, – обрадовалась она. – А это кто? Ленин?

Он не ответил, и Клаудия обернулась к нему.

– При каком условии?

– Что ты подаришь мне для моей коллекции одну из твоих картин.

– Согласна! – с готовностью кивнула она. – Но с условием.

Алекс скрестил на груди руки и не без удовольствия кивнул в знак согласия.

– Не поужинаешь ли ты с нами сегодня вечером? Мы празднуем наш

переезд в Бруклин. Моя мать готовила целый день, а бабушке ты очень понравился. Она сказала, что ты – прелесть. “Пригласи, – говорит, – Алессандро, пригласи этого молодого кавалера”. Ты придешь?

Алекс не смог сдержать улыбки.

– Мне нравится твоя бабушка. Я приду, но ради нее одной.

В следующий момент он сообразил, что ему придется оставить Нину одну. Он обернулся.

– Нина, – сказал он, – Клаудия...

Но Нины уже не было в прихожей, а в звуке ее быстрых шагов, удаляющихся в сторону кухни, были одиночество и упрек.

* * *

Он, однако, совершенно позабыл о Нине, стоило ему только переступить порог дома Клаудии. Он словно попал в другой мир, отстоящий от его собственного на несколько геологических эпох. Алекс успел привыкнуть к могильной тишине в квартире тетки, нарушаемой лишь редкими телефонными звонками да дребезжащими звуками, доносящимися из патефона, когда Нина ставила одну из русских пластинок. В доме Клаудии, напротив, царили восхитительно громкие и самые разнообразные звуки. Здесь никто не разговаривал спокойно – каждый кричал во всю силу своих легких; то и дело раздавались взрывы смеха, кто-то принимался петь, а кто-то вступал в легкую перебранку с одним из родственников. В гостиной гремело радио, мадам Беневенто руководила из кухни своим непослушным племенем, а телефон постоянно был кем-то занят, передавая деловые разговоры, девчоночью болтовню, мальчишеские похвальбы, кулинарные рецепты, которыми обменивались женщины. Молодые голоса говорили по-английски с острым нью-джерсийским акцентом, голоса постарше чаще прибегали к музыкальному, полноразмерному итальянскому.

Из большой кухни в глубине дома распространялись по всем комнатам дразнящие запахи чеснока и специй, жареной рыбы и мяса, кипящего масла и острых соусов. Постоянно приходили и уходили какие-то родственники, двоюродные и троюродные братья, а близнецы – дети старшего брата Клаудии – то восторженно вопили, то плакали, носясь по всему дому и путаясь у всех под ногами. Мать Клаудии как из-под земли возникала в коридоре с сумками, набитыми всякой снедью, бабушка пробиралась вдоль стен, равномерно постукивая своей тростью, а мистер Беневенто постоянно уединялся в своем кабинете с кем-нибудь из коллег, приехавших по делам бизнеса.

Даже убранство комнат было иным. В отличие от строгой, аскетичной обстановки теткойной квартиры дом Беневенто был наполнен разноцветными ковриками и циновками; вычурные, массивные итальянские диваны были прикрыты выцветшими бархатными покрывалами и завалены пухлыми подушечками; резные деревянные буфеты были устелены кружевными салфетками; огромные лампы снабжены абажурами из цветного стекла или из ткани с тяжелой золотой бахромой. Были здесь и столы темного дерева с

фарфоровыми статуэтками, ветхие и пыльные мягкие кресла, а также многочисленные картины с итальянскими пейзажами, развешанные по стенам попеременно с изображениями святых, ангелов, апостолов, мадонн и самого Господа Всемогущего в самых разных одеяниях.

Сами Беневенто, по всей видимости, настолько привыкли к шумному беспорядку, что не замечали его. Отец Клаудии был невысоким мужчиной с большим круглым животом, имевшим обыкновение расхаживать по дому в неизменных полосатых майках. Мадам Беневенто, чей чеканный профиль все еще сохранял следы былой красоты, управляла своими чадами и домочадцами железной рукой, не уставая изгонять из кухни стайки малолетних отпрысков – детей ближних и дальних родственников и громко жаловаться на свою горькую участь. Свои жалобы она адресовала лично Господу Богу, и ее остроумные, едкие монологи разносились по всему дому. Клаудия, ее братья и сестра относились к своим родителям с восхитительной фамильярностью и непочтительностью, хотя Алекс довольно скоро догадался, что оживленные перебранки и горячие споры не были и вполнину такими серьезными, какими казались, и что за громогласными вокальными упражнениями скрываются тесные и дружеские семейные отношения.

Самым потрясающим и важным открытием, которое сделал для себя Алекс в доме своих новых знакомых, было то, что жизнь, оказывается, могла быть прекрасной даже в том случае, если она не посвящена фанатическому служению высоким идеалам. Беневенто были индивидуалистами до мозга костей и не желали становиться частью безликих масс, с мрачной решимостью шагающих к светлому будущему. Они были счастливы друг с другом, среди своих родственников и соседей и жили ради сегодняшнего дня, а не ради счастья будущих поколений. Они хотели взять от жизни как можно больше и непременно сегодня, так что Алекс начинал подозревать, что, будь Карл Маркс знаком с семьей Беневенто, он написал бы совсем другие книги.

Эти крамольные мысли зарождались в его голове, когда он церемонно пожимал руки, знакомясь со всеми присутствующими. Затем он был препровожден в гостиную, где находился огромный обеденный стол, покрытый крахмальной скатертью и салфетками и уставленный невообразимым количеством стаканов, подносов, ваз, супниц и столовых приборов из старинного тяжелого серебра. Все было готово для грандиозного пира.

И это действительно был настоящий пир! За ломтиками красного карпаччио под пикантным соусом последовали ветчина проскутто и дыня, нежная лазанья и свежие томаты в оливковом масле, огромные креветки, телятина в сухарях, горячие сосиски по-итальянски и многочисленные острые сыры, и все это подавалось в поистине раблезианских количествах. Кьянти и “Савона” лились рекой.

Алекс привык к тому, что обеды в доме Нины проходили быстро, преимущественно в молчании. Здесь же разговор не затихал ни на минуту. Появление каждого нового блюда встречалось одобрительными возгласами и аплодисментами. Сидевшие за столом гости оживленно переговаривались, шутили и смеялись, выкрикивали комплименты хозяйке, а она, в свою очередь,

не оставалась в долгу, и лицо ее покраснелось от удовольствия. То, с какой скоростью собравшиеся опустошали тарелки, доставляло ей искреннюю радость.

Праздничный ужин уже подходил к концу, когда появился еще один гость. Собравшиеся встретили его хором веселых голосов.

– Привет, Стиви! – завопил Рики, самый младший из братьев Клаудии. – Как игра?

– О'кей, – отозвался вошедший слегка усталым голосом. – Мы выиграли.

Сестра Клаудии Мария бросилась к Стиви и нежно обняла его. На ней была сильно облегающая узкая кофточка цвета красного вина.

– Клаудия! Иди же скорее! – завопил ее брат Майкл, покосившись в сторону Алекса.

Гибкий и жилистый Рики Беневенто перегнулся к Алексу через стол и объяснил:

– Стиви играет в баскетбол, он отличный нападающий.

Когда он говорил, в вырезе его рубашки прыгал на шее подвижный кадык. Алекс понял, что Стиви, приятель Клаудии, считается в семье Беневенто чем-то вроде овечьего славой героя.

Клаудия, на протяжении всего вечера сидевшая за столом рядом с Алексом, как раз вышла на кухню, чтобы помочь матери. Вернувшись в гостиную, она быстро обняла Стиви, а он поцеловал ее в щеку. Затем Клаудия повернулась к Алексу, чувствуя себя несколько неловко.

– Это мой друг, Стиви, – сказала она. – Стиви, это Алекс.

Алекс поднял взгляд на Стиви, которого уже стал считать своим соперником. Стиви был примерно того же возраста, что и Алекс, но очень высок ростом, черноволосый и черноглазый, с прямым носом и квадратным подбородком. Одет он был в майку-сетку и коричневые брюки из грубой хлопчатобумажной ткани. С плеча его свисала белая спортивная сумка. Он был красив и знал об этом.

– Хай, Алекс! – сказал Стиви и улыбнулся.

– Хай! – Алекс улыбнулся в ответ. Он уже ненавидел этого пижона.

Внезапно он почувствовал себя униженным. В этой компании он был чужим. Зачем Клаудия его пригласила? Затем, чтобы он встретился с ее ухажером? Избегая, взгляда Стиви, Алекс посмотрел на картину с изображением святого Себастьяна, висевшую над комодом. Святой, привязанный к столбу и утыканный стрелами, как подушечка для булавок, был нарисован мрачными, темными красками.

Он внезапно поднялся из-за стола, чувствуя, как горят его щеки. Мария искоса посмотрела на него и одернула свою красную блузку.

“Не красней, – сказал он себе, чувствуя, как ладони становятся липкими от пота. – Не смей краснеть!”

– К сожалению, мне пора, – сказал Алекс. – Мне пришлось оставить свою тетю одну. Большое спасибо за угощение. Поверьте, миссис Беневенто, никогда в жизни я еще так вкусно не ел.

– Алекс, погоди! – воскликнула мать Клаудии, вытирая руки посудным

полотенцем. – Сейчас будет десерт!

– Алессандро! – проскрипела бабушка Беневенто.

– Мне очень жаль, – повторил Алекс, – но мне нужно идти. Прошу извинить. – Он слабо взмахнул рукой.

– До свидания всем. Рад был познакомиться. – Он перехватил взгляд Клаудии, которая с огорченным видом смотрела на него. – До свидания, Клаудия. Спасибо.

Он выбежал из дома. На улице стемнело, и прохладный ночной воздух мигом охладил его пылающие щеки. Алекс пошел было через улицу, но передумал. Он не мог идти домой. Нина, наверное, еще не спит, а вынести ее осуждающий взгляд ему было не под силу. Он решил немного пройтись и подумать, однако лицо Клаудии все время возникало перед его глазами, а в ушах звучал ее голос. Зачем она пригласила его? – спрашивал себя Алекс. Хотела ли она подразнить его или ей почему-то хотелось уязвить своего ухажера, который непременно должен был приревновать, обнаружив за праздничным столом Алекса, поедающего приготовленную мадам Беневенто нежную лазанью? “Женщины – они такие! – предупреждал его Джоуи. – Они любят использовать нас, мужчин, в своих непонятных играх”.

Вдали замаячила неоновая вывеска “Голливудского газированного фонтана”, и Алекс свернул на другую дорогу. “Черт бы побрал эту Клаудию!” – думал он. Она казалась ему совсем другой, не похожей на обыкновенных девчонок. Еще вчера она плакала, когда он рассказывал ей о своей матери, а сегодня, когда она пришла к нему, он показывал ей книгу стихов Тони Гордон и читал “Письмо солдата” и “Мое белое царство” в своем собственном переводе. Клаудия наклонилась вперед, стиснула его руку, и Алекс готов был поклясться, что она была глубоко взволнована. Клаудия даже сказала, что “Письмо солдата” – одно из самых замечательных стихотворений, которые она когда-либо слышала. И еще она добавила, что никогда не встречала таких хороших людей, как Алекс. Когда она смотрела на него, в ее глазах было нечто большее, чем просто дружеские чувства.

“Все это ерунда, – возразил ему внутренний голос. – Ни одна девчонка не влюбится в тебя с первого взгляда. Тебе это просто показалось, глупец, и все из-за романтической жилки, унаследованной от родителей. Неужели ты думаешь, что всю жизнь она ждала именно тебя? Несомненно, у нее есть кавалер, о чем она, между прочим, честно предупредила тебя еще вчера. Почему ты не спросил, любит ли она его? Может быть, он не возражает против того, чтобы твоя Клаудия встречалась и с другими парнями? Может быть, они даже переспали друг с другом? В наши дни это случается на каждом шагу”.

Алекс сжал кулаки. При одной лишь мысли о том, что кто-то прикасается к обнаженному телу его Клаудии, он начинал сходить с ума. А ведь он впервые встретился с ней только вчера!

Неужели она действительно спит со Стиви? Клаудия была еще молода, но многие девушки начинали еще раньше. Джоуи рассказывал ему, что они с Фридой были уже очень близки к тому, чтобы сделать это, и он надеялся, что в течение ближайших двух недель им удастся осуществить то, к чему они оба так

стремились.

– Девчонки хотят этого еще больше нашего, – со знанием дела сообщил Джоуи. – Но нам следует разыгрывать свою карту весьма осторожно и хитро, ничем не проявляя своего интереса, а затем в нужный момент просто помочь им раздеться.

Откуда Джоуи набрался всей этой премудрости, Алекс не знал. Они были одного возраста, и Джоуи отличался от Алекса лишь тем, что у него уже были две довольно-таки страшные на вид девчонки – Лаура и Фрида.

Алекс решил, что ему нужно найти какое-нибудь занятие, которое отвлекло бы его. В последнее время он забросил плавание, а в боксерской школе Большого Джека Макмиллана он не появлялся вот уже целую вечность. Завтра он начнет все сначала. Самое большее через год он станет великим спортсменом, гораздо лучшим, чем Стиви. Все свободное время нужно отдавать учебе – он не хотел состоять целиком из мускулов, как Стиви, у него будут и мозги. Алекс представил себе, как заканчивает последний класс с медалью лучшего ученика и как Клаудия узнает об этом от соседней. “Погоди, Клаудия, и посмотрим... – размышлял Алекс. – Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что позволила мне уйти”.

Он вернулся к своему дому около полуночи. Как только он ступил в подъезд своего дома, из темноты кто-то шагнул ему навстречу.

– Клаудия? – удивился Алекс. – Что ты здесь делаешь?

– Тебя не было дома, – ответила она. – Я позвонила, и твоя тетя сказала мне, что ты не вернулся.

– Я решил прогуляться, – неуверенно сказал Алекс. – А где Стиви?

– Почему ты ушел? – спросила Клаудия, не ответив на его вопрос. – Я хотела, чтобы ты остался, ведь ты был моим гостем. Почему ты ушел?

Несмотря на царивший в подъезде мрак, Алекс сумел рассмотреть, что лицо Клаудии бледное и насупленное.

– Ты знаешь – почему, – уронил он.

– Нет, не знаю.

– У тебя есть... приятель. Зачем ты пригласила на ужин и меня?

– Потому что вчера вечером нам было хорошо с тобой. И я захотела, чтобы ты пришел ко мне в гости. Мы ведь друзья, не так ли?

– Разве Стиви не возражает?

– Я не знала, что он тоже придет, – попыталась оправдаться она. – А почему он должен быть против? Мы же не сделали ничего плохого, правда?

– Но могли... – Алекс припомнил советы Джоуи – действовать хитро и осторожно. Нет, к черту Джоуи с его советами! – Я хочу кое-что сказать тебе, Клаудия. Я тебя совсем не знаю, и ты не принадлежишь мне...

– Конечно, нет, – вставила она.

– ...я не имею на тебя никаких прав. Но я не хочу быть просто парнем по соседству, понятно? Я встретил тебя только вчера вечером, но ты сразу мне понравилась. У меня нет никакой подружки, да и никогда не было. Всю ночь и весь день я думал только о тебе. Я не хочу, чтобы мы были просто “добрыми друзьями”. И я не хочу заменять Стиви, когда он по каким-то причинам

отсутствует.

– Отношения между мной и Стиви вовсе не такие, как ты думаешь, – заметила Клаудия.

– В самом деле? Ты знаешь, эти слова я много раз слышал раньше. Это штампованное клише из фильмов: “Мой муж меня не понимает, и наши отношения вовсе не такие, как ты думаешь”.

– Не смейся надо мной, – тихо попросила Клаудия. – Никакой он мне не муж.

– Я не знаю, какие между вами отношения, но... – Алекс собрался с духом и выпалил: – Я хочу, чтобы ты целиком принадлежала мне одному. Ни Стиви, никаких “добрых друзей” – только ты и я!.. Ну вот, я и сказал это. Ты понимаешь меня? Правда?

Клаудия долго смотрела на него.

– Знаешь, ты и в самом деле какой-то особенный, – с интересом и недоумением сказала она наконец. – Я никогда раньше не встречала таких ребят, как ты. Ты говоришь и поступаешь так, будто прилетел с другой планеты. Ты прямо говоришь о том, что чувствуешь, и не хочешь играть ни в какие игры. Глядя на тебя, я вспоминаю стихи твоей матери: “...сердца чистого мечта”. Знаешь что? Я думаю, что ты и есть это чистое сердце, Алекс Гордон.

Она убежала прежде, чем он нашелся, что ответить.

Алекс медленно поднимался по ступенькам, и странные слова Клаудии не шли у него из головы. Действительно ли он нравится ей? Увидит ли он ее снова?

Дверь в квартиру оказалась не запертой, и во всех комнатах горел свет. Нина сидела на диване в гостиной, выпрямившись и сложив руки на коленях. Заслышав шаги Алекса, она подняла на него глаза, в которых не было ни следа упрека – одна лишь усталая покорность.

– Алекс... – Нина глубоко вздохнула. – Твой дядя Самуэль... Он умер сегодня вечером.

* * *

На похоронах Самуэля Крамера было очень мало людей: Алекс с Ниной, две троюродные сестры, приехавшие из Буффало, несколько продавщиц из мехового магазина Шпигеля. Сам мистер Шпигель не смог приехать на кладбище, но прислал телеграмму и венок. Были здесь и три пожилые женщины с усталыми, несчастными лицами и горящими глазами – товарищи Нины по Движению в защиту мира.

Самым первым, однако, на похороны явился старик, живший с ними в одном доме. Он с трудом передвигался и вынужден был прислониться к дереву, чтобы отдышаться. Нине он сказал, что дорогой мистер Крамер наконец избавился от страданий и это к лучшему. Алекс при этом подумал, что хотя старик говорил о его дяде, но думал о себе.

Был на похоронах и какой-то странный автомобиль, темный “шевроле”, на переднем сиденье которого расположились двое мужчин. Автомобиль

остановился на порядочном расстоянии, но Алекс заметил, как блестит на солнце объектив фотоаппарата. Это сразу напомнило ему людей, которые следили за их домом и время от времени провожали его по улицам Бруклина в школу и обратно.

Последним, запыхавшись, прибежал Джоуи. Он дружески обнял Алекса и скосил глаза влево.

– Это она? – шепотом спросил он.

Алекс проследил за его взглядом и, к своему изумлению, увидел Клаудию в строгом темно-синем платье. Рядом с ней стояли двое ее братьев – Майкл и Рики. Оба выглядели очень торжественно.

Алекс подошел к ним и, пожимая руку Рики, сказал:

– Спасибо. Большое спасибо за то, что вы пришли. Вы ведь даже не знали его.

– Но мы знаем тебя, – возразил Рики. – Ты наш самый лучший друг из тех, кто живет по соседству. Ты помог нам переезжать и был на нашем празднике. Если тебе что-то понадобится, просто открой окно и крикни погромче. Договорились?

Клаудия ничего не сказала, она лишь задержала его руку в своей и вопросительно посмотрела ему в лицо, словно ожидая увидеть ответ на свой невысказанный вопрос. “Да, я люблю тебя”, – хотел ответить Алекс, но промолчал.

Когда Клаудия подошла к Нине, чтобы высказать ей соболезнования, Алекс заметил, как Нина напряглась. Он подумал, что Нина, должно быть, видит в Клаудии соперницу, человека, способного похитить у нее любовь Алекса. Вполне возможно, что инстинкт не подвел Нину: появление Клаудии в доме по соседству привело все его чувства в полный беспорядок. Для него ничто больше не могло оставаться прежним, неизменным. Самому ему казалось, что его любовь к Нине и чувства, которые он питал к Клаудии, были совершенно разной природы, но, может быть, Нина лучше знала, что к чему.

Вернувшись с кладбища домой, они убрали гостиную, подготовив ее к семидневному трауру, который Нина после некоторых колебаний решила соблюсти. Зеркала завесили тканью, а диван и стулья расставили в ожидании гостей полукругом у стола. Затем Нина усадила его на диван, а сама заняла место напротив на стуле с высокой прямой спинкой.

– Нам нужно кое-что решить с тобой, Алекс, – сказала она. – Во-первых, вопрос о квартире. Завтра придут рабочие и уборщица. Вещи твоего дяди мы уберем. Его комната будет теперь твоей – тебе уже нужна собственная комната.

– Но, Нина, тебе тоже нужна комната! – возразил Алекс, хотя в глубине души он пришел в восторг. Наконец-то у него будет своя комната! Он не хотел больше спать и работать за столом в углу гостиной, а комната дяди была самой большой в квартире. Ему оставалось только молиться, чтобы отвратительный кислый запах болезни исчез вместе со старой дядиной мебелью.

– Мне довольно неплохо там, где я живу сейчас, – сказала Нина. – Я уже заказала для тебя новую кровать, столик и пару стульев. Отсюда мы перенесем в спальню только твой стол и, конечно же... – она слабо улыбнулась, – ...твою

картинную галерею.

Алекс хотел уже поблагодарить ее, но Нина подняла руку.

– Есть еще один вопрос, Алекс. У твоего дяди была пожизненная страховка. На протяжении всех этих летя аккуратно платила взносы, и сумма получилась вполне приличная. Мне эти деньги не нужны, и мы можем заплатить за твое образование. Ты теперь можешь выбрать любой колледж, который тебе понравится. У тебя есть какие-нибудь идеи?

Этого не может быть на самом деле, должно быть, он бредит! Алекс не смел даже надеяться, что сможет продолжить образование.

– Частный Университет Брауна в Провиденсе, Род-Айленд, – выпалил он. – Отделение советологии.

Нина довольно кивнула.

– Я надеялась, что ты захочешь изучать Россию, – сказала она. – Но почему Браун?

– Там существует программа обмена студентами с СССР и Восточной Германией.

– И ты хочешь разыскать Дмитрия, – сказала Нина, закончив его мысль.

– Я должен его найти, – с нажимом возразил Алекс. Наклонившись к Нине, он спросил: – А ты? Разве ты не хотела бы узнать, где он и что с ним?

– Разумеется, – кивнула Нина. – Он мой племянник, такой же, как и ты.

Она покачала головой и положила руку на плечо Алекса.

– Нет, – сказала она. – Не совсем. Я воспитала тебя, Алекс, ты стал мне как сын. Я не смогла бы любить кого-то другого и заботиться о нем так, как о тебе, даже если бы захотела.

В тот же день они позвонили в Университет Брауна и попросили выслать бланки заявления о приеме и текущие проспекты с учебными планами. Времени до начала занятий было больше чем достаточно, но Алекса сжигало нетерпение, и он хотел поскорее узнать побольше об этом учебном заведении.

Но, несмотря на такие важные перемены в его жизни, Клаудия по-прежнему занимала в его мыслях первое место. Если он отправится в Провиденс, он не сможет видеться с ней, так как большую часть времени будет проводить далеко от Нью-Йорка. Может быть, это было бы к лучшему, так как Алексу было невыносимо тяжело жить по соседству с ней, видеть ее каждый день из окна и не быть с ней вместе. Если он останется в Бруклине, его одержимость Клаудией не покинет его ни на мгновение, и тогда он запросто сойдет с ума, воображая ее в объятиях этого тщеславного телеграфного столба.

Нина пристально смотрела на него своими пронизательными, умными глазами, и Алексу пришло в голову, что она, должно быть, догадывается о том, что происходит в его сердце. Возможно, мысль о его отъезде радовала ее по той же причине, по какой его она огорчала.

Учебные программы прибыли по почте примерно через неделю. День клонился к вечеру, а Алекс все сидел за столом в своей комнате, отмытой, заново покрашенной и обставленной новой мебелью, и в сотый раз перечитывал университетские бумаги. Окна были широко распахнуты, и в комнату врвался пыльный теплый воздух раннего лета. В комнате уже

начинало темнеть, когда в дверь постучали. На пороге появилась Нина, лицо ее было суровым.

– К тебе пришли.

Нина отступила в сторону, и Алекс увидел Клаудию. Она была бледна и казалась похудевшей, может быть, благодаря тесной блузке из тонкого голубого материала и облегающей юбке, едва достававшей ей до колен. Лицо девушки выглядело усталым, а сама она часто и неглубоко дышала, словно поднималась по ступенькам бегом.

– Клаудия, входи, – пригласил Алекс. – Что-нибудь случилось?

Клаудия шагнула в комнату и прикрыла за собой дверь.

Прислонившись к ней спиной, она вцепилась пальцами в ее ручку.

– Я пришла сказать тебе, – начала она и замолчала, глубоко вдохнув воздух. В ее взгляде была заметна нерешительность. – Я пришла сказать тебе, что мы со Стиви расстались.

Алекс поднялся и стоял, глядя на нее, не в силах произнести ни слова. Его сердце стучало редко и сильно, а изнутри поднималась какая-то дрожь. Он не знал, что сказать.

– Почему? – выдавил он наконец.

Клаудия не ответила. Губы ее дрожали.

Внезапно все окружающее перестало для него существовать, все, кроме прыгающих губ Клаудии. Как во сне, он шагнул вперед и неловко наклонился, заглядывая в ее глаза. Горячее дыхание Клаудии коснулось его лица. Губы ее тоже были горячими и сухими, и, когда они подались и раскрылись под его губами, Алекс позабыл обо всем, проваливаясь в сладостную бездну новых ощущений – триумфа победы и радости, страсти и безграничной любви. Даже легкий страх, который он почувствовал, и тот был легким и приятным.

* * *

На той же неделе, когда Нина была на работе, единственным звуком, раздававшимся в комнате Алекса, был тихий шорох их одежд. Дрожь как в лихорадке, Алекс снял с нее блузку, расстегнул юбку и ласкал ладонями ее полные груди и гладкие бедра. Его нетерпеливые губы смыкались на твердых сосках, а сердце бешено колотилось о ребра с силой парового молота. Он поднял ее на руки и отнес на кровать, захваченный красотой ее прекрасного тела, которое было словно выточено из желтоватой слоновой кости. Он никогда еще не раздевал женщину и никогда не переживал такого взрыва страсти. Отдаваясь ему, Клаудия тихо ахнула, и Алекс, приникший к ее губам в долгом поцелуе, овладел ею.

– Я люблю тебя, Клаудия, – прошептал он. – Я люблю тебя.

Он прижимал ее к себе, чувствуя ее груди на своей коже.

– Скажи, что ты любишь меня, скажи, что чувствуешь меня внутри, скажи, что хочешь только меня!

Хриплый шепот Клаудии отвечал ему, неровное дыхание вырывалось из груди с легким стоном, а ногти впивались ему в бока. Грудь ее внезапно

затвердела, а все тело изогнулось дугой навстречу ему. Ее пламенные объятия подсказали Алексу, что теперь она принадлежит только ему, и это продолжалось до тех пор, пока он не взорвался внутри нее и не провалился в ее влажно пульсирующую бездну...

Только потом, когда Алекс приподнялся на локте и в приливе нежных чувств наклонился над Клаудией, он заметил на белой простыне расплывающееся алое пятно.

– Я думал... Я не знал, что ты девушка, – прошептал он.

Клаудия не ответила, только прижалась к нему, тихо целуя и тихо плача в его объятиях.

Часть вторая Любовь (1967-1977)

Глава 7

Шел сильный дождь. Его косые серые струи с силой полосовали пустынную взлетную полосу, на которую неуверенно опустился реактивный “Лир”. Гримальди с тоской глядел сквозь иллюминатор на темные деревья, низко склоняющиеся к земле под напором бешеного ветра. Он никак не мог узнать этот аэродром. Ему казалось, что они приземлились в Виргинии, возможно, на самой “Ферме”, – тренировочной базе ЦРУ, а может быть, где-то на Восточном побережье, между Нью-Йорком и Вашингтоном. Судя по царившей в воздушном пространстве сутолоке, сквозь которую они прорывались перед заходом на посадку, совсем неподалеку должен был располагаться крупный аэропорт, такой, как Даллас или имени Кеннеди.

Самолет был частный, и на его фюзеляже не было никаких опознавательных знаков. Гримальди был единственным пассажиром на борту. Перед выходом стюард вручил ему его плащ и громоздкий кофр, одарив на прощание ослепительной улыбкой. Это был изящный, грациозный парень с матовой кожей и слегка раскосыми глазами; при взгляде на его лицо Гримальди ощутил легкий укол боли, когда в его мозгу ожили и снова растворились горькие и в то же время сладостные воспоминания.

Положив аккуратно сложенный плащ на свободное сиденье рядом, он проверил узел своего широкого галстука из голубого шелка и слегка пригладил усы. Самолет медленно маневрировал на рулежных дорожках, и Гримальди позволил себе снова погрузиться в размышления. На протяжении последних двух дней – весь долгий путь от Лондона сюда – он не переставал раздумывать над тем, что могло послужить причиной его столь неожиданного и срочного отъезда и чем были вызваны все эти шпионские предосторожности, которыми сопровождался его стремительный вылет.

Руководствуясь какими-то загадочными соображениями, руководство ЦРУ организовало его возвращение как неотложную спасательную операцию.

Можно было подумать, что он подвергается смертельной опасности!

Началось все с каблогранмы в его лондонскую квартиру: “Совершенно секретно! Срочно! Вслух не прочитывать! Расшифровать собственноручно!” За сим следовали строгие инструкции ничего не сообщать коллегам из Центра координации и связи ЦРУ. Сложная схема выхода на контакт, включавшая в себя звонки из уличных телефонных будок, закончилась встречей на оживленном вокзале Чаринг-Кросс. Далее Гримальди вынужден был предпринять утомительное ночное путешествие в черном “ровере”, за рулем которого сидел совершенно незнакомый человек. Он намеренно выбрал самый тяжелый путь, чтобы избежать слежки, и наконец доставил своего пассажира на Бэйсинстокскую базу ВВС США, где на взлетной полосе его уже ждал этот самый самолет с включенными двигателями. В эти игры Гримальди не играл со времен Берлина, то есть уже больше пятнадцати лет.

Нельзя сказать, чтобы эти игры ему не нравились. Напротив, с тех пор как он утратил свою юношескую наивность, Гримальди воспринимал жизнь как бесконечную увлекательную игру. Это была настоящая головоломка, постоянное состязание в уме и изворотливости. Он отважно окунулся в нее с головой в возрасте восемнадцати лет, когда принял фамилию и национальность своего отчима и превратился из Фрэнки Флэнегана во Франко Гримальди.

Этим превращением завершился необычайный и болезненный процесс, который увлек юного Фрэнки еще в подростковом возрасте. Уже тогда он отличался от своих сверстников. Изнеженный, артистичный, он был равнодушен к ярким краскам и многоцветным нарядам. Соседские мальчишки презирали его за красивое лицо и физическую слабость, дразнили “девчонкой”, и он частенько возвращался домой в ссадинах и синяках. Ему было всего семнадцать, когда на джазовом фестивале он встретился со сладкоречивым саксофонистом. Фрэнки вернулся домой только на следующее утро, одновременно испуганный и восхищенный открытием собственной гомосексуальности. Отныне ему стало ясно, отчего его не тянет к женщинам.

Однако он быстро понял и другой факт: ему нужно скрывать свою склонность, если он хочет добиться успеха в жизни. Новый Орлеан в 1937 году терпеть не мог гомосексуалистов. Впрочем, насколько ему было известно, точно так же относились к подобным ему и во всех остальных местах.

Фрэнки обуревали великие амбиции, и он страстно желал преуспеть, однако что ему было делать? Он был слаб телом, и одноклассники высмеивали и недолгоблывали его. По происхождению он был наполовину итальянец, наполовину ирландец. Мать его была родом из небольшой рыбацкой деревушки в окрестностях Анконы, что расположена на Адриатическом побережье Италии. С Колином Флэнеганом она повстречалась в Луизиане, куда иммигрировала вместе со своей семьей. Отец умер, когда Фрэнки был еще младенцем, и он видел его только на старых фотографиях: худой ирландец с лицом, как у хорька. Воспитывал Фрэнки и учил его французскому языку отчим – второй муж матери, добрый и сердечный человек, который часто оглушительно и раскатисто смеялся.

Остров Корсика, где родился Наполеон, славился своими бандитами, и

Фрэнки, отчаянно желавший чего-то такого, что могло его всерьез заинтересовать, и очарованный ореолом романтики, окружавшим этих людей, взял фамилию отчима и стал считать своими его родовые корни. Даже свое имя он изменил на итальянский манер и превратился во Франко. Начиная с восемнадцати лет, когда он окончил школу и переехал на Восточное побережье, Франко Гримальди считал себя прямым потомком корсиканских бандитов. Тщательно скрываемая истина состояла в том, что его родители владели в Новом Орлеане двумя ресторанчиками; если там и можно было найти какой-то криминал, то только в кассовых книгах, в которых учитывалось поступление наличных.

Однако обман оставался нераскрытым на протяжении нескольких лет. Всем своим друзьям Гримальди был известен под кличкой Корсиканец. Коллеги по Центральному разведывательному управлению прозвали его Наполеоном. Они тоже высмеивали его пристрастие к цветастым жилетам, ярким галстукам, шелковым платкам и массивным украшениям из золота, однако это было проявлением обыкновенной зависти, и потому их уколы оставляли его равнодушным.

Разведка привлекла его потому, что он любил приключения и не боялся рисковать, во всяком случае до тех пор, пока ему приходилось сражаться при помощи мозгов, не пуская в ход кулаки. Вовсе не легенда о корсиканском происхождении, которую он обернул вокруг себя как знамя, а его итальянское имя и отменное знание языка способствовали получению им первого задания. Шел 1943 год – самый пик войны, когда он вместе с группой таких же, как он, агентов итальянского происхождения высадился на Сицилии. В их задачу входило проникнуть в оплот мафии и, действуя от лица американского генерала Джорджа Паттона, начать переговоры с местными капо о совместном выступлении против Муссолини.

Тогда он был почти мальчишкой, самым младшим в группе – ему едва исполнилось двадцать три. До самой смерти он будет помнить дымные хижины в горах близ Палермо, где он лицом к лицу встретился с главарями мафии и заглянул в длинные стволы их люгеров. Он прекрасно знал, что любой из этих людей может быть переодетым фашистом или наемным убийцей немцев. Однако он уцелел; мало того, им даже удалось достичь соглашения. Мафиози готовы были начать восстание против Муссолини и его немецких союзников. Именно после Сицилии Гримальди поверил в свою счастливую звезду.

Он продолжил игры со смертью в Берлине вскоре после победы над Германией, где продолжали гибнуть русские и американские агенты – первые жертвы “холодной войны”. У него даже завязалось тесное знакомство с советским офицером, с которым они пережили немало приключений и опасностей. Однако их последняя совместная операция окончилась трагически. Гримальди, оставшись один, занялся своим собственным многообещающим проектом – “гамбитом Геллена”.

То были дни, когда американские разведслужбы, созданные на период военного времени, такие, как Бюро стратегических служб, находились при последнем издыхании, а отцы-основатели БСС – компания до умиления

беспомощных американцев с голубыми глазами и такой же голубой кровью – прилагали максимум усилий, чтобы создать новую организацию, способную противостоять советским секретным службам. В представлениях Гримальди они скорее напоминали бойскаутов, объявивших войну чикагским головорезам и бандитам, или доверчивых крестоносцев, размахивающих крестом перед кровожадными ордами султана Саладдина. НКВД успел наводнить важнейшие центры управления Запада сотнями и тысячами своих агентов, а новорожденное Центральное разведывательное управление ничем подобным не обладало: не было ни резидентов, ни агентурных сетей, ни вербовок на самом верху. Именно в этот момент выступил на сцену Гримальди – все еще молодой человек, но уже хладнокровный циник. Он предложил решение проблемы, и имя ему было – Геллен.

Как ни странно, но впервые он услышал это имя от русских в один из тех редких моментов, когда обе державы-победительницы объединили свои силы для охоты на беглых нацистских преступников. Гримальди узнал, что генерал Рейнхард Геллен был настоящим кошмаром русских, человеком, которого они поклялись уничтожить во что бы то ни стало. Во время войны Геллен возглавлял разведывательно-диверсионную деятельность, направленную против Советского Союза, и сумел создать в России целую сеть прекрасно законспирированных агентов. Когда война закончилась, эта обширная сеть – собственно говоря, их было несколько – осталась практически неповрежденной, а большинство из его резидентов неразоблаченными. Русских как раз больше всего бесило именно то, что среди них, в государственных учреждениях СССР и в армейских штабах, находятся коварные нацистские агенты. За архивами и досье Геллена, где находились списки завербованных предателей, охотились различные подразделения государственной безопасности, однако больше всего русским нужна была его голова.

Гримальди воспользовался всеми известными ему приемами и уловками. Он покупал информацию у бывших немецких офицеров за еду, виски, сигареты, опустошая склады армии США, он напропалую флиртовал с секретаршами, которые печатали доклады для его собственных боссов, но самым ценным источником информации для него стал обмен секретами с двумя агентами английской разведки, которых он потчевал крохами сведений о советско-американских переговорах, касающихся будущего разгромленной Германской империи.

После нескольких месяцев кропотливой, почти подпольной работы ему удалось определить место в горах Таубенштайн, где находилось убежище Геллена. Он тайно отправился на озеро Шлеерзее, где захватил этого исхудавшего мастера шпионажа и вывез его в безопасное место. Геллен мог стать бриллиантом самой первой величины в короне Гримальди. Если бы он достиг успеха, его ожидали бы быстрое продвижение по службе, высокий пост и отнюдь не скромная зарплата. И конечно, власть, с помощью которой он мог продолжать играть в свои игры. Не зря же его прозвали Наполеоном.

В своих разговорах с Гелленом Гримальди продемонстрировал трезвую логику и циничный расчет. Он предложил Геллену сделку: гарантии личной

безопасности в обмен на сети резидентуры в России. Особо он подчеркнул то обстоятельство, что агентурная сеть не может быть столь уж дорога генералу, коль скоро жизнь его под угрозой. Кроме того, раз Геллен не мог обратиться за помощью к русским, у него не оставалось никакого выбора вообще. Так генерал Рейнхард Геллен, бывший глава гитлеровской разведки, стал главной козырной картой Америки в ее тайной войне против России.

В последующие годы Геллен передал всех бывших агентов нацистской Германии на службу новым хозяевам. Гримальди тоже осел в унылом поселке Пуллахе, где Геллен устроил свою штаб-квартиру. Он был сторожевым псом ЦРУ, заглядывавшим через плечо генерала, надзирающим за проведением операций и внимательно изучающим списки его агентов.

Он знал, что теперь сам стал мишенью номер один для русской контрразведки, которая дорого бы дала за секреты, проходящие через его руки. Однако причиной падения Гримальди стала вовсе не русская разведка. Его погубил Вилли Шиллер, симпатичный и привлекательный мальчишка, которого он встретил в январе 1952 года. У него были округлые бедра, мягкий рот и темные длинные ресницы.

С тех пор, как Гримальди попал на работу в ЦРУ, он был крайне осторожен. В основном ему удавалось подавлять свои сексуальные устремления, если не считать одного маленького приключения, случившегося с ним в Берлине. Если бы руководству стало известно о его гомосексуальной ориентации, его бы вышвырнули из конторы в два счета, так как гомосексуалы считались наиболее уязвимыми объектами для шантажа и, следовательно, доверять им секретную информацию было рискованно.

Он так и не понял, что заставило его тогда потерять голову. Может быть, повинна в этом была его чрезмерная уверенность в себе, может быть, чувственная красота Вилли. Гримальди без памяти влюбился в него и провел несколько незабываемых ночей, упиваясь его покорным мягким телом. Когда юноша в конце концов прервал с ним отношения, Гримальди утратил над собой контроль. Он стал преследовать Вилли, донимать телефонными звонками и ломиться в двери его дома, умоляя вернуться. В дело вмешались родители Вилли, которому было только семнадцать. Они пожаловались в местную полицию.

На следующее утро Гримальди вызвали в Мюнхен, в гостиницу “Вир Ярзейтен”, где в отдельных апартаментах он встретился со своим непосредственным начальником – полковником Джеймсом Макферсоном-младшим. Полковник кипел от бешенства.

– Ты настоящий кусок дерьма, Гримальди, – прошипел он. – Тебе удалось нащупать лучшую в Европе возможность для продвижения, и ты ее проворонил! Отправишься домой ближайшим рейсом. Я думаю, что, как только ты доберешься до Лэнгли, тебя вышвырнут со службы пинком под зад.

Гримальди слушал, низко опустив голову. Он не знал, что говорить, как оправдаться.

– Не мог бы ты помочь мне, Джим? – наконец выдавил он. – Ты же знаешь, работа в нашей фирме для меня все.

Макферсон покачал головой.

– Я делал все что мог, чтобы спасти тебя, но никто не стал меня слушать. – Он отвернулся, все еще покачивая головой. – Ты дурак, – проскрипел он. – Кретин, идиот чертов.

И все же Макферсон вступился за Гримальди и в конце концов спас его шкуру. Его не выгнали – как-никак он был одним из лучших экспертов своей конторы по советским делам. Однако его карьере оперативника пришел конец, и его сослали на бумажную работу в Вашингтон. В 1957 году его отправили во Францию, еще через пять лет – в Великобританию, и везде он занимал весьма важные и ответственные посты, однако возвращение к оперативной работе оставалось для него неосуществимой мечтой. Скандал в Пуллахе преградил ему доступ к работе, которую он начинал, к контролю и управлению агентурными сетями в России.

Теперь же, осенью 1967 года, почти через пятнадцать лет после скандала в Германии, у него не оставалось ни шансов, ни желания участвовать в оперативных мероприятиях. Время охладило его пыл и стремление к оперативной работе, притупив боль давнего разочарования. Он почти привык к комфорту и удобствам, которые дарил ему более спокойное существование. Теперь он мог позволить себе холить и лелеять свои усы а ля Кларк Гейбл; к тому же Гримальди отрастил длинные волнистые волосы и находил, что кошачьи зеленые глаза удивительно красиво контрастируют с его смуглым цыганским лицом. Неизменной со времен бурной юности осталась любовь к яркой одежде, ювелирным украшениям, изысканной пище и тонким винам. Все это вполне сочеталось с ролью, которую он избрал для себя, – ролью отчаянного авантюриста-аристократа, не чуждого простых земных радостей.

Сегодня ночью на протяжении долгого трансатлантического перелета он прекрасно выспался, пользуясь тем, что был в салоне один. Лишь в дальнем конце прохода между креслами, где мерцал неярко голубой огонек, клевал носом на своем посту стюард. Но даже во сне завеса тайны, которой был окутан ночной полет, продолжала беспокоить Гримальди. Зачем его вызвали? К чему все эти предосторожности? Судя по всему, в конце этого путешествия его ждало важное задание, вот только какое? Франко Гримальди пережил несколько поворотов в своей карьере и знал, что изменения не всегда бывают к лучшему.

Наконец самолет замедлил движение и остановился. Стюард отпер входную дверь салона и поманил Гримальди рукой. Тот набросил плащ на плечи и шагнул наружу. Утро было премерзкое: низкое темное небо продолжало изливаться потоки воды, а ветер дул холодный, порывистый. Складной металлический трап был мокрым и скользким, ветер хлестал его по лицу и трепал длинные волосы. Не успел Гримальди выйти, как тотчас почувствовал на своей коже тяжелые, холодные капли.

На блестящем от дождя гудроне рулежной дорожки, совсем рядом с трапом, его ожидал черный “шевроле”. Гримальди отворил заднюю дверцу, и его обдало теплым воздухом из салона. Он почувствовал приятный аромат крепкого табака, напоминающий ему запах сандалового дерева.

– Входи, Наполеон, – пригласил сиплый голос с сильным акцентом уроженца Новой Англии, и Гримальди удивленно округлил глаза.

– Доброе утро, Джим, – с трудом справившись с собой, проговорил он. – Вот это действительно сюрприз.

Джеймс Макферсон, его бывший босс в Германии, поднялся довольно высоко и теперь являлся заместителем директора ЦРУ по стратегическому планированию. Это означало, что в иерархии фирмы он был третьим человеком после самого директора и его заместителя по оперативной работе. Гримальди никак не ожидал, что такая шишка лично приедет встречать его, и поэтому устроился на заднем сиденье, чувствуя некоторую неловкость и скованность.

– Как долетел? – небрежно поинтересовался Макферсон. Ответа он не ждал. – Как там в Лондоне? – Непокорный вихор на макушке совсем поседел, но все так же победно торчал вверх, придавая его благородным чертам лица озорное мальчишеское выражение.

Второй человек, сидевший за рулем машины, обернулся, и его лицо, худое и костлявое, исказилось в кривой улыбке. В светлых водянистых глазах застыло холодное, оценивающее выражение, которое Гримальди помнил очень хорошо.

– Добрый день, дорогой друг, – проговорил водитель по-французски с сильнейшим акцентом.

– Хэлло, Уолт, – отозвался Гримальди, с трудом скрывая свою неприязнь. – Теперь возишь босса, как я погляжу? Я всегда знал, что когда-нибудь и ты получишь повышение.

Улыбка на лице Уолта Рейнера исчезла. Гримальди терпеть не мог помощника Макферсона, который был просто самодовольным ничтожеством. Несколько лет назад Рейнер приобрел дурную привычку разговаривать с Гримальди на своем школьном французском, причем находил это очень смешным.

– Мы решили не брать с собой водителя, – пояснил – Макферсон. – О нашей встрече никто не должен знать.

– Почему? – удивился Гримальди. Если они приехали на машине, значит, аэродром находится где-то неподалеку от Лэнгли Вудс. – К чему вся эта секретность?

Макферсон вынул изо рта трубку и посмотрел в окно.

– Я предпочел бы поговорить об этом за завтраком в каком-нибудь укромном местечке.

– А я предпочел бы поговорить об этом сейчас, – негромко, но твердо отозвался Гримальди. – Я уже по горло сыт тем, что мною помыкают сплошь и рядом, Джим. Должен заметить, что я уже вырос из коротких штанишек и мне не нравится, когда мне приказывают бросить свою работу посреди ночи и пролететь пять тысяч миль, не объясняя зачем. Так что давай обойдемся без завтрака и поговорим.

Макферсон ответил не сразу. Некоторое время он сосредоточенно изучал мокрый мундштук трубки, затем бросил взгляд на Рейнера. Тот пожал плечами. В наступившей нежданной тишине барабанная дробь дождевых капель по крыше машины поднялась до сердитого, оглушительного стаккато. Наконец

Макферсон повернулся к Гримальди.

– Ну хорошо, – согласился он, и его аккуратно вылепленное, тонкое лицо внезапно посерьезнело. – Нам нужно, чтобы ты отправился в Москву.

На долю секунды Гримальди потерял дар речи, недоверие смешивалось в нем с нарождающейся радостью.

– В Москву? Но зачем?

– Мы хотим, чтобы ты вышел на связь с агентом, – ответил ему Макферсон, пристально разглядывая Гримальди своими карими глазами.

Франко Гримальди не отвел взгляда.

– Я уже пятнадцать лет не был на оперативной работе, Джим, и весь пропах нафталином. Мне казалось, что у вас должны быть в Москве более квалифицированные сотрудники.

– Так оно и есть, – согласился Макферсон. – Но этот агент требует особого подхода. По всем статьям это выдающийся человек.

– Ну-ка, постой-постой... – пробормотал Гримальди и выпалил вопрос, который вертелся у него на кончике языка: – Но почему я?!

Рейнер и Макферсон обменялись улыбками.

– Мы, конечно, никогда бы не сделали этого по собственной воле, будь уверен, – весело сообщил Рейнер. – У нас было много кандидатов, но он попросил, чтобы это был ты. Понятно?

Макферсон начал излагать факты еще в машине, а продолжил в обитом пластиком кабинете придорожного ресторанчика “Денни”, где Гримальди, обрадованный новостями, согласился остановиться и позавтракать. Разговор их закончился в небольшой квартире в деловой части Вашингтона, которую заранее приготовила для него фирма.

– Пока назовем нашего русского друга Панама, – предложил Макферсон, и Гримальди согласно кивнул.

Макферсон рассказал, что русский был завербован в Вене три недели назад. Он сам вышел на контакт с сотрудником ЦРУ в американском посольстве Бобом Колье-ром, что свидетельствовало о его значительной информированности. Он послал супруге Кольера дюжину роз, однако в конверт цветочника ухитрился подсунуть записку с просьбой о встрече и инструкциями о том, как ее провести. Они встретились в автомобиле, припаркованном на стоянке возле Музея изящных искусств, и там русский сообщил, что является полковником советской военной разведки. В Москве он работал в Кремле и имел доступ к самой секретной документации, а в Вену прибыл для того, чтобы получить информацию от агента, который внедрился в ближайшее окружение одного из лидеров европейских государств.

– Мы полагаем, что это либо герр Эрхард, либо дорогой генерал де Голль, – вставил Рейнер и разочарованно смолк, увидев, что его откровения не произвели на Гримальди абсолютно никакого впечатления.

Русский сообщил, что готов стать перебежчиком. Макферсон рассказал также, что всю свою жизнь он был убежденным коммунистом, но теперь все его мечты рухнули. На вопрос Кольера, как же это произошло, русский, поколебавшись, все рассказал.

Его сестра была крупным ученым и работала в Мичуринском институте в Волгограде. Ей удалось доказать, что знаменитая теория наследственности, разработанная пресловутым генетиком Лысенко, была чистой воды обманом и надувательством. О своем открытии она доложила директору института и вскоре была арестована и отправлена в психиатрическую лечебницу, в которой и находится до сих пор.

– Моя сестра не сумасшедшая, – заявил русский Кольеру, – а режим, который бросает своих ученых в психушки, не имеет права на существование.

Затем Макферсон рассказал, что Кольер сразу понял огромные потенциальные возможности нового агента-инициативника. Действительно, человек, вращающийся в высших кругах советской разведки, был настоящей находкой. Естественно, Кольер не хотел, чтобы Панама перебежал немедленно, было бы гораздо лучше, если бы он вернулся в Кремль, продолжая работать на ЦРУ. Стремление отомстить могло сделать его самым ценным агентом, которого ЦРУ когда-либо имело в Москве.

Во время второй встречи русский вел себя более раскованно и даже открыл Кольеру свое имя. ЦРУ произвело некие секретные проверки, навело справки и убедилось, что он говорит правду. Кольер попытался уговорить русского остаться на своем месте, предложив ему щедрое вознаграждение и чин полковника американской армии. По истечении десяти лет, может быть, даже раньше, он обещал переправить русского в США и обеспечить ему счастливую беззаботную жизнь под чужим именем. Панама согласился, выдвинув кое-какие встречные условия. В настоящий момент он уже вернулся в свою кремлевскую “берлогу”, ожидая, пока к нему выйдут на связь.

– Я встречался с Панамой лично, – сказал Макферсон. – Джим Нолан, шеф нашего русского отдела, предложил мне самому возглавить эту работу, и я вылетел в Вену. Никакая конспирация мне не помогла... – Он слабо улыбнулся. – Русский знал обо мне все. Он даже показывал Кольеру мою фотографию.

– А тебе не приходило в голову, что он может быть подставлен? – спросил Гримальди. – Двойные агенты – излюбленный метод работы КГБ. Они натывали своих двойников по всей Европе еще в 1945 году, и мы радостно поглотили всю их наживку. Если мы польстимся на этого молодчика, он будет кормить нас ржавой селедкой на протяжении целого десятилетия.

– Все может быть, – согласился Макферсон, – но интуиция мне подсказывает, что этот парень намерен работать честно. – На несколько долгих минут он погрузился в молчание и наконец сказал: – Как бы там ни было, но мы хотим, чтобы именно ты отправился в Москву и держал там руку на пульсе. У тебя достаточно опыта и отличное чутье на двойников, если он вдруг таковым окажется.

– Он уже передал что-нибудь в качестве доказательства своих намерений? Макферсон кивнул.

– Пару сообщений мы уже получили. В одном из них было содержание докладной записки в Политбюро генерал-майора Пугачева.

– Это один из заместителей министра обороны?

– Да. Речь идет о ядерной программе русских. В записке говорится, что испытания были приостановлены с тех пор, как в мае прошлого года ракета СС-20 взорвалась на Байконуре прямо на стартовом столе. Погибло больше ста человек.

Гримальди вытащил из кармана плоский золотой портсигар и достал тонкую черную сигару.

– Это достоверно?

– Мы специально послали туда наш 5К-71, – вставил Рейнер. – Его чуть не сбили, но пилоту удалось справиться с заданием. Он привез нам с полдюжины фотографий. Земля вокруг стартового стола обожжена в радиусе двух сотен метров, повсюду валяются искореженные обломки. Вот так-то!

За спиной Рейнера зазвонил телефон, и он снял трубку.

– У нас были с ним две обстоятельные встречи, и, должен сказать, он мне понравился, – откровенно признался Макферсон и внезапно улыбнулся. – Ни за что не угадаешь, о чем он попросил в первую очередь!

Гримальди искоса посмотрел на него.

– Сдаюсь. Рассказывай.

За спиной Макферсона Рейнер шепотом разговаривал по телефону, поглядывая на Гримальди.

– Он попросил, чтобы ему показали его полковничий мундир, – с торжеством объявил Макферсон и добавил, искусно копируя сильный акцент русского: – Если вы сделать меня полковник, я хочу увидеть моя форма. После этого он снова заговорил нормально:

– Пришлось стогнать Кольера в Рамштейн, на нашу авиабазу, чтобы привезти оттуда полковничью форму. Надо было видеть, как наш русский вертелся перед зеркалом, примеряя на себя мундир. Он выглядел самым счастливым человеком на земле.

Когда Макферсон спросил русского, как он собирается передавать добытую информацию, то был очень удивлен, услышав ответ.

– Он спросил о тебе, – сообщил Макферсон. – Говорит, что вы встречались с ним в Берлине после войны. По его словам, он давно знает, что ты служишь в разведке, и хочет работать именно с тобой. Его фамилия Калинин.

Гримальди, потрясенный, уставился на начальника.

– Черт меня возьми! – пробормотал он. – Олег Калинин, черт меня возьми совсем... – Нахмурившись, он подозрительно оглядел Макферсона с ног до головы.

– Надеюсь, вы не вздумали меня разыграть? Макферсон покачал головой.

– Все равно я не могу в это поверить, – упрямо тряхнул головой Гримальди, а память уже уносила его в черные развалины послевоенного Берлина. – Он сделал это, – прошептал он, удивленно покачивая головой. – Он сделал это, и ему удалось выжить!

Углубившись в воспоминания, он не сразу понял, что Макферсон обращается к нему.

– Что мне хочется узнать, – говорил тот, – так это почему после стольких лет он спрашивает именно о тебе.

– Мы вместе проводили несколько операций, – осторожно сказал Гримальди. – Разыскивали нацистских преступников.

Лицо Калинина всплыло из глубин памяти таким, каким он впервые увидел его тем вечером, в помещении берлинской комендатуры. Это было как раз накануне Нюрнбергского процесса, когда русские и американцы на короткое время объединили свои усилия в охоте за нацистскими преступниками. Многие из тех, кого они разыскивали, заранее подготовили фальшивые документы и легли на дно. Одни скрывались в горных деревушках и лесных чащобах, другие растворились в безликих толпах голодных солдат вермахта, которые бродили по развалинам великого рейха, разыскивая и не находя свои разрушенные дома и семьи. Именно в этот момент Гримальди получил приказ явиться в русскую комендатуру Берлина для встречи с капитаном Калининым.

Рослый, красивый, с широкими скулами и волосами песочного цвета, с ямочкой на подбородке и поистине детским любопытством, сверкавшим в живых темных глазах, капитан Калинин разрушил все представления Гримальди о советских офицерах. Он ожидал увидеть стандартного русского – упрямого, флегматичного, подозрительного и враждебного. Молодой офицер с заразительным беззаботным смехом произвел на него сильное впечатление. Олег Калинин был откровенным, раскованным до непочтительности и очень горячим: их первый же вечер завершился грандиозной дракой с британской военной полицией в печально известном баре “Фетт Мадхен”. Гримальди сам не заметил, как поддался очарованию своего нового знакомого. К тому же во многих отношениях русский являлся отражением его собственной сущности: был азартен, честолобив и величественно-равнодушно относился к армейской иерархии званий и должностей. Кроме того, было в его взгляде, в его улыбке, в легком прикосновении руки нечто такое, что мог понять только Гримальди.

Через два дня они стали любовниками. Никогда больше Гримальди не чувствовал столь сильной любви к другому человеческому существу, в которой смешались физическое удовлетворение, единение умов и душевная гармония. И хотя их отношения продолжались всего несколько месяцев, для Гримальди они остались самой большой в его жизни любовью. Иногда по ночам он грезил о своем русском друге, просыпаясь от желания коснуться его гладкой кожи и ощутить тепло его тела.

– Олег был авантюристом, искателем приключений, – громко сказал Гримальди, вопрошающе глядя на Макферсона. “Неужели он знает? Неужели догадывается?” – пытался понять он.

– Русский, – продолжал он, – коммунист, офицер КГБ, и при том он был игроком, преступником по натуре.

Макферсон, сидя напротив него на диване, продолжал пить маленькими глотками свой черный кофе, внимательно поглядывая на Гримальди поверх золотого ободка чашки.

Франко Гримальди тоже взял себе чашечку, но не ради кофе, а ради удовольствия от того, что ему прислуживает Рейнер.

Именно Калинин был человеком, разбудившим в душе Гримальди интерес

к России – загадочной и могущественной империи, которая поклялась уничтожить его собственную страну, одновременно отчаянно пытаясь подражать ей; к ее народу – к людям, которые могли быть приятными и сентиментальными, преданными друзьями, оставаясь одновременно безжалостным и коварным противником.

– Мы были весьма заинтересованы проектом наци, – продолжал Гримальди. – Калинин прилично говорил по-английски, знал несколько слов по-немецки. Третьим с нами был британский эксперт Тони Вайткомб. Он родился в Берлине и бегло говорил по-немецки. Нам троим удалось раскрыть несколько секретных маршрутов, какими гитлеровцы пользовались, чтобы выбраться из Германии.

Гримальди невольно улыбнулся.

– Жаль, что ты не видел нас тогда. Мы радовались как школьники, когда нам удалось раскрыть первый план – “Паук”.

Макферсон слегка приподнял брови.

– По-немецки это называлось “Die Spinne”, – объяснил Гримальди.

В самом деле, эта организация подобно пауку раскинула свои сети во многих странах, переправляя нацистских преступников из южных районов Германии и Австрии в Испанию и итальянские портовые города.

– Была еще одна организация “Die Schleuse” – “Шлюз”, которая проложила тропу через Германию и Австрию в Геную и Неаполь. Оттуда нацисты перебирались на кораблях в Аргентину. Но самые опасные преступники бежали от возмездия через “Одессу”, – сказал Гримальди и пояснил: – “Одесса” – это сокращенно “Organization der Ehemaligen SS Angehörigen”, то есть Ассоциация бывших эсэсовцев.

Они трое, продолжал рассказывать Гримальди, были молоды, исполнены энтузиазма и желания рисковать. Переодевшись в гражданское, они внедрились в организацию бывших членов СС, причем Тони Вайткомб выдавал себя за сержанта из Баварии, а Гримальди – за бывшего коллаборациониста-француза. Калинин повезло гораздо меньше. Его снабдили документами офицера армии генерала Власова, но они ничем не могли ему помочь. С русскими никто не хотел связываться.

Вайткомб и Гримальди побывали на нескольких конспиративных встречах членов ассоциации в Берлине. Дважды им удавалось обнаружить местоположение штаба “Одессы” – в первый раз в отделении одного из госпиталей, где якобы лечили опасные инфекционные болезни, а во второй раз – на заброшенном хуторе возле дороги на Дрезден.

Рассказывая об этом, Гримальди вновь почувствовал острое разочарование, как будто это случилось только вчера.

– Мы так гордились, докладывая о своем успехе, однако все наши достижения утонули в канцелярщине и волоките. Информация уходила из координационного центра, как вода сквозь решето, поэтому, когда наши спецподразделения прибыли на место, обнаружилось, что птички разлетелись. Для меня и Калинина это было чересчур, – продолжал Гримальди. – Мы не могли стерпеть такой нерасторопности и посредственности. Наши командиры

не сумели завершить операцию, и мы решили сделать это сами.

– Узнаю старину Гримальди, – ввернул Рейнер. Макферсон не проронил ни слова, пристально глядя на Гримальди.

– У меня был план, – сказал тот.

Он предложил товарищам разрушить сеть ассоциации изнутри. Притворившись беглецами, они собирались обратиться в “Одессу” за помощью. Пройдя тайными тропами этой организации, они в конце концов окажутся в итальянском порту – конечном пункте назначения. Оттуда они сообщат в Берлин и смогут координировать разгром “Одессы”.

Поначалу все шло хорошо. Комитет по спасению бывших эсэсовцев в Берлине подверг их суровой проверке, но они выдержали это “поджаривание на медленном огне” и получили “добро”.

– Во всяком случае нам так казалось, – заметил Гримальди с горькой улыбкой.

– Вы действовали под той же легендой? – перебил Макферсон.

– Да, – кивнул Гримальди. – Все выглядело достаточно правдоподобно. Даже с Калининым не возникло никаких проблем. Руководители “Одессы” возражали против присутствия русского на своих собраниях, но были вовсе не против того, чтобы он бежал вместе с нами. Как известно, власовцы отличались особой жестокостью во время восточной кампании.

Он помолчал, закуривая очередную сигару.

– И вот мы оказались на маршруте...

Им потребовалось двенадцать дней, чтобы пересечь Германию и Австрию. Они ночевали в горных пещерах, на хуторах, в монастыре и один раз в доме какого-то мелкого полицейского чина. Наконец им осталось последнее испытание – переход итальянской границы. Последнюю ночь они провели в избушке лесника неподалеку от Юбер Гургль, а ранним утром добрались до того места на итальянской границе, где их должен был ждать проводник из Мерано.

Гримальди отлично помнил, при каких обстоятельствах он в последний раз видел Олега. Это было на рассвете, перед самым восхождением на перевал Бреннер. Калинин был напряжен, но весел, темные глаза поблескивали из-под козырька кепки, а руки были засунуты в карманы толстой коричневой куртки. Рядом с ним, за невысокой каменной грядой, пригнулся Тони Вайткомб в старой, потрескавшейся кожанке, мешковатых бриджах и шипованных альпийских ботинках. Их маленькие фигурки были едва заметны на фоне высоких Тирольских Альп, вершины которых были скрыты облаками, а отвесные склоны образовывали тесные долины, тонушие в утреннем тумане.

– Я немного отстал от них, чтобы упаковать в рюкзак немного еды, и торопился нагнать их до того, как проводник из Мерано появится из леса...

Внезапно Гримальди увидел, как Тони зачем-то вскидывает вверх руки. Только в следующую секунду, когда он услышал выстрелы. Гримальди понял, что смешные движения товарища были предсмертными конвульсиями. Олег тоже стал валиться вперед и, дрыгая ногами, исчез за каменной изгородью. Никакой проводник из Мерано их вовсе не ждал, вместо этого они попали в

коварную западню.

Гримальди метнулся вправо, к зазубренному скальному выступу на склоне горы. Пули свистели у него над головой, а одна звонко отрикошетила от валунов. Очутившись в безопасности за камнями, он на секунду остановился, чтобы перевести дух. Лицо его горело словно в огне, а к спине липла мокрая от пота рубашка. “Я должен вернуться, должен спасти Олега!” – подумал тогда Гримальди, но он не был даже вооружен и не мог сражаться в одиночку с безжалостными снайперами. К тому же он никак не мог подавить страх. Всю дорогу до деревни он бежал бегом, а там разыскал бургомистра и заставил его дозвониться в штаб союзных войск.

– Тело Тони Вайткомба так и лежало у невысокой каменной стены. Ему в спину попало сразу несколько пуль, он умер почти мгновенно. Калинин же загадочным образом исчез. Мы нашли пятна крови и следы, по которым прошли всего триста метров...

Следы крови привели их к спуску в узкий овраг с отвесными глинистыми склонами. Один из альпинистов, державший на коротком поводке рвущуюся в погоню собаку, обнаружил следы ног еще трех человек, но не мог сказать точно, шли ли они, как и спасательная группа, по следам крови или же просто несли с собой раненого. Следы эти, однако, исчезли возле ручья, текущего по дну оврага.

– С тех пор я ни разу больше не видел Олега Калинина, – сказал Гримальди. “Хотя в мыслях я тосковал о нем все эти годы”, – закончил он про себя.

– Итак, ты потерпел неудачу, – подвел итог Макферсон.

С улицы донеслась сирена полицейской машины.

– Да, – признал Гримальди. Таков был кровавый конец его плана покончить с “Одессой”. Месяцы тщательной подготовки, сбор разведывательной информации, личный риск, наконец, – все закончилось расстрелом у перевала Бреннер, а воспоминания об охватившей его панике, о том, как он в ужасе бежал по горной тропе, о трясущихся руках, горьком привкусе во рту и холодной испарине на лице преследовали его еще долгие годы.

– И никто не обвинил тебя, когда ты вернулся? – поинтересовался Макферсон. – Я бы тут же, не сходя с места, отдал тебя под трибунал.

Гримальди раздавил окурок сигары в поцарапанной пепельнице в форме кленового листа.

– Через месяц я уже доставил им Геллена, выложил на серебряном блюде, так что об инциденте на перевале решили не вспоминать.

– А убийцы? Их так и не нашли?

– Нет, – ответил Гримальди. – Я составил подробный список всех мест и людей, у которых мы останавливались, и наши люди прошли по всему маршруту. – Он глубоко вздохнул. – Они ничего не нашли. Все агенты “Одессы” как сквозь землю провалились. Эсэсовская организация наладила новые тайные тропы и благополучно функционировала на протяжении еще нескольких лет.

Он встал и подошел к окну. Внизу на улице двое латиноамериканцев в ярких ветровках грузили в старый голубой “шевроле” многочисленные чемоданы. Обернувшись к Макферсону, Гримальди сказал:

– Может быть, Калинин сам расскажет, как ему удалось спастись.

– Он был твоим другом, не так ли? – холодно осведомился Макферсон. – Почему ты не пытался узнать, что с ним случилось?

Гримальди почувствовал в горле неприятную сухость. Тени прошлого снова ожили в его памяти.

– Как я мог? Я считал, что он мертв. Либо его убили нацисты на перевале, либо за неподчинение приказу расстреляли свои, если каким-то чудом ему удалось спастись. Советские расстреливали своих за гораздо меньшие провинности. И если он все-таки уцелел, то я своими вопросами мог только еще больше осложнить его положение.

– Ты все еще считаешь его своим другом? – продолжал расспрашивать Макферсон, ковыряя в своей трубке каким-то уродливым серебряным приспособлением. – В конце концов, ты бросил его там, раненного и беспомощного. Может быть, он ненавидит тебя за это.

Гримальди не ответил, сосредоточив свой взгляд на висящем на стене плакате с изображением Энди Уорхолла.

– Ты возьмешься за это дело, не так ли? Тебе придется поехать в Москву.

– Не знаю, – отозвался Гримальди. – Дайте мне подумать.

Макферсон медленно покачал головой.

– Уолт, оставь нас одних на минутку, – попросил он негромко.

Рейнер пожал плечами и вышел. Макферсон повернулся к Гримальди. Лицо его было искажено гневом.

– Ты глупая старая баба, – прошипел он. – Я спас твою задницу в Пуллахе, помнишь? Я защищал тебя все эти годы и сквозь пальцы смотрел на твои грязные интрижки, которые ты заводил с гомиками в Нью-Йорке и Лондоне. Хочешь, я представлю тебе список всех задниц, которые побывали в твоей постели?

– Моя частная жизнь... – начал было Гримальди.

– Плевал я на твою частную жизнь, – резко перебил его Макферсон. – Одно моего телефонного звонка будет вполне достаточно, чтобы тебя выкинули, на этот раз навсегда.

Он помолчал.

– Хочешь, чтобы я сделал этот звонок? Или все-таки возьмешься за дело и скажешь “спасибо, сэр”?

Гримальди сглотнул, но продолжал молча смотреть на Макферсона.

– Вот так-то лучше. Попозже кто-нибудь отвезет тебя в контору, – сказал Макферсон совсем другим голосом. Его слова прозвучали отрывисто и сухо, почти как военная команда.

– Несколько дней пробудешь здесь, пройдешь инструктаж, необходимые процедуры и так далее. Затем ненадолго отправим тебя на “Ферму”, и – вперед. Я хочу, чтобы ты был в Москве еще накануне Рождества.

Дверь распахнулась, и в комнату вернулся Рейнер. Его хитрые глазки

перебегали с Макферсона на Гримальди и обратно.

– Прикрытие? – спросил Гримальди, намеренно игнорируя его.

Макферсон повертел в руках трубку и спрятал ее в карман своего твидового пиджака.

– Французский канадец, – сказал он. – Представитель фирмы “Делис дю Норд”, импорт рыбы и икры. Их московский представитель возвращается через шесть недель.

– Канадская эмиграция в совершенном развале, – заметил Рейнер. – Досье в беспорядке, номера паспортов не регистрируются. Ты будешь в абсолютной безопасности.

Гримальди оперся на подоконник, чувствуя идущий от окна холод, как чье-то ледяное дыхание на своей шее.

– Ты ведь уже все приготовил, Джим, не так ли? Ты был уверен, что я не смогу отказаться. Макферсон пожал плечами.

– Еще бы! – откровенно признался он. – Мало кто получает второй шанс, Наполеон.

Он уже стоял, и Рейнер услужливо распахнул перед ним дверь.

– Я уже спрашивал, но ты так и не сказал мне, Джим, почему все делается в такой тайне? Почему вы так торопитесь?

Макферсон раздраженно повернулся к Гримальди.

– Мы хотели немедленно вытащить тебя из Англии, боялись утечки информации.

– Какой еще утечки?!

Заметив на лице Гримальди искреннее недоумение и праведный гнев, Макферсон неохотно объяснил:

– Я уже говорил тебе, что Калинин передал нам два документа. Один касался аварии на Байконуре, а другой был аналитическим обзором ГРУ о разведдеятельности русских в Британии.

Помолчав, он закончил:

– Похоже, что британская разведка все еще наводнена русскими агентами, и мне не хотелось, чтобы англичане или наши лопухи-координаторы знали, что ты уходишь в подполье. В Москве об этом стало бы известно через двадцать четыре часа.

– Однако...

– Любое перемещение по службе вызвало бы вопросы, тебя стали бы расспрашивать, куда ты уходишь. Сегодня утром, – Макферсон посмотрел на часы, – мы сообщили в Лондон, что твой отец серьезно заболел. Еще через две недели мы уведомим их, что ты уходишь в отставку, чтобы взять в свои руки семейный бизнес. Насколько я помню, это сеть ресторанов, так, кажется?

Он повернулся к двери и, не дожидаясь ответа, вышел. Рейнер последовал за ним. Гримальди даже не успел спросить, рассказали ли они его отчиму о его страшной болезни.

Гримальди вышел из лифта на четвертом этаже главного здания в Лэнгли и пошел по коридору, приветливо кивая встречающимся ему по дороге сотрудникам. Не останавливаясь, он кинул в рот подушечку мятной

жевательной резинки, поскольку от него все еще слегка пахло чесноком.

Это был прекрасный обед, и Фернан был как всегда на высоте. К тому же он сразу его узнал.

– Мсье Гримальди, я не верю своим глазам! Полный повар-парижанин как всегда немного преувеличивал свой французский акцент, который, впрочем, творил настоящие чудеса с его вашингтонской клиентурой.

– Сколько же лет прошло с тех пор, как вы побывали у нас в последний раз?

– Да, меня не было здесь несколько лет, – ответил Гримальди. – Все это время я провел в Европе, по большей части во Франции. Но ты, мой друг, по-прежнему один из лучших.

Фернан с поклоном удалился и вскоре прислал Гримальди и его спутникам бутылку ароматного бренди из мирабели за счет заведения.

Гримальди считал, что это было достойным завершением отличного обеда. К тому же трапеза была весьма продуктивной и в других отношениях. Сидя за столиком, он неторопливо совещался с начальником советского отдела Управления секретных операций ЦРУ Джимом Ноланом и заведующим подотделом ГРУ Стивом Першингом. Они предпочли встретиться в этом вашингтонском ресторанчике, а не в официальном банкетном зале разведцентра. Обед выглядел так, словно коллеги Гримальди прощались со своим старым товарищем, и, если бы они устроили его в Лэнгли Вудз, кое-кто наверняка бы недоуменно наморщился. Начальство Гримальди с фанатичным упрямством цеплялось за его легенду, состряпанную Макферсоном: умирающий отец, сломленный горем Гримальди, уходящий в отставку и возвращающийся к себе в Луизиану. Его бывшие коллеги были убеждены, что в будущем Гримальди ждут цыплячи крылышки по-кейджунски и багамские супы из моллюсков. Только ближайшие помощники Макферсона да шесть человек в Управлении секретных операций знали, что ему предстоит нечто совсем иное.

Это был его последний приезд в Лэнгли перед отправлением в Москву. Буквально в понедельник он вернулся с курсов переподготовки на “Ферме”, которые состояли из коротких собеседований на разные темы, физической подготовки и стрелковых упражнений; на местном сленге все это называлось соответственно: “послушать радио”, “колесо пыток” и “пушечный дым”. Воскресная школа, безусловно, включала в себя в высшей степени бесполезную тайнопись невидимыми чернилами, микрофотографию и прочие джеимсбондовские штучки, которые, как понимал и Гримальди, и сотрудники советского отдела, никогда ему не пригодятся.

На следующее утро он вылетел в Буффало. Там, в маленьком кемпинге неподалеку от Ниагарского водопада, он отдал свои американские документы человеку, которого никогда не видел раньше. Человек передал ему ключи от машины с канадскими номерами и канадский паспорт. Вечером того же дня господин Чарльз Сент-Клер, уроженец Монреаля, пересек канадскую границу, возвращаясь домой.

* * *

Примерно через шесть недель, ближе к вечеру. Гримальди вылез из такси в Москве на улице Чкалова и вошел в низкое, грязное здание Курского вокзала, откуда отправлялись поезда в южные районы СССР. На вокзале было полно народа – смуглолицые донские казаки, украинские крестьяне, низкорослые грузины с усталыми черными глазами.

Сперва ему необходимо было убедиться, что он доберется до места назначения и не приведет на хвосте соглядатаев КГБ. Смешавшись с группой прибывших из Волгограда пассажиров, Гримальди нахлобучил дешевую шапку из кроличьего меха и снял пальто, перекинув его через руку. Затем он влился в толпу приезжих из Тулы, спешащих по своим делам.

Выбравшись из толпы. Гримальди прошел в переполненный вокзальный буфет, осторожно лавируя между семейными парами, детьми, стариками, собаками и грудями поцарапанных чемоданов и узлов. Инструкцию он выучил наизусть. Попав в коридор, ведущий к туалетам, он, однако, не пошел до конца, а толкнул дверь налево. Быстро пройдя через полутемную комнату, уставленную ящиками с минеральной водой и бочками с солеными огурцами, он споткнулся о метлу и вышел через вторую дверь.

Очутившись в мрачном Костомаровском переулке, он пересек проезжую часть и с небрежным видом вышел на стоянку автомашин, находящуюся перед зданием вокзала. По площади гулял злой холодный ветер, и он накинул пальто на плечи. В инструкции говорилось совершенно ясно: второй ряд слева, затем еще раз налево. Найти темный “москвич” со сломанной радиоантенной и игрушечным медвежонком над приборной доской. Вот и он. Гримальди подергал ручку, и дверь легко поддалась. Он наклонился в салон.

– Садись, Франко. – Он узнал этот глубокий голос с сильным акцентом. – Давненько не виделись.

Гримальди скользнул на переднее сиденье и устроился там рядом с Олегом. Затем снял шапку. Губы не слушались его, и он молчал, а сердце отчаянно колотилось. Вся его работа здесь, а в первую очередь сама жизнь зависели от того, как поведет себя Калинин в следующие несколько минут. Двадцать лет назад он был его любовником, сегодня мог стать врагом. Вполне вероятно, что Гримальди сам пришел в расставленный КГБ капкан. Вот сейчас Калинин поправит зеркало или закурит сигарету, и свора гончих псов госбезопасности возникнет из темноты, окружит машину и поволочет его напрямиком на Лубянку.

Этой встречи Гримальди боялся с тех самых пор, как Макферсон вынудил его согласиться на свое предложение. Время от времени в его памяти оживали те страшные моменты прошлого, когда на границе Австрии погиб Тони Вайткомб и сгинул Олег Калинин, и Гримальди отчаянно пытался подыскать оправдание своему поведению в тот день. Задумывался он и о том, что подумал о нем Калинин, когда он бросил его, раненого, под огнем врага. Остался ли Олег его другом или возненавидел за то позорное бегство? Может быть, он разработал для КГБ этот коварный план, чтобы заставить его заплатить за свое

предательство, и теперь Гримальди оказался здесь целиком и полностью в его власти. Какой бы невероятной ни казалась эта мысль. Гримальди уже давно стал горьким циником и крайне подозрительным человеком.

Но, как только он захлопнул за собой дверцу, Калинин тепло обнял его.

– Я так рад снова увидеть тебя, Франко, и просто счастлив, что мы с тобой снова вместе. – Он дружески потрепал Гримальди по плечу. – Когда ты прилетел?

– Вчера, – отозвался Гримальди, стараясь, чтобы ответ прозвучал естественно. – Пока мне не подыщут квартиру, я остановился в гостинице “Украина”. Теперь меня зовут Чарльз Сент-Клер, канадский гражданин из Монреаля.

– Добро пожаловать в Москву, мсье Сент-Клер, – улыбнулся Калинин.

В слабом свете, отбрасываемом зданием Курского вокзала, Гримальди попробовал рассмотреть лицо друга. Калинин все еще был красив, хотя начал лысеть, а вокруг его глаз появилась сеть глубоких морщин. Под левым глазом белел старый шрам, но он отнюдь не портил лица Олега, скорее напротив – придавал ему своеобразный оттенок мужественности.

– Этот шрам... – начал Гримальди и замялся.

– Да, – кивнул русский. – Это после нашего приключения в Альпах.

– Я так и не узнал, что с тобой случилось, – пробормотал Гримальди. – Я пытался, но ты как сквозь землю провалился.

Калинин озорно улыбнулся.

– Мне продырявили голову и задницу. Помнишь ту засаду? Ты отстал, а я стоял рядом с Тони. По нам били сзади, и у меня не было другого выхода, кроме как бежать вперед. Кровь текла из ран, и было чертовски больно, но все же я похромал вниз по ручью. Слава богу, что там оказался этот ручей – они меня потеряли. Всю ночь я просидел на дереве и слышал голоса людей и лай собак...

– Это были наши, – перебил Гримальди. – Мы искали тебя.

Перед машиной прошли мужчина и женщина, слегка наклонившись вперед навстречу ветру, и Гримальди съехал вниз по сиденью, затем снова выпрямился. Калинин перешел на шепот и продолжал свой рассказ:

– Я был слишком слаб, чтобы позвать на помощь, к тому же я не был уверен, что меня разыскивают свои, а не эти чертовы подонки.

Калинин повернулся к Гримальди.

– Знаешь, что самое смешное? Они в “Одессе” так и не докопались до правды и не разоблачили нас. Это не “Одесса” приказала пристрелить нас.

– Не может быть!

– Я все тщательно проверил. Это была, так сказать, местная инициатива.

– Не понимаю. Разве убийцы не принадлежали к организации?

– Принадлежали, но только действовали по своему собственному почину. Это были люди из тамошней конспиративной группы бывших эсэсовцев. Они не знали, кто мы такие, и считали нас настоящими беглыми нацистами. Мы были не первыми их жертвами. Они убивали на перевале тех, кто казался им побогаче. Собрав деньги и Ценности, они избавлялись от тел. В живых не

осталось никого, кто мог бы на них донести. Если кто-то и выжил, то в Берлин пожаловаться уже не мог.

– Но после нападения на нас “Одесса” снова залегла на дно.

Калинин пожал плечами.

– Конечно. Руководители этой организации, узнав о случившемся, приказали всем уйти на глубину до тех пор, пока не будет разработан новый безопасный маршрут. Между прочим... – Калинин слегка прикоснулся к своему шраму, – боевики из “Одессы” сами прикончили тех парней, что напали на нас. Это была слишком плохая реклама для их туристической фирмы.

– И твое начальство не преследовало тебя за неподчинение приказу?

Мимо машины прошел еще один человек, и Гримальди пробормотал сквозь зубы:

– Здесь слишком многолюдно.

– Да, было несколько неприятных моментов, – кивнул Калинин. – Один полковник очень хотел отдать меня под трибунал, мне едва удалось выжить, я был ранен фашистами и вообще ходил в героях. Полковнику нелегко было бы объяснить, за что он отдал меня под суд, и в конце концов он был вынужден скрепя сердце согласиться, что я и так достаточно наказан.

Он негромко рассмеялся.

– Довольно о грустном. Мы не виделись с тобой двадцать лет и теперь стоим на пороге самого рискованного дела нашей жизни. Неужели же мы должны говорить только о том дне на перевале Бреннер?

– А что было потом? – поинтересовался Гримальди. – Ты женат?

– Женат на ГРУ и на одной хорошенькой женщине. Между прочим, у меня три прелестные дочурки, – с гордостью добавил Калинин, искоса взглянув на Гримальди. – Ты же так и остался холостяком, насколько я знаю.

Гримальди кивнул. Он понял, что к их прежним отношениям возврата нет. Олег женат, дорожит своим браком и хочет, чтобы Гримальди знал это.

По лицу Калинина пробежала какая-то тень, и он хлопнул ладонью по приборной доске.

– Ладно, достаточно на сегодня разговоров о прошлом. Нам нужно еще многое обсудить. – Он помолчал. – Мы должны быть очень осторожны, Франко. Это дело смертельно опасно. Я слышал, что пару недель назад на Лубянке снова кого-то расстреляли за измену, но вот кого – мне пока неизвестно.

Гримальди молчал, и Калинин посмотрел на часы.

– Давай начнем с тайничковых операций и сигналов экстренной связи.

– Хорошо, – кивнул Гримальди. Он едва обратил внимание на предостережение Калинина, все еще раздумывая над содержанием их разговора. Они больше не были любовниками, но остались друзьями, близкими друзьями. Все должно пройти удачно, он может положиться на Олега. При мысли об этом он наконец-то почувствовал огромное облегчение.

Пошел снег, и огромные снежинки, пританцовывая, сыпались с темного неба и таяли на теплом ветровом стекле.

– Хорошо, – повторил Гримальди.

Глава 8

– Товарищи! – торжественно объявил низкорослый генерал. – Приветствую вас в стенах Высшей школы Комитета государственной безопасности.

Генерал сидел за столом, установленным на сцене в аскетично обставленном актовом зале. Его взлохмаченные брови сомкнулись в прямую линию над черными глазами-бусинками, а острый нос нависал над аккуратным ротиком, напоминающим своей формой лук Амура. Генеральский мундир был отутюжен, пуговицы надраены, а грудь украшена четырьмя рядами позвякивающих медалей на разноцветных ленточках. Сквозь узкие окна справа, выходящие во внутренний двор, проникал неяркий серый свет, скудно освещая большое помещение. На стене за спиной генерала висела картина – Ленин в костюме-тройке обращается с речью к рабочим. Рядом с ней висели портреты Маркса и Энгельса, напоминающие торопливые наброски углем. Вожди мирового пролетариата мрачно смотрели прямо перед собой.

– На вас возложена большая ответственность, – продолжал генерал. – Вы будете защищать завоевания Великого Октября. Наши выпускники направляются на передовую линию, где продолжается битва с хитрым и коварным врагом – мировым империализмом. Спецслужбы империалистических государств пытаются любыми средствами уничтожить завоевания социализма. Наш главный враг – это международный капитал, и для того, чтобы одолеть его, вы должны узнать о нем все.

– Кто это такой? – шепотом спросил Дмитрий у соседа, полного молодого парня с вьющимися светлыми волосами и жесткими карими глазами.

– Начальник школы, генерал Любельский, – светловолосый сосед хихикнул. – Говорят, он никогда не встает перед аудиторией – не хочет, чтобы на его маленький рост обращали внимание. Курсанты прозвали его карликом. Он даже лекции читает, сидя на своей жирной ж...

– Ваш успех, – продолжал генерал, – зависит от того, насколько хорошо вы овладеете приемами и методами ведения разведывательной работы, насколько глубоко изучите труды основоположников марксизма-ленинизма и образ мышления народов западных стран, насколько свободно будете владеть оружием и собственным телом, что может пригодиться вам в экстремальной ситуации.

Маленький генерал оглядел шестьдесят с лишним курсантов.

– Помните, – сказал он, слегка выдвинув вперед подбородок, – офицер госбезопасности – это нечто большее, чем рядовой член партии или государственный служащий. Чекист – это коммунист, коммунист всегда и во всем. Даже в обыденной жизни все ваши поступки должны соответствовать этому высокому званию. Вы должны спать, есть, читать, любить, думать и поступать как чекисты, ни на минуту не забывая о том, что мир разделяется на два больших класса – коммунистов и всех остальных.

Дмитрию с трудом удавалось сосредоточиться на речи генерала, он был

поглощен огромным и удивительным миром, разворачивающимся перед ним. В Москву он приехал только вчера во второй половине дня, после двенадцатичасового путешествия в переполненном поезде. На вокзале он сел в метро и добрался до четырехэтажного здания под номером 19 на улице Станиславского. Ему еще ни разу не приходилось ездить на метро, и никогда в жизни он не видел сразу столько народа на запыленных улицах. Больше всего его потрясли громадные высотные здания – железобетонные памятники сталинской эпохи, чьи остроконечные шпили были украшены красными звездами.

С наступлением темноты Дмитрий наконец очутился перед дверями здания из красного кирпича, расположенного напротив посольства ГДР. Это была Высшая школа КГБ, где ему предстояло провести следующие четыре года.

Показав документы вооруженным охранникам на входе, Дмитрий направился в учебную часть. Угрюмый офицер подверг его быстрому медосмотру, после чего Дмитрий попал в службу вещевого довольствия. Сонный каптерщик выдал ему три комплекта новенькой формы, новую шинель, новые сверкающие ботинки, несколько рубашек, два галстука защитного цвета, кожаный ремень, спортивные туфли и нижнее белье. Дмитрий сначала даже не поверил, что все это ему. “Бог ты мой! – подумал он. – В детдоме я смог бы обменять такое богатство на годовой запас водки, еды и курева!” Однако больше всего ему понравилась новенькая фуражка с синим околышем, украшенная сияющей кокардой: серп и молот на фоне щита с двумя скрещенными мечами.

За всю свою жизнь Дмитрий не был так счастлив, как теперь. Он чувствовал огромную благодарность к генералу Ткаченко, который помог ему выбраться из детского дома, благодарность к красавцу полковнику Калинину из приемной комиссии, поддержавшему его в трудный момент, когда под вопросом оказалась его лояльность. Теперь он был курсантом КГБ, в самом начале своего пути на вершину.

Начальник школьной администрации, лысый майор по фамилии Некрасов, проводил его в спальню, где шестнадцать металлических коек дожидались своих новых хозяев. Рядом с каждой кроватью помещались тумбочка с настольной лампой на ней и большой шкаф для вещей.

– Шестьдесят два курсанта, – пояснил майор, – будут разделены на два потока и станут жить в четырех спальнях. Занятия начинаются в девять утра и заканчиваются в десять вечера. С семнадцати до девятнадцати часов – время для самоподготовки. Выходной день – воскресенье, и только по воскресеньям вам разрешается покидать здание для прогулок и развлечений. На протяжении всего срока обучения курсанты получают стипендию двести рублей в месяц.

Двести рублей в месяц! Дмитрий был поражен. Он в жизни не видел столько денег. Простой курсант Высшей школы, он будет получать столько же, сколько народный судья, больше, чем педагоги в детдоме, которые зарабатывали рублей по сто двадцать.

– Подъем в шесть тридцать, – монотонно и привычно гудел майор. – В семь часов утренняя зарядка во внутреннем дворе. На зарядку выходить в

майке, трусах и кедах. Завтрак в восемь.

Он посмотрел на часы.

– Можешь пойти поужинать – столовая еще открыта. Пока все.

У дверей майор остановился и обернулся.

– Между прочим, ты самый молодой на курсе. Всем остальным по двадцать два года и больше, многие из них армейские офицеры, есть даже выпускники высших учебных заведений. Либо ты действительно талант, либо знаешь кого-то на самом верху. – Он кривовато ухмыльнулся.

– Товарищ майор! – Дмитрий вытянулся по стойке “смирно”. – Разрешите выйти в город сегодня вечером. Это мой первый день в Москве. Я знаю, что моя просьба звучит необычно, но я здесь родился, а потом пятнадцать лет провел в детском доме.

К его большому удивлению, офицер-администратор улыбнулся.

– Ничего необычного. Каждый курсант просит о том же в свой первый день в столице. – Он пожал плечами и кивнул. – Можете быть свободны до двадцати четырех ноль-ноль. По пути загляните в секретариат, получите официальную увольнительную. Кстати, можете одеться в гражданское – это одна из наших привилегий.

Майор снова кивнул и вышел.

В гражданское! Ничто в мире не в силах было помешать Дмитрию надеть свою новенькую форму. Он дорого бы отдал за то, чтобы его бывшие одноклассники и товарищи по детскому дому смогли увидеть его сейчас, щеголеватого молодого курсанта с эмблемой КГБ на фуражке, неспешным шагом прогуливающегося по улицам Москвы. Но еще больше он желал другого. У него даже сердце защемило при мысли о том, как здорово было бы, если бы его мог увидеть отец. Как бы он обрадовался, если бы узнал, что его сын выжил и что, преодолев все препятствия, он тоже станет офицером государственной безопасности.

Мысли об отце не покидали Дмитрия на протяжении всего промозглого и сырого октябрьского вечера, пока он бродил по московским улицам. Он думал об отце, стоя на Красной площади и глядя на приземистое здание Верховного Совета, выглядывающее из-за кремлевской стены, а воображение рисовало ему, как такой же холодной ночью полковник Борис Морозов идет по коридорам самого главного правительственного здания, чтобы посоветоваться с Берией, Кагановичем, может быть, даже с самим Сталиным! Должно быть, его сверкающий ЗИМ въезжал в Кремль через Спасские ворота, расположенные как раз напротив пряничных куполов храма Василия Блаженного, и полковник Морозов устало поднимал ладонь к лакированному козырьку фуражки, отвечая на почтительные приветствия мрачных охранников, вытягивающихся по стойке “смирно” при виде знакомого автомобиля.

Потом, несколько часов спустя, наверное, перед самым рассветом, машина Морозова выезжала из ворот Кремля, как это делали теперь современные шикарные лимузины с затемненными стеклами, и охранники из КГБ и милиция снова брали под козырек. “Когда-нибудь я тоже въеду в Кремль на черной “чайке”, – подумал Дмитрий.

Однако, больше чем Кремль и Красную площадь, Дмитрий хотел увидеть площадь Дзержинского. Одна из центральных площадей Москвы, названная в честь аскетичного польского аристократа, первого руководителя органов ВЧК, как раз и была тем местом, где располагалась главная цитадель государственной безопасности и печально известная внутренняя тюрьма.

Площадь была пустынна. Накрапывал мелкий дождь, затянутое низкими облаками небо хмурилось, а по тротуарам гулял пронзительный осенний ветер. Дмитрий пересек площадь, остановился в тени зловещего памятника Феликсу Дзержинскому, который стоял на чугунном постаменте в своей черной шинели палача, и долго смотрел на огромное здание, нависающее над северной оконечностью площади. Темные слепые окна и массивный фасад излучали угрозу, словно какой-нибудь легендарный замок или мрачный бастион средневековья.

Здесь, в одной из камер, была казнена его мать, однако Дмитрий почти не думал о ней. Он думал только об отце, воображая себе те страшные минуты, когда несколько офицеров, может быть, столь же молодых, как и он сам, с такими же эмблемами в петлицах вошли в кабинет Бориса Морозова, приказали сдать пистолет и следовать за ними. Должно быть, последовала унижительная и позорная сцена, когда с отца срывали погоны и награды. Оскорбления, темная камера, обвинение в измене. И, наконец, лагерь под Воркутой, пронизывающий холод, голод, побои и комендантский взвод.

Чувствуя, как черная пелена ненависти застилает ему глаза, Дмитрий поклялся самому себе: “Вы, убийцы моего отца! Однажды я найду вас, кто бы вы ни были, найду и уничтожу. Но знайте же, что я не брошусь на вас в самоубийственном порыве. Сначала я вскарабкаюсь на самый верх, стану вашим начальником, может быть, даже председателем КГБ. А уж тогда я воспользуюсь своей властью, чтобы добраться до вас!”

Взрыв звонкого детского смеха вывел его из состояния мрачной задумчивости. Дмитрий увидел стайку детей, прильнувших к огромным, ярко освещенным витринам “Детского мира”.

“Как странно, – подумал Дмитрий, – что этот дворец игрушек, самый большой магазин детских товаров в СССР, символ детской радости, был воздвигнут напротив страшных казематов Лубянки”.

Еще некоторое время Дмитрий рассматривал чугунный памятник Дзержинскому. Даже Хрущев, осудив преступления Сталина и Берии и обвинив их в смерти десятков тысяч человек, не осмелился убрать зловещую статую, и она осталась возвышаться в самом сердце Москвы.

“Что за народ мы, русские! – подумал Дмитрий. – Что в прошлом, что в настоящем мы ненавидим сильную власть и дисциплину и в то же время восхищаемся ею. Мы презирали тайную полицию и в то же время пресмыкались перед ней. Мы выступали против жестокостей и пыток, боролись за свои человеческие права, не переставая возносить на трон собственных катов и палачей. Какой другой народ создал бы памятник человеку, основавшему самую кровавую секретную службу в мире? Какой другой народ назвал бы именем этого человека одну из главных площадей своей столицы и превратил

одно из красивейших зданий города в тюрьму, в которой приводят в исполнение смертные приговоры?”

“Я буду чекистом, – размышлял он на пути в казарму. – Я стану самым надежным, самым рьяным, но никогда не стану преданным. Вся вера и чистота, которые были даны мне при рождении, остались далеко в прошлом, в детском доме имени Панфилова. Я расстался со всем этим еще до того, как потерял свою невинность с дочерью повара Валеи...”

* * *

– Сони в артиллерии... – рывкнул высокий плотный сержант, инструктор по физподготовке, и шестьдесят две глотки дружно подхватили незамысловатую частушку, отмеряя ритм грохотом сапогов по плацу:

– Франты в кавалерии... Пьяницы во флоте... Идиот в пехоте!..

– Ну а кто такие вы? – снова завопил сержант, и они отвечали:

– Бравые парни КГБ!

Они уже минут пятнадцать носились кругами по внутреннему дворику Высшей школы, топча усталыми ногами неровный плац. Стояло морозное февральское утро, однако Дмитрий чувствовал себя превосходно. Утренняя зарядка всегда нравилась ему. Его тренировки в детдоме принесли свои плоды: в отличие от многих своих сокурсников, которые пыхтели и спотыкались елею и справа от него, Дмитрий был в превосходной физической форме.

Сержант, огромный, наголо стриженный латыш, снова что-то крикнул, и Дмитрий подумал, что инструктора больше заботят его глупые прибаутки, чем физические упражнения. В этот раз сержант вспомнил шутку, основанную на интерпретации известной аббревиатуры ОГПУ – так раньше называлось КГБ:

– О, господи, помоги убежать!

Дмитрий и остальные курсанты хором проорали ответ, основанный на том же наборе букв, прочитываемых в обратном порядке:

– Убежишь – поймаем, голову оторвем!

Сержант громко заржал.

“Жуть как смешно!” – сердито подумал Дмитрий.

И все же зарядка нравилась ему, как нравилась и напряженная учеба. Сегодня рано утром, проведя бессонную ночь в библиотеке, он закончил свое небольшое исследование по истории органов КГБ. Это была захватывающая драматичная история, напомнившая ему бескомпромиссную и жестокую борьбу средневековых баронов за влияние и власть. Каждый претендовал на трон, и каждый новый руководитель секретной службы уничтожал своего предшественника.

Начиналась история с Феликса Дзержинского, который в декабре 1917 года основал Всероссийскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. ВЧК проводила в жизнь политику красного террора, провозглашенную в сентябре 1918 года Лениным.

Романтический ореол, окружавший первых чекистов, притягивал к себе Дмитрия, однако вскоре ВЧК превратилась в ОГПУ, которое, следуя ленинским

курсом, разоблачало и уничтожало уцелевших врагов революции: белогвардейцев, дворян, кулаков, коварных иностранных шпионов. ОГПУ было реорганизовано и переименовано в НКВД, превосходную организацию, которая, к несчастью, превратилась в инструмент сталинских чисток в 30-х годах, погубивших немало преданных коммунистов.

В 1936 году первый нарком внутренних дел Генрих Ягода был убран со своего поста по приказу Сталина, и его место занял кровожадный заплечных дел мастер Николай Ежов, прозванный в народе “кровавым карликом”. Однако и Ежову была уготована незавидная судьба: он был расстрелян в той же камере Лубянской тюрьмы, в которой сам казнил своего предшественника Ягоду.

В своем исследовании Дмитрий писал, что “в эти мрачные годы Сталин использовал аппарат советских секретных служб для своих преступных целей”.

В 1938 году на сцене появился Лаврентий Берия, верный сподвижник Сталина. В разные годы возглавляемая им организация называлась НКВД, НКГБ, Министерство внутренних дел, объединившее милицию и госбезопасность, Министерство государственной безопасности. Именно Берия отдал приказ об аресте Бориса Морозова, однако сам до его казни не дожил. В 1953 году, вскоре после смерти Сталина, настал черед Берии быть расстрелянным в сырой камере на Лубянке. Основы современного Комитета государственной безопасности были заложены именно тогда: госбезопасность отделилась от Министерства внутренних дел, причем оба ведомства быстро стали непримиримыми соперниками.

“С созданием КГБ круг замкнулся, – писал Дмитрий в заключение. – КГБ приобрел тот же политический статус и полномочия, что и революционная Чрезвычайная комиссия. Вот так ЧК восстала из пепла”.

В 1967 году, незадолго до того, как Дмитрий попал в Высшую школу, новым председателем КГБ стал Юрий Андропов, похожий на учителя человек с болезненным желтоватым лицом, сидящими русыми волосами и светлыми глазами, которые казались большими из-за сильных очков в металлической оправе.

Одновременно с изучением истории органов Дмитрий углубился во внутреннюю структуру ведомства. Он узнал, что председатель Комитета подчиняется непосредственно Политбюро. Центральный аппарат КГБ, располагавшийся в зданиях на площади Дзержинского и прилегающих улицах, состоял из нескольких относительно независимых друг от друга подразделений: четырех главных управлений, семи независимых управлений и шести отделов. Эти основные составляющие, в свою очередь, подразделялись на многочисленные отделы, подотделы, направления и службы.

Основная мощь КГБ была сосредоточена в следующих основных подразделениях: Первое Главное управление (разведывательные операции за рубежом), Второе Главное управление (контрразведывательная служба и надзор за гражданами), Пятое Главное управление (борьба с инакомыслием) и Управление вооруженных сил, отвечающее за благонадежность всех советских офицеров армии и флота, начиная с Генерального штаба и заканчивая командирами рот.

Дмитрий был поражен обширными, почти безграничными возможностями КГБ. Многочисленные подразделения и службы в составе управлений занимались всем: шпионажем, проведением диверсий и убийствами за пределами СССР, надзором за иностранными туристами, студентами и бизнесменами; внедрением агентов в западные страны и сексуальным шантажом высокопоставленных иностранных чиновников, управлением разведспутниками над Восточной Европой; операциями против Китая; охраной советских руководителей и руководством многотысячными пограничными войсками, которые направлялись для участия в пограничных конфликтах. Охрана КГБ ведала исправительно-трудовыми лагерями в Заполярье и стояла на страже Кремля. Оперработники КГБ контролировали выдачу въездных и выездных виз, надзирали за работой телефонной связи и радио, проводя в случае необходимости широкомасштабные дезинформационные кампании. Сотрудники КГБ как тени преследовали потенциальных врагов советского строя: диссидентов, священников, евреев, представителей этнических меньшинств; боролись против эмигрантских организаций за рубежом и западных движений правого толка. Следователи КГБ раскрывали экономические преступления, охраняли промышленные секреты, а научно-исследовательские лаборатории КГБ разрабатывали смертоносные и необнаружимые яды и отравляющие вещества.

Огромное впечатление произвела на Дмитрия численность личного состава гигантской машины КГБ. Девяносто тысяч офицеров аппарата работали в СССР и по всему миру, а ведь были еще четырехсоттысячные пограничные войска и войска специального назначения, телохранители, охранники, чиновники, вольнонаемные служащие, а также сотни тысяч информаторов, агентов влияния и прочих добровольных помощников, большинство из которых получало вознаграждение из государственного кармана.

Понемногу Дмитрий понял, что КГБ превратился в замкнутый, тайный мир; опутав своей паутиной весь Советский Союз, КГБ мог дотянуться до самого отдаленного уголка земного шара. Из штаба на Лубянке, известного также как Московский центр, КГБ контролировал ситуацию как в самой маленькой деревушке на территории СССР, так и в столицах иностранных держав, армейских штабах, научных центрах. Ради их же собственной безопасности за советскими гражданами постоянно наблюдали тайно, следили и в открытую, проверяли и перепроверяли, постоянно оценивая степень личной благонадежности каждого. Никакая страна не могла представить себе подлинных масштабов этой тайной организации, которая охраняла Советскую страну, одновременно стараясь проникнуть в секреты своих противников.

Внутри самого Советского Союза сотрудники КГБ были людьми особой породы, закрытой кастой избранных, которые в сравнении с остальными гражданами стояли на более высоком уровне материального благополучия.

– Возьми, например, Москву, – сказал ему как-то вечером некто Миша Пономарев, когда они были в библиотеке одни. – Ты думаешь, что знаешь Москву?

Высокий и нескладный, с узким лицом и круглыми глазами, белорус по

национальности, Миша Пономарев был двадцатисемилетним слушателем выпускного курса и в мае заканчивал Высшую школу. Фашисты повесили его родителей в Борисове во время войны, и всю свою жизнь он провел в детских домах и приютах. Может быть, из-за схожей судьбы они и сблизились с Дмитрием. Познакомились они на занятиях – будучи учащимся старшего курса, Пономарев иногда замещал преподавателя, который читал им лекции по организации и структуре КГБ.

– В Москве существует два города, – увлеченно рассказывал он, а Дмитрий думал, что Пономарев – самый жизнерадостный из курсантов их школы. – Один город – это тот, что виден любому туристу: Красная площадь, Ново-Девичий монастырь, парк Горького, Большой театр, ВДНХ и прочее. Другой город – это наш город.

Дмитрий удивленно приподнял брови.

– Секретный город правительства и КГБ! – с торжеством объявил Пономарев и сделал паузу, как бы ожидая, пока эти слова поглубже проникнут в сознание его младшего товарища.

– Вообрази себе карту Москвы, – продолжал он, описывая руками в воздухе большой круг. – Нет, постой...

Он сорвался с места и скрылся между стеллажами с книгами. В следующую секунду он вынырнул оттуда, с победоносным видом развернув перед Дмитрием подробную карту города.

– Давай ограничимся территорией Садового кольца, а начнем мы, конечно же, с Кремля. – Его длинный палец ткнул в то место, где была изображена Красная площадь. – В нескольких сотнях метров от Кремля находятся как официальные, так и секретные объекты КГБ: здания на площади Дзержинского, Малой Лубянке, Кузнецком мосту. Если двинуться по улице Горького, то попадешь в район, где стоят жилые дома КГБ – на Можайском шоссе, Первой Мещанской, на Арбате. – Его пальцы порхали над картой, описывая расширяющиеся концентрические окружности. – Все это внутри Садового кольца. Кстати, позади Большого театра располагается штаб МВД.

Дмитрий кивнул. Министерству внутренних дел подчинялись милиция и внутренние войска.

– Вот здесь, внизу, – энтузиазм Пономарева достиг невероятной силы, – на Калужском шоссе, расквартировано спецподразделение КГБ, охраняющее Академию наук, а на Покровском бульваре стоят две дивизии МВД и КГБ, находящиеся в постоянной боевой готовности.

Пономарев смотрел на Дмитрия с горделивым выражением на лице и напоминал фокусника, который только что достал из своего цилиндра жирного кролика.

– Теперь видишь, как мы контролируем город? А ведь я еще не упомянул о клубе КГБ, о жилых кварталах, таких, как на Кутузовском проспекте, где живут члены Политбюро и наши руководители.

– А где живет Андропов?

– На Кутузовском, в том же доме, где находится квартира Брежнева. – Пономарев на секунду замолчал. – Я не упомянул о наших конспиративных

квартирах, таких, как... вот: Новокузнецкая, 32, Болотная, 62, Сиротская, 11, Таганская, 17, и еще особняк на Зубовской площади... – Его палец ткнулся в карту в нескольких местах. – Кроме всего перечисленного, у нас есть десятки явочных квартир по всему городу. В Подмосковье есть специальные колхозы, которые выращивают для нас овощи, собственные бойни, где для нас заготавливают мясо, своя собственная медицинская служба, свои повара, электрики, прочие специалисты.

– Ты сказал – собственные?

– Давай-ка я тебе кое-что покажу, – усмехнулся Пономарев. – Одевайся и пошли.

– Куда? – удивился Дмитрий.

– Увидишь.

Примерно полчаса спустя они сидели в элегантном ресторане на восьмом этаже здания на Лубянке, куда Миша благодаря своему положению имел право приводить гостей. Дмитрий впервые попал в это здание и теперь испытывал такое благоговение, что у него перехватывало дыхание. Его сердце отчаянно колотилось, когда он показывал свои корочки охранникам на входе, а сам рассматривал массивные ворота с укрепленным на них гербом СССР. В лифте он молчал, думая о секретных планах, которые, быть может, именно сейчас рождаются за запертыми дверьми кабинетов в нескольких метрах от него.

В ресторане он во все глаза рассматривал сотрудников в военной форме и в гражданских костюмах, которые неслышно шагали по ковровым дорожкам. Он был уверен, что все они – отчаянные головы, отважные разведчики, вернувшиеся из-за границы после выполнения своих важных секретных миссий.

– Почему ты не ешь? – спросил Миша. Дмитрий заказал соленую лососину, сметану и свое любимое лакомство – шоколад. Он был на седьмом небе от счастья, когда официантка подала ему плитку настоящего швейцарского шоколада.

– Как ты можешь видеть, – продолжал разглагольствовать Пономарев, – у нас есть собственные рестораны, собственные магазины и собственные школы.

– А простые люди знают об этом? – поинтересовался Дмитрий.

– Большинство знает просто они не осмеливаются говорить об этом. – Пономарев хихикнул.

Дмитрий уже заметил, что основными чертами характера его приятеля были цинизм и ненасытный аппетит – наследие голодного детдомовского прошлого. Вот и сейчас Пономарев обвел руками зал с таким видом, словно ресторан принадлежал ему целиком.

– Здесь ты можешь позавтракать поистине по-королевски и практически за бесплатно. Можешь заказывать яйца, ветчину, сосиски, свежие фрукты. В клубе, на другой стороне площади, есть гимнастический зал, сауна, еще один ресторан и гастронорм. Там можно купить все что угодно – икру, осетрину, красную рыбу, яблоки, апельсины. Бутылка шотландского виски стоит дешевле, чем в Америке, – примерно один рубль. Вот это, братец, я и называю – жить!

С этими словами Миша уложил два ломтика розовой лососины на кусок хлеба с маслом и склонился к Дмитрию.

– Однако в КГБ есть кое-что поинтереснее, чем жратва и выпивка. Слышал ли ты когда-нибудь о Тринадцатом отделе? – Он с опаской огляделся по сторонам и понизил голос до шепота: – Хочешь расскажу?..

* * *

Полковник Игорь Гузенко, рослый, хладнокровный, напоминающий англичанина своими голубыми глазами и щеточкой аккуратно подстриженных рыжеватых усов, слегка откашлялся и обвел глазами аудиторию.

– Сегодня мы поговорим о Первом Главном управлении, – заговорил он и ткнул указкой в схему, кнопками прикрепленную к доске. На улице стояла ненастная, ветреная погода, ветер стонал в оконных рамах, и лист бумаги надувался словно парус, силясь оторваться и улететь.

– ПГУ является управлением Комитета, отвечающим за проведение зарубежных операций. Как вы видите, – указка ткнулась в середину схемы, – Первый главк включает в себя ряд структур.

– Мы начнем с отдела нелегалов, – продолжал Гузенко. – Он обеспечивает проникновение и натурализацию агентуры КГБ на территории иностранных государств, где агенты живут по поддельным документам. По соображениям безопасности каждый агент подготавливается строго индивидуально.

Дмитрий слушал, как Гузенко кратко охарактеризовал информационную и контрразведывательную службы, Десять отделов, различающихся между собой лишь по географии стран, с которыми имели дело, отдел дезинформации и перешел к отделу органов прикрытия.

– Органы прикрытия, – пояснил полковник, – направляют сотрудников КГБ на работу за границей под прикрытием какой-либо официальной организации, таких, например, как ТАСС, Аэрофлот, торгпредство, “Интурист”, “Экспортфильм” и различные газеты и журналы. Мы также используем в своей работе иностранные учреждения, например, Всемирный банк, ООН, Красный Крест и международные спортивные ассоциации.

Гузенко снова оглядел курсантов и отложил указку.

– И все это входит в Первое Главное управление, – подытожил он с довольным видом, раскуривая трубку. – Есть вопросы?

Дмитрий поднялся.

– А почему на схеме отсутствует Тринадцатый отдел?

Гузенко замер.

– Как? Как вы сказали?

– Тринадцатый отдел, товарищ полковник, – повторил Дмитрий. – Исполнение приговоров, или карательная служба.

Гузенко строго посмотрел на него.

– Как ваша фамилия, товарищ курсант?

– Дмитрий Морозов.

– Так вот, Дмитрий Морозов, – повторил Гузенко. – В ПГУ нет

Тринадцатого отдела. Можете садиться.

– Он также называется Пятый департамент, товарищ полковник, – настаивал Дмитрий, неохотно выдавая последний клочок информации которой он обладал: – Его также называют “Управление мокрых дел”.

– Я уже сказал, – отрубил полковник Гузенко, и в его глазах вспыхнул гнев, – ни такого отдела, ни такого управления не существует. Садитесь же!

Дмитрий опустил на скамью, чувствуя на себе удивленные взгляды однокурсников. Щеки его горели. “Чтоб ты сдох, Гузенко, – думал он. – Врешь как сивый мерин “Нет такого отдела...”, козел. Да это же самый главный отдел во всем КГБ!”

За ужином он мрачно ковырял свой бифштекс, когда рядом с ним возник майор Некрасов.

– Курсант Морозов, срочно к генералу Любельскому! – объявил он.

Похожий на гнома начальник Высшей школы сидел за столом в своем кабинете, обставленном строго, без излишней роскоши. Поджав губы, он листал пухлое личное дело Дмитрия. Когда Дмитрий вошел и отдал честь, генерал хмуро посмотрел на него.

– Курсант Морозов по вашему приказанию прибыл! Генерал Любельский казался крайне сердитым, почти разгневанным. Лоб его пересекала глубокая морщина отчего прямые брови опустились еще ниже, придавая широкоскулому лицу генерала почти злобное выражение. Времени на предисловия генерал тратить не стал.

– Кто рассказал тебе о Тринадцатом отделе?

Дмитрий с трудом сглотнул.

– Я услышал об этом от друзей.

– От кого? Имена! Быстро!

Дмитрий ничего не ответил.

– Я хочу знать, – повторил Любельский, – как и от кого ты узнал о существовании этой службы?

“Нельзя рассказывать о Пономареве, – пронеслось в голове Дмитрия. – Они вышвырнут его из школы за несколько недель до выпуска!”

– Вы же знаете, товарищ генерал, слухами земля полнится, особенно в школе. Приходится выслушивать самые разнообразные сказки.

Генерал Любельский взял в руку листок бумаги, исписанный аккуратным, четким почерком и взмахнул им.

– Значит, курсант Морозов, все, что вы наговорили сегодня – Тринадцатый отдел, Пятый департамент, “Управление мокрых дел” – все это вы почерпнули из слухов? Какие еще слухи дошли до вас, курсант?

Дмитрий снова промолчал. “Чертов недомерок хочет выкинуть меня!” – подумал он в отчаянии.

Генерал Любельский, казалось, кипел от едва сдерживаемого гнева.

– Мне хотелось бы, курсант Морозов, чтобы вы зарубили себе на носу – то, как вы вели себя сегодня, вполне достаточное основание для того, чтобы исключить вас из школы...

Оскалившись, он смотрел на Дмитрия до тех пор, пока тот не опустил

взгляд.

– Листая ваше личное дело, я обнаружил, что вас рекомендовал сам генерал Ткаченко.

Дмитрий почувствовал некоторое облегчение, однако попытался скрыть его, не поднимая опущенной головы.

– Я разговаривал с генералом Ткаченко по телефону, и он заверил меня, что до тех пор, пока вы не закончите учебу, мне не придется на вас жаловаться. Надеюсь, вам это ясно?

– Так точно, товарищ генерал.

– Вот и хорошо, – Любельский сердито захлопнул папку с личным делом Дмитрия, и он подумал, что Любельский сердит не столько из-за его проступка, сколько из-за того, что ему пришлось уступить Ткаченко. – Морозов, – окликнул его генерал, когда Дмитрий был у самых дверей. В его раздраженном голосе, однако, проскальзывали любопытные нотки. – Откуда такой интерес к Тринадцатому отделу?

– Именно там я хотел бы служить, товарищ генерал. – Дмитрий еще раз отдал честь и вышел.

В самом деле, его не интересовало ни наружное наблюдение, ни надзор за запуганными до последней степени советскими гражданами, ни преследование длинноволосых интеллектуалов и горластых диссидентов. Он страстно желал принимать участие в опаснейших операциях в столицах иностранных государств, меряясь силами с британской службой МИ-5 или с американским ЦРУ, и мечтал о поездках в далекие страны, где его ждут победы над роскошными женщинами.

С другой стороны, Дмитрий не хотел становиться разведчиком и даже резидентом – командующим советской агентурной сетью за рубежом. Он стремился к чему-то конкретному, к тому, что он мог бы сделать своими собственными руками. От природы он был одиночкой, а трудное детство приучило его доверять только себе. Несмотря на несколько прошедших лет, в нем до сих пор жило ощущение своей безграничной власти, испытанное им в ту ночь, когда он убил Бунина. Вспоминая страх и уважение в глазах Вани, своего детдомовского приятеля, Дмитрий был уверен, что сможет убить снова. Впрочем, теперь он надеялся получить за это награду. Именно поэтому сверхсекретное подразделение Тринадцатый отдел, в просторечии именуемое “Управлением мокрых дел”, привлекло к себе его внимание. Сотрудники этой службы оставляли за собой кровавые следы и, что было также немаловажно, стремительно поднимались по служебной лестнице КГБ после окончания своей недолгой службы в качестве полевых агентов.

Тринадцатый отдел, само существование которого так яростно отрицалось, занимался зарубежными операциями, связанными с применением насилия: похищениями, саботажем, налетами на конспиративные квартиры противника. И, конечно, убийствами...

Курсант Морозов хотел стать профессиональным убийцей.

Но прежде он должен был овладеть знаниями секретного агента.

Два раскосых татарина, офицеры советского спецназа обучали курсантов

приемам рукопашного боя и использованию стрелкового оружия. Сергей Грозный, пожилой человек в гражданском костюме с изуродованным лицом и стеклянным глазом, учил Дмитрия и его однокурсников обращению с обычной и пластиковой взрывчаткой. Они научились конструировать адские машины из подручных материалов и компонентов, которые можно было приобрести в любой аптеке. Между собой курсанты шутили, что Грозный, должно быть, лишился глаза во время экспериментов с какой-нибудь бомбой, которую мастерил на досуге после работы. Миша Пономарев, однако, рассказал Дмитрию об их преподавателе другую историю.

– Он вел занятия в аудитории в этом самом здании, – рассказывал Миша, – когда сообщили о смерти Сталина. Грозный заплакал прямо на лекции, однако слезы текли только из его здорового глаза, так как вместо второго глаза у него уже тогда был протез. Двое курсантов на первом ряду рассмеялись, однако оба кончили плохо. Никто и никогда их больше не видел.

Человек-легенда – полковник Рудольф Абель, прошедший несколько лет в Нью-Йорке в качестве разведчика-нелегала, разоблаченный в конце концов и обмененный на пилота У-2 Пауэрса, обучал курсантов основным правилам поведения в американском городе.

Дмитрию Абель показался морально сломленным человеком. После лекции Дмитрий увидел его в офицерской столовой – полковник сидел один, и никто не приближался к нему.

– Со времени его возвращения из Америки ему не очень-то доверяют, – поделился с Дмитрием Пономарев.

Вера Шевченко, хорошенькая сотрудница Управления связи, учила их кодировать, расшифровывать и передавать сообщения при помощи миниатюрных устройств. Именно она сообщила им, что большинство сообщений зарубежным агентам передается на волнах “Московского радио”, во время его музыкальных программ.

– Вы хотите сказать, что вы указываете “Московскому радио”, какую музыку передавать? – удивился Дмитрий. Вера кивнула. – Наш разведчик в Англии, который, к несчастью, провалился совсем недавно, – мрачно пояснила она, – получал инструкции при помощи шифра, основанного на четырех популярнейших мелодиях. Это были “Калинка”, “Щелкунчик”, “Танец с саблями” и “Лебединое озеро”.

Она же учила курсантов изготавливать невидимые чернила и фотографировать документы на микроплёнку.

Остальные офицеры-отставники преподавали им правила руководства полевыми агентами, обучали приемам обнаружения и отрыва от слежки. Полученные знания курсанты применяли на практике, упражняясь на улицах Москвы в урочные часы.

Самые интересные лекции читал им Ким Филби – агент КГБ, вынужденный бежать из Великобритании, хотя там он чуть было не возглавил британскую разведслужбу Дмитрий буквально пожирает Филби глазами. Перед ним был пожилой, начинающий седеть, но все еще красивый мужчина с молодым блеском в глазах. Несмотря на небольшое брюшко, изобличающее в

нем любителя пива, и мешковатый костюм, он все еще выглядел значительным человеком. Во всяком случае Дмитрию так казалось. Может быть, в этом повинен был замечательный стиль его повествования, который сохранялся даже после перевода с английского на русский в исполнении тучного гражданского переводчика с неподвижным каменным лицом.

Как ни странно, каждая лекция Филби превращалась в резкую, обличительную речь, которая клеймила неуклюжесть и недальновидность зарубежных операций КГБ. Лектор обвинял агентов КГБ в повторении одних и тех же набивших оскомину действий и критиковал политическое вмешательство в процедуры анализа и оценки.

– Многие блестящие аналитики писали не отражающие действительного положения вещей обзоры не потому, что ошибались, – с горечью заявлял Филби, – а из желания угодить своему начальству.

Филби считал, что Московский центр поражен бюрократической болезнью и что вместо того, чтобы быть “хитрой и агрессивной организацией”, КГБ превратился в “огромного динозавра”, который не в состоянии больше действовать эффективно. Он предупреждал также, что советские агенты за рубежом “видны за версту благодаря скверно сидящим костюмам, сильному акценту, недостатку воображения и устаревшим методам ведения разведки”. Он считал, что, если КГБ в ближайшее время не изменится, то он будет уничтожен западными спецслужбами.

Это заявление Филби было встречено неуверенными смешками или недоуменными взглядами. Дмитрий был удивлен, что Филби разрешали подобные высказывания на лекциях, однако мужество англичанина, восставшего против привычной рутины госбезопасности, произвело на него сильное впечатление. Каждому слову Филби он верил. “Однажды, – думал он, – я перестрою ПГУ именно так, как предлагает Филби”.

– Офицер советской разведки должен быть культурным, – заявила в начале своей первой лекции полковник Елена Крайнева.

Дмитрий помнил ее еще по детскому дому, куда она приезжала в составе приемной комиссии КГБ. В школе она была заместителем начальника, и теоретическая подготовка была ее царством, в котором она безраздельно властвовала. Именно по ее настоянию курсанты ежедневно посвящали два часа изучению английского или французского языка. Она приглашала в школу бывших резидентов КГБ в западных столицах, которые рассказывали о структуре и методах работы западных спецслужб, таких, как ЦРУ, “Интеллидженс сервис”, “Моссад” и “Сюртэ Женераль”.

Однако под словом “культурный” Крайнева подразумевала вовсе не эти ценные знания. Она стремилась, конечно же, для пользы дела привить своим подопечным хорошие манеры. Курсанты обучались этикету, правильному поведению за столом и в обществе. Раз в неделю привозил автобус юных балерин Большого театра для обучения курсантов танцам. Только через несколько лет Дмитрий понял, что хотя он, может быть, и стал “культурным”, однако танцевать так и не научился. На занятиях они изучали в основном мазурки, вальсы, испанское болеро и польки, которые вовсе не были популярны

на танцплощадках западных стран.

Однажды теплым майским вечером он остановил в коридоре свою партнершу по танцам, изящную и легкую, как эльф, девушку с льняными волосами и удивительно белой кожей. Ее звали Люда, и она напомнила ему балерину с плаката, увиденного им когда-то в комнате Зои.

– Может быть, встретимся в воскресенье? – предложил он.

– Зачем? – Людмила уставилась на него голубыми глазами.

– Ты такая симпатичная девчонка, – сказал Дмитрий. Балерина не ответила, и он добавил. – Если хочешь, я принесу с собой хорошей жратвы – венгерскую салями, икру, лососину. Можно будет устроить настоящий пикник где-нибудь в Сокольниках.

– Можете ли вы достать банку настоящего французского мармелада? – спросила Людмила тоненьким девчоночьим голоском.

– Конечно, – уверенно ответил Дмитрий и задумался, девственница она или нет. Выглядела она во всяком случае очень молодо.

В воскресенье они встретились в Сокольниках. Людмила вела себя очень раскованно, весело, без умолку болтая о Большом театре, о своих подругах, о сестрах, оставшихся в Смоленске. Они с аппетитом расправились с закусками и выпили бутылку искристого грузинского вина, а в заключение Дмитрий поцеловал ее в розовые губы. Людмила ответила на его поцелуй неожиданно пылко. Затем она аккуратно собрала остатки еды, с серьезным видом осмотрела упаковку французского мармелада, принесенного Дмитрием, и поднялась, отряхивая юбку. “Идем”, – звали ее глаза.

Людмила вела себя так, словно все было заранее оговорено. Они пришли в квартиру, где юная балерина жила вместе с тремя другими девушками. Закрывая за ней двери, Дмитрий снова поцеловал ее, и она ответила, прижимаясь к нему всем телом и подставляя груди для новых поцелуев. Дмитрий почувствовал, что вопрос о ее девственности больше не занимает его.

Люда быстро разделась и легла на кровать в ожидании партнера. У нее были маленькие грудки с торчащими сосками и плоский живот, заканчивающийся треугольником густых темно-русых волос, который восхитил Дмитрия больше всего остального. Он сбросил одежду, лег на кровать, и Людмила крепко прижала его к себе, не тратя времени на сантименты.

Они занимались любовью в бешеном темпе, и Дмитрию чудилось, что в ее телодвижениях, коротких пронзительных вскриках было что-то заученное, механическое, словно совокупление было для нее неизбежным десертом после ужина на природе.

Он вернулся на улицу Станиславского странным образом не удовлетворенным. Он знал, что хорош собой и что многие женщины находили его привлекательным – на улицах города он не раз ловил их зовущие взгляды, однако его не оставляло ощущение того, что свой сексуальный опыт он оплатил жестянкой французского мармелада.

На протяжении последующих нескольких месяцев ему еще не раз приходилось испытывать нечто подобное. После Людмилы он сблизился со многими балетными танцовщицами и девицами из группы переводчиков,

которые занимались английским вместе с курсантами. Перспектива хорошего угощения неизменно увлекала их; импортные продукты, жестянка кофе, бутылка дорогой водки, красивая упаковка мыла – все годилось, все служило целям Дмитрия.

– Когда ты закончишь школу, – со знанием дела нашептывал ему Пономарев, окончивший школу три дня тому назад, – все станет гораздо проще. Мало кто из баб откажется встретиться с офицером КГБ. Нам достаются самые лакомые кусочки, ты не находишь?

Как мог Дмитрий объяснить ему, что он охотится не только за чувственными наслаждениями? Иногда он ощущал, как внутри него вскипает море неразделенной любви. Одиночество буквально душило его. Он не знал материнской любви, а все его грезы о матери, прижимающей его к себе, были похоронены откровениями Ткаченко. Он не изведal даже братской любви – его брат исчез где-то на просторах Северо-Американского континента. Дмитрий дорого бы заплатил за то, чтобы увидеться со своим братом, однако он даже не представлял себе, как можно с ним связаться. В любом случае Дмитрий серьезно сомневался в том, что у них найдется что-либо общее. О любви между братьями не могло быть и речи!

Дмитрий еще не знал настоящей женской любви. Все те, что спали с ним, делали это от скуки или ради подарка. Откровенно говоря, это была проституция, просто слегка замаскированная. Истинное чувство оставалось ему недоступно.

Подсознательно Дмитрий искал женщину, которая дарила бы ему свою любовь совершенно бескорыстно, и грезил о страсти и самоотречении – обжигающих чувствах, подобных тем, что описаны в книгах. Иногда он подолгу не мог заснуть, мечтая о том, как было бы замечательно, если бы рядом с ним была одна-единственная, его Девушка, которая делила бы с ним все радости и горести.

Все эти ночные раздумья, однако, снова и снова приводили его к одному и тому же безрадостному заключению, продиктованному очередной мрачной полосой в его жизни: он обречен жить и умереть в одиночестве, так и не испытав настоящей любви.

Дмитрий понимал, что ни с кем не может поделиться своими переживаниями, даже с Мишей Пономаревым. Его приятель только бы подмигнул в ответ и сказал: “У меня есть одно замечательное средство от твоей болезни, братишка. Я достану тебе пару настоящих шелковых чулок, за которые тебе с радостью отдастся сама мисс Комсомол”.

* * *

Осенью следующего года, за четыре дня до парада, посвященного празднованию очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Дмитрия еще раз вызвали в кабинет начальника школы Любельского. Неделю назад Дмитрий стал членом Коммунистической партии, и генерал крепко пожал ему руку во время короткой церемонии. Сегодняшним

утром похожий на гнома генерал сидел за своим столом, зарывшись в бумаги, и курил толстую кубинскую сигару.

– Морозов, – сказал он, и Дмитрий обратил внимание, что Любельский против обыкновения не выглядит сердитым, – у вас есть час, чтобы собрать свои вещи. Вы нас покидаете.

Дмитрий почувствовал, как его сердце сбилось с ритма и пропустило удар. Что произошло? Он не чувствовал за собой никакой вины. Оценки у него были высокими, он был самым лучшим курсантом своего потока и отличным стрелком.

– Разрешите спросить, товарищ генерал, куда меня переводят?

– Разрешаю, – милостиво кивнул Любельский. – Вы помните наш разговор, происшедший несколько месяцев назад?

– Так точно, товарищ генерал. – Дмитрий отлично помнил, в какой ярости был генерал после того, как он упомянул в аудитории название Тринадцатого отдела.

– Вас переводят в Центр подготовки иностранной разведки, – объяснил гном, выпуская изо рта струйку серого дыма. – Это секретное учебное заведение Первого Главного управления. Именно там наши офицеры проходят подготовку для работы за границей.

Для того чтобы переварить сообщение генерала, Дмитрию понадобилось некоторое время. Это могло стать его первым шагом на пути к заветному “Управлению мокрых дел”! Его переводили, однако, втихую, не поднимая шума.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Любельский снова заговорил, и изо рта его потянулись клубы дыма.

– Я думаю, что вам там понравится. Вас ожидает три года тяжелого труда, но дело того стоит. Помните, Морозов, столь высокой чести удостоивается не каждый.

Дмитрий козырнул.

– Спасибо, товарищ генерал!

Он собирал свои вещи в страшной спешке и спускался по лестнице бегом, времени не осталось даже на то чтобы поделиться потрясающей новостью с Мишей Пономаревым. У дверей Высшей школы его ждал облезлый “москвич”, и все же это был настоящий автомобиль. За рулем сидел солдат Советской Армии. С Дмитрием он не разговаривал.

Пошел снег – первый снег в этом году, и крохотные снежинки таяли на тротуарах. Машина промчалась мимо Красной площади, и Дмитрий мельком увидел огромные панно и транспаранты, выстроившиеся вдоль кремлевской стены. На протяжении последних трех недель тысячи людей работали круглые сутки, чтобы украсить Кремль и Красную площадь к празднику. Примыкающие к Красной площади улицы были заново залиты асфальтом и размечены желтыми пунктирными линиями и стрелками, направляющими движение парадных колонн.

“Москвич” выехал из Москвы по Волоколамскому шоссе. Примерно через километр после того, как они миновали памятник защитникам города в

Великой Отечественной войне, машина свернула на узкую дорогу, петляющую по лесу. Снег к этому времени превратился в частый дождь, и его холодные капли сердито забарабанили по крыше “москвича”. Машина въезжала в какую-то деревню.

– Что это за место? – спросил Дмитрий.

– Юрлово, – отозвался водитель, и Дмитрий увидел, что передние два зуба у него металлические. Из рта его пахло луком.

Тем временем они промчались через деревню, едва не передавив выводок тощих кур. Раздувшийся от злости индюк некоторое время преследовал “москвич” угрожающе клохча, но машина уже выскочила в чистое поле, а затем снова нырнула в мокрый, неприветливый лес. Вскоре слева от дороги замелькала желтая кирпичная стена высотой метра два с половиной, увенчанная завитками колючей проволоки и осколками битых бутылок. У ворот, охранявшихся двумя вооруженными часовыми, машина остановилась.

– Приехали, – сообщил водитель равнодушно, и Дмитрий выбрался наружу, волоча за собой свой вещмешок.

Из караулки с сильно запотевшими стеклами появились двое в гражданских костюмах и непромокаемых куртках. Поверх курток, однако, были надеты кожаные портупей с открытыми кобурами, из которых торчали рубчатые рукоятки пистолетов.

– Документы, – сказал тот, что был поменьше ростом. Дмитрий подал ему свои бумаги. Второй гражданский снова скрылся в караульном помещении, видимо, для того, чтобы позвонить по телефону. Через минуту он вернулся.

– Можете войти, – сказал он. – Пойдете через плац, вторая дверь направо. Там есть табличка “Секретариат”. И – добро пожаловать в Юрлово!

Сказав все это, он остался стоять возле ворот, подозрительно косясь на Дмитрия. Его дыхание вырывалось из ноздрей и изо рта крохотными облачками белого пара.

Полковнику Яковлеву было на вид лет под пятьдесят, но он был крепким широкоплечим мужчиной с красной мясистой шеей, руками борца и выпяченным животом. Его продолговатые глаза, утопавшие в складках жира, смотрели внимательно и настороженно, а небольшой рот под крупным носом почти постоянно улыбался.

– Я буду вашим личным наставником, Морозов. Вашими отцом и матерью, вашим исповедником и вашим самым строгим критиком, – сказал полковник Дмитрию, показывая территорию Центра. – В своей группе вы можете заводить знакомых и друзей, но никаких серьезных привязанностей не допускается. Никакого обмена информацией, касающейся вас лично. Деревню разрешается посещать только по двое, однако устраивать пикники и совместные вечеринки нельзя. Каждую субботу вечером и каждое воскресенье утром отсюда идет автобус до Москвы, который возвращается сюда с площади Свердлова каждое воскресенье вечером.

– Как следует одеваться для поездки в Москву?

– Вам запрещается носить военную форму за пределами территории Центра. Гражданский костюм вам выдадут. Официальная легенда, которой

надлежит придерживаться во всех жизненных ситуациях, состоит в том, что вы студент Московского университета и специализируетесь на изучении международных отношений под руководством профессора Рудина. Позднее я дам вам номер телефона, по которому вы должны позвонить в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Номер телефона вы должны заучить наизусть.

Дмитрий кивнул. Низко над их головами пролетела стая гусей.

– В нашей школе сто двадцать два учащихся, которые разделены на пять групп. В вашей группе будет всего пятнадцать человек. Вы не должны рассказывать курсантам в других группах, к чему вы готовитесь и какие предметы изучаете.

Дмитрий поднял голову. Дождь снова превратился в снег, и с серого неба сыпались редкие крупные хлопья.

По дороге им попались двое в гражданском, которых Дмитрий уже видел у ворот. На длинных поводках они вели свирепых немецких овчарок. Яковлев проводил их взглядом и пояснил:

– Территория охраняется часовыми круглосуточно. Кроме того, по периметру ограды расположены датчики инфракрасного излучения, которые срабатывают на тепло человеческого тела.

Наконец они вышли на открытую площадку, откуда просматривались основные здания Центра.

– Справа, – полковник указал на трехэтажное бетонное здание, – располагаются классы, две отдельные библиотеки – общая и специальная, а также лаборатории, столовая и кабинеты.

– А казарма? – спросил Дмитрий.

– Никаких казарм. Наши учащиеся живут в общежитии, по три человека в комнате...

“Комната! – подумал Дмитрий. – Впервые в жизни у меня будет почти что отдельная своя комната, а не просто койка в стойле для людей”.

Яковлев указал на новое здание, расположенное на противоположном конце двора.

– Там размещаются спортзал и плавательный бассейн с подогревом. В подвале находится стрелковый тир. – Он остановился возле одной из дверей и поправил свою шинель, давая понять, что на сегодня разговор почти закончен. – И последнее, Морозов. Начиная с сегодняшнего дня вы – младший лейтенант. Поэтому ваша стипендия несколько увеличится. Вот теперь, пожалуй, все... – Он помолчал. – Уверен, что завтрашние лекции вам понравятся.

– Почему, товарищ полковник? – удивился Дмитрий, испытующе разглядывая старшего офицера.

– Я читал ваше личное дело, – ответил Яковлев.

* * *

– Если бы Гитлер был убит в 1939 году, то никакой мировой войны вовсе

не было бы, – сказал страшно худой человек в гражданском костюме, который представился им под своим служебным псевдонимом – Октябрь. – Помните об этом. Превентивные акции против преступных элементов могут порой быть не только вполне простительны, но даже жизненно необходимы для защиты демократического общества, в котором вы живете.

Дмитрий чувствовал, что лектор сам верит в каждое произнесенное им слово. У него было изможденное лицо аскета, печальные глаза, глядящие пристально и строго, прямой нос, от которого спускались вниз две глубокие морщины, окаймляющие большой рот, сомкнутый в горькой гримасе. Длинные седые волосы были зачесаны назад и спускались на воротник-стойку черной рубашки. Его лицо светилось каким-то внутренним огнем, отчего оно казалось одновременно зловещим и притягательным. У Дмитрия это лицо вызвало ассоциации и с религиозным мучеником, готовым взойти за свои убеждения на костер, и одновременно со святым отцом-инквизитором, который чувствует сострадание и боль, но тем не менее исполнен решимости именем Христа причинять невыносимые муки своим жертвам. Дмитрий даже подумал, что во времена больших чисток именно такие лица были у палачей.

– Ты знаешь, кто это такой? – шепотом спросил Дмитрий у своего соседа, долговязого, как журавль, белорусского парня по фамилии Табенкин.

– Мне сказали, что это сам генерал Судоплатов, который был заместителем начальника Пятого департамента до 1953 года, – также шепотом ответил ему Табенкин.

Это имя Дмитрию было знакомо.

– Не может быть! – возразил он. – Судоплатова расстреляли вскоре после ареста Берии.

Октябрь строго посмотрел на них.

– В качестве студентов, готовящихся к миссиям практического свойства, вы будете обсуждать и анализировать операции, проведенные вашими предшественниками-чекистами. Эти обсуждения, однако, не должны превращаться в академические семинары. – Он слегка улыбнулся. – Поэтому я начну с того, что расскажу вам о том, как я убил украинского реакционного лидера Коноваленко в Роттердаме в 1938 году...

Итак, лекции по истории Тринадцатого отдела начались с детального описания упаковки швейцарского шоколада, которая разнесла Коноваленко на клочки.

Дмитрий слушал эти кровавые захватывающие воспоминания с замиранием сердца. Он узнал о ликвидации десятков белоэмигрантов в Париже, Гамбурге, Нью-Йорке и Макао, о том, как в 1936 году в НКВД появилось “Управление мокрых дел”, сотрудники которого отыскивали и прикончили в Мексике Льва Троцкого, о том, как департамент был переименован в Спецбюро, занимавшееся физическим устранением влиятельных эмигрантов в Австрии и Германии.

После расстрела Берии Спецбюро снова поменяло название, превратившись в Тринадцатый отдел. Самым удачливым и ловким его сотрудником был двадцатипятилетний украинец Богдан Сташинский. Октябрь

рассказывал слушателям, что Сташинский пришел на эту работу добровольно в возрасте девятнадцати лет, а Дмитрию казалось, что, говоря о Сташинском, Октябрь пристально и внимательно смотрит на него.

Октябрь рассказал им, что в конце пятидесятых годов Сташинский убил в Мюнхене двух украинских националистов-эмигрантов – Льва Ребе и Степана Бандеру. В обоих случаях опытный убийца воспользовался дьявольским изобретением – электрическим пистолетом, стреляющим ампулами с синильной кислотой. Коснувшись человеческой кожи, ампулы сами собой взрывались.

Во время своей следующей лекции Октябрь продемонстрировал курсантам электрический пистолет. Каждый получил по стволу, и на протяжении двух часов курсанты занимались тем, что тренировались заряжать и разряжать оружие. Затем Октябрь вывел их на поляну в лесу, где к деревьям были привязаны пятнадцать собак. Рядом стояли двое солдат госбезопасности, но Октябрь отпустил обоих кивком головы. Открыв запирающийся на шифрованный замок свой атташе-кейс, он выдал каждому из курсантов по ампуле с синильной кислотой и по ампуле с противоядием. Никаких объяснений не требовалось.

– Кто хочет быть первым? – громко спросил Октябрь, оглядывая строй молодых людей своими темными глазами.

Дмитрий сделал шаг вперед и приблизился к одной из собак. Пес, огромный и дружелюбный датский дог, глядел ему в глаза, игриво помахивая хвостом. Дмитрий слегка наклонился к нему и нажал спусковой крючок. Вместо привычного грохота раздался лишь негромкий лязг. Это удивило его, хотя Октябрь и предупреждал, что пистолет бьет почти бесшумно. Огромный пес пошатнулся, завалился на бок, нелепо дрыгая лапами, и издох. Дмитрий торопливо вдохнул противоядие из второй ампулы и, отойдя в сторону и присев на бревно, закурил сигарету, дожидаясь остальных.

Остальные курсанты по очереди приканчивали своих псов в абсолютном молчании. Дмитрий думал, что Октябрь, должно быть, дает им почувствовать вкус и увидеть, сколь эффективно и легко в обращении это оружие.

Когда подошла очередь Табенкина, он не двинулся с места, словно окаменев. Лицо его стало смертельно бледным, а в глазах появилось беспомощно-глуповатое выражение. Дмитрий вскочил, вырвал из его руки пистолет и пристрелил последнего пса – немецкую овчарку с облезлой тусклой шерстью. Поворачиваясь назад, он заметил, что Октябрь задумчиво наблюдает за ним.

В тот же день Табенкин был исключен из Центра подготовки. В группе Морозова осталось только четырнадцать человек.

Примерно через неделю Октябрь вывез “неприкасаемых” – именно так они стали называть себя, посмотрев по телесети Центра американский сериал, – на секретный объект КГБ в районе Внукова, известный также под названием “Камера”, где разрабатывались смертоносные и в то же время практически не обнаружимые отравляющие вещества и яды. Там Октябрь провел их по лабораториям, где молчаливые исследователи в белых халатах подвергали

морских свинок воздействию различных веществ.

– Изготавливаемые ядовитые вещества должны отвечать двум требованиям, – объяснил Октябрь. – Во-первых, они должны убивать быстро и наверняка. Во-вторых, смерть должна выглядеть так, словно она произошла в силу естественных причин.

Когда один из курсантов оступился и непроизвольно оперся рукой о лабораторный стол, заставленный пробирками и колбами, Октябрь круто обернулся.

– Ничего не трогать! – резко предупредил он. – Иначе через несколько часов можете загнуться.

Курсанты обменялись взглядами, недоумевая, не шутит ли над ними преподаватель.

Экскурсия в лабораторию ядов завершала первый этап подготовки курсантов, когда они учились применять всякие хитроумные приспособления. Следующее занятие питомцев Октября было чисто практическим – использование в качестве оружия собственных рук. Пожилой, но крепкий еще чекист с огромными руками по фамилии Санаков рассказывал курсантам о том, как был убит в Бухаресте изменник Агабеков. После подробного изложения мельчайших подробностей этого события Дмитрий поднял руку и задал вопрос:

– Откуда вам известны такие детали? Ведь считается, что в тот день Агабеков и его убийца были одни.

– Я и был его убийцей, – невозмутимо пояснил Санаков.

* * *

Зима подходила к концу, когда Дмитрия вызвал к себе полковник Яковлев.

– Скажите, Морозов, случалось ли вам практиковаться в наружном наблюдении? Дмитрий пожал плечами.

– Только в “Вышке”, обычный обязательный курс.

– Завтра у нас будут однодневные полевые занятия в Москве. Участвуют все курсанты. Каждый получит под опеку одного из установленных разведчиков, выбранного наугад. За ним надлежит следить на протяжении всего дня, после чего подробно доложить, чем упомянутый иностранец занимался весь день. Начнете завтра в шесть, так что сегодня лучше пораньше лечь.

Над Москвой вставал бледный рассвет, а от замерзшей Москвы-реки поднимался грязно-серый туман, медленно растекающийся по набережным и вползающий в промежутки между домами и прилегающие переулки. По улицам осторожно пробирались первые автомобили, объезжая сугробы у тротуаров и скользя по обледеневшим за ночь мостовым. Уличные фонари напоминали парящие в воздухе шары желтого света.

Старенький “ЗИС” занесло на скользком асфальте, и он едва не сбил с ног Дмитрия, пересекавшего Ленинский проспект. Дмитрий тоже поскользнулся, но чудом устоял и осторожным шагом преодолел оставшиеся несколько метров мостовой, отделявшие его от подъезда дома 74. Это мрачное и темное крыльцо

в доме девятнадцатого века он выбрал в качестве наблюдательного пункта. Объектом его наблюдения был дом 78, заселенный в основном иностранцами. Дмитрий должен был следить за неким Чарльзом Сент-Клером, канадским бизнесменом. Поначалу, правда, ему достался другой объект – итальянец, профессор, знаток искусства Возрождения, но один из “неприкасаемых”, Юрка Савонов, заболевший накануне, к полуночи почувствовал себя совсем плохо. У него поднялась температура, и он был освобожден от участия в учениях, а его объект передали Дмитрию.

Откровенно говоря, Морозов был разочарован. Итальянцы всегда нравились ему больше других, и он уже предвкушал, как будет следовать за профессором в его неспешном путешествии по московским музеям. Вместо этого ему предстояло следить за скучным канадцем – экспортером рыбы и икры. В Москве он представлял интересы монреальской компании “Делис дю Норд”, офис которой располагался на улице Горького. На фото в его личном деле Дмитрий увидел щегольски одетого мужчину в возрасте чуть старше пятидесяти лет с вьющимися каштановыми волосами, которые, как ему показалось, были крашеными. Холеное лицо украшали франтоватые усики, а глаза казались светлыми на смуглом лице. Как указывалось в фотокопии его канадского паспорта, глаза господина Сент-Клера были зеленого цвета.

Личное дело Сент-Клера вел Седьмой отдел Второго Главного управления КГБ, которое занималось контрразведкой. В досье говорилось, что канадский мсье вел холостяцкую жизнь и отличался некоторыми привычками, которые обходились ему недешево. Сент-Клер любил модную яркую одежду, был равнодушен к ювелирным украшениям, и его пальцы были унизаны массивными золотыми перстнями. Свободное время канадец проводил в московских валютных ресторанах. Был он и любителем балета и аккуратно посещал Большой театр почти каждую неделю.

Дмитрий поднял воротник тяжелого коричневого пальто, полученного специально для выполнения сегодняшнего задания. Город постепенно оживал под оранжевым диском солнца, поднявшегося над Ленинскими горами. Утренний морозный туман рассеялся, и Дмитрий смог разобрать огромный плакат, установленный на крыше противоположного здания: “Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!” В утреннем небе возник острый шпиль Московского университета, звезда на его вершине казалась тусклой из-за покрывавшей ее изморози.

По проспекту мчались многочисленные машины. Из подъездов домов стали появляться жители, зябко кутающиеся в пальто.

Рядом с Дмитрием неожиданно появился милиционер. Это был молодой парень с гладкими румяными щеками.

– Кого-нибудь ждете, товарищ?

Дмитрий небрежно взмахнул красной книжечкой сотрудника КГБ, полученной накануне. Милиционер сразу поскущел и отошел. Милиция не любила КГБ – офицеры этого ведомства получали более высокие оклады, их лучше одевали и кормили, и, конечно же, они обладали гораздо большей властью.

В семь часов сорок пять минут Сент-Клер вышел из подъезда своего дома и подошел к “мерседесу” с шофером и с иностранными номерными знаками. На нем были бежевое пальто из теплой верблюжьей шерсти с меховым воротником и дорогая норковая шапка. Дмитрий снова пересек проспект и уселся в казенный побитый “запорожец”, полученный им также для сегодняшнего задания. Сент-Клер ехал на работу, и Дмитрий не торопился. Минут через двадцать он уже тормозил на улице Горького, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сент-Клер входит в представительство своей компании.

Отметив время выезда и время прибытия, Дмитрий припарковал машину у обочины и развалился на сиденье.

“Ну и скучища”, – думал он. Дмитрий был уверен, что до обеда Сент-Клер не появится, и ему ничего не оставалось, кроме томительного ожидания.

Канадец вышел из здания в двенадцать тридцать и пешком отправился к центру города. Он вел себя так, будто тоже читал отчеты ребят из “семерки”. Дмитрий вошел за ним во вращающиеся двери гостиницы “Национала” и снова вынужден был предъявить вооруженным милиционерам свое удостоверение КГБ. Только после этого его пропустили.

В ресторане “Русалка” Дмитрий заказал бутерброды с колбасой, исподтишка наблюдая за Сент-Клером, который расправлялся с дымящимся бифштексом на противоположном конце зала. Когда Сент-Клер закончил обедать, Дмитрий вышел на улицу вместе с ним.

Только после того, как они пересекли запруженную народом улицу Станиславского, Дмитрий сообразил, что канадец его заметил.

Поначалу в поведении Сент-Клера не было ничего странного, просто слегка изменилась походка. Затем последовали два ничем не мотивированных перехода улицы. Пару раз Сент-Клер задерживался у витрин и подолгу стоял, словно любясь своим отражением.

Все это, однако, были давно известные шпионские приемы, и Дмитрий сомневался, что компания “Делис дю Норд” обучает своих сотрудников подобным штукам. Слегка насторожившись, Дмитрий продолжал преследовать Сент-Клера, умело применяющего приемы, не соответствующие занимаемому им положению.

Канадец вошел в большой гастроном на улице Горького, однако ничего не купил и вышел из магазина через второй выход на улицу Огарева. То же самое он проделал в кафе “Крымское”. Вскоре после этого он неожиданно развернулся и пошел в обратном направлении, так что Дмитрий был вынужден поспешно нырнуть в дверь книжного магазина. Сент-Клер не пытался стряхнуть его – теперь он возвращался в свою контору. Похоже, он просто хотел убедиться в том, что за ним следят.

Внезапно он вошел в телефонную будку, снял трубку и стал набирать номер. Это было в высшей степени странно. Для чего ему понадобилось звонить из уличного таксофона, когда представительство компании “Делис дю Норд” находилось в двухстах метрах от него? Может быть, он просто хотел воспользоваться линией, которая не прослушивается КГБ?..

Дмитрий смотрел, как Сент-Клер вешает трубку, идет по улице и

возвращается прямым в свою контору, не задерживаясь у витрин магазинов и не переходя на противоположную сторону. Он хотел было позвонить полковнику Яковлеву с предварительным докладом, так как поведение канадца казалось ему весьма подозрительным, но тщательно поразмыслив, он решил обождать со звонком. Может быть, Сент-Клер, почувствовав слезку, попытался удостовериться в этом, применяя приемы, о которых он читал в шпионских романах.

Незадолго до наступления темноты Дмитрий позвонил в службу прослушивания телефонов Второго Главного управления. Назвав себя, он спросил, не было ли каких-нибудь необычных исходящих звонков из кабинета Сент-Клера сегодня во второй половине дня.

– Нет, – ответила ему раздраженным низким голосом женщина – дежурный оператор, – никаких необычных звонков мы не зафиксировали... кроме звонка в театральную кассу. Клиент заказал место в Большом на вечернее представление “Жизели”.

Когда Дмитрий поинтересовался, чего же тут необычного, женщина, раздражаясь еще сильнее, объяснила.

– Он всегда заказывает билеты минимум за неделю. К тому же, судя по нашим материалам, на “Жизель” он ходил на прошлой неделе.

* * *

Когда поднялся занавес и начался первый акт “Жизели”, Дмитрий стоял в полутемной ложе, наблюдая за Сент-Клером. Канадец сидел в шестом ряду рядом с компанией шумных американцев.

Попасть сюда оказалось проще простого. Дмитрий явился в театр за полчаса до начала спектакля, продемонстрировал администратору свое удостоверение и тут же получил все, что ему было необходимо. Магические три буквы “КГБ” сработали безотказно, и Дмитрий наслаждался своей властью, которая понемногу кружила ему голову.

В антракте Сент-Клер небрежно прошел по проходу между креслами и выбрался из зала. Дмитрий ринулся за ним, расталкивая посетителей локтями. Когда он наконец очутился в ярко освещенном фойе, канадца нигде не было видно. Дмитрий даже прошел в мужской туалет, но Сент-Клер как сквозь землю провалился. Его не было ни в вестибюле, ни в буфете, ни в раздевалке.

Дмитрий почувствовал признаки надвигающейся паники. Неужели Сент-Клер воспользовался толчеей, чтобы покинуть театр? Ему было ясно, что завтра же он станет посмешищем всего Юрлова, когда там узнают, как легко обвел его вокруг пальца простой любитель.

Раздался звонок, призывающий зрителей на второй акт, и из бокового прохода появился Сент-Клер собственной персоной. Он выглядел совершенно спокойным, даже каким-то удовлетворенным. Раздав в высокой пепельнице толстую сигару, он вошел в зрительный зал и пробрался на свое место. Дмитрий, не спуская с него глаз, оставался в вестибюле, наблюдая за людьми, которые появлялись из того же коридора. В основном это были

респектабельные супружеские пары, которые одна за другой спешили в зал, торопясь занять места. Когда прозвучал последний звонок и поток зрителей почти иссяк, в коридоре показался одинокий мужчина.

Дмитрий застыл на месте. Этого человека он знал, они встречались с ним несколько лет назад. Дмитрий помнил это красивое лицо, подбородок с ямочкой, шрам на скуле. Внезапно его осенило: это же полковник Калинин, офицер ГРУ, самый дружелюбный из членов государственной приемной комиссии, приезжавшей в детдом на собеседование с ним! Именно после его замечаний комиссия согласилась с тем, что лояльность Дмитрия не вызывает ни малейших сомнений.

Теперь же Дмитрий пристально уставился на полковника. Он не сомневался в том, что Олег Калинин тоже узнал его, так как, входя в зрительный зал, полковник улыбнулся ему и дружелюбно кивнул.

Теперь Дмитрий остался в пустынном фойе один. Интересно, что делал здесь Калинин? Неужели он встречался с Сент-Клером? Но ведь не меньше двух десятков человек тоже пришли с этой же стороны!..

Раздумывая об этом, Дмитрий медленно пошел по коридору. Он привел его к лестничному пролету, спускавшемуся на галерею, где были выставлены яркие афиши и большие фотографии со сценами из разных балетных спектаклей. В дальнем конце галереи он обнаружил две двери. Дмитрий подергал их, но обе двери оказались запертыми. Неужели у Калинина есть свой ключ? Может быть, он встречался с Сент-Клером в одной из этих комнат?

Нет, это предположение было уж слишком невероятным. Сент-Клер мог встречаться с любым человеком из двадцати с лишним мужчин и женщин, посетивших эту галерею.

После того как спектакль закончился, и Жизель с изяществом отошла в лучший мир, Дмитрий сопроводил Сент-Клера до его квартиры и поехал в Юрлове. Встреча с Калининным не шла у него из головы. Должен ли он упомянуть об этом в рапорте? Бросив тень необоснованных подозрений на офицера советской разведки, он рисковал многим: это могло стоить ему карьеры, если не головы. И он решил обдумать это еще раз, утром следующего дня, когда он должен будет готовить свой рапорт.

Однако его рапорт так никогда и не был написан.

– Морозов! Подъем!

Острое, зловещее лицо Октября выплыло из темноты в обрамлении тонких седых волос. “Мне снится плохой сон”, – подумал Дмитрий и отвернулся, стремясь укрыться от этого опаляющего взгляда, однако хриплый голос продолжал преследовать его, вторгаясь в сознание, подчиняя своей воле, своим приказам и распоряжениям, а в плечо впиалась костлявая, сильная рука.

– Вставай! Одевайся! Форма парадная. Через десять минут быть у ворот. Повтори.

В своей неизменной черной рубашке, с нимбом развевающихся вокруг головы длинных седых волос, с лицом настолько худым, что оно напоминало череп, Октябрь походил на ангела смерти. Дмитрий сел на кровати, бессмысленно плясая в темноту.

– Так точно, Октябрь! – Он повторил распоряжения своего наставника, однако тот уже склонился над его соседом по комнате Виктором Селецыным. Финн Арно Туоми – третий курсант, деливший с ними комнату, – уже одевался, действуя быстро и аккуратно.

Дмитрий отбросил одеяло. На часах было четыре часа пятнадцать минут. Октябрь уже исчез из комнаты, и Виктор просыпался, сыпля проклятиями.

– Твою мать! – гремел он. – Четыре утра! Черт бы побрал эту грёбаную школу, черт бы побрал грёбаную госбезопасность, черт бы побрал вас обоих, так вашу мать!

Последняя “мать” относилась к Арно с Дмитрием, которые снисходительно поглядывали на товарища.

Первой мыслью, пришедшей в голову Дмитрию, была мысль о войне, однако, когда около ворот Центра он увидел только “неприкасаемых”, он отказался от этой идеи. Должно быть, разразился правительственный кризис или кто-то умер. Он знал, что, когда умер Сталин, войска МГБ были размещены по всей Москве. Однако и это соображение не объясняло, почему среди ночи разбудили только их группу и почему остальные курсанты учебного Центра продолжают спокойно спать.

Снаружи, у самых ворот, стоял армейский “ЗИЛ”. Его двигатель негромко урчал и покашливал, а из выхлопной трубы тянулся синевато-белый дымок. Дмитрий вскарабкался в затянутый брезентом кузов и зябко ссутулился на скамейке в углу, закуривая сигарету. Виктор Селецын тяжело плюхнулся рядом с ним и проворчал:

– Готов поспорить, снова какое-то упражнение. Будь проклят тот день, когда мне встретился этот собачий сын Октябрь!

Когда все четырнадцать “неприкасаемых” забрались в кузов, грузовик взревел двигателем, загредел коробкой передач, зашипел гидравликой и тронулся. Они были слишком сонные, чтобы разговаривать, и в темноте кузова только тлели кончики нескольких сигарет. Когда машина проезжала через Юрлово, сонно залаяла собака, ее поддержали другие. Дмитрий раздавил недокуренную сигарету на полу и, завернувшись в шинель, продремал весь остаток пути.

Он проснулся, когда грузовик неожиданно резко затормозил. Луч мощного фонаря осветил кузов, скользнул по лицу Дмитрия и на мгновение ослепил его, вызвав в памяти ночь у каменоломни, когда он сражался с Кузьмой Буниным. Машина стояла у какой-то дорожной заставы. Очевидно, их остановили для проверки. Дмитрий слышал голоса, торопливые шаги, гул мощных моторов. Их грузовик тронулся с места и снова остановился, проехав совсем немного. Яркий свет, просачиваясь сквозь малейшие дыры в брезентовом тенте кузова, брызнул внутрь.

– Всем выйти! – раздалась резкая команда, и Дмитрий узнал хриплый голос их наставника.

Он выпрыгнул из кузова. Все вокруг было ярко освещено многочисленными мощными прожекторами и батареями красных, белых и синих огней, расположенных двумя ровными параллельными рядами на земле.

Они были на взлетной полосе аэродрома. За их спинами высилось огромное здание терминала, выстроенного из бетона и стекла. Большинство окон было ярко освещено. На противоположной стороне взлетной полосы, в длинном здании, разделенном на открытые боксы, Дмитрий разглядел силуэты пожарных и буксировочных машин, а также несколько белых машин “скорой помощи”. Справа маячили в темноте огромные прямоугольные ангары, а на площадке по левую руку от них стояло несколько пассажирских самолетов. Один из них, принадлежавший, судя по надписи на борту, компании “Пан Американ”, обслуживали техники в светлых комбинезонах.

– Ё моё! – прошептал за спиной Дмитрия Селецын. – Это же Внуково!

В международном аэропорту кипела жизнь. То и дело проезжали военные грузовики, из которых выгружались солдаты в форме пограничных войск, немедленно занимая позиции внутри и вокруг здания аэровокзала. Милиционеры и люди в гражданском торопливо пробегали по летному полю. Громоздкие тягачи, взревев моторами, потянули от кишки перехода огромный лайнер, и сквозь высокие окна курсантам стало видно элегантное убранство депутатского зала.

– Взгляните-ка на флаги, – пробормотал Арно. Рядом с красным флагом СССР реяли на ветру огромные оранжево-бело-зеленые полотнища.

– Это чьи такие? – спросил Дмитрий.

– Индийские, – подсказал кто-то из темноты. – Индира Ганди прибывает с государственным визитом.

Арно и Дмитрий повернулись к Виктору Селецыну, и он не разочаровал их.

– Грёбаная Индира! – простонал он.

– Идите-ка за мной! – раздался совсем рядом резкий голос Октября.

Этот человек обладал, по-видимому, редкой и не слишком приятной способностью неожиданно возникать словно из-под земли, причем никто, как правило, не замечал, как и когда он приблизился. Придерживая на плечах развевающийся не по погоде легкий плащ. Октябрь ввел их в полутемный зал, похожий на зал отлета.

Курсанты сгрудились вокруг своего наставника.

– Московский центр постигла настоящая катастрофа. Офицер Тринадцатого отдела полковник Лялин оказался предателем, – сказал Октябрь, и его глаза странно блеснули в темноте. – Он передал английской “Интеллидженс сервис” имена ста пяти наших агентов. Всех их англичане выдворили из страны. – Помолчав, он продолжал: – Гораздо хуже другое. Лялин рассказал противнику о существовании Тринадцатого отдела. На протяжении нескольких лет нам удавалось скрывать существование подразделения, специализирующегося на террористических актах. Лялин раскрыл врагам имена наших сотрудников, работающих за рубежом, и всем им пришлось в спешке бежать, спасая свои жизни. Уже вечером все они оставили важнейшие города Европы и Америки. Надеюсь, им удастся добраться домой живыми.

– А что будет с нашим отделом? – спросил Арно.

Кто-то зажег спичку, прикуривая, и Дмитрий разглядел серьезные, напряженные лица товарищей.

– Нашего отдела больше не существует, – сказал Октябрь.

– Но его можно восстановить, – предположил Дмитрий.

– Вы правы, Морозов. – Октябрь как-то странно крикнул. – Но для этого нам нужны новые люди, совершенно неизвестные, чьих имен не было бы ни в одном из списков, к которым мог иметь доступ предатель Лялин. Нужна совершенно новая команда.

– Если хотите, мы станем этой новой командой, – сказал Дмитрий. Темнота и напряженная атмосфера кризисной ситуации позволили ему пренебречь субординацией.

– Я должен убедить политическое руководство в том, что это возможно.

– А политическое руководство... – начал Дмитрий.

– Товарищ Брежнев прервал свою поездку по Чехословакии. Его самолет сядет через несколько минут. Председатель КГБ Андропов и большинство членов Политбюро уже здесь. Я надеюсь, мы сумеем убедить их.

Дмитрий задумался, почему встреча происходит именно здесь, а не в Москве. Ответ казался очевидным: Октябрь хотел поговорить с Брежневым до того, как он встретится с другими руководителями КГБ, которые могут посоветовать ему нечто прямо противоположное. Лишь только он подумал об этом, как сразу весь план Октября стал ему предельно ясен: он пытался использовать ситуацию с изменой Лялина в свою пользу и возглавить Тринадцатый отдел. Может быть, он даже предложил Андропову представить членам Политбюро новое оперативное подразделение, способное заменить Тринадцатый отдел. У Андропова, должно быть, есть немало причин, чтобы принять его предложение; в частности, предложение Октября снимало лишнюю головную боль, связанную с ликвидацией последствий измены Лялина. “Неприкасаемых” же привезли во Внуково для того, чтобы доказать всему Политбюро, что у КГБ есть отлично подготовленные резервы, готовые выполнять любые сложные задания. Если Октябрю удастся убедить Брежнева, то на этом их подготовка закончится, и “неприкасаемые” станут новым “Управлением мокрых дел”. Одновременно закончится и ссылка Октября в Юрлово.

– А как же Индира Ганди? – спросил Босджанов, казах из Алма-Аты.

– Она прилетает сегодня, – объяснил Октябрь, – но центральная диспетчерская будет держать ее самолет в воздухе до тех пор, пока не закончится заседание Политбюро.

Оглядев свою маленькую армию, он добавил:

– Мне нужно идти. Оставайтесь здесь и ведите себя тихо.

На рассвете приземлился личный Ил-62 Брежнева. Самолет немедленно отбуксировали к входу в депутатский зал. Дмитрий и его товарищи смотрели из окна, как грузный Генеральный секретарь спускается по трапу, целуется и обнимается с товарищами из Политбюро. Крупные снежинки кружились над головами советских руководителей и опускались им на плечи.

Одним из последних к Брежневу подошел Андропов, но тот только

холодно посмотрел на председателя КГБ и пожал ему руку. Затем все члены Политбюро вошли в депутатский зал. Октября нигде не было видно.

Курсанты сидели в неудобных пластиковых креслах и ждали. Арно и запасливый Босджанов принялись играть в карты, и некоторые из “неприкасаемых” присоединились к ним. Круглолицая стюардесса в белоснежном фартуке принесла им безвкусный кофе с печеньем.

Дмитрий не ел и не участвовал в карточной игре. Стоя у окна, он смотрел, как снег укрывает тонким покрывалом летное поле, серые взлетные полосы и шеренгу изящных самолетов на стоянке. Здесь, во Внукове, были ворота в другой мир, в другую жизнь.

– Товарищи офицеры!

В дверях комнаты стоял Октябрь, его лицо ничего не выражало.

– Оставить здесь шинели и построиться снаружи. Это ненадолго, – приказал он.

Дмитрий бросил взгляд через плечо. Несколько “чаек” медленно подруливали к депутатскому залу, чтобы забрать и развезти по домам членов Политбюро.

– Председатель Андропов хочет лично пожать вам руки – сказал Октябрь, и в его голосе проскользнула нотка триумфа. Потом он замолчал, однако налицо его вползала хитрая улыбка. – Поздравляю вас. Вы зачислены на службу в Тринадцатый отдел.

Глава 9

Нину увезли в Маунтзейский госпиталь с прободением язвы в тот же день, когда Алекс уехал в Браун. Это был прекрасный прозрачный теплый сентябрьский день. Утром она стояла у окна и смотрела, как он грузит свои вещи в свой первый автомобиль – ярко-красный “мустанг” с откидным верхом. Этот подержанный автомобиль Алекс приобрел на свои деньги, проработав все лето на бруклинской мойке машин.

Первый приступ боли в животе Нина почувствовала в тот момент, когда Алекс внизу обменялся долгим прощальным поцелуем с Клаудией. Девчонка прижалась к нему всем своим телом, обняв так, словно Алекс целиком принадлежал ей одной. Положительно, у нее нет никакого стыда, раз она ведет себя таким образом прямо посередине улицы, на глазах у всех, словно потаскуха.

Нина была счастлива, что Алекс уедет из Нью-Йорка. Она была уверена, что в Университете Брауна Алекс встретит других девушек и позабудет свою маленькую итальянку. Поджав губы, Нина наблюдала за ними из окна до тех пор, пока они не разжали объятия и Алекс не укатил прочь. Потом она пошла на кухню, чтобы заварить себе чаю, но по дороге рухнула на исцарапанный паркет.

Она очнулась в госпитале примерно три часа спустя. Ее нашла уборщица Майра, пришедшая убирать в квартире. Слава богу, Майра не стала вызывать “скорую”, а попросила соседа донести Нину до такси. Нина готова была скорее

умереть, чем позволить нести себя в машину “медицинской помощи”, которая под вой сирен и вспышки красных огней повезет ее через весь город на потеху соседям. Она успела заставить Майру поклясться, что та не скажет никому ни словечка о ее болезни, однако Майра, конечно же, не способна была хранить секрет дольше пятнадцати минут. Ее огромный рот почти никогда не закрывался, и новость о болезни Нины распространилась по округе со скоростью лесного пожара в ветреный день.

На следующий день примчался из Провиденса Алекс. Впоследствии Нина узнала, что он только-только приехал в студенческий городок и еще не начал распаковывать вещи, когда Клаудия сообщила ему о несчастье. Алекс бросился в аэропорт и сел на первый же самолет до Нью-Йорка. Когда Нина в очередной раз вышла из забытья, он сидел в изголовье ее больничной койки.

– Ниночка, любимая моя, – сказал он по-русски, с мягкими и ласковыми интонациями. – Как ты могла так поступить со мной, родная моя?

Несмотря на все ее возражения, Алекс оставался с ней на протяжении шести дней, пока доктор Шапирштейн не решил, что можно обойтись без операции. Тогда Алекс отвез ее домой и взял с нее слово, что она не будет забывать вовремя принимать лекарства, станет следить за своей диетой и не будет расстраиваться. На седьмой день он вернулся в Браун.

Лишь только дверь за ним закрылась, в квартире повисла тяжелая тишина. Отчаяние и одиночество прокрались в сердце Нины.

Так начались для Нины годы унылого одиночества. Смерть Самуэля положила конец той жизни, которую она ненавидела всем сердцем, но к которой успела привыкнуть. Вот теперь и Алекс расправил крылья и оставил ее в одиночестве. Из-за болезни она вынуждена была оставить работу, а ее товарищи из Движения в защиту мира либо умерли, либо разочаровались. Единственным светлым пятном в ее одинокой жизни был теперь Алекс.

На протяжении последующих четырех лет Нина жила ожиданием его писем, телефонных звонков и коротких наездов домой на выходные и праздники. Она читала его учебники, его университетские работы и расспрашивала о преподавателях и профессорах. Вскоре она знала об Университете Брауна почти все, ни разу там не побывав. В летние месяцы Алекс возвращался на каникулы, и Нина чувствовала себя счастливейшим человеком на свете. Понемногу Алекс превратился в привлекательного, уверенного в себе молодого человека, и Нина не сомневалась, что он станет выдающимся ученым.

Однако нередко бывало и так, что Нина, сидя у окна, погружалась в размышления и ее охватывало ощущение неудачи. Алекс, ее Алекс неотвратимо отдалялся, уходил от нее. Мальчик, которого она воспитала и чье мировоззрение формировалось под ее непосредственным влиянием, молодой человек, которого она хотела видеть достойным памяти своей сестры, избрал свой, чуждый ей путь. Трещина между ними продолжала увеличиваться с каждым днем.

Она вспоминала, как с огорчением заметила, что уже в детстве Алекс не остался равнодушным к многочисленным соблазнам, которыми была полна

Америка. Это были игры, кино, спорт... Он вырос и полюбил Америку больше, чем Россию. Еще в детстве и ранней юности Алексу нравился Джон Кеннеди, несмотря на его агрессивную политику на Кубе и во Вьетнаме. Гибель обожаемого президента от руки убийцы повергла мальчика в отчаяние. Следующее потрясение настигло его, когда он узнал правду о смерти родителей. Он еще не был готов понять и примириться с подобными ужасными фактами. Его восхищению Советской страной был нанесен сокрушительный удар, к тому же он был глубоко возмущен тем, как советская бюрократическая машина поступала с его письмами к брату.

А потом появилась эта девчонка, вскружившая ему голову. Нина была убеждена, что Клаудия – худшее из несчастий, которые свалились на голову Алекса. Конечно, она не возражала против того, чтобы у Алекса появилась подружка, однако эта итальянка всерьез завладела Алексом и намеревалась отнять его у нее. Нина хорошо помнила свою киевскую юность, когда в шестнадцать лет она сама была околдована Сашей Колодным. Как-то в самом начале романа Алекса она намекнула, что ему следует больше времени уделять учебе.

– Не беспокойся о Клаудии, – сказала она тогда. – Твоя Клаудия никуда не убежит.

– Что это, Нина?! – Алекс приподнял брови в шутливом удивлении. – Ты, кажется, ревнуешь?

– Прекрати! – резко оборвала она его.

Наверное, она действительно ревновала, однако ей казалось, что она имеет на это право. В конце концов, всю свою жизнь она посвятила ему одному. Она так любила их спокойные вечера, когда они вдвоем слушали классическую музыку или обсуждали русскую литературу или историю. Теперь у Алекса вдруг не стало хватать для нее времени. Всеми его свободными вечерами завладела эта нахальная девчонка со смазливym личиком и крепкой молодой грудью.

Между тем Клаудия была с Ниной очень приветлива, и Нина старалась отвечать тем же, хотя подчас ей бывало нелегко сдерживать свою неприязнь, которую она испытывала всякий раз при встрече с итальянкой. Спазмы перехватывали ей горло, кровь отливала от лица, а тон, каким она разговаривала с соперницей, становился холодным и враждебным.

Самое неприятное заключалось в том, что Алекс влюбился не только в девчонку; ему пришлось по сердцу вся семья Беневенто. В их доме он проводил гораздо больше времени, чем в своей квартире. Беневенто буквально поглотили его, обращаясь с ним так, как обращались бы с одним из своих. Им удалось дать ему то, чего у Алекса никогда не было, – чувство полноценной семьи.

Незадолго до того, как Алекс уехал учиться в университете, между ним и Ниной произошла серьезная ссора. Приближение этого события Нина предвидела уже давно, однако, когда катастрофа разразилась, она оказалась к ней совершенно не готова. Началось все тревожным летом 1967 года, когда на Ближнем Востоке разгорелась война между Израилем и его соседями. В один из дней Алекс вернулся из школы, проклиная русских на чем свет стоит. Брежнева

он готов был задушить своими собственными руками, а Моше Даян, генерал израильской армии, напомиравший черной повязкой на глазу благородного морского разбойника, вызывал у Алекса искреннее восхищение. Нина попыталась объяснить мальчику позицию Советского Союза, однако он крикнул ей что-то обидное и выбежал из дома, громко хлопнув дверью.

Год спустя русские танки вторглись в Чехословакию, и Алекс организовал в студгородке Брауна марш протеста. Этому событию уделили свое внимание две программы телевизионных новостей, и Нина увидела своего Алекса, выступавшего с горячей речью, в которой он обличал “красный империализм” и агитировал толпу против “советской агрессии”. Нине стало так стыдно, что всю ночь ее мучили сильные боли в желудке, однако она не стала обращаться к врачам. Несколько дней подряд она не отвечала на телефонные звонки, боясь, что кто-то может позвонить ей по поводу выступления Алекса на митинге.

Немного успокоившись, Нина решила прибегнуть к новой тактике. Она станет избегать прямых столкновений, призывая на помощь логику и здравый смысл. Когда Алекс приехал погостить на уик-энд, она приготовила для него кофе и, расставляя чашки на кухонном столе, попыталась объяснить происходящее.

– Израиль, – сказала она, – является империалистическим государством, это всем известно. Моше Даян сражался еще против британской армии. Восстание в Чехословакии было частью заговора западных держав, и Советская Армия вошла в Прагу по просьбе чешского народа.

Алекс был вне себя от огорчения.

– Как ты можешь так говорить, Нина? Стоит русским свистнуть, как ты тут как тут, с готовностью щелкаешь каблуками! Неужели так трудно подумать своей головой?

Нина почувствовала знакомую резь в животе и опустила на стол свою чашку. Пальцы ее дрожали так, что кофе пролился на стол.

– Значит, Клаудия такого обо мне мнения?

Она сказала это, не подумав, и тут же пожалела о своих словах. В глазах Алекса вспыхнула бешеная ярость.

– Оставь ее в покое, Нина! Это касается только нас двоих – тебя и меня.

Нина не нашлась, что ответить. Она поднялась и вышла из-за стола. В коридоре Алекс догнал ее и крепко обнял за плечи.

– Я очень люблю тебя, Нина, – сказал он. – Я всегда буду любить тебя, но твоя фанатическая преданность кремлевским идолам выводит меня из себя. Я не в силах переносить этого больше.

После этого разговора Алекс стал приезжать к ней гораздо реже, но Нина выдержала характер. Ни разу за все годы его учения она не позвонила Клаудии Беневенто, чтобы справиться о здоровье и успехах своего племянника.

* * *

В январе 1971 года в дверь ее квартиры кто-то негромко постучал. Нина как раз пила чай за столиком у окна гостиной, наблюдая за беспорядочной

пляской редких снежинок в холодном воздухе. Январский снег всегда напоминал ей о последних днях Тони, и она погружалась в мрачное, подавленное состояние.

Заслышав стук, она встала и быстро пошла к дверям. Даже проводя в одиночестве целые дни, она одевалась аккуратно и нарядно, а в тот день на ней было самое лучшее платье в белый горошек с белоснежным крахмальным воротником и черные кожаные туфли.

На пороге стоял молодой человек. На вид ему было не больше тридцати. Одет он был отнюдь не богато: в бежевую куртку из грубой шерсти, протертую на локтях, коричневые брюки из хлопчатобумажной английской ткани и желтые ботинки на толстой подошве. Шея его была замотана толстым вязаным шарфом, на носу криво сидели сильные очки. На неопрятных длинных волосах таяли снежинки.

– Миссис Крамер?

– Да?

– Надеюсь, я не очень вас беспокоил? – поинтересовался незнакомец, и, прежде чем Нина успела ответить, он уже вошел в прихожую, оставляя на ее ковре мокрые следы. – Мое имя Дэвид Хьюз, я писатель.

Он говорил с сильным британским акцентом, который только подчеркивал старомодность его наряда.

– Могу я с вами поговорить?

– О чем? – спросила Нина.

“Неужели об Алексее?” – подумала она с тревогой.

– Об Александре Колодном.

Нине потребовалось несколько минут, чтобы до конца осознать услышанное. Саша Колодный, ее Саша! Она не слышала этого имени вот уже почти тридцать лет. У нее даже закружилась голова, и она вынуждена была ухватиться за спинку стула, чтобы не упасть.

– Саша? Вы знаете Сашу?

– Он был вашим мужем, не правда ли? – Глаза Хьюза заметались за стеклами очков, оглядывая квартиру.

– Нет, не мужем. – В минуты волнения английский язык Нины становился еще более неуклюжим. – Саша. Он умер? – удалось вымолвить ей наконец.

Сердце бешено колотилось в ее груди.

– Нет, насколько мне известно, – сказал англичанин, проходя в гостиную. – Можно мне присесть?

– Где он? Где Саша?

Не дождавись приглашения, англичанин уселся в одно из кресел.

– По правде говоря, я надеялся, что вы расскажете мне об этом. – Он огляделся по сторонам и разочарованно сморщил нос. Очевидно, он рассчитывал увидеть на стенах портреты Александра Колодного.

– Мне сказали, что он был вашим первым мужем.

Нина покачала головой.

– Мы не были женаты. Он был моим... другом.

– Понятно, – кивнул Хьюз, расстегивая свою куртку. – Видите ли, я пишу о

нем книгу. Мне казалось, что вы сможете мне помочь.

Нина напряженно опустила на краешек стула, затем снова встала.

– Книгу? О Саше? Зачем это вам понадобилось? Все это было очень подозрительно, впрочем, и самозванный писатель тоже не внушал ей доверия. О Саше она не слышала с самого начала войны, с того дня, как получила письмо из Парижа от Эмилии Майер.

Дэвид Хьюз улыбнулся, обнажая большие, как у кролика, зубы.

– Вы прекрасно знаете ответ на этот вопрос. Ваш Саша – настоящий герой. Есть ли у вас его фотографии? Или фото, где вы были бы сняты вместе?

– Герой? – Рука Нины метнулась к груди, колени подогнулись, и она снова села на стул. Она сидела очень прямо, повернувшись к нему лицом. – Почему он герой?

Англичанин покачал головой.

– Вы и в самом деле не знаете? Должно быть, вы просто не читаете европейскую прессу. – Он порылся в кармане и достал фотографию. – Взгляните.

Нина поспешно надела на нос очки. Это была фотография мужчины, снятого под довольно странным углом, – сзади и немного снизу вверх. Мужчина обернулся к фотографу через плечо. Лицо его было полностью лишено выражения, глаза смотрели проницательно и холодно, и в то же самое время в них сквозила тень удовлетворенности. Выглядел он очень элегантно: в костюме, в белоснежной сорочке и при галстукке. Светлые волосы были коротко подстрижены, а непослушные кудри цвета светлого меда вовсе исчезли. Скулы заострились, рот стал властным, почти жестоким, а шея выглядела крепче и шире, однако все это были приметы возраста. Ошибки быть не могло – перед Ниной была фотография ее Саши.

– Этот снимок, – пояснил англичанин, – был сделан парижским отделением гестапо незадолго до ареста Александра Колодного. Его знали там под именем Теодора Шредера, однако друзья из французского Сопротивления называли его Шеф. – Протягивая ей фотографию, он добавил: – Возьмите себе, это копия. У меня дома есть еще одна такая.

Нина взяла фотографию в руки, и ее пальцы, действуя словно сами по себе, нежно погладили любимое лицо.

– Шеф... – эхом повторила она. Ее Сашу прозвали Шефом... – Наклонившись вперед, она попросила: – Пожалуйста, расскажите мне о Саше.

Вдруг она спохватилась, что совсем забыла о правилах приличия.

– Прошу прощения, может быть, выпьете кофе? Или вы предпочитаете чай?

Англичанин рассказал ей, что Александр Колодный попал в Париж в 1929 году и работал каменщиком, мойщиком посуды, плотником. В 1936 году он пересек испанскую границу и сражался на стороне республиканцев, против генерала Франко. В битве на Эбро он был ранен. После возвращения в Париж он был назначен шефом советской разведсети в Западной Европе. Откровенно говоря, это и было той самой главной причиной, по которой он выехал из Советской России и отправился сначала в Палестину, а потом во Францию: он

должен был создавать свои агентурные сети и вербовать сторонников.

Нина вспомнила ту ночь, когда Саша разбудил ее и сказал:

– Поедем со мной в Палестину.

Она не поехала с ним. Они не были сионистами, а Саша не мог тогда рассказать ей, что получил особое задание. Нина, в свою очередь, боялась признаться ему в своей беременности. Это глупое взаимонепонимание и разрушило всю ее жизнь. Господи, неисповедимы пути твои!

– Тогда, – рассказывал англичанин, – Колодный изменил фамилию на Шредер. Он появился в шикарном шестнадцатом квартале французской столицы, изображая из себя удачливого богатого дельца. У него не переводились деньги, его огромная контора занимала лучшее помещение на улице Виктора Гюго, к тому же у него оказалось немало влиятельных знакомых в высших эшелонах власти. И женщины... – добавил Хьюз, ненадолго отводя глаза. – У него было много молодых привлекательных женщин.

Нина покачала головой. Саша был так красив, неудивительно, что француженки вешались ему на шею.

После того как Франция капитулировала перед немецкими войсками, Шредер стал одним из первых парижских дельцов, которые стали сотрудничать с оккупантами. Но это была лишь видимая сторона его деятельности. В тайне же он продолжал выполнять свое задание, и созданная им разведывательная сеть работала на полную мощность, передавая в Москву жизненно важную информацию о военной мощи немцев. Высшим его успехом стало секретное послание Сталину, касающееся неизбежного нападения Гитлера на Советский Союз. Шеф сообщил в Москву даже кодированное название операции – план “Барбаросса”, а также дату ее начала – 22 июня 1941 года.

– Но... этого не может быть! – неуверенно возразила Нина. – Красная Армия не была готова к нападению фашистской Германии.

Дэвид Хьюз серьезно кивнул.

– Совершенно верно. Сталин не поверил Шефу. Вскоре после этого успеха гестапо схватило Колодного-Шредера, но ему удалось выйти на свободу, пообещав сотрудничать с немцами и передавать им информацию. Он и в самом деле передал им кое-какие сведения второстепенной важности, касающиеся его агентурных сетей. Затем в один прекрасный день, когда его везли через Париж на машине гестапо, он попросил остановиться возле аптеки, чтобы купить аспирин. Машина затормозила возле Лионского вокзала. Саша направился в большую аптеку на углу, спокойно вышел через черный ход и буквально растворился в воздухе.

Нина как зачарованная слушала этот рассказ.

– Однако в конце войны началась самая тяжелая и трагическая полоса в жизни Александра Колодного... – продолжал англичанин.

Снаружи начинало темнеть, а сильный ветер тихонько стонал за окнами в кухне.

– В Париж прилетел специальный самолет, который должен был доставить Шефа в Москву. Русские сказали Колодному, что его хочет видеть сам Сталин, чтобы лично поздравить и наградить героя.

– Как-как? – перебила Нина, которая не поняла последних слов.

– Наградить – значит, дать орден или медаль, – пояснил англичанин. – Они сказали ему, что Сталин вручит ему медаль.

– И что же сказал Саше Сталин? – Нина наклонилась вперед, предчувствуя жестокий удар.

– Александр Колодный так и не увиделся со Сталиным. С аэродрома его доставили прямо на Лубянку. Одиннадцать лет он просидел в тюрьме и был освобожден только в пятьдесят шестом...

Нина сама не заметила, как вскочила.

– Я... – задыхаясь, пробормотала она. – Я не верю вам. Почему Сталин так поступил?

Англичанин посмотрел на нее поверх своей чашки с чаем.

– В самом деле, Сталин должен был бы наградить вашего Сашу, однако этим он признал бы, что Колодный был прав, сообщая дату начала войны, а он, генералиссимус, ошибался. Он не слушал предупреждений, продолжая доверять Гитлеру. Эта его близорукость обошлась русским в миллионы человеческих жизней...

– Я не верю, – упрямо перебила Нина. – Не верю...

– И для того, чтобы не признавать своей ошибки, Сталин отправил Александра Колодного в Лубянскую тюрьму.

Нине неожиданно пришло в голову, что Тоня и Саша находились в одной и той же тюрьме в одно и то же время. Может быть, их камеры даже были рядом, в одном блоке. Может быть, они даже мельком встречались в коридорах, не зная один другого. И вот два человека, которых Нина любила в жизни больше всего, оба пали жертвами Сталина.

– Что с ним? Где теперь Саша? – спросила она.

Хьюз пожал плечами.

– Я надеялся, что вы знаете. По некоторым сведениям, он был реабилитирован и вернулся на работу в госбезопасность. После выхода из тюрьмы он совершенно исчез из нашего поля зрения. А теперь давайте вернемся к тем временам, когда вы с ним встретились. Можете ли вы рассказать мне о нем что-нибудь интересное?

– Нет! – в испуге затрясла головой Нина. – Мне нечего рассказать.

– Но почему? Это из-за других женщин, которые у него были?

– Нет-нет, другие женщины меня не волнуют. – Она сняла очки, повертела в руках и снова надела. Она не знала, как ей справиться со своими чувствами.

– Неужели вы не хотите снова увидеть его?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что книга, которую я пишу, будет опубликована во всем мире. Я уверен, что она попадет и в СССР. Если Александр Колодный еще жив, он будет знать, где его Нина и как ее найти.

– Нет, – непреклонно ответила Нина. – Он не захочет искать свою Нину. Мне нечего вам рассказать.

Но англичанин продолжал настаивать, убеждать, в запальчивости он даже повысил голос, и Нина в конце концов уступила. Нет, конечно же, не этому

неприятному “писателю”. Она уступила своему подспудному, давно подавляемому желанию во весь голос рассказать кому-нибудь историю своей любви к Саше Колодному. Ей почти не приходилось сдерживаться, когда она рассказывала ему их встрече, о том, что они жили “как муж и жена, но только без раввина”. Нина принесла из своей комнаты пожелтевшие от времени письма и фотографии, до которых она не разрешила Хьюзу даже дотронуться и показывала их ему из своих рук.

Исповедь принесла ей чувство невероятного облегчения. Нине казалось, что какая-то другая женщина, много лет находившаяся в заточении внутри нее, наконец-то облегчила себе душу признаниями.

Хьюз ушел от нее далеко за полночь. Нина сполоснула чашки и бокал, в котором она подавала англичанину шерри, потушила свет и пошла в свою спальню. На ночных улицах Бруклина выл сердитый ветер, а она лежала без сна и думала, думала, думала.

В ту ночь она много плакала о своей потерянной юности, сожалела о большой ошибке, которую совершила, когда отказалась поехать с Сашей в далекую страну. Одновременно ей было радостно от того, что скромный и застенчивый девятнадцатилетний паренек, которого она знала в Киеве давным-давно, в конце концов сделал правильный выбор. Саша был выдающимся человеком, и она была горда тем, что поняла это с самого начала, как только увидела его.

Ее жизнь тоже не была закончена, все еще нет. Теперь у нее появилась новая надежда, согревшая ее старость. Может быть, однажды Саша найдется, может быть, этому даже поможет книга, которую напишет англичанин. Она надеялась, что проживет достаточно долго и снова увидит его...

По ее телу пробежала легкая дрожь – то был трепет радости, предвкушения их встречи. Ей нужно было так много сказать ему, что, когда они встретятся, они, наверное, проговорят не один день.

Как жаль, что их мальчик умер. Саша, должно быть, очень обрадовался бы тому, что у него есть сын. Но сына у него не было, и Нина утаила от англичанина эту подробность. Не скажет она об этом и Саше, если им доведется когда-нибудь свидеться.

* * *

Дмитрий не знал подлинного имени и должности человека, который обучал его “образу действий разведчика-нелегала в западном городе”. Это был представительный, широкоплечий мужчина с львиной гривой седых волос, которые когда-то были светло-русыми. Нос у него был прямой, крупный, а рот упрямый и волевой. Одет он был чаще всего в старый твидовый пиджак поверх черной рубашки, которая была застегнута до самого подбородка. Походка его казалась неуклюжей, обманчиво медленной. Сам Октябрь говорил о нем с необычным уважением, называя его не иначе как Шеф, однако ходили слухи о том, что Шеф – выпускник Лубянской тюрьмы, где он провел чуть ли не десять лет после завершения фантастически сложного задания в годы войны. Нрав у

него был угрюмый, сардонический; к тому же он не принадлежал к внутреннему кругу работников отдела и, следовательно, не имел доступа к делам оперативной разработки. До своего заключения в тюрьму он много лет прожил в Западной Европе и теперь готовил специалистов “Управления мокрых дел” к их самостоятельным операциям за рубежом.

– Вашей базой и вашим штабом должно быть кафе, всегда и везде, – поучал он Дмитрия.

Они встретились у подъезда мрачного здания на Балаклавском проспекте, где Октябрь устроил новый штаб Тринадцатого отдела. Дмитрий должен был отправиться за границу на задание, и Шеф был приставлен к нему для тщательной индивидуальной подготовки.

– В Париже, – продолжал он, и Дмитрий обратил внимание на то, что голос у Шефа глухой и что он слегка картавит. – В Париже ты найдешь кафе на углу каждой улицы. Точно также обстоит дело в Брюсселе и в Риме. В Англии, Германии и Соединенных Штатах кафе встречаются не так часто, однако в каждой крупной гостинице найдется подходящий бар или ресторан. Все встречи ты должен назначать в кафе и помни: толпа – твоя лучшая защита. Как только ты окажешься в гуще людей, можешь чувствовать себя в безопасности.

Шеф отвез Дмитрия в село Гавриково под Москвой, где был выстроен учебно-тренировочный комплекс КГБ. Это был обширный полигон в сосновом лесу, окруженный заборами с колючей проволокой и вышками, на которых стояли часовые. Шеф провел Дмитрия в восточное крыло здания, в комнату на первом этаже, которая была точной копией парижского кафе с его увешанными зеркалами стенами, пластиковыми столиками, бильярдом-автоматом и баром с латунной стойкой. Кроме них двоих, в комнате никого не было, однако Дмитрий без труда мог представить себе, как множество мужчин и женщин заполняют его, садятся за столики и как официанты в длинных белых фартуках разносят заказы клиентам.

– Всегда садись спиной к стене, поблизости от служебного входа, – сказал Шеф и кивнул, увидев, что Дмитрий выбрал правильное место. – Никогда не повышай голос, чтобы позвать официанта, не щелкай пальцами, не хватай его за рукав и не заказывай того, чего нет в меню. Нельзя привлекать к себе внимание.

Он говорил ровным, монотонным голосом, и Дмитрий понял, что работа ему совершенно безразлична. Пустой взгляд Шефа подсказал Дмитрию, что этот человек давным-давно мертв и что тело и мозг его продолжают функционировать только по инерции, в силу привычки. Очевидно, он продолжал исполнять свою работу лишь потому, что шпионаж был единственным ремеслом, которым он владел.

– На практике ты почти всегда будешь действовать по документам канадского гражданина, – бубнил Шеф. – Мы используем их паспорта, во-первых, потому, что у них пока нет компьютеризованной системы регистрации граждан, а во-вторых, потому, что такой нации, как канадец, в природе не существует.

– Как так? – удивился Дмитрий.

Его наставник закурил сигарету “Ассамблея”. Это была коричневая сигарета с золотым кончиком. Большой и указательный пальцы Шефа были желтыми возле суставов, да и зубы его были испорчены пятнами никотина. Заметив, что Дмитрий наблюдает за ним, Шеф криво улыбнулся и предложил ему закурить.

– Никогда не делай этого на задании, – прокомментировал он. – Никогда не кури необычный сорт сигарет – из-за этого можно попасть в беду. Люди всегда запоминают такие подробности, да и в пепельницах кое-что остается. – Выдохнув струйку дыма, он спохватился: – На чем мы остановились? Ах да, канадцы. Канада населена огромным количеством иммигрантов со всех концов света. Там полно итальянцев, выходцев из Восточной Европы, португальцев, французов, греков. Поэтому никого не удивляет, если канадец не знает английского языка или говорит на нем с трудом. Это ясно?

Дмитрий кивнул. “Ассамблея” обладала острым, приятным вкусом.

– А теперь я отведу тебя в сортир, – сказал Шеф. Дмитрий, сбитый с толку, последовал за ним. Шеф прошел за дверь, на которой висела табличка с надписью “Туалет”, открыл дверцу в одну из кабинок и указал на бачок унитаза. Унитаз был европейской модели, и бачок его был укреплен высоко на стене, соединяясь со стульчаком длинной трубой. Устройство приводилось в действие фарфоровой рукояткой на длинной цепочке.

– Это твой почтовый ящик, – объяснил Шеф, словно не замечая недоумения Дмитрия. – Если хочешь жить, не вздумай прибегать к стандартной чекистской бредятине. Никогда не устраивай тайников в лесу или в поле, под пнями или в дуплах деревьев. Наши люди в Америке не хотят отказаться от этого и поэтому регулярно попадают с поличным. Собственно говоря, они заслуживают этого за свое скудоумие и упрямство.

Дмитрий хихикнул. Старик явно не стеснялся в выражениях.

Хриплый голос Шефа звучал теперь с явным удовольствием.

– Человек, который, озираясь, крадется в одиночку по лесу, всегда подозрителен. Человек, который едет на машине из своей конторы в лес, на пустырь, всегда вызывает вопросы даже у посторонних. То же самое относится и к тем, кто останавливается на обочине шоссе или в чистом поле. Однако человек, отправившийся отлить в сортир при ресторане, вовсе не выглядит подозрительно и не привлекает к себе никакого внимания. Это ясно? А теперь делаешь так...

Шеф выудил из кармана маленький конвертик, достал из него презерватив и развернул.

– Свое сообщение, микропленку и все прочее кладешь внутрь, для верности завязываешь на два узла и кидаешь в бачок. – Он вскарабкался на стульчак и ловко просунул презерватив под крышку бачка. – Сюда никто не заглядывает, но, если твою посылку случайно обнаружат, то будет довольно трудно найти по ней тебя или твоего связника.

С этими словами Шеф вернулся в комнату, имитирующую кафе.

– Первое, что тебе необходимо, когда попадаешь в крупный город, это его подробная карта, на которой отмечены магазины, станции метро,

железнодорожные станции и гостиницы с множеством входов и выходов. Офицер, предупрежденный о твоём приезде, должен подготовить для тебя такую карту еще до того, как ты выйдешь на задание. Эту карту ты обязан тщательно изучить, запомнить и уничтожить. Подобные места мы называем “чистилищами”. Если обнаружишь за собой слежку, направляйся к ближайшему такому месту, входи через одну дверь, выбирайся через другую. Этот ход может спасти тебе жизнь. – Он помолчал, задумчиво глядя на Дмитрия. – Я мог бы рассказать тебе об одной аптеке. Это было в Париже... – Он улыбнулся, и его глаза внезапно ожили, однако до конца он так и не договорил.

Уже когда они покидали секретный объект, Шеф повернулся к Дмитрию и прогудел своим низким, гулким голосом:

– Запомни хорошенько: в бар, ресторан, кафе, гостиницу нужно входить с таким видом, словно они принадлежат тебе лично. Не мнись у порога, старайся выглядеть уверенным. На Западе полицейские не охраняют вход в каждую гостиницу и каждый ресторан, любой человек может войти и выйти, когда ему заблагорассудится. Чем уверенней ты будешь себя вести, тем меньше привлечешь к себе внимания.

* * *

Дмитрий вспоминал рекомендации Шефа три недели спустя, уверенным шагом входя в отделанный никелем и кожей вестибюль отеля “Юниверсал” во Франкфурте. Мягкие брюки пошитого на заказ костюма и тонкая рубашка ласкали его тело. Рассеянно улыбнувшись портю, он задержался у прилавка с сувенирами и, действуя нарочито неторопливо, закурил сигарету. После этого он прошел к лифтам, слегка помахивая кожаным портфелем.

Он прибыл накануне вечером, прямым рейсом “Люфтганзы”. В кармане у него лежал паспорт на имя Тимо Куусинена, гражданина Финляндии. На первом этаже аэровокзала он сел на поезд, который доставил его на Гауптбанхофф – центральную железнодорожную станцию. Привокзальный ресторанчик оказался скудно освещенным небольшим помещением, тесно заставленным деревянными столами, между которыми сновали дородные официантки в белоснежных фартуках и кокетливых наколках. Дмитрий заказал порцию сосисок и пару крепкого пива. Это был его первый ужин на Западе, и он сразу же отметил превосходное качество продуктов, особенно когда погрузил свою ложку в десерт – взбитый шоколадный мусс со сливками. Проглотив кофе, Дмитрий вышел в туалет.

Заперев за собой дверцу третьей от входа кабинки, он встал на унитаз, закатал рукав пиджака, запустил руку в бачок и выудил из воды презерватив, в котором находился ничем не примечательный ключ. Этим ключом он и отпер третью сверху ячейку в привокзальной камере хранения. Внутри оказалась спортивная сумка с комплектом одежды, купленной, судя по ярлыкам, в городе Гамильтоне канадской провинции Онтарио, и канадский паспорт на имя Стефана Наги. В паспорте, однако, не было фотографии. Эта мера

предосторожности была предпринята на тот случай, если кто-нибудь посторонний сумеет открыть ячейку камеры и доберется до ее содержимого. На дне сумки под одеждой лежали электрический пистолет в кожаном чехле, три ампулы с синильной кислотой и три ампулы с противоядием.

Вывеска на немецком языке на противоположном конце коридора предлагала путешественникам воспользоваться душем всего за четыре с половиной марки. В раздевалке Дмитрий переделся в канадскую одежду, а пять минут спустя его старая одежда и финский паспорт уже покоились в той же самой ячейке, из которой он извлек спортивную сумку со всем необходимым. Благодаря этому трюку с передеванием становилось трудно, почти невозможно установить какую-либо связь между финном Куусиненом, прилетевшим во Франкфурт из Москвы, и канадцем, который вышел в город из здания железнодорожного вокзала. Если что-то пойдет не так и Стефана Наги станут разыскивать в связи с его ролью в предстоящей операции, след его оборвется у входа в Гауптбанхофф.

Вечерело, когда Стефан Наги зарегистрировался в “Глобусе”, – потрепанном второразрядном отеле, кишевшем клопами и расположенном в квартале, облюбованном проститутками и прочей криминальной публикой. Квартал этот начинался неподалеку от вокзала и всю дорогу Дмитрий шел пешком. Повсюду ему бросались в глаза рекламные щиты, возвещающие о начале ежегодной Франкфуртской книжной ярмарки. Яркие плакаты расхваливали новинки сезона, бестселлеры и их авторов.

Оказавшись в своей комнате, Дмитрий заказал еще два пива и сэндвичи с копченой колбасой и ветчиной. Заперев входную дверь, он достал из привезенного с собой конверта собственную фотографию, которую аккуратно вклеил в канадский паспорт. Весь оставшийся вечер и весь следующий день он провел в номере гостиницы, отчаянно сражаясь со стареньким черно-белым телевизором. Программ на немецком языке он не понимал и поэтому крутил обломанную рукоятку до тех пор, пока не настроился на телевизионную сеть армии США. Без особого интереса он посмотрел старую комедию, которая показалась ему скучной и довольно глупой.

Он пообедал в переполненном баре, расположенном на той же улице, где он оказался единственным посетителем, который не сводничал и не продавался. Вернувшись в свой номер, он снова неохотно включил телевизор и с жадностью проглотил две плитки молочного шоколада с орехами. Время от времени он слышал доносящиеся из коридора шаги, хриплые мужские голоса и неестественно громкий женский смех. Определенно, дела в “Глобусе” шли неплохо.

Ближе к вечеру Дмитрий оделся, подхватил свой элегантный портфель и вышел из отеля. Оказавшись на улице, он взял такси.

Из окна машины он видел богатые витрины магазинов, шикарные автомобили и хорошо одетых людей. Продовольственные лавки буквально ломились от изобилия продуктов, и Дмитрий был сражен тем, что любой человек может войти внутрь и выбрать что угодно по своему вкусу, не тратя драгоценное время на стояние в очередях.

Вечер был пасмурный, хмурый, низкое небо затянуло облаками, однако по всей длине Кайзерштрассе сверкали и переливались разноцветные огни неоновых реклам. Одна из них – каскад перемигивающихся огней в форме женского тела – настойчиво приглашала Дмитрия посмотреть стриптиз.

“Это и есть Запад, – подумал Дмитрий внезапно. – Богатый, сытый, загнивающий. И это – Германия. Мы выиграли войну, мы подняли над Берлином наш флаг, а эти гады жируют!”

Входя в отель “Юниверсал”, он столкнулся со светловолосой женщиной в дорожной шубе, подмигнувшей ему с призывной улыбкой. Это потрясло Дмитрия. На секунду он вообразил себя наедине с этой роскошной красавицей в номере отеля, вдали от всех своих забот и тревог.

Однако; оказавшись в вестибюле гостиницы, Дмитрий выбросил из головы все посторонние мысли и сосредоточился на задании. Его целью был человек из номера 1218 по имени Лоуренс Тирни. Американцем он был только по имени и по паспорту. Настоящее его имя было Геннадий Любимов, и когда-то он был заместителем руководителя советского представительства в ООН. Любимов перебежал на Запад полгода назад и предоставил ЦРУ удивительно подробный и полный отчет о проникновении советских разведывательных служб в государственные структуры США.

Октябрь как-то сказал, что Любимов – слишком жадный человек, а жадность, как известно, фраера погубит. Пренебрегая опасностью, он покинул свое убежище, предоставленное ему ЦРУ, и приехал на книжную ярмарку во Франкфурт. Весь долгий путь до Германии он проделал исключительно ради того, чтобы встретиться с берлинским издателем и убедить его в том, что его мемуары вполне достоверны и будут любопытны читателям. Разумеется, при этом Любимов рассчитывал на солидный гонорар.

Дмитрий уже достаточно хорошо изучил методы, которыми пользовался Октябрь, чтобы предположить, что никакого издателя, заинтересованного в любимовских мемуарах, в природе не существует. Лукавый руководитель “Управления мокрых дел” просто выманил Любимова из его норы, помахав у него перед носом правильно выбранной приманкой – деньгами.

– Мне необходимо, чтобы он был мертв, – сказал Дмитрию Октябрь в аэропорту Шереметьево за несколько минут до того, как Дмитрий поднялся на борт самолета “Люфтганзы”.

Вот-вот должен был начаться рассвет, а они стояли на морозе, на гудронированной взлетной полосе. Порывистый ветер развеивал черный плащ Октября и трепал длинные седые волосы, обрамлявшие его худое лицо наподобие белого сияния.

“Вот так, наверное, выглядит смерть”, – подумал Дмитрий, разглядывая похожее на череп лицо командира и учителя, его жестокий рот и запавшие глаза, в которых пылала неумолимая решимость.

– Я хочу, чтобы он был мертв, – повторил Октябрь. – И не только потому, что он предал. Пусть это будет уроком всем, кто задумывается о предательстве.

– Вы пытаетесь реанимировать “Смерш”, – заключил Дмитрий.

Октябрь схватил его за плечи своими костлявыми руками.

– Твой отец был офицером “Смерша”, не забывай этого!

“Никогда не забуду!” – думал Дмитрий, входя в лифт отеля “Юниверсал”. Вслед за ним вошел бородатый еврей с пейсами и в большой черной шляпе. Правоверных иудеев Дмитрий видел до этого только один раз в жизни.

“Жида пархатые! – подумалось ему. – Всюду они! Они тоже выиграли последнюю войну вместе с узкоглазыми японцами и разжиревшими немцами”

Он вышел на десятом этаже и поднялся по служебной лестнице еще на два этажа. Прежде чем выйти в коридор, он с трудом затолкал в портфель свой теплый плащ и пиджак, а поверх рубашки накинул белую куртку с эмблемой отеля. Ее он тоже обнаружил в сумке, хранившейся на вокзале. Раздувшийся портфель он оставил в чуланчике, где находилось пожарное оборудование.

Наконец он вышел в слабо освещенный коридор. Стены были выкрашены в теплый коричневато-бежевый цвет, а толстый ковер на полу глушил шаги. Навстречу ему попались двое мужчин, которые негромко смеялись над чем-то, и Дмитрий вежливо им поклонился. Справа от него была комната 1216, слева – 1215. Сердце забилось чуть быстрее, а в животе Дмитрий почувствовал знакомую пустоту.

Он постучал в номер 1218.

– Кто? – подозрительно спросили из-за двери.

– Проверка оборудования мини-бара.

– В этом нет необходимости, я им не пользуюсь.

– Прошу прощения, – сказал Дмитрий, стараясь, чтобы его английский звучал с немецким акцентом. – Я обязан проверить, таковы правила нашего отеля.

Последовала долгая пауза.

– Хорошо, подождите минуту, – сказал человек за дверью, подавляя вздох.

Дмитрий стоял перед коричневой блестящей дверью и сжимал в кармане электрический пистолет. Ампула с антидотом была наготове в левой руке. “Сейчас Любимов откроет дверь, – прикидывал Дмитрий. – Делаю шаг внутрь, стреляю в лицо ампулой с ядом – и все”. При мысли об этом он вспомнил острый запах газа-противоядия и конвульсии пса, застреленного им в Юрлове.

Дверь отворилась. Мужчина средних лет в шелковом халате мрачно уставился на Дмитрия. У него были грузная фигура, широкое лицо с мясистыми, рыхлыми щеками, крашенный каштановый вихор волос на макушке и седые бакенбарды. В пальцах его дымилась сигарета.

– Герр Тирни? – вымолвил Дмитрий мгновенно пересохшим ртом.

Мужчина кивнул, подозрительно глянув на опущенную в карман правую руку Дмитрия.

– Прошу прощения за беспокойство... – начал Дмитрий, и его жертва отступила в сторону, давая ему пройти.

– Постарайтесь закончить поскорее, – нетерпеливо сказал Любимов. – Я очень занят.

Дмитрий подобострастно поклонился и закрыл за собой дверь. Справа, как раз над мини-баром, он заметил фотографию двух борцов. Они сжимали друг друга в объятиях, напрягая мощные мускулы.

Совершенно неожиданно Дмитрий вспомнил непроглядную черную ночь в каменоломне, крепкую хватку Кузьмы Бунина и сильную боль от удара железной трубой. И еще он вспомнил наслаждение, испытанное в тот момент, когда он своими собственными руками лишил своего врага жизни.

Он разжал в кармане руку, сжимающую рукоятку пистолета и уронил ампулу с антидотом. Развернувшись, он бросился на Любимова, протянув согнутые пальцы к его горлу. На мгновение Любимов опешил, сбитый с толку неожиданным нападением, однако почти сразу пришел в себя и нырком ушел в сторону. Дмитрий врезался в изящный стул и полетел на пол вместе с обломками злосчастной мебели.

Любимов схватился за телефонный аппарат. Дмитрий покатился по ковру и оборвал шнур, затем проворно вскочил на ноги. На этот раз ему удалось схватить своего противника за талию. Любимов вскрикнул от страха, бешено лягаясь ногами и колотя Дмитрия по лицу. Дмитрий почувствовал во рту металлический привкус крови. Разбитая скула саднила, а крик жертвы оглушительно звенел в ушах.

Предатель визжал как поросенок, которого режут, но Дмитрий уже сжал его заплывшую жиром шею. Одним быстрым движением, приведшим его в совершенный, неопиcуемый восторг, он сломал шею изменника. Под пальцами хрустнул позвонок, и грузное тело обмякло в его руках.

На следующее утро, проведя в “Глобусе” еще одну ночь, на этот раз с несовершеннолетней проституткой, светленькой, веснушчатой и тонкой, финн Тимо Куусинен вылетел рейсом внутренних авиалиний Франкфурт – Берлин, а там пересел на самолет компании “Финэйр”, следующий рейсом №118 до Хельсинки с остановками в Праге и Москве.

Электрический пистолет и одежда канадца Стефана Наги вернулись в камеру хранения на франкфуртской железнодорожной станции, а ключ от ячейки, в презервативе из особо прочного латекса, покоился на дне смывного бачка в мужском туалете на вокзале Гауптбанхофф.

* * *

По дороге домой Дмитрия немного беспокоило, как отреагирует Октябрь, когда он доложит, что не застрелил Любимова, а ликвидировал его голыми руками. Однако Октябрь, казалось, вовсе не был расстроен тем, что Дмитрий отступил от буквы приказа.

Он принял Дмитрия в своем мрачном кабинете, заставил сесть в единственное кресло для посетителей, а сам принялся ходить вокруг него, слушая доклад. Вопросы, которые он изредка задавал, отнюдь не звучали враждебно, напротив, Дмитрию показалось, что внезапный приступ жестокости нисколько не удивил Октября.

– Что ты чувствовал, когда убивал его? – спросил Октябрь, в упор разглядывая Дмитрия.

Тот не произнес ни слова, только открыто заглянул в глаза учителя, и на изнуренном лице старого чекиста мелькнула слабая улыбка.

– Тебе понравилось, – заключил он. – Это славно. Это очень, очень хорошо.

Однако самый главный сюрприз ждал Дмитрия, когда Октябрь рассказал ему правду о его жертве.

Заговорщическим шепотом, странно поблескивая глазами, Октябрь сообщил Дмитрию, что Любимов никогда не был изменником. Его “измена” была поставлена и тщательно отрежиссирована Московским центром. Любимов оказался на Западе в качестве двойного агента, и сведения, поставляемые им ЦРУ, на три четверти состояли из умело подобранной дезинформации.

– Потом произошла заминка, – рассказывал Октябрь, без усталости шагая вокруг Дмитрия; длинноногий и длиннорукий, он напоминал паука, плетущего свои смертоносные сети. – Американцы почуяли, что потянуло гнильцой, и кто-то в Лэнгли предположил, что Любимов – подсадная утка и что его предательство – “чекистский спектакль”.

– У них были какие-то доказательства? – перебил Дмитрий.

– Нет, но раз уж они начали сомневаться в его словах, то можно было быть уверенным – они будут проверять и перепроверять всю информацию, которую он им передавал. Между тем операция с Любимовым была одной из самых трудных и дорогостоящих. Несколько лет мы подготавливали почву, а теперь все наши усилия могли пойти псу под хвост.

Он помолчал.

– Чтобы спасти проект, нам во что бы то ни стало нужно было убедить Лэнгли в том, что Любимов действительно был предателем и что все его сообщения – истинная правда. Какое доказательство может быть более убедительным, чем убийство предателя агентами КГБ?

Дмитрий почувствовал в груди леденящий холод.

– Вы хотите сказать, – заговорил он, – что я убил одного из наших людей? Одного из своих товарищей-чекистов?

Октябрь остановился и посмотрел на него.

– Именно так. Зато теперь американцы поверят каждому его слову. – От его кривой улыбки кровь стыла в жилах. – Или тебе его жалко?

“Не его, – хотел сказать Дмитрий. – Не его, а себя и всех остальных, которые тоже могут оказаться втянутыми в твою игру, Октябрь”.

– Скажите, – медленно проговорил Дмитрий, – вы намеренно приказали убить одного из наших лучших людей?

Октябрь кивнул.

– Откуда мне знать, – продолжал Дмитрий, – что завтра или через год вы не принесете меня в жертву в одной из своих шахматных партий?

Старик хихикнул, и на его лице появилась хитрая улыбка.

– В том-то и дело, сынок, что ты никогда не можешь быть в этом уверен.

Когда Дмитрий уже был у дверей, собираясь уходить, Октябрь сказал ему в спину:

– Ты, безусловно, понимаешь, что я пошутил?

– Безусловно, – отозвался Дмитрий.

Хриплый смех Октября, напоминающий кашель чахоточного больного,

звучал у него в ушах даже после того, как он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

* * *

В последующие годы Дмитрий убил еще четырех человек: двоих в Мюнхене, одного в Нью-Йорке и одного в Мадриде. Трое из них были известными диссидентами, один – американским агентом, который уже готов был проникнуть в СССР под видом испанского коммуниста, героя гражданской войны.

Дмитрий быстро познакомился с западным образом жизни и легко привык к нему. Никто из богатых бездельников, кочующих по миру в погоне за удовольствиями, не путешествовал по Европе и Северной Америке столько, сколько пришлось Дмитрию Морозову. Он, однако, вел скромный, почти аскетический образ жизни. Европа предлагала столько удовольствий и соблазнов, что у любого русского, особенно у такого, как он, отягощенного памятью о голодном и холодном детдомовском детстве, могла запросто закружиться голова. Именно поэтому Дмитрий не мог себе позволить ни малейшего отклонения от своих строгих правил. Он ежедневно рисковал жизнью и прекрасно понимал, к чему может привести самая ничтожная его ошибка. Ему было известно, что начинается все с повторного посещения одного и того же ресторана с хорошей кухней, одного и того же ночного клуба или отеля-люкс, а заканчивается тем, что его тело изрешеченное пулями, найдут однажды утром в придорожной грязи. Любое нарушение правил работы могло привести его к гибели.

Особенно отчетливо Дмитрий понял это после печального опыта в Лиссабоне в 1972 году. В столицу Португалии его послали, чтобы ликвидировать лидера латышских эмигрантов, который предпринимал попытки создать правительство в изгнании. Однако когда Дмитрий прокрался в его номер, то столкнулся с телохранителем своей жертвы, о котором не знал. Ему едва удалось спастись, и он отделался только пулей в плече. По возвращении Дмитрия в Москву Октябрь предупредил его, что ему никогда больше нельзя появляться в Лиссабоне. Что касается незапланированной встречи с телохранителем, Октябрь объяснил ее несчастливым стечением обстоятельств.

Однако Дмитрий лучше знал, в чем тут дело. Если бы он более тщательно изучил привычки своей жертвы, а не наслаждался омарами с пивом в “Каскэ” в ночь своего прибытия, то не носил бы теперь в десяти сантиметрах от сердца расплюснутую пулю калибра 7,65.

Остальные его операции были успешными. Он никогда не пользовался оружием и никогда не жалел свои жертвы, как никто и никогда не жалел его самого. Только самая последняя его жертва – хрупкая, как статуэтка, эстонка – на мгновение возбудила его желание, и он прижимал ее тело к себе на секунду дольше, чем обычно, прежде чем сломать ей шею.

Дмитрий также принимал участие в похищении Эрнста Мюллера, заместителя директора секретной службы Западной Германии, и переправлял

его в ГДР. Мюллер оказался для Штази настоящим кладом. Прежде чем его ликвидировали, он сообщил бесценную информацию о совместных операциях Пуллаха и Лэнгли в странах Варшавского Договора.

За успехи в работе, увенчавшиеся успешным похищением Мюллера, Октябрь перевел Дмитрия на должность руководителя оперативной работой в Западной Европе. В этой должности Дмитрий и появился в Париже, работая под “крышей” высшего должностного лица Торгпредства.

Однажды он поздним вечером был в своем парижском кабинете, когда в дверь кто-то постучал. Подняв глаза от документов, Дмитрий увидел перед собой рослого красивого, элегантно одетого мужчину. Это был полковник ГРУ Олег Калинин.

Глава 10

Аэропорт Ла Гардия скрывался под снегом, однако посадочная полоса была чисто убрана, и посадка прошла гладко.

“Командир самолета, экипаж и тридцать три тысячи акционеров Северо-Американской авиакомпания благодарят вас за полет на нашем лайнере”, – произнес голос в динамиках. Алекс закрыл томик избранных стихов Дилана Томаса, отметив закладкой место, где остановился. Книгу пламенного валлийца он положил в сумку. В последнее время, после многих лет изучения русской поэзии, он заново открывал для себя творчество английских и американских мастеров романтической школы. Талант Томаса, жизнь которого завершилась столь трагическим образом, буквально загипнотизировал его, а одно из стихотворений напомнило о матери: “Мертвы влюбленные, но их жива любовь, и смерть вовек се не победит”.

Клаудия, одетая в светлый вышитый полушубок из овчины, в белые джинсы и сапожки на высоких тонких каблуках, ждала его у входа в здание аэропорта. Привстав на цыпочки, она махала ему рукой, и один из пассажиров, обгоняя Алекса, завистливо пробормотал:

– Почему это некоторым достается все самое лучшее!..

– Боже мой, я все время забываю, насколько ты красива, – прошептал Алекс, обнимая ее.

– Где уж тебе помнить, – поддела Клаудия. – Красотки из Провиденса небось не давали тебе прохода!

Она крепко поцеловала его, затем схватила за руку и потащила за собой.

– Идем! – сказала она, и на ее левой щеке появилась крошечная, нежная ямочка. Рукой она поправила свои пышные черные волосы. С неба снова посыпался снег, и крупные снежинки расцветали на ее волосах словно маргаритки.

– Возьмем такси, я плачу! – объявила она не терпящим возражений тоном.

Уже сидя в салоне автомобиля, Алекс хотел поинтересоваться, чем вызвана эта внезапная щедрость, однако Клаудия сама засыпала его вопросами. Останется ли он в Провиденсе после того, как получит докторскую степень? Может быть, он хочет остаться преподавать в Университете Брауна? Как насчет

Колумбийского университета? Остается ли в силе приглашение из Стэнфордского университета? Алекс ответил, что нет, оставаться в Брауне он не хочет, не хочет и преподавать в Колумбийском университете. Что касается Стэнфорда, то их предложение остается в силе, но все будет зависеть от одной вещи.

– От какой? – спросила Клаудия.

– От тебя, – напрямик ответил Алекс.

Похоже, Клаудия ждала этого вопроса. Устроившись поудобнее на сиденье, она словно горностаевую мантию накинула на плечи свой полушубок и принялась рассказывать о своих приключениях, не переводя дыхания и не давая ему вставить ни слова. За последние три недели она обзвонила абсолютно все фирмы, занимающиеся моделированием одежды, и везде получила отказ. Никто не пригласил ее на собеседование, никого не интересовали ни ее анкетные данные, ни наброски, ни ее диплом художника-дизайнера. Везде ей отвечали, что сейчас все штатные вакансии заполнены и что, напротив, в настоящее время они вынуждены даже проводить увольнения. “Нет, – говорили ей, – благодарим вас, мисс Беневенто, однако мы не нуждаемся в новых дизайнерах одежды. Те работники, что у нас есть, вполне нас устраивают. Еще раз спасибо. Просьба не звонить больше и не рассчитывать на наш звонок”.

Бородатый водитель такси на переднем сиденье сочувственно покачал головой. Похоже, что неудачи Клаудии всерьез расстроили его.

А Алекс не мог оторвать глаз от своей Клаудии. Она так увлеклась рассказом, сопровождая его энергичными, выразительными жестами рук и мимикой. Ее живость была заразительна. Рассказывая Алексу о своих попытках, она подражала голосам, которые отвечали ей по телефону, копируя французский акцент, итальянские интонации или протяжный южный выговор. Слово в слово передавая ему отрицательные ответы, которые ей пришлось выслушать, она делала равнодушно-презрительное лицо, а глаза ее метали молнии.

Она не оставляла своих попыток, но никто, совсем никто не нуждался в ее услугах. Однако – в любой истории, которую рассказывала Клаудия, всегда было это “однако”, многозначительное и торжествующее – однако в конце концов она сказала себе: “Basta! Хватит! Ты молода, Клаудия, ты талантлива...”

– То есть нет, – спохватилась она, – что я говорю! Не просто талантлива, а уникальна, и к тому же – недурна собой. Довольно стоять на кухне своего дома в Бруклине и, держась за материнскую юбку, уговаривать по телефону этих надутых индюков. Так может поступать толстая, старая и уродливая баба. “Ступай к ним, – сказала я себе, – и покажи им, что ты можешь!”

Алекс искоса посмотрел на нее, любуясь ею, отчасти заинтригованный ее рассказом. Она вела себя как типичная итальянская девушка во второразрядных голливудских фильмах. Он подозревал, что Клаудия нарочно подражает им, чтобы развлечь его. Она была слишком умна и образованна и вряд ли думала так же, как говорила. Просто с Клаудией никогда нельзя было быть ни в чем уверенным.

Клаудия между тем продолжала рассказывать. Приняв решение, она отправилась завоевывать Манхэттен, вооруженная анкетами и набросками летней коллекции.

– Я показывала их тебе в Нью-Хэйвене, помнишь? Алекс кивнул. Он все прекрасно помнил, однако теперь у него появилась причина для беспокойства. Водитель такси был настолько заворожен Клаудией и ее рассказом, что смотрел в основном не на заснеженную дорогу, а на нее, кивая головой, сочувственно вздыхая, цокая языком в знак сопереживания ее трудностям и бросая на нее долгие взгляды.

Чтобы сократить свое длинное повествование, Клаудия сказала, что стареющие церберы, с ненавистью уставившись на нее у Халстона, Анны Кляйн и Олега Кассини, заявили ей, что без договоренности с ними она не сделает и шага, и выставили ее. В конце концов она попала к Гавермаеру, и так случилось, что она выходила из лифта как раз в тот момент, когда сам мистер Гавермаер намеревался в него войти. По словам Клаудии он оказался замечательным пожилым джентльменом, вовсе не таким, каким описывают его в газетах злобные критики.

– Я взяла его за рукав и не выпустила до тех пор, пока он не выслушал мою маленькую речь. Догадайся, Алекс, что было потом?

– Он взял тебя на работу, – предположил Алекс неуверенно.

– Как ты догадался?

– Bravo! – воскликнул, торжествуя, водитель. Алекс наклонился вперед и попросил новообращенного поклонника Клаудии почаще поглядывать на дорогу. Одновременно он обратил внимание на то, что машина мчится по каким-то незнакомым улицам. Мелькнула вывеска с надписью “Сорок девятая улица”.

– Это что за черт? – воскликнул он, обращаясь к водителю. – Это же не Бруклин. Куда мы едем?

Негромкий смех Клаудии заставил его обернуться к ней. Ее глаза озорно сверкали в полутьме салона.

– Не бойся, профессор, – улыбнулась она. – Спокойнее.

Алекс вздохнул.

– Мне следовало догадаться, что это твои проделки. Что ты наговорила водителю?

Такси уже свернуло на Парк-авеню и плавно затормозило. Швейцар в парадной форме и при всех регалиях предупредительно распахнул перед ними дверцу.

– Рады приветствовать вас в “Уолдорф-Астории”, мисс. Добро пожаловать, сэр.

Таинственно улыбаясь, Клаудия с достоинством ступила на мраморные ступеньки роскошного отеля и пересекла шикарный вестибюль, выдержанный в бело-голубых тонах. На нее оборачивались, и Клаудии, похоже, это нравилось. Пожилой джентльмен в бархатном смокинге, сидевший под старинными вычурными часами, привстал со своего места и улыбнулся Клаудии.

Алекс следовал за ней со своей дорожной сумкой в руках, одновременно

сбитый с толку и зачарованный. Невольно он подумал о том, что каждая минута в обществе Клаудии становится для него волшебным приключением, еще одним откровением и уроком в познании радостей жизни. Конечно же, его Клаудия была уникальной девушкой.

– Тридцать первый, – шепнула Клаудия с заговорщическим видом одетому в ливрею лифтеру и подмигнула. Все время, пока лифт поднимался вверх, бедняга неуверенно переступал с ноги на ногу по застеленному ковром полу и теребил пуговицы, по всей видимости, борясь с желанием немедленно вызвать кого-то из службы безопасности гостиницы.

Когда лифт выгрузил их на нужном этаже, Клаудия взяла Алекса за руку, подвела к высоким двойным дверям и отперла замок. Отбрасывая со лба прядь волос, она сказала:

– Добро пожаловать в мою скромную обитель! С этими словами она отступила в сторону, давая Алексу возможность войти первым.

При виде роскошного номера-люкс Алекс растерялся. Освещенные мягким светом апартаменты были обставлены дорогой мебелью светло-серого и теплого сливового Цвета. Оклеенные бежевыми обоями стены были украшены цветными акварелями и карандашными набросками с изображением парижских достопримечательностей – Сакре-Кёра, Триумфальной арки, запруженных гуляющими Елисейских полей. Гостиная напоминала собой выставку изысканной мебели конца девятнадцатого – начала двадцатого столетия. Крышка письменного стола у окна, освещенного настольной лампой с желтым абажуром, была сделана из зеленоватого итальянского мрамора. Алексу особенно понравилась висевшая над ним акварель. На ней была изображена баржа на Сене, которая проходила под мостом, а на заднем плане виднелись очертания собора Парижской богородицы. Под ногами слегка пружинил мягкий ковер нежно-бежевых тонов, а рядом с дверью стояли две вазы восточной работы. На круглом журнальном столике, расположенном между двумя старомодными креслами с мягкими подлокотниками, были аппетитно разложены на подносе самые разнообразные бутерброды-канапе и лежала перевязанная хрустящей золотой ленточкой коробка “Годивы” – любимого шоколада Алекса. Из серебряного ведерка со льдом выглядывала бутылка шампанского.

– Как раз вовремя, – заметила Клаудия, беспечно швыряя свой полушубок на диван и хватая с подноса бутерброд с лососиной.

– Клаудия, – сказал Алекс, все еще держа в руках свою сумку. – Мне нужно позвонить Нине.

– Я уже позвонила ей, – ответила Клаудия, нежно целуя его в щеку. – И сказала, что ты не вернешься домой раньше завтрашнего утра.

Она откусила бутерброд и в восторге зажмурилась.

– Божественно! – выдохнула она. – Не нальешь ли мне шампанского, любимый?

– С радостью, – ответил Алекс, сражаясь с пробкой, – если ты только объяснишь мне, что все это значит.

Пробка с громким хлопком вырвалась у него из рук, ударилась в потолок и

отлетела на сиденье нежно-лилового кресла. Алекс смахнул с рукава пену и потянулся за узкими бокалами.

Клаудия с наслаждением опустилась в глубокое кресло и вытянула ноги.

– Сегодня я получила свои первые деньги, Алекс. Мы празднуем мою первую зарплату и грядущее появление на небосклоне науки доктора философии Алекса Гордона.

– Бог ты мой, Клаудия, должно быть, ты истратила все свои деньги, чтобы оплатить одну ночь в “Уолдорфе”?

Клаудия нахмурилась, что-то подсчитывая в уме.

– Да, пожалуй, – легко согласилась она. Затем Клаудия снова повеселела, и на ее щеке опять появилась задорная ямочка.

– Ну и что с того? Это мои деньги, и я трачу их как хочу. На свою первую зарплату я купила нам воспоминания, воспоминания о ночи, проведенной в вихре наслаждений. Займемся любовью, красавчик?

Она замолчала, а когда заговорила снова, голос ее звучал тише и мягче.

– Или ты можешь предложить что-нибудь получше, Алессандро?

Он смотрел, как она спит, лежа на спине на широкой двуспальной кровати. Голова ее покоилась на согнутом локте, а мягкие черты лица были скрыты массой рассыпавшихся черных волос. Вторая рука Клаудии, вытянутая вдоль тела, казалась такой тонкой и слабой.

В спальне было очень тихо и уютно. За окном открывалась строгая панорама Нью-Йорка, темное небо было рассечено иззубренным силуэтом Крайслер Билдинг. Несколько ярко освещенных окон одиноко мерцали во мраке. Алекс снова перевел взгляд на обнаженное тело Клаудии и прислушался к ее тихому дыханию.

Он подумал о том, что его судьба была выкована тремя женщинами: Тоней Гордон, чья кровь текла в его жилах, Ниной, которая воспитала его и научила любить Россию – свою далекую родину, и Клаудией, сумевшей рассеять его одиночество. Это она открыла ему, что в жизни есть место радости и удовольствиям, а не только бесконечной череде лозунгов и красных флагов в руках безликих толп, мрачно шагающих к мифическому светлому будущему.

Алекс знал, что Нина недолюбливает Клаудию, считая, что она похитила у нее его любовь. Может быть, она обвиняла Клаудию и в тех переменах, что произошли в его политическом мировоззрении.

Алекс любил Нину все так же сильно, хотя ее фанатическая приверженность коммунистическим богам уже давно воздвигла между ними труднопреодолимую преграду. Всякий раз, когда Алекс оказывался дома, ему приходилось сражаться с Ниной, обсуждая политику Москвы. Его прежнее восхищение Советским Союзом давно улетучилось, а к Брежневу он относился как к циничному деспоту, который сжал в стальном кулаке прекрасную страну и ее великий народ.

Он больше не был маленьким русским мальчиком, затерянным в чужой стране. Алекс давно уже считал себя американцем, и его живо интересовали такие важные проблемы, как война во Вьетнаме и борьба за равные права, которая отчасти подпитывалась его юношескими мечтами о социальной

справедливости. Однако основные его интересы лежали в области учебы.

Глубокое знание России, ее истории и общества давали ему ряд преимуществ перед остальными студентами. Он был лучшим на кафедре советологии за всю историю Университета Брауна и без труда добивался стипендий и наград. Его разочарование в коммунистических идеалах превратило Алекса из безоговорочного сторонника и обожателя Советской России в ее строгого и беспристрастного критика. Статья о борьбе за власть в Кремле, написанная им для студенческого журнала, была перепечатана несколькими американскими газетами, и о нем заговорили как о “талантливом исследователе из Брауна”.

Несмотря на все это, ему так и не удалось получить визу на въезд в СССР. Несколько месяцев назад двадцать два бывших выпускника университета обратились в советское консульство с просьбой о выдаче им виз для участия в программе обмена студентами и аспирантами. Все, кроме Алекса Гордона, получили разрешения.

Клаудия слегка пошевелилась, и ее рука легла ему на бедро. “Слава богу, что у меня есть Клаудия”, – подумал Алекс. Хорошенькая, бойкая девчонка превратилась в очаровательную молодую девушку. Через год после того, как они познакомились, Клаудия закончила школу и блистала на выпускном балу как настоящая королева. Гордые родители отправили ее в Хартфордский университет в Коннектикуте. Каждый уик-энд они проводили вместе или у него в Провиденсе, или в какой-нибудь пустынной деревенской гостинице.

Они исследовали дремучие леса и дикие скалы Новой Англии, разъезжали по проселочным дорогам и отыскивали древние постоялые дворы и уединённые кемпинги. Если они оставались в городе, то отправлялись в кино или на ночную дискотеку, так как Клаудия обожала танцы. Поначалу ее семья не одобряла их встречи, потому что братья Клаудии были очень дружны с ее прежним ухажером, но в конце концов приняла Алекса. Беневенто-мать, правда, еще некоторое время предпринимала отчаянные попытки образумить свою непокорную дочь, однако вскоре и она сдалась и оставила ее в покое. Клаудия была слишком независимой, и теперь семье, которая баловала и потакала ее капризам на протяжении долгих восемнадцати лет, трудно было держать ее в узде. Им ничего не удалось сделать, чтобы отговорить ее от дружбы с Алексом.

Теперь этот замечательный период в их жизни подошел к концу. В университете Клаудия специализировалась в области живописи и дизайна и теперь по окончании курса возвращалась домой. Алекс вот-вот должен был получить докторскую степень и открыть новую главу своей жизни. И он хотел, чтобы в ней нашлось место и для Клаудии.

Почувствовав прилив нежности, он наклонился над Клаудией и поцеловал ее в шею, вдохнув слабый аромат духов. Она не проснулась, и Алекс легонько потряс ее за плечо.

– Клаудия, Клаудия, проснись!

Она лениво потянулась, и ее глаза медленно открылись. Глядя на нее, Алекс снова вспомнил стихи Томаса Дилана: “...глаза с ночною глубиной...” Это было написано о Клаудии.

– Что такое? – сонно пробормотала она. – Который час?

– Клаудия! – снова позвал ее Алекс. – Ты проснулась? Слышишь меня?

– Да... – зевнула она. – Что случилось, Алекс?

– Выходи за меня замуж.

– Что?

– Я прошу тебя стать моей женой. Клаудия окончательно проснулась и с удивлением уставилась на него.

– О чем ты говоришь? Ложись, тебе нужно проспаться.

– Клаудия, я серьезно. Мы любим друг друга, и нам хорошо вместе. Давай поженимся.

– Да, ты, кажется, не шутишь, – протянула Клаудия пристально разглядывая его с таким выражением на лице какого он никогда прежде не видел.

– Так как же? – спросил он упавшим голосом, внезапно ощутив, что получит отрицательный ответ.

Клаудия встала, накинула на плечи белый купальный халатик с эмблемой отеля и, подойдя к окну, стала рыться в своей сумочке. Достав пачку сигарет, она закурила. Движения ее были взволнованными и резкими.

– Нет, – сказала она наконец. – Я не хочу выходить замуж.

– Не хочешь выходить замуж? – тупо повторил Алекс. Ему казалось, что она обрадуется его предложению. – Но почему? Разве ты не любишь меня?

Ему стало неловко от того, что он сидит перед ней голышом. Он пошел в ванную и обернул вокруг бедер полотенце.

– Я люблю тебя больше всего на свете, – ответила Клаудия, – но я не хочу выходить замуж. Не сейчас.

– Почему, Клаудия? Что случилось?

– Почему? Потому что я хочу стать художником-модельером, – ответила она задумчиво, выпуская струйку сизого дыма. – Я хочу приложить все свои силы и добиться успеха.

– Но никто же не требует, чтобы ты отказалась от своей мечты, – сказал Алекс, садясь на кровать.

– Этого требует семейная жизнь, – она уселась рядом с ним и нежно погладила его по плечу. – Если мы поженимся, мне придется жить с тобой в Стэнфорде или Брауне. Но я не могу на это пойти, Алекс, неужели ты не понимаешь? Мне необходимо все время быть в Нью-Йорке. Нью-Йорк – это столица моды. Кроме того, Гавермаер хочет, чтобы на протяжении следующего года или около того я ездила по стране и организовывала показы его коллекций. Он сказал, что если мне это удастся, то он возьмет для демонстрации пару моих моделей. Это будет очень тяжелый год, Алекс, и я не могу сейчас выйти замуж и застрять дома.

– Ты будешь разъезжать вместе с ним? – с подозрением спросил Алекс.

– С командой, которую он собирает в настоящее время. Всем этим будет заниматься его сын.

– Ах да... – пробормотал Алекс. – Конечно.

Ронни Гавермаер достаточно часто упоминался в газетных колонках

светских сплетен. Молодой красавец имел репутацию гедониста и покорителя женских сердец. У Алекса внезапно появилось ощущение, что он может потерять Клаудию.

– Мы можем пожениться, – настойчиво предложи он, – а потом путешествуй сколько тебе угодно. Клаудия покачала головой.

– Пока я искала работу, я подумывала и о том, чтобы стать манекенщицей. Я пошла в агентство на углу Пятьдесят девятой и Шестой... “Космополитэн Модэлс” – вот как это называется. Там, положив ноги на стол и с толстой сигарой в зубах, сидел какой-то парень. Он только взглянул на мои бедра и сказал: “Леди, вы рождены, чтобы быть матерью, а не для того, чтобы демонстрировать одежду”.

– Разве ты не хочешь иметь детей?

– Конечно, хочу. И именно это случится со мной, если я выйду за тебя замуж сейчас... – Она посмотрела на Алекса и увидела, как тот качает головой. – Да, да, поверь мне! Через пару лет уже буду матерью двоих детей и буду путешествовать только между кухней и детской, раз в неделю совершая марш-бросок за покупками в ближайший супермаркет. Я хочу иметь детей, но только всему свое время. И замуж я выйду, но не сейчас.

Пытаясь смягчить отказ, она заговорила с подчеркнутым итальянским акцентом.

– Я нарожаю тебе целую кучу маленьких бамбино, Алессандро, но только через пару лет, хорошо, котик?

– Никакой я тебе не котик, – раздраженно отозвался Алекс.

Рассудочный подход Клаудии к жизни и ее решимость сделать карьеру оказались на первом месте, оттеснив его самого на задний план. Если бы она действительно любила его, то с радостью согласилась бы выйти за него замуж. Ему всегда казалось, что Клаудия столь же романтична и импульсивна, как он сам. Три года тому назад именно она подняла вопрос о свадьбе. Она хотела выйти за него замуж, но он несколько охладил ее пыл, сказав, что должен сначала получить степень доктора философии.

Клаудия была глубоко разочарована, о чем и объявила ему. С тех пор Алекс думал, что она считает дни и ждет не дождется окончания его учебы, чтобы выйти за него замуж. Однако сегодняшней вечер обманул его ожидания. Если она начнет путешествовать, причем в обществе сына Гавермаера, они могут отдалиться друг от друга. Год – двенадцать месяцев – был слишком долгим сроком.

– Так что же, – с горечью спросил он. – Значит, это прощальная ночь?

– Я люблю тебя, Алекс, – ответила Клаудия, возвращаясь в постель. – Ничто не изменилось, все осталось как прежде.

Рука ее скользнула под его полотенце.

– Ложись, милый, давай займемся любовью.

– Нет, – ответил Алекс, с трудом сдерживая захлестнувший его гнев. – Не хочу.

Он вырвался от нее и вышел из спальни. Клаудия что-то крикнула ему вслед, но он не ответил. Входя в темную гостиную, он пребольно ударился

коленом о журнальный столик. Подойдя к окну, он раздвинул занавески. Оконное стекло было холодным, как лед, и он с наслаждением прислонился к нему пылающим лбом. Внизу Алекс увидел пустую, выстуженную зимою улицу. В холодном свете фонарей между сугробами пробиралась сгорбленная одинокая фигура.

“Что я буду делать, если потеряю ее? – спросил себя Алекс. – Как я буду жить без Клаудии?”

* * *

Настойчивый телефонный звонок вырвал Гримальди из объятий сна. Из всего сновидения ему запомнились только темнота и пронзительные крики, но, может быть, это был лишь настырный телефонный звонок. Снимая трубку, Гримальди хватал ртом воздух, словно вытащенная из воды рыба. Он взмок от пота и тяжело дышал.

– Алло, – промямлил он в трубку. – Слушаю вас.

Весенний дождь яростно барабанил в оконные стекла, освещенные неестественным серым светом.

– Роддом? – спросил по-русски глубокий мужской голос. – Моя жена должна была родить, и я...

– Вы ошиблись, – перебил Гримальди. – Вы набрали неправильный номер.

Он с силой опустил трубку на рычаг и вытер вспотевший лоб. Светящиеся цифры на его электронных часах показывали шесть часов пятьдесят минут. За окном квартиры металась в серых предрассветных сумерках похожие на кости скелетов голые сучья деревьев.

Гримальди встал, принял душ и быстро оделся. Во время бритья он порезался, и лосьон “Миссони” обжег его раздраженную кожу. Застегивая рубашку, Гримальди почувствовал, что пальцы его дрожат.

“Что случилось? – спросил себя Гримальди. – Куда ты торопишься?” Если бы ему грозила серьезная опасность, Калинин наверняка предупредил бы его заранее оговоренной кодовой фразой, однако он этого не сделал. Время покинуть страну еще не пришло, и его голос во время их последнего разговора звучал уверенно и спокойно.

“Успокойся, – велел себе Гримальди. – Не паникуй”.

Калинин отбыл в Париж или в Амстердам с новым заданием и должен был вернуться к концу недели. Очевидно, он вернулся раньше и привез какие-то срочные новости.

Гримальди заварил себе чашку черного кофе без сахара и медленными глотками выпил обжигающий напиток, сидя на кухне и глядя на затопленный дождевой водой унылый двор, где рядом со ржавыми металлическими воротами, украшенными сломанными пиками, торчал из жидкой грязи скелет древнего мотоцикла. Никто не мог заподозрить, что ранний телефонный звонок был сигналом, требованием срочной встречи. Номер телефона родильного дома был очень похож на номер телефона Гримальди, отличаясь от него только последней цифрой. Калинин проделал огромную работу, чтобы найти такой, не

вызывающий подозрений, телефонный номер, звонок по которому казался бы естественным в любое время суток, в том числе и для КГБ, вне всякого сомнения прослушивающего телефон Гримальди.

Гримальди накинул куртку и вышел. На лестничной клетке было пустынно и темно – кто-то, должно быть сам домоуправ, – снова украл все электрические лампочки. В подъезде никого не было. За дверями яростно барабанил дождь, и капли воды, падая на землю, даже подскакивали на холодном асфальте. Милиционер, охранявший дом, где жили иностранцы, укрылся от дождя в соседнем подъезде. Уличные фонари все еще горели, скрытые стеной дождя. Их мощные лампы напоминали собой шары размытого бледного сияния. Гримальди раскрыл зонт. На углу находился телефон-автомат, однако Гримальди предпочитал им не пользоваться. Учитывая то, что их дом был населен в основном иностранцами, он не сомневался, что будка прослушивается КГБ точно также, как и его квартира.

Двигаясь торопливым шагом по улице, Гримальди наступил в лужу и почувствовал, как ледяная вода просачивается в ботинок. Бросив взгляд через плечо, он не заметил ничего подозрительного. В двух кварталах от его дома находилась небольшая столовая, которая открывалась в шесть утра. Два раза в неделю Гримальди заходил туда и давился отвратительным завтраком ради того, чтобы оправдать случайное использование стоявшего у входа телефона-автомата.

Лишь только он открыл дверь, в лицо ему ударил спертый воздух, насыщенный запахами пота, табачного дыма и прогорклого масла.

– Доброе утро, – поздоровался Гримальди, втискиваясь между рабочими-строителями, уборщиками метро и милиционерами, заполнявшими столовую. В воздухе плыли клубы папиросного дыма, а пол уже был покрыт окурками и пивными пробками. Буфетчица за прилавком – хмурая толстуха в грязном фартуке, перетягивавшем ее рыхлое тело, – улыбнулась ему как старому знакомому.

– Доброе утро, мистер Сентеклер, – поздоровалась она, сверкнув металлическими коронками во рту.

На мгновение взгляды посетителей обратились к нему. Все рассматривали его дорогое пальто и сшитый у хорошего портного костюм. Гримальди уже привык к завистливым взглядам москвичей и не обращал на них внимания. С независимым видом он положил на поднос черную хлеб, кубик масла, селедку в блюде и чашку чая, а затем отнес все это на столик в глубине зала.

Спустя несколько мгновений русские перестали глазеть на него и возобновили свои неспешные разговоры. Гримальди же принялся сосредоточенно рассматривать присутствующих. Многих из них он уже знал в лицо, и их поведение не вызвало в нем никаких подозрений. Страхи его улеглись – теперь он был уверен, что слежки за ним нет.

Некоторое время он механически поглощал завтрак, затем, в семь сорок пять, снова приблизился к прилавку. К этому времени в столовой оставалось всего несколько человек, так как утренний наплыв посетителей уже рассеялся. Буфетчица мыла тарелки в тазике, до половины заполненном грязной мыльной

водой.

– Я опаздываю на службу, – заговорил Гримальди. – Нет ли у юс монетки на телефон-автомат?

Буфетчица вытерла о фартук покрасневшие от воды руки, вручила ему несколько монет и перекинула несколько костяшек на счетах, стоявших на прилавке рядом с кассовым аппаратом. Русские прекрасно обходились без компьютеров и калькуляторов. Счеты заменяли им и то, и другое.

Гримальди вошел в телефонную будку. Сначала он позвонил Никите, своему водителю, чтобы тот подъехал и забрал его от столовой, а не от дома, как обычно. Следующий телефонный номер он набрал точно в семь пятьдесят, уже в нескольких метрах от столовой. Количество телефонных будок, из которых он мог звонить, изменялось каждую неделю в соответствии с заранее оговоренным планом.

На другом конце провода кто-то взял телефонную трубку.

– Завтра ровно в семь утра, у входа в гастроном на улице Чайковского, – произнес спокойный, размеренный голос.

Шифр Гримальди помнил наизусть. Завтра означало сегодня, семь утра означало восемь вечера, гастроном означал стоянку автомобилей у гостиницы “Украина”. Спокойный голос Калинина вселил в него уверенность. Гримальди был рад, что увидит друга сегодня вечером.

Он вернулся в столовую и заплатил за завтрак, намеренно игнорируя сдачу, протянутую ему буфетчицей. Чаевые в России не поощрялись, однако брали их все с удовольствием. У входа в столовую затормозил “мерседес”, и он торопливо вышел, недоумевая, зачем Калинину потребовалась срочная встреча.

Вечером того же дня, когда “мерседес” лавировал в образовавшихся на улицах Москвы пробках, Гримальди, откинувшись на сиденье, лениво размышлял о причинах беспокойства, охватившего его в последнее время. Он жил в Москве уже почти семь лет, и сознание того, что он руководит самым важным агентом ЦРУ в Кремле, больше не доставляло ему никакого удовольствия. Наскучила ему и его ежедневная деятельность по закупке лосося и икры для посторонней ему канадской компании, во время встреч с неуступчивыми чиновниками из министерств рыбного хозяйства и внешней торговли. Не в силах приспособиться к своему иностранному окружению, он не завел друзей и не находил никакого удовольствия в немногочисленных развлечениях, доступных ему в Москве.

Он так и не осмелился приблизиться к кому-нибудь из весьма привлекательных мальчиков, которые, как он понял по их поведению и жестам, были одной с ним сексуальной ориентации. В его положении ухаживание за кем-то из них было равносильно самоубийству. Олег, разумеется, тоже оставался вне пределов его досягаемости. В конце концов, Калинин был женат и имел двоих детей.

Ввиду недостатка мужчин Гримальди попытался удовлетворить свои желания при помощи женщин и познакомился с девицей, которая по всем признакам была осведомителем КГБ, получившим задание переспать с ним в порядке рутинной “заботы об иностранцах”. Утром она ушла, вполне

удовлетворенная его подарками: жестянкой растворимого кофе, несколькими пачками жевательной резинки и упаковкой мыла. Бедняга Гримальди весьма утомился, исполняя весь ритуал. По утрам проститутки покидали его, удовлетворенные лишь полученными подарками. Занимаясь любовью, они думали вовсе не об удовольствии, а о том, как больше заработать.

Даже его задание в Москве превратилось в рутинную обязанность. Он встречался с Калининым, проверял тайники, где могло быть оставлено сообщение, кодировал полученную информацию и пересылал безобидные на первый взгляд письма по условному адресу в Монреале. На протяжении своих первых месяцев в Москве Гримальди читал добытые Калининим документы затаив дыхание – это были расписанные по минутам заседания Политбюро, тезисы, подготовленные для переговоров по разоружению, аналитические обзоры советской разведки, обзорные документы военной промышленности.

По прошествии определенного времени он, однако, привык к тому, что ему приходится иметь дело с документами первостепенной важности. Теперь он кодировал документы совершенно механически, не вникая в их содержание. Сообщения для Лэнгли он пересылал через Монреаль.

Даже ежегодный отпуск не приносил ему удовлетворения. Сначала он летел самолетом до Монреаля, потом прокрадывался в Буффало, по дороге превращаясь из Сент-Клера в Гримальди. По пути неизбежно приходилось заворачивать в Нью-Йорк для текущего инструктажа и снятия информации. Вашингтон оставался недоступным – слишком велик был риск разоблачения. Вскоре вся эта процедура стала привычной и надоела до последней степени, хотя Гримальди понимал, насколько опасно секретному агенту привыкать к единообразной схеме.

Вместе с тем Гримальди испытал серьезное беспокойство только один раз – когда в 1970 году молодой русский кагэбэшник сел ему на хвост и проводил от конторы до гостиницы “Националь”. Если бы это произошло сегодня, Гримальди, наверное, не заметил бы его – со временем бдительность и настороженность притупились в нем. Тот инцидент произошел четыре года назад, и Гримальди в панике бросился к телефону, требуя помощи у Калинина. Его страх усилился, когда за несколько минут до своей незапланированной встречи с Калининим в Большом театре он заметил настырного паренька и с трудом поборол искушение сбежать во время антракта. У него было достаточно причин для беспокойства: в качестве канадского бизнесмена он не обладал дипломатическим иммунитетом. Если бы его поймали, ему пришлось бы гнить в подвалах Лубянки остаток своей жизни.

Слава богу, это оказалось ложной тревогой. Молодой человек, преследовавший его, оказался всего лишь курсантом Высшей школы КГБ, который получил задание выслеживать иностранца в Москве, как и пара сотен других курсантов в этот день. Калинин сообщил ему это приятное известие через пару дней после инцидента. Похоже было на то, что молодой человек даже не успел составить рапорт – так быстро он был переведен в другое управление. Возможно, Олег тоже приложил к этому руку, однако он ни разу не пытался объяснить это подробно.

Соглашаясь взвалить на свои плечи работу в Москве, Гримальди надеялся, что это позволит ему подняться на высшие ступени иерархической лестницы ЦРУ. Его перспективы все еще выглядели многообещающими: он знал, что в Лэнгли о нем говорят с благоговением как о безупречном шпионе, достойном подражания, но даже легенда не могла существовать вечно. Ему следовало уйти, пока он был на гребне успеха, пожиная плоды славы. ЦРУ менялось на глазах, и в нем брало верх молодое поколение. Гримальди мог уже давно собрать пожитки и вернуться в Лэнгли, где его ждала законная часть добычи.

Однако он не хотел возвращаться без Калинина, который мог бы стать венцом его последней операции. Это был бы подлинный триумф – величайший американский шпион со времен второй мировой войны и его подопечный возвращаются целыми и невредимыми из логова льва. Впрочем, Олег тоже не был к этому готов. Гримальди подозревал, что ему по душе высокое положение, занимаемое им в Кремле, а также те персональные привилегии, которыми он пользовался. Иногда Гримальди казалось, что Олег боится оказаться в чужой стране, где ему предстояло жить под чужим именем по поддельным документам.

Гримальди в любой момент мог попросить об отставке, и его требование было бы немедленно удовлетворено. Однако его отношения с Калининым продолжали удерживать его в Москве, несмотря на то, что они встречались довольно редко и лишь для коротких деловых бесед. Тем не менее Гримальди продолжал чувствовать, что является единственной опорой Олега. Гримальди был уверен, что однажды, уже после того, как они вернутся в Соединенные Штаты, Калинин снова станет его любовником, как в добрые старые времена в Берлине.

– Ну вот и приехали, – сказал Никита. Машина остановилась напротив ярко освещенного входа в гостиницу “Украина”, где ожидали своих пассажиров два экскурсионных автобуса, на одном из которых было написано “Московский цирк”, а на другом – “Фольклорный ансамбль”. Западные туристы готовились насладиться ночью “в русском стиле”.

Гримальди посмотрел на часы, было без десяти восемь. Рассчитывая, что встреча с Калининым продлится минут десять-пятнадцать, он прикинул, сколько времени потребуется на то, чтобы поужинать в ресторане, что было необходимо для оправдания его поездки в гостиницу.

– Заберешь меня в девять тридцать, – сказал он Никите. – Постарайся не опоздать.

– Хорошо! – осклабился водитель, и Гримальди с отвращением подумал, что через десять минут он уже будет тискать свою маленькую подружку, живущую у метро “Кропоткинская”. Она уже давно хотела бросить Никиту, но тот каждый раз соблазнял ее американскими сигаретами, украденными из кабинета Гримальди. Впрочем, Гримальди был доволен – шоферу было чем заняться, кроме поздних выездов босса.

Гримальди вошел в вестибюль гостиницы, нервно оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь необычного. Он надеялся, что заметит поджидающих его у входа, якобы углубившихся в чтение газет. Не обошел он

своим вниманием ни телефонные будки, возле которых могли болтаться странные личности, ни валютные магазины. Впрочем, ничего подозрительного он не заметил. У дверей, как всегда, дежурили два милиционера в штатском, которые проверяли документы входящих иностранцев, отшивая местных мошенников, проституток и спекулянтов. Отдел регистрации тоже не вызвал у него никаких подозрений – за высокой деревянной стойкой сгорбились над книгами регистрации постояльцев две прыщавые девицы, да отчаянно зевал, прикрывая рот рукой, широкоплечий администратор. Гримальди знал, что когда КГБ устраивает свои ловушки, то оперативные сотрудники, переодетые в форму работников гостиницы, в первую очередь оказываются за стойкой.

В валютном баре Гримальди выпил две рюмки водки, снова чувствуя себя подозрительным и раздраженным. В конце концов, он отнюдь не принадлежал к когорте храбрецов, которым нипочем любые опасности. Ему все еще было стыдно за свое позорное поведение в Альпах много лет назад, однако даже себе он не признавался в том, что струсил. Он был умен, хитер, удачлив, но – труслив. Пожалуй, настала пора и ему остепениться и засесть в личном кабинете, пока другие играют с КГБ в шпионские игры.

В восемь часов две минуты он вышел из гостиницы через один из боковых выходов и с небрежным видом прошел на стоянку машин. “Москвича” Калинина нигде не было видно.

Вздрагивая от холода, Гримальди стоял на обочине Кутузовского проспекта. В это время суток в Москве было непросто поймать такси, однако Гримальди “голосовал”, держа в руке пачку “Мальборо”, и поэтому сразу три машины остановились рядом с ним, скрипя тормозами.

Гримальди сел во вторую машину. По дороге к парку Горького, он то и дело вытирал носовым платком покрытое испариной лицо.

“Неотложная встреча, – размышлял он. – Боже мой, я никогда не думал, что мне придется прибегать к правилам, о которых я только читал”. “Не жди меня, если я опаздываю, – говорил Калинин. – Никогда не приходи на стоянку во второй раз. Позвони из ближайшего телефона-автомата три раза подряд с интервалом в пять минут. Если я не отвечу – проверь тайник. Через двенадцать часов после несостоявшейся встречи позвони по телефону еще раз. Если и на этот раз не будет ответа – хватай такси и мчи в Шереметьево, чтобы покинуть эту проклятую страну, пока они не пришли и за тобой”.

Он уже звонил из вестибюля гостиницы “Украина”. В первый раз номер оказался занят, во второй и третий – никто не подошел. Теперь он направлялся к тайнику на территории парка Горького в полном смятении. У него был открытый билет на самолет компании “Эйр Франс” до Монреаля с остановкой в Париже, однако сегодня было уже поздно резервировать место. Его документы были в порядке – тут ему не о чем было беспокоиться, однако не мог же он появиться в аэропорту завтрашним утром и просто сесть на первый же рейс. Это выглядело бы чересчур подозрительно. Придется воспользоваться процедурой, разработанной специально для подобных случаев, чтобы как-то прикрыть поспешное бегство перед лицом грозившей ему опасности.

Что же могло случиться с Калининым? Он разговаривал с ним сегодня по

телефону дважды, а это означало, что утром он был еще на свободе.

Если, конечно, КГБ не принудил его выйти на контакт. Гримальди знал, что на Лубянке в совершенстве овладели искусством убеждения. Но, если Олега просто заставили позвонить ему, почему его не арестовали еще там, на стоянке перед гостиницей?

– Парк Горького, – объявил водитель и довольно улыбнулся, когда Гримальди вручил ему сигареты. Такси рвануло с места почище гоночного автомобиля. Снова пошел дождь, затяжной, мелкий, холодный. Несколько мгновений Гримальди стоял перед входом в парк, затем развернулся и пошел к набережной Москвы-реки.

Набережная была пустынна. Непогода изгнала даже стойкие влюбленные парочки, но Гримальди все равно несколько раз останавливался, с подозрением оглядываясь назад. Никто, однако, не следовал за ним, а тишину нарушал лишь плеск грязной воды о гранитную набережную и звук его собственных торопливых шагов. Гримальди посмотрел вверх. Почти над самой его головой нависала темная громада Крымского моста.

Он подошел к ближайшей опоре, глубоко ушедшей в рыхлую влажную землю, и наклонился, словно завязывая шнурки ботинок. Пальцы его дрожали, а под ложечкой тревожно сосало. Если за ним следят, то теперь настал самый подходящий момент, чтобы наброситься и схватить его.

Гримальди сдавленно выругался. Все эти шпионские страсти были явно не для него. Необходима была целая сеть агентов – рыцарей плаща и кинжала, которые бы обслуживали Калинина, забирая полученную от него информацию. Олег, однако, был тверд, как скала. “Никаких других агентов, – сказал он, – никаких посредников, никакой страховки. Только ты и я”.

В бетонном основании опоры, на высоте примерно фута от земли, была глубокая трещина. Гримальди вытащил кусок бетона, которым она была заткнута, и просунул руку внутрь. Его пальцы с трудом нащупали маленький листок плотной бумаги, сложенный в несколько раз. Он выдернул его из щели, засунул в ботинок и выпрямился. Колени его дрожали.

Он шел по мосту под дождем, и капли воды, отскакивавшие от его плаща, окружали его словно облаком. За мостом, у церкви Святого Николы в Хамовниках, он остановил такси. В гостиницу “Украина” он вернулся задолго до того, как Никита закончил свои амурные дела.

Сообщение было коротким и сжатым, как смертный приговор суда. Прописные буквы и цифры были напечатаны на толстом листке бумаги, и Гримальди расшифровал сообщение в ненадежном уединении своей квартиры на Ленинградском проспекте, сверяя шифрованные группы с изданием “Анны Карениной” 1965 года. Удивление его нарастало по мере того, как он переносил каждое новое слово на вырванный из блокнота листок, лежавший на столе рядом с запиской Калинина.

17 часов 20 минут. Не могу связаться с тобой, уже слишком поздно. Оставляю эту записку в тайнике на случай, если со мной что-то случится и наша встреча не состоится. В Парижском представительстве Торгпредства случайно встретил молодого офицера Тринадцатого отдела КГБ, который

оказался тем самым человеком, следившим за тобой четыре года назад в “Национале” и в Большом. Он узнал меня и вспомнил, что видел меня тогда в театре. Спрашивал, знакомы ли мы. Я сказал – нет, но он не поверил. Поэтому я срочно вернулся, чтобы предупредить тебя. От пограничников узнал, что в 17.05 этот офицер тоже прилетел в Москву. Уверен, что он будет расследовать наши с тобой связи. Если мы не встретимся сегодня, прошу тебя – уезжай немедленно. Твой преданный друг.

“Твой преданный друг...”. Гримальди потер глаза. В комнате было совершенно темно, за исключением желтого круга света от лампы, падавшего на поверхность стола и на разложенные бумаги. Холодный озноб сотрясал все его тело. Преданный друг на встречу не явился. Его преданный друг наверняка уже арестован, наверняка его пытаются. Может быть, они уже убили Калинина.

Внезапно Гримальди подумал, что за его квартирой уже может быть установлено наблюдение и что за время его отсутствия в ней могло быть установлено несколько скрытых микрофонов. Искать их было бессмысленно, к тому же и времени почти не оставалось. Его преданный друг, должно быть, уже рассказал все, что ему было известно. Мало кто из людей мог вынести изощренные пытки.

Гримальди снова посмотрел на письмо Калинина. В нем была еще одна строчка, второпях нацарапанная в самом низу, и он расшифровал ее, заранее решив, что это последний привет человека, одной ногой стоящего в могиле.

“Его имя – Дмитрий Морозов”, – были последние слова Калинина.

Дмитрий Морозов... Знал ли он это имя, слышал ли его раньше? Гримальди попытался сосредоточиться, однако он был слишком взволнован. “Расслабься, – приказал он себе. – Успокойся и попытайся вспомнить. Думай, Гримальди, малейшая деталь может быть решающей. Кто такой Дмитрий Морозов?”

Он погрузился в тайники своей памяти. Где и когда он встречал эту фамилию? Он был уверен в том, что это было не в Москве. Может быть, много лет назад, в Нью-Йорке или в Вашингтоне, когда он работал в советском отделе ЦРУ? Кто, черт возьми, такой этот Морозов?

Давние воспоминания медленно всплывали в памяти. В сталинские времена в НКВД был один Морозов, но его звали иначе. Николай... нет, Борис... полковник Борис Морозов, заместитель начальника Второго Главного управления. Воспоминания становились все отчетливее, и Гримальди вспомнил – с этим именем было связано что-то необычное. Ах, да! Конечно же, его жена, еврейская поэтесса Тоня Гордон! Ее расстреляли в 1953-м, в то время как у нее было двое детей: Александр от первого брака, и второй ребенок – сын того Морозова.

Гримальди сидел неподвижно, глядя на послание Калинина. Дмитрий Морозов. Наверняка это сын того самого Бориса Морозова. Отец сгинул двадцать лет назад, успев переправить приемного сына Александра в США. Он сам видел рапорт ФБР, согласно которому мальчик поселился в Бруклине с какими-то дальними родственниками по материнской линии.

“Два брата, – думал он, – родной и приемный сыновья одного из

высокопоставленных сотрудников КГБ. Один жил в Америке, другой остался в Москве”. Один из них стал шпионом, сотрудником спецслужбы, и Гримальди задумался о том, как могла сложиться судьба второго.

Он встал и подошел к окну, глядя вниз на улицу. Перед домом взад-вперед расхаживал милиционер. Проехала, рокоча двигателем, старенькая светло-синяя “победа”, скрылась за углом, свернув в переулок.

Гримальди закрыл шторы, отошел от окна и разорвал на мелкие клочки записку Калинина и листок из блокнота, на котором он расшифровывал ее содержание. Сложив обрывки в пепельницу, он поджег их своей золотой зажигалкой. Некоторое время он смотрел, как горит бумага, затем выбросил пепел.

Итак, Дмитрий Морозов стал офицером КГБ, и весьма опасным к тому же. Московский центр направлял на работу в Западную Европу самых лучших, проверенных сотрудников. Тринадцатый отдел посылал на Запад самых опытных своих убийц. Этот Морозов сумел изловить и Калинина, единственного друга Гримальди, который у него когда-либо был. Может быть, он уже убил его.

При мысли об этом Гримальди почувствовал неожиданный прилив ненависти. Ему казалось, что в эти самые минуты Морозов собственноручно пытается Калинина, пытаясь вырвать у него признания. Может быть, он уже расставил сети и ждет, когда Гримальди тоже запутается в них. Но если ему удастся вырваться, он отомстит. Он сокрушит этого подонка, втопчет его в грязь!

Гримальди глубоко вздохнул, чувствуя, как его тело наполняется энергией и решимостью. Он сумеет заставить этого молодого сукина сына дорого заплатить за все им содеянное.

Гримальди прошел на кухню и достал из холодильника бутылку ледяной водки. Откупорив ее, он щедро наполнил стакан и вернулся к столу. Закурив тонкую длинную сигару, он выпустил клуб густого дыма, в молчании глядя на литографию на противоположной стене комнаты, где в загадочный клубок сплелись тела двух обнаженных женщин.

В первую очередь ему необходимо было выбраться отсюда. При этом нужно выдумать какую-то уважительную причину, чтобы оправдать в глазах русских свой неожиданный отъезд. Собственно говоря, причина уже была подготовлена, и Гримальди оставалось только прибегнуть к процедуре, разработанной для экстренных случаев.

Он листал телефонный справочник дипломатических работников до тех пор, пока не нашел домашнего телефона Оскара Хаусмана, атташе посольства Канады по экономическим вопросам. Этого человека он знал довольно поверхностно – пару раз они встречались на официальных приемах и никогда ни о чем не разговаривали, обмениваясь банальнейшими замечаниями о погоде и политике.

Хаусман, однако, был единственным человеком, который знал кое-что о существовании Гримальди, хотя и немного. Ему сообщили только, что в Москве работает под прикрытием важный агент, который может выйти с ним

на связь в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Ему даже не было известно, под каким именем работает в Москве этот агент.

Гримальди закурил новую сигару и набрал номер, при этом пальцы его продолжали слегка дрожать. Ему ответил низкий, сдержанный женский голос.

– Хаусман слушает.

– Добрый вечер, – поздоровался Гримальди. – Это Чарльз Сент-Клер. Мы встречались на приеме в посольстве накануне Нового года.

– О да, конечно, я вас помню, – солгала женщина. – Как вы поживаете?

– Спасибо, хорошо. Прошу прощения за поздний звонок, но мне нужно поговорить с Оскаром.

– Одну минуточку.

Гримальди отпил из бокала водки, пролив несколько капель себе на рукав. Оскар Хаусман взял трубку почти сразу – должно быть, он стоял рядом с женой. Голос у него был усталый и мрачный.

– Добрый вечер, – поздоровался он.

– Это Чарльз Сент-Клер, – снова представился Гримальди и задал свой вопрос, в который в заранее оговоренном порядке вставил кодовые слова: – Простите, что беспокою вас в столь поздний час, но нет ли у вас случайно последнего торгового соглашения между Советским Союзом и Канадой? – он сделал небольшую паузу, чтобы сигнал опасности был понят собеседником.

– Да? – осторожно переспросил Хаусман.

– Моих ушей достигли слухи о том, – продолжил Гримальди, – что русские готовы подписать новый контракт об экспорте рыбы во Францию. Это позволит им сдемпировать Канаду и США через Общий рынок...

На другом конце телефонной линии воцарилась тишина. Хаусман понял сообщение и должен был подтвердить свою готовность действовать.

– У меня нет таких сведений, – спокойно сказал он наконец, – однако, если хотите, я могу выяснить это для вас. Что касается соглашения, то оно находится у меня в офисе.

– Я был бы весьма признателен, если бы...

– Завтра утром я займусь этим вопросом и дам вам знать. Однако я почти уверен, что пункт о стране наибольшего благоприятствования сыграет нам на руку. В нем говорится, что если русские снижают свои цены для европейцев, то они должны сделать это и для нас. Я все проверю и перезвоню вам завтра.

Гримальди дал отбой, испытывая огромное облегчение. Хаусман использовал ключевые слова – “страна наибольшего благоприятствования” и “европейцы”, что означало – сообщение Гримальди принято и понято. Гримальди оставалось только одно – паковать чемоданы в ожидании телеграммы.

Он залпом допил все, что оставалось в бокале, и снова подумал о Морозове. Подтянув к себе пепельницу, он с яростью раздавил в ней недокуренную сигару.

Телеграмму доставили ему на дом в семь пятнадцать утра. Принес ее молодой почтальон с ярко-рыжими волосами и черными от грязи ногтями. “Срочно прилетай, маме очень плохо”, – сообщала ему из Монреаля “сестра”.

Через два часа он уже был в Шереметьеве. Шел сильный дождь, однако посадка на его рейс уже была объявлена. Он заранее позвонил в аэропорт, и посадочный талон уже ждал его в представительстве авиакомпании “Эйр Франс”. Таможню он миновал без всяких затруднений – у него была с собой только одна небольшая сумка. Гримальди был без галстука, а на носу его красовались солнечные очки, хотя небо было затянуто низкой облачностью. Он размахивал телеграммой перед носом у всех и каждого, и это помогало: даже таможенники и сотрудник КГБ у представительства французской авиакомпании посматривали на него с сочувствием, качая головами и негромко переговариваясь. Телеграмма, по всей вероятности, развеяла все подозрения относительно его неожиданного отлета.

На паспортном контроле он вручил свои документы прапорщику пограничных войск – плотному человеку в форме, с привычно нахмуренным лицом и подозрительным взглядом. Тот не спеша просматривал его бумаги, задумчиво слюня палец и переворачивая страницы. Тщательно сверив паспорт с бланком советской въездной визы, он бросил на Гримальди долгий, недоверчивый взгляд.

На раскрытый паспорт упала чья-то тень, и Гримальди обернулся.

Злобные черные глаза, скрытые густыми бровями, глядели на него в упор с узкого, бескровного лица. Резко очерченная челюсть и агрессивно выпяченный подбородок выдавали безжалостность и силу характера, и все же это было красивое молодое лицо, чья привлекательность подчеркивалась мягкими, чуть вьющимися русыми волосами, прямым носом и изящными, красиво очерченными губами, которые алели на гладкой, словно восковой коже. Нахмуренный лоб и чувственный рот свидетельствовали о каких-то глубоких внутренних переживаниях.

Странный контраст этого лица заставил Гримальди вспомнить Робеспьера или Дзержинского. Оба были пламенными революционерами, фанатиками идеи, настолько посвятившие себя борьбе за свободу своего народа, что ради достижения цели без колебаний рубили этому народу головы.

Дмитрий Морозов мало изменился с момента их последней встречи четыре года назад в Большом театре, только тогда он был коротко острижен и плохо одет. Теперь же Морозов был одет в пепельно-серый шерстяной костюм западного производства, который сидел на его спортивной фигуре почти безупречно. Одевание его дополняли голубая рубашка и узкий полосатый галстук.

Морозов посмотрел на офицера за столиком паспортного контроля.

– Чарльз Сент-Клер, канадец, – пояснил пограничник офицеру в штатском.

Гримальди почувствовал, как по спине его пробежал холодок. Морозов протянул руку за его паспортом и поднес к глазам, а Гримальди украдкой огляделся, пытаясь увидеть подручных Морозова. Он знал, что офицеры КГБ не гонятся за своими жертвами в одиночку, где-то поблизости должна была быть группа захвата. Вот и они – он увидел четырех мужчин в одинаковых плащах и шляпах, сгрудившихся у пропускного пункта таможни. Мужчины курили, негромко переговариваясь.

Гримальди почувствовал, что его белье мгновенно промокло от пота и холодные щекочущие струйки потекли по спине. Морозов решил поиграть с ним в “кошки-мышки”. Вот сейчас он вежливо попросит пройти в соседнюю комнату под каким-нибудь формальным предлогом. Там, вдали от любопытных глаз, его тихо арестуют, и закрытая машина с затемненными стеклами отвезет его на Лубянку, где его уже дожидаются в своем мрачном подземном царстве дознаватели КГБ. С Калининым они, наверное, уже закончили.

Морозов задумчиво перелистал его паспорт, затем поднял голову, изучая лицо Гримальди. Выражение его лица не изменилось, однако на дне его глубоко посаженных глаз бурлил настоящий океан ненависти. Кивнув, он наклонился вперед, возвращая паспорт офицеру паспортного контроля. Он отпускал его! Гримальди во все глаза уставился на пограничника, который оттиснул на его документах печать и повернулся к следующему пассажиру.

Гримальди чувствовал, как взгляд Морозова впивается в его спину, однако справился с собой и не обернулся. Он опасался какого-нибудь трюка. Глядя прямо перед собой, он вошел в зал ожидания и напрямик проследовал к выходу. Вокруг было полным-полно людей в форме, вооруженных пистолетами, и все, казалось, смотрят на него одного. Мысленно Гримальди смерил расстояние до выхода. Осталось двадцать шагов, десять, пять...

– Мосье Сент-Клер!

Гримальди вздрогнул. Догнавший его голос был твердым, уверенным. Он не выдержал и обернулся. Морозов смотрел на него, скрестив на груди руки. Лицо его ничего не выражало.

– Желаю вашей матушке скорейшего выздоровления, – сказал он.

Гримальди пришел в себя только после того, как опрокинул подряд три порции двойной водки, поданных костлявой стюардессой французской авиакомпании. За иллюминатором самолета расстилался серый ковер сплошной облачности, которую их самолет только что пронзил, набирая высоту. За облаками их встретило солнечное, голубое небо. Только теперь Гримальди почувствовал себя в безопасности, вне пределов досягаемости Морозова и его людей.

Он чувствовал жгучую ненависть к черноглазому мерзавцу, который так унизил его несколько минут назад, проделав это исключительно ради своего удовольствия. Гримальди готов был поклясться, что Морозову доставило огромное наслаждение сделать так, чтобы дневной свет померк перед глазами Гримальди. Никто никогда так не унижал его. Русский ублюдок чуть было не заставил его наложить в штаны, намеренно выставив на посмешище своих людей. “Ну, погоди, Морозов, – подумал Гримальди. – Мы встретимся еще раз, и настанет твой черед грызть землю”.

Прошлым вечером, читая послание Калинина, и на протяжении всей последующей ночи Гримальди строил планы мщения. Теперь мысль о мести превратилась в навязчивую идею, охватившую его тело и разум. Он хотел отомстить не только за то, что Морозов сделал с ним и с Олегом; Гримальди не мог простить ему и крушения своей карьеры. Думая о беседе, на которое его призовут в Лэнгли не позднее завтрашнего утра, Гримальди только

беспомощно стискивал зубы. Эксперты конторы были безжалостными и подозрительными до жестокости, и ему придется молча сносить все их оскорбительные инсинуации Кто-нибудь обязательно спросит, в самом ли деле необходимо было столь поспешное бегство, не поторопился ли он.

– Может быть, можно было еще что-то сделать, чтобы спасти Панаму – ценного агента? – спросит другой человек, а третий подхватит:

– Может быть, он бы вышел на контакт через двадцать четыре часа, как было условлено? Seriously ли вы подумали, прежде чем принять решение? Как удалось вам спастись, если Морозов и его люди шли по вашим следам?

Даже если ему удастся благополучно пройти через все это, его поспешное бегство серьезно запятнает его репутацию. Слухи будут опережать его, куда бы он ни направлялся, подобно слухам о неизлечимой болезни. Почему он оставался в Москве так долго, спросят его официальные руководители фирмы в зале заседаний. Если бы он вернулся годом раньше, то операция была бы благополучно завершена, а ценный агент – спасен. Теперь же русские, даже имея самое общее представление о характере секретных документов, к которым имел доступ Панамы, сумеют существенно уменьшить нанесенный им урон, а через два или три года все полученные через Калинина материалы не будут иметь вообще никакой ценности.

Гримальди необходимо срочно придумать что-то, чтобы доказать – он все еще может приносить пользу. Если он хотел не только уцелеть, но и поправить свои дела, он должен был предложить своим боссам что-то совершенно новое, что-то такое, что затмит его фиаско в Москве.

Между тем Гримальди не мог думать ни о чем другом, кроме как о Морозове. Морозов был сотрудником Тринадцатого отдела – самого секретного подразделения русской разведки. В Париже он появлялся под “крышей” работника Торгпредства. Если Гримальди придумает, как его можно уничтожить, он сможет убить одним выстрелом сразу двух зайцев: нанесет удар “Управлению мокрых дел” и сведет свои счета с Морозовым.

Для этого он мог использовать Александра Гордона. Он преподнесет одного брата другому на серебряном подносе, а сам будет наблюдать за развитием событий из-за кулис, дергая в случае необходимости за нужную ниточку.

Да, это можно сделать... Гримальди расслабился настолько, что даже улыбнулся стюардессе, которая принесла ему еду. Перспектива мщения заставила его почувствовать себя много лучше.

* * *

“Это было очень похоже на охоту на росомуху, – размышлял Дмитрий. – Часами ты крадешься по следу, стараясь перехитрить чуткого, мохнатого хищника. И вот, когда ты наконец загнал его в угол, когда зверь полностью в твоей власти и ты уже поднял ружье... Стоит долю секунды промедлить, прежде чем спустить курок, и зверь мелькнет буквально между твоими ногами и спасется”.

Ему приходилось охотиться на росомах и волков в Сибири, куда он выезжал вместе с остальными “неприкасаемыми” для двухнедельных упражнений на выносливость. Он хорошо помнил затравленное выражение, появившееся в злобных глазах зверя. Росомаха вся тряслась от усталости и страха; низко припав к земле, она покорно дожидалась смерти. Тогда Дмитрий почувствовал, как ощущение собственной власти опьяняет его, словно наркотик; стоя в снегу, он предвкушал наслаждение от убийства. Стремясь растянуть удовольствие в ожидании этого момента, он не спешил стрелять, не желая, чтобы восхитительная погоня, закончившаяся его победой, подошла к концу так быстро. Но он слишком промедлил с выстрелом. Спусковой крючок уже начал поддаваться плавному нажиму его указательного пальца, когда росомаха в последнем отчаянном броске ринулась прямо на него и, проскочив возле его ног, скрылась в густом кустарнике.

“Сент-Клеру на этот раз тоже удалось ускользнуть”, – думал он, стоя под дождем на взлетном поле и глядя, как “Боинг” “Эйр Франс” уходит в низкое небо. Сент-Клер ускользнул потому что он, Дмитрий Морозов, промедлил вчера в гостинице “Украина”, как промедлил и в тот вечер в Большом театре. Он ничего не мог сделать, чтобы помешать Сент-Клеру.

– У тебя есть какие-то улики против него? – строго спросил Октябрь. – Без веских оснований никто не позволит тебе арестовать уважаемого канадского бизнесмена.

“Черт бы тебя побрал, Октябрь!” – подумал Дмитрий в бессильной ярости. Вне зависимости от наличия или отсутствия улик ему следовало схватить Сент-Клера еще вчера. Он не сомневался, что сумеет вырвать необходимые признания из этого надушенного плейбоя. Теперь момент был упущен. Для того чтобы арестовать канадца в аэропорту, необходимы были улики, веские доказательства его вины. Единственным человеком, который мог бы дать показания против Сент-Клера, был полковник Калинин, а Калинин бесследно исчез.

– Чтоб ты сдох, Калинин! – выругался Дмитрий про себя. С того самого дня, когда он столкнулся с полковником ГРУ в Париже, он заподозрил Калинина в измене. Он не ждал его появления в своей торгпредовской конторе, как и Калинин не ожидал встретить там Морозова.

Они встретились поздно вечером в здании Торгпредства на бульваре Перье, чтобы обсудить детали предстоящей операции – похищение курьера НАТО, который должен был выехать в Брюссель. Посреди разговора Дмитрий неожиданно спросил Калинина об их встрече в Большом театре, происшедшей четыре года назад. Этим вопросом он застал Калинина врасплох – тот принялся все отрицать. Оба знали, кто говорит неправду.

Как только Калинин вышел, Дмитрий взялся за телефон. Он был уверен, что Калинин готовится перебежать на Запад, чтобы сбросить свою шкуру, и приказал преградить ему все возможные пути к отступлению. Проклятый изменник был все равно что мертв, и Дмитрий считал, что ему ничего не остается, кроме отчаянных попыток спасти свою жизнь. Однако Калинин даже не попытался прорваться сквозь выставленные Дмитрием кордоны. Он сделал

самый простой ход, о котором Дмитрий даже не подумал, вернувшись в Россию первым же самолетом. К тому времени, когда самолет Дмитрия тоже приземлился в Москве, Калинин уже ушел на дно.

Дмитрий отступил на шаг назад, под козырек над дверями, и закурил сигарету, глядя на оставленный “Боингом” дымный след. У него не было никакого выхода. Если бы он позвонил из Парижа в Москву и обвинил Калинина в измене, никто бы ему не поверил. Его самого бы привезли в Москву накачанного транквилизаторами и прикрученного к носилкам рукавами смирительной рубашки. Прямо из аэропорта его отвезли бы в психушку. Как-никак Калинин был сотрудником военной разведки в Кремле, и никто в Московском центре не осмелился бы обвинить его в измене без “железных” тому доказательств.

Впрочем, был один человек, которому Дмитрий мог довериться: Октябрь. Лишь только прилетев в Москву, Дмитрий ринулся в штаб-квартиру своего наставника, но тот только покачал седой головой.

– Без доказательств к Калинину не подойти и на пушечный выстрел, сынок, – проквашал он. – А у тебя нет никаких материалов ни на него, ни на этого Сент-Клера.

Дмитрий догадывался, что могло произойти. Вернувшись в Москву, Калинин либо затребовал срочную встречу с Сент-Клером, либо предупредил его через тайник. Прошлым вечером Дмитрий следил за канадцем, однако в двадцать часов две минуты он исчез из вестибюля гостиницы “Украина” и вернулся только в двадцать один десять. Вскоре после этого персональный водитель отвез Сент-Клера домой. В этот промежуток времени он, должно быть, и получил послание Калинина.

Некоторое время Дмитрий с горечью размышлял над двусмысленностью ситуации. Поспешный отъезд канадца был тем самым доказательством против Калинина, в котором Морозов столь отчаянно нуждался. Рано или поздно он найдет этого красавца полковника. Если вести себя с ним достаточно аккуратно и дальновидно, то он еще сможет использовать его в качестве приманки, чтобы заманить Сент-Клера в ловушку.

Его людям понадобилось три месяца для того, чтобы схватить Калинина, когда тот, тщательно загримированный и с чешским паспортом в кармане, пытался пересечь чехословацко-австрийскую границу. К тому времени Дмитрий уже вернулся во Францию. Дело Сент-Клера у него забрали. При других обстоятельствах он немедленно бы вылетел в Москву и потребовал бы возобновить расследование, однако от охоты за Калининым его отвлекло одно важное событие. Дмитрий сделал открытие, по сравнению с которым остальные события бледнели и теряли свою значимость.

Одной из задач Дмитрия было приглядывать за эмигрантскими организациями различного толка, которых в Париже было как рыбы в пруду. В некоторых группах, состоявших в основном из пожилых украинцев, прибалтов и армян, у него были свои информаторы и осведомители. Эти организации занимались тем, что время от времени собирались в холодных и сырых помещениях, пели забытые гимны и салютовали устаревшим флагом,

произнося друг перед другом патетические речи. Иногда они заходили настолько далеко, что облачались в пропахшие нафталином мундиры, увешанные ржавыми медалями, и мрачными голосами приветствовали грядущее освобождение своей родины.

Среди всех этих свихнувшихся стариков, впавших в маразм, попадались, однако, немногочисленные руководители, способные и в самом деле организовать боеспособное движение сопротивления. На них-то и отработывал Тринадцатый отдел свои достижения в области разработки новейшего оружия: электрические пистолеты, отравленные пули и необнаружимые яды, весьма эффективно и своевременно ликвидируя как действующих, так и потенциальных врагов советского народа.

Дмитрию доставляло особое удовольствие просматривать газетенки и журнальчики, на издание которых уходила большая часть и без того скромных доходов эмигрантских организаций. Одно из таких изданий, оптимистично названное “Победа близка”, имело особый раздел, в котором рассказывалось о “преступлениях Советов” Там всегда было одно и то же – лагеря, массовые чистки, ликвидация кулачества и тому подобная дребедень. Закосневшие в своей ненависти авторы статей от выпуска к выпуску увеличивали число жертв коммунизма, как будто пара нулей, добавленных к спискам жертв, была в состоянии заставить мир немедленно ринуться в Россию новым крестовым походом. Товарищи Дмитрия шутили, что если и дальше пойдет такими темпами, то все население СССР через пару лет будет умерщвлено рьяными писаками. Возможно, именно поэтому журнальчик и получил свое помпезное название “Победа близка”.

В июньском номере журнала Дмитрий обнаружил статью о сталинской расправе над еврейскими писателями и рассеянно просмотрел абзац, касающийся расстрела на Лубянке его матери – это было лишь простым переложением старых газетных публикаций, и он не узнал ничего нового.

Зато на второй странице статьи помещалось обведенное рамочкой интервью с сыном Тони Гордон.

В статье сообщалось, что доктор Александр Гордон является блестящим молодым ученым, профессором Университета Брауна в Провиденсе, Род-Айленд. Сам доктор Гордон улыбался с крупнозернистой фотографии. В своем интервью он рассказывал о глубокой любви к матери и о безуспешных поисках своего сводного брата Дмитрия, которые он ведет вот уже двенадцать лет.

Дмитрий перечитал интервью несколько раз, прежде чем обратился к фотографии. При помощи сильного увеличительного стекла он внимательно изучил улыбающееся лицо светловолосого молодого человека, уверенно глядящего в объектив камеры. Он был одет в рубашку с расстегнутым воротом, и вокруг его шеи Дмитрий разглядел толстую цепочку со звездой Давида.

Дмитрий стиснул зубы. Еще один еврей. Впрочем, еврей или нет, но он был его братом.

Он не вставал из-за стола на протяжении целого часа, загнипнотизированный улыбающимся лицом брата. Александр жив и чувствует

себя хорошо. Александр разыскивал его чуть ли не с самого детства. Его брат помнил о нем.

Это было престранное ощущение. Впервые в своей жизни Дмитрий почувствовал, что он кому-то нужен, что кому-то не безразлична его судьба. Он и Александр принадлежали к одной семье, в их жилах текла одна кровь. Ему стало интересно, что за человек его брат: еще один горластый еврейский активист? Американский реакционер? В своем интервью он не высказал своего отношения к советской власти, лишь упомянул о своей глубокой любви к Родине.

“Держись от него подальше! – подсказывала Дмитрию интуиция. – Брат-еврей, живущий в Америке, нужен тебе как прошлогодний снег. Менее тесные родственные связи положили конец не одной многообещающей карьере. В детском доме ты пошел на убийство только ради того, чтобы тебя не разоблачили. Забудь об Александре Гордоне. Не ищи с ним встречи, не звони, не пиши писем, а этот журнал – сожги!”

Дмитрий медленно пришел в себя и потянулся к телефону. Его голос слегка дрожал и, должно быть, прозвучал странно, так как ему пришлось дважды повторить приказ, прежде чем его поняли.

Глава 11

Письмо из Парижа пришло в августе, в пятницу, в самый разгар неистовой летней грозы. Нины не было дома, и Алекс сам спустился к дверям подъезда. Он был небрит, в наброшенном на плечи старом купальном халате. Снаружи сердито грохотал гром, а в окнах лестничной клетки вспыхивали ослепительно белые молнии.

– Будьте добры, распишитесь вот здесь – это заказное, – сказал почтальон, скептически разглядывая его. Только после того, как Алекс расписался на бланке, он вручил ему толстый конверт. Почтальон был в желтой пластиковой накидке, и с козырька его форменной фуражки упало на иностранные почтовые марки несколько капель воды.

Рассматривая конверт, Алекс увидел, что письмо было послано на адрес Университета Брауна и только оттуда переправлено к нему домой, в Нью-Йорк. Конверт был официальный, нанесенная типографским способом надпись на французском языке гласила: “Институт Восточной Европы – Исследовательский центр”. Не распечатывая конверта, он отнес его на кухню, где пил свой утренний кофе, хотя на самом деле было уже около полудня.

Тоскливый вой ветра и неяркий свет дождливого полдня как нельзя лучше соответствовали его мрачному настроению. Впервые за всю свою жизнь, насколько он мог припомнить, ему нечем было заняться; апатия овладела всем его существом. Будущее казалось неопределенным и туманным. В июне он закончил университет, и Нина с гордостью вывесила на стене его диплом доктора философии, заключенный в рамочку. Однако чувство удовлетворения, которое он испытывал поначалу, довольно скоро сменилось тупым безразличием. Преподавание в престижном учебном заведении представлялось

ему скучным и непривлекательным. Размолвка с Клаудией в “Уолдорф-Астории” лишь усилила его подавленность.

Их будущая совместная жизнь была тем фундаментом, на котором он строил свои планы на будущее. Без нее ему не хотелось ни отправляться в Стэнфорд, ни преподавать в Брауне. Если он согласится на предложения Колумбийского или Бостонского университетов, то его жизнь превратится в сплошное ожидание ее свободных уик-эндов, которые Клаудия будет швырять ему как кость голодной собаке. Возможно, наилучшим выходом для обоих было ненадолго расстаться. Вот только куда ему уехать от Клаудии? В последнее время он возобновил свои попытки добиться советской визы, но ему даже перестали отвечать. Он списался с несколькими французскими и британскими университетами, однако результаты были неутешительны. Стремясь прервать полосу неудач, он оставил Браун и прилетел домой, чтобы увидеть Клаудию, но та уже отправилась в поездку, изредка звоня в Нью-Йорк то из Флориды, то из Монтаны. Захлебываясь от восторга, она описывала свои успехи, рассказывала о замечательных коллекциях одежды, которые она представляла, и о похвалах, расточаемых ей Ронни Гавермаером. Алексу казалось, что его планы Клаудию совершенно не интересуют. Впрочем, сегодня она должна была в любом случае вернуться на выходные, и он рассчитывал, что поездка в один из укромных уголков Новой Англии, который они открыли, еще будучи студентами, пойдет на пользу их отношениям.

Он нетерпеливо вскрыл конверт. Внутри оказалось письмо и глянцевый проспект, на обложке которого красовалась старинная усадьба восемнадцатого века с крутой черепичной крышей, короткими толстыми трубами и вымощенным булыжником уютным внутренним двориком. Кроме того, в брошюре оказались фотографии библиотек, просторных аудиторий, где проводились научные конференции и семинары, уютный лекционный зал и тенистый сад со старыми, раскидистыми деревьями. Заголовок на обложке проспекта был точно таким же, как и на конверте – Институт Восточной Европы. Ниже был дан его адрес в Четвертом округе французской столицы.

Письмо было написано по-английски.

* * *

Уважаемый доктор Гордон,

Позвольте поздравить Вас с блестящими успехами, которых Вы достигли в Университете Брауна, и выразить надежду, что Вы знакомы с нашим исследовательским институтом, пользующимся репутацией одного из ведущих научных центров, специализирующихся на странах Восточной Европы, в том числе на СССР.

В своей деятельности мы поддерживаем тесный контакт с Университетом Брауна, и нам было очень любопытно ознакомиться с содержанием Вашей работы на соискание ученой степени доктора философии – “Навязчивая идея Сталина – процессы писателей и врачей”. На наш взгляд, это одно из лучших исследований, касающихся столь интересного и важного вопроса, и мы рады

уведомить Вас, что эта работа заняла свое место на полках нашей обширной библиотеки.

Кроме библиотеки, фонд которой составляет более 25 тысяч томов, мы располагаем огромными архивами, содержащими немалое количество интереснейших документов, в том числе – уникальных. Я уверен, что если Вы заинтересованы в дальнейших исследованиях по этой или любой другой смежной теме, то в нашем архиве Вы сумеете найти немало бесценных, подлинных материалов. Чтобы заинтересовать Вас, могу сообщить, что в свое время нашему Институту удалось получить в свое распоряжение документы, касающиеся секретных планов Сталина о депортации и высылке советских евреев после процесса над писателями. Как Вам, безусловно, известно, осуществить эти планы помешала смерть Сталина в 1953 году.

В настоящее время в нашем Институте работают двенадцать исследователей, в основном – из европейских стран, и один человек из Канады. Я имею честь предложить Вам одногодичный грант на работу в нашем Институте, которая начнется с 1 октября 1974 года. К нашему огромному сожалению, мы не можем предложить Вам заработную плату, сравнимую с той, которую Вы получали бы в США, однако большинство из исследователей, которые сотрудничают с нами, уверяли меня, что наши выплаты в размере семи с половиной тысяч французских франков (примерно 1500 американских долларов) вполне приемлемы, особенно если учесть что Исследовательский центр оплачивает 75 процентов расходов сотрудников на найм квартиры. Ваши расходы на перелет во Францию также будут оплачены Центром. В то же время Ваши обязанности будут заключаться в проведении двухчасового еженедельного семинара и обзорных ежемесячных лекций.

Если Вас заинтересовало наше предложение, уведомите нас не позднее конца августа. Надеюсь, что Ваш ответ будет положительным.

Искренне Ваш,

Рене Мартино, –

Генеральный директор Института Восточной Европы.

Алекс отложил письмо, затем снова взял в руки и перечитал. Он не верил своей удаче. Рука его сама собой протянулась к телефону, но ему некому было позвонить. Нина пошла к врачу, Джоуи уехал в Вашингтон, прилагая невероятные усилия к тому, чтобы стать репортером, а Клаудия как раз была на обратном пути из Джорджии. Что касается ее, то она, пожалуй, будет не особенно счастлива услышать эту новость.

За окнами продолжал завывать ветер, и тяжелые дождевые капли барабанили по стеклу, словно картечь. Алекс развернул плитку шоколада и стал медленно жевать, перечитывая рекламный проспект.

Итак, это был не сон, все это существовало на самом деле. В письме черным по белому было написано, что доктору Александру Гордону предлагают неплохую зарплату, да и момент для подобного предложения также оказался весьма подходящим.

Алекс откинулся на стуле, заложив руки за голову. В груди у него медленно закипала радость. Целый год в Париже! В оконном стекле, которое

выходило на соседнее мрачное здание, Алекс заметил свое отражение. Он улыбался! Жизнь оказалась не такой уж безрадостной и серой, наконец-то удача ему улыбнулась. Год, проведенный в Париже, был лучшим из всего, что могло с ним случиться. Письмо с предложением, о котором он мог только молиться, несомненно было направлено ему рукою провидения.

* * *

– Это письмо послано самим провидением, – заметил Гримальди, снова бросив взгляд на фотокопию письма из Парижа, прежде чем передать ее начальнику советского отдела ЦРУ.

– В самом деле? – собеседник Гримальди, разделивший с ним ужин у Фернана, отнюдь не отличался разговорчивостью. Обликом Винс Мортон напоминал медведя; у него было гладкое лицо борца, обрамленное чахлой растительностью белесого цвета, кое-как наклепленной на лысую голову. В молодые годы этот ширококостный техасец был в Вене охотником за перебежчиками и предателями, поэтому относился к КГБ как к плохим парням из хорошего вестерна, в котором от них только клочья летят. План Гримальди, основанный на использовании Александра Гордона в качестве приманки, пришелся ему весьма по душе. Теперь настал его черед изучить письмо. Наконец он поднял свою массивную голову.

– Это отлично, Наполеон.

– Институт Восточной Европы был аванпостом КГБ на протяжении нескольких лет, – заметил Гримальди, наслаждаясь вкусом в меру поджаренных улиток-эскарго, одновременно обмакивая хрустящий хлебец в чесночную подливу. Восхищенно вздохнув, он сказал: – Знаешь, Вине, все время, что я был в Москве, я мечтал снова пообедать у Фернана.

Мортон оторвался от бифштекса из филейной части на косточке.

– Для чего они используют этот Центр? Гримальди слегка передернул плечами.

– Для прикрытия своих людей, которых они привозят в Париж. Одновременно это постоянная конспиративная квартира для их агентов, так сказать, окно в Европу. Все это тянется довольно давно и очень для них важно. Директор Института Мартино – старый волк. Сражался в Испании, потом два года учился в школе Первого Главного управления под Свердловском.

– Как ты подцепил Морозова?

– Я поместил одну статейку о еврейских писателях в эмигрантский журнал под названием “Победа близка”. Все равно он издается на наши деньги.

На другой стороне зала встал из-за столика и прошел к телефонной будке изящный черноволосый юноша, и Гримальди проводил его глазами.

– Как и большинство подобных изданий, – подтвердил Мортон, сосредоточенно пережевывая мясо. – Ты поместил там и интервью с Гордоном?

Он понизил голос, ожидая, пока пожилая пара продефилирует мимо их столика.

– Что касается финансирования, то это в большей или меньшей степени

верно. Парень, который взял у него интервью, – независимый журналист. Мы заплатили и ему.

– Откуда ты знаешь, что Морозов прочитает статью?

– Он не мог ее не прочитать.

К черноволосому красавцу присоединился щегольски одетый господин среднего возраста. “Почему он, а не я?” – завистливо подумал Гримальди. Он во все глаза уставился на юношу, который ответил ему быстрой, серьезной улыбкой.

– Тринадцатый отдел, – продолжал Гримальди, – следит за всеми эмигрантскими организациями. Морозов – представитель отдела в Париже. Он просто обязан был прочитать эту статью. А если он не сделал этого...

Он замолчал, наполняя свой бокал легким белым вином из долин Луары.

– ...В таком случае я нашел бы другой способ заставить его встретиться с братом.

– Ты уверен, что это он стоит за предложением Института?

– Совершенно уверен, – Гримальди поднял глаза. – А вот и мое главное блюдо...

– Это для мосье, – объявил Фернан, ставя перед Гримальди изысканное блюдо.

Он сильно постарел с тех пор, как Гримальди видел его в последний раз, больше обычного напоминая собой продувную бестию. Суетливо обслужив Гримальди, он попытался налить мускат в бокал Мортон. Вине успел перехватить его руку, качая головой.

– Еще пива, – распорядился он, и Фернан попятился, сохраняя на лице выражение отвращения и наигранного отчаяния.

Гримальди взял нож и с наслаждением принялся за еду. Сегодня он был в приподнятом настроении. Мрачные предчувствия, одолевавшие его весь путь из Москвы, так и не сбылись. Он вернулся в Вашингтон как герой. Никто даже не попытался обвинить Гримальди в московском провале, а по коридорам управления даже стали циркулировать слухи о его возможном продвижении на одну из ключевых должностей в советском отделе. Пока же он снял элегантную квартирку в Уотергейте и получил в свое полное распоряжение машину с шофером из гаража Лэнгли. Его отчет о расходах был также воспринят без излишних придирок.

В ту же ночь, когда он прилетел из Москвы, он затребовал досье Алекса Гордона из архивов конторы. Страницу за страницей он прочитывал материалы, накопленные ФБР за двадцать лет, начиная с того самого дня, когда мальчик прибыл в Нью-Йорк. Гримальди задумчиво перелистывал отчеты ФБР о слежке, меморандумы о прокоммунистической деятельности Нины Крамер. В пожелтевших газетных вырезках, приложенных к досье, говорилось о смерти Тони и Виктора Вульф. Все вырезки были датированы 1962-годом. Мальчику тогда было лет тринадцать.

В деле оказалась и фотокопия письма, которое вскоре после публикации в газетах разоблачительных материалов написал Алекс своему брату Дмитрию. Советские власти вернули письмо отправителю, тогда-то ФБР и перехватило

его. В другом конверте оказались глянцевые фотографии Алекса Гордона, снятые в разные периоды. На первой фотографии был изображен обыкновенный мальчик лет семи или восьми, на последней – рослый и широкоплечий молодой человек привлекательной наружности, светловолосый, ясноглазый, с серьезно сжатым ртом. Юноша был одет в рубашку с глубоким воротом и выглядел очень по-американски.

Кроме того, в досье были сведения, касающиеся его учебы в Брауне, участия в митингах протеста против советского вторжения в Чехословакию, отличных успехов на научном поприще. Особенно большое впечатление произвела на Гримальди работа Гордона, написанная им на старшем курсе. В работе говорилось о “Мании преследования как образе мысли”.

“Американцы не всегда отчетливо представляют себе, что русские, в особенности их партийные лидеры, думают о некоторых вещах совершенно по-иному. Их обуревают параноидальная боязнь заговоров и конспирации. Повсюду им мерещатся заговоры – заговоры врагов режима, заговоры национальных меньшинств, прибалтов, мусульман, армян и азербайджанцев. Они боятся инакомыслящих, ученых, писателей, эмигрантов.

Именно из страха они приписывают этим небольшим группам людей внутри своего общества чуть ли не сверхъестественные возможности и могущество. Именно из страха они заполняют свои лагеря мыслителями и рассылают по всему свету команды профессиональных убийц, которые без жалости ликвидируют старых, беззубых эмигрантов, на последние гроши издающих смешные брошюры и клянувшихся в верности лже-принцессам Анастасиям.

Но больше всего русские боятся заговора западных держав. За каждой газетной статьей, за каждой политической декларацией им видится дьявольский замысел, направленный против их страны. Они всерьез верят, что западная разведка может отравить продукты питания, которые экспортируются в Россию, или добавить химические вещества-галлюциногены в питьевую воду. Они не доверяют свободной прессе и набирают целые армии шпионов, чтобы проверять и перепроверять любую тривиальную информацию, появляющуюся в западных газетах. К примеру, обыкновенный пресс-релиз о строительстве нового моста через Рейн может всерьез переполошить агентов КГБ.

Русские все еще с осторожностью относятся к Германии, опасаясь, что она может снова напасть на них по указке Америки. Их резиденты в Лондоне, Париже и Бонне имеют постоянный приказ контролировать запасы консервированной крови в больницах и специальных банках-хранилищах. Если запасы начинают расти, это считается одним из показателей того, что Запад готов развязать третью мировую войну. Русские боятся и Израиля, считая, что политика Соединенных Штатов направляется тайным союзом капиталистов и сионистов...”

Гримальди закурил сигару и выдохнул дым в потолок. Алекс Гордон был тем самым человеком, в котором он так нуждался. Возможно, Морозов так же сильно желал встретиться со своим братом, как и Алекс, приложивший немалые усилия, чтобы отыскать Дмитрия. Дмитрий непременно должен

испытывать любовь к брату или, по меньшей мере ощущать с ним кровную связь. Это может оказаться его слабым местом. Подобное сильное чувство вполне способно помутить трезвый разум русского, заставив его руководствоваться в своих поступках не разумом, а сердцем. Семейные связи могли быть смертельно опасным оружием, если правильно их использовать. В случае, если Гримальди удастся сделать Алекса Гордона своим орудием, он сумеет уничтожить Морозова и отомстить за Олега.

И все же, куда мог деваться Калинин? Может ли быть, что он все еще жив? Если он жив, то почему не пользуется крошечным радиопередатчиком, который вручил ему Гримальди? К тому же, кроме радио, существовали и другие способы выйти на связь.

Долгими ночами Гримальди просиживал в комнатах связи и оперативного управления в Лэнгли, вызывая станции ЦРУ в Восточной Европе, прослушивая передачи советских секретных служб, просматривая разведывательные материалы, поступающие из стран Восточного блока. Внимательно и аккуратно исследовал он каждую тропинку, которая могла вывести его к Панаме.

Олег Калинин сильно рисковал, возвращаясь в Москву, чтобы предупредить его, и Гримальди пытался хоть чем-то отплатить ему за оказанную услугу. Увы, до сих пор все его усилия были тщетными. Единственным известием, как-то связанным с судьбой его друга, было краткое сообщение о том, что вблизи чехословацко-австрийской границы офицеры службы безопасности в штатском ссадили с поезда мужчину среднего возраста. В принципе это мог оказаться кто угодно, однако...

Гримальди не мог не думать о Калинине. Что с ним? Бывало, что посреди ночи, когда комната оперативного управления погружалась в мягкий полумрак и повсюду дремали в своих креслах операторы связи, пришедшие на ночную вахту, Гримальди склонялся над мощными электронными аппаратами, выстроившимися вдоль светло-серой стены, и впивался взглядом в зеленые экраны компьютеров, голубые мониторы радаров и перемигивающиеся красными огоньками передатчиков, которые свидетельствовали об одном – кодированный сигнал вызова Олегу Калинину постоянно передается в эфир. Всего лишь одна фраза на секретной частоте, слишком короткая, чтобы ее перехватить, и слишком маленькая, чтобы расшифровать: “База вызывает “Панаму”. “Панама”, ответьте Базе”.

Очень часто Гримальди воображал себе, как радиоволны переваливают через берлинскую стену и несутся над унылыми равнинами Восточной Европы, над пшеничными полями Украины и зелеными холмами Белоруссии, над лесными массивами вокруг Москвы и вершинами Уральских гор, над сибирской тайгой и замерзшей тундрой. Он все еще надеялся, что где-то там, за Железным Занавесом, цел и невредим его друг, Олег Калинин, сумевший вырваться из когтей злых сил, преследовавших его. Он надеялся, что он услышит голос, шепчущий в его радиоприемнике, и откликнется.

“Панама”, ответь Базе! – молился он про себя. – Останься жив, мой Олег, не сдавайся, не позволяй им победить себя. Мы найдем тебя, мы вытащим тебя и привезем домой!”

* * *

То, как Клаудия отреагировала на его решение отправиться в Париж, удивило Алекса. Он не ожидал, что в ней проснутся столь сильные собственнические инстинкты.

– Я люблю тебя, Клаудия, но мне придется ненадолго уехать, – сказал он, пытаясь объяснить ей принятое решение. – Меня уже тошнит от того, что я неделями сижу на одном месте и не знаю, чем заняться в ожидании выходных, когда ты возвращаешься из своей очередной поездки.

Но она не желала ничего слушать. Как только он сообщил ей о том, что ему предлагают место и неплохую зарплату, она ответила ему его же собственными словами.

– Если ты любишь меня, то почему хочешь уехать? – сказала она ему вечером в пятницу в обеденном зале маленькой коннектикутской гостиницы, где они проводили уик-энд.

– Господи Иисусе, Клаудия! – возмутился он и тут же понизил голос. – Ты-то уезжаешь от меня каждое воскресенье!

– Это совсем другое дело! – вспыхнула она, и единственная парочка в обеденном зале, он – загорелый, привлекательный атлет, она – очень милостивая негритянка – покосилась в их сторону.

– Я и так все время с тобой, я звоню тебе по телефону, пишу тебе письма, в конце концов, я приезжаю к тебе каждую неделю!

– Я тоже буду с тобой, – попытался успокоить ее Алекс, и негритянка улыбнулась ему. – Я тоже буду тебе звонить, буду писать тебе письма, а через год мы опять будем вместе.

– Не рассчитывай на это, – отрезала Клаудия и обожгла его взглядом. – Не думай, что я раз и навсегда твоя собственность.

Она тряхнула головой.

– И вообще прекрати пялиться на эту черномазую! В конечном итоге им удалось заключить перемирие и добиться прекращения огня. По условиям соглашения ровно через девять месяцев – в июне будущего года, Клаудия должна была приехать к нему в Париж и провести с ним остаток лета. Тогда они серьезно поговорят о своем будущем. Алекс, однако, уже сейчас был уверен, что этот разговор так и не состоится.

Клаудия отдалялась от него. Уже сейчас она была слишком увлечена своей собственной, отдельной от него жизнью. Несколько раз они выезжали на прогулку с ее приятелями-манекенщиками и их подружками. Это были, безусловно, потрясающие девочки, однако довольно скоро Алекс почувствовал, что сыт по горло их непрекращающейся болтовней о “божественных” платьях, “божественном” макияже и “божественных” дизайнерах по имени Лоренцо, Витторио или Анджело, не говоря уже о “божественных” парикмахерах, примерах и фотографах с такими же или весьма похожими именами.

– Тебе не нравятся мои друзья, – сказала ему Клаудия тем вечером в Коннектикуте, подбоченясь. Это был тот самый жест, который Алекс хорошо

помнил со дня их первой встречи и который так нравился и волновал его. Но Клаудия даже не улыбалась.

– Нет, – признал он. – Не нравятся.

– Но вам придется по крайней мере привыкнуть к ним, профессор, потому что они нравятся мне и потому что я намерена проводить с ними немало времени.

– Поступай как знаешь, – резко возразил он. – Не мне придется терпеть этих нудных снобов, так же как не придется проводить время в их компании. Как, впрочем, и в твоей, потому что я уезжаю.

– Это так, – ответила она неожиданно задумчиво. – Ты уезжаешь. Но ты даже понятия не имеешь, насколько далеко...

Их ссора закончилась в постели. Секс стал лекарством, который позволил обоим на время позабыть о своей горечи и обидах, однако даже занятия любовью не принесли радости двоим людям, донельзя уставшим от попыток побольнее уязвить друг друга.

Так они ссорились и спорили каждый уик-энд, который они проводили вместе, до тех пор, пока летняя жара не растаяла и не унеслась прочь на прохладных крыльях наступившего сентября.

На следующий день после их последней стычки Нина и Клаудия отвезли Алекса в аэропорт имени Кеннеди. Перед тем как пройти контрольный пункт безопасности в новом корпусе аэровокзала ТВА, Алекс обернулся и крепко обнял Нину. Пожилая женщина попыталась улыбнуться ему сквозь выступившие на глазах слезы.

“Она выглядит ужасно”, – внезапно подумал Алекс, крепко прижимая к груди ее высохшее, хрупкое тело. Волосы Нины стали совершенно белыми, щеки ввалились, а радужная оболочка глаз слегка помутнела. В последнее время она не очень хорошо себя чувствовала – застарелая язва беспокоила ее днем и ночью. После выхода на пенсию она почти не выходила из квартиры, разве что для посещений своего лечащего врача доктора Шапирштейна. Сегодня, однако, она сама настояла на том, чтобы проводить его в аэропорт, хотя ей и пришлось снова делить его с Клаудией, которую она по-прежнему недолюбливала.

– Честное слово, я очень рада за тебя, голубчик мой, – сказала она на прощание. – Тебе очень понравится в Париже. Ты правильно решил, – сказала она, целуя его в обе щеки. – Ты правильно решил, – с нажимом повторила она.

Старушка была безусловно довольна тем, что он будет достаточно далеко от своей Клаудии, ибо соперничество между двумя женщинами в последнее время разгорелось с новой силой. Возможно, это произошло из-за того, что Нина догадалась, какую сильную боль причинила Клаудия ее Алексу.

Затем Алекс повернулся к Клаудии.

Клаудия была бледной и хмурой, а с лица ее еще не успели изгладиться следы недавнего гнева. Не далее как сегодняшним утром она коротко подстриглась, и Алекс был уверен, что она сделала это в пику ему, ибо ей было известно, как сильно нравились ему ее длинные вьющиеся волосы. Может быть, она хотела ему что-то этим сказать, попытавшись стереть образ той

Клаудии, какая существовала в представлении Алекса до настоящего времени. Он крепко обнял ее, однако ее тело осталось неотзывчивым и напряженным, почти враждебным.

– Я люблю тебя, – прошептал он ей на ухо, и Нина тактично отошла на несколько шагов в сторону, проявив неожиданный интерес к журналам, выложенным в длинный ряд на стойке газетного киоска.

– Если ты действительно меня любишь, то не должен уезжать, – упрямо возразила Клаудия.

Он поцеловал ее и помахал Нине рукой. Миновав пост безопасности, он сразу прошел к выходу на посадку, так ни разу и не обернувшись. Горло его перехватило от ощущения огромной потери. Он старался не думать о Клаудии и сосредоточился на том, что ждало его впереди.

На его рейс уже была объявлена посадка. Алекс поднялся на борт “Боинга-707” и сел на свое место у прохода. Рассеянно перелистывая попавший ему под руки журнал, он продолжал думать о Клаудии, перечитывая некоторые фразы по два раза, чтобы понять их смысл. Алексу казалось, что сегодня он потерял Клаудию навсегда.

Пытаясь отвлечься от грустных размышлений, Алекс огляделся по сторонам. В салоне было довольно мало пассажиров, однако соседнее с ним кресло оказалось занятым. Попутчик Алекса был человеком лет пятидесяти с небольшим, щегольски одетым в голубую спортивную куртку поверх цветастого жилета, шелковую рубашку и шейный платок в крупный белый горошек. От него хорошо пахло дорогим одеколоном, а на загорелом лице, украшенном усами а-ля Кларк Гейбл, блестели лукавые зеленые глаза. Наманикюренные пальцы были унижены золотыми перстнями.

– Будем путешествовать вместе, – вежливо сказал незнакомец. – Мое имя – Гримальди, Франко Гримальди.

На протяжении долгого перелета во Францию Алекс успел убедиться, что, несмотря на очевидную склонность к излишне ярким нарядам, его попутчик – человек удивительный и незаурядный. За короткое время Гримальди сумел рассказать ему историю своей жизни. Он работал на информационную службу Соединенных Штатов и объехал почти весь мир. Он жил в Берлине, Лондоне, Париже, а совсем недавно вернулся из Москвы, где находился в служебной командировке.

Упоминание города, в котором он родился, возбудило любопытство Алекса, и он засыпал собеседника вопросами. Гримальди с удовольствием отвечал ему, то и дело задавая Алексу встречные вопросы. Только когда их самолет стал снижаться над аэропортом Шарля де Голля, Алекс сообразил, что он, пожалуй, говорил намного больше, чем сам Гримальди, рассказывая ему о своих родителях, о своем пропавшем брате, о должности, которую ему предложили в Институте Восточной Европы, даже о Нине и Клаудии. Свою чрезмерную общительность он, впрочем, легко объяснил себе изрядным количеством выпитого. Гримальди постоянно заказывал для обоих двойные порции водки, которые он поглощал по-русски, одним лихим глотком. Вскоре Алекс уже хлопал его по плечу и восклицал вместе с ним: “На здоровье!” Это

продолжалось на протяжении всего полета, и Гримальди казался ему прекрасным парнем, настоящим гражданином мира, к тому же он даже немного говорил по-русски!

Они расстались в аэропорту, однако лишь после того как Гримальди всучил ему свой адрес в отеле “Интерконтиненталь” на Вандомской площади и телефон в посольстве США. Сам он записал в свою телефонную книжку телефоны Института Восточной Европы. Да, конечно же, он слышал о нем – прекрасное место.

Гримальди предложил Алексу вместе добраться до Парижа на такси, но Алекс вежливо, но твердо отклонил это предложение. Он так много слышал о Городе Огней, что уже давно решил въехать в Париж в одиночестве, чтобы как можно полнее насладиться его легендарной красотой.

Он остановил такси – крошечный “пежо”, казавшийся очень маленьким снаружи, и бывший удивительно просторным внутри. Стояло раннее утро. Небо было безоблачным и чистым, а в первых лучах солнца сказочный город подернулся золотистой дымкой. Водителем у него оказался тучный парижанин с красным лицом и усталыми мутными глазами, который всю дорогу не переставал ворчать и жаловаться. Свой гневный монолог он адресовал огромной немецкой овчарке, как на троне восседающей на пассажирском сиденье, с подозрением рассматривая Алекса и угрожающе облизываясь.

В Париж они въехали через Порт де ля Шапель. По пути Алекс с любопытством рассматривал приземистые старинные дома, оживленные рынки на уютных площадях, которые иногда растекались и по примыкающим улицам. Осень была в самом разгаре, в высшей точке своей золотисто-желтой красы, она уже успела раскрасить листву деревьев на бульварах охрой, золотом и багрянцем. Утренний ветер срывал эти листья и устилал ими тротуары, швыряя их под ноги прохожим, укрывая землю золотым ковром. Парижане, впрочем, отнюдь не выглядели приветливыми: лица мужчин были мрачны, замкнуты, что еще сильнее подчеркивалось строгими, консервативными костюмами. Женщины, худощавые и грациозные, одевались по последней моде и с пренебрежением взирали на все окружающее.

По мере того, как такси оказывалось все ближе к центру Парижа, архитектура зданий заметно изменилась. Повсюду засверкали никель и стекло, замелькали неоновые вывески над переполненными кафе и бистро. Алекс разглядел несколько роскошных мебельных магазинов и изысканных лавок, торгующих женским бельем. Улицы заполнились маленькими юркими автомобилями, в основном “пежо”, “рено” и “ситроенами”, стремительно мчавшимися в самых разных направлениях, ибо галльское пренебрежение к правилам уличного движения было в крови у большинства водителей. Не раз и не два Алекс наблюдал, как темпераментные французы на ходу высовывают головы из окошек и, сверля друг друга глазами и сопровождая свою речь соответствующими жестами, обмениваются сочными эпитетами, относящимися к добродетелям матерей и сестер своих визави.

На вершине одного из холмов парил белый собор Сакре-Кёр, а холм именовался Монмартром. Здесь располагались известные на весь мир

мастерские художников. В утренней дымке плыла ажурная Эйфелева башня.

Затем они проехали церковь святой Мадлен из серого камня, выстроенную по образцу греческих храмов, в середине которой высился тонкий египетский обелиск, испещренный золотыми иероглифами-письменами. Справа Алекс успел увидеть Елисейские поля и Триумфальную арку.

Затем такси свернуло налево и поехало вдоль Сены. Через грязные воды знаменитой реки во многих местах были переброшены чудные мосты, каждый из которых отличался собственным, неповторимым стилем. У парапета на набережной целовалась парочка, а справа от нее показалась из-под изогнутой арки моста длинная баржа, и в памяти Алекса немедленно ожили болезненные воспоминания о ночи, проведенной с Клаудией в номере отеля “Уолдорф-Астория”. Там на стене висела акварель с изображением баржи на Сене.

Но такси уже свернуло с набережной в лабиринт узких улочек, проложенных между совсем древними зданиями. То и дело им встречались необычные памятники, церкви и небольшие дворцы. Алекс был поражен, когда ему на глаза попала вывеска с изображением золотой конской головы – символом скотобойни, откуда конину поставляли в самые изысканные рестораны.

Тем временем такси повернуло еще несколько раз и въехало во внутренний двор старинной усадьбы, каменные стены которой сияли первозданной белизной. Широкая терраса, вымощенная прямоугольными плитками, вела к двойным деревянным дверям, выкрашенным в светло-коричневый цвет. Это место Алекс уже видел на страницах присланной ему брошюры, перечитанной им бесчисленное количество раз. Это и был Институт Восточной Европы.

Держа в руке чемодан, Алекс вошел в здание. В вестибюле он миновал двух молодых людей в просторных рубашках-поло и джинсах, оживленно обсуждающих по-французски отношения между Лениным и его женой Крупской.

Кабинет директора располагался на первом этаже, однако путь туда преграждали сразу две секретарши, сосредоточенно мучившие свои пишущие машинки. Алекс представился, и одна из секретарш – пожилая женщина с седыми волосами и скошенным подбородком, уставилась на него с каменным выражением на лице. Алекс еще раз повторил свое имя.

– Ах да, мосье Гордон, – сказала она наконец. – Мы не ждали вас так рано.

Она оставила в покое машинку и исчезла за внутренней дверью. До Алекса донесся приглушенный разговор, причем, кроме секретарши, он расслышал сразу два мужских голоса, которые что-то говорили напряженным шепотом. Скрипнула и с грохотом захлопнулась какая-то дверь – скорее всего вторая дверь, ведущая из кабинета директора. В следующий момент секретарша вернулась. На ее верхней губе выступили крошечные капельки пота.

– Господин Мартино вас примет, – холодно сказала она.

Алекс постучался и вошел в кабинет. Еще до того как позвать руку директору Института, он окинул комнату быстрым взглядом. Разумеется, в дальней стене была еще одна дверь, а в пепельнице на столе лежали две

недокуренных сигареты разных марок. Одна была американской, вторая – французской; вонючие сигареты марки “Голуаз” сами французы вежливо относили к сорту “брюн” – черные. Рядом с пепельницей валялась пачка “Кента” и зажигалка, и Алекс сообразил, что “Голуаз” курил посетитель, выскочивший из кабинета в такой спешке.

– Добро пожаловать в Париж и в наш Институт, мосье Гордон!

Мартино оказался худым человеком с бледным узким лицом. Карие глаза, казавшиеся особенно большими из-за сильных очков в тонкой оправе, постоянно моргали, выдавая странное волнение директора. Двубортный пиджак свободно болтался на его узких плечах.

Мартино пожал Алексу руку, и на губах его наконец появилась улыбка.

– Мы не ожидали, что вы приедете так рано, – сказал он и снова моргнул.

– Я вылетел вечерним рейсом, – пояснил Алекс.

– Да, да, я понимаю.

Мартино сидел за столом совершенно прямо, словно аршин проглотил. На столе перед ним аккуратными стопками были разложены бумаги, папки с документами и журналы. В узком деревянном стакане торчали заточенные карандаши, второй стакан был заполнен канцелярскими скрепками, а за его спиной висела на стене большая карта Восточной Европы и Советского Союза.

Беседуя с Алексом, директор понемногу пришел в себя и расслабился. Он рассказал Алексу о распорядке рабочего дня и правилах Института, а также просветил относительно практических вопросов его пребывания в Париже. В частности, директор предложил ему арендовать одну из квартир, в которых жили предшественники Алекса, заверив, что все они располагаются в тихих живописных районах и находятся в отличном состоянии. Алекс согласился и вышел, пообещав на прощание пообедать с Марино в конце недели.

Через полчаса он снова был в такси, намереваясь подыскать себе подходящее жилье. Он осмотрел несколько квартир в разных частях города, одна из которых была рядом с Оперой, а две другие – почти что на Елисейских полях. Свой выбор он остановил на четвертой квартире и сделал это, во-первых, потому, что она находилась на Левобережье, в самом центре Студенческого квартала, а во-вторых, потому что она находилась в мансарде высокого семиэтажного дома, и из окон ее открывались потрясающий вид на Нотр-Дам и захватывающая дух панорама башенок, бастионов и острых, как иглы, спилей Иль де ля Ситэ.

Он пообедал в знаменитом “Брассери Липп” на бульваре Сен-Жермен, сев за столик на открытой веранде, откуда была хорошо видна старая церковь и толпа знаменитых писателей, фотомоделей и кинозвезд, которые собрались на противоположной стороне улицы вокруг “Кафе де Маго”.

Он заказал шукрут – свинину с картофелем и кислой капустой – блюдо, на котором специализировалось заведение.

Через несколько минут официант посадил за соседний столик двух пожилых французов – Алекс оценил их возраст примерно между шестьюдесятью пятью и семидесятью годами. Он не мог не слышать их разговора, а его докторская степень подразумевала хорошее знание

французского, поэтому ему не составило никакого труда следить за развитием беседы двух стариков.

– Знаешь, Пьер, – обратился один к другому, и его красивое лицо просияло. – Я влюблен.

Его приятель, седой старик с красным лицом, наклонился к нему.

– Расскажи мне о ней, – попросил он.

Счастливым влюбленным принялся описывать свою возлюбленную, особо остановившись на том, как сверкают по утрам ее глаза, какого цвета у нее волосы, какая мягкая и бархатистая у нее кожа. Со страстью в голосе он рассказывал о ее манере говорить, о том, какую гамму цветов она предпочитает в одежде, какие книги и стихи любит. Затем старик яркими красками описал их прогулку в парке и то, как солнце падало на ее лицо, как ветер играл ее волосами, отметив мягкость ее голоса и не забывая про волшебную нежность ее прикосновений.

– Иногда, глядя на нее, я вспоминаю стихи Бодлера, – закончил он и процитировал по памяти соответствующий отрывок. Приятель возразил ему, продекламировав стихотворение другого известного поэта. Старик – пылкий влюбленный – говорил больше часа, а его товарищ с увлечением слушал, изредка вставляя в страстный монолог друга свои вопросы.

“Да, это Париж”, – подумал Алекс, глядя, как два столь пожилых человека с искренней страстью обсуждают любовную историю. Ему вспомнился другой разговор, который он случайно подслушал в ресторане на Манхэттене не далее, как две недели назад. Разговаривали два мужчины, обоим было не больше тридцати.

– Послушай-ка, – сказал один из них, в дорогом костюме и шелковом галстуке. – Вчера вечером я снял одну девицу в баре “Рандеву”. Это было что-то потрясающее.

– Хороша в постели? – деловито поинтересовался его приятель.

Затем оба расхохотались и заговорили о бирже и ценных бумагах.

“Наверное, в этом и заключается разница между нами, американцами, и французами, – решил Алекс, потягивая маленькими глотками свой кофе. – Они до последнего вздоха остаются неизлечимыми романтиками, в то время как мы черствеем и превращаемся в заскорузлых циников. Возможно, поначалу мы просто стыдимся своих чувств, а потом становится поздно”.

Алекс заплатил по счету, добавив чаевые, по-видимому, слишком щедрые, так как официант любезно проводил его до дверей, отчаянно стремясь добиться заверений в том, что мосье непременно заглянет сюда еще раз.

Воздух был прозрачен и чист, и Алекс решил, что первый день в Париже очень ему понравился. Он приехал сюда в лучшее время года, нашел великолепную квартиру и воочию увидел, что такое французский культ любви, первый урок которого преподнесли ему два пожилых – и вечно молодых – парижанина.

Древний лифт Института Восточной Европы пыхтел, стонал и скрипел, поднимая его на самый верхний этаж, где располагалась библиотека. Там он чувствовал себя как дома, бродя между прогибающимися полками и вдыхая

душный, пыльный запах старых книг. Время от времени он вынимал из шкафа и пролистывал какой-нибудь древний том, касающийся российской истории. Мартино не солгал – это было действительно уникальное собрание книг и документов.

На одной из боковых полок ему под руку попала книга, о существовании которой он даже не подозревал. Это был отчет о процессе над писателями 1949 года, о процессе над его отцом. Алекс взял тяжелый том под мышку, намереваясь пройти к одному из столиков, когда какой-то шорох заставил его обернуться.

Алекс судорожно вздохнул и остолбенел. Перед ним стояла одна из прекраснейших женщин, каких он когда-либо видел.

Пригвожденный к полу, Алекс впитывал ее красоту и не мог напиться, не мог даже отвести глаз от ее лица. Оно было очень красивым и одновременно исполненным какой-то неземной печали. Высокие скулы, чистый лоб, рельефные и страстные губы – такое лицо могло принадлежать греческой богине. Верхняя губа была слегка изогнута вверх нежнейшим овалом. Этот рот мог принадлежать юной княгине Болконской, как описывал ее Толстой в “Войне и мире”. Кожа у девушки была белой, почти прозрачной, отчего овальное лицо незнакомки и точеная шея слегка мерцали словно нечто бесплотное, принадлежащее сверхъестественному порождению эфира.

С этого чистого лица глядели на Алекса огромные, глубокие голубые глаза, лучащиеся невинностью и невообразимой печалью. Из-за этих глаз незнакомка выглядела столь уязвимой и легко ранимой, что Алекс почувствовал непреодолимое желание немедленно сделать все возможное и невозможное, чтобы рассеять эту глубокую тоску, хотя были в этих глазах и какая-то загадка, и некое потаенное знание, отчего девушка казалась ему недосягаемо далекой.

Светлые волосы незнакомки были собраны в прическу, венчавшую ее голову словно корона древнего золота. Стройное тело с высокой грудью и узкими бедрами, туго обтянутое черной блузкой и брюками, вызывало восхищение. Зрелая красота девушки, в соединении с невинностью и кажущейся беззащитностью, производили странное, ни с чем не сравнимое, почти волшебное впечатление.

“Так могла выглядеть моя мать, – внезапно подумал Алекс. – Светловолосая, голубоглазая, “...сердца чистого мечта”, романтическая и невинная как дитя, заблудившееся в жестоком и грубом мире”.

– Добрый день, – приветствовал он ее по-французски и улыбнулся. Голос его слегка дрожал. Девушка без улыбки посмотрела на него.

– Бонжур, мосье.

– Меня зовут Алекс Гордон, – представился Алекс. Сегодня утром я прилетел из Нью-Йорка и буду некоторое время работать в этом Центре – проводить исследования.

Она кивнула ему серьезно, словно маленькая девочка. Мимо прошел бородатый студент, который приветствовал ее улыбкой и кивком головы.

– А вы? – спросил Алекс, ломая голову в поисках какой-нибудь

остроумной шутки или замечания. – А как вас зовут?

– Татьяна.

Ее голос был приятным и чистым.

– Вы русская? Я тоже русский.

Мимолетная улыбка осветила ее лицо.

– Я родилась в Париже. Мои родители эмигрировали из России очень давно.

– Как ваша фамилия?

– Романова.

Алекс слегка приподнял брови.

– Вы принадлежите к царской династии?

Ему было известно, что Романовы правили в России до революции 1917 года, после которой вся царская семья была уничтожена большевиками.

– Дальняя родственница, – ответила Татьяна, и губы ее слегка дрогнули. Судя по всему, ей не хотелось говорить на эту тему.

– Значит, вы – настоящая принцесса! – вырвалось у Алекса, и она не смогла сдержать улыбки.

Еще один студент в очках и пестром свитере попытался протиснуться мимо них, и Татьяна отступила в сторону, давая ему дорогу. Одновременно она сделала знак Алексу последовать за ней. Оба отошли к окну, выходящему на задний двор. Татьяна слегка приволакивала ногу, однако это делало ее лишь еще более уязвимой.

– Вы работаете в Институте? – Алекс перешел на русский.

Татьяна покачала головой, прижимая книги к груди.

– Я пишу тезисы по гражданской войне в России. Это нужно мне для моего диплома в Школе восточных языков. Здесь я только пользуюсь библиотекой.

Она рассказала ему, что ее исследование касалось Белого движения, финансируемого западными державами, которые пытались задушить Октябрьскую революцию после 1917 года. В библиотеке Татьяна работала ежедневно, начиная с четырех часов вечера и до самого закрытия в восемь. Часть ее времени занимала работа переводчицей для некоторых советских учреждений, чьи представительства открылись в Париже.

– И что, русские взяли на работу Романову? – удивился Алекс. – Неужели их не смущает, что вы – родственница последнего русского царя?

Она снова улыбнулась и пожала плечами.

– По-моему, им это нравится. Им, наверное, очень приятно рассказывать всем и каждому, что русская...

– Аристократка? – подсказал Алекс.

– ...Да, – похоже, ей не очень понравилось это слово. – ...Что внучатая племянница царя Николая теперь работает на них. Это ли не лучшее доказательство их победы?

В ее голосе послышалась саркастическая нотка, и Алекс почел за благо переменить тему.

– Я только что нашел прекрасную квартиру в Латинском квартале, – сказал он. – А где вы живете?

– Недалеко, – загадочно ответила она.

– Мне хотелось бы... – начал Алекс, но его прервал служитель библиотеки, появившийся рядом с ними словно из-под земли.

– Будьте так добры, ведите себя немного потише! – кипя от возмущения, предупредил невысокий, похожий на мышонка человечек со скверными зубами. – Здесь библиотека, а не кафе!

– Прощу прощения, – ответил Алекс, слегка поклонившись. Затем он снова обернулся к девушке. Ее лицо залилось краской стыда. – Не хотите ли выпить со мной чашечку кофе? – предложил он.

– Да, я не против, – серьезно ответила она. Они нашли свободный столик в укромном уголке старомодного бистро на противоположной стороне улицы, и пожилой официант подал им два кофе со сливками. Татьяна говорила очень мало. В основном рассказывал о своей жизни Алекс, особенно подробно остановившись на своих поисках брата. Когда он упомянул о смерти своих родителей, она побледнела.

– Многие мои родственники были расстреляны коммунистами.

Мимо них сновал пожилой официант, расставляя на столики бокалы для вина, раскладывая приборы и кольца с бумажными салфетками. Алекс спохватился и посмотрел на часы. Было почти восемь.

– Давайте вместе поужинаем? – предложил он. В глазах ее промелькнуло странное выражение.

– Я не могу, – сказала она. – Я должна идти.

Она исчезла так тихо, что Алекс еще долго раздумывал над тем, была ли она на самом деле, или все это ему только привиделось.

Всю ночь в своей новой квартире Алекс без сна ворочался с боку на бок, обливался потом и в конце концов сбросил на пол длинную французскую подушку. Завтра он купит себе нормальную подушку, решил он. Завтра... Может быть, завтра он снова увидит Татьяну.

Затем он припомнил бессонницу, которая мучила его давным-давно, в Америке. Тогда он тоже не мог уснуть, потому что думал о Клаудии. Цветом кожи и волос, тонким телом и своей незащищенностью Татьяна во всех отношениях была полной противоположностью жгучей итальянке. Клаудия всегда была самостоятельной, уверенной в своем чувственном обаянии женщиной, однако ее красота казалась теперь Алексу слишком чувственной, не одухотворенной. Она была способна постоять за себя в любой ситуации и обладала достаточной силой воли, чтобы настоять на своем. Она не нуждалась в мужской защите.

Иное дело – Татьяна. Она казалась такой хрупкой, что Алексу хотелось постоянно находиться с нею рядом и ограждать ее от реальных и вымышленных опасностей. Он пытался представить себе лицо Клаудии, когда он скажет ей, что в Париже ему вскружила голову узкобедрая русская девчонка с золотыми волосами, однако черты лица Клаудии очень быстро померкли в его памяти. В душной парижской ночи перед его глазами плыло лишь зыбкое, мучительно прекрасное лицо Татьяны.

Когда на следующий день ровно в четыре часа Татьяна вошла в

библиотеку, Алекс уже ждал ее. На улице шел дождь, типичная парижская изморось, и Татьяна была одета в черный блестящий от воды плащ полувоенного покроя, наброшенный поверх белой блузки и черной узкой юбки. Ему показалось, что Татьяна рада видеть его, однако когда он снова заговорил об ужине, она отвергла его предложение.

– Может быть, завтра, – сказала она неуверенно, – когда библиотека закроется.

На третий день, в среду, Алекс снова пришел в библиотеку. Увидев Татьяну за столиком у окна, он помахал ей рукой, но сам сел в дальнем конце комнаты и принялся за работу. Он не хотел слишком ей надоедать. Он решил пройти мимо ее столика только после того, как библиотекарь объявит о том, что библиотека закрывается.

Без пяти минут восемь Татьяна неожиданно сама подошла к его столику.

– Помнится, кто-то приглашал меня на ужин, – приветливо сказала она. – Предложение все еще остается в силе?

Алекс озадаченно уставился на нее. Ее веселость показалась ему искусственной, наигранной, а улыбка – вымученной. Однако он тут же забыл обо всем этом, обрадованный тем, что она приняла его предложение.

– Предложение остается в силе, – кивнул он и вскочил. – Куда бы вы хотели пойти?

– Если вы не возражаете, я хотела бы немного пройтись. Сегодня чудесный вечер.

Выйдя на улицу, Алекс посмотрел на звездное небо. Дождь давно кончился, воздух был прозрачным и благоухающим.

– Я уверена, что вы еще ни разу в жизни не гуляли по Парижу, – негромко сказала Татьяна. – Это самый волшебный город в мире.

– Не слишком ли я злоупотребляю... – начал Алекс, невольно бросив взгляд на ее левую ногу, которую она чуть заметно приволакивала.

– Вы имеете в виду мою хромоту? – переспросила она.

Алекс покраснел от смущения. “Черт бы побрал твой длинный язык, Александр Гордон”, – подумал он.

Однако Татьяна нисколько не обиделась на его вопрос.

– Все в порядке, – объяснила она. – Я в состоянии гулять по этому городу часами. Я родилась с деформацией левой ноги, и врачи до сих пор утверждают, что мне нужна лишь маленькая операция, чтобы этот дефект устранить.

– Отчего вы не сделаете ее? – спросил Алекс, стараясь, чтобы его вопрос прозвучал небрежно.

Они шли по улице, и их обогнали две монахини, которые семенили по тротуару, низко опустив головы.

– Деньги, – ответила Татьяна. – Операция стоит денег, а в наши дни даже Романова не может многого себе позволить.

Они шагали по тихим улочкам совсем рядом, и Алекс вообразил себе, что они – двое парижских влюбленных, которые вышли на свою ежедневную прогулку. Одеждой они не отличались от молодых парижан – он во фланелевой рубашке и яркой куртке, и Татьяна в джинсах и туфлях на низком каблуке.

Они ненадолго задержались на прекрасной Плас де Вогез, и Алекс принялся с интересом разглядывать тридцать шесть старинных усадеб, окружающих сад с четырьмя фонтанами. Некоторое время они стояли под статуей Людовика Тринадцатого, и Татьяна рассказывала ему историю площади.

– Сюда, – сказала она, закончив описывать стычку двух дворянских группировок, происходившую под окнами резиденции кардинала Ришелье в семнадцатом столетии. Они прошли мимо дома Виктора Гюго, вышли к Сене и перешли через реку по узкому мосту. Внизу тускло поблескивала вода, и по ее беспокойной поверхности проскользнула бесшумная тень баржи.

– Мы теперь на Иль Сент-Луис, – пояснила Татьяна, ведя его через лабиринт живописных бульваров и аллей.

По дороге им попалось несколько ресторанчиков с огромными витражами вместо окон, сквозь которые они видели посетителей ресторана за массивными деревянными столами, уставленными холодными мясными закусками, блюдами из овощей и бутылками с вином. Один из ужинавших приподнял свой бокал и кивнул Татьяне. У афиши с изображением Жака Бреля целовалась парочка.

Алекс взял Татьяну за руку. Она не возражала, однако ее пальцы остались холодны и неподвижны, никак не отозвавшись на его прикосновение. И все же радость переполняла Алекса. Его окружала волшебная парижская ночь, и он бродил по улицам города мечты рука об руку с красивейшей из женщин.

Незаметно они перешли на русский, и так же легко ста-то обращаться друг к другу на “ты”. Татьяна говорила по-русски с еле уловимым французским акцентом, отчего родной язык Алекса звучал в его ушах как музыка. Она рассказала ему, что ей двадцать два года, что она – единственная дочь Владимира Романова и внучка Великого князя Евгения Романова, который еще в юности уехал из царского дворца и тем самым избежал судьбы, постигшей его кузена Николая. Мать ее была серьезно больна и почти весь год пролежала в Американском госпитале в Нейи.

Вдруг она замолчала. Алекс обернулся к ней и увидел, что она остановилась, неподвижно глядя перед собой. Незаметно для Алекса они очутились на темной, вымощенной булыжником улочке, параллельной реке. Насколько Алекс успел заметить, здесь не было ни магазинчиков, ни кафе, и все вокруг казалось очень тихим и спокойным. Он, однако, ощутил легкую тревогу. Что им тут делать? Зачем они пришли сюда? Здесь не на что было смотреть, кроме темноты.

– Татьяна... – заговорил Алекс, но она продолжала всматриваться во мрак. Неожиданно она с силой сжала его пальцы, словно в последний момент стараясь что-то сообщить ему, затем выпустила его руку и попятилась назад, не отрывая взгляда от чего-то такого, что она сумела рассмотреть в темноте.

Алекс проследил за ее взглядом. Из темного подъезда одного из домов появился силуэт. Человек стоял напротив Алекса, по всей вероятности разглядывая его, хотя Алекс и недоумевал, что можно увидеть в такой темноте.

Как раз в этот самый момент по Сене проплыл речной трамвай, битком набитый туристами. Его яркие ходовые огни и фонари на пассажирской палубе

на мгновение осветили темную улочку, и Алекс успел рассмотреть незнакомца в этом неверном голубоватом освещении.

Мужчина был черноволос и примерно одного с Алексом роста, глубоко посаженные темные глаза горели на бледном, с резкими чертами, лице. Незнакомец был одет в темный костюм, а на плечи небрежно набросил темный плащ.

“Кто это? Вор? Грабитель? – подумал Алекс. – Неужели Татьяна намеренно завлекла меня в ловушку?”

У него не было ничего такого, что представляло бы какую-то ценность. Татьяна могла бы подцепить добычу пожирнее, если бы захотела.

Алекс в нерешительности стоял на середине улицы. Обернувшись к Татьяне, он увидел, что девушка прислонилась к стене здания, крепко обхватив плечи руками и наклонив голову. В доме слева от Алекса громко крикнула женщина, ей откликнулся мужской голос. Совсем близко, хрипло кашляя двигателем, проехала машина, затем снова наступила тишина.

Незнакомец медленно приближался, звук его шагов по мостовой гулко раздавался в ночи. Наконец он подошел почти вплотную и остановился. Лицо его было странно напряжено, а сжатые в кулаки руки слегка дрожали.

– Александр... Саша... Я твой брат.

Глава 12

Алекс рассматривал темную фигуру перед собой. Его разум едва способен был понять единственную фразу, произнесенную отчетливо, на чистом русском языке. “Я твой брат”. Станный холод заставил его вздрогнуть, он хотел что-то сказать и не смог. Бледный молодой человек перед ним также выглядел крайне взволнованным. Вот он пошевелился, вынул из кармана пачку “Голуаз” и сломал несколько спичек прежде, чем смог закурить. Во вспыхивающих и гаснущих огоньках было заметно, как сильно у него дрожат руки. Он протянул пачку Алексу, но тот покачал головой.

– Дмитрий?... – наконец выговорил Алекс, судорожно сглотнув.

Незнакомец кивнул.

– Дмитрий Морозов.

– Дмитрий, Димка... Не может быть.

Выйдя из оцепенения, Алекс сделал два маленьких шага и неловко обнял брата. Жест казался ему неверным, надуманным, картинным, он как будто обнимал совершенно постороннего ему человека. Грудь и плечи Дмитрия были твердыми, неподатливыми. На лице его появилось беспомощное выражение, и он слабо похлопал Алекса по плечу.

В своих сновидениях Алекс переживал этот момент тысячу раз, снова и снова проигрывая в своем воображении сцену воссоединения двух братьев, представляя себе горячие мужские объятия, братский поцелуй и невероятную радость.

Встреча произошла не совсем так, как он ее себе представлял, однако в любом случае его поиски были закончены. У него есть брат, он нашел

Дмитрия! Тут же он подумал о том, что на самом деле это Дмитрий нашел его.

– Как ты отыскал меня? – спросил Алекс. Он обернулся в надежде увидеть Татьяну, но ее нигде не было видно. Он снова повернулся к Дмитрию.

– Через Татьяну Романову, – ответил Дмитрий. – Мы вместе работаем.

Он затаился горьким сигаретным дымом.

– Вчера она рассказала мне про тебя. Я не поверил своим ушам! Всю ночь я не мог уснуть, а утром попросил ее устроить нашу встречу. Я хотел сделать тебе сюрприз, – он коротко и сухо рассмеялся.

– Где она? Куда она пошла?

Дмитрий пожал плечами, выпуская изо рта струйку голубоватого, едкого дыма.

– Наверное, она решила оставить нас одних. Нам нужно о многом поговорить, Александр.

– Что ты делаешь в Париже? – спросил Алекс. – Почему ты не отвечал на мои письма?

Обретя способность говорить, он вспомнил и все вопросы, которые хотел задать Дмитрию. Схватив брата за руки, он торопливо и сбивчиво заговорил:

– Ты знаешь, что у тебя есть тетя в Америке? Тетя Нина? Она сестра нашей мамы. А ты знаешь, что мне отказали в советской визе?..

Он замолчал, качая головой.

– Я просто не могу поверить. Я прилетел в Париж три дня назад, и вот – стою на темной улице с... с моим братом! Знаешь, ведь я пытался отыскать тебя на протяжении пятнадцати лет!

“Хорошо бы Тоня Гордон смогла видеть сейчас своих сыновей, – подумал он неожиданно. – Живых, здоровых, встретившихся наконец после невероятно долгой разлуки. Что бы она сказала? А что бы сказал его отец?”

Алекс припомнил строки из поэмы Виктора Вульфа, посвященной героям Сталинградской битвы. Виктор Вульф называл в ней братьями солдат Красной Армии.

Готов погибнуть брат за брата. И жизнь свою ему отдать, Чтоб злой свинец и град осколков В последний миг в себя принять.

Как братство то чисто и свято, Поймет не каждый человек, Все ради брата, жизнь за брата, Едины братия вовек!

“Отец! – подумал Алекс. – Если бы ты мог быть сейчас рядом со мной, ты понял бы, что я чувствую! Братья едины вовек!”

Из-за угла вывернул и покатился прямо на них автомобиль. Братья поспешно отступили в сторону, давая ему проехать.

– Давай зайдем куда-нибудь, где мы сможем поговорить, – предложил Дмитрий.

– Ты знаешь, что они убили нашу маму? Дмитрий мрачно кивнул.

– И моего отца тоже.

Алекс поморщился как от боли.

– Я не знал. Как это случилось?

– Пойдем куда-нибудь, – снова повторил Дмитрий. – Нам нужно о многом поговорить.

Он швырнул сигарету на мостовую и раздавил окурок каблуком.

– Я хочу найти какое-нибудь место, где будет много света, много еды и много людей. Сегодня великий день. Мы встретились больше чем через двадцать лет. Я хочу отпраздновать это событие, хочу выпить!

– Да, давай выпьем за это, – согласился Алекс, начиная чувствовать какое-то беспокойство. Слова брата музыкой звучали в его ушах, однако его сдержанный тон как-то не очень соответствовал тем чувствам, которые он Должен был бы испытывать.

Они взяли такси на Пон де Сюлли. Уже в машине, в свете проплывающих мимо ночных фонарей, Алекс попытался разглядеть лицо брата. Дмитрий был почти одного с ним роста, широкоплечий, с мощной мускулатурой, которую не мог скрыть даже прекрасно сшитый костюм. Красивое лицо, повернутое в профиль к Алексу, выглядело бы романтичным, если бы не сурово сжатые челюсти и черные глаза, которые смотрели на мир недоброжелательно, чуть ли не со злобой. По углам слегка искривленных губ уже наметились горькие морщинки, а под носом приютилась черная родинка, похожая на запятыю. Было, однако, в этом лице еще одно, что беспокоило Алекса. Безусловно, это было лицо человека умеющего владеть собой и скрывать свои истинные чувства, и все же выражение его казалось Алексу немного неестественным, хотя и тщательно отрепетированным. Рот был сомкнут в упрямом молчании, а глаза, казалось, неспособны были отражать никакие, даже неожиданно вспыхивающие чувства.

– Ты все еще живешь в России? – спросил Алекс.

Дмитрий кивнул, бросив быстрый взгляд на водителя.

– Я – представитель советского внешнеторгового объединения в Париже, – сказал он.

– Значит, ты уже давно в Париже?

– Да. А ты? Впрочем, я знаю.

Такси покружило по запруженному бульвару Монпарнас и наконец остановилось. Дмитрий расплатился с водителем одной стофранковой банкнотой, извлеченной из толстой пачки.

Ресторан представлял собой огромный, ярко освещенный зал, наполненный посетителями, в основном молодежью. Воздух слегка гудел от оживленных голосов и взрывов смеха, напоминая улей в жаркий летний полдень. В ресторан постоянно кто-то входил и выходил, небрежно одетые студенты и бородатые художники причудливо смешивались с женщинами в мехах и бриллиантовых украшениях и мужчинами в дорогих костюмах и шелковых галстуках. Стремительные официанты в черных куртках и длинных белых фартуках сновали между столиками с подносами, нагруженными едой и напитками, распространявшими дразнящие ароматы французской кухни. Со всех концов зала доносились хлопки открываемого шампанского.

Дмитрий провел Алекса в глубь зала, мимо бара, украшенного репродукциями картин Пикассо, Тулуз-Лотрека и Магритта.

– Мне здесь нравится, – признал Алекс, когда они уселись за столик у дальней стены. – Давай выпьем немного шампанского.

Дмитрий немного поколебался, оглядываясь по сторонам с неподвижной улыбкой на лице. Взгляд его был зорким и внимательным. За столиком через проход от них официант как раз откупорил бутылку этого знаменитого французского вина. Из горлышка хлынула белая пена, и две длинноногие девицы в коротких юбках вскочили, визжа от восторга.

Они заказали ужин с шампанским подошедшему гарсону и снова повернулись друг к другу. В ярком освещении Алекс впитывал в себя малейшие черточки лица Дмитрия.

Несомненно, у него был красивый брат, хотя сейчас он был слишком напряжен и оттого казался излишне холодным и чопорным. Он был одет в хороший костюм, который на свету оказался темно-голубым, в белоснежную рубашку и узкий шелковый галстук. Теперь Алекс сумел рассмотреть, что и лица их были во многом похожи – тот же высокий чистый лоб, полные губы, прямой нос и решительный подбородок. Даже в форме глаз Дмитрия было что-то странно знакомое, хотя почти неуловимое. На этом их сходство кончалось. У них был разный цвет волос и разный оттенок кожи; различия усиливались еще и тем, что сегодня Алекс был одет совсем в другом стиле – мешковатые светло-серые шерстяные брюки, удобную фланелевую рубашку цвета морской волны с расстегнутым воротом и молодежную куртку.

Официант откупорил шампанское, и они подняли бокалы.

– За моего дорогого брата! – поддаваясь внезапному импульсу, провозгласил Алекс. Слегка наклонившись вперед, он стиснул плечо Дмитрия. – Мне кажется, что я сплю, – сказал он и пригубил вино.

– За тебя, Александр!

– Меня все зовут Алексом, – уточнил брат.

– За Алекса! – повторил Дмитрий. Быстрая улыбка, скользнувшая по его лицу, на мгновение сделала его удивительно молодым, задорным, однако уже через секунду эта улыбка погасла.

Неподалеку от них расположилась группа элегантно одетых темнокожих парней, которые негромко переговаривались на каком-то мягком африканском наречии. За столиком на другой стороне прохода теперь сидела пожилая пара: женщина в очках и поношенном платье и широкоплечий, лысеющий мужчина с округлым “пивным” брюшком. Он сражался с коркой из плавленого сыра и гренки, покрывающих всю поверхность тарелки с луковым супом.

Полная женщина с красным лицом и дряблыми руками переходила от столика к столику и предлагала завернутые в целлофан розы.

Алекс наклонился к Дмитрию.

– Расскажи мне обо всем, что случилось с тобой с тех пор, как мы расстались.

– Что ты хочешь узнать? – Дмитрий криво улыбнулся, глядя на него поверх своего бокала.

– Все, – с живостью откликнулся Алекс. – Ты, наверное, даже не помнишь меня, ты тогда был еще слишком мал. Что ты запомнил лучше всего?

– Вонючий детский дом, приют, – с силой сказал Дмитрий просто для того, чтобы проверить, как отреагирует Алекс.

Алекс выглядел потрясенным.

– Сиротский приют... – повторил он. – Господи боже, Дмитрий, должно быть, это был настоящий ад!

“Значит, это и есть мой брат”, – размышлял Дмитрий, рассматривая высокого, светловолосого парня, который смотрел на него с доверием и состраданием. За всю свою жизнь ему ни разу не приходилось видеть таких больших серых глаз, светившихся умом и искренним любопытством. Улыбка Алекса была открытой и заражительной, однако крепкий подбородок с ямочкой изобличал упорство и настойчивость. Он был хорошо сложен и прекрасно развит физически, благодаря чему смотрелся даже в своей нелепой, нарочито небрежной одежде. Однако самым удивительным и неожиданным была не его привлекательная внешность, а то тепло и искренность, которыми так и веяло от его взгляда. Улыбка разом освещала все его лицо, а в глазах то и дело появлялось мечтательное выражение. “Да он поэт, – с веселым пренебрежением вдруг подумал Дмитрий. – Один из этих невинных, доброжелательных сосунков, которых я съедаю по дюжине за завтраком!”

– Ты, часом, не пишешь стихи? – неожиданно спросил он.

Алекс улыбнулся.

– Время от времени со мной это случается. Думаю, что это наследственное.

Дмитрий почувствовал, как в душе у него шевельнулся гнев. “Чертов сопляк может себе позволить быть невинным паинькой и кропать стишки в свободное время, – подумал он. – Его детство было беззаботным и сытым, он вырос в богатой и благополучной Америке, в то время, как я голодал и мерз в старой, разваливающейся конюшне”.

Однако больше всего он ненавидел Алекса за то, что его собственный отец, Борис Морозов, был так к нему привязан. Он рисковал очень многим, когда в 1953 году сумел вывезти маленького Сашу из России и отправить в Соединенные Штаты. Это могло стоить ему жизни и, возможно, стоило. Почему же он так поступил? Из-за своей любви к Тоне Гордон?

“Итак, маленький жиденек оказался в Нью-Йорке, – размышлял Дмитрий, – а я был брошен на съедение волкам”.

Он взглянул на красивого, уверенного в себе человека, сидевшего перед ним, и ощутил внезапный приступ острой зависти.

Однако довольно скоро недобрые чувства Дмитрия улеглись, растопленные обезоруживающей искренностью и теплотой Алекса. Дмитрий решил, что гораздо лучше иметь братом такого прекрасного парня, как Алекс, чем коварного и жестокого ублюдка – каким был он сам. С Алексом он мог позволить себе расслабиться, приоткрыть свою защитную скорлупу – с Алексом ему было нечего бояться. Попытка Алекса обнять его, когда они встретились на улочке у Сены, глубоко взволновала Дмитрия, однако теперь он понимал, что для Алекса это было только естественно. Никто, кроме Татьяны и нескольких других женщин, не демонстрировал ему своей привязанности и любви столь открыто.

Дмитрий продолжил свой рассказ. Кратко остановившись на гибели своего отца, он, однако, ничего не сказал о том, что Борис Морозов пострадал из-за

Тони Гордон. Алекс же был потрясен до глубины души. Порывисто сжав руку Дмитрия, он сказал:

– Мне очень жаль, Дима, поверь... Мне кажется, я немного его помню – он был высоким, темноволосым, очень большим человеком...

Дмитрий говорил еще долго, изредка отвлекаясь на еду и напитки. Он тщательно отредактировал свою историю, опустив кражи и убийство в карьере, заменив главы, касающиеся его подготовки и последующей деятельности в качестве офицера КГБ хорошо отрепетированным рассказом об учебе в университете и работе за границей.

Он даже не сказал Алексу о том, как прочел интервью с ним в журнале “Победа близка”, как ринулся обратно в Москву и, нажав на кое-какие тайные пружины, получил на руки досье Алекса, в котором были все его письма, все просьбы о предоставлении въездной визы, доклады агентов, время от времени следившими за ним в Нью-Йорке. Досье полностью подтверждало то, о чем рассказывал ему Алекс – на протяжении нескольких лет он пытался приехать в Россию и разыскать его.

– Я думал, что ты умер, – сказал Дмитрий, осушая бокал. – Я не получил ни одного твоего письма, и никто не говорил мне о том, что с тобой стало после смерти матери.

– Наверное, кто-то перехватывал мои письма, – заметил Алекс. – Кто-то очень могущественный.

– Они не хотели, чтобы мы встретились, – согласился Дмитрий.

– Кто это – “они”?

Дмитрий промолчал.

Это был замечательный вечер, и он понемногу оттаивал. Вслед за Алексом он громко расхохотался, когда они хором, не сговариваясь, заказали шоколадный мусс. Потом, когда в разговоре вскрылось их пристрастие к шоколаду, Алекс сказал со знанием дела:

– Это у нас от мамы. Я знаю, Нина мне рассказывала.

Когда старинные часы на стене пробили три раза, официанты стали умоляюще поглядывать на них, водружая перевернутые стулья на столы, и братья заметили, что они остались в ресторане последними из посетителей. К этому времени Дмитрий уже начал находить в их беседе удовольствие. Теперь настал черед Алекса рассказывать о своей жизни, и его повествование оказалось столь захватывающим, что Дмитрию хотелось услышать больше и больше.

Кроме того, впервые в жизни он мог позволить себе расслабиться и разговаривать с кем-то, не опасаясь и не гадая об истинных намерениях собеседника. Он мог повернуться к Алексу спиной, не боясь получить удар в спину. Все остальные люди, которых он знал и с кем общался, были потенциальными врагами. Агенты западных спецслужб на месте изрешетили бы его пулями, если бы узнали, что он – убийца, оставивший за собой трупы со сломанными шейными позвонками. Друзья из Тринадцатого отдела без колебаний перешагнули бы через его труп ради того, чтобы вскарабкаться выше в иерархии КГБ. Его учитель – Октябрь – мог послать его навстречу

смерти и мучиться при этом не больше, как если бы раздавил таракана.

Алекс был совсем другим. С ним Дмитрий чувствовал себя даже уютнее и безопасней, чем с Татьяной, с которой ему приходилось сдерживаться и следить за собой, чтобы не сказать лишнего; как-никак, она была из семьи эмигрантов, и к тому же фамилия ее была Романова.

Он был уверен, что Алекс не станет строить козни за его спиной. Ему ничего не нужно было от Дмитрия, и он желал ему только добра. Они были братьями, одной семьей. Это было странное ощущение, которое немного смущало обоих, но и было удивительно приятным. С одной стороны, Дмитрий чувствовал уверенность и тепло, с другой – тревожился, потому что встреча с братом была его тайной, которую он должен был хранить от своих коллег по КГБ. Это манило и пугало его, дарило спокойствие и вселяло тревогу, словно тайный грех, запретный и восхитительный.

Когда они вышли из ресторана, Дмитрий повернулся к Алексу.

– Пожалуйста, при встречах с другими русскими не упоминай, что я – твой брат.

Алекс озабоченно нахмурился.

– Но я же писал тебе письма и упоминал о тебе в своих анкетах для предоставления визы.

– Я знаю. Может быть, именно поэтому тебе и не позволили въехать в страну. Пусть они знают, что у меня есть брат где-то в Америке, но пусть никто не догадывается, что я встретился с ним в Париже. Наши службы, которые ведают направлением на работу за границей, не рекомендуют туда людей, у которых есть родственники за рубежом. Ты же теперь американец... Меня могут отозвать домой и за меньший грех.

– Хорошо, – согласился Алекс. – Давай скажем, что мне понадобились для моего исследования кое-какие Цифры, я позвонил в Торгпредство, и мы встретились.

Дмитрий кивнул. Братья перешли улицу и повернули налево.

– А как быть с Татьяной? – спросил неожиданно Алекс.

– Я с ней поговорю.

Дмитрий привел Алекса в маленький ночной бар на Рю Вавен, и они продолжили свой разговор за бутылкой коньяка. В баре было уютно и немногочленно, скрытые в стенах колонки изливали негромкие звуки – спокойные джазовые аранжировки Джерри Маллигана.

Разумеется, Дмитрий не упоминал о своей ненависти к евреям и особенно – к Тоне Гордон. Однако, когда крепкий напиток слегка развязал ему язык, он указал на звезду Давида, висевшую на цепочке на шее брата.

– Ты все время носишь этот медальон?

– Конечно, – Алекс выглядел удивленным. – Это медальон мамы. Мы же с тобой евреи – разве не так?

– Мой отец был русским, – быстро сказал Дмитрий.

– Не имеет значения, – спокойно сказал Алекс. – В соответствии с канонами иудаизма принадлежность к еврейскому народу определяется по матери.

Дмитрий стиснул зубы. Он знал об этой еврейской традиции, хотя и пытался похоронить это знание, запереть в самых темных подвалах памяти. Незадолго до того, как уехать из Москвы, он организовал в КГБ отделение антисемитского общества “Память”. Разумеется, все это держалось в строжайшем секрете, однако к его ячейке присоединилось на удивление много сотрудников. Дмитрий вполне мог себе представить, что скажут его товарищи, когда узнают, что его мать была еврейкой. Его вышвырнут из организации, которую он сам и основал!

Дмитрий допил свой коньяк одним глотком.

– Раз ты так много знаешь об иудеях, – проговорил он слегка заплетающимся языком, – почему ты не отрастил эти... пейсы и бороду? И не носишь такую мягкую шапочку, как... как...

– Хасиды? – подсказал Алекс и улыбнулся. – Я носил... некоторое время.

– Что?! – Дмитрий недоверчиво уставился на брата. Алекс, негромко смеясь, кивнул.

– Да, – сказал он и поведал Дмитрию о лете, когда, почувствовав, что по горло сыт своим окружением в Университете Брауна, он отправился на поиски своих корней. Эти поиски привели его в здание по соседству с Бруклин Краун Хайте, где располагался штаб хасидской общины Любавитцера. – Они научили меня молиться и приняли меня в яшиву – так называется их религиозная школа, которая находилась на противоположной стороне улицы. Я даже начал носить ермолку и пытался отращивать бороду.

– Однако сейчас у тебя нет бороды, – заметил Дмитрий.

Алекс пожал плечами.

– Все это кончилось довольно быстро. Любая религия кажется мне бременем. Я увидел самоотречение и забвение, в которое впадали хасиды во время молитвы, и испугался. Я боялся, что, раз попавшись к ним на крючок, я превращусь в религиозного фанатика... – Он помолчал. – Хотя они на самом деле не были так уж фанатичны. Они были очень добры, они пели красивые песни и танцевали. Их любовь к жизни была простой и естественной. Должно быть, я поздно начал. Если бы им удалось заполучить меня лет на десять раньше, то ты сейчас разговаривал бы с таким евреем в меховой шапке и длинном шелковом кафтане.

– Хвала Иегове!.. – с сарказмом подхватил Дмитрий.

Они расстались только на рассвете, пообещав друг другу встретиться завтра в это же время, чтобы выпить и поужинать вместе.

Дмитрий жил на пятом этаже в приземистом здании восемнадцатого века, и окна его квартиры выходили на Парк де Монсо. До дома он добрался на такси. По крайней мере в Париже он мог себе позволить не пользоваться своими обычными уловками – “чистилищами”, пересадками с одного вида транспорта на другой, конспиративными квартирами. Здесь у него была официальная должность представителя советского внешнеторгового объединения, и он мог действовать совершенно легально. Французская “Сюртэ” безусловно догадывалась, что его прислали в Париж не матрешками торговать, однако, покуда они не поймали его на месте преступления, он мог спокойно

вершить свои дела у них под самым носом.

Он отпер дверь квартиры и вошел в маленькую прихожую. В квартире витал так хорошо знакомый запах, и всю его сонливость сняло как рукой. Свет он зажигать не стал. Быстро раздевшись, он шагнул в спальню, подкрался к широкой кровати и резким движением откинул в сторону одеяло.

Татьяна вздрогнула и проснулась, глядя на него в полутьме. Узнав его, она откинулась на подушки и раскрыла ему свои объятия. Ее обнаженное тело звало Дмитрия; оно принадлежало ему и готово было удовлетворить все его желания.

Когда Алекс вернулся домой, уже светало. Он прошел в комнату, снял трубку телефона и продиктовал телеграмму в Нью-Йорк для Нины: “Удивительные новости. Дмитрий в Париже. Встретился с ним сегодня. У тебя есть еще один красавец племянник. Подробности в письме. Люблю. Алекс”.

Повесив трубку, он открыл высокие французские окна и вышел на узкий балкончик своей квартирки. Воздух был свеж и прозрачен, и над черепичными крышами погруженного в сумерки города зловещей двухглавой тенью высился собор Нотр-Дам. Узкая полоска неба на востоке расширялась, превращаясь из серой в розовую, тронутую золотыми лучами еще скрытого за горизонтом солнца.

Это было захватывающее и величественное зрелище, однако мысли Алекса были заняты совсем иным. Незаурядное, страстное лицо Дмитрия накрепко запечатлелось в его памяти.

“После стольких лет я наконец встретил своего брата”, – размышлял Алекс. Дмитрий безусловно принадлежал к породе победителей; этот человек сделал себя сам. Выкарабкавшись из нищеты и голода, он сумел занять важное место в советской иерархии. Кроме того, Дмитрий был красив собой и умен. Но он лгал.

Алекс присел за стол и написал Нине длинное письмо, подробно остановившись на обстоятельствах их встречи с Дмитрием. “Ниночка, дорогая моя, – добавлял он. – Есть еще кое-что, не очень приятное быть может, но я должен обязательно сказать тебе об этом. Я не верю ни единому слову из того, что рассказал мне брат”.

“...Ты учила меня, Нина, никогда не верить в совпадения. Когда я оправился от удивления, вызванного неожиданной встречей с Дмитрием на набережной Сены, я начал думать. Я не могу поверить, что я получил приглашение из Института Восточной Европы и чисто случайно встретился там с Татьяной Романовой, которая в силу случайного стечения обстоятельств служит переводчицей в одном из представительств советских торговых фирм, где в это время, опять-таки случайно, работает мой брат. Меня не оставляет ощущение, что все это с самого начала было спланировано: грант в Институте, письмо из Парижа, встреча в библиотеке и все прочее. Очевидно, Дмитрий узнал обо мне – возможно, даже из моих заявлений с просьбой о выдаче визы – и придумал хитрый план. Но и это меня не беспокоило бы, будь это проделано с добрыми намерениями”.

Последнее предложение Алекс подчеркнул.

Солнечный свет окрасил растущую стопку исписанных листов в ярко-желтый цвет молодой луковой кожуры. Наконец Алекс отложил ручку, провел тыльной стороной ладони по колючей щеке и отправился на кухню, чтобы заварить кофе. Он все еще думал о своем разговоре с Дмитрием.

– Тебе не случалось бывать там? – спросил он небрежно, рассказав Дмитрию о том, как его пригласили в Институт Восточной Европы.

Дмитрий пожал плечами.

– Я узнал о его существовании только от Татьяны. Она говорила мне, что пользуется тамошней библиотекой для своего диплома.

При воспоминании об этом моменте Алекс почувствовал закипающий гнев. “За кого он меня принимает? – думал он. – За идиота? Я семь лет изучал Советский Союз в нашем лучшем университете и знаю о своей родной стране достаточно много, чтобы угадать, где кончаются совпадения и начинаются проделки КГБ”.

Он перенес чашку с кофе на письменный стол, уселся в кресло и с рассеянным видом уставился в окно. Институт представлялся ему теперь участком фронта, как и все подобные ему организации, которые КГБ основал по всему свободному миру и неустанно контролировал – культурные центры Советского Союза, общества дружбы, бюро путешествий, организации движения за мир. Все это служило прикрытием для тайных операций КГБ в Европе и в Америке.

Алекс помнил, что в день, когда он в первый раз переступил порог Института Восточной Европы, он слышал в кабинете Мартино разговор на русском языке. В пепельнице на столе директора остался окурок сигареты “Голуаз” – такие сигареты курил его брат. Неужели Дмитрий давал Мартино указания, чтобы наверняка заманить его, Алекса, в ловушку?

Алекс снова взялся за перо.

“Боюсь, Ниночка, мой братец некошерный. В такси, по дороге в ресторан, он сказал, что работает в представительстве Торгпредства. Но мы-то с тобой знаем, что представители Торгпредства за рубежом – это агенты КГБ.

В ресторане я обратил внимание, что Дмитрий выбрал столик таким образом, чтобы сидеть у стены, поближе к выходу, и одновременно видеть весь зал. У него нет ни кредитной карточки, ни чековой книжки, везде он расплачивается наличными. На протяжении всего вечера он внимательно следил за всеми, кто сидел рядом или приближался к нашему столу. Кроме того, он упомянул, что объездил весь мир, что, как ты знаешь, для советских людей так же весьма необычно.

А что ты думаешь о Татьяне? Как среди сотрудников Торгпредства, пусть и внештатных, оказалась дочь известных эмигрантов, дальняя родственница последнего русского царя? Должно быть, ты знаешь, Ниночка, что любой лояльный русский не подойдет к человеку с такой фамилией и такими родственными связями и на пушечный выстрел. Любой, самый невинный его контакт с этим страшным “врагом народа” может привести к тому, что Дмитрий заработает себе бесплатную поездку в Заполярье, если только он не был на это официально уполномочен.

Боюсь, Нина, что тут не может быть никаких сомнений – мой брат работает в КГБ”.

Алекс допил из своей чашки последние горькие капли остывшего кофе и откинулся на спинку кресла, нервно потирая небритый подбородок. Шпион он или нет, но Дмитрий его брат. Именно Дмитрий сумел преодолеть все трудности и несчастья и спланировал такую сложную операцию только для того, чтобы увидеться с ним. Это означало только одно: все слова, что Дмитрий произносил вчера, не были фальшивыми. Дмитрий помнил о нем, беспокоился настолько, что рискнул ради него своей карьерой и заставил приехать в Париж.

При мысли об этом Алекс почувствовал прилив нежности и теплоты. Он помнил радостную улыбку Дмитрия, когда он поднимал свой бокал: “За тебя, Алекс!”

Возможно, у Дмитрия просто не было иного выхода, он вынужден был лгать ему, чтобы обезопасить себя. Главным было то, что двое сыновей Тони Гордон снова были вместе.

* * *

Татьяна впервые встретила Дмитрия Морозова восемнадцать месяцев назад. Был четверг, и она медленно шла по Рю де Лилль после вечернего семинара. Прогуливаться по улицам Парижа одной ей было непривычно: только недавно она прервала отношения со своим ухажером, студентом по имени Луи.

На углу темной Рю де Бонэ возле нее затормозил черный автомобиль, пара сильных рук схватила ее сзади и швырнула на заднее сиденье. Машина тут же рванула с места. Татьяна отчаянно сопротивлялась и пыталась кричать, но кто-то зажал ей рот рукой.

– Никто вас не услышит, Татьяна Владимировна, – сказал по-русски спокойный бесстрастный голос. – К тому же мы не причиним вам вреда. Я просто хочу поговорить с вами. Если вы будете плохо вести себя, то ваши родственники в Советском Союзе могут пострадать.

Татьяна яростно затрясла головой.

– О, да, – сказал мужской голос. – У вас есть родственники в России. Конечно, они теперь не Романовы, но мне все известно о Голицыных в Москве, Цветаевых в Киеве, Юдиных и Даниловых в Одессе. Ну как, теперь я могу убрать руку?

Татьяна кивнула. Что она могла сделать? Этот человек знал все о ее родственниках, которые слишком промедлили и потому не успели, подобно ее деду, вовремя уехать из России. Их дети все еще жили в Советском Союзе, правда, под другими фамилиями.

– Кто вы такой? – спросила она, как только он убрал руку.

– Мы работаем на советское правительство, – последовал ответ, и Татьяна поняла, что сбылись самые страшные ее опасения. Эти люди были из КГБ.

За рулем черной машины был сухопарый, костлявый человек с обломанными передними зубами. Он высадил своих пассажиров на другой

темной улочке, и Дмитрий повел пленницу в кафе, переполненное рабочими. Они были в Банолэ, рабочем пригороде Парижа. После того как они уселись за угловым столиком и заказали кофе, Дмитрий наклонился к ней.

Он говорил ровным, сухим голосом, просто излагая факты:

– Мы знаем о вас все, Татьяна Владимировна. Мы знаем, что вы приходите родственницей Великому князю Евгению Романову, что вы играете на пианино, что месяц назад вы расстались со своим кавалером. Мы также знаем, что ваша мать серьезно больна и что ваш отец – архитектор. Нам даже известно то, чем он занимается после работы.

С нарастающей паникой Татьяна прислушивалась к монотонному голосу Дмитрия. Этот жестокий человек знал все их секреты! Теперь он намекал на связи ее отца с эмигрантскими организациями в Париже и даже назвал имя друга их семьи, который стал экспертом ЦРУ. Затем он рассказал ей то, что считалось самой большой тайной – историю о ее двоюродном брате Игоре, который проник в СССР в качестве австрийского журналиста.

– Как вы полагаете, разве смог бы “мистер Иоганн Кунц”... – он произнес фальшивое имя Игоря с нескрываемым пренебрежением, – получить советскую визу и так быстро найти квартиру в Москве, если бы мы не знали обо всем с самого начала? Строго говоря, именно мы подбросили ему идею о том, чтобы отправиться в Советский Союз.

– Но зачем?

– Потому что мы хотели, чтобы он был целиком в нашей власти там, а вы – здесь, – с готовностью пояснил Дмитрий.

Все это он рассказал ей негромким, почти небрежным голосом, не забывая прихлебывать горячий кофе. Он казался совершенно уверенным в том, что она не попытается убежать, и он был совершенно прав. Татьяна понимала, что может встать и уйти хоть сейчас, но что толку? Человек, похитивший ее в Париже, без труда мог расправиться и с ее родственниками в СССР, и с родителями во Франции. Ему достаточно было просто щелкнуть пальцами, чтобы все было исполнено в точности так, как он прикажет, и Татьяна никуда не пошла, а осталась за столиком кафе, продолжая слушать то, что он ей говорил.

Только один раз она попыталась возразить Дмитрию, когда он стал угрожать смертью ее отцу.

– Мой отец – французский гражданин! – вспыхнула она. – Он приехал в эту страну в возрасте трех лет и находится под защитой правительства.

– То же самое можно было сказать и о некоторых других, – спокойно произнес Дмитрий, бросая на стол перед ней пачку фотографий. – Все они были лидерами эмигрантских организаций, – сказал он будничным тоном. – Преждевременная и страшная кончина.

Он показывал ей фотографии, называя имена убитых диссидентов и даты.

– Вы ведь не хотите, чтобы имя вашего отца добавилось к этому списку, не так ли?

Татьяна в ужасе рассматривала фотографии людей, некоторые из них были ей знакомы, затем подняла взгляд. Морозов смотрел на нее в упор и ухмылялся.

В его глазах светились такая победоносная уверенность и смертельная угроза, что Татьяна сердцем поняла: Дмитрий как-то причастен к этим убийствам. Возможно, он сам был не только судьей, но и палачом.

– Итак, Татьяна Владимировна, что вы скажете?

Она никак не могла поверить, что их разговор происходит наяву, а не во сне. Она сама часто приходила на собрания эмигрантов, происходившие в доме ее родителей на бульваре Сен-Жермен, или выезжала вместе с отцом на митинги в пригородах. Тем не менее она ясно видела, что все это было лишь напрасной тратой сил, уходивших на пустые разговоры, никому не нужные декларации и прочую высокопарную чушь об освобождении Родины от владычества большевиков. Ничего из этого она не принимала серьезно, и даже отъезд Игоря в Москву казался ей легкомысленным мальчишеством.

Теперь же она неожиданно очнулась и взглянула в лицо грубой реальности тайной войны. КГБ внедрился в их организацию, возможно, что он контролировал и десятки других эмигрантских организаций по всей Европе. У нее не было иного выхода, кроме как согласиться на примитивный бартер, предложенный ей Дмитрием: жизнь ее родственников и друзей в обмен на сведения, которые она будет поставлять. Прикрытием для их встреч должна была послужить ее должность внештатной переводчицы в Торгпредстве.

– И запомни, – сказал Дмитрий, когда черный автомобиль уже мчался обратно в Париж. – Если ты скажешь своему отцу хоть одно слово о нашей встрече, это будет означать его смертный приговор.

– А если я обращусь в полицию? – нашла в себе мужество спросить она. Автомобиль как раз пересекал Иль де ля Ситэ.

Дмитрий попросил водителя остановить машину.

– Ступай! – грубо сказал он. – Полицейский департамент как раз через дорогу. Вот только что ты им скажешь? Впрочем, что бы ты ни сказала, тебе никто не поверит. Самое худшее, что они могут сделать, это выдворить меня из страны. Я останусь в живых. Но ты – ты начнешь беспокоиться о своей семье... потом начнешь бояться за свою жизнь. Ступай!..

Он вытолкнул ее из машины на тротуар и оставил там. Последнее, что она услышала в тот день, был его короткий и сухой смех.

Так она начала работать на него. Через месяц она стала его любовницей.

Дождливым воскресным днем Дмитрий вызвал Татьяну к себе на квартиру. Закрыв за ней дверь, он подтолкнул ее в спальню, нарочито медленно раздел и бросил на кровать. Она не пошевелила и пальцем, чтобы помешать ему. Он расстегивал брючный ремень, а она неподвижно смотрела на него, сдерживая дыхание. Это не было насилием – оба знали, что она не станет сопротивляться. Дмитрий считал, что она просто боится его, он не мог и предположить, что она была заморожена исходившей от него грубой силой, а его абсолютная власть над ней странным образом придавала остроту всем ее ощущениям.

В тот самый первый раз она позволила Дмитрию делать с ней все что ему хотелось. Сама Татьяна вела себя послушно и пассивно, подчиняясь ему, словно робот. Однако впоследствии, пусть и не сразу, они поменялись ролями. За несколько недель она научилась удовлетворять его сладострастие при

помощи своего тела, рук и рта, ведя его за собой к новым вершинам наслаждения. В моменты, когда этот могучий мужчина стонал и задыхался в восторге, когда его тело каменело от страсти или безвольно обмякало в ее руках, Татьяна чувствовала себя его госпожой и повелительницей. Она играла на нем как на музыкальном инструменте, а музыка ей всегда нравилась.

Она понимала, что полностью принадлежит ему, и смирилась с этим, однако никогда не любила его. В системе их странных взаимоотношений для ее эмоций и чувств просто не оставалось места, и она была рада этому. Ей просто нравилось заниматься с ним любовью, и она не чувствовала себя униженной или испорченной. В гораздо большей степени была ей не по душе та роль, которую она исполняла в организации своего отца – роль шпионки и доносчицы. В здание Торгпредства она приходила ежедневно и шла в кабинет Морозова ссутулившись, глядя прямо перед собой, стараясь не замечать устремленных на нее алчных взглядов и непристойных улыбок, которыми обменивались между собой пожилые русские сотрудники, одетые в одинаковые серые костюмы и коричневые ботинки.

Раз в неделю она должна была представить Дмитрию свой доклад. В каждом таком сообщении она перечисляла имена людей, пришедших на собрания эмигрантской организации, кратко излагала содержание прений по основным темам, фиксировала все подробности, касающиеся планов на будущее. Дмитрий проявлял особенный интерес к контактам между эмигрантами и ЦРУ, а Татьяна чувствовала все большее отвращение к самой себе. Даже сознание того, что она спасает жизни своих родственников, не могло утешить ее долгими бессонными ночами.

Приезд брата Дмитрия серьезно ее встревожил. Морозов строго приказал ей вступить с ним в разговор в тот же день, когда он появится в Институте. Она выполнила его приказание, ничего сложного в этом не было, однако она никак не ожидала, что у такого зловещего, мрачного человека, как ее любовник, может оказаться столь очаровательный брат. Она была не готова к тому, чтобы работать против человека, которого могла бы полюбить, против человека, которого могла не бояться.

Тот вечер, что они провели вместе, был восхитителен. Татьяна чувствовала, как ее с непреодолимой силой потянуло к этому естественному, единственному реальному человеку в зыбком мире предательства и лжи, в котором она обитала в последнее время. Алекс Гордон был очень похож на нее саму, но не на нее теперешнюю, а на ту Татьяну, какой она хотела бы быть. Он был честным, искренним молодым человеком, любящим музыку и поэзию, небезразличным к судьбе окружающих его людей. У бедняги не было ни единого шанса, если его безжалостный брат вдруг решит разделаться с ним. Если бы Дмитрий захотел, он мог уничтожить Алекса одним мановением руки, и она хотела как-то предупредить его, ведя по темным парижским улицам на встречу с братом. “Берегись своего брата! – хотелось ей крикнуть. – Берегись его гибельных объятий и поцелуев!” Однако она решилась лишь крепко пожать в темноте его пальцы. Затем она бросилась в квартиру Дмитрия и ждала там, приготовившись в очередной раз ублажить своего любовника.

Татьяна встретила Алекса Гордона на следующий день вечером в кафе Бофингера – старой парижской закуской с великолепным потолком из цветного стекла. Она была вместе с Дмитрием и имела возможность внимательно рассмотреть лицо Алекса, когда брат сообщил ему, что она является его подружкой. Алекс побледнел и уставился на них. Наконец ему удалось изобразить на лице слабую улыбку.

– Поздравляю, Димка... – сказал он упавшим голосом. – Татьяна – настоящая красавица. Я думаю, наша мама была очень похожа на нее в молодости.

Татьяна заметила, что сравнение пришлось Дмитрию не по душе: он стиснул челюсти, что означало у него сдерживаемый гнев, однако промолчал.

Этот вечер они провели втроем. После ужина они отправились в старый парижский ночной клуб на Монмартре, где молоденькие певицы на маленькой сцене исполняли старинные французские песни. Вечер закончился в круглосуточном бистро на Плас Клиши, где они заказали устрицы в луковом соусе.

И в последующие месяцы они проводили немало времени вместе, бывая в ресторанах, в кино и ночных клубах, однажды даже выехали на уик-энд на природу. Узнавая друг друга все больше, братья довольно скоро обнаружили зияющую пропасть, разделявшую их. Алекс приходил в ярость, когда слышал избитые коммунистические лозунги, которые, как ему казалось, отражают взгляды Дмитрия. К тому же ему не слишком нравилось подозрительное отношение, которое Дмитрий питал к западному образу жизни.

Что касается Дмитрия, то он никак не мог смириться с тем, что в Америке люди пользуются таким количеством личных прав и свобод. Для него это было опаснейшим явлением, прелюдией хаоса и анархии. В августе разразился Уотергейтский скандал и президент Никсон вынужден был подать в отставку. Дмитрий сказал по этому поводу, что американцы, должно быть, просто сошли с ума, изгнав своего президента из Белого дома за подобную ерунду. Он никак не мог понять, как может функционировать общество, которым никто не руководит сверху.

Однако Татьяна была не в восторге оттого, как развивались отношения между братьями. Поначалу это было искреннее любопытство и привязанность, которую проявляли обе стороны – Алекс открыто, Дмитрий сдержанно. С удивлением она обнаружила, насколько привлекательным и любезным может быть Дмитрий. Но после нескольких недель Дмитрий снова укрылся в своей защитной скорлупе, и их медовый месяц подошел к концу. Татьяне показалось, что Морозова испугало его собственное поведение. Алекс начал понемногу влиять на него; Дмитрий стал более беспечным и непосредственным, наслаждаясь жизнью, столь разительно отличающейся от его собственной, выбранной им для себя.

Открытости и искренности Алекса Дмитрий противопоставил угрюмую сдержанность. Когда бы Алекс ни сделал какое-нибудь замечание, касающееся политики Советского Союза, Дмитрий отмалчивался. Все его попытки заговорить о гибели родителей также наталкивались на мрачное молчание. В

конце концов эти темы полностью исчезли из их разговоров; теперь братья предпочитали обсуждать еду, кино, спорт и международные события. Падение Сайгона, президентские выборы во Франции, поставившие во главе страны Валери Жискар д'Эстена, шансы Джералда Форда на выборах в 1976-м – таковы были темы их разговоров. России касались редко и с большой осторожностью.

Татьяне казалось, что отношения между братьями постепенно становятся искусственными, натянутыми. Единственное, что связывало их – узы родства, общая семья, общая родина, – все превратилось в запретные темы, и ни тот, ни другой не осмеливались нарушать табу.

Несколько раз Дмитрий вынужден был в последнюю минуту оставаться на работе из-за каких-то неотложных дел, и Татьяна с Алексом оставались вдвоем. В такие вечера они отправлялись в концерт или на балет. Дмитрий терпеть не мог ни того, ни другого.

Оставаясь наедине с Алексом, Татьяна чувствовала, как между ними возникает неловкое напряжение. Их разговоры становились вымученными, зачастую обрываясь неловким молчанием. В мгновения, когда Алекс прикасался к ней, помогая выйти из такси или подавая пальто, Татьяна ощущала словно легкий удар током, а потом долго перебирала в памяти каждую улыбку, каждый взгляд, которым они обменялись. Как-то она поймала себя на том, что разглядывает его губы, его искрящиеся глаза и упавшие на лоб светлые волосы, и испытала ни с чем не сравнимое по силе желание дотронуться до него, коснуться его губ кончиками пальцев, а затем приникнуть к ним ртом, чтобы ощутить их вкус. Постепенно ей становилось ясно, что опасное увлечение Алексом Гордоном все больше овладевает ею.

Она подозревала, что и Алекс испытывает по отношению к ней подобные чувства. Она поняла это по тому, как он смотрел на нее, как преображался в беспечного и счастливого человека в те вечера, когда они оставались вдвоем.

Ситуация сложилась совершенно невозможная. Дмитрий заставлял ее испытывать сильнейший страх. Если бы она попыталась обмануть его, он тут же, не задумываясь, убил бы ее. Он мог убить и своего брата, и поэтому Татьяна ходила с ним туда, куда приказывал ей Дмитрий, держась постоянно настороже и ни разу не позволила Алексу снова взять ее за руку.

Каждый вечер Татьяна старалась обязательно вернуться в квартиру Дмитрия, и лежала там обнаженной в ожидании его возвращения. Словно современная Золушка, она покидала Алекса в одно и то же время, где бы они ни были, примерно за полчаса до предполагаемого возвращения Дмитрия с работы. Она спешила опередить его, раздеться и привести себя в порядок для него. В последние несколько раз она не могла совладать с собой, расчесывая свои волосы перед зеркалом, и слезы катились по ее щекам.

Однажды вечером, в начале февраля, она вернулась домой и обнаружила, что Дмитрий уже ждет ее. Он был одет и сидел в единственном кресле в прихожей, поджидая ее.

– Я... я не ждала тебя раньше полуночи, – в испуге пробормотала она.

Дмитрий кивнул, закуривая сигарету.

– Я знаю. Как там мой дорогой братик? В его голосе не было никакой теплоты, лишь откровенный цинизм и насмешка.

– Мы были на балете, смотрели “Ромео и Джульетту” в Опере.

– Хорошо, – рассеянно сказал Дмитрий. – Послушай, я получил срочный вызов по телефону из Москвы. Сегодня вечером я должен вылететь на родину. Там произошло что-то неожиданное.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю, – он ушел в спальню, но сразу вернулся с легким дорожным чемоданчиком в одной руке и черным дипломатом в другой. Надев свое теплое пальто, он сказал: – Через две или три недели, я думаю.

Прижав Татьяну к себе, он крепко поцеловал ее в губы.

– Жди меня, – шепнул Дмитрий, лаская рукой ее груди и живот. – Сбереги все это для меня. И не наделай ошибок.

Его черные глаза пристально смотрели на нее.

* * *

Балет “Ромео и Джульетта” в исполнении труппы “Опера де Пари” был великолепен. После представления Алекс посадил Татьяну в такси, а сам пошел по Рю де ля Пе, пересек фешенебельную Вандамскую площадь и зашагал по набережной к мосту Пон дез Артс. Улицы были пустынные, пронизывающий холодный ветер прогнал даже влюбленных и праздных бездельников, облюбовавших набережную Сены для своих прогулок. Пошел легкий снег, и Алекс ежился от холода в своем легком плаще, поднимая воротник и туже затягивая на шее толстый шерстяной шарф. Возвращаться домой ему не хотелось. Он знал, что, проведя вечер с Татьяной, снова долго не сможет заснуть. Русская принцесса совершенно околдовала его, и он отчаянно влюбился в нее.

Он никогда прежде не ощущал ничего подобного. Он уже не был тем Алексом, который прибыл в Париж пять месяцев назад. Жизнь его превратилась в томительное ожидание скоротечных часов, которые он мог бы провести с Татьяной – в компании Дмитрия, и изредка – вдвоем. Им было так хорошо вместе, они говорили на одном языке и имели сходные вкусы и пристрастия. Они овладели искусством разговаривать без слов, обмениваясь взглядами и легкими улыбками. Татьяна была обворожительна, трепетна, неотразима, в одно мгновение превращаясь из озорного подростка в тонкого ценителя искусства, в прекрасную молодую женщину.

Алекс не мог думать ни о чем, кроме нее. Он мало спал, ел без аппетита и стал небрежен в одежде. Он знал, что поступает бесчестно по отношению к Клаудии, ухаживая за другой женщиной, но разве сама Клаудия поступила с ним справедливо? Они могли бы быть уже давно женаты, и Алекс чувствовал горькую обиду за то, что она не захотела быть рядом с ним в моменты, когда он отчаянно в ней нуждался. Татьяна была гораздо более чувствительной и восприимчивой. Она бы не отказалась выйти за него замуж, если бы они с ним сильно любили друг друга. Впрочем, в последнее время его любовь к Клаудии

угасла настолько, что он даже перестал ей писать. По сравнению с чувством, которое он испытывал к Татьяне, Клаудия представлялась ему мимолетным увлечением.

Любовь к Татьяне всецело охватила его, и все остальное – его исследования, даже отношения с братом – перестало иметь для него значение. Он ухаживал за ней упорно, но так робко, стараясь, чтобы это не было заметно. Все, что он хотел сказать, он говорил глазами, воздерживаясь от прямых слов и жестов. Он знал, что нарушает все правила чести и обманывает доверие брата, влюбившись в его девушку, но ничего не мог с собой поделать. Любовь к Дмитрию постепенно уступала место ослепляющей ревности; не мог он вынести и того, что Дмитрий обращается с Татьяной как с вещью, полностью ему принадлежащей. Он не мог не видеть, как Дмитрий прикасается к ней, гладит ее по волосам, властно целует ее в губы.

Татьяна, однако, не была единственной причиной того, что братья стали отдаляться друг от друга. Подозрения, зародившиеся в душе Алекса после их первой встречи, теперь окрепли и переросли в уверенность. Он заметил, что Дмитрий выбирает для их встреч довольно странные места – в основном это были углы улиц, куда Дмитрий подкатывал на машине с шофером, и они ехали в ресторан или бар. Обратил Алекс внимание и на необычное рабочее расписание Дмитрия, на его частые исчезновения и на то, что он всегда пользовался лишь общественными телефонными будками. Все указывало на то, что его брат вовлечен в какие-то тайные дела.

У Дмитрия все чаще возникали внезапные вспышки гнева и приступы непонятного, упорного молчания. Алекс понимал, что в этом есть доля его вины, но все же он перестал получать удовольствие от общения с братом.

Примерно через неделю после своего прилета в Париж Алекс снова встретился с Гримальди. Тот оставил для него записку в Институте, Алекс позвонил, и его франтоватый знакомый немедленно пригласил его в роскошный ресторан на Елисейских полях, славящийся морской кухней. За обедом Алекс ненароком упомянул о своей встрече с Дмитрием – просто не мог сдержать переполнявшую его радость.

С тех пор он и Гримальди встречались несколько раз, чаще всего за обедом или за ленчем. Гримальди прекрасно знал все рестораны в Париже, которые не мог обойти своим вниманием ни один гурман, был лично знаком с поварами и частенько оплачивал счета за обоих.

– Дядюшка Сэм платит, – говорил он в таких случаях. – Информационная служба Соединенных Штатов довольно богатая организация, так что не беспокойся.

Всякий раз Гримальди появлялся в новом костюме; в своих шелковых ярких галстуках, цветных жилетах и пестрых шейных платках он напоминал важного петуха, однако в его зеленых глазах, глядевших с загорелого смуглого лица, светился ум. Алекс серьезно подозревал, что своим ровным, завидным загаром Гримальди обязан ультрафиолетовой лампе, но это было несущественно. Ему нравилась оживленная манера Гримальди вести разговор, нравилось смотреть, как сверкают на тонких пальцах золотые кольца, когда его

собеседник взмахивал руками, сопровождая свой увлекательный рассказ изящными, отточенными жестами. Гримальди оказался талантливым рассказчиком, веселым бонвиваном, и Алексу ни разу не приходилось жалеть о потраченном времени. Кроме всего прочего. Гримальди оказался бесценным источником сведений, касающихся жизни в СССР.

Алекс рассказывал Гримальди о Дмитрие, однако ни разу не упомянул о своих подозрениях. Он не хотел подвергать Дмитрия опасности. К тому же Гримальди, по всей видимости, мало интересовало, где и кем работает Дмитрий, гораздо больше его занимала эмоциональная сторона истории. Встречу братьев он расценивал как поэтический триумф справедливости.

– Ты и твой брат – это отмщение системе, погубившей Тоню Гордон, – сказал он однажды. Когда Алекс предложил им как-нибудь поужинать втроем, надеясь, что знакомство с таким необычным и экстравагантным человеком доставит Дмитрию удовольствие. Гримальди вежливо уклонился. Отчего-то эта идея пришла ему не по вкусу.

Алекс неожиданно вспомнил, что он и Гримальди договорились встретиться завтра за ленчем. Он перешел Сену по мосту Пон дез Артс и углубился в живописные улочки Латинского квартала. Когда он проходил мимо дискотеки “Королевского клуба”, из дверей показалась парочка, которая страстно обнималась и целовалась на ходу. Девушка была светловолосой и тонкой, и Алекс стиснул зубы. Из “Бильбоке” выходили чернокожие музыканты, и Алекс вспомнил свой любимый джаз-клуб в Гринвич Вилледж. На углу бульвара Сен-Жермен ветер трепал старый предвыборный плакат – Жискар д’Эстен с уверенностью глядел в будущее. Уличный торговец продавал с лотка горячие жареные каштаны, и Алекс поддался искушению.

Подъезд его дома был темен. Выходя из крошечного лифта на своем этаже и жуя каштан, Алекс заметил крошечную женскую фигуру, скорчившуюся под его дверью. Он узнал шелковистые светлые волосы и овчинный полушубок, привезенный Дмитрием из Москвы, и его сердце отчаянно заколотилось в груди.

– Татьяна!

Она выпрямилась. Лицо ее было белым как мел.

– Что произошло? Что ты здесь делаешь?

Татьяна уставилась на него, ее лицо внезапно оказалось совсем близко.

– Я пришла... – начала она и внезапно прикусила губу. – Дмитрий только что улетел в Москву, его не будет две или три недели.

Алекс хотел что-то сказать, но не смог подыскать подходящих слов. Бумажный пакете каштанами выскользнул у него из рук. Несколько секунд они в молчании смотрели друг на друга, затем Алекс сделал шаг вперед и обнял ее. Лицо Татьяны было прохладным, но мягкие податливые губы обожгли его поцелуем.

– Я люблю тебя, – сказал Алекс.

Глаза Татьяны засияли от счастья, но почти мгновенно их выражение изменилось. Алекс увидел в ее глазах страх.

* * *

Октябрь был ночным хищником, и Дмитрий еще раз подумал об этом, карабкаясь по темной винтовой лестнице в кабинет своего начальника и учителя. Было два часа пополуночи. Дмитрий прилетел в Москву прошлой ночью и большую часть дня отсыпался в своей квартире на Пушкинской улице. После обеда он зашел в свой кабинет и ознакомился с последними докладами, а затем пообедал в ресторане клуба КГБ вместе с друзьями по отделу. Никто не знал, почему Октябрь так срочно вызвал его обратно. В последнее время, правда, ходило множество слухов об активизации итальянских “Красных бригад” и французской “Аксон директ” – двух организациях левого толка, в которые недавно удалось внедриться сотрудникам отдела, однако за последние дни не случилось ничего необычного, ничего такого, что могло бы потребовать немедленного возвращения Морозова из Парижа.

Он вернулся домой и пролистал книгу Джона Баррена о КГБ, недавно опубликованную в Нью-Йорке. В час тридцать ночи за ним приехала машина, которая отвезла его в старинный особняк, превращенный Октябрем в штаб-квартиру Тринадцатого отдела.

– Входи, Дмитрий, – раздался из-за дверей надтреснутый голос Октября.

“Интересно, что бы сказал мне Октябрь, если бы знал, что я только что встретился в Париже со своим братом?” – подумал Дмитрий. Может быть, это из-за Алекса его так внезапно отозвали? И он почувствовал легкую тревогу.

Он вошел в крошечную комнатку, которую занимал Октябрь. Папки с досье были разложены аккуратными стопками, но они были повсюду – на столе, на стульях, даже на полу. Октябрь сидел за своим дубовым столом на жестком стуле с прямой спинкой. Кресел он не признавал.

– Снимай пальто и присаживайся, – проскрежетал Октябрь. – Что новенького в Париже?

Дмитрий уставился на него сквозь пласты синего сигаретного дыма, которые словно туман висели в мрачной, холодной комнате. С момента их последней встречи Октябрь стал еще больше напоминать высохшую мумию. Заострившийся нос загибался вниз как клюв хищной птицы, скулы торчали из-под сухой, морщинистой кожи, натягивая ее с такой силой, словно вот-вот готовы были прорвать. Горящие глаза старого чекиста запали еще глубже, а морщинистая тонкая шея сиротливо торчала из широкого воротника черного вязаного свитера. Длинные седые волосы Октября пожелтели и на концах завились в кольца.

– В Париже... – начал Дмитрий и замолчал, сообразив, что Октябрь задал свой вопрос просто в качестве вступления. Похоже, он и вовсе не собирался выслушивать отчет о работе Дмитрия.

– Я вызвал тебя, сынок, – сказал Октябрь, прикуривая новую сигарету от окурка предыдущей, – потому что примерно год назад ты в одиночку справился с одним сложным и очень важным заданием. Пришло время сделать еще один шаг...

Дмитрий с недоумением уставился на него.

– Я хочу, чтобы ты кое с кем встретился, – проскрипел Октябрь. – Прямо сейчас.

Он подошел к двери, соединявшей его кабинет с комнатой секретаря, и бесшумно отворил ее.

– Он уже здесь, – сказал он кому-то невидимому. – Можешь войти.

И он отступил в сторону.

– Добрый вечер, Дмитрий, – раздался приятный, странно знакомый голос.

В проеме двери появился мужчина в элегантном костюме, его фигура четко виднелась в слабом свете, проникавшем в кабинет из комнаты секретаря. Дмитрий прищурил глаза. Человек шагнул внутрь и повернулся к нему. На лице его играла улыбка.

Дмитрий узнал это благородное лицо со шрамом – перед ним стоял Олег Калинин.

Глава 13

В своих фантазиях Татьяна бесчисленное количество раз воображала себе тот момент, когда Алекс обнимет ее. Она мечтала о его мягких губах, касающихся ее лица и тела, о том, как его светловолосая голова прижмется к ее щеке, как его голос произнесет: “Люблю...” И тогда она шепнет ему: “Я твоя, Алекс. С той самой минуты, когда я увидела тебя, все остальные перестали для меня существовать, жизнь сделалась нереальной, иллюзорной”. Она представляла, как он отнесет ее на кровать, с лихорадочной поспешностью снимет с нее одежду и войдет в ее лоно, в то время как она с трепетом прижмется к нему всем телом. Это могло быть так, и почти так оно и случилось, только страх перед Дмитрием не отпускал ее, заставляя вздрагивать как от холода даже в те моменты, когда она чувствовала Алекса внутри себя и шептала слова любви.

Даже в эти мгновения всепоглощающего счастья и любви, какой она никогда прежде не испытывала, Татьяна вспоминала последнее предупреждение Дмитрия: “Смотри, не наделай ошибок”. Его лицо вставало у нее перед глазами, скрытая угроза его слов звенела в ушах, а страх перед его гневом прилипал к телу как холодный саван. “Сохрани все это для меня, – сказал он ей, лаская ее грудь и бедра, – и не наделай ошибок”. И всего лишь час спустя она совершила самую страшную ошибку, за которую могла заплатить жизнью. Однако она ничего не могла с собой поделать. Мысли об Алексе сводили ее с ума, заставляя терять последние остатки благоразумия. Он был так близок, так одинок, так ощутимо тянулся к ней, и она пришла к нему, зная, что подписывает себе смертный приговор. Себе и ему. При мысли об этом ее передернуло.

– Что-нибудь не так, любимая? – спросил Алекс, приподнимая голову.

– Ничего, – ответила Татьяна, глядя его по голове. – Ничего. Обними меня, люби меня крепко...

Боязнь возмездия со стороны Дмитрия преследовала ее на протяжении всей следующей недели, которая иначе могла бы стать счастливейшей в ее

жизни. Каждую свободную минуту она проводила с Алексом. Она нуждалась в нем, желая, чтобы он был рядом, чтобы можно было в любой момент протянуть руку и дотронуться до него. Она не ходила даже в Торгпредство, впрочем, в отсутствие Дмитрия ее там никто не ждал. Алекс не ходил в Институт, не отвечал на телефонные звонки и даже не открывал писем, которые пришли из Америки от Клаудии Беневенто.

– Она была моей девушкой, – объяснил Алекс Татьяне. – Бог знает сколько времени назад!

Они исследовали Париж так, как это могут только влюбленные, и Татьяна была поражена тем, насколько вдруг переменялись с детства знакомые улицы и дома, соборы и площади, звуки и запахи, которые она так хорошо помнила. Парк де Монсо и Люксембургский сад, засыпанные гравием дорожки Тюильри и деревья в лесах Фонтенбло и Рамбулье, вымощенные камнем набережные Сены и мосты – все казалось созданным только для них двоих и ни для кого больше.

Даже случайный клошар, заснувший под мостом, неистово целующаяся под деревом парочка, несмотря на проливной дождь, хриплый голос Пиаф или любовная песня Бреля, доносящиеся из радиоприемника, – все казалось им частью пьесы, поставленной ради них одних блестящим театральным режиссером.

Им принадлежали извилистые улочки Латинского квартала и Марэ, Монмартр и площадь Бастилии, крошечные кафе на Плас де ля Контрэскар, шансонье и литературные ночные клубы, небольшие вьетнамские и итальянские ресторанчики за собором Сен-Сюльпис и многое другое. И, конечно же, им принадлежали звездные парижские ночи и ленивые рассветы, воспетые не одним поколением поэтов и писателей, когда поднимающийся от Сены плотный туман растекался по примыкающим к реке улочкам и заползал в подъезд, где Алекс и Татьяна целовались.

– Я хочу жениться на тебе, – сказал он ей одним прохладным вечером, когда небо было скрыто облаками.

Накануне они провели ночь в маленькой гостинице на Вале де Шеврез и теперь бродили рука об руку вдоль узкого, ленивого ручья.

– Нет, это невозможно, – ответила она, ощущая странное беспокойство.

На берегу устроила пикник семейная пара, а дети с криками носились в роще. Крошечная черная собачка яростно облаяла их издали, а затем, поджав хвост, бросилась наутек.

Алекс взглянул на Татьяну. Ветер играл ее волосами, и они трепетали перед ее лицом словно живые.

– Мы любим друг друга, Таня, я хочу жениться на тебе и взять с собой в Америку.

Она упрямо покачала головой. Когда она снова заговорила, в ее голосе слышалось отчаяние.

– Дмитрий никогда не допустит этого.

– Дмитрий ушел из твоей жизни, и это хорошо. Это касается только нас двоих.

Но Дмитрий был с ними все это время, нежеланный, но неизбежный спутник во всех их прогулках. Оба избегали говорить о нем, однако Татьяна чувствовала глубокое беспокойство и озабоченность Алекса. Он не мог простить себе, что увел девушку у своего брата, даже несмотря на то, что их любовь была столь глубокой и сильной и все остальное не имело значения.

Однажды ночью Татьяна проснулась в ужасе. Ей приснилось, что Дмитрий подходит к ней с веревкой в руках и спокойно затягивает петлю на ее шее. Она кожей ощущала прикосновение шершавой пеньки. Холодный огонь пылал в глазах Дмитрия, а рот приоткрылся в горькой усмешке.

– Я же тебя предупреждал, – сказал он, прежде чем удавить ее. – Не наделай ошибок!

Она проснулась от удушья и некоторое время жадно хватала ртом воздух.

– Успокойся, любимая, – слышала Татьяна голос Алекса, который нежно гладил ее по лбу. – Это просто сон. Успокойся, приди в себя. Взгляни на меня. Танюша, посмотри на меня!

Она лежала на спине, глядя на колышущиеся занавески.

– Что случилось, любимая? Дурной сон?

– Он убьет нас... – прошептала она. – Дмитрий вернется из Москвы и убьет нас обоих.

Алекс недоверчиво уставился на нее, качая головой.

– О чем ты говоришь?!

– Алекс, – в отчаянии пробормотала она. – Мы должны уехать прежде, чем он вернется. Если он отыщет нас, с нами все будет кончено.

В бледных предрассветных сумерках она рассмотрела, как он улыбнулся.

– Не бойся, все это глупости, – сказал он. – Он мой брат. Я поговорю с ним, и...

– Ты не знаешь своего брата, – упрямо возразила Татьяна. – Ты не представляешь, что он может сделать. Ты даже не знаешь, кто он такой!

Алекс отодвинулся и сел на кровати, пристально глядя на нее. Его лицо стало серьезным, и она легко прикоснулась к его щеке кончиками пальцев.

– Кто он такой? Расскажи же...

И она рассказала.

* * *

Телефонный звонок Алекса поднял Гримальди с постели.

– Ты, должно быть, сошел с ума, – простонал он в трубку. – Еще нет семи. Что случилось, русские идут?

– Я прошу прощения, – сказал Алекс, не в силах оторвать взгляда от лица Татьяны. Оно было белее мела. Закутавшись в его купальный халат, Татьяна сидела напротив него за столом и дрожала. – Это очень срочно.

Они проговорили с Татьяной до самого рассвета. Татьяна выглядела сильно испуганной.

– Он убьет нас, убьет... – то и дело повторяла она. – Если ты пойдешь к нему, он убьет сначала тебя, а потом отыщет меня и тоже прикончит.

Алекс предложил ей лететь в Америку и остаться с Ниной, но Татьяна отказалась. Она была уверена, что головорезы Дмитрия найдут ее и там.

– Алекс! Алло! Куда ты подевался! – голос Гримальди вывел его из задумчивости. – Что случилось? Это не может подождать до ленча?

– Кое-что случилось, и мне нужна твоя помощь, – Алекс говорил как робот, как запрограммированный автомат, разрозненные мысли проносились в его сознании яркими кометами. Убийца. Татьяна сказала, что его брат – убийца. Он, конечно, подозревал, что его брат – шпион, но он никогда бы не подумал, что он замешан в каких-то действиях, связанных с насилием. Только не он, не его брат, не сын Тони Гордон!

– Какого рода помощь? – сдержанно осведомился Гримальди.

– Помнишь, я рассказывал тебе о своем брате? О том, что я встретился с ним здесь, в Париже?

– Да.

Алекс почувствовал отвращение к самому себе, словно он собирался предать Дмитрия. “Будем надеяться, что это ложная тревога, – подумал он. – Будем надеяться, что Татьяна просто навывдумывала и что Дмитрий просто мелкий шпион, который оправдывает свое пребывание за границей бреднями сивой кобылы о воображаемом заговоре эмигрантов”.

– Алекс? Куда ты пропал?

– Послушай, ты же работаешь с ребятами из посольства, знаешь там уйму народа. Моя подруга Татьяна...

– Твоя подруга? – в голосе Гримальди слышалось удовольствие. – Ты говорил мне, что это подружка твоего брата.

– Моя подруга Татьяна, – в раздражении повторил Алекс, – боится, что Дмитрий Морозов может попытаться причинить ей вред, и мне показалось, что она нуждается в защите.

Татьяна посмотрела на него расширенными от ужаса глазами. Где-то далеко в церкви зазвонил колокол.

– Пусть ходит в полицию, – нетерпеливо перебил Гримальди. – Какое отношение к этому может иметь посольство?

“Я не должен обвинять Дмитрия, никоим образом”, – подумал Алекс, тщательно подбирая слова.

– Татьяна считает, что он может попытаться причинить ей вред при помощи советских... спецслужб. Она ошибается, я уверен, что Дмитрий не может быть замешан ни в чем противозаконном, однако просто для того, чтобы обезопасить себя, я попросил бы тебя выяснить у своих друзей в посольстве, не подозревают ли они его в какой-нибудь тайной деятельности.

– Ты хочешь сказать, есть ли на него досье? Как на агента Советов?

Алекс не ответил.

– Его фамилия Морозов, верно?

– Да, – пробормотал Алекс. – Дмитрий Морозов.

– Я узнаю, что можно сделать, – откликнулся Гримальди. – Давый пообедаем в Клозери до Лиля, скажем... в половине второго.

Помолчав, он добавил:

– И еще одно – приходи один. Не стоит лишний раз беспокоить леди.

Гримальди вошел в знаменитый французский ресторан за четверть часа до назначенного времени.

– О, мосье Гримальди, вы уже здесь! – хозяин ресторана церемонно пожал ему руку и сделал знак метрдотелю, который провел его к уединенному столику в углу.

– За этим столиком сживал мосье Эрнест Хемингуэй, – с заговорщическим видом сообщил мэтр, раскладывая сверкающие ножи и вилки.

Гримальди усмехнулся. В “Клозери” каждый столик становился столиком “мосье Хемингуэя”, как только посетитель оказывался американским туристом. Истина состояла в том, что Хемингуэй предпочитал открытые веранды, однако кого теперь заботит истина?

Он поудобнее устроился на мягком стуле, заказал бокал шампанского и стал перебирать в уме свои достижения.

Его план претворялся в жизнь, и пока все шло гладко. Алекс пришел к нему за помощью, попросил защиты от своего брата. Безусловно, Гримальди не мог предвидеть появления в этой истории женщины и ее неожиданной любви к Алексу. Однако, если оба брата без памяти влюблены в одну и ту же девушку, что может быть лучше?! Через нее он гораздо скорее сможет превратить Алекса Гордона в послушное оружие, направленное против Дмитрия Морозова.

– Привет, Франко.

Гримальди поднял голову. Алекс стоял перед ним в новых джинсах, снежно-белой сорочке и щегольской светло-серой куртке. Лицо его было бледно, а на щеке виднелась свежая царапина – Алекс порезался во время бритья.

– Ты кажешься весьма обеспокоенным, – сказал Гримальди. – Как твоя Татьяна?

Алекс немного помолчал.

– Она боится, – сказал он наконец. Смуглолицая красавица испанка, сидевшая за соседним столиком, повернулась к нему и одарила его легкой улыбкой. Взгляд ее черных блестящих глаз обжигал.

– Присядь, пока сеньора тебя не изнасиловала, – предложил Гримальди. – Давай сделаем заказ, потом мы сможем поговорить.

После того как они сделали заказ и Алекс пригубил из бокала свой Нью Сен-Жорж, Гримальди наклонился к нему. Его глаза быстро обежали ресторан и остановились на лице Алекса.

– Скажи, ты... – начал Алекс нетерпеливо.

– Позволь мне сначала кое-что рассказать тебе. Ты же позвонил мне совсем не потому, что я работаю в Информационной службе США?

Алекс поколебался мгновение, затем кивнул.

– С самого начала ты заподозрил, что я связан с разведкой в большей степени, чем соглашался признать.

Алекс кивнул еще раз.

– Да. Ты рассказывал мне о своей жизни в Москве, Лондоне, Бонне... Ты

выглядел слишком любопытным и хитрым, чтобы тратить свою жизнь на статейки об американской мечте. Просто я предпочел не спрашивать. К тому же мне было все равно.

– Хорошо, но я хочу быть с тобой откровенным до конца, – он внезапно замолчал. Седовласый официант принес и поставил перед Алексом блюдо копченой лососяны, Гримальди получил дюжину скворчащих в чесночном масле моллюсков.

– Осторожно, они горячие, – предупредил он, наполнил их бокалы вином и исчез.

– Я работаю на ЦРУ с тех самых пор, как была образована эта контора, – сообщил Гримальди, пристально вглядываясь в Алекса.

Тот вздрогнул. Его вилка застыла на полдороге ко рту, затем медленно опустилась обратно на тарелку. И наша встреча в самолете...

– ...Безусловно, не была случайной, нет. Мы знали, кто ты такой, знали что Институт Восточной Европы – это организация, под прикрытием которой орудует КГБ. Нам интересно было узнать, работаешь ли ты на них или нет.

– Замечательно, – Алекс задумчиво посмотрел на него.

– А знаешь почему? – спросил Гримальди.

Настал момент бросить первое семя на вспаханное поле.

– Мы хотели сделать тебе предложение, хотели, чтобы ты присоединился к нашей фирме. Мы очень высоко оцениваем тебя, Алекс, на сегодняшний день ты – один из лучших специалистов по Советскому Союзу.

Алекс проигнорировал намек.

– Значит, вы хотели меня проверить? И что же вы обнаружили?

Гримальди коротко рассмеялся.

– Мы обнаружили, что перед нами – честный и преданный своему делу исследователь, порядочный американский гражданин, не имеющий никакого отношения к тайным операциям КГБ. Поэтому мы задались естественным вопросом – для чего они заманили сюда приемного сына полковника НКВД Бориса Морозова? Видишь ли, – солгал Гримальди, – мы не знали, что Дмитрий Морозов твой сводный брат. Только после того, как ты рассказал мне о своей с ним встрече, я понял, что именно он стоит за всей этой историей с приглашением и грантом в Институте.

– Короче, вы приехали, чтобы шпионить за мной, – подвел итог Алекс.

Гримальди развел руками.

– Да, я прилетел сюда, чтобы следить за тобой, и обнаружил, что ты чист как стекло.

– Я считал тебя своим другом.

– Мы подружились, но одно другому не мешает.

– Конечно, – с горечью сказал Алекс и отвернулся.

Пошел дождь, и первые крупные капли поползли вниз по стеклам, образуя на них сложный волнистый рисунок. В ресторане сгустился уютный полумрак.

Гримальди молча возился с моллюском, извлекая неподатливое тельце из пурпурно-красной раковины. Справившись с этим нелегким делом, он

откинулся на спинку стула.

– Однако мне не удалось разобраться, каковы были истинные намерения Дмитрия Морозова. Возможно, он хотел завербовать тебя.

Алекс покачал головой.

– Пока нет, – кивнул Гримальди, с наслаждением продолжая жевать. – Но я уверен, что рано или поздно он подошел бы к тебе с предложением работать на них.

– Ради бога, не надо, – взмолился Алекс. – Он мой брат. Он просто хотел встретиться со мной.

Гримальди потянулся за своим кейсом и достал оттуда бледно-желтую папку.

– Хочешь узнать его поближе? – мягко спросил он.

Примерно через полчаса Алекс поднял глаза от досье. Он так и не притронулся к еде, и официант, несколько раз подходивший к их столику, в конце концов вынужден был забрать тарелку. Гримальди что-то пошептал ему, и вскоре официант вернулся с двумя бокалами коньяка “Хенесси”.

– Это... – начал Алекс, но голос его сорвался.

Гримальди подал ему бокал, и Алекс осушил его одним глотком. Глаза его смотрели куда-то в пространство, и Гримальди сделал знак официанту повторить.

– Это все – правда? – спросил Алекс, нервно проводя рукой по волосам. На шее его, возле самой ключицы, пульсировала вена. Он попытался встать, затем снова упал на стул, теребя пальцами пуговицы рубашки.

– Насколько мне известно – да, – сказал Гримальди.

– Значит, Татьяна была права, – произнес Алекс тихим, почти неслышным голосом. – Согласно этим материалам мой брат – хладнокровный и безжалостный убийца. Он убил по меньшей мере троих человек, может быть, больше...

Гримальди нарочито медленно раскурил сигару, задул спичку и бросил ее в пепельницу.

– Ты же знаешь о Тринадцатом отделе.

– Конечно. Я прочел все, что публиковалось о КГБ. Но здесь говорится, что Дмитрий убивал свои жертвы голыми руками. Это не в их обычаях.

Официант принес еще один коньяк и поставил рядом с Алексом. Тот сидел, неподвижно уставившись на глянцевую фотографию женщины. Она лежала на полу, а голова ее была вывернута под неестественным углом. Из-под разорванной юбки виднелись голые бедра.

– Если все это правда, то почему он свободно передвигается по всей Европе и даже пользуется особыми привилегиями?

Гримальди выпустил тонкую струйку дыма.

– Это все предположения, Алекс, догадки. У нас нет ни одной неопровержимой улики.

– Тогда вы, возможно, ошиблись! – он залпом выпил второй бокал.

Гримальди пожал плечами.

– Я понимаю, что ты чувствуешь. Тебе очень хочется, чтобы мы

ошиблись... – Он снова занялся сигарой. – Но я доверяю нашим источникам.

Внезапно ему показалось, что он слишком долго ходит вокруг да около. Наклонившись вперед, он спросил напрямик:

– Что ты хочешь, Алекс?

– Я хочу увезти Татьяну в Штаты и жениться на ней. Я хочу, чтобы она оказалась в безопасности.

– Прекрасно. А теперь слушай меня, и слушай внимательно. Ее жизнь в опасности и твоя, возможно, тоже.

Алекс сделал пренебрежительный жест, но Гримальди не позволил ему вставить ни словечка.

– Я знаю, что ты – отважный герой, – сказал он едко, – но Татьяна права. Когда Дмитрий вернется и узнает правду о вас обоих, он может прикончить и ее и тебя. Это понятно? Мы можем тайно переправить Татьяну в Америку, – продолжал он, – можем снабдить ее новыми документами и гарантировать ее безопасность, но...

Он предостерегающе поднял палец, заметив, что Алекс собирается что-то сказать.

– Сначала нам необходимо допросить ее здесь, в Европе. Она работала на Морозова восемнадцать месяцев и должна знать немало интересного о его операциях.

– Нет, – сказал Алекс. – Никаких допросов.

Он замолчал, потом сказал, словно передумав:

– Где вы собираетесь... допрашивать ее?

– Не в Париже, – откликнулся Гримальди. – Здесь ей оставаться опасно. В Брюсселе, Лондоне, возможно – во Франкфурте. В этих городах у нас есть надежные убежища.

– Сколько времени это займет?

– Около двух недель. Примерно столько же времени потребуется на подготовку ее документов. Алекс понемногу приходил в себя.

– Я хочу обсудить это с ней, – он отодвинул стул и встал. – Я позвоню через пару дней.

– Ничего не выйдет, – остановил его Гримальди. – Да или нет. Ответ мне нужен сейчас. Если вы решитесь уехать, то это надо будет сделать сегодня вечером.

– Почему такая спешка?

– Вот почему, – Гримальди поднял фотографию убитой женщины и взмахнул ею перед его носом. – Если твой братец вернется в Париж до того, как ты сподобишься мне позвонить, твоя драгоценная Татьяна будет выглядеть несколько не лучше. Товарищ, понимаешь? – закончил он по-русски.

Алекс взглянул на него в ярости, крепко стискивая зубы, затем круто развернулся и выбежал из ресторана.

“Погоди, мальчик, – думал Гримальди, потягивая свой коньяк. – Однажды я заставлю тебя плясать под мою дудку. Я заставлю тебя уничтожить своего брата за то, что он сделал со мной. И с Олегом”.

* * *

Олег Калинин и Дмитрий Морозов сидели друг против друга в кабинете Октября, в то время, как хозяин кабинета, одетый в черное, беспокойно расхаживал из угла в угол, рассказывая им невероятную историю. Дмитрий склонился над стаканом остывшего чая, который он сжимал в ладонях; он никак не мог оправиться от потрясения, испытанного при виде входящего в дверь кабинета Олега Калинина.

Тишину, установившуюся сразу за его неожиданным появлением, нарушил хриплый голос Октября.

– Ты не ожидал встретить его здесь, сынок? Ты думал, что увидишь его в наручниках, в камере тюрьмы на Лубянке или перед взводом солдат из расстрельной команды? Неужели ты позабыл все, чему я тебя учил? Не верь тому, что слышат твои уши и видят твои глаза. Хитрость, маскировка, конспирация! – как бы подчеркивая свои слова, Октябрь трижды ударил кулаком по столу. – Вот три кита тайной войны, Дмитрий. Помни об этом.

Калинин неподвижно сидел на одном из стульев, пока Октябрь, размахивая дымящейся сигаретой словно дирижерской палочкой и не отрывая от Дмитрия своих глаз хищника, излагал ему суть операции под кодовым названием “Панама”.

Это началось вскоре после окончания войны, когда Октябрь был направлен в Берлин с заданием: проникнуть в американское Управление стратегических служб. Ему удалось узнать о тайной слабости одного из офицеров БСС по имени Франко Гримальди, и в один прекрасный день Октябрь решил, что объект созрел для установления эмоционального контакта с другим человеком. Для этой миссии был выбран капитан Калинин, который превосходно справился с заданием. Ему удалось заставить Гримальди почувствовать к себе самую настоящую и преданную любовь.

Дмитрий перевел взгляд с Октября на Калинина и обратно. Калинин, судя по всему, чувствовал себя крайне неловко; он раздавил в пепельнице свою сигарету, жалобно поглядел на Октября и тут же снова закурил. Смотреть на Дмитрия он избегал.

“О чем это говорит Октябрь? – недоумевал Дмитрий. – Неужели он имеет в виду, что американец был гомосексуалистом и что Калинин получил задание пробраться к нему в постель для того, чтобы завоевать его доверие?” Впрочем, Дмитрий знал своего начальника и был уверен – Октябрь мог приказать своему агенту еще и не такое и при этом ни секунды не колебался бы.

Октябрь между тем продолжал свое повествование.

На протяжении некоторого времени “дружба” Калинина и Гримальди была довольно полезной, однако все прекратилось, когда Калинин был тяжело ранен в Австрийских Альпах.

– На память у меня остался вот этот шрам, – вставил Калинин почти смущенно и вытер свой лысеющий лоб чистым голубым платком.

К тому времени, когда Олег оправился от ранения. Гримальди уже работал в Пуллахе с генералом Гелленом.

– Новая должность Гримальди сделала его еще более ценным для нас, – сказал Октябрь жестко. – И я снова попробовал тот же самый подход. Трижды мои люди пытались соблазнить Гримальди, увлечь его собой. В операции было задействовано немало сотрудников, но Гримальди был очень осторожен. Он понимал, что, если попадет на мужеложстве, его немедленно выкинут из ЦРУ, созданного на базе УСС.

Дмитрий кивнул. Он знал, что американская разведка избегала гомосексуалистов, опасаясь как раз такой ситуации, о которой рассказывал Октябрь.

И все же в конце концов плотские желания пересилили осторожность. Гримальди не сдержался и снова вступил в гомосексуальную связь, тут же попался и был со скандалом выдворен из Пуллаха. По иронии судьбы причиной его падения стали вовсе не неотразимые агенты, подсланные Октябрем, а местный мальчишка, совершенно посторонний и невинный, не подозревавший о последствиях своего непродолжительного любовного приключения с похотливым американским офицером.

Гримальди был отозван в США и надолго исчез.

– Мы считали, что он вынужден был уйти в отставку, и даже убрали его досье в архив, – сказал Октябрь. – Как тебе уже известно, Калинин вернулся на родину и сделал блестящую карьеру в ГРУ.

Однако в 1966 году Гримальди совершенно неожиданно снова вынырнул на поверхность. Один из агентов опознал его в Лондоне, где Гримальди получил должность офицера-координатора между ЦРУ и британской СИС. Каким-то образом ему удалось уцелеть после неприятности, случившейся с ним в Пуллахе, и остаться на службе. Именно тогда Октябрь решил возобновить операцию, начатую во времена войны.

Дмитрий скептически улыбнулся.

– Основная координация усилий между этими двумя службами осуществляется в Вашингтоне, – заметил он. – Что вы надеялись получить от этого вашего Гримальди? Он не мог сообщить ничего интересного.

– Сообщить не мог, однако он мог получать! Можно было все переиграть и использовать его, чтобы гнать в ЦРУ первоклассную “дезу”! – Октябрь не то раскашлялся, не то рассмеялся. – Влюбленный человек как нельзя лучше подходит для этой цели. Говорят, что любовь слепа. Ты когда-нибудь любил, Дмитрий?

Олега Калинина снова вернули на действительную службу. Он вышел на контакт с человеком ЦРУ в Вене и предложил американцам то, чего у них не было с самой войны: высокопоставленного агента в самом Кремле. Поначалу, правда, ему пришлось притвориться, будто он хочет перебежать, но, немного поломавшись, он позволил американцам уговорить себя остаться в Москве и работать на них. Он выдвинул одно условие – его связником должен быть только Франко Гримальди, его старый друг по совместным операциям в Берлине.

Этот план сработал. Гримальди, под соответствующим прикрытием, приехал в Москву и на протяжении семи лет с жадностью поглощал

питательный коктейль, составленный из тщательно взвешенных порций правды и дезинформации.

– В Москве наши отношения были совершенно платоническими, – быстро вставил Калинин, и Дмитрий кивнул. Смущение полковника доставляло ему удовольствие.

– Я хотел, чтобы Гримальди приехал сюда из-за его привязанности к Олегу, – холодно сказал Октябрь. – Когда кто-то живет чувствами, он не рассуждает, он совершает ошибки. Как только подключаются эмоции, притупляются скептицизм и чувство опасности. Человек отмечает мелкие несообразности, он чувствует, что его долг – защищать своего агента, а не контролировать его. Так и получилось: Гримальди слепо верил Калинин и всякий раз подтверждал, что его сведения соответствуют истине, в то время, как любой другой разведчик на его месте обязательно проверил и перепроверил столь важную информацию. Но только не Гримальди. Он был влюблен в Калинина, да и сейчас любит его.

Именно так Панама стал самым ценным агентом американской разведки со времен войны. Ему доверяли и ценили даже больше, чем полковника Пеньковского. Оценки американской стороной ракетно-ядерного потенциала Советского Союза, сведения о местах дислокации ядерных подводных лодок и боеготовности крупнейших танковых соединений – все основывалось на полученной от него ложной информации.

– Все это могло продолжаться еще несколько лет, если бы в один прекрасный день, во время практических занятий по наружному наблюдению, курсант разведшколы ПГУ КГБ Дмитрий Морозов не проследил за Гримальди до ложи Большого театра и не увидел, как тот встречается с полковником ГРУ Калининным.

– Сент-Клер... – прошептал Дмитрий.

– Именно, – кивнул Октябрь.

– Но почему никто ничего мне не сказал?! – сердито воскликнул Дмитрий, вскакивая со стула. Затем он обернулся к Калинин. – Почему вы ничего не сказали мне еще в Париже?

– Сядь, – резко приказал Октябрь. – Калинин не имел права ничего и никому рассказывать. Он был двойным агентом с серьезным прикрытием. К тому времени, когда он сумел связаться со мной, ты уже начал действовать, и охота на Калинина и Сент-Клера началась. Между прочим, я пытался остановить тебя, помнишь?

– Я думал, что наши люди взяли его на границе с Австрией.

Октябрь пожал плечами.

– Я намеренно распустил этот слух, чтобы американцы перестали его искать. Мне не хотелось, чтобы они поняли, что Панама был нашим человеком. – Он вздохнул. – Ты, Дмитрий, нечаянно завалил самую блестящую операцию, какую я когда-либо задумывал.

Когда через несколько дней Октябрь снова вызвал Дмитрия к себе в кабинет, Калинина там не было. Снова был поздний вечер, и Октябрь сидел за своим столом. Настольная лампа отбрасывала яркий свет на разложенные перед

ним бумаги. Лицо Октября скрывалось в тени.

– Я вызвал тебя потому, что нам нужно решить – что делать с Калининым, – негромко сказал он. Дмитрий удивленно приподнял голову.

– А что с ним надо делать?

– Операция “Панама” закончилась. Лицо Калинина хорошо известно американцам. Кто-нибудь из их агентов может опознать его прямо на улице, в кино, в ресторане. Если они узнают, что он жив и наслаждается свободой, они станут задавать вопросы: почему это опасный шпион спокойно разгуливает по улицам Москвы? – Октябрь слегка постучал пальцами по крышке стола. – Мы должны решить, убрать его или оставить в живых.

Дмитрий опустил на стул и закурил свой любимый “Голуаз”.

– Почему вы спрашиваете об этом меня? – спросил он. – Разве вы не можете решить этого самостоятельно?

– Я никогда и ничего не решаю самостоятельно, – Октябрь раскашлялся. – Любое решение о физическом устранении того или иного лица должно быть утверждено на заседании Политбюро, и ты знаешь об этом.

– Как и о том, что именно вы советуете Политбюро, как поступить в том или ином случае, – Дмитрий слабо улыбнулся. – Правда, всегда остается место случайности. Калинин может попасть под машину или упасть с балкона. В этом случае Политбюро вообще не придется ничего решать.

Последовало непродолжительное молчание. Руки Октября, появившиеся в круге желтого света от лампы, слегка пошевелились.

– Так как ты думаешь?

“Это не игра, – понял Дмитрий. – Сегодня в этой комнате решается судьба полковника Калинина. Но почему Октябрь спрашивает совета именно у меня?”

У него возникло странное ощущение, что его в очередной раз проверяют, причем проверке подверглась вовсе не его способность выполнять оперативные задания, отнюдь нет. Если бы ему приказали убрать Калинина, он мог бы сделать это без всякого труда. Теперь Октябрь требовал, чтобы Дмитрий подумал и дал ему совет. В советах начальник Тринадцатого отдела никогда не нуждался, а вот сейчас – спрашивал. Почему?

Затем Дмитрий вспомнил тот день в детском доме имени Панфилова, когда он впервые увидел элегантного полковника в составе приемной комиссии Высшей школы КГБ. Тогда Калинин поддержал Дмитрия, и он сразу почувствовал его дружеское расположение. Во второй раз они встретились спустя несколько лет в Большом театре, а в третий раз – в Париже. В последний, четвертый раз они виделись здесь же, в мрачном кабинете Октября, и Калинин молча проглотил унижение, которому подверг его Октябрь. Он был вынужден выслушивать, как Октябрь разглашает совершенно постороннему чело веку его самую тщательно сберегаемую тайну, постыдный секрет, касающийся его гомосексуального опыта. Неожиданно Дмитрию захотелось спасти Калинину жизнь.

– Вы хотите убить Калинина, чтобы предотвратить случайную утечку информации о его судьбе, – начал он. – Чтобы американцы не догадались, как их водили за нос все эти годы. Нечто подобное у нас уже было. Тогда вы

послали меня во Франкфурт, чтобы ликвидировать одного из наших людей. Он умер только потому, что хорошо справился со своей работой.

– Ликвидация Любимова окупилась сторицей, – заметил Октябрь.

– Может быть, и так, однако с Калининым случай особый.

– Интересно? – скептически отозвался Октябрь. – Объясни почему.

– Мы можем убрать Калинина, – принялся вслух рассуждать Дмитрий, стараясь, чтобы голос его звучал безразлично. – И рано или поздно известие об этом достигнет Запад а...

– Безусловно, – кивнул Октябрь.

– Тогда они поймут, что Калинин был расстрелян за то, что передавал Сент-Клеру важные секреты. Таким образом, все полученные от него сведения обесценятся. Американцы решат, что, коль скоро нам известно, к каким материалам имел доступ Калинин, мы начнем в срочном порядке перестраивать и изменять стратегическую расстановку наших сил. Все усилия, потраченные нами на подготовку и проведение операции “Панама”, пойдут псу под хвост.

– Продолжай, – кивнул ему Октябрь.

– Но у нас есть выбор. Мы можем судить Калинина как шпиона, приговорить и бросить в тюрьму. Результат будет тот же самый. Можем восстановить его на работе в прежней должности, но тогда ЦРУ начнет подозревать, где зарыта собака. Сент-Клер не...

– Гримальди, – поправил его Октябрь.

– Да, Гримальди. Он не забудет нашей последней с ним встречи в аэропорту, не забудет, как ему едва удалось скрыться. Он не поверит в то, что это была ложная тревога.

– Что же ты предлагаешь?

– Предоставим им теряться в догадках. Пусть строят предположения, что могло с ним случиться. Калинина надо отправить в такое место, где никто не сможет опознать его – на Байконур, в Казань или в Ташкент. У нас там есть свои закрытые учреждения. Но ему надо обязательно сохранить жизнь. Он еще может нам понадобиться.

– Для чего?

– Гримальди, – объяснил Дмитрий. – Его уже дважды использовали в качестве приманки для Гримальди. Может получиться и в третий раз.

Октябрь довольно долго молчал. Где-то в темноте, в глубине старинной усадьбы девять раз пробили часы. Наконец он наклонился вперед, так что его хищный профиль тоже оказался в свете лампы. Глаза Октября тускло блестели, превратившись в узкие щелочки.

– Хорошо, – сказал он. – Очень хорошо, Дмитрий.

Дмитрий поднялся.

– погоди, – остановил его Октябрь. – Есть еще одно дело, которое я хотел с тобой обсудить.

Раздался осторожный стук в дверь, и на пороге появилась секретарша Октября, полная женщина средних лет по имени Тамара.

– Срочный вызов по телефону для товарища Морозова, – сказала она. – Из Парижа.

Дмитрий вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь. Телефонная трубка, снятая с рычагов, лежала на Тамарином столе на толстой стопке бумаг.

– Морозов слушает, – сказал Дмитрий. Он сразу узнал голос своего заместителя Никиты Сереброва. Тот казался расстроенным.

– Это по поводу Татьяны Романовой, товарищ Морозов.

– Что с ней?

– Она съехала с вашей квартиры, – сказал Серебров и замолчал.

– Куда она переехала?! – заорал Дмитрий так громко, что Тамара от неожиданности подпрыгнула на стуле. Дмитрий замахал ей рукой, затем прикрыл трубку телефона ладонью. – Вон отсюда! – прошипел он, и секретарша пулей вылетела из приемной. Ее лицо вытянулось и побледнело.

– Куда она девалась? – снова прокричал Дмитрий в трубку. – Не молчи же, докладывай.

– Мы проследили за ней до квартиры известного вам Алекса Гордона. Там она провела несколько ночей.

Эти слова поразила его сильнее, чем поразил бы удар кулаком в лицо. Дмитрий покачнулся. Сука! Ярость вспыхнула у него в груди, и руки сами собой сжались в кулаки. Татьяна обманула его! И с кем – с его собственным братом, американским еврейчиком. “Я доверял ему, а он украл мою женщину, – подумал Дмитрий. – Ох, братец, если бы я только мог до тебя добраться, если бы я только мог схватить тебя руками за горло...”

– Я вылетаю немедленно, – сказал он в трубку. – Поставь всех в известность, что я вылетаю из Москвы завтра после обеда и что вечером буду на месте.

– Слушаюсь, товарищ Морозов.

– И проследите за ней, куда бы она ни направлялась. Мне необходим будет полный отчет.

– Хорошо, я понял.

Дмитрий с треском опустил трубку на аппарат.

– Тамара! – рявкнул он.

Секретарша немедленно появилась в приемной, должно быть, она подслушивала за дверью.

– Я срочно вылетаю в Париж, сегодня же. Найдите мне подходящий рейс, неважно, сколько понадобится сделать пересадок...

– Мне слышалось, что вы собираетесь лететь завтра.

– Назавтра зарезервируете место на рейс Аэрофлота и внесете меня в список пассажиров. Пусть все знают об этом. Сам я потихоньку отправлюсь первым же сегодняшним рейсом. Если надо, воспользуйтесь моим рабочим псевдонимом или вымышленным именем. Мне срочно нужно вернуться.

“Обман, – думал он. – Всюду коварство и обман. У Татьяны были в Торгпредстве две приятельницы, через них она узнает, что он возвращается завтрашним вечером. Пусть думает, что у нее есть еще один день”.

С этими мыслями он вернулся в кабинет Октября.

Октябрь стоял возле окна; он смотрел на темный парк и курил свою вонючую сигарету.

– Я возвращаюсь в Париж, – небрежно сказал Дмитрий. – Там возникли кое-какие мелкие осложнения.

Октябрь кивнул.

– Хорошо. Но я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

– Конечно.

– Ты нужен мне здесь, – сказал Октябрь, не оборачиваясь. – Настали тяжелые времена, и мне нужен помощник. Я хочу, чтобы ты остался со мной в качестве моего заместителя. В Париже ты и так пробыл слишком долго.

Так вот для чего Октябрь отозвал его в Москву! Не только для того, чтобы рассказать ему об операции “Панама”, но и для того, чтобы в последний раз проверить его, подготовить к возвращению домой.

В другое время Дмитрий непременно обрадовался бы тому, что Октябрь решил сделать его своей правой рукой. Подобное перемещение означало, что через несколько лет Дмитрий сможет возглавить отдел. Ему было отчего радоваться.

Однако теперь Дмитрий чувствовал себя так, словно слова Октября относились не к нему, а к кому-нибудь другому. Мысль о том, что Татьяна и Алекс вместе там, в Париже, сводила его с ума, полностью овладев всем его существом. Он отчетливо представлял их в постели, видел, как Татьяна целует и гладит тело Алекса, как задыхается и вскрикивает в минуты наивысшего наслаждения. Ему хотелось убить ее, убить брата, увидеть ужас в их глазах, когда он своими руками вытряхнет из них их жалкие жизни! Сейчас ему было безразлично новое назначение. Его собственный брат украл у него единственную женщину, которую он любил в своей жизни, и он рвался в Париж всей душой. Неужто Алексу было мало американских женщин, и он позарился на его Татьяну?

– Я постараюсь закончить свои дела в Париже как можно скорее, – услышал он свой собственный голос.

– Добро, – сказал Октябрь, и Дмитрий потянулся к двери. – Очень хорошо, Дмитрий. Сделай что нужно и возвращайся.

* * *

Татьяна и Алекс рука об руку прогуливались возле пруда в парке Монсури и смотрели, как дети, восторженно смеясь, отталкивают от берега свои игрушечные пароходики. Несколько старушек, съезжившись от утренней прохлады, сидели на больших чугунных скамейках. Молодая женщина в плисовых брюках и туфлях на высоком каблуке, неуклюже переваливаясь, догоняла свое чадо, слишком близко подбежавшее к воде.

– Я бы хотела родить от тебя ребенка, – сказала Татьяна, подставляя ему губы для поцелуя. Алекс наклонился и легко поцеловал ее прохладный рот.

– Тогда почему бы нам не зайти за кусты и не заняться этим прямо сейчас? – шутливо предложил он.

Татьяна попыталась что-то сказать, но глаза ее внезапно расширились от испуга. Алекс резко обернулся.

Двое мужчин решительно направлялись в их сторону, по пятам за ними следовала широкоплечая и крепкая молодая женщина в джинсах, голубой ветровке и удобных туфлях без каблука. Мужчины были более консервативны в своей одежде: один был в черном пальто, второй – в коричневом плаще-макинтоше. Одному было около сорока, второй выглядел лет на десять моложе.

– Мистер Гордон? Нам нужно с вами поговорить, – сказал тот, что постарше, на американском английском, смягченном тягучим акцентом уроженца южных штатов. У мужчины были густые светлые усы и заостренный подбородок, а глаза его были полуприкрыты тяжелыми веками.

“Это могут быть люди Дмитрия”, – подумал Алекс, отступая на шаг назад и хватая Татьяну за руку. Женщина пыталась приблизиться к ним с другой стороны.

– Мы – друзья Гримальди, – сказал тот, что был помоложе.

– Докажите это, – откликнулся Алекс, таща Татьяну к скамейкам, где сидели старушки. Те с подозрением уставились на них.

Алекс бросил взгляд через плечо. Сзади никого не было за исключением двух стариков, которые бросали куски хлеба стае жирных парижских голубей.

– Но это так и есть, поверьте, – настаивал молодой человек в коричневом плаще, в то время как старший шепнул что-то в крошечную пуговку микрофона, укрепленную на лацкане пальто.

– Не приближайтесь, – предупредил Алекс, – иначе мы поднимем шум. Вам это не нужно.

Впрочем, он понимал, что если незнакомцы вооружены, то все равно верх будет за ними. Старухи, почувствовав приближение грозы, в беспорядке отступали. “Даже если мы закричим, нас никто не услышит”, – подумал Алекс и удивился, что не чувствует страха. Холодным умом он взвешивал их шансы на спасение.

– Посмотрите! – молодой мужчина указывал на вход в парк, где словно из воздуха материализовался Гримальди. Он стоял там элегантно и спокойный в своем бежевом пальто из верблюжьей шерсти и с безразличным видом курил сигару.

“Слава богу!” – подумал Алекс.

– Это Гримальди, – сказал он Татьяне, которая в страхе оглядывалась по сторонам. – Мой американский друг. Все в порядке.

Они подошли к Гримальди, причем трое агентов образовали вокруг них компактную группу. Крепкая молодая девица поравнялась с Татьяной и улыбнулась ей.

– Меня зовут Джейн, – представилась она.

– Оставьте ее в покое, – резко сказал Алекс, начиная закипать.

– Как вы меня нашли? – спросил он у Гримальди, как только они приблизились. – Как вы узнали, где мы? Лицо Гримальди осунулось, щеки ввалились.

– Нам нужно немедленно уезжать, – сказал он. – Нельзя терять ни минуты.

– Я спросил, как вы нас нашли, – повторил Алекс. – Вы следили за мной с

тех пор, как мы расстались в “Клозери”?

– Да, так же как и твои русские друзья, – Гримальди указал на черный “фиат”, припаркованный возле рекламного стенда, прославляющего дамские чулки. Старики, кормившие голубей в парке, мчались к “фиату” с нестариковской прытью.

– Я же сказал тебе... – начал Алекс.

– На споры не осталось времени, – нетерпеливо перебил его Гримальди. – Дмитрий вернулся, ему нужны ваши головы.

– Не может быть, – вставила Татьяна на английском с сильным французским акцентом. – Моя подруга Наташа сказала мне, что он возвращается только сегодня вечером.

– Именно в этом он и хотел вас убедить, – кивнул Гримальди. – Ваше счастье, что у меня есть люди в обоих аэропортах. Его заметили на паспортном контроле в Орли. А теперь давайте пошевеливаться.

И он указал на бежевый “ситроен” и серебристый “мерседес”, стоявшие у обочины.

– Вы сядете со мной? – спросила Джейн у Татьяны, которая бросила на Алекса тревожный взгляд.

– Мы поедем вместе, – твердо сказал Алекс. Гримальди пожал плечами.

– Возьмите их на себя, Барт, – сказал он, кивая в направлении черного “фиата”, и торопливо пошел к “мерседесу”.

Все они забились внутрь – Гримальди, Татьяна и Алекс на заднем сиденье, мужчина в черном пальто – на переднем рядом с водителем. Джейн и Барт направились к “ситроену”, причем, когда девушка наклонилась, чтобы сесть на пассажирское сиденье, куртка ее распахнулась, и Алекс увидел торчащую из-под ремня рукоятку пистолета.

– Куда мы едем? – спросил Алекс, когда машина рванулась вперед по узкой пустынной улочке, но ему никто не ответил.

“Ситроен” с агентами следовал за ними буквально по пятам, а “фиат” русских замыкал процессию. Когда они приблизились к перекрестку, водитель бежевого “ситроена” неожиданно резко затормозил. Машина пошла юзом и, скрежеща покрывками, остановилась, совершенно перегородив проезжую часть. Следовавший за ними “фиат” тоже остановился и принялся неистово сигналить.

– Отлично, – сказал Гримальди, когда они свернули за угол и поехали по бульвару Жорден. – Если перед нами не было их второй машины, то мы оторвались.

– Куда мы едем? – снова спросил Алекс. Водитель, молодой парень с угреватым лицом и задорным рыжим вихром на макушке, несколько раз перестраивался, нырял в боковые проулки, совершил два правых поворота и наконец снова вывернул на бульвар, двигаясь теперь в обратном направлении.

– Впереди никого, – сказал он уверенно. – Мы оторвались.

Гримальди откинулся на сиденье.

– Документы у тебя с собой?

– Паспорт, – ответил Алекс и повернулся к Татьяне. Та порылась в

сумочке.

– У меня удостоверение личности.

– Для того чтобы пересечь границу, вам больше ничего и не нужно, – отозвался Гримальди почти благодушно.

– Минуточку, – сказал Алекс. – Постой-ка! Я хочу остаться здесь и поговорить с Дмитрием. Я уверен, что он выслушает меня.

– Конечно, – Гримальди ухмыльнулся. – А потом свернет тебе шею.

Татьяна сжала руку Алекса и покачала головой. “Мерседес” свернул на Периферик – широкую автостраду, кольцом опоясывающую Париж.

– Ты сказал, что нам нужно пересечь границу. Какую границу? Куда мы едем, в конце концов? – в третий раз спросил Алекс.

– Вы оба подвергаетесь опасности, и мы вывозим вас из страны.

– О чем ты говоришь?! – взорвался Алекс. – Сначала отвезите нас домой.

Затем...

– Никаких “домой”, – голос Гримальди был тверд. – Дмитрий Морозов наверняка уже там, поджидает тебя или обоих. В Париже нет такого места, где вы были бы в безопасности. Если вы проголодались, то немного погодя мы остановимся и пообедаем. Если вам нужна одежда или какие-то мелочи – мы всем вас обеспечим. Но если ты хочешь спасти жизнь своей девушке, Алекс, то будь добр – заткнись, расслабься и наслаждайся поездкой.

На стоянке в подземном гараже в Ле Бурже они пересели в ожидающий их черный “пежо”. На границе бельгийский пограничник махнул им своим жезлом, даже не заглядывая в документы. Ближе к вечеру они уже были в Брюсселе.

* * *

Десять дней спустя Алекс, спасаясь от проливного дождя, зашел в кафе “Брабант”, что расположено на брюссельской Гран Плас. Сняв свой новый плащ, еще один подарок “дядюшки Сэма”, он уселся за столик возле широкого окна, выходявшего на живописные окрестности. Взгляд его скользнул по обступившим площадь высоким домам с их щипцовыми крышами и затейливыми башенками.

Альфред, вымуштрованный до подобострастия официант в короткой белой тужурке с золотыми эполетами, слегка наклонил свою узкую голову.

– La tème chose pour monsieur?

– Да, Альфред. Большую чашку кофе со сливками и два рогалика.

– Значит, la tème chose. Одну минуточку, мосье. “La tème chose – “как всегда”, словно для завсегда. Как быстро жизнь вошла в привычную колею, обросла новыми стереотипами”, – с удивлением подумал Алекс. Каждое утро точно в девять часов автомобиль ЦРУ забирал Татьяну из их новой квартиры и увозил на “собеседование”, которое продолжалось до шести вечера. Новое их жилище располагалось на Рю Гаспар – одной из неприметных узеньких улиц за Гран Плас. Это была огромная, холодная квартира, обставленная стандартной мебелью, и они оба ненавидели ее.

Они ненавидели также и новую одежду, которую вынуждены были купить взамен той, что осталась в Париже, и едва терпели постоянное присутствие двух вооруженных агентов. Женщина – это была Джейн – дежурила в их квартире круглыми сутками, укладываясь на ночь на кушетке в гостиной, а второй агент – Барт – неотлучно находился в припаркованной напротив их дома машине. Ангелы-хранители сопровождали их даже в те редкие вечера, когда они выбирались в ресторан или в кино. Правда, вчера вечером Гримальди наконец-то согласился слегка ослабить меры безопасности и оставить их вдвоем в квартире. Джейн ушла, крепко обняв Татьяну на прощание – несмотря ни на что, женщины успели привыкнуть друг к другу. Барт по-прежнему оставался в машине, наблюдая за входом.

В этот ранний час кафе было почти пустым, если не считать двух пожилых женщин, с жадностью поглощающих бисквитные пирожные с шоколадным кремом. Алекс заказал еще кофе и снова погрузился в свои мысли.

Слава богу, что эта проклятая квартира и опека телохранителей – все это временно. Через пару дней допросы Татьяны закончатся, ее документы тоже будут готовы, и они смогут улететь в Штаты. Он даже уже написал в Университет Брауна и дал согласие преподавать там в течение следующего учебного года.

Он также не удержался и позвонил Нине, выбрав для этого телефонную будку возле почтамта на другом конце города, ибо Гримальди запретил ему пользоваться установленным в их квартире телефоном. С Ниной он поделился своими планами:

“Я привезу тебе невесту, Ниночка. Она настоящая красавица!” Разумеется, ни слова не было сказано о том, что его новая невеста принадлежит к династии Романовых. Алекс сказал только, что собирается жениться на ней и обосноваться в Провиденсе.

– Ты будешь жить с нами, – закончил он. – Нам скоро может понадобится бабушка, чтобы сидеть с малышом.

Судя по голосу, Нина была довольна, хотя и удивилась. Алекс отставил свою опустевшую чашку и подумал о Клаудии. Он никогда не думал, что их любовь может окончиться подобным образом: он перестал отвечать на ее письма и надеялся, что их отношениям пришел конец. Зачарованный Татьяной, он не мог и не хотел отступить от своей новой любви.

Хуже всего он чувствовал себя при мысли о том, как подло он поступил с Дмитрием. Алексу было нелегко взглянуть в лицо фактам и признать, что он смог так легко предать своего брата. А ведь это было именно предательство, злоупотребление доверием Дмитрия. “Всю свою жизнь я искал его, – в отчаянии размышлял Алекс, – а когда наконец нашел, то не придумал ничего лучшего, чем отбить у него девушку. Теперь я буду чувствовать свою вину до конца дней моих”.

Дмитрий, конечно, был вовсе не святой, скорее наоборот. Его брат оказался шпионом и безжалостным убийцей. Читая материалы о нем, собранные Гримальди, Алекс инстинктивно чувствовал, что все, о чем там говорилось, – правда. За те несколько месяцев, что братья провели вместе,

Алекс сумел разглядеть коварство и жестокость Дмитрия. Однажды вечером, сидя в старинном кафе “Брассери Фло”, они обсуждали знаменитого советского агента Кима Филби, сумевшего занять высокий пост в британской разведслужбе, и Алекс упомянул о разочаровании английских коллег Филби, которые подозревали его на протяжении нескольких лет, однако никак не могли добыть доказательств его вины.

– Доказательства, доказательства, – сказал тогда Дмитрий. – Будь я на их месте, я бы давно уже шлепнул его втихую.

– А вдруг он оказался бы невиновен? – с негодованием возразил Алекс.

– Ну и что? – отозвался Дмитрий с неприятным смешком.

Проливной дождь превратился в настоящий тропический ливень, и старинная площадь почти полностью исчезла за серым занавесом низвергающейся с хмурого неба воды. Алекс отвернулся от окна и попытался представить себе, что за жизнь будет у них с Татьяной. В Провиденсе он сможет купить неплохой дом. Возможно, Татьяна тоже сможет преподавать. Они заведут пару малышей и будут жить спокойно и счастливо, а все бурные переживания останутся в далеком прошлом.

Если бы Алексу захотелось бурных переживаний, то ему следовало принять предложение Гримальди. Этот тип из ЦРУ каждый день обедал с Алексом, всякий раз заводя разговор о том, чтобы Алекс поступил на службу в его организацию. Он, дескать, и лучший в Америке эксперт по Советскому Союзу, он и талантливый ученый, и блестящий исследователь и все такое прочее. Поначалу Алекс задумывался над тем, чтобы принять предложение, однако настойчивость Гримальди в конце концов надоела и рассердила его. Не далее как вчера он отверг это предложение окончательно и совершенно недвусмысленно.

– Все, что я хочу, – заявил он непривычно бледному Гримальди, который пристально смотрел на него, – это жить со своей красивой женой в тихом месте, воспитывать наших прелестных детишек, которых она мне родит, и преподавать в хорошем университете. Это окончательно, Франко, так что оставь меня в покое, ладно?

– А Дмитрий? – выпалил Гримальди. – Он оставит тебя в покое?

– Если он не отыщет меня, то ему больше ничего не останется, – сказал Алекс. – Вот тебе, кстати, и вторая причина, почему я не хочу идти к вам работать. Дмитрий – это моя семья, мы связаны кровным родством. Мы братья, в конце концов! И я не хочу, чтобы мне когда-нибудь пришлось бороться против своего брата.

В гневе он выскочил из ресторана, так и не прикоснувшись к бифштексу. Себе он поклялся, что, вернувшись в Америку, он и близко не подойдет ни к Гримальди, ни к какому-нибудь другому работнику ЦРУ. Может быть, со временем Дмитрий все же простит его.

Снова взглянув в окно, Алекс увидел двух подростков, мчавшихся прямо по лужам, прикрывая головы размокшей газетой. Оба громко хохотали, глядя друг на друга. Прежде чем скрыться за углом, они пробежали мимо кафе. На секунду подростки обернулись, и Алекс заметил, что мальчишки очень похожи

друг на друга. “Братья...” – подумал Алекс.

“Едины братия вовек”, – писал в своем стихотворении отец. Если бы Виктор Вульф был жив, он не простил бы его. В последнее время Алекс очень часто думал об отце, пытаясь угадать, как он отреагировал бы на некоторые его поступки. Теперь же можно было даже не гадать; Виктор Вульф безусловно принадлежал к числу людей, которых можно было смело считать одними из столпов этики и морали. Он не одобрил бы того, как Алекс поступил с братом, не посмотрел бы на это сквозь пальцы.

В мозгу Алекса внезапно появилась идея. Это, конечно, было безумие, но он должен сделать попытку.

Алекс встал из-за столика и спустился по лестнице на первый этаж кафе. Здесь он вошел в телефонную будку, на которой было написано крупно “Interuibain”. Он уже знал, что это означает междугородный телефон. У него было достаточно монет, чтобы позвонить в Париж. Вытащив из кармана записную книжку, Алекс набрал номер.

– Торгпредство, – прочирикал в трубке приятный женский голос по-русски.

– Дмитрия Морозова, пожалуйста, – сказал Алекс тоже по-русски, чувствуя, как в горле у него неожиданно пересохло. Впрочем, он знал, что никто не будет спрашивать у него, кто звонит; инструкции и правила КГБ гласили, что любому звонящему необходимо обеспечить беспрепятственный контакт с офицерами резидентуры.

– Морозов слушает, – раздалось в трубке.

– Дмитрий, это я, – сказал Алекс.

На другом конце телефонной линии молчали.

– Я должен поговорить с тобой, пожалуйста, не вешай трубку.

Дмитрий не отвечал.

– Дмитрий, я хотел... Я хотел сказать тебе: мне очень жаль, что так вышло.

Он растерялся. Что он мог сказать Дмитрию? Прости, что я увел у тебя любимую женщину?

– Прости, что так получилось с Татьяной. Поверь, что я вовсе не хотел этого. Когда мы встретились, я чувствовал себя счастливейшим человеком на земле. У меня и нет никого, кроме тебя и Нины. Может быть, мы могли бы встретиться и поговорить обо всем этом? Я не хотел причинить тебе боль и не хочу потерять тебя...

Ответом ему было молчание, все то же враждебное молчание. Но Дмитрий был у телефона, Алекс слышал в трубке его сдерживаемое дыхание.

– Послушай, Дмитрий, тогда вечером, на берегу Сены...

– Хотелось бы мне никогда с тобой не встречаться! – голос брата, хриплый, исполненный ненависти, заполнил собой все пространство внутри телефонной трубки. Прежде чем дать отбой и разорвать последнюю связующую их нить, Дмитрий произнес последнее проклятье.

– Для меня ты умер, – сказал он.

Пока Алекс разговаривал с Парижем, Гримальди потягивал горький кофе-эспрессо буквально в сотне шагов от него, в элегантном “Кафе дез

Англез”. Он не знал, что Алекс так близко, однако именно он занимал все мысли Гримальди, а мысли эти были не очень-то приятными. Иными словами, Гримальди пребывал в самом дурном расположении духа.

Его планы относительно Алекса Гордона совершенно расстроились. До сих пор все шло хорошо, просто отлично: сначала подвернулся подходящий момент для того, чтобы ознакомить Алекса с чудовищными преступлениями брата, затем они весьма своевременно эвакуировали Алекса и его девчонку в Бельгию. Теперь у Алекса были все основания поступить на работу в ЦРУ и начать поединок с братом, однако тут-то и вышла заминка. Проклятый ублюдок отказался. Несмотря ни на что, он продолжал любить Дмитрия и не хотел причинять ему вред. И в жизни Алекс, как выяснилось, не искал приключений и бурных переживаний. Его прельщало серенькое существование среднего человека в его маленьком домике, с маленькой женошкой, в окружении маленьких сопляков, с его маленькой посмертной страховкой. Каждые два года он будет покупать новый автомобиль, радоваться кружевным салфеточкам на телевизоре, а по воскресеньям – с глупой улыбкой на лице и в дурацком фартуке, расшитом розовыми поросятами, – станет готовить шашлык в мангале на заднем дворе.

Вся операция провалилась. Гордон не поступит в ЦРУ и не станет сражаться против своего брата. Этот человек, так хорошо изучивший Советский Союз, которому знаком образ мыслей Морозова, вдруг отказался от роли, предназначенной ему с самого начала. Теперь-то Гримальди понимал, что неверно оценил Алекса. Парень оказался гораздо слабее, чем он рассчитывал. Он станет противником Морозова только в том случае, если будет чувствовать к нему страшную ненависть, если все его остальные чувства и моральные принципы будут отодвинуты на второй план ослепляющей жаждой мести.

“Мести... – подумал Гримальди. – Но за что Алекс станет мстить Дмитрию? Он ничего ему не сделал, скорее это у Морозова есть причины ненавидеть брата. Через пару дней Алекс улетит в Штаты и станет жить спокойной и сытой жизнью со своей Татьяной. Ничто не мешает ему строить свой собственный рай, если только... если только не случится так, что он навсегда потеряет свою Татьяну. Потеряет ее из-за Дмитрия...”

Гримальди отставил свою чашку. Промелькнувшая в его голове мысль была омерзительной, отталкивающей, просто ужасной, однако в ней была своя внутренняя логика. Если бы он только знал, как все правильно обставить! Если бы это сработало, Алекс бы умолял Гримальди помочь ему отомстить брату за потерю любимой.

Гримальди поднялся и вышел в дождь, двигаясь медленно, словно во сне. На углу он взял такси и поехал на главный почтамт Брюсселя. Огромный зал кишел людьми, и Гримальди порадовался благоприятному стечению обстоятельств. Войдя в телефонную будку, он обернул трубку своим носовым платком и набрал номер в Париже. Линия оказалась занята, Гримальди выждал немного и снова набрал номер.

– Торгпредство, – отозвался женский голос.

– Дмитрия Морозова, – прохрипел Гримальди. Через мгновение он

услышал голос Дмитрия, который показался ему озабоченным.

– Татьяна Романова, – проскрипел он по-французски, стараясь говорить низким, натужным басом. – Завтра в девять утра. Брюссель, Рю Гаспар, 37, квартира 17.

– Алло? Алло? Кто это? – загромыхал в трубке голос Дмитрия, но Гримальди уже дал отбой и вышел из телефонной будки, вытирая платком покрывшийся испариной лоб.

“И нет никаких причин раскаиваться в содеянном, – сказал он себе. – Собеседования с девчонкой закончились, и больше она ни на что не пригодится”.

* * *

Сидя во взятом напрокат “тауресе”, припаркованном на углу, Дмитрий смотрел, как Алекс выходит из подъезда и усаживается в черный “пежо”. Никита Серебров, бывший в машине вместе с Дмитрием, видел этот автомобиль раньше. Он стоял перед подъездом, и водитель не покидал его. На мгновение Дмитрий подумал о ловушке, но тут же отменил эту мысль. Если кому-то хотелось убить или похитить его, то удобнее всего это было бы сделать в Париже, где нетрудно было узнать его адрес и распорядок дня. Совсем не обязательно было заманивать его для этого в Брюссель.

Он понятия не имел, кто мог ему позвонить, однако посчитал, что сообщение стоит проверить. Теперь же при виде Алекса его сердце подпрыгнуло от злобной радости.

Тем временем водитель “пежо” запустил двигатель и машина умчалась.

– Жди меня здесь, – приказал Дмитрий Сереброву. Перейдя улицу, он вошел в подъезд дома номер 37.

Подъезд был мрачным и холодным. Дмитрий не стал пользоваться лифтом – лифт мог легко превратиться в ловушку. Вместо этого он крадучись поднялся наверх. На каждой лестничной площадке было по четыре двери, и семнадцатая квартира оказалась на пятом этаже.

Двигаясь в темноте почти на ощупь, Дмитрий слышал стук собственного сердца. Через мгновение он увидит Татьяну. Что он ей скажет? Что любил ее больше всего на свете? Что никогда и никого не любил, кроме нее, и что теперь она его предала? Он догадывался, что Татьяна не любит его, однако это не имело никакого значения. Она была его женщиной, ей он верил и о ней заботился, а она ткнула его ножом в спину.

Вот и пятый этаж. Семнадцатая квартира была с правой стороны, и пальцы Дмитрия ласково ощупали дверной замок. Бесшумно открыть его было для такого специалиста, как он, парой пустяков. Дмитрий выудил из кармана крошечный набор инструментов. Чтобы справиться с замком, ему потребовалось меньше минуты. Он вошел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Алекс? – раздался голос Татьяны.

Тяжело дыша, Дмитрий остановился посередине гостиной. Сердце в груди билось болезненными, резкими толчками. Невероятно, но он не мог сделать

больше ни шага.

– Алекс?

Татьяна появилась в дверях, умопомрачительно красивая, эльфоподобная дева в белой юбке и свободной белой рубашке. На губах цвела счастливая улыбка.

Дмитрий застыл на месте, но в силах пошевелиться. Сейчас она могла бы пройти мимо него, и он не в силах был бы ее остановить. Она могла направить на него пистолет, и он не сделал бы ни единого движения, чтобы защититься. Она могла заговорить с ним, и он готов был ответить ей, готов был сделать все, что только было в его силах, лишь бы вернуть ее. Но она в ужасе закричала и, беспомощно прихрамывая, ринулась обратно в спальню. Это вывело Дмитрия из оцепенения, и он бросился следом. При виде смятой постели кровь его вскипела в жилах. Здесь эта сучка трахалась с его братом, быть может, несколько минут назад. Она впустила его в свое лоно, она царапала его спину и шептала слова любви, задыхаясь от страсти.

И он повернулся к ней, пальцы его рук сами собой скрючились наподобие когтей.

Татьяна, дрожа, остановилась возле кровати. По ее искаженному страхом лицу текли слезы. Она попалась, ей некуда было бежать и некуда было спрятаться. Она даже не подняла рук, чтобы защищаться, видя, что Дмитрий подходит к ней, просто смотрела на него потухшим взглядом, в котором Дмитрий прочел отчаяние и покорность судьбе. Татьяна понимала, что все кончено и надежды нет. Она ждала смерти.

Дмитрий сделал еще один шаг. Татьяна не пошевелилась. Она лишь продолжала горько плакать, кусая губу. Повинуясь внезапному импульсу, Дмитрий потянулся к ней и обнял, изо всей силы прижимая к себе. Лицо его уткнулось в ее волосы, и он вдохнул свежий аромат ее тела. Она дрожала в его объятиях, и Дмитрий приподнял ей голову, заглядывая в лицо. Татьяна закрыла глаза.

Неожиданно зазвонил телефон. Пронзительный дребезжащий звук разнесся по квартире, и Татьяна слабо рванулась, но Дмитрий крепко держал ее. Телефон позвонил еще несколько раз, смолк ненадолго и тут же зазвонил снова. С лестничной площадки донесся шум торопливых шагов, и Дмитрий почувствовал, как тело в его руках напряглось в надежде на спасение. Это мог быть и Алекс, спешащий, чтобы спасти ее.

Однако телефонные звонки смолкли, а шаги затихли вдалеке. Дмитрий наклонился к ее лицу, такому беззащитному сейчас, и крепко поцеловал в дрожащие губы. Его собственные глаза защипало от слез.

– Я так любил тебя, Таня, – сказал он. Затем его глаза скользнули по скомканным простыням на кровати за спиной Татьяны, и черная ненависть с новой силой вскипела в его груди. Пальцы Дмитрия сомкнулись на тонкой, молочно-белой шее Татьяны, и он тут же с силой сдавил ее горло, чувствуя, как большие пальцы легко погружаются в податливую плоть. Тело девушки дрогнуло в конвульсиях, а из горла вырвался знакомый булькающий звук, затем она внезапно обмякла.

Дмитрий разжал руки, и тело ее скользнуло на пол, но тут же упал на колени рядом с Татьяной. Обняв мертвую девушку, он нежно укачивал ее, целуя в лицо и в холодеющие губы. Из горла его вырвался хрипый мучительный вой.

Глава 14

Алекс отпер дверь и вошел в квартиру.

– Татьяна, где ты? – позвал он. – Я получил твой паспорт.

Он швырнул свой плащ на кресло. Консул Соединенных Штатов Америки оказался не слишком деятельным и расторопным, и Алексу понадобилось больше часа, чтобы получить необходимые документы.

Как бы там ни было, все формальности остались позади. Собеседования с Татьяной закончились вчера, так что сегодняшний день был в их полном распоряжении. Завтра они вылетят в Вашингтон на борту военно-транспортного самолета ВВС США, и Алекс втайне надеялся, что они никогда больше не увидят Гримальди.

– Танечка?

В квартире стояла абсолютная тишина. Татьяна никогда не включала радио и не заводила пластинок – она любила тишину. Алекс пересек гостиную и заглянул в спальню. Татьяны не было.

– Таня! – снова позвал Алекс и, не получив ответа, повернулся, чтобы пойти в ванную комнату. Самым уголком глаза он заметил слева от кровати какую-то странную кучку белого белья. Он еще ничего не понял, а в голове его уже зазвенел крик отчаяния и ужаса. Случилось что-то непоправимое.

Неподвижное тело Татьяны лежало перед ним на полу. Голова ее была повернута под невероятным углом, а огромные, широко раскрытые глаза смотрели в потолок. В глазах Татьяны застыл страх. Не в силах еще понять, какая его постигла утрата, Алекс неловко топтался в изножье кровати и не мог оторвать взгляда от этого неподвижного тела. Нет, это не обморок и не потеря сознания. Всего лишь час назад, когда он уезжал, она была весела и здорова, а теперь ее тело лежало на полу у его ног совершенно неподвижно. Безнадежное отчаяние потихоньку овладевало его сознанием. Татьяна, его Татьяна была мертва.

Алекс наклонился над ней, и горло его перехватило так сильно, что воздух вырывался из легких с болезненным хрипом. Крупная дрожь сотрясала его тело, а в мозгу появилось ощущение, что когда-то он уже видел нечто подобное. Труп лежал на полу точно так, как виделось ему в ночных кошмарах. Татьяна умерла, Татьяны больше нет.

Алекс осторожно коснулся ее лица. Лицо было холодным, но сохраняло странную упругость. В голове у него заметались бессвязные, разрозненные мысли: это он виноват; нельзя было оставлять ее одну; нельзя было приезжать в Брюссель; что теперь делать с ее паспортом; где, черт возьми, был этот Гримальди? Татьяна ведь чувствовала, что умрет именно так, она не раз говорила ему об этом...

Из всех этих сумбурных мыслей и чувств выкристаллизовалась одна; ясная и четкая, она полностью овладела им.

– Дмитрий, – пробормотал Алекс, вставая и отворачиваясь от тела. – Дмитрий...

Он бегом спустился по лестнице и выскочил на улицу. Барт с сигаретой в зубах с удобством расположился на водительском сиденье своего “пежо”. В динамиках радиоприемника гремела музыка. Алекс распахнул дверцу.

– Выходи, – с трудом проговорил он. – Выходи!

– Что это с тобой, парень? – отозвался Барт, не выказывая ни малейшего желания подчиниться. Алекс не долго думая схватил его за лацканы пиджака и выволок из машины.

– Ключи! – рявкнул он неожиданно прорезавшимся голосом. – Где ключи?!

– Что за черт... – начал было Барт, но Алекс сильно ударил его в живот. Охранник согнулся от боли, затем выпрямился и поднял кулаки.

– Что, парень, захотелось подраться? – пробормотал он.

Барт был выше и сильнее Алекса, но это не имело никакого значения. Алекс ударил его в лицо с огромной силой, вложив в удар всю свою ярость и отчаяние, и Барт растянулся на земле рядом с машиной. Из рта его потекла кровь. Сознания он, однако, не потерял, и Алекс как безумный принялся пинать его ногами. Барт только покряхтывал и закрывал руками лицо.

– Ключи! – снова проревел Алекс.

В ужасе глядя на него, на тротуаре остановились двое пожилых мужчин.

– Полиция! – закричал один. – Помогите! Барт трясущейся рукой махнул в сторону автомобиля, и Алекс заглянул внутрь. Ключи болтались в замке зажигания.

– Документы? – спросил он.

– В... перчаточнице, – выдохнул Барт, силясь подняться с колен.

Алекс оттолкнул его, вскочил в машину, завел мотор и рванул с места так, что шины завизжали по асфальту.

Он промчался на машине через центр города, не обращая внимания на красные сигналы светофоров и встречные машины, преследуемый пронзительной трелью полицейских свистков. Следуя указателям, установленным на всех главных перекрестках, он добрался до шоссе, ведущего к французской границе. Он ни о чем не думал, мозг его был совершенно пуст за исключением одной-единственной мысли. Он хотел найти Дмитрия и убить его.

Впоследствии он так и не мог припомнить, сколько времени ему понадобилось, чтобы доехать до Парижа. Не помнил он и многого из того, что происходило вокруг во время его безумного и невероятного путешествия. В памяти задержались лишь длинные колонны автомашин на шоссе, туман и сильный ливень на подъезде к Роасси. Должно быть, он все-таки показал свои документы на границе, однако и этого он не помнил.

Алекс немного пришел в себя только, когда, припарковав машину на бульваре Перье, он попытался вломиться в здание Торгпредства и был до полусмерти избит двумя русскими охранниками.

Он очнулся ночью, в водосточной канаве. Костюм его насквозь пропитался ледяной водой, которая медленно текла по пустынным мостовым темных парижских улиц.

На протяжении нескольких следующих дней – может, это были недели, Алекс не мог сказать наверняка – он искал Дмитрия. Страстное желание отомстить за смерть Татьяны сжигало его. Он не брился, он почти не спал и помногу пил, останавливаясь в ближайших барах, и в конце концов свалился от усталости, забывшись на заднем сиденье угнанного “пежо”.

Большую часть времени он словно призрак скитался по улицам или сидел в засаде напротив здания Торгпредства. По ночам он скрывался в подворотне напротив дома, где жил Дмитрий, неотрывно глядя на темные окна его квартиры. Дважды он прокрадывался в здание, поднимался по лестнице и стучал в его дверь, но никто не открыл ему, и изнутри не доносилось никакого шума. Тогда он стал обходить места, где они встречались с Дмитрием, все рестораны и бары, в которых они проводили вечера втроем. “Нет, мосье, мы не видели господина, который тогда ужинал с вами, – отвечали ему. – Да, мосье, мы прекрасно помним его – такой приятный молодой человек, немного похожий на вас. Как поживает та молодая леди, которая приходила с ним? Настоящая красавица, *une beaute*, не правда ли?”

Окружающее утратило для Алекса всякий смысл. Он хотел только одного: найти убийцу Татьяны и прикончить его. Он не знал, как он будет осуществлять свою месть, у него не было никакого оружия, и все же на всем земном шаре не было никого, кто сумел бы остановить его. Нужно только было найти Дмитрия, но он словно сквозь землю провалился.

Однажды ночью Алекс снова предпринял попытку перелезть через стену, окружавшую здание Торгпредства, но снова был избит охраной. На этот раз Алекс запомнил обоих: один был высоким, крепким мужчиной с узким, лишенным всякого выражения лицом. Его короткие волосы спускались на лоб “вдовьим уголком”. Второй был светловолосым красавцем с бычьей шеей и широкими плечами борца, в черной рубашке-поло и кожаной куртке. Молотя Алекса кулаками и пиная ногами, он криво улыбался. Полицию они не вызывали; вероятно, Дмитрий запретил им всяческие контакты с местными властями.

Несколько раз Алекс наблюдал за входящими и выходящими из Торгпредства служащими, но Дмитрия среди них не было. Одним туманным вечером ему показалось, что он видит в одном из окон здания лицо брата, который смотрел прямо на него, однако он не был уверен в том, что не бредит.

Когда, вскоре после, этого он зашел в бар, чтобы принять очередную порцию чистого виски, бармен отказался его обслужить, а двое официантов выкинули его на улицу. Сражаясь с ними, Алекс поскользнулся и неожиданно оказался перед огромным настенным зеркалом. В зеркале Алекс увидел себя: грязный субъект с мутными глазами, лицо в засохшей крови заросло щетиной, разбитые губы загноились, а руки трясутся как у запойного пьяницы.

Вечером, когда он снова бродил возле ограды Торгпредства, совсем рядом раздался рев мощного двигателя. Огромный черный седан, ослепляя его светом

фар, мчался на Алекса на полной скорости. Алекс бросился к стене, но споткнулся о бордюр и растянулся во весь рост. Седан свернул на тротуар и прибавил газ. Левое крыло ударило Алекса с огромной силой, отбросив на бетон стены. Он почувствовал, как горячий воздух хлестнул его по лицу, а совсем рядом прошелестели огромные, пахнущие нагретой резиной колеса. Затем все провалилось во тьму.

* * *

Он очнулся на кровати в своей квартире. Он не мог даже пошевелиться – любое движение причиняло ему сильную боль. Кто-то положил ему на лоб холодное влажное полотенце, и Алекс открыл глаза. Все окружающее расплывалось перед глазами, двоилось и троилось. Он попробовал заговорить, но не смог издать ни звука.

– Не двигайся, – негромко сказал кто-то совсем рядом с ним, и Алекс узнал теплый, певучий голос Клаудии Беневенто.

В последние несколько недель Клаудией овладело сильнейшее беспокойство. Алекс перестал писать и не отвечал на телефонные звонки, несмотря на пространные послания, которые Клаудия оставляла на его автоответчике. Она не понимала, отчего он решил игнорировать ее. Сама она отчаянно скучала по его голосу, по улыбке, которая появлялась на лице Алекса, когда он говорил ей: “Привет, Клаудия!” Теперь, когда он оказался в Париже, вне пределов ее досягаемости, она поняла, как же ей его не хватает.

Клаудия уже достигла в своей жизни такого момента, когда могла посмотреть в зеркало и увидеть себя такой, какой она была в действительности. Она знала, что она горда, властна и отчаянно независима. В то же время она принадлежала к тем женщинам, в жизни которых может быть только один мужчина, и этим мужчиной был Алекс Гордон. У нее никого не было с того самого летнего вечера, когда она, шестнадцатилетняя девчонка, влюбилась в молодого человека, помогшего ей занести в новый дом ее вещи. Правда, пока Алекса не было, она пережила несколько попыток мужчин приударить за ней – скучный ужин с восходящей звездой баскетбола в Далласе, неприятный вечер с Ронни Гавермаером в Индианаполисе, когда ей пришлось пинками выгнать перевозбужденного сладострастника из своего номера в отеле, да неловкий поцелуй обаятельного дизайнера одежды, в конце концов оказавшегося гомосексуалистом. Все это не шло ни в какое сравнение со страстной любовью, которую она испытывала к Алексу.

Когда он уехал в Париж, Клаудия почувствовала себя задетой. Конечно, она понимала, что отчасти она сама была в этом виновата. Голову Клаудии кружили перспективы ее карьеры, и вместо того, чтобы сделать Алекса частью своего успеха, она предпочла продемонстрировать ему, чего способна добиться сама. Отказавшись выйти за него замуж, Клаудия сделала еще одну ошибку, они могли просто несколько лет подождать с детьми, и она была бы вольна путешествовать столько, сколько ей необходимо.

Когда Алекс отгородился от нее стеной молчания, Клаудия почувствовала,

что что-то здесь не так. Привлекательный, романтичный молодой человек, к тому же отвергнутый своей возлюбленной, оказался один в Париже, наслаждаясь свободой в легендарном городе любви. Это была небезопасная ситуация, которая неизбежно закончилась бы появлением другой женщины.

В воскресенье Клаудия поехала к Нине Крамер.

– Ах, это ты, Клаудия, – сухо приветствовала ее седая старушка. – Входи.

Она провела ее в гостиную, где на стене висела огромная фотография, сделанная в Париже на Елисейских полях. Алекс стоял, обняв за плечи незнакомого темноволосого парня примерно одного с ним возраста. Оба улыбались в камеру. Незнакомец, в свою очередь, обнимал за талию весьма привлекательную блондинку с огромными печальными глазами и выразительным ртом. Она была одета в белое платье.

– Это Дмитрий? – спросила Клаудия.

– Да, а девушка – его подружка. Он ведь тоже мой племянник.

Нина сидела на краешке стула совершенно прямо, сложив на коленях узловатые пальцы.

– Присаживайся, Клаудия. Что-нибудь случилось?

Она не предложила ей даже кофе, но сейчас ее враждебность совершенно не трогала Клаудию.

– Я вижу, вы читали, – заметила Клаудия как бы между прочим.

Действительно, на маленьком столике рядом со стулом Нины лежала недавно выпущенная книга. Она была озаглавлена “Шеф” – подлинная история жизни Александра Колодного, величайшего шпиона второй мировой войны”. Рядом с книжкой Клаудия разглядела потрепанный англо-русский словарь. В доме Нины было немало книг на русском языке, однако за все время Клаудия только однажды видела, как Нина читает что-нибудь на английском. В прошлый раз это была докторская диссертация Алекса, и Нина читала ее медленно, тщательно, не пропуская ни одного слова. Тогда она тоже пользовалась словарем.

– Хорошая книжка? – спросила Клаудия, небрежно кивая в сторону столика.

– Очень хорошая, – кивнула Нина, и лицо ее слегка порозовело.

– Я и не знала, что вам нравятся выдумки про шпионов, – заметила Клаудия.

– Это не выдумки, это правда, – сурово ответила Нина, и по лицу ее скользнула легкая печальная улыбка.

“Старушка ведет себя странно, – подумала Клаудия. – Она выглядит почти счастливой”.

Но Нина уже отложила книгу в сторону и снова стала сама собой, холодной и строгой.

– Расскажи, как твои дела, Клаудия, – сказала она тоном, который несколько не соответствовал смыслу ее слов.

– Я хотела спросить вас, – заторопилась Клаудия, вытаскивая из сумочки пачку сигарет. – Известно ли вам...

– Я попросила бы не курить здесь, – строго осадил ее Нина.

– Простите. Я хотела спросить, Нина, у Алекса все в порядке?
– В порядке? – Нина удивленно посмотрела на нее. – Конечно, у Алекса все в порядке. Почему бы нет? Клаудия развела руками.
– Он не пишет мне и не отвечает на телефонные звонки.
– Мне он звонил, – сказала Нина. – Может быть, вы поссорились?
– Нет. Просто я ничего не понимаю.
– Возможно, он просто очень загружен, – сказала Нина, поджав губы. – Он пишет важную работу по процессу своего отца.
– Я знаю, но Алекс так ни разу и не позвонил мне за последние...
– Мне казалось, что тебя невозможно застать в Нью-Йорке, – перебила Нина, и в ее голосе Клаудии послышался упрек.

Клаудия встала.

– Тогда напишите ему, что я без него скучаю.

Нина тоже поднялась со стула и проводила ее до дверей. Лишь только Клаудия оказалась на лестничной площадке, у нее сразу же появилось ощущение, что Нина сказала ей гораздо меньше, чем ей было известно. По ней не было заметно, чтобы она волновалась, а это могло означать только одно – Алекс продолжает писать ей и, возможно, держит ее в курсе своих дел. Все это только укрепило подозрения Клаудии.

Но она не собиралась сдаваться. Тем же вечером Клаудия позвонила своей подруге, которая работала стюардессой компании ТВА и часто летала в Париж.

– Карен, не могла бы я попросить тебя об одной услуге? Когда ты летишь в Париж?

– Во вторник вечером, а что?

– Я хотела бы, чтобы ты отвезла Алексу маленький подарок, о'кей? Пару недель назад у него был день рождения, и я... – это была ложь, но какого дьявола она станет все объяснять?

– Конечно, если он только не очень тяжелый.

– Ну, разумеется, нет. Это шарф из кашмирской шерсти. Клаудия не имела известий от Карен на протяжении двух недель и вся извелась. Наконец та позвонила и долго извинялась. По прибытии в Париж ей предложили воспользоваться отпуском, а тут ей подвернулся “один знакомый француз”, у которого было свое шале в Аворьясе во Французских Альпах. Далее последовал восторженный рассказ о снежных пиках, залитых солнцем, о тенистых долинах, о ковре из меха на полу перед камином и вкуснейшем шампанском...

– Ты видела Алекса? – перебила Клаудия, и Карен смутилась.

– Мужчины такие свиньи, Клаудия, ты же знаешь...

– Ты имеешь в виду своего француза? Последовало долгое молчание.

– Послушай, дорогая, ты только не расстраивайся. Я заглянула к твоему Алексу перед тем, как мы уехали в Аворьяс. Я как раз вылезала из такси, когда он вышел из своего подъезда в обнимку с девицей. Она потрясающая блондинка. Словом... они выглядели как... очень близкие друзья.

Карен снова замолчала.

– Мне очень жаль, Клаудия. Честное слово. Потрясающая блондинка, так... Должно быть, это та, с фотографии. Правда, Нина сказала, что это – подруга

Дмитрия.

Клаудия сердито бросила трубку на рычаги. Карен позвонила ей в контору Гавермаера, где в самом разгаре была ежедневная рабочая суэта. Сотрудники вбегали и выбегали из ее кабинета, размахивали перед ней набросками, заготовками, сваливали на ее рабочем столе обрезки разноцветных тканей, ремни, бижутерию. Полным ходом шла подготовка ее осенней коллекции “Клаудия”, которую Гавермаер собирался через пару недель представить руководителям своей сети фирменных магазинов.

Своя собственная коллекция – это было именно то, о чем Клаудия мечтала. И все же она ни секунды не колебалась. Она не принадлежала к тем женщинам, которые легко отступают, в отчаянии заламывают руки и, заперевшись в спальне, размазывают по лицу слезы пополам тушью для ресниц, пока их любимого мужчину похищает какая-то там блондинка, пусть и потрясающая. Жизнь для Клаудии была постоянной борьбой, и теперь ей предстояло бороться за своего Алекса. Оставаясь в Нью-Йорке, она ничего не смогла бы сделать. Правда, некоторое время она раздумывала, не позвонить ли Нине – тетке Алекса трижды звонила ей на прошлой неделе, оставляя сообщения с просьбой связаться с ней, однако от этой идеи Клаудия отказалась. Последняя беседа с Ниной, когда Клаудия заходила к ней домой, была высшим унижением, которое Клаудия готова была стерпеть. “Пусть поволнуется”, – решила Клаудия и, сняв трубку телефона, заказала билет на вечерний рейс в Париж. “Черт с ней, с коллекцией”, – подумала она. Может быть, впереди у нее еще не один осенний сезон, а вот Алекса она может вернуть себе только сейчас. Или никогда.

Реактивный “Боинг” приземлился в Париже ранним утром. По дороге из аэропорта Клаудия глядела в окно машины такси, безучастно провожая глазами разворачивающиеся перед ней живописные виды города. В других обстоятельствах Париж привел бы ее в восторг – она так Долго предвкушала, как проведет здесь лето вместе с Алексом. Теперь же ничто не радовало ее. Она думала только о предстоящем объяснении с Алексом, и ей представлялось, что вся ее дальнейшая жизнь зависит от нескольких ближайших часов.

Такси доставило ее прямо к подъезду дома, где снимал квартиру Алекс. Было восемь пятнадцать утра, и он, наверное, еще не ушел. Схватив свой легкий саквояж – она не собиралась пробыть в Париже больше двух дней, – Клаудия вошла в парадное.

В парадном было чисто и прибрано, пол был выложен кафельной плиткой черного и белого цветов, а на двери консьержки был вывешен план здания со списком жильцов и номерами занимаемых ими квартир.

На лифте Клаудия поднялась на седьмой этаж и нажала на желтую кнопку звонка. Все мышцы ее сводило от напряжения, а дыхание стало прерывистым и частым. Блондинка с фотографии не шла у нее из головы. Поначалу она думала, что этого не может быть, что в Париже очень многие женщины обесцвечивают волосы, однако Нина сказала ей, что у Дмитрия была светловолосая подруга, а Карен видела Алекса именно с блондинкой. На протяжении всего перелета Клаудия придумывала слова, которые она скажет ему – или им, если девица тоже окажется в квартире, – однако теперь все мысли

вылетели у нее из головы и в сознании образовалась странная пустота.

На ее настойчивые звонки никто не открывал. Тогда она постучала в дверь кулаком, но результат был тот же.

– Алекс, ты дома? – позвала она. Никто ей не ответил.

Что же ей теперь делать? Она была одна, в чужой стране, не зная по-французски и двух слов. Ситуация была совершенно идиотской!

На площадке, напротив квартиры Алекса, неожиданно отворилась дверь, и из нее выглянула пожилая заспанная женщина в коричневой ночной рубашке из теплой фланели и стоптанных войлочных туфлях.

– Я ищу Алекса Гордона, – сказала ей Клаудия, на всякий случай улыбаясь.

Старуха ответила ей на быстром и гундосом французском, и Клаудия разобрала одно слово “консьержка”. Поблагодарив женщину кивком головы, Клаудия спустилась на лифте на первый этаж и постучала в указанную дверь. Она ожидала увидеть старую женщину холерического темперамента, самодовольную и едкую, как в большинстве французских романов, и была удивлена, увидев перед собой пухленькую миловидную девушку с розовыми круглыми щеками с ребенком на руках.

– Мне нужен Алекс Гордон, – медленно сказала Клаудия. – Не могли бы вы мне помочь? Лицо девушки помрачнело.

– Oh, madame, – сказала она, – Monsieur Gordone a ete blesse dans un accident. D est a l'hospital! У Клаудии упало сердце.

– Госпиталь? Он в больнице?

Девушка сочувственно кивнула.

Через час Клаудия уже была в Американском госпитале в Нуилли, где ее подвели к лежащему без сознания, забинтованному до самых глаз человеку, который в горячке метался по узкой больничной койке и невнятно звал какую-то Татьяну.

Алекс пошевелился, открыл глаза и уставился на малиновые занавески в своей собственной спальне. К нему наклонилась смуглая, темноволосая женщина, и он узнал Клаудию.

– Ты проснулся, Алекс? Это я, Клаудия. Ты меня слышишь?

Она увидела, как его губы шевельнулись, а в глазах, с розовыми от лопнувших сосудов белками, мелькнуло осмысленное выражение.

– Не вздумай разговаривать, – строго предупредила Клаудия. – Ты еще слишком слаб. Если ты понимаешь, что я тебе говорю, – кивни.

Довольно долго Алекс лежал неподвижно, затем его голова чуть-чуть пошевелилась.

– Ты был в больнице, – сказала Клаудия. – Полиция подобрала тебя на улице. Тебя сбила машина. Ты помнишь?

Снова слабый кивок головой.

– Ты помнишь, как все произошло? Никакого ответа.

– Ты помнишь машину, которая наехала на тебя? Алекс уставился на ее лицо и с огромным трудом протянул к ней свою левую руку. Выглядел он ужасно: совершенно истощенный человек со впавшими желтоватыми Щеками, с потрескавшимся разбитым™ ртом, из которого на поросший двухнедельной

щетиной подбородок стекала слюна. При воспоминании о том красивом молодом человеке, каким Алекс когда-то был, глаза Клаудии наполнились слезами.

– Когда тебя привезли в больницу, у тебя была сломана рука и три ребра. Не пытайся шевелить правой – она в гипсе. Все тело у тебя было покрыто порезами и рваными ранами. Ты потерял много крови и был очень слаб. Почти неделю ты оставался в коме, и врачи боялись, что ты так и не придешь в сознание. Погоди-ка, полежи спокойно...

Из кухни Клаудия принесла тарелку с куриным бульоном, который она сварила и держала теплым с того самого момента, как Алекс начал шевелиться на кровати. Подложив ему под спину подушку, она подтянула его повыше. Алекс был легким, словно ребенок, как будто от него остались лишь кожа и кости. Сам он есть, конечно, не мог, и Клаудия кормила его с ложечки как маленького.

– Я привезла тебя из госпиталя пять дней назад. Ты все еще был без сознания, и тебя лечили очень сильными лекарствами. Шесть раз на дню я делала тебе уколы – сестра научила меня этому, и только сегодня утром врачи отсоединили капельницу, – рассказывала Клаудия, продолжая терпеливо кормить его супом, хотя большая часть бульона стекала по его подбородку. – Теперь поспи, а когда проснешься, я покормлю тебя еще. Самое страшное позади.

Алекс снова кивнул, на этот раз более отчетливо, и закрыл глаза. Впервые за все пять дней Клаудия могла вздохнуть с облегчением. Наконец-то ей можно будет принять душ и даже чуть-чуть подремать. Вплоть до сегодняшнего дня у нее не было ни одной свободной минутки, чтобы заняться собой. Десять дней Клаудия провела в больнице, где ей приходилось дремать на кушетке в коридоре, а когда врачи разрешили перевезти Алекса домой, она и вовсе не отходила от его постели за исключением тех моментов, когда приходила сиделка.

Однако испытания Клаудии на этом не закончились. По ночам Алекс часто просыпался и вскрикивал, несмотря на сильные успокоительные препараты, которыми его пичкали. Он обливался холодным потом и крупно дрожал, а в глазах его вспыхивал безумный огонь. В потоке невнятных слов и обрывочных фраз, которые он произносил в забытьи, Клаудия разобрала одно – женское имя Татьяна. Всякий раз, когда он с болью или с бесконечной нежностью в голосе упоминал его, Клаудии казалось, будто в ее сердце вонзается острый нож. Звал он и своего брата, Дмитрия, однако самого пика его ночные кошмары достигали тогда, когда он диким голосом выкрикивал слово “Убийство!” и бился на кровати, сбрасывая одеяла, задыхаясь от рыданий и хватая что-то в темноте скрюченными пальцами здоровой руки.

В моменты, когда эти приступы овладевали им, Клаудия крепко обнимала его и нежно баюкала до тех пор, пока конвульсии, сотрясающие его тело, не прекращались, и он не проваливался в беспокойный сон.

Пока Алекс спал, Клаудия бродила по квартире, не находя себе места. Повсюду она обнаруживала следы, оставленные другой женщиной. Заколка для

волос и косметика в ванной, одежда, висевшая в шкафу между костюмами Алекса или сложенная на полках вместе с его рубашками и нижним бельем, дамская сумочка, светлые волосы, приставшие к его пальто, – все это причиняло ей боль. Клаудия часто стояла в темноте, смотрела на кровать, где лежал Алекс, и в голове ее сами собой возникали картины его любви с Татьяной. Стараясь избавиться от этих навязчивых мыслей, Клаудия выходила на узкий балкон, откуда ей открывалась панорама уснувшего города. По лицу ее хлестал холодный ночной ветер, однако образ Татьяны никак не исчезал в ее воспаленном мозгу.

Когда Клаудия купала его и меняла простыни, она думала о руках Татьяны, нежно ласкающих его обнаженное тело, и внутри ее вспыхивали обжигающая ревность и гнев. Ей казалось, что она начинает сходить с ума. На протяжении стольких лет Алекс был частью ее жизни, и вот теперь он так легко предал ее. “Madonna mia, Алекс, – раздумывала она, глядя на его вызывающее сострадание и жалость тело. – Как ты мог так поступить со мной?!”

Из обрывков его фраз, сказанных в бреду или во сне, из того, что ей сообщили в полиции и в госпитале, Клаудия сложила приблизительную картину происшедшего. Татьяна околдовала Алекса, и они стали любовниками. Потом девчонку убили, и Алекс считал, что это дело рук Дмитрия. Нина, которой Клаудия позвонила из парижской квартиры Алекса, не выдержала и рассказала ей, что Алекс звонил ей несколько недель назад и заявил, что возвращается в Нью-Йорк с Татьяной, на которой всерьез собирается жениться. Она подтвердила, что блондинка на фотографии – это именно Татьяна, которая раньше была подругой его брата Дмитрия.

В заключение Нина сообщила, что, когда Алекс звонил ей из Брюсселя, он назвал Татьяну своей единственной любовью.

“Брюссель? – подумала Клаудия. – Что он делал в Брюсселе и как ухитрился попасть под машину в Париже?” Нина этого не знала, а больше спросить было не у кого. Полицейские подобрали Алекса на улице в бессознательном состоянии и не медля отправили его в госпиталь. В Институте Восточной Европы мрачный женский голос ответил ей; что мосье Гордона они не видели уже несколько недель. Конечно же, в Институте не знали, что он попал в аварию, и Клаудия рассеянно выслушала приличествующие случаю соболезнования.

Мучившие ее загадки были разрешены смуглым красавцем с ухоженными усами и пронзительными зелеными глазами.

– Мое имя – Франко Гримальди, – представился он, возникнув однажды утром на пороге квартиры Алекса. На вид ему было около пятидесяти, однако одет он был вызывающе ярко: в голубой блейзер кашмирской шерсти с шейным платком, вельветовый жилет и серые брюки. На пальцах его мерцали массивные золотые перстни.

– Алекс много о вас рассказывал, – заявил Гримальди.

– А вы хорошо его знаете?

Они продолжили разговор уже в гостиной, закрыв ведущую в спальню дверь.

– Очень хорошо, – Гримальди неловко замолчал, затем заговорил откровенно: – Я работаю в американской разведке. В Париж мы прилетели на одном самолете с Алексом.

Клаудия подозрительно смерила его взглядом. Гримальди несколько не соответствовал ее представлениям о секретных агентах.

Потом он поведал ей жуткую историю Дмитрия, брата Алекса, безжалостного убийцы из КГБ, рассказал о внезапной любви Алекса к русской девушке Татьяне Романовой, об их бегстве в Брюссель, куда они уехали, опасаясь мести Дмитрия, прежнего любовника Татьяны. По словам Гримальди, ему потребовалось всего несколько дней, чтобы приготовить необходимые для их возвращения в Америку документы.

– Но Дмитрий выследил их, – продолжал он. – Он приехал в Брюссель, проник в квартиру, где скрывалась Татьяна, и задушил ее.

Клаудия вздрогнула; перед глазами ее возникло лицо Дмитрия, обнимавшего свою Татьяну на Елисейских полях.

– Я никогда не прошу себе этого, – сказал Гримальди, отворачиваясь. – Я отвечал за ее безопасность и не сумел уберечь. Она погибла из-за моей беспечности.

Клаудия стиснула зубы. Безусловно, это была трагическая история, однако она ни на секунду не забывала о том, что Гримальди рассказывает о любовнице ее Алекса. О женщине, которая могла отнять у нее Алекса.

Потом Гримальди рассказал ей, как Алекс прыгнул в машину и помчался в Париж, горя жаждой мщения, как он пытался вломиться в здание, где работал Дмитрий, и убить его.

– То, что произошло с ним, – это не обычное уличное происшествие, – заметил он, на мгновение встретившись взглядом с глазами Клаудии. – Русские пытались разделаться с ним, и он уцелел только чудом.

– А где были вы, когда он попал под машину? Вы ведь пообещали охранять и его тоже.

– Мы пытались, – вздохнул Гримальди, – но он был совершенно неуправляем. Он действовал как одержимый и метался по всему Парижу. К тому же у наших людей строгие инструкции – держаться подальше от зданий, которые принадлежат русским. Любое столкновение могло привести к международным осложнениям.

Клаудия нахмурилась. Объяснение Гримальди прозвучало как пустая отговорка. К тому же к этому времени она пришла к выводу, что Гримальди, пожалуй, несколько ей не симпатичен, уж слишком ненадежным и скользким он казался.

В дальнейшем разговоре Гримальди упомянул, что на следующей неделе он возвращается в Вашингтон, и предложил Клаудии отвезти Алекса домой.

– В Париже ему находиться все еще небезопасно, – предупредил он. – Мы считаем, что Дмитрий Морозов вернулся в Москву, однако наверняка нам неизвестно. Даже если он сам вернулся в СССР, я не сомневаюсь, что он может приказать своим людям убить Алекса. За этой квартирой, правда, присматривают, однако то же самое было и в Брюсселе. Я не хочу больше

рисковать.

И Гримальди предложил Клаудии помочь переправить Алекса в Нью-Йорк.

Клаудия слушала его и молчала. Она была потрясена. Этот зеленоглазый щеголь расселся перед ней в кресле и без тени смущения рассказывал ей о страстной любви ее Алекса к другой женщине, из-за которой он чуть было не погиб.

“Он никогда бы не поступил так ради меня, – подумала она неожиданно. – Он никогда не боролся ради того, чтобы завоевать меня, я всегда была для него чем-то само собой разумеющимся”.

Ни разу в жизни ее никто так не унижал, однако она не собиралась показывать своей обиды. Все время, пока Гримальди рассказывал об измене ее любимого, Клаудия с вызовом глядела на этого разодетого господина, стараясь дать ему понять, что ни в чьей жалости не нуждается.

– Спасибо, – сказала она и встала. Гримальди после некоторого колебания тоже поднялся.

– Я останусь с Алексом до тех пор, пока он не оправится. Затем я отвезу его домой. Спасибо за то, что предложили мне помощь, но я справлюсь сама.

* * *

Через три недели такси доставило Клаудию и Алекса в аэропорт имени Шарля де Голля, где они сели на рейс авиакомпании “Эйр Франс” до Нью-Йорка. Алекс был все еще очень слаб, большую часть времени он молчал, отвечая на вопросы Клаудии простыми односложными словами. Так он вел себя начиная с того момента, как пошел на поправку. Упорно отказываясь общаться с ней, он всякий раз замыкался в себе, а их прежняя близость исчезла. Несмотря на то, что Клаудия избегала упоминать имена Татьяны и Дмитрия, в ответах Алекса слышался отзвук его сокровенных мыслей.

“Как он изменился!” – не раз думала Клаудия. Живая непосредственность и заразительный смех Алекса пропали, а в улыбке больше не было теплоты, так хорошо ей знакомой. Взгляд Алекса тоже стал жестким, почти жестоким, а возле рта залегли две глубокие складки.

“Вот и настал конец нашей любви”, – думала Клаудия. Глядя на сидевшего рядом с ней совершенно постороннего, чужого человека, она с горечью призналась себе, что между ними не осталось больше ничего общего, что связывало их когда-то. Он оскорбил и унизил ее. Правда, и она была виновата; теперь Клаудия часто корила себя за то, что не была достаточно внимательна с ним раньше, за то, что отвергла его предложение пожениться, но разве она не сделала всего, что было в ее силах, чтобы исправить свою ошибку и вернуть Алекса? Она бросила работу, наплевала на свою карьеру и вылетела в Париж, чтобы найти его. Она спасла его жизнь, но спасти любовь не смогла. Что толку было пытаться вдохнуть жизнь в то, что умерло? Алекс больше не принадлежал ей, даже сейчас его чувства были не с ней, они были с его погибшей любовницей. Как только они вернутся домой, она закроет эту страницу и

потратит остаток своей жизни на то, чтобы забыть Алекса Гордона.

Из аэропорта Кеннеди Клаудия отвезла Алекса к Нине. Когда такси остановилось на их улице в Бруклине, она попросила шофера выгрузить багаж Алекса на тротуар, легко поцеловала его в щеку и укатила. Алекс не сделал никаких попыток остановить ее. Сквозь заднее стекло машины Клаудия смотрела на неподвижную фигуру Алекса до тех пор, пока та не исчезла из вида. “И из моей жизни”, – подумала Клаудия, стискивая зубы, чтобы не дать пролиться слезам.

* * *

Нина встретила его слезами и крепкими объятиями.

– Голубчик мой любимый, – причитала она, но Алекс оставался сдержанным, холодным. Внутри его что-то надломилось, и сентиментальные излияния старой тетки не трогали его. К его возвращению Нина устроила роскошный пир, но Алекс едва прикоснулся к еде, не обратив внимания даже на свой любимый шоколадный мусс.

После кофе Алекс уединился в своей комнате, но даже сквозь запертую дверь он слышал ее беспокойные шаги по пустой комнате. Бедная Нина, она так любила его! Но Алекс не мог ни о чем разговаривать с ней сейчас. Он хотел только побыть в одиночестве.

В последующие несколько месяцев он редко выходил из дома, по большей части сидя возле окна спальни и глядя на глухие каменные стены, окружавшие узкий двор. Разговаривал он очень мало, и робкие попытки Нины увлечь его беседой разбивались о его угрюмое молчание. Он не оживился даже тогда, когда Нина принесла из своей комнатки книгу о Саше Колодном и прочла ему несколько абзацев.

– Он жив, – сказала она, – и, может быть, мы когда-нибудь с ним встретимся.

Алекс только кивнул и пробормотал что-то невразумительно-ободряющее – это был весь его вклад в разговор. Безразличие Алекса глубоко ранило Нину, но она ничего не могла с этим поделать. Для него ничто больше не казалось важным, все потеряло всякое значение. Телом он был в их маленькой квартирке на Бруклине, но мыслями он уносился куда-то далеко, в Париж или Брюссель. Впрочем, судя по всему, эти воспоминания не доставляли ему никакой радости, превратившись в череду страшных, полуразмытых образов, которые снова и снова проносились перед его мысленным взором.

Однако шло время, и природа взяла свое. Алекс понемногу начал есть, и его былое здоровье постепенно восстановилось. Оправившись от своей депрессии, он как одержимый посвятил все свое время физическим упражнениям. Каждое утро он ходил на большие расстояния или бегал трусцой, делал дома зарядку, а потом отправлялся в клуб “Атлантика, где изнурял себя занятиями с гантелями и упражнениями на тренажерах. Он даже начал посещать спортзал Макмиллана, хотя сам Большой Джек давно умер, и из вечера в вечер безжалостно молотил боксерские груши и манекены. В

результате тело его оправилось быстрее разума; за счет своих окрепших, развившихся на руках и ногах мускулов Алекс даже набрал вес.

Эти занятия были для Алекса своего рода убежищем, а может быть, напротив – его собственным методом, направленным на то, чтобы вернуть себе рассудок и ясность мысли. Как бы там ни было, потребовалось довольно много времени, чтобы Алекс снова смог читать газеты, звонить кому-то по телефону и вскрывать изредка поступающие на его имя письма. Сам он тоже писал, но все письма возвращались к нему нераспечатанными, а на его телефонные звонки никто не отвечал. И звонки и письма были адресованы одному человеку – Клаудии Беневенто.

Через четыре месяца после своего возвращения из Парижа, в августе 1975 года, Алекс неожиданно улетел в Вашингтон. Кошмар постепенно отпускал его. Он мог теперь вспоминать о Татьяне, не обливаясь холодным потом и не сотрясаясь словно в приступе лихорадки. Его жажда мести тем не менее нисколько не улеглась – просто теперь она превратилась в холодную и непреклонную решимость.

Он приземлился в Вашингтонском национальном аэропорту, взял напрокат автомобиль и поехал в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли Вудс. Он предупредил о своем приезде, и его ждали. У ворот Алекс получил временный пропуск, после чего его провели в конференц-зал в главном здании. Там, дымя длинной сигарой швейцарского производства, дожидался Гримальди. Алекс уселся на стул напротив расфуфыренного, как петух, агента и, с нетерпением отмахнувшись от попыток Гримальди завязать светскую беседу, напрямую спросил:

– Вы еще боретесь с КГБ? Гримальди кивнул.

– Кто-то должен этим заниматься, – сказал он, наклонив голову. – А как ты? Они ведь сначала убили твоих родителей, потом твою девушку... Неужели ты до сих пор хочешь запереться в стенах тихого университетского городка и позволить другим мстить за своих мертвецов?

– Я поэтому и приехал, – негромко сказал Алекс. – Я хотел узнать, остается ли в силе твое предложение... Если я все еще нужен вашей конторе, то я согласен.

– Ты еще нужен, – успокоил его Гримальди. – Все в порядке.

Из Лэнгли Вудс Алекс поехал в Балтимор. Проглотив на обед безвкусный гамбургер и запив его пивом, он припарковал машину на стоянке позади отеля “Эксельсиор”. Пройдя через вестибюль, он спустился по ступенькам вниз, где размещался огромный танцзал. Сквозь его плотно закрытые двери доносилась ритмичная поп-музыка.

Алекс разыскал стул, уселся на него и стал терпеливо ждать. Наконец двери открылись, и из зала выпорхнула стайка длинноногих, изящных манекенщиц, беспечно болтающих и хохочущих, размахивающих своими объемистыми сумками. Клаудия вышла последней. Она сильно похудела и выглядела элегантно и стройно в облегающем брючном костюме голубого цвета. Она тоже смеялась вместе со всеми, беззаботно и немного хрипло.

– Завтра в пять! – крикнула она вслед уходящим девушкам, затем заметила

Алекса и остановилась как вкопанная.

Алекс неловко поднялся и подошел к ней.

– Что ты здесь делаешь? – выдохнула Клаудия, нервно поправляя прическу.

Алекс не ответил на ее вопрос.

– Как прошла репетиция?

– Прекрасно. Завтра состоится показ.

– Знаю, я справлялся в твоей конторе... – Он помолчал. Тишина вышла напряженная и враждебная, и Алекс предложил: – Не выпьешь со мной?

Клаудия посмотрела на часы и кивнула с безразличным видом.

Бар отеля был отделан кожей, полированным красным деревом и медью, мерцающей в свете неярких ламп. Звучала негромкая музыка, и Джонни Кэш негромко оплакивал свою утраченную любовь. В одной из кабинок, держась за руки, сидела парочка среднего возраста. Женщина бросала через плечо мужчины тревожные взгляды на входную дверь.

Алекс заказал для себя охлажденную водку, а Клаудия попросила бокал шампанского, но потом передумала.

– Лучше просто белого вина, – сказала она.

– Я приехал поговорить с тобой, – сказал Алекс. – Я не могу больше этого выдерживать. Ты не отвечаешь на мои письма и звонки, но нам просто необходимо поговорить.

Клаудия неопределенно пожала плечами. Она сидела на самом краешке стула с напряженным и неприступным видом.

– В Париже ты спасла мне жизнь, и я никогда этого не забуду, – продолжил Алекс. – Но я приехал сюда не ради благодарности. Я люблю тебя, я не могу без тебя жить.

– Я думала, что ты не можешь жить без Татьяны, – презрительно сказала Клаудия.

– Я действительно был увлечен, очарован Татьяной, не стану этого отрицать, но ты – моя единственная и любимая.

– Не надо мне лапшу-то вешать! – сердито сказала Клаудия.

Алекс взглянул мимо нее и увидел, как протиравший стаканы бармен повернулся к ним.

– Тем не менее, это так, – сказал он терпеливо. – У нас были чудесные отношения. Потом я уехал, и мне приснился сон. Татьяна и была этим сном, который в конце концов обернулся кошмаром. Теперь я просыпаюсь, а это вовсе не легко.

Не глядя на него, Клаудия нервно закурила.

– Чего ты хочешь, Алекс?

– Я хочу жениться на тебе.

– Зачем? – спросила она, неожиданно резко наклоняясь к нему через стол. – Ты хочешь, чтобы я утешила тебя? Ты потерял Татьяну и вспомнил теперь о своей брошенной подружке? Я для тебя что – запасной аэродром?

– Нет, – покачал головой Алекс. – Я же сказал тебе, Клаудия: я люблю тебя и хочу, чтобы мы поженились.

– Слишком поздно.

– Почему? У тебя кто-нибудь есть? Настал черед Клаудии покачать головой.

– Я присматриваю себе что-нибудь подходящее, но дело не в этом, – она затаилась и медленно выпустила дым тонкой струйкой.

У Алекса появилось ощущение, что ей стоит огромных усилий сдерживать себя и контролировать каждый свой жест.

– Между прочим, до того, как я примчалась в Париж, я была тебе верна и ни с кем тебя не обманывала.

– Но теперь это, конечно, не так, – закончил Алекс ее мысль. – Я понимаю. Но в этом же нет ничего бесчестного. Ты оставила меня после того, как я бросил тебя.

– Ты сломал всю мою жизнь, – вдруг с горечью сказала Клаудия, на миг теряя самообладание.

– Я понимаю. И не знаю, сумею ли я помочь тебе отстроить ее заново. Я сильно изменился, Клаудия. Изменились все мои взгляды на жизнь. Я не хочу больше преподавать. Теперь я работаю в ЦРУ.

Клаудия даже не улыбнулась.

– Ты все еще хочешь отомстить, все еще охотишься за своим братом?

– Наверное. Я не хотел бы тебя обманывать. Скажу больше – я до сих пор часто думаю о Татьяне, мне никак не удается выбросить ее из головы. Но теперь я думаю о ней по-другому, не так, как раньше. Она стала для меня чем-то из другой жизни, и я не уверен, были бы мы счастливы вместе.

Клаудия с сомнением посмотрела на него. Губы ее все еще были сложены в горькую улыбку. Джонни Кэш в музыкальном автомате закончил свою душераздирающую балладу, и из ящика доносилась песня “Ты медленно убиваешь меня” в исполнении Роберты Флэк.

– Я же говорю, что был буквально очарован Татьяной, – продолжал Алекс. – Это было просто наваждение. Воспоминания нахлынули на него, и он закончил глухо:

– Страшное наваждение, которое не принесло ничего, кроме несчастий и смерти.

– Теперь ты хочешь жениться на мне, но Татьяна всегда будет стоять между нами.

– Нет, – сказал Алекс, наклоняясь вперед и беря ее за руку. Рука Клаудии была холодной. – Я люблю тебя, я думаю о тебе и мечтаю о том, как мы будем жить вместе. Я готов на коленях вымаливать твое прощение, если это необходимо. Я знаю, что причинил тебе сильную боль. Ты очень красива, очень горда и... – Алекс слабо улыбнулся. – ...И ты итальянка. Из-за меня ты прошла через настоящий ад. Худшего унижения я и придумать-то не могу.

– Я тоже была немного виновата, в самом начале, – признала Клаудия, слегка смягчаясь.

– Ты имеешь в виду мой отъезд в Париж? Да, это была твоя вина, но я не хочу сейчас об этом говорить. Давай не будем ворошить прошлое, лучше поговорим о будущем.

Клаудия откинулась на спинку кресла и скрестила ноги, выпустив изо рта колечко дыма.

– Ты сказал Нине, что собираешься сделать мне предложение?

Алекс кивнул.

– Она была очень рада. Теперь она, наверное, сидит на своем стареньком стуле возле плиты и молит бога чтобы ты сказала “да”.

– Это что-то новенькое, – нахмурилась Клаудия.

– Она думает, что ты святая. Нина знает, как ты спасла мою жизнь, и говорит, что ты поступила очень по-русски. – Он подозвал официантку и заказал еще выпивку. – Она недолюбливала тебя раньше, потому что ей казалось, что ты отнимешь меня у нее. И она была права. Теперь она поняла, что без тебя я буду несчастен всю свою оставшуюся жизнь. К тому же ей стало ясно, что такой, как ты, мне никогда больше не встретить. Впрочем, – спохватился он, – то, что думает Нина, не имеет большого значения.

– Алекс...

– Ты хочешь сказать “нет”, не так ли?

Клаудия молча кивнула. Она слегка расслабилась и стала больше похожа на прежнюю, уверенную в себе Клаудию.

– Мы оба изменились, Алекс. Ты больше не тот мальчик, в которого я без памяти влюбилась в шестнадцатилетнем возрасте. Ты предал меня, обманув мое доверие. Но и я теперь тоже не та, что раньше. Я была приветливой и веселой, я была счастливой, я выросла в большой и дружной семье, окруженная друзьями и родными людьми. Ты приоткрыл для меня дверь в иной мир, и наша любовь была захватывающим приключением. Только это приключение закончилось плохо. Я стала жестокой и циничной, Алекс, я больше не верю словам о любви. Даже твоим словам, Алекс... – Она заглянула в свой опустевший стакан. – Я не хочу обжечься еще раз.

– Пожалуйста, не говори “нет”. Подумай еще, Клаудия, и помни – я люблю тебя. Теперь это совсем иное чувство – более глубокое, более зрелое, не похожее на влюбленность шестнадцатилетних подростков. – Он с шумом выдохнул воздух. – Не забывай – я твой, я принадлежу тебе и буду принадлежать всегда. Даже если сейчас ты оттолкнешь меня, ты никогда не сможешь забыть, как нам было хорошо вместе. Мы еще можем быть счастливы, Клаудия. Когда-то ты любила меня, так неужели ты не любишь меня сейчас? Скажи мне – я должен это знать.

Клаудия прикусила губу и сердитым жестом раздавила в пепельнице сигарету.

– Что тебя так рассердило? – спросил Алекс.

– Ты заставляешь меня колебаться, – чистосердечно призналась Клаудия, – и мне это не нравится. Я уже все решила и обо всем подумала. Мне казалось, что ты исчез из моей жизни и что эта перемена – к лучшему. Все было кончено, и тут появляешься ты, покупаешь мне бокал дешевого вина, а от музыки и света я становлюсь сентиментальной, как старая дева. Все, о чем я думала, перестает казаться мне ясным и окончательным. Я не хочу снова раскиснуть, Алекс, раны еще болят.

– Может быть, мне стоит задержаться здесь. Мы встретимся за завтраком и поговорим снова?

Клаудия встала. “Как она прекрасна, – подумал Алекс. – Эти легкие тени под высокими скулами, эта гордо поднятая голова... Как мне вернуть ее?”

– Нет, – голос Клаудии был холоден и спокоен. – Возвращайся в Нью-Йорк. Я не могу ответить тебе сейчас, а до завтра ничего не изменится. Если ты настаиваешь на немедленном ответе, я скажу тебе – нет... Когда все это случилось, я... я ненавидела тебя. Теперь ненависть улеглась, но я все еще чувствую себя преданной и униженной. Оставь меня, Алекс, дай мне побыть наедине с собой.

Отказавшись от второго бокала вина, поданного официанткой, она повернулась к Алексу и вынула свой кошелек.

– Говорят, что время залечивает все раны, – сказала она. – Ты в это веришь?

* * *

Клаудия ответила ему накануне Нового года. Она позвонила ему из Сиэтла, и они долго говорили по телефону, то плача, то смеясь. Через шесть недель они поженились, и на скромной церемонии в Вашингтоне присутствовали только родственники и самые близкие друзья.

Через год после свадьбы, вскоре после того, как Алекс закончил свою подготовку в учебном центре ЦРУ, родился их первый ребенок. Это была светловолосая и голубоглазая девчушка, и они назвали ее Тоней.

Глубоко внутри и никогда вслух Алекс называл ее Татьяной.

Часть третья Война (1977-1991)

Глава 15

Новый шквал ветра и воды яростно ударил в оконное стекло. Стоя у высокого окна, Дмитрий Морозов молча смотрел на мрачный и мокрый бульвар Перье. Стоял март 1977 года, и он снова был в своем старом пыльном кабинете в здании Торгпредства в Париже. Ровно два года назад он вынужден был спешно уехать отсюда в Москву после возвращения из Брюсселя. Как раз сегодня, 15 марта, исполнилось два года со дня смерти Татьяны.

Все это время Дмитрий упорно избегал бывать в Париже, и вовсе не потому, что опасался властей. Бельгийской полиции так и не удалось связать его с загадочной смертью девушки, тем более французы не могли обвинить его в происшествии, когда чуть не погиб его брат – в это время Дмитрий уже неделю как был в Москве. Человеком, который совершил наезд на Алекса, был Евгений Зайцев, один из сотрудников Дмитрия во Франции. “Сюртэ”, конечно

же, не могла знать, что именно Морозов передал ему из Москвы подробнейшие инструкции. Телеграмма была зашифрованной, к тому же он отправил ее по секретному каналу связи из мрачного особняка, где засел Октябрь.

Иные причины заставляли его избегать возвращения в Париж. Все в этом городе – омытые весенними дождями улицы, голые безлистные парки, рестораны и кафе, французский язык и даже сами парижане – все напоминало ему о Татьяне. Воспоминания эти мучили его, и он тщетно пытался отогнать их. Татьяну Дмитрий любил мрачной, яростной любовью, какой он никогда не испытывал ни к одной женщине. Никто из его любовниц не восхищал его так, как она, ни одна из них не в силах была заставить Дмитрия почувствовать высшее наслаждение в минуты интимной близости. И, уж конечно, никто из них не возбуждал в нем столь сильного чувства и желания быть вместе всю жизнь.

За два прошедших года Дмитрий переспал со множеством женщин, но все это был грубый, животный секс, часто граничащий с жестокостью. После близости Дмитрий чувствовал себя опустошенным; секс не приносил ему ни спокойствия, ни удовлетворения. Занимаясь любовью, он всякий раз пытался победить в себе воспоминания о Татьяне, но тщетно. Эта хрупкая девушка с золотистыми светлыми волосами была единственной женщиной, которую он любил. Ее смерть нанесла ему глубокую рану, которая никак не излечивалась со временем и продолжала терзать его душу невыносимой болью.

По силе своей эта боль могла сравниться лишь с ненавистью, испытываемой к Алексу Гордону.

Теперь Дмитрий понимал, что, планируя свою месть, он чуть было не допустил ошибку. Если бы Зайцев сумел прикончить Алекса той ночью, его брат страдал бы всего лишь долю секунды, после чего все мучения для него прекратились бы. Это было слишком милосердным наказанием за все, что он сделал. Дмитрий желал растянуть его страдания на долгие годы, заставив Алекса жить в постоянном страхе, превратив его дни в кошмар, а ночи – в ад.

“Отомстить – это значит ударить своего врага по самому больному месту, – прокаркал ему как-то ночью Октябрь. – Надо заставить его пожалеть о том, что он родился на свет”.

И все же мщение было палкой о двух концах. Для самого мстителя оно могло превратиться в мучительную, навязчивую идею. Алекс Гордон постоянно был у Дмитрия на уме, превратившись в ненавистного, но тем не менее неразлучного спутника. Вот и сейчас, стоя в своем старом парижском кабинете, Дмитрий отчаянно пытался выбросить мысли об Алексее из головы и сосредоточиться на своих текущих делах.

Вылетая из Москвы две недели тому назад, Дмитрий вовсе не собирался в Париж. Местом его назначения был Осло. С тех пор как он стал заместителем Октября, Дмитрий проводил в дороге большую часть своего времени, присматривая за тем, как проводятся операции. В норвежскую столицу он тоже ехал по делам – необходимо было подготовить убийство агента КГБ по кличке Грета.

Она работала в секретариате Министерства иностранных дел и в течение

двадцати пяти лет аккуратно снабжала Московский центр секретными документами чрезвычайной важности. В последнее время норвежская контрразведка стала уделять этой женщине слишком много внимания, и было решено заставить ее замолчать, прежде чем станут известны подлинные масштабы предательства. Дмитрий планировал убить Грету в ее собственной квартире, замаскировав убийство под сердечный приступ, однако срочная шифровка Октября заставила его оставить все приготовления и срочно вылететь в Париж.

Два русских диссидента, живших в Швейцарии, должны были встретиться в Париже с несколькими сотрудниками ЦРУ, специально направленными к ним из Лэнгли. Целью этой встречи было составить общий план деятельности инакомыслящих в Советском Союзе. Октябрь в своей телеграмме требовал, чтобы все участники встречи, как русские, так и американцы, были убиты. Впервые за все время службы Дмитрий получил приказ расправиться с американскими агентами.

С тех пор как был приведен к президентской присяге Джимми Картер, Соединенные Штаты снова стали врагом номер один. Слабак-президент служил объектом постоянных насмешек сотрудников Московского центра, однако объявленный им крестовый поход в защиту прав человека в СССР не мог не беспокоить КГБ. Только недавно Картер обменялся письмами с самым известным из диссидентов Советского Союза – Андреем Сахаровым, и принимал в Белом доме второго известного диссидента – Владимира Буковского. Все это необходимо было остановить во что бы то ни стало. Мощный и неожиданный удар мог бы заставить ЦРУ оставить диссидентов в покое.

Телефон на столе Дмитрия прерывисто зазвонил, и он снял трубку. Звонил мосье Дорио, владелец магазинчика антикварного огнестрельного оружия “Мушкетер” с набережной Вольтера. Пока Дмитрий жил в Париже, Дорио был главным поставщиком экспонатов для его коллекции, и поэтому по возвращении в город Дмитрий сразу позвонил ему. Теперь Дорио звонил ему сам.

– У меня есть то, что вам нужно, мосье Морозов, – радостно сообщил Дорио. – Дуэльные пистолеты семнадцатого века. Они принадлежали маркизу Бусси д’Амбуа, убитому в 1627 году на дуэли прямо под окнами дворца кардинала Ришелье.

– Великолепно, мосье Дорио, – сказал Дмитрий. Он весьма гордился своей коллекцией старинного ручного оружия, которая занимала целую комнату в его московской квартире. Он уделял ей по несколько часов каждую неделю, разбирая и чистя свои ружья, украшенные затейливой резьбой мушкеты и пистолеты.

– Сертификат подлинности имеется? – спросил Дмитрий.

– Конечно, мосье. Когда вы подъедете? Дмитрий посмотрел на часы. Было десять тридцать пять утра, и до обеда, когда должны были поступить первые доклады от его агентов, ему совершенно нечего было делать.

– Почему бы не прямо сейчас? – спросил он.

– Буду очень рад, мосье Морозов. Жду вас. Черный “ситроен” Дмитрия ждал его у подъезда. За рулем сидел Мурад Исламкулов, туркмен с широким, мясистым лицом. Использование шоферской должности в качестве прикрытия для высокопоставленных оперработников было обычной практикой КГБ. Исламкулов был одним из доверенных людей Дмитрия.

– Набережная Вольтера, Мурад, – бросил Морозов, садясь в кабину.

“Ситроен” выкатился из-под навеса, и по крыше его немедленно забарабанили капли дождя. Наружные ворота стали медленно открываться, когда в окнах машины вспыхнул ослепительный синеватый свет. “Молния”, – подумал Дмитрий, и в этот момент какая-то могучая сила приподняла машину над землей и швырнула ее о бетонный забор. Левая сторона смялась как бумажная от удара о стойку ворот, и “ситроен” грузно закувыркался по земле под грохот взрыва.

Наконец машина остановилась; теперь она лежала на крыше, задрав к небу беспомощно вращающиеся колеса, и на Дмитрия обрушилось тяжелое тело Исламкулова. Тело его обмякло, блестящие черную глаза были широко открыты.

Дмитрий выкарабкался из опрокинутой машины через разбитое ветровое стекло. Все вокруг было покрыто осколками стекла, камнями, какими-то искореженными железками. Левое бедро саднило, и Дмитрий прислонился спиной к уцелевшему забору. Штанина оказалось разорванной, ботинок куда-то исчез. Челюсть сильно болела, и, когда Дмитрий провел по лицу рукой, на пальцах его осталась кровь. Ноздри заполнял странно знакомый запах, но сейчас Дмитрий никак не мог его идентифицировать. “Ситроен” лежал колесами вверх и выглядел словно перевернутый жук. Все еще не понимая, что же случилось, Дмитрий обернулся назад и остолбенел.

Здание Торгпредства исчезло. Вместо него Дмитрий увидел груду раздробленной штукатурки, кирпичей, разломанных бревен и мебели. Несколько сгорбленных человеческих фигур осторожно пробирались по обломкам, напоминая своими выпученными глазами и повадкой крабов. От всего здания уцелела только одна стена, крест-накрест исчерченная пыльными тенями – следами перекрытий, стен и лестничных пролетов. В левом верхнем углу, придавая руинам непотребный вид, на крошечном уступе стены белели чудом уцелевшие унитаз и биде.

Дмитрий приблизился к зданию на несколько шагов. Дождь хлестал его по лицу. Издалека донесся вой сирен, и вокруг неожиданно появилась уйма пожарных в касках, полицейских в мокрых блестящих плащах и белых машин “скорой помощи”. Мимо Дмитрия, направляясь к развалинам, пробежали врачи с носилками. Пронзительно кричала женщина. Кто-то набросил ему на плечи одеяло.

– Monsieur, vous etes blesse! Вы ранены! – раздался совсем рядом озабоченный голос, но Дмитрий покачал головой, продолжая идти к развалинам.

Его разум начал потихоньку проясняться, и он попытался представить себе, что произошло. Мощный взрыв разнес здание на части, а воздушная волна

настигла и перевернула его машину, убив Исламкулова. Дмитрий уцелел только потому, что в момент взрыва оказался в машине. Не позвони ему Дорио, он остался бы в своем кабинете и был бы сейчас похоронен под обломками здания. Как и многие из его людей...

Дмитрий увидел офицера французской полиции, склонившегося над кипой поврежденных бумаг, и вздрогнул.

“Архивы!” – подумал он, подзывая к себе одного из охранников. Этот светловолосый парень даже не был ранен, однако бродил по заваленному щебнем двору с выпученными безумными глазами и отвалившейся челюстью.

– Ты в порядке? – Дмитрию дважды пришлось повторить свой вопрос, прежде чем охранник услышал и понял его.

– Да, в порядке... Я ищу Гришу.

– Забудь о нем, – прошипел Дмитрий. – Французишки о нем позаботятся. Ты должен собрать всех уцелевших наших и собрать разлетевшиеся бумаги. Ясно?

Охранник и не думал подчиняться; на лице его было написано все то же тупое безразличие.

– Бумаги, документы, идиот! – заорал Дмитрий. – Французы не должны наложить на них лапу.

– Но Гриша...

– Я – подполковник Морозов. Я приказываю собрать все документы, которые валяются вокруг, недоумок. Живо!

– Слушаюсь, товарищ подполковник, – пробормотал охранник, слегка приходя в себя. Развернувшись, он нетвердой рысью побежал к развалинам.

У Дмитрия закружилась голова, и он опустился на обломок стены. В груди пульсировала острая боль; всякий раз, когда он делал вдох, будто острый нож вонзался в его легкие. “Должно быть, ударило о приборную доску, когда машина перевернулась”, – подумал Дмитрий и поморщился.

Мимо него пробежали санитары, таща носилки с неподвижными телами на них. Только один раз он услышал стон и увидел, как шевельнулась белая простыня – человек был еще жив.

Все, кто был внутри здания в момент взрыва, скорее всего погибли. Слава богу, что некоторые из его людей были на задании, “в поле”, разыскивая диссидентов и тех, с кем они должны были встречаться.

Двое пожарных отвели Дмитрия в кафе на противоположной стороне улицы, временами им буквально приходилось нести его. Там Дмитрия положили на сдвинутые стулья. Одежда его промокла насквозь, и он весь дрожал от холода, однако боль в груди улеглась, превратившись в тупую ломоту. С трудом он сел, и хозяин немедленно подал ему чашку куриного бульона и бокал бренди. От спиртного по всему телу распространилось блаженное тепло. Сражаясь с сонливостью, Дмитрий тупо уставился на репродукцию с картины Тулуз-Лотрека “Мулен Руж”, висевшую на стене. Тулуз-Лотрек нравился Татьяне. Однажды она даже сказала Дмитрию, что он похож на портрет поэта Аристида Бруана, принадлежащий кисти этого мастера.

Не прошло и нескольких минут, как в кафе пришел полицейский, которого

интересовал адрес Дмитрия. Тот сообщил, что остановился в огромном “Конкорд-Лафайеттсе” в Порт Майо. Это было правдой. В больших отелях иностранцы не бросались в глаза и не привлекали к себе внимания. Оперативные работники никогда не останавливались в маленьких гостиницах, где их было легко запомнить.

Вскоре на полицейской машине Дмитрия доставили в гостиницу, где в его номере врач промыл ему раны и дал успокоительное.

Дмитрий проснулся поздно вечером от настойчивого стука в дверь. Он с трудом поднялся, все еще чувствуя легкое головокружение, однако боль прошла. Хромая, он приблизился к двери и открыл. Это был полицейский следователь, который пришел записать его показания. Игнорируя его вопросы, Дмитрий спросил о причине взрыва.

– Что это было? Бомба?

Француз удивленно посмотрел на него.

– Конечно, нет, что вы! – ответил он. – Произошла утечка газа. Труба проржавела, и в подвале скопился газ. Достаточно было электрической искры или спички... – Он пожал плечами, развел руки и наморщил лоб. – Произошел сильнейший взрыв. Это был просто несчастный случай, мосье.

Дмитрий припомнил странный резкий запах, который он почувствовал в воздухе сразу после взрыва. Конечно, это был газ, как он не догадался!

– Есть ли у вас что-то, что вы могли бы добавить? – спросил полицейский.

Дмитрий уставился на него.

– О, нет, – вымолвил он наконец. – Я уверен, что это действительно был несчастный случай, как вы и сказали. Просто утечка газа.

Не в силах сдерживаться, Дмитрий неожиданно и горько рассмеялся, и полицейский удивленно покосился на него. “Конечно, они ничего не найдут, – подумал Дмитрий. – Никакого взрывного устройства, никакой взрывчатки, никакого динамита. Просто утечка газа. Трагическое происшествие, обычный несчастный случай. Так они напишут в своих рапортах, прежде чем закрыть дело”.

Но он знал, что это не так. Только не в день годовщины смерти Татьяны! Только не в тот день, когда Дмитрия хитростью заманили в Париж, в его собственный кабинет, откуда он должен был руководить операцией. Теперь он был уверен, что между диссидентами и агентами ЦРУ не должно было состояться никакой встречи, что вся эта история была состряпана и доведена до сведения Октября для того, чтобы он послал Дмитрия в Париж, навстречу гибели.

Убийцы тщательно продумали и спланировали все, кроме одной мелкой детали – звонка Дорио, спасшего Дмитрию жизнь. Не могло быть никаких сомнений в том, что французы так и не установят личность человека, который пробил газовую трубу и опечатал подвал. Наверняка это был человек в желтой форме “Газ де Франс” или электрической компании. Кто бы это ни был, его никогда не найдут.

Однако Дмитрий догадывался, чьих это рук дело. Здесь постарался человек, который в октябре 1975 года добровольно вступил в ЦРУ, который

закончил подготовку зимой этого года и который в настоящее время – как сообщалось в рапортах, хранящихся в московском кабинете Дмитрия, – работал в советском отделе Управления секретных операций ЦРУ. Этот человек лучше других знал, насколько сильно русские опасаются подрывной деятельности внутри собственной страны, и был уверен, что сведения о встрече диссидентов с сотрудниками ЦРУ в Париже заставят Дмитрия и его людей забегать как ошпаренных. Это был тот самый человек, который поклялся его уничтожить. Он нанес свой первый удар, за ним не замедлят последовать и другие, как только станет известно, что Дмитрий чудом уцелел.

“Алекс, вонючий подонок, – размышлял Дмитрий. – Я знаю, что это ты стоишь за всем этим. Я принимаю твой вызов. Теперь моя очередь. Настанет такой момент, когда ты пожалеешь, что Тоня Гордон родила тебя на свет, если только я не убью тебя прежде...”

* * *

Сидя в самолете, совершавшем рейс в Вашингтон, Алекс пребывал в приподнятом настроении. Его план сработал превосходно. Униформа компании “Электриситэ де Франс” послужила прекрасным прикрытием для группы из трех агентов, которые проникли в здание Торгпредства по его приказу. Люди, особенно советские, уважают людей в форме, с официальными бумагами в кармане. Пожалуй, и в будущем можно будет пользоваться подобным прикрытием. И всегда надо действовать так же стремительно, как в этот раз. Вся операция, когда его агенты пробили ржавую газовую трубу, установили пластиковый таймер, от которого после взрыва не должно было остаться ни одной детали, и опечатали подвал, заняла меньше пятнадцати минут. Все было просто, может быть, даже слишком просто.

Вот только его брат опять ускользнул!

Алекс стиснул зубы. Проклятие, он был так близок к успеху! По всем сведениям, Дмитрий должен был находиться в здании, когда в подвале взорвется газ. Но уж в следующий раз ему не избежать возмездия!

Алекс равнодушно подумал о телах, извлеченных из-под обломков. То, что он убил столько людей, ничуть его не беспокоило. Почему, собственно, он должен казнить себя? Никто не принуждал их поступать на службу в КГБ.

Два года назад сознание того, что он послужил причиной гибели девятнадцати человек, ужаснуло бы Алекса. Но это было в другой жизни, когда Татьяна еще была жива. Он сам тогда был совсем другим человеком. “...Романтиком”, – подумал Алекс с глубоким отвращением к себе тогдашнему. И все же фотографии изувеченных трупов, увиденные им в газетах, продолжали стоять у него перед глазами.

В аэропорту Далласа его встретил Гримальди. Он отвез Алекса в Лэнгли и торжественно ввел его в апартаменты на седьмом этаже, где уже собрались все руководители Управления секретных операций, явившиеся сюда, по образному выражению Гримальди, “за своей пинтой крови”.

– Мы гордимся вами, – заявил Гримальди, засовывая большие пальцы рук

за проймы шелкового жилета. – Это был мощнейший удар. И, что еще более важно, мы не оставили никаких следов. Никто не сможет доказать, что это не была утечка газа.

Он подал Алексу бокал с водкой, налил себе коньяку и затянулся толстой сигарой.

– Все прошло блестяще, Алекс. Тебя ждет большое будущее. Первая операция за рубежом – и европейской штаб-квартиры Тринадцатого отдела как не бывало! Чтобы оправиться от такого удара, КГБ потребуется несколько лет. Архив уничтожен, девятнадцать агентов погибло...

– Один человек уцелел, – перебил Алекс. – Тот самый, смерти которого я желал больше всего.

– Ничего, достанешь его в следующий раз, – успокоил Гримальди, выпуская к потолку колечко дыма. – Ты же только начал.

Алекс кивнул. Он действительно едва-едва начал. Больше года ушло у него на занятия в Вашингтонском учебном центре и сокращенную программу физической подготовки на “Ферме”. Он был на несколько лет старше большинства курсантов, однако ни у кого из них не было столь серьезных побудительных причин отдавать учебе всего себя.

Занятия в Вашингтоне представляли собой обычную скучную рутину разведки – техника шпионажа, шифровка, передача и расшифровка сообщений, семинары по геополитическим проблемам и иностранным спецслужбам, во время которых Алекс отчаянно скучал. Зато на “ферме” он буквально наслаждался физическими нагрузками и стрелковыми упражнениями, но больше всего ему нравились занятия рукопашным боем.

Когда его подготовка была наконец закончена, Алекс поступил в секретное подразделение “Редвуд”, где работал и Гримальди.

Подразделение “Редвуд” входило в состав советского отдела Управления секретных операций и занималось практическим противодействием КГБ. Алексу, правда, предлагали занять более высокую должность аналитика в Отделе оперативной разведки, однако он отверг это предложение. Он был преисполнен решимости отомстить Дмитрию, а это можно было воплотить в жизнь, будучи оперативным работником. Лицо брата по-прежнему ни на мгновение не меркло в его памяти, и по ночам он часто просыпался весь в поту, ощущая kloкочущую черную ненависть.

Его назначение на должность оперативного агента в самом начале карьеры само по себе было неплохим достижением, однако Алексу не с кем было поделиться своими успехами. Клаудии его работа была не по душе; она подозревала, что Алекс продолжает свою вендетту. По обоюдному молчаливому согласию они не обсуждали его службу, и это охладило отношения между ними. Как бы там ни было, но в остальном их брак выглядел вполне благополучно. Клаудия больше не разъезжала по стране столько, сколько в начале своей работы: она договорилась, что пару лет не станет много работать, чтобы побыть с ребенком. Теперь много времени у нее отнимало рисование: Клаудия писала прозрачные легкие акварели, напоминающие Алексу работы французской художницы Марии Лауренси.

Нина, напротив, вела себя с ним открыто враждебно. Она часто говорила Алексу, что не понимает, как он посмел поднять руку против страны, в которой родился. Алекс, правда, так и не признался ей, что работает в ЦРУ, сочинив убедительную историю об исследовательском отделе Государственного департамента, однако Нина видела его насквозь. Она часто звонила Клаудии, с которой у нее наконец-то установились теплые отношения, и временами Алексу казалось, что обе женщины готовы выступить против него единым фронтом.

Несмотря на свою любовь к Клаудии, Алекс чувствовал себя очень одиноким. Естественно, он не мог оплакивать погибшую Татьяну на плече законной жены, и единственным человеком, с которым Алекс мог бы поделиться своим горем, была Нина. Но Нина постепенно отдалялась от него.

С того самого дня, как он стал работать на ЦРУ, Алекс потерял покой. Он не мог сосредоточиться на чтении, не мог даже слушать музыку, и единственными моментами, когда он отдыхал душой, были часы, проведенные в домике на Чеве Чейз с маленькой Тоней. Он строил ей смешные рожи, кормил, менял пеленки, постоянно ища в ее чистых голубых глазах выражение беззащитности, столь присущее Татьяне.

– Поздравляем и тебя, Наполеон, – сказал узкоплечий черноволосый человек, и его голос вернул Алекса к реальности.

– Спасибо, – откликнулся Гримальди. – Это еще не официально, Нед, но все равно спасибо.

– Что не официально? – поинтересовался Алекс, но Нед усмехнулся и отошел.

– Знаешь ли, – сказал ему Гримальди с тщательно разыгранным безразличием, – старина Вине Мортон уходит из советского отдела, а я должен буду занять его место. Мне кажется, что такое решение было принято отчасти из-за твоего успеха, Алекс. На этот пост был и еще один кандидат, может быть, ты знаешь его – это Ральф Раек...

Алекс кивнул.

– ...Но после Парижа было решено назначить именно меня, так что благодаря устроенной тобой утечке газа я займу кресло главы отдела. А ты... – Гримальди указал на Алекса сигарой словно королевским скипетром и сверкнул зелеными глазами. – Как только проработаешь в фирме положенный год – станешь моим заместителем. Тогда у тебя в руках окажется достаточно власти, чтобы стереть в порошок своего возлюбленного брата.

– У меня несколько иные планы, – возразил Алекс, пристально глядя на Гримальди. – Через пару месяцев я собираюсь заманить Дмитрия в Бонн. Я уже знаю, какая потребуется приманка. На этот раз ему не уйти от меня.

Улыбка на лице Гримальди медленно растаяла.

– Ты, как я погляжу, времени даром не теряешь, – сказал он. – А тебе не приходило в голову, что, пока ты планируешь похороны Дмитрия, он может успеть подготовить твои?

Около полуночи в гостиной зазвонил телефон. Нина только что заснула. Вздрогнув от неожиданности, она проснулась и заторопилась сквозь темноту, вздрагивая от ночной прохлады в своей тонкой рубашке. Еще до того, как снять трубку, она почувствовала что за этим странным звонком стоит что-то необычное. Далекий женский голос спросил:

– Нина? Нина Александровна?

– Да, – ответила Нина по-русски. Вот уже пятьдесят лет ее никто не называл по имени и отчеству.

– С вами хотят поговорить, – сказал тоже по-русски незнакомый голос. – Это ваш старый знакомый. Одну минуточку...

А затем в трубке зазвучал старческий, надтреснутый голос:

– Нина, Ниночка, это ты?

Колени у Нины подогнулись, и она упала в ближайшее кресло. Этот голос она узнала бы всегда. Всю жизнь она ждала того момента, когда услышит его снова.

– Саша? – прошептала она. – Саша...

– Да, это я. Как ты там, любимая?

– Боже мой, Саша, я просто не верю... Ты живой... – Он снова назвал ее “любимой”, как будто не было всех этих долгих лет. – Где ты?

– В Москве. У меня все хорошо. А как ты?

– Да, конечно, – сумела выговорить она, одновременно плача и смеясь. – Как ты меня нашел?

Она готова была поклясться, что он тоже плачет. Он что-то сказал, она не разобрала.

– Кто эта женщина? – спросила она, приготовившись выслушать неприятную новость.

– Какая женщина?

– Которая позвала меня к телефону?

Саша рассмеялся.

– Соседка. Я боялся испугать тебя – все-таки мы уже не очень молодые – вот и попросил Марию Федоровну, чтобы она первой поговорила с тобой. Она уже ушла.

– Поблаговари ее от меня, – сказала Нина и облегченно рассмеялась. – Ты можешь говорить, или нужно чтобы я тебе перезвонила? Международный разговор стоит очень дорого.

– Нет, все в порядке. На этот разговор я готов истратить все свои сбережения.

– Сашенька, дорогой, расскажи мне, что с тобой было? Как ты жил все это время?

Он был готов рассказать ей все, но не по телефону. Наконец ему в руки попала книга о нем – почти через три года после того, как она была издана в Англии. В книге он нашел ее имя.

Ему пришлось позвонить в Лондон, автору этой книги. У него он узнал ее адрес и номер телефона. Собственно говоря, издатели звонили ему из Лондона

еще раз, они были очень рады, что он наконец отыскался. Лондонское телевидение собирается сделать о нем передачу, специальную программу, и они приглашают его в Великобританию. И еще Саша Колодный сказал: “Ты только возьми себя в руки, Ниночка, и не спеши говорить “нет!”, но устроители передачи хотят пригласить и тебя, чтобы мы встретились почти через шестьдесят лет после разлуки”.

Нина была потрясена.

– Они оплатят мою поездку в Лондон?

“Да, – ответил Саша, – не только перелет, но и недельное пребывание в Лондоне, и все это будет в январе. Ведущий хотел, чтобы мы вместе появились на экране и ответили на вопросы о нашей юности”.

Нина была согласна. Она ответила, что готова приехать в Лондон в январе, потому что ей очень хотелось увидеть его. Смеясь, она сказала ему, что щиплет себя за руки, чтобы убедиться – все это не сон, все это происходит на самом деле. Она боялась проснуться, боялась, что в любой момент голос в трубке может исчезнуть, словно его никогда не было.

Саша тоже рассмеялся и попросил никому не говорить об их планах, объяснив это тем, что британские продюсеры хотят сделать сюрприз своим зрителям. И снова Нина не могла не согласиться, в этом требовании был определенный смысл.

– После того как тебя покажут по телевизору, они распродадут весь тираж и закажут новый, – хихикнула Нина. – Ты станешь знаменит, богат... Сашка Колодный – капиталист!

Они обменялись еще несколькими фразами, и на этом разговор закончился. В эту ночь Нина не спала, да ей и не хотелось. Несколько часов она просидела у окна в темной комнате, думая о нем. Их непродолжительный разговор пробудил в ней огромную радость, счастье переполняло ее. Жизнь казалась Нине прекрасной, и она снова чувствовала себя молодой. Она даже негромко напела несколько тактов из известного цыганского романса “Очи черные”, который когда-то пел для нее Саша.

– Это буржуазная песня, – говорил он, – но когда я смотрю на тебя, мне хочется сказать именно это и именно такими словами.

“Прекрати эту чушь, – выбранила себя Нина. – Ты уже старуха, тебе семьдесят пять лет, а ему – все восемьдесят!” И все же для нее он остался все тем же молодым, красивым кавалеристом с озорными глазами и непослушными светлыми волосами. Все годы, прошедшие с его отъезда, ее жизнь с Самуэлем, скитания по земле Палестины, переезд в Америку – все вдруг потеряло всякое значение. Осталось только одно – скоро она снова будет с Сашей, с ее Сашей.

Интересно, был ли он женат? Давно ли овдовел? Есть ли у него дети? Об этом он ничего не сказал. Собственно, это было уже и не важно. Каждый из них уже прожил собственную жизнь. Важно было то, что после стольких лет он снова назвал ее “моя любовь”. И он тоже плакал – как и сама Нина – плакал от счастья.

Она испытала огромное желание немедленно позвонить кому-нибудь, поделиться потрясающими новостями. Она начала было набирать телефон

Алекса, но потом вдруг передумала. Нет, решила она, сейчас она ничего ему говорить не будет. Он работает в ЦРУ, он поднимет шум вокруг всего этого дела и испортит ей все ее волшебное приключение. Она вообще никому ничего не скажет; если что-то просочится в газеты, это может повредить Саше. Алексу и Клаудии она объяснит, что хочет побывать в Европе, один-единственный раз в своей жизни. В конце концов, она тоже имеет право на подобную роскошь.

Ее план сработал превосходно. Алекс ничего не заподозрил, когда она сказала ему, что уедет на пару недель в Европу. Напротив, он и Клаудия даже обрадовались за нее.

– Это замечательно, Ниночка, – сказал ей по телефону Алекс, впервые за прошедший год не раздражаясь и не пытаясь оспорить ее решения. – Съезди, перемени обстановку, развлекись.

Он даже предложил ей денег на расходы, но Нина гордо отказалась.

Клаудия тоже была за нее рада. Она вообще оказалась довольно приятной девушкой, а после того как ее стараниями Алекс благополучно выкарабкался после трагического инцидента с наездом, Нина и Клаудия стали очень близки. Прошлое было забыто. После того как Клаудия родила Тоню, прелестную маленькую дочурку, Нина совсем растаяла. В девочке Нина и вовсе души не чаяла.

В середине декабря Нине позвонили из представительства авиакомпании “Бритиш Эйрвейз”. Приятный женский голос сообщил, что они получили ее оплаченный билет до Лондона и обратно. Вылет из Нью-Йорка – 21 января, дата возвращения не определена. Не могла бы она заехать и забрать его?

Офис авиакомпании располагался в Манхэттене, на Пятой авеню. Незадолго до Рождества Нина, одевшись в свою самую лучшую одежду – лакированные туфли и бежевое пальто, купленное специально для Лондона, – доехала на подземке до Манхэттена и зашла в офис “Бритиш Эйрвейз”. Там ей без проволочек вручили пластиковый конверт с документами, которые давно были приготовлены для нее. Несколько позднее, остановившись пообедать в уютном китайском ресторанчике вдали от Пятой авеню, Нина внимательно рассмотрела свой билет.

Саша еще раз позвонил ей из Москвы, чтобы убедиться, что у нее все в порядке. 21 января Нина на такси прибыла в аэропорт имени Кеннеди.

– Я чувствую себя миллионершей, – со счастливым видом поделилась она с Алексом, прилетевшим из Вашингтона специально, чтобы проводить ее.

– Будь осторожна, Ниночка, – сказал он, целуя ее. – Самое главное – опасайся лондонских мужчин: они опасны, им очень нравятся такие женщины, как ты.

“Бог ты мой, – подумала Нина. – Если бы я могла сказать тебе...”

* * *

Первая заминка случилась уже в лондонском аэропорту Хитроу. При мысли, что уже через несколько минут она увидит своего Сашу, сердце ее едва не выскакивало из груди. Понравится ли она ему? Накануне она впервые в

своей жизни пошла в салон красоты. Служащие там девушки заверили Нину, что она выглядит просто потрясающе. И все же, когда они с Сашей расстались, она была совсем молоденькой, с упругой белой кожей и густыми длинными волосами. Теперь же она была старухой. Узнает ли он в ней юную гимназистку, которая отдала ему свою любовь?

Терпение ее иссякало, она не могла дождаться, когда наконец увидит его. Очередь на паспортный контроль казалась ей самой длинной в мире, не менее мучительным было и ожидание багажа, который грузил на ее тележку привлекательный молодой человек. Когда она наконец вышла в зал прилета, ее Саши нигде не было видно.

Нина нерешительно стояла в толпе куда-то спешащих пассажиров, встречающих, водителей, носильщиков и сотрудников различных авиакомпаний. Ласкающий слух мягкий голос в громкоговорителях объявил посадку на рейс “Алиталии” до Рима, затем повторил то же самое на мелодичном итальянском. Крупные заголовки в газетах на прилавке неподалеку от нее кричали о грядущей встрече президентов Картера и Садата с премьер-министром Израиля Бегином.

– Госпожа Крамер?

Нина резко обернулась. Рядом с ней стоял розовощекий джентльмен, типичный англичанин, одетый в темный костюм, рубашку с жестким воротничком и полосатый галстук. В левой руке он держал книгу о Саше.

– Да, я – Нина Крамер.

Незнакомец слегка поклонился.

– Я – Дерек Слоан из издательства “Грэхэм и Дикинсон”. Это мы опубликовали исследование о жизни Александра Колодного.

– Да, конечно, – Нина церемонно пожала ему руку. – Как поживаете?

– Надеюсь, ваш полет проходил приятно?

– Да, благодарю вас, – механически ответила Нина, снова оглядываясь по сторонам. В ее душу закралось нехорошее предчувствие.

– Весьма сожалею, – сказал Слоан, – но господин Колодный задерживается. В последнее время ему немного нездоровилось и...

– Он заболел? – в тревоге перебила Нина.

– Нет, не думаю, – Слоан взялся за ее тележку и подтолкнул к выходу. – Он должен прибыть сегодня, вечерним рейсом Аэрофлота из Москвы. Позвольте мне пока отвезти вас в отель, где вы смогли бы пообедать и отдохнуть. Должно быть, вы очень устали.

– Да, – кивнула Нина. – Спасибо, сэр.

В смешном такси – точно такое она видела в старых английских фильмах – Нина сидела совершенно прямо, задумчивая и молчаливая. С интересом она разглядывала двухэтажные автобусы, полицейских в необычных шлемах, здание Палаты Общин, которое она заметила вдалеке, когда такси переезжало по мосту Темзу.

Гостиница в Хампстед-Хит называлась “Тюдор Армс”. Это было красивое ухоженное здание, и ее номер тоже оказался аккуратным и уютным, выдержанным в светлых тонах, хотя и не очень большим. Нина колебалась

довольно долго, но потом все же решилась и заказала себе в номер стакан молока и пару бутербродов. Включив телевизор, она два часа подряд смотрела учебную программу для школьников и уже собиралась вздремнуть, когда в дверь кто-то постучал.

Это снова оказался Дерек Слоан.

– Я боюсь, у нас возникла маленькая проблема, – заявил он. – Дело в том, что господин Колодный не может приехать. Он слишком слаб для такого путешествия.

Ее разочарованию не было границ. Она вообще не увидит своего Сашу!

– Значит... значит, я напрасно приехала? – запинаясь, пробормотала она.

– Ни в коем случае, – заявил ей мистер Слоан. Была еще одна возможность, возможно даже лучшая, чем они поначалу планировали. Если миссис Крамер не возражает, то можно было бы устроить так, чтобы завтра она вылетела в Москву и встретила с Александром Колодным у него на Родине. У Би-би-си были в России съемочные группы, которые могли заснять встречу Нины и Александра в Москве.

– Только представьте себе, – убеждал ее Слоан, – вы вдвоем разговариваете перед камерой на фоне Кремля.

Если бы она согласилась, они могли бы взяться это устроить: у издательства были хорошие связи с консульским отделом советского посольства, поэтому они могли в считанные часы получить для нее визу.

– Я не знаю, – растерянно сказала Нина, однако воображение ее уже мчалось бешеным галопом, унося в мечту, которая жила в ней на протяжении пяти десятков лет. Она знала, что за осуществление этой мечты она готова отдать все что угодно. Искушение пройтись по московским улицам, побывать на Красной площади, увидеть Кремль и мавзолей Ленина было огромным. Пожалуй, это была единственная возможность побывать на родине перед смертью.

“Да, – подумала Нина, – я хочу поехать, но согласится ли Саша?”

– Я хочу сначала поговорить с Колодным, – твердо сказала она. – По телефону.

– Разумно, – кивнул Слоан. – Мы это устроим. Он ушел от нее через пятнадцать минут и унес ее паспорт: “В любом случае мы должны позаботиться о вашей визе”. Нина осталась ждать Сашиного звонка.

Саша Колодный позвонил ранним вечером. Голос его показался Нине усталым и хриплым, однако мысль о ее приезде в Москву вызвала в нем прилив энтузиазма.

– Тут всего три часа лета, Ниночка. Я буду очень рад показать тебе Москву. Прилетай, прилетай скорее!

* * *

На следующий день вечером Нина уже была в московском аэропорту Шереметьево. Ее радостное настроение смешивалось с тревогой. Солнце уже садилось, и его последние лучи окрашивали заснеженное летное поле в

бледно-золотой цвет. Наконец-то она в России, на советской земле! Терминал аэропорта оказался огромным зданием современных линий, окруженным лайнерами авиакомпаний многих стран мира.

Нина чувствовала себя так, словно вернулась домой после долгого отсутствия, или скорее как мать, встретившая своего ребенка после долгой разлуки и восхищенная тем, как он вырос и изменился. Шагая через главный зал, она с любопытством глазела на стеклянные прилавки, где были разложены сувениры, цветные плакаты с изображением Останкинской башни и музея Ленина, а также небольшого размера бюсты Брежнева из черного камня и металла; улыбалась офицерам-пограничникам в зеленой форме и сверкающих ботинках, которые стояли на посту в зале прилета; и даже сказала несколько фраз по-русски таможеннику. Тот был очень доволен и ответил ей, тоже по-русски:

– Добро пожаловать.

Саша ждал ее при выходе с таможенного контроля. Он выглядел очень старым и не казался больше коренастым и плотным, однако был все так же прям и широкоплеч. Одет он был в старомодный черный костюм и белую сорочку; массивная львиная голова высоко поднята; седые волосы аккуратно подстрижены и причесаны; под густыми бровями сверкают пронизательные острые глаза. В руках Саша держат охапку душистых красных роз.

Нина начала плакать еще до того, как он обнял ее. Ненадолго приподняв лицо, она улыбнулась сквозь слезы и прошептала:

– Розы в январе!..

И расплакалась снова. Саша нежно гладил ее по волосам и приговаривал:

– Ну... ну, Ниночка...

– Помнишь, когда ты уехал, у меня были черные волосы? – спросила она.

– Что? – Он улыбнулся. Зубы у него были желтыми от никотина.

– Мои волосы, они были черными как смоль. А у тебя были такие чудные светлые кудри...

– Теперь мы с тобой одной масти, оба седые, – ответил он. – Дай-ка мне посмотреть на тебя, любимая...

Нина отступила назад и зарделась, чувствуя, как розовеет кожа и горят щеки. Взглянув на него, она рассмотрела все тот же упрямый волевой подбородок, иссеченный морщинами, полный, но решительный рот, такой же, как на подаренной английским писателем фотографии.

Он протянул руку и снял с ее носа очки.

– Прекрасно, – прошептал он. – Ты выглядишь прекрасно. Я узнал бы тебя где угодно, любимая.

Нина вытерла слезы, но они опять набегали на глаза.

– Мне следовало уехать с тобой в Палестину, как ты просил, – сказала она. – Наша жизнь сложилась бы тогда совсем по-другому.

Он кивнул.

– Ох, Сашенька, я вела себя глупо, как маленький ребенок.

– Ну, не надо плакать, – сказал он. – Прошлого не изменишь. Идем.

И он взял ее за руку. Нина поднесла к лицу розы и зарылась в них лицом,

вдыхая их божественный аромат.

– Куда мы идем?

– Оставим в гостинице твой чемодан, пообедаем в ресторане, немного выпьем и будем много говорить.

– Ты не женат? – решила наконец спросить Нина. – В книге об этом ничего не было сказано.

Саша криво улыбнулся.

– Я был женат, и это довольно грустная история. Я не захотел, чтобы ее напечатали.

Потом они сидели в ресторане “Киев” в ее гостинице. Они мало говорили и мало пили, зато оба не могли сдержать слез над ушедшими годами, проведенными вдали друг от друга, над тем, что дороги их разошлись, и что теперь даже встреча не в силах соединить два края пропасти, которая пролегла между ними. Да, он был женат, он женился в Испании во время гражданской войны на русской девушке по имени Ирина. Вдвоем они вернулись во Францию, где родились две их дочери – Катя и Нина.

– Да, Ниночка, я назвал младшую дочь в честь тебя. Ирине я объяснил, что память о тебе никогда не угасала в моем сердце.

Когда началась вторая мировая война, Ирина с дочерьми вернулась в СССР, а он остался, чтобы руководить советской разведкой в оккупированной Европе.

– Ну, об этом-то ты знаешь, – сказал Саша, закуривая папиросу. – Об этом подробно написано в книге Дэвида Хьюза.

Когда после войны он вернулся в Советский Союз, его немедленно бросили в тюрьму НКВД на Лубянке. Ирина развелась с ним и забрала обеих дочерей. Она даже давала против него свидетельские показания, заявив, что он – английский шпион. Инквизиторы из госбезопасности, которые пытали его в тюрьме, показывали ее заявление – четыре странички из ученической тетрадки, исписанные аккуратным округлым почерком.

– Я был арестован, и Ирина спасала свою шкуру. Поэтому она подписала все, что ей продиктовали.

После того как его выпустили, она даже не позвонила ему, а его письма возвращались нераспечатанными. Теперь она уже умерла, и ему было наплевать. Обе его дочери уже вышли замуж, одна жила в Орле, вторая в Казани, и к настоящему времени у него было уже четверо внуков, которых он очень любил.

– Может быть, Нина успеет приехать в Москву, пока ты тут, – сказал Саша Колодный. – Она очень хотела встретиться с “другой Ниной” – с тобой.

Он улыбнулся, и его глаза превратились в узкие раскосые щелочки, окруженные сетью крошечных морщин.

Потом улыбка на лице Саши растаяла, он агрессивно выпятил подбородок и превратился в опасного и жестокого человека – грозного Шефа, который водил за нос гестапо, взламывал секретные коды фашистов и так напугал Берию и госбезопасность, что его на одиннадцать долгих лет упрятали в подземную камеру Лубянской тюрьмы. Нина почти физически ощущала ту

могучую силу, которую он излучал когда-то.

Его выпустили из тюрьмы и восстановили на службе в КГБ, но несколько лет назад он ушел в отставку. Теперь Саша получал пенсию и на это жил.

– Меня даже наградили, – сказал он с неприкрытой гордостью. – Лучше поздно, чем никогда. Мне вручили орден Ленина и Золотую Звезду. Я теперь – Герой Советского Союза.

– Герой Советского Союза... – эхом повторила Нина и вне себя от радости подняла свою рюмку. Она сама себя не узнавала.

– Давай выпьем за Героя!..

Саша опрокинул свою рюмку одним глотком, затем накрыл ее ладони своей.

– Теперь расскажи мне о себе, любимая.

Нина наклонилась к нему, взяла его руку в свои и крепко пожала.

– Я не хочу, чтобы это заканчивалось, Саша. Наверное, я сплю, но я не хочу просыпаться.

Это действительно был чудесный, почти волшебный сон. На протяжении целой недели они почти все время были неразлучны, прогуливаясь по улицам и набережным Москвы, обходя памятники архитектуры, посещая Большой и Малый театры, сидя на скамейках в парках или в старых кафе, где подавали национальные кушанья. И все время они разговаривали, ведь им нужно было охватить даже не одну, а две долгие жизни.

Даже на ночь они не разлучались.

– Я уже старик, – сказал ей Саша со своей обезоруживающей улыбкой, – и не гожусь для занятий любовью. Но я хотел бы, чтобы ты по крайней мере разрешила мне лечь рядом с тобой и взять тебя за руку.

Нина покраснела и снова сказала “да”. Она сама очень этого хотела. “Я тебя не узнаю, Нина, – сказала она себе, переодеваясь в ванной, набрасывая тонкую ночную рубашку и ныряя к нему под одеяло. – Это не ты, это какая-то другая женщина. Ты никогда бы так не поступила”.

Саша погасил свет и обнял ее, и Нина улыбнулась сама себе. Да, конечно, она стала совсем другой.

Никогда еще она не чувствовала себя счастливее. Ах, если бы только они могли не разлучаться больше, если бы они могли прожить вместе до самого конца! Но она отлично понимала, что это невозможно, что каждый из них обречен был и дальше идти своим путем.

В общем, это была замечательная неделя, и ее не испортили даже несколько печальных моментов, которые Нине довелось пережить. Однажды вечером они забрели на площадь Дзержинского, и Нина чуть было не потеряла сознание, глядя на здание тюрьмы, где была расстреляна ее сестра. Когда она сказала об этом Саше, он печально покачал головой. Конечно, он знал и о Тоне с Виктором, и о всех остальных. “Сталин, – сказал он, – Сталин стал настоящей трагедией революции”.

Во второй раз Нина расстроилась во время довольно странного интервью для телевидения. Трое русских с каменными лицами снимали их на пленку на фоне Кремля и храма Василия Блаженного, в то время, как четвертый задавал

дурацкие вопросы на плохом английском. Все это нисколько не напоминало настоящие интервью, которые Нине приходилось видеть в Америке, но Саша успокоил ее, сказав, что вопросы не имеют никакого значения – все равно Би-би-си будет редактировать пленку и выбросит все лишнее.

Что касается самого Саши, то несколько оправившись от своего первоначального восторга, Нина обнаружила, что он почти постоянно пребывает в подавленном, угрюмом настроении, что было заметно даже, несмотря на его попытки скрыть это от нее. Большую часть времени Саша был беспокоен и хмур, хотя с ней держался очень ласково, с неподдельной любовью. Временами в его взгляде мелькало мрачное, почти отчаянное выражение. Когда же она спрашивала, что его беспокоит, он все отрицал с необычной горячностью.

В последнюю ночь, которую они провели вместе, он плакал, когда Нина рассказала ему об их умершем сыне. В аэропорту он крепко обнял ее и поцеловал в губы, поцеловал удивительно нежно и ласково.

– Ниночка, милая моя, – прошептал Саша. – Я люблю тебя, любил всю свою жизнь. Помни об этом, что бы ни случилось, – добавил он загадочно.

Она вспомнила эти его слова, когда в Нью-йоркском аэропорту двое агентов ФБР арестовали ее по обвинению в шпионаже и пособничестве иностранной разведке.

– Я бы сказал, что все это выглядит довольно убедительно, – сказал сотрудник спецотдела ФБР Норман Нейв, извлекая документы из толстой папки досье. Бумаги и фотографии были выложены ровными рядами, словно на столе раскладывали пасьянс огромными картами.

– Убедительно, как моя задница! – фыркнул Алекс Гордон, наклоняясь над столом.

Они находились в штаб-квартире СИ-3, Третьей группы контрразведки, которая располагалась на одиннадцатом этаже Вашингтонского центра оперативной деятельности. Было уже за полночь, и большой зал с его тремя десятками металлических столов был почти пуст. Только один агент просматривал у окна какие-то бумаги, сидя под большой доской объявлений, увешанной фотографиями девочек в бикини. В воздухе противно пахло застоявшимся табачным дымом даже несмотря на то, что стол Нейва был отделен от остального зала плексигласовой перегородкой.

– Посмотри сам, – сказал Норман, указывая на ряды глянцевых фотографий. – Нина Крамер и офицер КГБ Александр Колодный, известный под псевдонимом “Шеф”. Вот они на Красной площади, на фоне Кремля, в парке Горького, в аэропорту Шереметьево... – каждый раз, указывая на очередной снимок, он постукивал по нему костяшками пальцев.

– Ради всего святого, Норм, она же была за ним замужем! – возмутился Алекс.

– Когда? Шестьдесят лет назад? – Нейв сверкнул на него глазами, взвешивая в руках пухлый доклад. Руки у него были ухоженные, розовые. – Она сказала тебе, куда едет?

– Нет, – ответил Алекс. – Ну и что же?

– Что она тебе сказала?

– Сказала, что поедет отдохнуть в Лондон, – неохотно признался Алекс.

– А что она говорит теперь? Ты видел ее? “Да, – подумал Алекс. – Я ее видел”. Его Нина, униженная и сломленная, содержалась под арестом в женском изоляторе предварительного содержания на Одиннадцатой авеню вместе с воровками и проститутками нью-йоркского Вест-Сайда.

– Она говорит, что ездила в Лондон для того, чтобы записать телевизионное интервью с этим Колодным, который звонил ей из Москвы. В Лондоне ей сообщили, что он болен – все же ему за восемьдесят – и что он не сможет приехать. Ее попросили приехать в Москву, и интервью было заснято там.

– Вот как? В самом деле? – иронично парировал Нейв, приглаживая свои рыжеватые усы. Его округлое брюхо надменно выпятилось вперед. – Эти ответы я знаю уже наизусть. Не забывай, я сам ее допрашивал. Так вот, в том, что она говорит, нет ни слова правды. Во-первых, никто и никогда не собирался снимать никакого телеинтервью, ни в Лондоне, ни в Москве.

– Но Нина сказала... – начал было Алекс, но вдруг замолчал.

– Ни Би-би-си, ни Ай-ти-ви не планировали ничего подобного. Фирма, выпустившая книгу об Александре Колодном, – очень известное и уважаемое лондонское издательство, пользующееся безупречной репутацией. Они не приглашали в Лондон ни его, ни Нину Крамер. Никто из их представителей или служащих не встречал Нину Крамер в аэропорту. Она даже не платила за свой билет – он был предварительно оплачен в Лондоне и передан в Нью-Йорк по телекоммуникационной сети. Мы проследили заказчика – билет был оплачен советским торговым представительством в Лондоне.

– Торгпредство, – прошептал Алекс, чувствуя, как по спине его забегали мурашки.

– То же самое было и с гостиницей! – с торжеством продолжал Нейв. – За пребывание в отеле тоже заплатило Торгпредство. И за ее перелет из Лондона в Москву и обратно. Советская виза уже ждала ее в Лондоне, а ведь ты сам должен хорошо знать, что никто не может получить советскую визу в день обращения. Вся процедура с анкетой и прочим занимает минимум две недели.

Алекс глубоко вздохнул и обошел стол оперативного агента. На стене висела фотография четырех мужчин; в одном из них Алекс узнал самого Нейва, который выглядел гораздо более стройным, чем теперь. На лицах всех четверых было написано радостное облегчение. Мужчины окружали двух молодых парней испуганного вида. Под фотографией была сделанная от руки надпись: Бойс и Ли, Сокол и Снеговик. Январь 1977-го.

– А что твоя тетка скажет на это? – спросил Нейв, вручая Алексу пачку фотокопий. Алекс быстро просмотрел глянцевые листки. На снимках были буквы и цифры, расположенные группами по пять или по четыре, и Алекс с недоумением посмотрел на сотрудника спецотдела.

– Микропленка, – пояснил Нейв. – Мы извлекли ее из путеводителя по Кремлю, который был в багаже миссис Крамер. Шифр мы пока не раскололи, но это, без сомнения, просто вопрос времени.

– Книгу ей подарил Александр Колодный, – пробормотал Алекс.

– Не сомневаюсь, – ухмыльнулся Нейв. – Спрашивается, что тебе еще нужно? Нина Крамер придерживается коммунистических убеждений, в пятидесятых годах она даже была под следствием, и вот теперь она тайком летит в Москву и встречается с одним из опаснейших разведчиков КГБ. Оттуда она привозит книгу, битком набитую шифрованной информацией, она лжет на каждом шагу, и ты еще утверждаешь, что она не виновна?!

Алекс покачал головой.

– Я считаю, что ее просто подставили.

– Кто? – Нейв скептически посмотрел на него. Алекс подошел к окну и выглянул наружу. Внизу тускло блестели воды Анакосты. Между пустырем и помойкой, прикрытыми толстым слоем снега, гордо возвышалось массивное здание теплоэлектростанции, из трубы которой валил густой черный дым. Где-то совсем близко раздался печальный гудок позднего поезда.

Последние дни дались Алексу нелегко. Он был в Бонне, работая с западногерманской разведкой над пасьянсом, который помог бы ему заманить Дмитрия. Некое высокопоставленное лицо, известное своими связями с лидерами национальных меньшинств в ФРГ, должно было выйти на “Штази” – разведку Восточной Германии – и предложить ей секретные документы, касающиеся армянского националистического подполья в России. На эту наживку Дмитрий обязательно должен был клюнуть: несколькими месяцами раньше трое армян взорвали несколько бомб в Московском метро. Все они были арестованы, допрошены с пристрастием и расстреляны, однако имена их руководителей остались нераскрытыми.

Алекса вызвали к телефону во время одного из координационных совещаний. Звонила Клаудия, судя по голосу, она была на грани истерики. От нее Алекс узнал, что накануне вечером, после возвращения из Европы, Нину арестовали и что сегодня утром нью-йоркские газеты вышли с ее фотографиями на первых страницах. Целые развороты были посвящены разоблачению советской разведчицы, засланной в США пятьдесят лет назад. Один из заголовков гласил: “Красная” Нина была советской шпионкой”.

Потрясенный, Алекс свернул заседание и тут же вылетел домой. Клаудия встретила его в аэропорту Кеннеди; маленькая Тоня осталась дома с бабушкой – мадам Беневенто. По дороге к городу она рассказала Алексу, что прокурор отказался выпустить Нину под залог, так как ее преступление относилось к категории “способных нанести ущерб государственной безопасности Соединенных Штатов”.

В женской тюрьме они увидели Нину, которая стала похожа на привидение. Благодаря тому, что Алекс был сотрудником ЦРУ, им разрешили разговаривать в отдельной комнате. Нина не переставая плакала и ломала руки. Клаудия нежно обняла ее, и Нина постепенно пришла в себя. Понемногу она начала рассказывать о своей поездке в Москву, однако затем снова замолчала, скрючившись и замерев, словно бессловесный зародыш в материнской утробе. Кроме плача и невнятных слов, произнесенных по-русски, от нее ничего больше добиться не удалось. Глаза ее остекленели, а руки, сжатые в кулаки,

тряслись. Когда Алекс попытался обнять ее, она вскрикнула и отвернулась к стене. Тогда он оставил с Ниной Клаудию, а сам вылетел в Вашингтон, чтобы встретиться с человеком, производившим ее арест.

Норман Нейв сказал ему, что ее билет и гостиница были оплачены Торгпредством, и Алекс догадался, что за этим стоит Дмитрий. Его изворотливый и хитрый брат без труда мог бы заплатить наличными или оставить ложный адрес, так, чтобы никто и никогда не узнал, откуда поступили деньги, однако он предпочел оставить неясный след, ведущий в Торгпредство. Он хотел, чтобы Алекс понял, чьих это рук дело. Оплаченный билет Нины был равносителен его подписи. Этот подлец решил нанести ему удар, уничтожив Нину.

Алекс повернулся к Нейву.

– Позволь мне задать несколько вопросов, – сказал он, с трудом удерживая себя в руках.

Нейв принялся набивать табаком большую пенковую трубку.

– Выкладывай, – лениво проговорил он. “Словно в кино”, – подумал Алекс, глядя на его самодовольную рожу.

– Как к тебе попали московские фотографии?

– Это секретная информация.

Одним прыжком Алекс оказался рядом с ним. Схватив Нормана за лацканы пиджака, он свирепо тряхнул его.

– Хватит вешать мне лапшу на уши! – рявкнул Алекс. Трубка вывалилась изо рта Нейва, и бурые табачные крошки рассыпались по коричневому ковру. Агент ФБР перехватил Алекса за запястья. Лицо его побледнело.

– Ты что, спятил? – прошипел он. – Отпусти сейчас же!

Взгляд его метнулся к телефону. Алекс схватил со стола аппарат и ткнул его прямо в лицо Нейва.

– Валяй, звони своему боссу, да не забудь спросить – должен ли ты отвечать на мои вопросы. Спроси! Скажи, что я грозился разбить твою поганую рожу, прежде чем он вышвырнет тебя с работы!

– Меня? Почему меня?

– Потому, братец, что ты попал в большую беду. Старушку подставили, и подставили не без твоей помощи. Это был капкан КГБ, и ты влез в него обеими ногами. Когда правда выплывет, твоему боссу понадобится козел отпущения. Это будешь ты!

Нейв с ненавистью поглядел на Алекса и пошел на попятный.

– Ну хорошо, хорошо, – пробормотал он, стараясь спасти свое уязвленное самолюбие. – Только не бесись так. Я не имею права раскрывать тебе *modus operandi*...

– Плевать мне на твой *modus operandi*! – презрительно бросил Алекс. – Мне нужно знать, кто надоумил твоих людей заняться фотографированием.

Нейв продолжал вилять, отрицать, отмалчиваться, но Алекс в конце концов припер его к стенке, и он признался, что еще до отъезда Нины ФБР действительно получило информацию о том, что миссис Крамер на самом деле направляется в Москву и что она была под надзором агентов с той самой

минуты, как ее самолет оторвался от взлетной полосы аэропорта имени Кеннеди. Нейв известил также сотрудников безопасности в американском посольстве, и они встретили Нину в Москве, засняв все передвижения счастливой парочки. Откуда в ФБР поступила информация, Нейв не знал. Не знал он и того, кто сообщил в газеты подробности о жизни Нины.

Все сообщенные Нейвом факты укладывались в стройную схему.

– Я же сказал, что ее подставили, – повторил Алекс. “Дмитрий, – думал он, – ты мерзавец и подонок. Зачем тебе понадобилось пачкать во всем этом бедную старую женщину, сестру твоей матери? Зачем ты растоптал ее последнюю мечту, зачем ты лишил Нину нескольких минут счастья?”

– Подставили? – Нейв, казалось, сумел вернуть себе часть былой уверенности. – Зачем кому-то понадобилось фабриковать улики против безвредной старухи?

– Они хотели добраться до меня.

– Кто это “они”?

“О, дьявол, – подумал Алекс. – Что мне сказать? Мой брат? Мой брат, сотрудник КГБ, который хотел навредить мне тем, что подставил мою старую тетку?”

Он молча пожал плечами и повернулся, чтобы уйти. Он был уже в дверях, когда телефон на столе Нейва зазвонил. Агент снял трубку.

– Нейв слушает.

Ему что-то сказали, и он повернулся к Алексу, злобно сверкая глазами.

– Это тебя. Звонил Гримальди.

– Я знал, что найду тебя здесь, – сказал он. – Только что пришло срочное сообщение из Москвы. Александр Колодный застрелился сегодня у памятника Дзержинскому. Сотни людей видели это, и твоему брату не удастся замолчать это. Как ты знаешь, Колодный был Героем Советского Союза.

Алекс тихо опустил трубку на аппарат и уставился в темное окно. Замысел Дмитрия рухнул. Несомненно, это он заставил Колодного разыграть перед Ниной свой позорный фарс. Старик не выдержал мук совести, сломался и покончил жизнь самоубийством.

“Поделом тебе, Дмитрий”, – подумал он. Смерть Колодного доказывала, что Нину нарочно подставили. Тут ему пришло в голову, что ему придется сообщить Нине страшную новость. “Как я ей скажу? – ужаснулся Алекс. – Она не выдержит этого удара!”

Когда он приехал в тюрьму, Нины там уже не было. Ночью ее отвезли в госпиталь. Надзирательница сообщила Алексу, что ее хватил удар.

Алекс обнаружил Нину в Беллевию. Она лежала на своей койке совершенно неподвижно – маленькая, страшно изможденная женщина с разметавшимися по подушке седыми волосами. Она была похожа на саму смерть. В ее облике было некое странное спокойствие, словно она тихо и терпеливо ждала, когда пробьет ее час, без боли и сожаления прощаясь с миром живых. Алекса она не узнала. Врачи объяснили, что в этом повинно обширное кровоизлияние в мозг.

Через две недели после того, как с Ниной случился удар, на ее бруклинский адрес пришло письмо. Опущено оно было в Вене. Старый конверт

был надписан крупными печатными буквами, и Алекс распечатал его. Письмо было на русском языке, и написал его Саша Колодный.

* * *

Моя дорогая, любимая Ниночка!

Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет на свете. Я не в силах жить после того, что я с тобой сделал. Да и что толку мне оставаться в живых? Когда ты была здесь, со мной, я пережил самые счастливые моменты в своей жизни. Такого счастья мне уже не испытать, даже если я проживу до ста лет.

Помнишь, перед твоим отъездом я сказал тебе, чтобы ты всегда помнила: что бы ни случилось, я люблю тебя. Это правда, но это не вся правда. Меня шантажировали, шантажировали классическим старым способом, который, вынужден признаться, я и сам использовал множество раз. Мне сказали, что если я не исполню своей роли в коварном замысле, целью которого было очернить тебя, я никогда больше не увижу своих внуков и своих дочерей. Я старый человек, любовь моя. Катя, Нина и их дети – это все, что было у меня в жизни. Я не мог допустить, чтобы они пострадали из-за меня. У меня не было другого выхода.

Я лгал тебе. Лгал о британских издателях и журналистах, якобы пригласивших нас с тобой в Лондон, но я не обманывал тебя, когда говорил о моей огромной любви к тебе. Ниночка, любимая моя, еще в юности мы оба допустили страшную ошибку, выбрав себе эту новую религию и расставшись, после того, как она от нас этого потребовала. Нам нужно было вместе уехать в Палестину и строить там новую жизнь для нас двоих. К сожалению, прошлого не изменишь, и мы оба страшной ценой заплатили за нашу глупость. Я умираю печальным и разочарованным человеком, утратившим все иллюзии. Надеюсь, что это мое последнее письмо хоть немного утешит тебя, потому что мне нечего сказать тебе, кроме одного: ты была единственной женщиной, которую я любил...

* * *

Последняя строчка, написанная дрожащим, изломанным почерком, выдавала ужасные мучения Саши Колодного. “Я не предал тебя”, – писал он.

Алекс помчался в госпиталь и ворвался в палату Нины. Он молился, чтобы смысл этого письма сумел пробиться сквозь глухую стену непонимания и тишины, которую воздвиг вокруг Нины ее пораженный мозг. Склонившись над ее кроватью, он несколько раз громко прочел письмо, нежно глядя Нину по волосам, но она все так же пристально смотрела в пространство перед собой, ничего не видя и не слыша, мертвая душа в умирающем теле. Через два дня она умерла, так и не приходя в сознание.

Незадолго до рассвета 27 декабря 1979 года в Кабульском международном аэропорту приземлился советский военно-транспортный самолет. На борту были Дмитрий Морозов, двенадцать сотрудников Тринадцатого отдела и шестьдесят спецназовцев, выпускников Балашихинской диверсионно-десантной школы КГБ. Все они были одеты в форму афганской народной армии. В аэропорту они пересели в заранее подготовленные грузовики и поехали в направлении королевского дворца, ставшего резиденцией президента Афганистана Амина. У ворот колонна остановилась на контрольном пункте. Не успели часовые приблизиться, как люди Морозова открыли огонь и изрешетили афганцев пулями.

Атаку на дворец Дмитрий возглавлял лично, стреляя из автомата по всем движущимся целям. В роскошном вестибюле, украшенном хрустальными люстрами и дорогими коврами ручной работы, дорогу ему преградили три афганских офицера. Они были в растерянности, очевидно, их смутила афганская форма нападавших. После недолгого колебания один из офицеров – плотный бритоголовый полковник с густыми черными усами – направил на Дмитрия свой пистолет. Дмитрий срезал его очередью, и двое оставшихся афганцев подняли руки в знак капитуляции. Дмитрий пристрелил и их. Приказ Октября был ясным и жестоким: ни одного свидетеля не должно остаться в живых.

Тем временем в дверях стали появляться захваченные врасплох солдаты внутренней охраны, и отряд Морозова ринулся в атаку, паля из автоматов и забрасывая противника гранатами. Уголком глаза Дмитрий заметил, как двое из его товарищей упали, убитые или раненные. Это привело его в бешенство. Он был не готов к такому упорному сопротивлению.

Автомат в руках Дмитрия раскалился от выстрелов, когда он длинными прыжками взобрался по широкой мраморной лестнице, ведущей в апартаменты первого лица афганского государства. Весь дворец наполнился автоматными очередями, разрывами гранат и испуганными криками. Обслуживающий персонал в отчаянии пытался скрыться, спрятаться в закоулках дворца, в шкафах и под кроватями. Дмитрий бил по ним прицельными короткими очередями и бежал дальше сквозь длинную анфиладу комнат, на ходу перезаряжая оружие.

За собой он слышал топот бегущих ног – его солдаты следовали за ним. В узком, темном коридоре Дмитрий на мгновение приостановился, затем пригнулся и прыгнул в приотворенные очередные двери, выпустив по комнате длинную очередь.

Это оказалась спальня Амина. На широкой кровати и на светлых коврах были разбросаны парадные военные мундиры, дорогие гражданские костюмы и шелковое женское белье. Из опрокинутой бутылки вытекала какая-то жидкость золотистого цвета, распространяя вокруг сладковатый аромат мускуса.

Дмитрий ринулся дальше по лестнице, ведущей на самый верхний этаж, пинком ноги взломал запертую дверь, покрытую темным лаком, и ворвался еще в одну комнату. Здесь его ждал сюрприз – комната была оборудована под европейский бар с зеркалами на стенах, с высокими табуретами и длинной

стойкой розового дерева. Полки за стойкой были уставлены импортными винами. В двух посудных шкафчиках теснились стаканы самых разных форм и размеров.

“Так вот как мусульмане соблюдают исламские запреты на спиртные напитки!” – подумал Дмитрий.

Слева от него раздался приглушенный всхлип, и Дмитрий резко обернулся, одновременно нажимая на спусковой крючок “Калашникова”.

Тела двух человек, сплетенные в крепких объятиях, вывалились из-за стойки и растянулись на полу. Дмитрий осторожно приблизился и наклонился над ними. Перед ним лежали президент Амин и молодая смуглая девушка – вероятно, его любовница.

Дмитрий выпрямился, часто и неглубоко дыша. Лицо его горело, а по лбу стекал пот. Он шагнул к бару и налил себе большой стакан коньяка. Задание было выполнено.

На следующее утро советский ставленник Бабрак Кармаль был избран Председателем революционного совета Демократической Республики Афганистан, а еще через день он обратился к Советскому Союзу с просьбой об оказании его стране военной помощи.

На скромной церемонии в Москве Дмитрию Морозову было присвоено звание полковника.

После афганского удара Дмитрия направили в Балашиху готовить боевиков Организации Освобождения Палестины. Арабов он не любил, однако палестинцев тренировал со рвением, считая, что таким образом он, пусть не непосредственно, но борется с ненавистными евреями. Особенно он ненавидел государство Израиль, хотя не мог не признать, что оно обладает мощными вооруженными силами и превосходной разведкой. Впрочем, Дмитрий считал, что евреи всегда были хорошими шпионами, и все из-за их коварной, подлой натуры.

Ранней осенью Дмитрий снова вернулся в штаб-квартиру Тринадцатого отдела. По приказу Октября он без особого желания продемонстрировал лабораторию ядов четырем гостям из Болгарии. Лаборатория теперь находилась в их ведении; став руководителем Тринадцатого отдела.

Октябрь тут же взял разработку отравляющих веществ под свое крыло.

Дмитрий провел болгар в подземные помещения, где было установлено лабораторное оборудование. Ученые бесшумно сновали между гостями – разговаривать с иностранцами им не разрешалось. Некоторых из них Дмитрий знал по именам, в том числе и похожего на лысого гнома старика со сморщенным лицом и светлыми голубыми глазами. Октябрь всерьез утверждал, что это ему первому пришла в голову идея создания газовых камер.

Когда экскурсия была закончена, болгарские товарищи смогли точно указать, что им нужно, и Дмитрию ничего не оставалось, кроме как подчиниться; таков был приказ Октября. Почти с сожалением он выпустил из рук последнее достижение секретной лаборатории – полудюжину крошечных ядовитых пулек, которые бесшумно выстреливались устройством, внешне похожим на обыкновенный зонтик. Впоследствии именно при помощи этого

“зонтика” болгары расправились с двумя своими диссидентами в Западной Европе.

В 1981 году Дмитрий работал в Варшаве, консультируя верхушку польской армии по вопросам стратегии и тактики военных переворотов и введению военного положения. В Кремле полагали, что это – лучший способ обуздать набирающее силу движение “Солидарность”. Дмитрий же придерживался иного мнения. Он считал, что польским спецслужбам стоит только убрать Леха Валенсу и других лидеров “Солидарности”, и обезглавленное движение мгновенно распадется само. Поляки же опасались, что подобный шаг может послужить причиной еще более сильного возмущения.

Вернувшись в Москву, Дмитрий снова серьезно разошелся во мнениях с Октябрем. За все время их сотрудничества это была их самая серьезная стычка. Октябрь требовал, чтобы оперативная группа Дмитрия организовала ликвидацию папы Иоанна Павла II, чье польское происхождение и убийственно точно сформулированные заявления представляли серьезную угрозу государственному устройству Польши. Дмитрий отказался.

– Сделать это в наших силах, – сказал он, – однако если когда-нибудь станет известно, что Советский Союз подготовил убийство папы римского, политические последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Оба они, так ни до чего и не договорившись, представили свои соображения на секретном заседании Политбюро, которое поддержало точку зрения Дмитрия. Разработка и осуществление покушения на жизнь папы Иоанна было поручено турецкому террористу Мехмету Али Агдже, с которым контактировали болгарские спецслужбы. Все нити, которые могли бы привести к КГБ, были тщательно перерезаны.

Летом того же года в Риме, на площади Святого Петра, Агджа сумел приблизиться к открытому автомобилю папы, произвести выстрел и ранить его в живот.

Папе римскому чудом удалось выжить. Личность покушавшегося в конце концов была установлена и предана гласности. Именно после этого бывший председатель КГБ Юрий Андропов, ныне же – один из руководителей партии и член Политбюро, пригласил Дмитрия Морозова в свой кабинет в Кремле и тепло поблагодарил за настойчивость и дальновидность. Дмитрий понял, что теперь опала Октября стала вопросом ближайшего времени.

После смерти Брежнева в ноябре 1982 года Андропов стал новым Генеральным секретарем ЦК КПСС, официальным главой Советского государства. Через несколько недель Октябрю было приказано подать в отставку. В тридцать два года Дмитрий стал самым молодым руководителем за всю историю “Управления мокрых дел”.

По традиции, заложенной Октябрем, отдел оставался как бы самостоятельным, независимым от Московского центра. Дмитрий даже отказался перенести свою штаб-квартиру в Ясенево, где были сосредоточены все остальные подразделения Первого Главного управления. Тринадцатый отдел остался в своей мрачной усадьбе, недоступный для внешнего мира,

суверенный, как независимое средневековое княжество.

Новая должность Дмитрия давала ему новые, совершенно фантастические привилегии. Ему выделили огромную квартиру на Кутузовском проспекте, в том же шикарном доме, где жил Андропов. В квартире были бар и кладовая, в которой не переводились дефицитные продукты. Его постоянно обслуживали повар и экономка. Кроме этого, Дмитрий получил дачу в Подмосковье и новенькую “Волгу” с личным шофером. Теперь ему был открыт доступ в магазины и клубы, которыми имели право пользоваться только самые высокопоставленные представители партийной номенклатуры. Сирота из детского приюта, который когда-то воровал объедки, чтобы выжить, пробился на самый верх.

Сам сирота, однако, почему-то не радовался наступившему благополучию. Он отказался отдачи и квартиры, ибо в последнее время в нем возобладала склонность к аскетичной и простой жизни. Дмитрий не любил компанию и почти никогда не посещал официальные обеды и приемы. Он одевался только в черное, носил грубую рубашку с тесным застегивающимся воротом, черный ремень и черные ботинки, а под пиджаком всегда прятал кобуру с пистолетом. Все больше и больше он становился похож на своего наставника и учителя, на Октября. И, как Октябрь, он работал в основном по ночам.

Ни музыка, ни искусство его не интересовали. Даже в свою старую квартиру он возвращался не часто, превратив бывшее логово Октября в место своего постоянного обитания. Ел Дмитрий мало, предпочитая самую простую пищу, и от этого тело его как-то высохло, щеки ввалились, а волосы потускнели и начали седеть. Черты лица его заострились и стали более угловатыми, похожий на птичий клюв нос резко выдавался вперед, губы поблекли, румянец исчез, и только в глазах мерцал беспокойный, живой огонек.

Красота его изможденного лица по-прежнему привлекала женщин, которых не обескураживали ни его бесцеремонность, ни его безразличие. Он использовал их для того, чтобы удовлетворить свои плотские желания, а потом, словно моллюск, снова отступал в свою черную раковину. Ни на какое более глубокое чувства он был просто не способен; со смертью Татьяны что-то внутри его сломалось и ушло. Да и что он мог дать другому человеческому существу, особенно женщине? Ничего, кроме суровой жизни с холодным и аскетичным человеком, полностью отдающимся своим секретным операциям и планам. Единственной “роскошью”, которую Дмитрий себе позволял, были дешевые сигареты без фильтра и редкий бокал коньяка. И, конечно, его редкостная коллекция старинного оружия, которой он уделял особое внимание.

Коллеги Дмитрия могли критиковать и даже высмеивать его необычное поведение и странные вкусы, они могли смеяться за его спиной и называть его “октябрьским ублюдком”, однако ни один из них не мог отрицать, что Дмитрий был самым убежденным и преданным делу из всех руководителей управлений и отделов ПГУ.

Дмитрий стал начальником Тринадцатого отдела в те времена, когда над Кремлем задули холодные ветры войны. Приход к власти в США Рональда Рейгана породил в КГБ боязнь неожиданного ядерного удара – Дмитрий-то

полагал, что это чистой воды паранойя. Тем не менее выступления американского президента, касающиеся “империи зла”, как и его решение поддержать программу стратегической оборонной инициативы, лишь укрепили подозрения госбезопасности. Комитет был мобилизован на выполнение широкомасштабной секретной операции под кодовым названием “РЯН” – что было акронимом термина “ракетно-ядерное нападение”. Дмитрий получил задание провести несколько операций против американских ученых, связанных с проектом “Звездных войн”.

Дмитрий считал это рискованным мероприятием, способным спровоцировать самые необдуманные действия американской стороны, однако на самом деле “РЯН”, Афганистан, Польша и “Звездные войны” были для него всего лишь этапами в суровой и бескомпромиссной борьбе, которая занимала его целиком, выигранными очками в смертельной игре, которую он вел со своим братом.

Примерно через год после того, как Дмитрий взял в свои руки руководство Тринадцатым отделом, он отправился в маленькую заброшенную деревню, куда, выйдя на пенсию, удалился Октябрь. Дом бывшего шефа “Управления мокрых дел” стоял на высоком берегу реки Клязьмы, к северо-востоку от Владимира, и представлял собой приземистую постройку из почерневших от времени бревен.

Был холодный ветреный день, серое небо грозило дождем. Октябрь, одетый в выцветшую коричневую рубашку навывпуск, мешковатые штаны и потрескавшиеся башмаки, возился на заднем дворе, вскапывая грядки. Всем своим обликом – согнуть™ в поясе высохшим телом и седыми волосами, поминутно падавшими ему на лоб, – он напомнил Дмитрию крепостного крестьянина. Его склонившаяся фигура могла бы служить символом долготерпения русских крестьян, их векового почитания земли-кормилицы и покорности перед капризами и причудами господ. Впрочем, с тех пор мало что изменилось.

– Растишь свою капусту. Октябрь? – сухо осведомился Дмитрий.

Октябрь бросил на него взгляд исподлобья и продолжил рыхлить влажную почву.

– Я хочу, чтобы ты вернулся вместе со мной в Москву, – продолжил Дмитрий. – В качестве моего личного советника.

Октябрь выпрямился и устало оперся на тяпку.

– Я тебе не нужен! – резко сказал он. – Ты отнял у меня мою работу, отнял мой отдел... Чего же еще ты хочешь?

– Честно говоря, – признался Дмитрий, – я не слишком высокого мнения о твоих политических прогнозах, однако дьявольский извращенный мозг спятившего чекиста может мне пригодиться.

Октябрь посмотрел на него своими пронзительными глазами.

– Я нужен тебе, чтобы поквитаться с братом?

“Ты нужен мне для меня самого, – подумал Дмитрий.

– Ты мой единственный друг. Кроме тебя, у меня никого нет”.

Пожав плечами, Дмитрий отвернулся. На юге, за бескрайними нивами,

возвышалась древняя Боголюбовская церковь.

– Знаешь, я здесь родился, – неожиданно сказал Октябрь, и Дмитрий удивленно уставился на него. Он почти ничего не знал о прошлом своего учителя, не считая слухов, циркулирующих по коридорам Московского центра. Говорили, что в юности Октябрь был настоящим фанатиком своего дела. Говорили, что он добился расстрела собственной жены за уклонизм и что вся его семья сгинула в сталинских ГУЛагах. Некоторые утверждали, что Октябрь – сын священника и что, страшась, как бы правда не открылась, он сам расправился со своей семьей. В этом не было ничего невероятного – коммунистический режим видел в религии своего злейшего врага, и связи Октября со священнослужителями могли стоить жизни ему самому.

– У тебя была большая семья? – осторожно спросил Дмитрий.

Октябрь наклонился; подобрал ком земли и раздавил его между пальцами.

– Все они ушли. Никого не осталось.

– А жена? Дети?

– Никого... – повторил Октябрь.

– Что с ними случилось? Они погибли? Октябрь вытер рукавом бледный лоб.

– Пойдем перекусим.

Они в молчании пообедали отварной картошкой с вареными сосисками и черным хлебом. Октябрь выставил на стол полбутылки водки, но ни тот, ни другой не притронулись к ней. После еды они вышли на высокий берег, откуда хорошо была видна мутная вода реки внизу. Сильное течение несло обломанные ветки, вывороченные с корнем кусты и бревна. Весенний паводок, вызванный не только таянием снега, но и обильными дождями, смыл все это с берегов, и посевы на них только-только взошли.

Несколько тяжелых дождевых капель упали на лицо Дмитрия, и он быстро взглянул на Октября. Его острый профиль напомнил Дмитрию сурового индейского вождя, фотографию, которую он когда-то видел в журнале “Огонек”. У Октября были такие же высокие обветренные скулы, жестокий хищный рот и спутанные длинные волосы.

“Мы с ним очень похожи, – вдруг подумал Дмитрий. – Мы оба одинокие люди, у которых не осталось ничего, кроме работы”.

– Достал он тебя, как я погляжу, – промолвил Октябрь.

– Кто?

– Твой брат. Без него тебе уже и жизнь не мила. Кстати, Дмитрий, любовь и ненависть очень похожи. Ненависть связала вас, быть может, даже крепче, чем любовь. Ваша война сделала вас неразлучными, – на губах старика появилась дерзкая, вызывающая улыбка.

– В прошлом месяце жена родила ему сына, – заметил Дмитрий. – Они назвали его Виктором.

Октябрь сорвал травинку и теперь задумчиво жевал ее.

– Что ты скажешь о Горбачеве? – спросил он неожиданно.

Михаил Горбачев стал новым руководителем Советского Союза несколько месяцев назад.

Дмитрий внимательно посмотрел на Октября и сказал напрямик:

– Это катастрофа. Его необходимо убрать. Октябрь слегка приподнял брови.

– Кто же его уберет? Партия? КГБ?

– Может быть, и кое-кто из КГБ, – осторожно заметил Дмитрий. – Ты поедешь со мной, Октябрь? Ты мне очень нужен.

Дождь настиг их у излучины реки. Они возвращались Домой под яростным ливнем, вода текла по их лицам и насквозь промочила одежду. Бежать не имело смысла – они были слишком далеко от дома.

Когда они наконец, промокшие и грязные, добрались до покосившейся избы Октября, Дмитрий повторил свой вопрос. Вокруг было темно как ночью, слабый свет дня едва просачивался сквозь плотные грозовые тучи.

– Ну что же, – сказал Октябрь, жестом указывая на расстилающиеся вокруг поля. – Я всегда мечтал жить в деревне. Возможно, мечтой это и должно остаться...

На следующее утро они вместе уехали в Москву.

* * *

Октябрь был единственным, кого Дмитрий посвятил в свой секрет, и единственным, кто принимал самое активное участие в подготовке его действий против Алекса Гордона. Казалось, он получал подлинное наслаждение, выдумывая все более безжалостные и коварные тактические ходы в войне двух братьев. Именно Октябрь придумал план, как поставить под удар Нину Крамер.

– Твой брат очень чувствителен и эмоционален, – поучал Октябрь. – Он предан своей семье, он любит свою дочь и свою тетку. Возможно, и в Союзе у него остались какие-то дальние родственники. Причини им вред, и ты причинишь вред Алексу. Каждый раз, когда ты будешь наносить удар по одному из них, твой братец будет вскрикивать от боли, как если бы ты колот булавками его глиняное подобие.

И Октябрь был прав. Скандал, связанный с Ниной Крамер, и ее смерть нанесли Алексу сильный и болезненный удар. Его эмоциональные связи с родственниками, несомненно, были его слабыми местами, зияющими щелями в его броне. И все же была еще одна причина, заставившая Дмитрия охотиться за семьей брата: у этого проклятого негодяя была семья!

Всю жизнь рядом с ним была его Нина, которая любила только его одного, у него была жена, Клаудия, которая выглядела сногшибательно даже на фотографиях, присланных Дмитрию из Вашингтона его людьми. Наконец, у Алекса была его милая маленькая дочурка, а теперь еще и новорожденный сын.

Дмитрий никогда не говорил этого даже Октябрю, но в глубине души он отчаянно завидовал тому, что Алекс окружен любящими его домашними, что он имеет настоящую семью. Дмитрий же, словно волк-одиночка, был всего этого лишен. Алекс похитил единственную женщину, которая была дорога Дмитрию. Теперь он мог только мстить, и смерть Нины Крамер была всего

лишь прелюдией его мести. В недалеком будущем Дмитрий готовился нанести другие, столь же жестокие удары.

Это, однако, было довольно сложным делом. Алекс наверняка предвидел, что после смерти Нины Дмитрий попытается начать охоту за Клаудией и детьми, и принял меры к тому, чтобы защитить всех троих. Сотрудники Дмитрия докладывали ему из Вашингтона, что Клаудию и детей постоянно сопровождают вооруженные телохранители.

Тогда Дмитрий попытался разыскать других членов семьи Алекса, оставшихся в России. У Тони был в Ленинграде брат, профессор Гордон, но он давно умер. Тогда Дмитрий припомнил, как еще в Париже Алекс настойчиво расспрашивал о семье Виктора Вульфа. Казалось, он решительно настроен отыскать родственников своего отца.

“Прекрасно! – подумал Дмитрий. – С этого и начнем”. Он был бы рад помочь Алексу отыскать своих двоюродных братьев и сестер, теток и дядьев. Дмитрий уже представлял себе, как он поступит с этой жидовской семейкой и какое удовольствие он доставит братцу. Ивану Середе, своему порученцу, он приказал разыскать в архивах и доставить ему дело на Виктора Вульфа. Если у него остались родственники, то их имена должны быть в деле. КГБ во все времена использовал родственников, чтобы шантажировать и давить на свои жертвы.

Пока Середа вел поиски, Дмитрий решил прибегнуть к более испытанным средствам. После того как ему не удалось прикончить Алекса в Париже, он с не меньшей решимостью направил свои усилия на то, чтобы в тайной войне КГБ и ЦРУ побеждать брата, срывать его операции и подрывать к нему доверие начальства.

То же самое проделывал по отношению к нему Алекс. После смерти Нины он подготовил и провел эффектную контратаку, сорвав планы КГБ, направленные на убийство президента Мексики Гомеса Диаса. Покушение было предотвращено в последний момент, и ходили слухи, что один из заговорщиков неожиданно перебежал на сторону Противника незадолго до попытки убийства.

На самом деле все обстояло несколько иначе. Алекс, узнав, что Дмитрий посетил Мехико за неделю до планируемого покушения, разработал план, согласно которому именно Дмитрий должен был предстать в роли предателя-перебежчика. Октябрь сумел узнать, что этот коварный еврей – его брат – разместил в швейцарских банках несколько крупных денежных сумм на имя Дмитрия Морозова, а затем сфабриковал несколько подложных документов, которые указывали на Дмитрия, как на главного информатора ЦРУ. Организовать утечку этой информации было лишь делом техники. В результате две разведсети КГБ в Мехико-Сити были разгромлены, их участники арестованы, а неблагоприятная роль советского посольства в этой стране, изрядно приукрашенная, была широко освещена в мировой прессе. Все источники, однако, дружно указывали на то, что начальник Тринадцатого отдела КГБ – агент-“перевертыш”.

КГБ ответил на это созданием внутренней следственной комиссии, которая

взяла Дмитрия в оборот. На протяжении первых двух недель свидетельства против него накапливались на рабочих столах комиссии с угрожающей быстротой. Дмитрий чувствовал, что его карьера и сама жизнь повисли на волоске.

Но вскоре маятник качнулся в обратную сторону. Комиссия не могла не принять во внимание его безупречный послужной список и важный пост, занимаемый Дмитрием в иерархии Московского центра. Поручительство Октября, который вернулся из запаса, чтобы работать вместе с Морозовым, помогло Дмитрию убедить комиссию в том, что он был подставлен ЦРУ.

– Твой братец пытается отплатить тебе за смерть Нины, – сказал ему в ту ночь Октябрь. – Ну что же, давай играть по его правилам.

– Как это сделать, Октябрь?

– Некоторое время не приходи в свой кабинет. Не возвращайся домой. Спрячься, исчезни, уйди на дно и заройся в ил. Пусть думает, что он зацепил тебя, пусть думает, что ты в тюрьме, может быть, даже расстрелян. Алекс успокоится и будет почивать на лаврах – вот тогда-то мы и нанесем ответный удар.

И вот фамилия Морозова исчезла из всех сообщений московского отделения ЦРУ. Своим внезапным исчезновением Дмитрий давал своему брату понять, что он выиграл. Алекс Гордон успокоился и углубился в поиск развединформации для афганских моджахедов.

– Превосходно, – сказал Октябрь, узнав об этом. – Пусть он побеждает, нам только этого и надо.

15 марта 1985 года в скалистом ущелье на территории Афганистана разведгруппа непримиримой оппозиции обнаружила остатки советского военно-транспортного самолета Ад-24, сбитого при помощи ракеты “Стингер” другим партизанским подразделением. Среди обломков им попался на глаза негораемый дипломат, набитый документами, которые в скором времени оказались в Вашингтоне на рабочем столе Алекса Гордона. Большинство документов касалось маршрутов снабжения советских войск перед летним наступлением на отряды оппозиции, а также деталей боевой операции по окружению крупной группировки афганских партизан в пустынных районах к юго-западу от Кандагара. Алекс лично вылетел в Карачи, пересек афганскую границу и передал эту ценнейшую информацию полевым командирам формирований оппозиции, которые начали готовиться к отпору.

Совершенно неожиданно, за месяц до назначенного срока, советские войска начали широкомасштабное наступление, придерживаясь при этом совершенно иного плана. Вместо Кандагара они обрушились на Зибак, расположенный в неприступных горах в трехстах километрах к северу, возле самой границы с Пакистаном. Повстанцы потерпели сокрушительное поражение, а Алекс был в бешенстве. Через неделю после начала советского наступления в Афганистане он получил открытку из Брюсселя, на которой была изображена статуя писающего мальчика – символ города. На открытке было написано: “Не верь добрым новостям, если узнаешь их 15 марта”.

15 марта – это был день смерти Татьяны.

– Хотел бы я видеть лицо Алекса, – сказал Дмитрий Октябрю, – когда он понял, что это я подсунул ему фальшивые документы.

– А я хотел бы взглянуть, какое у тебя будет лицо сейчас, – возразил Октябрь, доставая из кейса прямоугольный конверт.

Дмитрий остро посмотрел на него, и Октябрь бросил на стол несколько фотографий.

– Это прибыло сегодня дипломатической почтой из Вашингтона.

Дмитрий внимательно просмотрел фотографии. Среди собравшихся в переполненном ресторане людей он узнал лицо своего брата. Рядом с ним стоял или сидел пожилой полноватый человек, лицо которого показалось Дмитрию смутно знакомым. Он вопросительно взглянул на старика.

– Вспомнил Сент-Клера? – кивнул ему Октябрь.

– Сент-Клера? Ты хочешь сказать... Гримальди?

Октябрь еще раз кивнул.

– После своего бегства из Москвы... двенадцать лет назад, он пропал. Мы считали, что он уволился со службы. Но мы ошиблись. Нынче он – директор советского отдела в ЦРУ.

– Директор... – эхом повторил Дмитрий.

– Он – фактический начальник Алекса Гордона, – подтвердил Октябрь.

– Слава тебе, господи... – хрипло пробормотал Дмитрий, и по лицу его расплылась широкая улыбка. – Сегодня мой день, Октябрь! Мы можем использовать его в наших интересах!

С этими словами Дмитрий сорвал трубку телефона и вызвал Середу. В его голосе звучали нотки сдерживаемого торжества.

– Ваня, – сказал он низкорослому, жилистому украинцу, – свяжись с центром электронной разведки ГРУ в Алма-Ате. Мне нужно поговорить с их командиром.

* * *

Гримальди с бокалом шампанского в руке осторожно пробирался сквозь толпу. Вечеринка Гордонов привлекла около пяти десятков гостей, в основном сотрудников их фирмы. Лишь немногие принадлежали к иным разведывательным организациям и разветвлениям Государственного департамента.

Клаудию он обнаружил неподалеку от ее картин, возле акварели, на которой были изображены две женщины на пляже. Контуры их изящных тел были едва намечены светом и окружены фоном, образованным мазками черного, серого и бледно-голубого. Клаудия была в бутылочного цвета платье с глубоким вырезом, которое подчеркивало ее смуглую красоту. Одна ее рука была занята маленьким Виктором, а в другой она держала бокал виски, одновременно объясняя что-то заместителю начальника департамента планирования секретных операций Руди Салливану и его раздобревшей светловолосой супруге, которая выглядела лет на пять старше него.

– Привет, Клаудия! – поздоровался Гримальди.

– Хэлло, Франко, – отозвалась Клаудия, но ее улыбке не хватало сердечности.

Она всегда недолюбливала его. Гримальди подозревал, что она не может простить ему той роли, которую он сыграл в увлечении Алекса Татьяной. Он видел Алекса вместе с ней и видел вместе с Татьяной; он знал, что тогда она была для Алекса на втором месте. Клаудия никак не могла забыть этого, она была ревнивой и гордой женщиной.

Но зато какой женщиной! Гримальди она напоминала тигрицу, грациозную, бесстрашную хищницу, преданную своему супругу и готовую клыками и когтями защищать то, что принадлежит ей.

Руди и его старуха промямлили что-то о великолепном вечере, поблагодарили Клаудию и затерялись в толпе. Клаудия повернулась к нему.

– Ты выглядишь сногшибательно, – сказал Гримальди.

– Ты тоже неплохо. К тому же мне нравится твой вельветовый пиджак. Никто даже не догадывается, что ты собрался на покой.

В ее темных глазах Гримальди заметил искорку торжества. Она была рада тому, что Гримальди исчезнет из ее и Алекса жизни.

– Ну, нельзя сказать, что я ухожу насовсем. Еще некоторое время я останусь при отделе в качестве консультанта.

– Кто это сказал? – с вызовом переспросила Клаудия.

“По крайней мере она не лицемерит и не лжет”, – подумал не без удовольствия Гримальди.

– Алекс сказал, – объяснил он спокойно. – Он считает, что не сможет без меня справиться с отделом. В конце концов, это истинная правда.

– Все тот же старый, скромный Гримальди, – с сарказмом в голосе заметила Клаудия.

– Мамочка! Мама! – рядом с ними появилась маленькая Тоня. Ее прелестное личико горело от возбуждения. – Можно нам с Ронни немного поесть мороженого?

Из-за ее плеча высунулась озорная мальчишеская рожица.

– О’кей, – кивнула Клаудия и пояснила: – Ронни – сын моего брата.

– Мороженое в морозильнике. Только возьмите Виктора с собой на кухню – ему довольно скучно здесь, со взрослыми.

– Ну мамочка, он же все испортит! – заныла Тоня.

– Не желаю больше слышать, как ты говоришь о своем брате в таком тоне, – негромко, но твердо сказала Клаудия и заставила дочь взять малыша за руку. – Марш отсюда!

Маленькая Тоня удрученно пожала плечами и поволокла младшего брата за собой в кухню. Виктор покорно ковылял за ней следом, меланхолично ковыряя в носу. У дверей комнаты он неожиданно обернулся, улыбнулся матери и махнул ей рукой.

– Я еще не поздравил тебя официально, – Гримальди приподнял свое шампанское и заговорил торжественным голосом: – За нового шефа советского отдела и за его прекрасную половину! Поздравляю!

– Спасибо, – рассеянно кивнула Клаудия, опустошая бокал.

– Надеюсь, ты довольна тем, как быстро он продвигается по службе, – заметил Гримальди. – Я получил это место в пятьдесят восемь, а Алексу едва исполнилось тридцать семь.

– Да, – сказала Клаудия без воодушевления. – Теперь я буду видеть его еще реже, чем раньше. Великолепно, не так ли?

Горечь, прозвучавшая в ее голосе, удивила Гримальди.

– По крайней мере у тебя будет больше времени на рисование, – попытался подбодрить он ее. Клаудия покачала головой.

– Не время мне нужно, а душевное спокойствие, – она сняла еще одну порцию виски с подноса проходившего мимо официанта. – Я решила вернуться к разработке моделей одежды.

Проходивший мимо рослый седоголовый красавец, властно обнявший за плечи ослепительную блондинку, приподнял свой бокал:

– Поздравляю, Клаудия. Достойному человеку – достойное место.

– Спасибо, Ирв, – вздохнула Клаудия с фальшивой улыбкой на лице.

Гримальди пристально посмотрел на нее.

– Возвращаешься к моделированию одежды? – повторил он. – Стало быть, ты снова начнешь ездить по стране?

– Возможно. Алексу это безразлично. Он и так не часто видит меня. – Ее губы слегка скривились.

Прежде чем отойти, Гримальди обратил внимание на то, что бокал Клаудии снова пуст и что взглядом она уже разыскивает следующий. Он знал, что еще до того, как вечеринка закончится, Клаудия напьется. Она была в плохой форме, и ее семья разваливалась. В Лэнгли сплетничали, что Алекс и Клаудия затеяли второго ребенка, чтобы спасти свой брак, однако эта уловка не сработала.

И Гримальди не мог обвинить в этом ее. Клаудия была страстной женщиной, которая остро нуждалась в постоянном внимании, а Алекс почти не бывал дома. Когда же он все-таки оказывался в своих четырех стенах, мысли его продолжал где-то блуждать, и Клаудия не могла этого не чувствовать. Он был так поглощен своими планами, так занят своим крестовым походом против Дмитрия Морозова, что все остальное не имело для него почти никакого значения. Гримальди не удивился бы, если бы Клаудия нашла себе кого-нибудь на стороне. Красивая, страстная, она возбуждала желания многих и могла без труда заполучить любого мужчину. Мысль о том, что молодость и красота безвозвратно уходят в ожидании мужа, который едва замечает ее, должна была сводить Клаудию с ума.

Гримальди увидел Алекса, который серьезно беседовал о чем-то с заместителем директора ЦРУ, и помахал ему рукой. Алекс выглядел очень спокойным и импозантным в своем темном костюме, полосатой рубашке и модном галстуке. Отзывчивый, романтичный юноша, которого Гримальди встретил на борту направляющегося в Париж самолета, вырос и превратился в уверенного, красивого и сильного мужчину. Вот только где-то по дороге он растерял свою нежность и душевную теплоту...

Гримальди отставил свой недопитый бокал и вышел на заднее крыльцо.

Ему очень хотелось курить, однако в последнее время в свободном западном мире на курильщиков стали смотреть как на прокаженных. Гримальди поэтому предпочел лучше подхватить простуду, чем закурить в гостинной Гордонов и подвергнуться яростным нападкам всех этих сторонников здорового образа жизни, которые немедля возжаждут его крови.

На крыльце никого не было. Гримальди закурил “Корону” и взгляделся в темноту.

“Вот так оно и бывает, Фрэнки, – подумал он с горечью. – Тебе уже шестьдесят шесть, и тебя просят удалиться на покой. Можешь перестать притворяться; тебя выкинули, несмотря на весь этот треп о консультанте и консультациях”.

Гримальди вздохнул и выпустил длинную струйку дыма. Он лучше других знал, что Алекс не нуждается в его помощи. Возможно, он иногда и швырнет ему кость из жалости, однако Гримальди чувствовал, что и Алекс не любит его. Возможно, он винил его в смерти Татьяны, хотя они ни разу не разговаривали об этом. Хорошо хоть он не заподозрил, что именно Гримальди навел Морозова на их след. Морозов, в свою очередь, тоже никогда не узнает, кто информировал его о месте, где скрывалась Татьяна. Тот звонок из телефонной будки в Брюсселе был его тайной, которую он заберет с собой в могилу.

И все же он ни о чем не сожалел. Именно после гибели девчонки Алекс упал в его подставленные ладони как переспелый плод. Телефонный звонок Морозову был блистательным ходом, озарением, которое позволило Гримальди натравить братьев друг на друга и уже одиннадцать лет наслаждаться волнующей, полной интересных приключений жизнью. Именно этой войне Гримальди был обязан своим вознесением почти на самую верхнюю ступень иерархической лестницы. Он не ошибся, поставив на Алекса Гордона. Идея заставить его пойти войной на своего же брата была достойной гения.

От близкой реки потянуло прохладой. “Что мне теперь делать? – в приступе неожиданной паники подумал Гримальди. – Что мне делать завтра, на следующей неделе?” Вне фирмы у него не было никакой другой жизни. У него не было никого, с кем он мог бы поделиться своим горем, своей болью и своими чувствами.

Ему не с кем было даже разделить свою постель. За прошедшие годы у него было множество любовников, но все это были очень короткие эпизоды, простые однодневные остановки в Нью-Йорке, где он мог подцепить смазливового паренька в баре для геев. Однако теперь, с распространением СПИДа, Гримальди не мог позволить себе рисковать. Да и его половые способности стали понемногу иссыхать, а это означало, что он действительно стареет, несмотря на свои крашенные волосы и усы.

При мысли о тусклых годах, которые он проведет в своей пустой квартире в ожидании вызова из Лэнгли, которого – он знал – ему не дожидаться, Гримальди затрясло. Возможно, ему придется уступить и купить себе владение во Флориде с неизбежным гарниром – шаффлборд⁵ до обеда, ранние ужины,

⁵ Игра, в которой монеты и металлические диски щелчком передвигают по разделенной на девять клеток

после которых он будет отправляться в постель с курами, неуверенные заплывы в огромном бассейне. И конечно – никуда от этого не деться – его ждут скучнейшие разговоры с коричневыми от загара иссохшими стариками в ярких гавайских шортах, озабоченными своим пищеварением, которые вместе с ним будут греть на солнышке свои древние кости и терпеливо ждать смерти.

Гримальди чувствовал, как начинает сходить с ума. Он отшвырнул свою сигару и вернулся в дом. Огромными шагами он пересек гостиную и покинул жилище Гордонов, не попрощавшись ни с гостями, ни с хозяевами. Вздрагивая от прохладного осеннего воздуха, он быстро прошел к своей машине.

Отперев дверцу, он широко распахнул ее, но свет в салоне не вспыхнул. Тогда Гримальди наклонился и заглянул внутрь, тихо проклиная аккумуляторы. На пассажирском сиденье он увидел неподвижную темную фигуру.

– Привет, Франко, – произнес во тьме знакомый и такой любимый голос.

Гримальди почувствовал, как сердце его подпрыгнуло.

– Не включай свет. Ты ведь знаешь, как мне нравится уютная темнота автомобилей.

– Олег?! – ахнул Гримальди. – Это ты?

Вскоре после полуночи в дверь номера 132 в мотеле “Скайвэй”, что находится в Роквилле в штате Мериленд, осторожно постучали. Гримальди притушил свет и отпер двери, пропуская внутрь Олега Калинина. Затем он тщательно запер дверь на задвижку и цепочку, проверил на окнах занавески и только потом снова включил свет.

Калинина он приветствовал радостным похлопыванием по плечу; он все еще не был до конца уверен, что все это ему не снится. Его друг, которого он оплакал и похоронил двенадцать лет назад, был рядом с ним, живой и невредимый.

Алекс Гордон поднялся навстречу ему из своего кресла возле змеевидного обогревателя. Он был в джинсах и толстом шерстяном свитере.

– Олег Калинин... Алекс Гордон, – представил их Гримальди, с беспокойством глядя на двух мужчин. Это была его идея – познакомить Олега с новым шефом советского отдела ЦРУ.

Алекс пожал Калинину руку.

– Гримальди много рассказывал мне о вас, – сказал он по-русски. – Я прекрасно осведомлен обо всем, что вы для нас сделали. Признаться честно, я не ожидал когда-нибудь свидеться с вами. Мы считали, что вы погибли.

– Виски? – предложил Гримальди, улыбаясь другу. – Я знаю, ты любишь чистый, со льдом. Калинин улыбнулся в ответ и кивнул.

– А для тебя – охлажденная водка, – предложил Гримальди Алексу.

Отперев мини-бар, он достал напитки, выбрав для себя густой ликер “Бейли”. Затем Гримальди открыл пакет жареного арахиса и положил рядом с Алексом плитку шоколада: он помнил о его слабости.

– Поехали, – сказал он, поднимая свой бокал.

доске. Существует вариант этой игры, популярный в США; там играют деревянными большими дисками, которые палками гоняют по дощатому настилу.

– Будем здоровы, – эхом откликнулся Калинин. Алекс поднял к губам бокал, не отрывая взгляда от лица Олега. Его сдержанность заставила Гримальди почувствовать себя неуютно, и он нервно поправил свой шейный платок.

– Гримальди сказал мне, – медленно проговорил Алекс, – что вы приехали в Соединенные Штаты в составе советской делегации, которая будет принимать участие в конгрессе по космическим проблемам...

– Четвертый международный конгресс астрофизиков, – поправил его Калинин.

Гримальди подумал про себя, что Олег не сильно изменился. Он видел ту же улыбку, слышал тот же уверенный голос. Только лицо потемнело от загара, да расплылась некогда тонкая талия. Несмотря на это последнее обстоятельство, Калинин выглядел очень представительно в своем элегантном сером костюме, светло-голубой рубашке и темно-синем шелковом галстуке.

– Каково ваше положение в составе делегации? – задал Алекс свой первый вопрос.

– Помощник директора-распорядителя.

– А какие функции вы исполняете на самом деле? Калинин пожал плечами.

– Я – генерал-майор Главного разведывательного управления...

– Генерал? – восторженно воскликнул Гримальди. – Прими поздравления!

Он приподнял свою рюмку с ликером, и Олег ответил ему улыбкой. Алекс остался бесстрастным.

– Моя область, – продолжал Калинин, – это электронная разведка, и меня интересуют все сведения и документы, касающиеся спутников. Спутники слежения, фотографирование из космоса, сигналы телекоммуникационной связи и все такое...

Гримальди в изумлении уставился на него. Когда они встретились в его машине, Олег ни слова не сказал ему о своих новых функциях. Он только попросил Гримальди организовать ему срочную встречу, так как на следующее утро должен был уже уехать из Вашингтона.

Алекс сидел на краешке своего кресла совершенно прямо, сосредоточенно и внимательно глядя на собеседника.

– Когда двенадцать лет назад Гримальди бежал из Москвы, вас разыскивали, КГБ охотился за вами по всей стране. Теперь же вы появляетесь здесь в генеральском звании, в качестве эксперта по электронной разведке. Расскажите мне о вашем возвращении, Панама.

При упоминании своего псевдонима Калинин снова улыбнулся.

– Действительно, за мной охотились, но это был не Комитет. Был там один молодой офицер Морозов...

Гримальди посмотрел на Алекса и увидел, как тот стиснул челюсти.

– Он случайно наткнулся на мои связи с Гримальди, – продолжал Калинин. – Как вы знаете, в Москве Франко называл себя Сент-Клером.

Алекс кивнул, пригубив свою водку.

– У него, однако, не было против меня ничего весомого, одни подозрения. Мы снова столкнулись с ним в Париже, а затем он ринулся за Гримальди в

Москву. Я посоветовал Франко немедленно уехать, а сам затаился, выжидая, пока мне представится возможность связаться с руководителями Морозова. В конце концов мне удалось встретиться с непосредственным начальником Морозова, руководителем Тринадцатого отдела...

– С Октябрем? – быстро спросил Алекс, что-то аккуратно записывая в желтом блокноте.

– Да, с ним, – Калинин откинулся на спинку кресла. – Я знаю его еще с войны. Мне удалось убедить его в своей невинности. Он стоял как скала и фактически спас мою жизнь. Морозов добился, чтобы я предстал перед внутренним трибуналом КГБ, а пока шло следствие, я несколько месяцев находился в тюрьме.

– Морозов пытал тебя? – быстро спросил Гримальди.

– Это был не пикник с девчонками, – холодно ответил Калинин. – Сам Морозов почти все время был за границей, и всю грязную работу за него выполняли его подручные. Хорошо, что Октябрь поручился за меня, благодаря его свидетельству меня выпустили и восстановили в правах.

– Когда это произошло? – Алекс посмотрел на Калинина, запрокинув назад голову, и его глаза подозрительно сузились.

– Франко бежал из Союза в феврале семьдесят четвертого. Меня арестовали в апреле, а выпустили в феврале следующего года.

– Вы провели десять месяцев в тюрьме на Лубянке?

– Нет. Морозов держал меня в одиночной камере в Лефортово. Это на юго-востоке Москвы.

– Я знаю, где находится Лефортово, – сказал Алекс и снова что-то нацарапал в своем блокноте. – Из того, что вы мне сказали, – резюмировал он, – я понял, что Гримальди – я имею в виду Сент-Клера – тоже реабилитирован.

– Да, целиком и полностью. Его ни в чем не подозревают. Он представлял в СССР уважаемую канадскую фирму и вынужден был срочно вернуться на родину из-за болезни и смерти матери, вот и все.

– А вы? – спросил Алекс с неожиданной настойчивостью. – Вы полностью оправдались?

– В конце концов меня реабилитировали, – с осторожностью ответил ему Олег. – Однако первое время меня окружало, как бы это выразиться... облако недоверия. Морозов успел распространить слух о моей измене, и Октябрь считал, что мне, пожалуй, было бы лучше всего на время исчезнуть из Москвы туда, где никто не смог бы обвинить меня в том, что я поддерживаю контакты с вражескими агентами.

– Куда вас направили?

– В Казахстан, в Алма-Ату. Я был назначен начальником тамошнего Центра электронной разведки ГРУ. Первого января этого года мне присвоили звание генерал-майора, что означало мою полную реабилитацию. В прошлом месяце я вернулся в Москву, в Научно-технический отдел. За двенадцать лет это моя первая поездка за границу. Впрочем, кроме меня, в советской делегации еще трое представителей КГБ.

Алекс встал и шагнул к мини-бару, чтобы снова наполнить свой бокал.

– Почему все это время вы не выходили с нами на связь и не отвечали на вызовы? Мы искали вас довольно долгое время после вашего исчезновения.

На лице Калинина промелькнула снисходительная усмешка.

– Вы действительно считаете, что с моей стороны это было бы разумно? Я был изгнан, я находился под подозрением, за мной следили, да и Морозов дышал мне в спину... Вы полагаете, что я должен был рискнуть своей жизнью и отправиться на поиски какого-нибудь американского агента, который, кстати, мог быть мне подставлен? – Он потряс головой. – Нет уж, мистер Гордон, мы так не договаривались.

Алекс наклонил голову.

“Молодчина, Олег”, – подумал Гримальди. Алекс Гордон заслуживал именно такого ответа. Даже ирландский ликер в бокале показался ему мягким, бархатистым.

Алекс взял в руки шоколад, но потом передумал и положил его обратно, рядом с собой.

– И по приезде в Вашингтон вы тут же бросились искать Гримальди?

На губах Калинина появилась саркастическая улыбка.

– Я сделал что-нибудь не так, мистер Гордон?

– Можете называть меня Алекс, – холодно сказал он и принялся расхаживать по комнате, заложив за спину руки.

– Итак, вы проследили за Гримальди до моего дома и сели в его машину. Как вы попали внутрь?

– Ожидание в машинах – это его профессия, – заметил Гримальди, и оба рассмеялись.

Алекс неожиданно сменил тему разговора.

– Что вы думаете о вашем Генеральном секретаре? – спросил он.

– О Горбачеве? Пожалуй, он мне нравится. Он не боится мечтать.

– Вы хорошо его знаете?

– Я встречался с ним в семидесятых, когда он был членом Верховного Совета СССР. Позднее он приезжал в Алма-Ату с делегацией Политбюро. Горбачев по-другому мыслит, но некоторые его идеи – перестройка, вывод советских войск из Афганистана – представляются мне чересчур наивными.

– Вы хотите сказать, что он действительно намеревается сделать это? Выведет советские войска из Афганистана?

– Он действительно хочет этого, но ему не продержаться у власти достаточно долго, чтобы успеть сделать это. Страна выходит у него из-под контроля.

– Нам, в Вашингтоне, он не кажется слабым, – возразил Алекс. – Горбачев пробыл Генеральным секретарем всего два года, но он уже достаточно популярен.

– А вы что, знаете какого-нибудь Генерального секретаря, который не был бы популярен? – парировал Калинин. – Откровенно говоря, я удивлен, что Горбачев продержался на своем посту так долго. Попомните мое слово: старая партийная гвардия очень скоро даст ему пинка под зад, может быть, даже до конца этого года. И не один я так считаю: точно так же думают армия и

партийный аппарат.

– Что думают о Горбачеве в КГБ?

– Сначала его приняли хорошо. Теперь чекисты его ненавидят. Морозов мечтает увидеть его мертвым. Генералы КГБ считают, что он покушается на их неограниченные привилегии и власть.

Гримальди закурил сигару и подошел к окну. Слегка раздвинув занавески, он выглянул наружу. Улица за стеклом казалась тихой и спокойной. Два автомобиля ЦРУ, припаркованных напротив входа, казались темными и пустыми, однако в одном из них ему удалось разглядеть тлеющий огонек сигареты. В каждой машине должно было быть по два агента с портативными рациями и пистолетами, которые охраняли вход в мотель.

Взгляд Гримальди скользнул дальше по улице и остановился на абстрактной картине, намалеванной на внешней стене здания компании “Финансы и Кредит”. Внезапно он припомнил, что этот шедевр принадлежит кисти какого-то известного испанского живописца.

Он задернул занавески и отвернулся. Алекс продолжал мерить шагами комнату, задумчиво хмурясь.

– Итак, вы занимаетесь электронной разведкой, – сказал он. – Что вам известно о “жучках”, установленных в американском посольстве в Москве?

– То, что это самая удачная операция Московского центра за последние десять лет, – отозвался Калинин.

“Уж будьте уверены!” – мрачно подумал Гримальди, посасывая свою сигару. Скандал с посольством стал чуть ли не самым громким за всю историю Лэнгли. Два придурка из числа морских пехотинцев, охраняющих американское посольство в Москве, попались в сети двух “ночных бабочек”, оказавшихся в буквальном смысле сексотами КГБ. Эти олухи начали с того, что пропускали девиц в посольство и по ночам трахали их в пустых кабинетах. Затем девицы уговорили их впустить каких-то “друзей”, которые принесли ящик водки, а заодно напшиговали посольство “жучками”, установили микрофон в рабочем столе посла и вскрыли сейф резидента ЦРУ. Видимо, агенты КГБ сфотографировали и расшифровали секретнейший список сотрудников разведки, которые действовали в Москве под глубоким прикрытием или нелегально, так как большинство из них бесследно исчезло за последующие два месяца. Должно быть, их просто замучили до смерти.

“И этикие болваны служат в морской пехоте, – с горечью подумал Гримальди. – Стоило русским девицам стянуть с себя трусики, как эти так называемые морские пехотинцы тут же позабыли, кто они такие и зачем стоят у входа в посольство”.

Как бы там ни было, но КГБ нанес сильнейший удар по разведсетям ЦРУ. Причины провала изучали как минимум три следственные комиссии, а Государственный департамент направил в Москву сразу двух заместителей госсекретаря. Поговаривали даже о смещении посла.

– ...За это Морозов получит генеральские звезды еще до того, как ему исполнится сорок, – говорил в это время Калинин.

– Морозов? – Алекс резко остановился и стоял, засунув руки глубоко в

карманы. – Какое отношение имеет к этому делу Морозов?

– Самое непосредственное, – Калинин состроил равнодушную гримасу. – Это была его операция от начала и до конца. Разве вы не знали об этом?

– Мне казалось, что оборудование посольства... – начал Алекс и замялся. Он выглядел потрясенным. Гримальди успел заметить, что имя брата всегда производит на него подобный эффект.

– Плевать ему на “жучки”. Его интересовало только одно – список агентуры. Большинство ваших агентов он уже выловил. И поверьте мне, он умеет заставить своих пленников заговорить. Да что там – у него не заговоришь, запоешь! В считанные месяцы он покончит со всеми, кто еще остался на свободе.

Алекс повернулся спиной к окну, и на его лице появилось выражение ненависти.

– Стало быть, у нас фактически не осталось агентов в Москве, – хрипло сказал он. – Как нам восстановить нашу агентурную сеть?

– Кому-то придется начать все сначала, – заметил Калинин.

– Например, вам? – Алекс с подозрением покосился на него, но Калинин покачал красивой головой.

– Я слишком хорошо известен, чтобы играть в эти игры плаща и кинжала.

Алекс перевел взгляд на Гримальди. Тот почувствовал, как по жилам его растекается смесь страха и сладостного ожидания; он догадывался, что может сейчас произойти. Еще до того, как Алекс Гордон задал свой вопрос, Гримальди знал, что согласится. “Да, Алекс, – скажет он. – Определенно. Мне это по плечу”.

Алекс пристально смотрел на него.

– Франко, – сказал он. – Я знаю, что ты хочешь выйти в отставку, но мы попали в затруднительное положение. Мы не можем позволить Морозову переиграть нас. Ты знаешь Россию, ты работал там многие годы. Может быть, ты вернешься в Москву и восстановишь наши разрушенные сети?

Он помолчал.

– Я знаю, что это небезопасно. Калинин может тебе помочь. Обдумай мое предложение, тебе нет необходимости отвечать мне прямо сейчас.

– Это лишнее, Алекс, – ответил Гримальди. – Я поеду в Москву и сделаю все что необходимо.

“Спасибо тебе, Олег, – подумал он, – да благословит тебя господь, друг мой. Благодаря тебе они не смогут избавиться от меня так просто. Я еще нужен им”.

Внутри его нарастало торжество. “Франко Гримальди еще не кончился, – сказал он самому себе. – Франко Гримальди еще не вышел из игры, он еще жив и даже может бегать. Флорида подождет”.

* * *

К тому времени, когда три месяца спустя Гримальди приехал в Москву, его приподнятое настроение, владевшее им в мотеле “Скайвэй”, куда-то

испарилась. И все же, несмотря на дрожь страха, которая нет-нет да и пронзала его тело, он был уверен в том, что в Москве он будет в безопасности.

Москва больше не была мрачным, зловещим городом, как раньше. Россия постепенно превращалась в свободную страну. Пресса, опьянев от новообретенной “гласности”, взалхлеб писала о ранее запретном, и даже КГБ не казался больше мрачной и злой силой, которая некогда мерещилась обывателю за каждым углом. Впереди ждали несколько лет восхитительной и интересной жизни, в которой у него будет Олег, будет его дружба и, может быть, любовь.

Приезд в Москву прошел гладко, без сучка и задоринки. Гримальди воспользовался своим старым канадским паспортом и под именем Сент-Клера вылетел в Москву из Торонто. Самолет был битком набит канадскими бизнесменами, туристами и репортерами, которые с веселым пренебрежением обращались к сотрудникам аэропорта Шереметьево. Он быстро прошел таможенный и паспортный контроль, сел в такси и меньше чем через час зарегистрировался в гостинице “Космос”. Его номер, из окон которого открывался вид на проспект Мира, был оборудован цветным телевизором, радио и современным телефоном. Определенно, Советский Союз сильно изменился за те двенадцать лет, что его здесь не было.

Гримальди снял пальто и включил радио. Передавали великолепную оперу Чайковского “Евгений Онегин”. Затем раздался стук в дверь: должно быть, принесли багаж. Гримальди достал из кармана несколько хрустящих советских банкнот и отпер входную дверь. Сначала он вздрогнул, затем застыл неподвижно.

За дверьми стояли трое мужчин. Он мгновенно узнал Морозова, чья зловещая худая фигура была облачена во все черное. Рядом с ним стоял седой высохший старик, его Гримальди никогда не видел, но сразу догадался, что это – Октябрь, человек, которого он боялся всю свою жизнь. Лицо третьего человека заслоняли широкие плечи Морозова.

– Добро пожаловать в Москву, мистер Гримальди, – приветствовал его Морозов.

Он знает его настоящее имя! Гримальди почувствовал приступ паники, а русские тем временем вошли в его номер. Третьим человеком оказался Олег Калинин, угрюмый, не улыбочивый.

Калинин захлопнул за собой дверь номера и облокотился о нее спиной. Он был в длинном черном пальто и меховой шапке-ушанке.

Гримальди попятился к окну, нервно переводя взгляд с Октября на Морозова и обратно. На Калинина он смотреть не решался. В мозгу его роились бессвязные мысли. Неужели Олег с ними заодно? Может быть, они поймали и его? Мог ли он предать их дружбу? А эти двое – Октябрь и Морозов – что они с ним сделают?

При мысли о лубяньских подвалах и палачах из госбезопасности Гримальди снова вздрогнул. Он не мог переносить боль, в конце концов, он был уже старым человеком.

Морозов положил на кровать свой кожаный дипломат. Ловко отперев замки, он достал несколько папок, которые аккуратно разложил на покрывале

одну рядом с другой. Там были одна голубая и три коричневых картонных папки, помеченных римскими цифрами I, II и III, а также одна черная кожаная папка с двумя защелками-замками.

– Ну-ка, поглядим, что у нас тут есть, – сказал Морозов по-английски и открыл голубую папку. Та оказалась полна старых пожелтевших бумаг, напечатанных на древней пишущей машинке. С рассеянным видом Морозов перелистал ломкие страницы.

– Здесь поминутно записаны разговоры, которые вы вели с капитаном Калининым в Берлине, в 1948 году, – сказал он невыразительным, ровным голосом. – Все сведения, которые он сообщал вам, и которые вы, в свою очередь, переправляли в Управление стратегических служб и в ЦРУ. Все сведения были ложными.

Он закрыл эту папку и взял с кровати другую, коричневого картона.

– Это досье, как и два остальных, – он жестом показал на папки с цифрами II и III, а затем продолжил негромким, как бы даже уважительным голосом, – содержит копии всех сообщений, полученных вами от Калинина в период с шестьдесят седьмого по семьдесят четвертый год, когда вы работали в Москве под именем Чарльза Сент-Клера. Некоторые из них, правда, их было немного и они не были особенно важны, содержат истинную информацию. Они были переданы вам лишь для того, чтобы вы поверили в надежность Калинина как источника. Все остальное – ложь, дезинформация высшего качества. На протяжении семи лет вы снабжали своих боссов в ЦРУ фальшивой информацией, мистер Гримальди.

Когда смысл сказанного дошел до его сознания, Гримальди ошеломленно заморгал глазами. Все было ложью, все эти рапорта и документы, ради которых он рисковал своей жизнью. Но как такое могло случиться? “Панама”-Калинин был их лучшим агентом! Если только он не...

Морозов вручил Гримальди четвертую папку.

– Я думаю, вам будет неловко просматривать содержимое этого досье в нашем присутствии. Внутри вы найдете несколько довольно точных описаний и фотоснимков, на которых запечатлены эпизоды вашей с Калининым горячей любви...

Гримальди отступил назад, яростно трясая головой. Он не хотел даже дотрагиваться до этой папки. Дыхание его стало прерывистым и неглубоким, а левая щека задергалась в нервном тике. Взгляд его в отчаянии остановился на Олеге. Он хотел что-то сказать, но голос не слушался его.

– Олег, – промолвил он наконец, и его голос прозвучал неожиданно хрипло. – Неужели ты участвовал во всем этом? Ты предал меня? Скажи, значит, все что было... ложь?

Калинин молча смотрел на него. По лицу его распространялась болезненная бледность. Он не отрицал этого, он не пытался даже оправдаться!

– Предатель! – выкрикнул Гримальди и бросился на него. – Подлый вонючий предатель, лживый сукин сын!

Морозов неуловимо быстрым движением загородил ему дорогу, схватил за запястья и оттолкнул к стене. Гримальди упал, опрокинув торшер, и лампочка

разлетелась вдребезги. По лбу его потекли струйки едкого пота: пальцы Морозова были холодны и тверды, словно стальные прутья.

– Спокойно! – прошипел Дмитрий. – Это гораздо серьезнее, чем ссора между двумя любовниками.

Морозов кивнул Калинин. Тот развернулся и быстро вышел в коридор.

– Сядьте! – прикрикнул Морозов на Гримальди, и тот подчинился; подойдя к кровати на трясущихся ногах, он тяжело уселся на ее край, стараясь не задеть разложенные по покрывалу папки. Сердце его билось неровно, а во рту пересохло. – Теперь выслушайте меня, – сказал Морозов все тем же твердым, властным голосом. – Мы можем арестовать вас за шпионаж, так как располагаем неопровержимыми свидетельствами вашей шпионской деятельности начиная с 1948 года и по настоящее время. Остаток своей жизни вы проведете в тюрьме.

Он помолчал.

– Мы можем пристрелить вас и избавиться от тела – никто никогда не узнает о том, что с вами случилось...

Достав из помятого жестяного портсигара сигарету без фильтра, Морозов закурил.

– Мы можем выслать вас обратно на родину и опубликовать все эти документы. Все эти подложные документы. Если ваше начальство отнесется ко всему этому с должной серьезностью, то вас обвинят в том, что на протяжении многих лет вы являлись двойным агентом, предавая свою страну и сотрудничая с КГБ. Если у них есть хоть малейшее чувство юмора, то вы станете посмешищем всей разведки.

Морозов с жадностью затянулся и выпустил струю серого, удушливого дыма. Октябрь до сих пор не проронил ни слова, хотя и сверлил Гримальди своими узкими, злыми глазами. Все это время из репродуктора лилась романтическая музыка Чайковского, и только теперь Октябрь выключил ее.

– Средства массовой информации во всем мире распишут вас как доверчивого “голубого”, который сорок лет водил ЦРУ за нос, причинив непоправимый вред своей стране. И все ради чего? Ради русской задницы!

Он хихикнул.

– Даже если вас выпустят, что маловероятно, вам негде будет укрыться от позора. “Посмотрите на него! – скажут все разведки мира. – Посмотрите на эту глупую старую бабу! И такой человек возглавлял советский отдел. Что за тупари у них там в ЦРУ?”

Гримальди уставился Морозову в лицо.

– Итак, мистер Гримальди, что вы выбираете? – спросил тот.

Гримальди отвернулся, чувствуя, что на глазах у него выступили слезы. Весь его мир в одночасье рухнул, не оставив ничего, кроме позора и стыда. Что ему теперь делать? Гнить в вонючих темницах Лубянки или покрыть себя бесчестьем? Но как выдержать публичное унижение? Он был гордым человеком, и всю свою жизнь он посвятил фирме, где сделал блестящую карьеру. Теперь же он действительно станет посмешищем всей Америки.

– Итак? – холодно спросил Морозов, поглядывая на часы. – Я не могу

сидеть тут с вами целый день.

Гримальди сглотнул и облизал сухие губы.

– Что вам нужно? – спросил он.

Брат Алекса хищно улыбнулся и сел на кровать рядом с ним.

Глава 17

Благоуханная майская ночь понемногу вторгалась в спящую мирным сном Женеvu. Никита Серебров неподвижно сидел у окна в своем номере гостиницы “Гранд-отель Мондиаль” и смотрел в сгущающиеся сумерки. Окно его выходило на серебристое озерцо, и он не отрываясь глядел на гибкий и тонкий фонтан воды – символ города – который вздымался высоко в небо.

Одежда его была аккуратно развешана в шкафу, туалетные принадлежности разложены на мраморной полке в ванной, книги и бумаги аккуратными стопками заполняли узкий письменный стол рядом с телефоном.

Серебров был одет в строгий темный костюм, кремового цвета сорочку и дорогой галстук. На часах было семь сорок восемь. Точно через двенадцать минут, оставив в номере отеля все свое имущество, он выйдет из комнаты, прокрадется на улицу и уйдет к американцам.

Ему было сорок три года. Тело его стало грузным, и к тому же он начал лысеть, однако на мир он глядел большими и печальными темно-кариими глазами, и большинство женщин до сих пор находили их обезоруживающими и неотразимыми. По-английски он говорил превосходно, да и французским владел не хуже. Последние шестнадцать лет он был первым заместителем Дмитрия Морозова. Он был вместе с ним в Париже, вместе с ним вернулся в Москву, и всегда, где бы “Управление мокрых дел” ни наносило свои эффектные удары, – в Хельсинки, в Кабуле, во Франкфурте или в Мехико – за спиной Морозова всегда стоял он, Никита Серебров.

Он был талантливым штабистом и довел до совершенства рутинную, механическую работу по подготовке той или иной операции, организуя своевременное прибытие и отправку агентов, снабжение их поддельными паспортами и документами, расписывая по минутам операции и подготавливая мгновенное исчезновение исполнителей. Великолепный организатор, педантичный, словно немец, Серебров представлялся самому себе в качестве современного атланта, держащего на своих плечах весь Тринадцатый отдел. Сам Морозов высоко ценил его, хотя стрелял Серебров скверно, а инструктора карате неизменно приходили в отчаяние от его “успехов”.

В молодые годы он очень любил опасности и приключения. Особенно по душе ему было ощущение того, что он принадлежит к элите советского общества. У него была собственная “Волга” последней модели, жил он в просторной квартире неподалеку от улицы Горького, владел дачей к югу от Москвы, а двое его сыновей посещали спецшколу. Его жена Катерина была простой и добродушной женщиной, очень полной, с пробивающимися над верхней губой темными усиками, однако она была способным анестезиологом и получала неплохую зарплату в одной из московских больниц. Может быть, он

и любил ее когда-то, но теперь любовь ушла. Он не мог даже припомнить, когда он ее полюбил и за что. Самое главное заключалось в том, что Серебров больше не любил, более того – терпеть ее не мог. Для него Катерина оказалась слишком вульгарной, к тому же она постоянно его пилила. Некоторое время он искал утешения в своей захватывающей работе и в редкой коллекции марок, а всю любовь, в которой он отказывал жене, Никита Серебров перенес на свою страну. Даже горбачевские реформы и развал советской империи не повлияли на его взгляды. Возможно, однако, что это ему просто казалось.

Но все это было до его поездки в Америку ранней осенью 1989 года, когда Дмитрий Морозов отправил его во Флориду для подготовки убийства кубинского эмигранта Мигеля Гарсии. Его экстремистская организация существовала, судя по всему, на средства ЦРУ, и планировала покушение на Фиделя Кастро.

Серебров приехал в Майами в конце сентября и в течение двенадцати дней только тем и занимался, что выслеживал Гарсию и готовил операцию. В его австралийском паспорте значилось, что он – инженер, чех по национальности, эмигрировавший в Австралию в 1982 году. Он уже привез свою ударную команду, проинструктировал агентов, проверил пути отхода и выдал оружие, доставленное ребятами из другого подразделения. Однако накануне операции он получил шифровку, которая предписывала ему ничего не предпринимать, оставаясь наготове.

Серебров догадался, что в Московском центре, а может быть, даже и в самом Кремле, разгорелась ожесточенная борьба за власть. Его подозрения вскоре подтвердились. Старинный приятель Сереброва, курьер Тринадцатого отдела, с которым у него произошла короткая встреча в коктейль-холле аэропорта Форт-Лаудердейла, сказал Никите:

– Этот сукин сын Горбачев возражает против нашей операции. Собственно говоря, ему не по душе все наши проекты. Он очень хочет разрядки напряженности в отношениях с Америкой и намеревается помешать всем нашим акциям против американцев. Поверь мне, этот кретин недолго думая отправит нас плавать по канализации. Ходят слухи, что он даже хотел распустить Тринадцатый отдел.

Серебров тогда был рассержен, но отнюдь не удивлен. С некоторых пор изменнические идеи Горбачева стали главной темой мрачных разговоров в буфете департамента. Даже Морозов, который вначале поддерживал Горбачева, теперь готов был свернуть ему шею. Он так и говорил, не скрывая своих мыслей, и даже добавлял, что нужно что-то предпринять, пока не стало слишком поздно.

Курьер блаженно посасывал замороженную “Маргариту” – коктейль из текилы с лимонным соком, и Серебров доверительно наклонился к нему.

– На что мне ориентироваться? – спросил он. – Люди наготове, они ждут сигнала. Что я должен им сказать?

Ангельский голосок в громкоговорителях прочирикал что-то невнятное о чистом флоридском воздухе.

– Жди, – был ответ. – Жди, пока они не решат, что делать. Оставайся в

Орландо, в Майами, здесь, в Форт-Лодердейле, но только не возвращайся в Москву. Пока ты и твои люди здесь, Дмитрий может надавить на Горбачева и заставить его действовать. Он всегда может сказать, что наша бригада уже на месте и что слишком поздно сворачивать проект. Но, если ты вернешься в Москву, Горбачев сорвет всю операцию. И тогда Тринадцатому отделу крышка.

Поэтому Серебров ждал. Три долгих недели стали его первыми настоящими каникулами, к тому же он впервые оставался в Америке столь долгое время. За это время он успел полюбить всей душой эту страну, здешний полный соблазнов образ жизни, прекрасные пляжи, шелестящие на ветру пальмы, счастливые часы отдыха, глубоководную рыбалку, кабельное телевидение, восходы солнца, которые он встречал с бокалом текилы в руке, траву, футбол, автомашины “пontiак трансам”, Диснейленд и золотоволосую и темнокожую секс-богиню родом из Индианы, которая служила официанткой в ресторанчике на берегу. Имя ее было Хэтти, но все звали ее не иначе как Булочка.

Он так никогда и не узнал, была ли Хэтти “подложена” ему злейшим врагом Тринадцатого отдела Алексом Гордоном. На самом деле это уже было ему глубоко безразлично. Он никогда не принадлежал к тем сексуальным маньякам, которые из-за юбки готовы распрощаться со всеми своими принципами и предать родину, он был хладнокровным и честным агентом. И все же бездонные сексуальные аппетиты Хэтти и ее потрясающая опытность в постельных делах сводили его с ума. Серебров даже не подозревал, что женщины могут быть столь изобретательны. Немало приятных минут ему доставили и их совместные путешествия с Хэтти, во время которых они открывали все новые и новые значные места Южной Флориды, и он не считал зорным тратить на нее немалые суммы из горбачевских денег.

Однако куда бы он ни шел и куда бы ни ехал, его не оставляла мысль о том, какой замечательной могла бы быть его жизнь, останься он в этом солнечном раю. Он задумывался об уик-эндах на рифах, о рыбалке на Бимини и на Больших Багамах, о пиршествах у кромки прибоя, о блюдах из даров моря, о безумных ночах в дискотеках и ночных клубах. Часто он представлял себе, как его и Булочку в изысканных костюмах провожает к их столику в гурманском ресторане “Бока Ратон” почтительный метрдотель во фраке и с европейским акцентом. Да это и не обязательно должна была быть Хэтти; Южная Флорида кишела Булочками и красотками похлеще, съехавшимися со всей Америки. Серебров лишь с завистью посматривал на молодых американцев, вне всякого сомнения менее способных и талантливых, чем он сам, которые останавливали свои сверкающие, новенькие авто перед собственными гаражами и входили в собственные аккуратные белые домики, выстроенные на берегу залива, на берегу океана или просто на краю прозрачного мерцающего бассейна. А по ночам они ложились в постели со своими длинноногими, сексуальными американками и начинали новое путешествие в страну чудес...

“Что в них есть такое, чего нет у меня? – не переставал спрашивать себя Никита. – Почему я не могу жить такой же обеспеченной и спокойной жизнью? Одной лишь публикацией собственных воспоминаний я смогу заработать

целую кучу денег, и это будет лишь дополнением к изрядной премии, которую выплатит ЦРУ. Всю оставшуюся жизнь я смогу провести над своими драгоценными альбомами с марками, я смогу наконец расстаться с Катериной и никогда больше про нее не вспоминать. Коммунизм – моя единственная вера, но в коммунистической России мне никогда не жить такой жизнью. К тому же страна разваливается на части, анархия и голод захлестнут Советский Союз через считанные месяцы”.

И он позволил себе отдаться на волю мечтам, столь свойственным многим стареющим мужчинам, к тому же неудачно женатым: снова начать все сначала, в другом мире и с другой женщиной, осуществить все то, что он хотел сделать в жизни, да так и не собрался. Для большинства мужчин эти мечты так и оставались мечтами, но для него – высокопоставленного офицера КГБ, заветного приза цэрэушников – все это выглядело вполне осязаемым.

Эти мысли так прочно завладели его сознанием, что он испытал почти что физическое облегчение, когда в переполненном баре в северном Майами к нему подошла с долгожданным предложением дружелюбная супружеская парочка.

Это была его последняя ночь в Штатах. Планируемое покушение на Гарсию было окончательно похоронено, и следующим утром он должен был вылететь в Мехико, а оттуда – через Гавану – в Москву. Через пару стаканов его новые знакомцы залопотали что-то о своем близком друге, издателе толстого журнала, который, по их словам, был весьма заинтересован в том, чтобы публиковать разные интересные материалы, и...

– Боже мой, вы такой интересный человек! – сказали ему, и Никита Серебров мгновенно понял, чего добивались от него эти симпатичные мистер и миссис Озак. Это были люди ЦРУ, как говорится – пробы ставить некуда, и он не сомневался, что их “друг-издатель” – один из сотрудников Алекса Гордона. Он согласился встретиться с издателем через несколько недель в Европе. Уже вернувшись домой и упаковывая вещи, он подумал, что Озаки сэкономили ему расходы на телефонный звонок. Если бы они не вышли на него, он сам бы позвонил Алексу Гордону в Лэнгли. Его телефонный номер он давно выучил наизусть.

На подготовку побега ушло еще шесть месяцев. Конечно, он ничего не сказал Катерине. Тайком он опорожнял свои альбомы, раскладывая драгоценные марки по пронумерованным пластиковым пакетикам, которые, в свою очередь, складывал на дне чемодана под одеждой. Это было единственным напоминанием о его прошлой жизни, которое он намеревался взять с собой в жизнь новую. Для этого Серебров специально приготовил пояс с кармашками, который можно носить под одеждой. Он знал, что будет скучать по своим дочерям, но чем старше они становились, тем сильнее и сильнее они становились похожими на свою мать, и одна мысль об этом способна была разогнать его тоску. Однажды, может быть, он просто привезет их к себе в Америку погостить.

В Женеву Серебров вылетел в прошлый понедельник для проведения очередного совещания с резидентом Тринадцатого отдела. Американцы еще раз связались с ним и подтвердили свою готовность, их оперативная группа была

уже на месте. Сегодня днем он рассовал пакетики с марками по карманам широкого пояса, а пояс затянул на своей расплывшейся талии. Поверх он надел просторную рубашку. “Первое, что я сделаю, оказавшись в Америке, это сяду на диету и начну ходить в тренажерный зал”, – подумал он. Приняв такое решение, он побрился и причесал свои волосы таким образом, чтобы прикрыть увеличивающуюся плешь. В Америке существовали специальные лосьоны, стимулирующие рост волос, а на крайний случай всегда оставалась имплантация. Операция вживления волос была не из дешевых, но он надеялся, что с деньгами ЦРУ он сможет себе это позволить. А может, просто потребовать изменение прически в качестве одного из условий – в порядке маскировки?

Он побрызгал лицо лосьоном после бритья, кончил одеваться, закурил сигарету и уселся у окна, ожидая условленного времени.

Когда он снова посмотрел на часы, было без одной минуты восемь. Он встал и вышел из номера, опустив ключ в карман. Ладони его стали липкими и влажными, а живот то и дело стискивала судорога страха. На лифте он спустился вниз. Во рту у него было сухо, а когда лифт остановился на третьем этаже и впустил еще одного пассажира, сердце у него чуть не оборвалось.

Наконец он оказался в вестибюле. В этот час там было полно народа: новые постояльцы сгрудились у стойки консьержа, а в дверях толпились спешащие на ужин, в театр или на концерт.

Серебров подошел к газетному киоску и купил “Журналь де Женев”. Возможно, в вестибюле гостиницы находился один из соглядатаев Дмитрия, который тайно следил за ним. Морозов частенько направлял людей из подразделения внутренней безопасности следить за своими же оперативниками, опасаясь предательства. Серебров знал об этом и сделал так, чтобы не вызывать ничьих подозрений. Он был без плаща, он не собирался выходить из гостиницы, а в последние четыре дня он регулярно спускался в вестибюль и покупал “Журналь де Женев”, прежде чем пойти поужинать в ресторан “Альпин” при гостинице.

Вот и сейчас он завернул за газетный ларек и пошел по коридору, образованному сувенирными лавками и киосками. Сейчас здесь было пустынно, все ларьки были закрыты.

Оттуда Серебров прошел к туалетам. Напротив двери с надписью “Для мужчин” располагался вход в парикмахерскую отеля. Парикмахерская не работала, но Серебров подошел к ней и толкнул дверь.

Дверь оказалась не заперта. В парикмахерской было темно, и он вдохнул запах кремов, шампуней и лосьонов, повисший в воздухе. Два высоких кресла, сверкая в полумраке хромированными деталями и кожей сидений, напоминали инопланетных монстров, непрошеными вторгшихся на Землю.

Вторая дверь в глубине парикмахерской тоже была не заперта. Серебров прошел коротким темным коридором, спустился по ступенькам и толкнул еще одну дверь. Он оказался во внутреннем дворе гостиницы, и прохладный ночной воздух мигом охладил его пылающие щеки. Неподалеку от выхода, тихонько урча мотором, дожидалось такси. Никита Серебров открыл заднюю дверцу и

сел на сиденье рядом с неподвижной темной фигурой.

Такси медленно выехало со двора и покатилося по узкой темной улочке, затем свернуло на ярко освещенный проспект и затерялось в потоке одинаковых женевских таксомоторов. Через несколько минут они уже мчались по шоссе, ведущему к французской границе.

За все это время второй пассажир такси не произнес ни одного слова. Когда они оказались в пригороде Женевы, Серебров повернулся к нему. Незнакомец был светловолос и довольно красив, хотя взгляд его мерил Сереброва откровенно оценивающе и холодно.

– Добрый вечер, Никита Владимирович, – сказал незнакомец на чистом русском языке. Его рукопожатие было крепким, но кратким. – Меня зовут Алекс Гордон.

Алекс намеревался безотлагательно начать допрос Сереброва. Той же самой ночью на уединенной ферме вблизи Гренобля он провел с перебежчиком первую, предварительную беседу. Фамилия его происходила от слова “серебро”, но Алекс быстро понял, что попал на золотую жилу. Серебров обладал бездонной, почти компьютерной памятью, и без труда вспоминал мельчайшие подробности всех, даже самых давних операций Тринадцатого отдела, в хронологическом порядке воспроизводя длиннейшую цепь убийств, покушений, подлогов и попыток шантажа, перечисляя имена и адреса известных ему заграничных агентов. Вкратце он описал излюбленные методы и приемы, которыми пользовались его коллеги, особо остановившись на характеристиках используемого оружия, новейших разработках лаборатории ядов, порядке, в котором сменяли друг друга три ударные бригады, а также на иерархии отдела и планах на будущее.

Однако наиболее ценной информацией был для Алекса детальный портрет собственного брата, который Серебров рисовал мелкими штрихами подробно и точно, начав с его вкусов в одежде и еде и закончив его странной дружбой с умирающим от рака Октябрем.

На протяжении двух недель перебежчик говорил негромко, спокойно и весомо, к полному восторгу Алекса и его помощников, которые помогали записывать и сортировать информацию. Если не считать постоянных и однообразных просьб о пластической операции и собственном домике во Флориде, собеседования шли без сучка и задоринки. Так продолжалось почти до самого последнего дня, когда Серебров рассказал такое, что Алекс даже не знал, верить ли собственным ушам.

Они как раз сидели за столом из почерневших бревен, потягивая обжигающий горький кофе из глиняных кружек и закусывая шоколадным печеньем, которое было разложено на блюде. Под локтем Алекса бесшумно крутился диктофон. Несмотря на то, что до вечера было еще далеко, все лампы были включены. Снаружи шел теплый весенний дождь, его капли негромко стучали по ставням, а ветер выл в печной трубе.

– Итак, мы остановились на том, что он не любит Горбачева, – сказал Алекс.

– Не любит? По-моему, он собирается убить его, – сообщил Серебров,

набив рот печеньем. Заметив недоверчивую улыбку собеседника, он поспешно добавил: – Я говорю совершенно серьезно, Алекс. Он готовит убийство Горбачева.

Алекс искоса взглянул на него.

– О чем это ты говоришь, Никита?

Серебров вытер губы тыльной стороной ладони.

– Я не посвящен в это дело, – осторожно сказал он, – и мне неизвестны детали. Просто я сложил воедино все кусочки информации, намеки и обрывки разговоров, которые мне довелось услышать за последние несколько недель. Тогда-то я и догадался, что Морозов хочет устранить Горбачева любыми средствами.

Далее Серебров рассказал, что внутри КГБ сформировалась тайная группа единомышленников, возглавляемая Дмитрием Морозовым. Постепенно они подбирали себе сторонников в армии, в партаппарате, среди ученых и интеллигенции. Это движение называлось “Память”, в память о России-матушке, и вошли в него сторонники “жесткого” курса, чьи коммунистические идеалы причудливым образом сплелись с великодержавным русским шовинизмом и традиционным антисемитизмом. Их цели и взгляды напоминали сталинский коммунистический национализм времен войны, при помощи которого “великий вождь и учитель” пытался подстегнуть патриотические чувства своих соотечественников.

Алекс кивнул.

– Я слышал о “Памяти”, но не подозревал, что Морозов имеет к ней какое-то отношение.

Серебров усмехнулся.

– Говорят, что их черные мундиры были предложены Морозовым. Он, как ты знаешь, одевается исключительно в черное.

Алекс был не на шутку заинтригован и обеспокоен. В английских и немецких газетах ему попадались статьи об одетых в черное активистах “Памяти”. Интервью с ними, как правило, были полны невообразимого бреда о чистоте русской расы, щедро сдобренного коммунистическими догмами и клише. Сами “памятники” – длинноволосые и неопрятные люди с горящими глазами – обожали фотографироваться на фоне хоругвей и икон, старинного оружия, российских флагов времен наполеоновских войн и портретов Сталина.

Серебров рассказал также, что узкий круг лидеров “Памяти” в КГБ был весьма обеспокоен горбачевскими реформами, которые, как они считали, подталкивали страну к гражданской войне.

– Они утверждают, что коммунизм несовместим с западной демократией. Социалистическое государство и социалистическая экономика не могут сосуществовать с многопартийностью, со свободными выборами и свободной прессой. Алекс кивнул.

– И они правы.

– Но ведь именно этого и добивается Горбачев! Морозов считает, что он – это катастрофа для России. Горбачев уже потерял Восточную Европу, Анголу, Никарагуа, Эфиопию и Ирак. Он согласился на объединение Германии. Он

виноват в том, что происходит в Прибалтике, в Грузии и Армении. Советский Союз перестал быть великой державой, страна стоит на пороге анархии и выпрашивает гуманитарную помощь у немцев и американцев. Во всем этом виноват Горбачев, и именно поэтому Морозов считает, что его надо остановить.

– При помощи убийства? – с сомнением осведомился Алекс. Уж больно неправдоподобно звучало все то, о чем рассказывал Серебров.

– Да, – мрачно сказал перебежчик.

– Кто еще знает об этом?

– Очень узкий круг посвященных. В него не входят даже ближайшие помощники Морозова.

Алекс попытался рассуждать объективно и здраво. Несомненно, в горбачевской России КГБ терял больше всех. Если потепление отношений между Вашингтоном и Москвой выльется в свободу, демократию и тесное сотрудничество, никому не будут нужны шпионы, профессиональные убийцы и дознаватели. Верхушка КГБ обвинила Горбачева во всех своих бедах. С их точки зрения заговор с целью физического устранения прогрессивного советского лидера безусловно имел смысл.

– Каковы их планы? – спросил Алекс.

– Насколько я понял, Морозов планирует убийство на территории иностранного государства, чтобы никто не попытался связать это с деятельностью Комитета. Убийство должно выглядеть как несчастный случай.

– Значит, на территории иностранного государства? – Алекс подошел к окну и выглянул наружу через щели в жалюзи. Серые дождевые облака цеплялись за снежные вершины Альп. – Какого государства?

– Конечно, вашего, какого же еще? – удивился Серебров.

Алекс резко обернулся к нему.

– Постой, что ты имеешь в виду?

– Горбачев собирается посетить Соединенные Штаты весной девяносто первого года. Убийство должно произойти во время этой поездки.

– Это невероятно, – с сомнением проговорил Алекс, поглядывая на Сереброва поверх своей кружки. – Начиная с того момента, когда Горбачев ступит на нашу землю, он будет находиться под нашей защитой. КГБ не может столь свободно делать свои дела в Штатах.

– Видишь ли... – удивление Алекса по всей видимости доставляло Сереброву немалое удовольствие. – Морозов, как мне кажется, прячет в рукаве козырную карту. В США у него есть тайный союзник: некий богатый и очень влиятельный американец.

– Кто он такой? – нахмурился Алекс.

– Этого я не знаю. Никакого имени при мне не упоминали, я лишь понял, что у Морозова есть свой собственный секретный канал связи с этим человеком. Судя по слухам, это промышленный магнат, вложивший немалые средства в программу “Звездных войн”. Если в отношениях между Вашингтоном и Москвой победит разрядка, он потеряет миллиарды долларов. Разоружившимся американцам будут до лампочки все его технические новинки.

Серебров прикончил печенью и огорченно щелкнул языком, поглядывая на пустую тарелку.

– Как видите, наши правые и ваши правые имеют между собой много общего, – усмехнулся он. – И тем и другим мешает Горбачев. Кстати, нельзя ли принести еще печенья?

Разоблачения Сереброва все еще звучали в ушах Алекса, когда он садился в самолет “Эйр Франс”, следующий из Парижа в Вашингтон. Самого Сереброва отправили в США на самолете ЦРУ, который должен был доставить его на аэродром в Форт-Лири, в Виргинии. Там в течение еще двух месяцев ему предстояло пройти более глубокое и тщательное собеседование с лучшими специалистами ЦРУ.

Алекс, однако, сомневался, что перебежчик знает еще что-нибудь о заговоре против Горбачева. Ему никто ничего не сообщал, никто ни во что его не посвящал, и он питался лишь слухами и собственными догадками. Но если все, что он рассказал, окажется правдой, то история Советского Союза, да и всего мира тоже, может самым решительным образом измениться. Если Горбачев будет убит, власть в Кремле возьмут сторонники жесткой, прокоммунистической линии. СССР окажется в руках безжалостной хунты под руководством его собственного брата. Все достижения мирного процесса утонут в крови, заново начнется “холодная война”, и Россия опять превратится в “империю зла”.

Времени терять было нельзя, и мозг Алекса сразу включился в работу, намечая примерный план действий и необходимых шагов. Он должен прекратить все текущие операции и создать собственный оперативный штаб где-нибудь в Нью-Йорке или Вашингтоне, лишь бы подальше от Лэнгли. Свое руководство он пока ни о чем информировать не будет. Придется поработать как бы вне структуры ЦРУ. Тайнственный союзник Дмитрия вовлечен в программу СОИ, стало быть, он – одна из ведущих фигур в аэрокосмической промышленности. Придется разослать сотрудников по всей стране, чтобы они одного за другим прощупывали президентов и владельцев аэрокосмических компаний и фирм. Затем, когда список сократится до нескольких имен, он поставит на прослушивание их телефоны и пустит за ними наружное наблюдение. Этим он безусловно нарушит закон, но теперь, когда у него на руках срочное дело чрезвычайной важности, Алексу это было безразлично.

Надо будет также связаться в Москве с Гримальди и поручить ему побольше разузнать о намерениях “Памяти”. У Калинина должны быть собственные связи внутри КГБ. С другой стороны, Гримальди нельзя информировать о заговоре против Горбачева. Алекс никогда не доверял ему до конца. В ту ночь в мотеле “Скайвэй” он перехватил несколько взглядов, которыми обменивались Калинин и Гримальди, и его тело пронизала дрожь странного предчувствия. Между этими двумя существовали какие-то тайные взаимоотношения, сути которых Алекс до сих пор не мог постичь.

Стюард принес ему бокал охлажденной водки со льдом, тем самым нарушив ход мыслей Алекса. Он огляделся по сторонам и увидел, что через проход от него сидит миловидная блондинка в белом платье-мини с

длинными льняными волосами и хрупкими плечами. Девушка нежно прижималась к сидевшему рядом с ней парню. У того тоже были длинные светлые волосы, узкое, нервное лицо мечтателя и страстный рот. Девушке было примерно столько же лет, сколько и Татьяне в день ее гибели. И она, и ее парень, казалось, были без памяти влюблены друг в друга.

Эта парочка странным образом взволновала Алекса; он пристально уставился на обоих, не в силах отвести в сторону глаза. Почувствовав его взгляд, девушка обернулась к нему, напряглась, затем неуверенно улыбнулась и опустила глаза. Алекс же почувствовал приступ черной зависти. Они были так счастливы, черт побери, и так любили друг друга! Ему они казались пришельцами из другого мира, живущими совсем иной, непохожей жизнью. “Что же со мной случилось? – неожиданно подумал Алекс. – Ведь и я был таким, как этот белокурый парень. Совсем недавно и я был страстным, романтичным, я умел любить до отчаяния сильно, не был безразличен к поэзии и музыке, я доверял людям, и жизнь приносила мне удовольствие. Теперь у меня ничего этого не осталось.

Что за жизнью я живу? Эта жизнь принадлежит не мне, она принадлежит моему брату. Он один полностью заполняет мои мысли и пробуждает мои чувства. Его портрет висит у меня в кабинете, а подробное описание всех его склонностей и привычек заполняет толстые папки досье, собранные в моем сейфе. Я знаю его лучше, чем себя самого; я знаю, что он любит есть и пить, какие сигареты предпочитает. Его случайные любовницы возбуждают меня больше, чем собственная жена. С ним одним я провожу мои дни и ночи, я иду по его следам, стараюсь проникнуть в его разум и угадать его мысли. Мы были вместе, когда он совещался с Октябрем, вместе безжалостно вторгались в мягкие лоно женщин, вместе ломали шеи эмигрантским лидерам, вместе убивали афганского президента и вместе приканчивали украинских националистов...”

Алекс закрыл глаза и прижал к щеке холодный бокал. Татьяна стала причиной их кровной вражды, однако она ушла из жизни очень давно. Только месть, порожденная воспоминанием об утерянной любви, задержалась в его душе, превратившись в единственную цель жизни.

Когда Алекс был еще маленьким мальчиком, Нина рассказывала ему историю индийского храма Тадж-Махал. У могущественного индийского царя умерла любимая жена, и он решил увековечить ее память, воздвигнув вокруг ее гроба величественный мавзолей. Архитекторы и каменщики, которых он созвал со всех концов страны, трудились несколько лет, и построили вокруг черного каменного гроба почившей царицы воздушный и светлый дворец из белого мрамора, поражающий воображение всякого, кто бы его ни увидел. Но как только царь вступил под своды этого седьмого чуда света, он сразу понял, что маленький и черный саркофаг его возлюбленной стал лишним среди великолепия белого мрамора стен и потолков. И тогда царь повернулся к своим рабам и молвил, указывая на гроб:

– Унесите его отсюда, ему здесь не место.

“Так и я, – печально заключил Алекс. – Я построил свой мрачный

мавзолей на могиле своей возлюбленной и превратил себя в машину мести. Всю свою жизнь я посвятил одной цели: отомстить за ее смерть. Теперь же не память о Татьяне, а кровная вражда живет в моем сердце. Татьяна больше не имеет для меня никакого значения, я вынес ее тело из своего Тадж-Махала давным-давно. Бесконечная вражда с братом стала самоцелью, смыслом моего существования, и в ее огне уже сгорели моя молодость и любовь Клаудии”.

Когда Алекс подъехал к своему дому, уже наступила ночь, и окна были темны. Дети, судя по всему, были у Сандры, подруги Клаудии, которая жила в паре кварталов отсюда. Отправляясь в командировку, Клаудия частенько оставляла у нее Тоню и Виктора, так как у Сандры были две девочки примерно того же возраста. И все же что-то было не так. Алекс помнил, что Клаудия не должна была никуда уезжать до конца недели.

Его телохранитель включил свет и отправился в обход первого этажа, как ему и полагалось, внимательно обследуя комнаты. Алекс тем временем прошел в гостиную, чтобы налить себе выпить. Письмо, лежащее на серебряном подносе рядом с графином коньяка, он заметил сразу. Еще до того, как он разорвал конверт и развернул вложенный внутрь листок бумаги, Алекс догадался, что за скверные новости его ожидают. Он давно предвидел такой конец, но решение Клаудии не было от этого менее жестоким.

“Я уйду от тебя”, – писала Клаудия.

* * *

Клаудия прилагала невероятные усилия, стараясь спасти свой брак. Она перешагнула через свою гордость, после того как Алекс предал ее в Париже. Когда в Балтиморе он снова сделал ей предложение, она решила дать ему еще один шанс. Забросив свою карьеру, она родила ему двоих детей и старалась быть рядом, когда он в ней нуждался.

Но Алекс вовсе не нуждался в ней. Возможно, в первый год после их свадьбы, пока он проходил свою подготовку в ЦРУ, она не была ему абсолютно безразлична. Это был их лучший год, и Клаудия наивно полагала, что все кошмары остались позади. В этот год у нее появилось много новых друзей, в основном – жены молодых коллег Алекса. Тогда он и Клаудия еще проводили вместе много времени, у них появился первый ребенок, а потом они переехали в этот уютный домик на Чеве Чейз. О Татьяне они никогда больше не разговаривали.

Но потом Алекс закончил свой курс подготовки и начал много ездить. Он никогда не говорил ей, куда отправляется и что будет делать. Наверное, это было продиктовано соображениями безопасности, однако в Вашингтоне были и другие средства сообщения.

Каждая сплетня, каждый намек или обрывок информации, касающейся мрачного ремесла Алекса и его коллег, с поразительной скоростью распространялись среди жен сотрудников ЦРУ как по беспроводному телеграфу. Именно этим путем Клаудия узнала, что мужа Сандры переводят в Управление секретных операций, что муж Каролины чуть не погорел на афере

“Иран-контрас” и что ее собственный супруг пытался убить в Париже важную шишку КГБ по фамилии Морозов.

Узнав об этом, Клаудия почувствовала нарастающие в душе горечь и обиду. Значит, Алекс на самом деле ничего не забыл. Первым же шагом, который он сделал, едва выйдя за стены тренировочного центра, была попытка свести счеты с Дмитрием. Из-за Татьяны.

И для Клаудии все началось сначала.

“Время лечит любые раны”, – сказала она Алексу в полутемном баре в Балтиморе. Но его раны, видимо, оказались слишком глубоки. Вместо того, чтобы попытаться забыть, он вступил на путь яростной и бескомпромиссной вендетты. О ней он даже не думал, все его мысли были заняты воспоминаниями о Татьяне. Она, Клаудия, была для него всего лишь удобной, привязанной к домашнему очагу женщиной, к которой он иногда возвращался. Она готовила ему еду, гладила его рубашки и воспитывала его Детей, пока он путешествовал по всему земному шару в плаще и с кинжалом, сражаясь со своим неистовым безумцем-братом из-за женщины, которую оба безвозвратно потеряли.

Сводящее с ума разочарование не отпускало ее ни на одно мгновение. Неужели Алекс действительно любит ее, или она просто заменила ему его русскую принцессу? Она подозревала, что, разговаривая с ней, улыбаясь ей, Алекс продолжает думать о Татьяне, продолжает видеть ее перед собой. Когда они занимались любовью, Алекс закрывал глаза и, наверное, представлял на ее месте свою белокурую красавицу. Случалось, Клаудия ревновала даже к маленькой Тоне. Ей казалось, что, прижимая девочку к себе, глядя ее по светлым кудряшкам и нежным щекам, он обнимает и ласкает свою Татьяну.

На глазах Клаудии ее Алекс совершенно преобразился. Чувствительный, порядочный и нежный молодой человек, за которого она сражалась столь отчаянно и самоотверженно, постепенно исчезал, замыкаясь в себе. Его природная любознательность угасла, чувство юмора пропало, приветливая улыбка превратилась в холодную сдержанность. Небрежный стиль одежды, который он предпочитал прежде, был вытеснен глухими строгими костюмами мрачных тонов и узкими галстуками. Неуловимо быстро Алекс преобразился внешне и переродился внутренне, превратившись в матерого шпиона, фанатически преданного своей тайной войне. От Клаудии он отгородился глухой стеной и никогда больше не подпускал ее к себе. Даже вернувшись из зарубежных поездок и оказываясь в Вашингтоне, он приходил домой поздно. Очень мало времени оставалось у Алекса для детей и никогда – для нее. Несмотря на то, что соперница Клаудии была мертва, ее тень продолжала властвовать над телом и душой Алекса.

На протяжении нескольких лет Клаудия пыталась подавить в себе эту боль, избегая столкновения. Ей казалось, что во всем виновата ее дурацкая гордость, которая не позволяет ей пройти еще через одно унижение. Обсуждать то, что ее тревожило, с Алексом она боялась; он стал бы все отрицать, а ее обвинил бы в беспочвенной ревности. Тогда Клаудия попыталась отвлечься, снова вернувшись к живописи и моделированию одежды. Она много курила и стала пить в одиночку, но в конце концов, уже после смерти Нины, Клаудия

почувствовала, что не в силах больше притворяться.

– Что с нами творится, Алекс? – спросила она однажды ночью.

Они только что занимались сексом, и Алекс, который как и всегда в последнее время, отдавался этому совершенно механически, без всякой страсти, лежал теперь неподвижно рядом с ней. На фоне белой оконной занавески Клаудия ясно видела его строгий и отрешенный профиль.

– Наш брак разваливается, а тебе все равно. Неужели твой брат значит для тебя больше, чем твоя семья?

– Но знаю, – ответил Алекс. Он даже не попытался отрицать, что ведет с Дмитрием тайную войну не на жизнь, а на смерть. – Я ничего не могу с этим поделать, Клаудия. Пока я не уничтожу его, мне не найти покоя. Он ужасный, страшный человек.

– Я не знаю, уничтожишь ли ты его, – сказала Клаудия, – но ты почти уничтожил нас. Тебе наплевать на меня и на детей, ты одержим своей мстостью. Почему ты продолжаешь сражаться с Дмитрием из-за давно умершей женщины?

Она отвернулась, неожиданно почувствовав глубину своего падения.

– Нет, – ответил Алекс. – Не из-за нее, из-за него.

– Ваше безумие уже стоило жизни Нине, – продолжала Клаудия. – Неужели тебе этого мало?

– Нет! – Алекс выскочил из постели, дрожа от бешенства. – Нет, все совсем не так! Это – еще одна причина, которая побуждает меня избавиться от него! Ты не знаешь, что это за человек. Он ненавидит нашу мать, он ненавидит родственников моего отца, он – прирожденный убийца!

Клаудия еще ни разу не видела Алекса в таком состоянии. Глаза его пылали, лицо перекосилось, он кричал, брызгая слюной.

– Для него нет ничего святого; если бы он мог, он бы уже явился сюда, чтобы прикончить тебя и детей. Именно поэтому за вами все время присматривают мои люди.

– Но я не могу так жить! – закричала Клаудия. – Меня уже тошнит от всех этих охранников и телохранителей! Ни одной минуты я не могу побыть сама с собой!

Сделав над собой усилие, она попыталась сдержать себя:

– Алекс, ради бога, давай уедем! Жизнь может быть так прекрасна, но сейчас она проходит мимо нас!

– Позднее, – упрямо ответил он. – Когда я избавлюсь от Дмитрия, у нас с тобой будет замечательная жизнь.

– Тебе никогда не удастся избавиться от него, – сказала Клаудия устало. – Вы двое – как старые, опытные, покрытые шрамами бойцы, которые, спотыкаясь и истекая кровью, кружат и кружат по рингу, не в силах выиграть, не в силах опередить один другого с ударом.

– Нет, – ответил Алекс. – Нет.

Его глаза продолжали гореть странным огнем.

– У меня есть план, поверь мне – я знаю, что делаю.

Клаудия выбежала из спальни и спустилась на первый этаж. Ту ночь она

провела на софе в гостиной, куря сигареты одну за другой и медленно, методично напиваясь. Ей так и не удалось заставить его изменить свое мнение. Впоследствии Клаудия не раз думала, что ей нужно было уйти от него еще тогда, однако она все же любила его и не могла смириться с мыслью, что их любовь превратилась в пытку.

После того тягостного ночного разговора Клаудия все чаще останавливалась перед зеркалом и разглядывала себя. Она все еще была хороша собой, и ей не составило бы труда найти кого-то, кому она была бы небезразлична. Как и прежде, стоило ей появиться где-то, как мужчины дружно замолкали и поворачивались в ее сторону. Несколько раз с ней пытались познакомиться в супермаркете, в кафе, а то и просто на улице. Всего лишь пару дней назад какой-то красивый юноша, намного моложе нее, робко приблизился к ней в галерее Вашингтона, и она снизошла до того, что согласилась встретиться с ним в баре на следующий день. Лишь в последний момент она передумала и не пошла, хотя прекрасно понимала, что за этим последует.

Нельзя сказать, чтобы она не хотела этого. Даже наоборот. Клаудия отчаянно тосковала по крепким мужским объятиям, по страстной дрожи в теле, по кому-нибудь, кто любил бы ее ненасытно, всю ночь напролет, кто сумел бы доказать ей, что она по-прежнему желанна и неотразима. И все же Клаудия решила про себя, что в тот день, когда она по-настоящему захочет другого мужчину, она уйдет от Алекса.

И все же эпизод с молодым человеком оказался последней каплей. “Пора отчаливать, Клаудия, – сказала она себе. – Пора начинать все сначала, старушка”.

Она собрала пару чемоданов, сложила свои картины и наброски и, погрузив все это в багажник автомобиля, заехала к Сандре – попрощаться с ней и с ее детьми. На пороге Сандра крепко обняла ее.

– Будь осторожна, Клаудия, – плача, сказала она. – Ты заслуживаешь немного счастья.

Было уже за полночь, когда Клаудия подъехала к дому в Бруклине, где жила ее мать. Настойчивый стук в дверь наконец разбудил миссис Беневенто, и она появилась на пороге прямо со сна, взлохмаченная, в накинутом на плечи старом халатике.

– Клаудия! – ахнула она. – Что случилось? Клаудия обняла ее.

– Только ничего не говори мне сейчас, ма. Я ушла от Алекса. Со мной дети, они спят в машине. Я хочу ненадолго оставить их с тобой, пока я не найду подходящую квартиру и работу.

– Бог свидетель, я знала, что этим кончится! – запричитала ее мать. – Разве я не говорила, что со Стиви тебе будет лучше?

– Мама, не сейчас... Прошу тебя, пожалуйста! – Клаудия снова почувствовала себя униженной.

Пожилая женщина посмотрела на дочь с состраданием, затем кивнула, подавив тяжелый вздох.

– Я помогу тебе с детишками.

Клаудия выехала из Бруклина на рассвете, когда ее дети крепко спали.

Улицы Манхэттена медленно просыпались; в этот утренний час в городе царили мир и покой. Машин было мало, а прохожих на тротуарах и вовсе не было видно. Восходящее солнце окрашивало башни Центра мировой торговли, четко вырисовывающиеся на фоне бледно-голубого неба, жидким золотом своих первых лучей. Клаудия опустила оконное стекло, и в салон ворвался свежий и чистый утренний воздух.

Она давно не возвращалась в Нью-Йорк одна, и теперь ее посетило странное ощущение испуга, восторга и восхитительной неопределенности, которые смущали и очаровывали ее расплывчатыми обещаниями и надеждами. Как и хотела, она начинала жизнь сначала и искренне надеялась, что на этот раз все у нее получится как надо.

Один из сотрудников Морозова, который последовал за Клаудией в Нью-Йорк, докладывал своему шефу о каждом ее шаге. В его рапорте сообщалось, что после двух недель проживания в маленькой гостинице в Ист-Сайде Клаудия Гордон сняла крошечную комнатку в Сохо и вернулась на работу в фирму Гавермаера. О ее возвращении тут же объявила пресса – будущей весной должна была появиться на свет новая коллекция. Одновременно она прощупывала галереи в Сохо, пытаясь выставить свои работы, однако без особого успеха.

Через два месяца агент сообщил Дмитрию о новом повороте в жизни Клаудии. На вечеринке в Виллидже она познакомилась с красивым мужчиной, английским бизнесменом Робин Уэстлейком, который оказался к тому же ценителем искусства и коллекционером картин. Несколько раз их видели в ресторанах, на бродвейских шоу-постановках, но чаще всего они посещали художественные выставки. Как-то вечером агент увидел, как Клаудия Гордон и Робин Уэстлейк входят в подъезд дома, где располагались апартаменты англичанина. Вышла она оттуда лишь утром следующего дня. То же самое произошло на следующий вечер и на следующий – тоже.

“Клаудия Гордон и Робин Уэстлейк стали любовниками”, – таково было заключение агента.

Читая это сообщение, Дмитрий Морозов не мог сдержать улыбку.

Глава 18

Один в черном седане ЦРУ, небритый, вздрагивающий от холода, Алекс вот уже третью ночь подряд дожидался Клаудию у подъезда ее нью-йоркского дома. Две предыдущих ночи он прождал впустую, Клаудия так и не вернулась домой. Вот и сейчас на часах было уже два пополуночи, и Алекс вынужден был прийти к неизбежному заключению: у Клаудии появился мужчина.

Алекс почувствовал болезненный укол ревности. Интересно, ради кого Клаудия оставила его? Кто теперь сжимает в объятиях и целует ее? Клаудия стала частью его самого, они вместе выросли и провели большую часть жизни в обществе друг друга. Однажды Клаудия спасла ему жизнь и была рядом все последние годы. Как она только могла подумать, что сможет провести остаток своей жизни с кем-то другим? Как она могла подумать, что кто-то другой

может стать ей столь же близок?

Теперь Алексу очень не хватало ее непосредственности, ее упрямства и страсти, даже сцен ревности, которые она изредка себе позволяла. Оказалось, что Клаудия занимала в его жизни гораздо больше места, чем он подозревал.

Горло его перехватило от острого ощущения потери. Он попытался изгнать из своего сознания сводящие с ума мысли и фантазии, но они настойчиво возвращались. Его унизили и предали. Клаудия, его Клаудия была в постели с другим. Кто он, этот герой? Алекс, конечно, мог бы пустить по его следу своих людей и через двадцать четыре часа знал бы все самые мелкие подробности, однако ему претило использовать служебное положение для того, чтобы решать свои частные проблемы. Кроме того, он не хотел, чтобы его семейные неурядицы стали известны всем и каждому.

Единственным человеком, с которым он поделился своей бедой, была подруга Клаудии Сандра. Примерно через месяц после ухода Клаудии он провел с Сандрой почти целый вечер. Та была поражена глубиной его отчаяния.

– Я не подозревала, что ты так ее любишь, – призналась она ему.

– Я ничего подобного не говорил, – тут же ошетинился он.

– Говорить об этом не обязательно, – мягко перебила Сандра.

И все же она долго колебалась, прежде чем дала ему новый адрес Клаудии. Алекс несколько раз позвонил ей, но Клаудия вела себя очень сдержанно, всякий раз отвергая его намеки на возможность примирения.

– Даже не думай об этом, – сказала она ему с грубоватой откровенностью.

Тем не менее им удалось договориться насчет детей: Тоня и Виктор должны были оставаться с ней во время каникул, и с Алексом – во время учебного года. Клаудия также захотела раз в неделю прилетать в Вашингтон, пока дети будут с ним, однако выдвинула условие: они с Алексом не будут видеться ни при каких условиях. Даже потом, когда она позвонила ему, чтобы поговорить с детьми, и Алекс принялся умолять о встрече, она ответила ему решительным отказом.

– Это бесполезно, – заявила она ему. – Все кончилось, Алекс.

Сам он был немало удивлен тем, насколько сильной и продолжительной оказалась его собственная боль. Возможно, он был гораздо менее циничным, чем ему казалось, и семья значила для него много больше, чем ему хотелось признать. Он не представлял себе своей жизни без Клаудии. В памяти его постоянно возникали отдельные фрагменты и эпизоды из их прошлой жизни, начиная с того дня, когда они впервые встретились в Бруклине.

Все это было мучительно и непереносимо. Он не мог говорить с детьми об их собственной матери и терялся перед прямыми и жестокими вопросами Тони, которая часто спрашивала его:

– Скажи, папа, вы с мамой больше не любите друг друга? Будете ли вы разводиться? А что станет со мной и с Виктором?

С уходом Клаудии Алекс утратил свой душевный покой. Он не мог ни оставаться дома, ни заниматься своими служебными делами. Тогда он нанял вдову Брэда Канингема, одного из бывших сотрудников ЦРУ, чтобы она присмотрела за детьми, а сам бежал в Нью-Йорк.

Теперь Алекс считал, что Морозов со своим заговором и тайным сторонником в Штатах подвернулись ему весьма кстати. Он надеялся, что важнейшая операция захватит его с головой и поможет отвлечься от переживаний и тягостных раздумий. В оперативном штабе, который он устроил в нью-йоркском Рокфеллеровском центре, он поставил складную койку и часто оставался там ночевать. Между тем к нему со всех концов страны поступали по телефону, по факсу и по телетайпу сообщения от агентов. Алекс был очень занят, но не мог не думать о Клаудии и о том, что может потерять ее навсегда.

Именно поэтому он отправился к Сандре и упрямил ее дать ему новый адрес Клаудии.

Рация в его машине неожиданно взорвалась оглушительным шорохом статических разрядов, а в трубке зазвучал голос одного из агентов по имени Анхель Солтеро.

Солтеро был молодым и на редкость дерзким агентом пуэрто-риканского происхождения со стройным гибким телом, острым птичьим лицом и темными томными глазами.

– “Робокоп” вызывает “Рэмбо”, – громко объявил он. – “Робокоп” вызывает “Рэмбо”.

Солтеро был помешан на популярных фильмах и часто использовал имена известных героев в качестве своих позывных. Кроме “Рэмбо”, “Робокоп” поддерживал связь с “Роки”, “Бэтмэном”, “Призраком”, “Черепашками Ниндзя” и, конечно, с “Прекрасной Дамой”.

– Что там у тебя, Анхель? – устало отозвался Алекс. Он уже не раз предупреждал Солтеро, чтобы тот заканчивал свои детские игры, однако в три утра ему было не до выволочек.

– Где бы вы ни были, вам необходимо срочно вернуться на базу, – серьезно сообщил Солтеро.

– Что там еще случилось?

– Мы нашли того, кого искали, “Рэмбо”.

– Кто это вы? – Алекс почувствовал, что просыпается. – Ты лично?

– С помощью “Черепашек Ниндзя”, конечно. “Черепашками Ниндзя” на жаргоне Солтеро назывались несколько агентов из третьего отдела контрразведки ФБР, которых Алекс получил в свое распоряжение благодаря добрым отношениям с Нью-йоркским отделением Федерального бюро.

– Кто он? Имя?

– Можешь отгадывать до трех раз, “Рэмбо”.

– Господи, парень, прекрати же свою глупую игру! Последовала эффектная пауза.

– Это Деверо! – зловещим шепотом сказал Солтеро.

– Ты уверен?

“Оп-ля! – подумал Алекс. – Я подозревал правильно!”

– Абсолютно.

– Как вы узнали, что это он?

В трубке снова зазвучал голос Солтеро, однако не такой ликующий и радостный, как вначале.

– Боюсь, что ответ вам не понравится.

– Ладно, сейчас еду, – проворчал Алекс. Он запустил двигатель и погнал машину по пустым улицам Нью-Йорка. Сообщение Солтеро, если, конечно, он ничего не придумал и не переврал, венчало месяцы кропотливой и осторожной работы, которая вначале напоминала поиски иголки в стоге сена. Сотрудники Алекса рассыпались по всей стране, прощупывая президентов и владельцев компаний, специализировавшихся на производстве техники для космоса: радаров, лазерах, ракетных двигателях и боеголовках. Предварительный список состоял из полутора сотен имен, однако после двух месяцев скрупулезной проверки и анализа политических пристрастий воротил космического бизнеса он сократился до двадцати двух фамилий.

В конце концов в списке осталось всего пять человек, и именно тогда особое внимание Алекса привлек Альфред Деверо, престарелый миллионер из Джорджии, один из крупнейших подрядчиков проекта “Звездных войн”. По своим политическим взглядам он принадлежал к крайним правым и имел связи со зловещим Ку-клукс-кланом.

Несколько раз он открыто заявлял, что после Горбачева Россия снова станет злейшим врагом Соединенных Штатов, и поэтому от проекта “Звездных войн” нельзя отказываться.

Алекс готов был поручиться, что это именно тот человек, которого они искали, но у него не было ни одной улики, чтобы обосновать свое убеждение. И вот теперь Солтеро утверждает, что ему удалось раздобыть свидетельства того, что именно Деверо вступил в заговор против Горбачева. Любопытно будет узнать, почему он так в этом уверен.

Солтеро ждал его возле катка у Рокфеллеровского центра. Молодой агент был одет в джинсы со множеством заклепок, черную кожаную куртку, ботинки на высоких каблуках, а на лице его сияла озорная улыбка. Алекс даже подозревал, что Анхель намеренно одевается в соответствии со сложившимся у его коллег представлением о том, как должен выглядеть типичный пуэрториканец.

– Гринго угостит меня чашечкой кофе? – спросил он вместо приветствия, и Алекс мысленно поблагодарил бога за то, что Анхель отправил “Рэмбо” и “Робокопа” спать.

Алекс кивнул. Ему совсем не хотелось возвращаться в свое мрачное убежище на семнадцатом этаже и разыскивать там чистые ложки и неиспользованные пластиковые стаканы. Они завернули за угол, вошли в ночной ресторан и заказали кофе и шоколадный кекс. Пожилой официант, знавший всего несколько слов по-английски, понял их только тогда, когда Алекс дважды повторил свой заказ. Затем он обернулся к Солтеро.

– Я слушаю, Анхель.

– Две недели назад, – начал Солтеро, – у меня состоялся основательный разговор с Джеком Колдуэллом из “Черепашек”. Ему казалось, что нам следует покопаться в прошлом наших подозреваемых...

– Кого из них?

– Всех, – Солтеро провел пятерней по волосам. – Мы сделали

предположение, что по крайней мере раз в месяц Морозов должен был выходить на связь со своим здешним приятелем. Поэтому два последних месяца мы занимались именно тем, что проверяли распорядок деловых встреч наших подопечных, выискивая что-нибудь необычное. Это оказалось... – он с грустным видом проглотил последний кусок кекса. – ...Так же просто, как съесть вот это пирожное.

– Что там насчет того, что может мне не понравиться? – с нетерпением спросил Алекс. Солтеро поднял руку.

– Можно я расскажу обо всем по-своему?

– Хорошо, продолжай, – Алекс знаком поманил старика официанта и попросил подать еще кофе.

– Откуда вы приехали? – спросил он его.

Старик улыбнулся, обнажая гнилые зубы.

– Из России. Я родился в Одессе.

Солтеро в комическом ужасе воздел кверху руки.

– Русские уже здесь! – воскликнул он. – Почему мы не сдаемся, Алекс?

Заметив тяжелый взгляд начальника, он осекся и деловито продолжил:

– Как я уже сказал, мы проверили все контакты наших подопечных и обнаружили, что примерно шесть недель назад Деверо совершил трехдневную поездку в Нью-Йорк. Там он совершил несколько запланированных встреч и... незапланированный обед. Он посетил ресторан “Ла Кут Баске” и встретился там с человеком, которого наши “Ниндзя” не сумели идентифицировать. Однако у меня есть для вас его описание.

Из кармана джинсов Солтеро извлек несколько сложенных листов бумаги и перелистал их.

– Ага, вот оно... – тон его голоса неожиданно стал таким же, как в конце их радиообмена, очень серьезным и озабоченным. – “Человек, который встречался с Деверо в ресторане, выглядел лет на шестьдесят пять – семьдесят, цвет лица смуглый, глаза зеленые, волосы и усы крашеные, полосатая рубашка, шелковый галстук, двубортная куртка с пуговицами желтого металла, серые брюки из саржи, легкие кожаные туфли-мокасины... на руках золотые кольца, перстни и браслет”.

Алекс на мгновение перестал дышать. Только один человек из всех, кого он знал, подходил под это описание. Это был Гримальди.

– Когда это было? – спросил он, с трудом сдерживая поднимающуюся в нем ярость.

Гримальди был в Штатах и встречался с Деверо. Деверо подозревался в сотрудничестве с КГБ, точнее – с Дмитрием Морозовым. В настоящее время Гримальди должен был находиться в Москве, где у него были самые широкие возможности наткнуться на Дмитрия. Для последнего Гримальди был идеальным связным. Логически объяснить встречу Гримальди и Деверо можно было только одним: Гримальди стал агентом Морозова. “Наполеон” перешел на сторону врага.

Алекс лихорадочно старался подыскать другое объяснение, пытаясь придумать какую-нибудь иную версию, но тщетно. Гримальди не мог

встретиться с Деверо даже случайно.

Солтеро странно смотрел на Алекса, и тот повторил:

– Когда состоялся этот обед?

– Шесть недель тому назад. Мы проверяли. Это совпадает с приездом Гримальди в отпуск. Он приехал сюда на машине из Монреаля, из Буффало прилетел на “Ферму”, а после собеседования вернулся на две недели в Нью-Йорк.

Алекс покачал головой, недоверчиво, но и с некой обреченностью.

– Кто ваши источники? – поинтересовался он почти равнодушно.

– Метрдотель и двое официантов “Ла Кут Баске”. Гримальди говорил с метрдотелем по-французски. Он оказался гурманом, прекрасно разбирающимся во французской кухне, и “мэтр” его запомнил.

– Вы показывали им фотографии Гримальди?

Солтеро кивнул.

– Через три дня после нашего первого разговора мы вернулись с несколькими фотоснимками. Все трое опознали Гримальди из нескольких незнакомых людей. Мне очень жаль, Алекс...

Алекс слушал и механически кивал головой. “Грязный предатель, – размышлял он. – Как он мог предать свою страну в конце столь замечательной карьеры? А Дмитрий? Как ему удалось завербовать Гримальди? Какую роль играл Калинин, когда приезжал в Вашингтон?”

“Судя по всему, мой коварный брат затеял новую игру”, – подумал Алекс, но, вспомнив Сереброва и Булочку, лишь откинулся на спинку стула. Он увел человека у Дмитрия, Дмитрий ответил тем же. Братья снова вышли на ринг, изможденные и окровавленные, и ни тот, ни другой не умели положить конец своей бессмысленной войне. Как тогда сказала Клаудия? “Два старых бойца, оступаясь и еле волоча ноги, продолжают наносить друг другу удары, не в силах добиться победы и не в силах выйти из игры”.

– Продолжайте работать как обычно, – он ткнул пальцем в сторону Солтеро и с усилием поднялся, оставив на столе долларовую купюру. – Я должен перепроверить ваше сообщение в Москве.

– Для чего?

– Возможно, у Гримальди есть логическое объяснение случившегося. Разве не может быть этот совместный ленч совершенно невинным?

– Невинным? – Солтеро ухмыльнулся. – У вас есть шпион в Москве, который годами дурачит этих болванов из КГБ, этаким ловкий и отважный Мальчик с Пальчик. Этот шпион без труда обходит все ловушки КГБ, выходит сухим из воды в самых опасных ситуациях, уезжает и возвращается в Москву, когда ему вздумается, и никто никогда его не беспокоит, никто ни о чем не спрашивает. В чем же тут дело, в чем его секрет? Вы отвечаете на этот вопрос так: это опытный волк разведки, настоящий герой. Но тут ваш герой возвращается в отпуск домой, и тут же совершенно случайно знакомится с нашим главным подозреваемым и случайно обедает с ним. Что-то не очень верится в его невинность, сеньор Алекс.

– Возможно, он ни при чем и сумеет доказать это, – упрямо повторил

Алекс.

– А вы сами верите в это? Только честно?

Алекс посмотрел на него пустым взглядом и ушел.

* * *

Морозов ждал Гримальди, сидя на заднем сиденье своей “Волги”, припаркованной недалеко от площади Ленина на мрачной Татарской улице. Понемногу становилось темно, дул холодный и сухой восточный ветер, и горожане торопились по домам, преследуемые нещадным трескучим морозом. Несмотря на это, длинная очередь за водкой, огибавшая полквартала, не расходилась, мужчины лишь кутались в свои куртки и пальто да притоптывали ногами.

Увидев за стеклом машины профиль Морозова, окруженный клубами дыма от его дешевых сигарет. Гримальди почувствовал, как от отвращения у него свело скулы. Как он ненавидел этого мерзавца, его дурные манеры, черную одежду, аскетические привычки. Именно Морозов заставил его признаться в собственных слабостях и сделал его изменником.

Но что ему оставалось? Если бы он отказался тогда, в гостинице “Космос”, когда Морозов с Октябрем явились вербовать его, он был бы разоблачен ими публично и с позором выдворен в Америку, на расправу бывшим коллегам. Разве мог он признаться перед своим руководством, что половое влечение притупило все его остальные чувства и что на протяжении последних сорока пяти лет он, сам того не подозревая, был орудием в руках КГБ? Он бы, наверное, предпочел умереть, лишь бы не встречаться со своими бывшими коллегами, лишь бы не слышать их циничных замечаний и насмешек, не мучиться и не строить догадок относительно того, о чем станут шептаться за его спиной. История эта несомненно просочится в газеты, и тогда... Нет, он должен держаться тихо и незаметно, он продолжит переправлять в Вашингтон лживые сообщения Калинина и закончит операцию Морозова – Деверо, а затем уйдет на покой и уедет куда-нибудь далеко, где никто его не отыщет.

“Да, я в лужу сел!” – думал Гримальди. Ведь именно его самого часто отождествляли с “Панамой” – величайшим американским разведчиком за последние пятьдесят лет. Разведка, называется!.. На протяжении всех этих лет Калинин снабжал его первоклассной дезинформацией, состряпанной на Лубянке, и он доверчиво хватал приманку только потому, что любил Олега. С того памятного дня в “Космосе” они ни разу больше не встречались.

При мысли об этом кулаки Гримальди сжались сами собой. Если бы он столкнулся с Калининым теперь, то задушил бы его своими собственными руками. Он и представить себе не мог, что тот окажется таким подлецом. Они же были любовниками, а потом Олег предал его. А может быть, он никогда не любил его, а просто использовал свое тело, чтобы заманить Гримальди в подлый капкан?

Он открыл дверцу и скользнул на заднее сиденье рядом с Морозовым. Тот тронул водителя за плечо, и машина рванулась вперед.

– Куда мы едем? – спросил Гримальди, который в последнее время постоянно был испуганным и нервным. Морозов пожал плечами.

– Никуда. Просто некоторое время покружим по городу – так будет безопаснее.

Но в его голосе слышалось напряжение.

– Для чего все эти предосторожности, Морозов?

Дмитрий посмотрел на Гримальди, и его черные глаза замерцали в сумерках.

– Гордон начал охоту за вами, – сказал Морозов. – Он расследует ваши связи с КГБ.

На мгновение Гримальди потерял дар речи. Не страх, а леденящий душу животный ужас на короткое время охватил его, и он с трудом справился с собой.

– Что вы имеете в виду? – наконец произнес он вмиг пересохшими губами. – Кто вам это сказал? Морозов не отвечал, рассеянно глядя в окно.

– Откуда вы это узнали? – снова спросил Гримальди.

– У меня надежные источники, – отозвался наконец Морозов. – Гордон, должно быть, что-то пронюхал. Или узнал от Сереброва.

Гримальди показалось, что в машине вдруг стало чересчур душно и жарко. Он вытер со лба пот, расстегнул воротник и открыл окно. Холодный встречный ветер, пахнувший бензином, хлестнул по его пылающему лицу. За окном он увидел длинную вереницу машин в очереди на заправку.

– Я этому не верю, – промямлил он непослушным языком. – Серебров – дурак, к тому же он ничего не знает. Вы сами говорили мне это.

В самом деле. Гордону неоткуда было узнать о роли, которую играл Гримальди в планах Морозова. Ни один человек в КГБ, кроме самого Морозова, не знал об их связи. Но если все-таки Алекс каким-то чудом дознался. Гримальди мог считать себя покойником.

– Как вы узнали, что Гордон начал расследование? – снова спросил он.

Морозов продолжал смотреть в запотевшее стекло.

– Он послал политическому советнику посольства три шифровки, запрашивая о ваших контактах с советскими официальными лицами, – откликнулся он, не поворачивая головы.

Политический советник посольства США был резидентом ЦРУ, и Гримальди это было хорошо известно, так же как и то, что никто в посольстве не знал о том, что он выполняет особое задание американской разведки. Если Алекс поручил посольству расследовать деятельность Гримальди – Сент-Клера, это могло означать только одно:

Алекс Гордон подозревает что-то очень серьезное.

– Откуда вам это известно? Вам удалось расколоть шифр посольства?

Морозов опять промолчал, но на этот раз Гримальди понял его без слов. Брат Алекса был хитер как черт, наверняка у него сохранился доступ в посольство. Даже после скандала с американскими морскими пехотинцами и переоборудования здания он ухитрился каким-то образом проникать даже в защищенные помещения посольства. Возможно, его люди вмонтировали новые

подслушивающие устройства в политической секции.

– Вы должны его остановить! – сказал Гримальди, вытирая лоб шелковым носовым платком. – Вы должны помешать Гордону!

Морозов недовольно поморщился.

– Вам легко говорить. Его охраняют лучше, чем даже вашего президента.

– Так выманите его! – воскликнул Гримальди в отчаянии. – Выманите его в Париж, в Гавану, сюда, наконец... Вам просто необходимо нейтрализовать его. Если он узнает о Деверо, это будут мои похороны. И ваши тоже.

Последние слова он произнес зловещим свистящим шепотом, и Морозов искоса посмотрел на него, закуривая очередную сигарету.

– Есть какие-нибудь предложения? – холодно поинтересовался он.

* * *

Вишнево-красное такси завернуло за угол и остановилось перед подъездом дома в Вашингтоне, где Клаудия когда-то жила вместе с Алексом и детьми. В зеркальце заднего вида она заметила отражение своего лица: глаза сверкают в радостном ожидании, на губах трепещет тень озорной, почти счастливой улыбки. Клаудия едва могла сдержать свою радость. Скоро она обнимет детей, а потом преподнесет им свой сюрприз, который она обдумывала три недели кряду. Она чувствовала себя словно маленькая девочка, наконец-то получившая в подарок куклу, о которой давно мечтала.

Она возвращалась сюда уже не в первый раз. В соответствии с договоренностью между ней и Алексом большую часть года дети жили с отцом; она же прилетала из Нью-Йорка каждую неделю, чтобы провести с Тоней и Виктором несколько часов. Алекса, который в последнее время был занят какой-то работой в Нью-Йорке, Клаудия по-прежнему избегала. Она решила, что так будет для нее лучше; Клаудия не хотела разговаривать с ним и берeditь старые раны.

Клаудия очень любила вечера, которые она проводила с детьми. Втроем они ходили в кино, гуляли в парках, где с лотков торговали игрушками, или заходили в кафе Единственное, что отравляло ей эти драгоценные часы, был телохранитель из ЦРУ, который повсюду следовал за ними. Как правило, это был один и тот же человек: огромный похожий на медведя мужчина средних лет с тяжелым подбородком, подозрительными глазами-бусинками и каштановым шиньоном на голове. В углу его рта дымилась неизменная сигарета. Тоня утверждала, что дядю-медведя зовут Бэбкок; она слышала, как Алекс называл его этим именем. Тоне Бэбкок нравился, но Клаудия все равно ощущала себя его пленницей. Куда бы они ни пошли, она чувствовала его острый взгляд затылком и кожей спины, и это приводило ее в ярость. “Еще одна мания Алекса, – думала она про себя, – еще одно следствие безумной войны между братьями”.

Несколько часов, которые она проводила с детьми, как правило во второй половине дня, пролетали слишком быстро, да еще отвратительный охранник омрачал эти свидания. Клаудия мечтала о спокойном, продолжительном

уик-энде, который она могла бы провести одна с детьми в таком месте, где никто бы ее не нашел. Однажды она заговорила об этом с Робинем, и тот неожиданно подбодрил ее.

– Если тебе хочется этого, любимая, – сказал он со своим смешным британским акцентом, – возьми да и сделай! Не трусь, действуй.

С его помощью Клаудия составила хитрый план, который мог помочь ей оторваться от телохранителя и уехать с детьми за город. Никто, кроме Робина, об этом плане не знал.

Она продумала и подготовила все вплоть до мельчайших подробностей, получая такое же удовольствие, какое, должно быть, испытывал Алекс, планируя свои тайные операции.

Начала она с того, что сняла на две ночи две комнаты в гостинице “Чесапик”, купила для Тони и Виктора теплую одежду и другие вещи. Выбирать курточки, свитера и туфли, особенно для Тони, которая вот-вот должна была превратиться из девочки в молодую леди, было нелегко, но страшно интересно и приятно. Все покупки, вместе со своими собственными вещами, она погрузила в “тандерберд”, взятый напрокат в Национальном аэропорту Вашингтона. Машину она оставила на стоянке возле кинотеатра “Савой-3”, неподалеку от округа Дюпон. Алексу она написала записку, которую собиралась оставить у домработницы, где сообщала, что забирает детей на уик-энд и что они вернутся домой вечером в воскресенье. Она даже собиралась позвонить ему из Чесапик-сити или из Балтимора, чтобы успокоить его.

Потом она взяла такси и поехала домой за детьми. У дома Алекса она попросила водителя подождать, взбежала по ступенькам и нажала кнопку звонка.

Ее план сработал превосходно. Домработница Алекса, миссис Канингем, была очень любезна и пообещала передать Алексу записку, как только он вернется. Тоня в новеньком джинсовом костюме выглядела великолепно. В свое время она не захотела остричь свои длинные белокурые волосы, и теперь казалась очень женственной и взрослой. В ее нежных объятиях Клаудия чувствовала искреннюю благодарность и любовь.

– Мамочка, у меня уже есть мальчик, – с восторгом зашептала Тоня. – Его зовут Джимми, и он самый спокойный в нашем классе.

Джимми, конечно же, был без ума от Тони, и собирался стать рок-звездой или, на худой конец, астронавтом.

Откровения дочери были прерваны Виктором, который, широко улыбаясь беззубым ртом и вопя от восторга, прыгнул ей на руки. Ему было почти семь, он рос здоровым и веселым мальчуганом, унаследовавшим смуглую кожу Клаудии и ее блестящие черные глаза. Виктор немедленно принялся исследовать, что же находится внутри игрушечного робота, подаренного Клаудией, и разломал его на части секунд за тридцать, что, без сомнения, было рекордом недолговечности для любой игрушки. Когда-то они с Алексом шутили, что вместе с каждой игрушкой, которую они покупали сыну, нужно приносить ему еще и молоток, дабы он мог побыстрее с ней расправиться.

Некоторое время спустя они уселись в такси и медленно отъехали. Машина ЦРУ, конечно же, следовала за ними.

Только теперь Клаудия поделилась с детьми своим планом. Уик-энд они проведут в походах по окрестностям Чесапик-бей, причем сперва проселками доберутся до Балтимора и переночуют в отеле “Чесапик”. В субботу утром они сядут на пароход, отправятся в поездку вдоль берегов залива и посетят исторический район Хавр-де-Грас, а в воскресенье поедут кататься на машине, исследуя окрестные реки, леса и старинные бастионы Гражданской войны.

Виктор был очень рад.

– А индейцев мы усадим? – не переставая спрашивал он и размахивал пухлыми ручками, посылая точно в цель воображаемые стрелы. Тоня тоже была очень довольна, однако больше всего ее обрадовало то, что Клаудия твердо пообещала разрешить ей позвонить Джимми из отеля. Все трое были совершенно уверены, что это будут незабываемые дни, однако когда они выходили из такси, Виктор ненароком испортил Клаудии настроение, спросив, приедет ли папа и когда. Испытывая неожиданно острую тоску, Клаудия отвернулась и быстро зашагала к кассам кинотеатра “Савой-3”.

Фильм назывался “Должно быть, боги сошли с ума”, они видели его уже дважды. В зале было полно детей и подростков с пакетиками “воздушной кукурузы” и огромными бутылками “Коки”. Клаудия и ее дети сидели неподалеку от выхода, а Бэбкоку досталось место на противоположном конце зала.

Как только началась демонстрация картины, Клаудия слегка подтолкнула детей, и они незаметно выбрались из темного зала. Через считанные секунды трое заговорщиков уже мчались по дороге в арендованном “тандерберде”

– Получилось! – воскликнула Клаудия радостно, и дети поддержали ее радостными криками, а Виктор еще и запрыгал на переднем сиденье.

Через полчаса они свернули с шоссе №95 на пустынную дорогу, которая прихотливо извивалась между отлогими холмами Мэриленда. Клаудия как раз рассказывала детям о происхождении названия “Чесапик”, что на языке индейцев-алгонкинов звучало как “Чесепиук” и означало “залив, полный ракушек”, когда заметила в зеркале заднего вида два автомобиля. Один из них неожиданно прибавил скорость и преследовал ее “тандерберд” буквально по пятам, зачем-то включив дальний свет фар.

– Что им нужно, мамочка?! – в тревоге воскликнула Тоня.

Виктор обернулся назад и весело помахал рукой сияющим огням. Клаудия, почувствовав неожиданный страх, попыталась прибавить газ, но второй автомобиль легко обогнал их, резко свернул на их полосу и внезапно затормозил, загородив шоссе. Клаудия ударила по тормозам, и ее машина, визжа шинами по асфальту, остановилась в нескольких дюймах от переднего автомобиля.

Из машин выскочили четверо незнакомых мужчин и бросились к “тандерберду”. “Бог мой, у них оружие!” – в панике подумала Клаудия, лихорадочно сражаясь со своим ремнем безопасности. Тоня, закрыв лицо руками, громко кричала от ужаса. Клаудия попыталась запереть дверцы

машины изнутри, но было слишком поздно. Двое незнакомцев, чьи лица были скрыты лыжными масками, отворили двери с правой стороны и выволокли наружу ее детей. Третий направил на Клаудию пистолет и прокричал:

– Не двигаться!

Клаудия сопротивлялась, бешено лягаясь и царапаясь. Бандит попытался схватить ее за пояс, но поскользнулся, и оба рухнули на асфальт. Клаудия потянулась к его пистолету, но он ударил ее в живот, профессионально и сильно, так что она задохнулась от ослепительной боли.

Остальные нападавшие тем временем тащили отчаянно сопротивляющихся детей к переднему автомобилю; Тоня что-то бессвязно выкрикивала и молотила кулачками по груди одного из похитителей, а Виктор пронзительно визжал и дрыгал ногами, пока второй не подхватил его поперек туловища и не поднял в воздух.

До слуха Клаудии донесся рокот мотора приближающейся машины, и она обернулась. На шоссе появился еще один автомобиль, который затормозил, не доезжая до них нескольких метров. Оттуда, выхватывая из-за пояса свой пистолет, выскочил Бэбкок, которого они оставили в кинотеатре. Слава богу, ей не удалось одурачить его!

Бэбкок двигался удивительно проворно для человека своего возраста и габаритов. Он сделал несколько выстрелов, и двое похитителей, которые держали Тоню и Виктора слегка растерялись. Тоня вырвалась из рук державшего ее бандита и ринулась к придорожной канаве. Тот сделал слабую попытку догнать ее, но покачнулся и медленно осел на землю. По его груди расплывалось темное пятно. Человек, державший Клаудию, оттолкнул ее в сторону и прицелился в телохранителя, но Клаудия бросилась вперед и укусила его за руку. Бандит взвыл от боли и выронил пистолет. Долю секунды он колебался, затем бросился к передней машине.

Третий из нападавших, прикрываясь Виктором как живым щитом, открыл огонь по телохранителю. Видя это, Клаудия по-звериному зарычала и побежала к нему. Она видела ствол направленного на нее пистолета, но сейчас ей было плевать. Человека маске отпустил Виктор и выстрелил.

– Мамочка! Мама! – Виктор бежал к ней, раскрыв руки, и Клаудия видела, что лицо его блестит от слез. Он был уже совсем близко, когда ноги его подогнулись, и он упал ничком на асфальт. В два прыжка Клаудия поравнялась с телом Виктора, хватая его на руки. Виктор дышал неровно, со всхлипами, а по руке Клаудии, которой она поддерживала его спину, потекло что-то горячее и липкое.

Она слышала крики на чужом языке, беспорядочную пальбу и топот ног. Преследователи отступали к первой машине, унося с собой раненого. Нестройно захлопав дверцы, и машина с ревом рванула с места, стремительно набирая скорость.

– Миссис Гордон! – хрипло окликнул ее кто-то. Совсем рядом вдруг раздался голосок Тони, и Клаудия почувствовала, как вздрагивающее тело дочери прижимается к ней.

Не скоро она расслышала чьи-то голоса и множество других звуков;

увидела, что все вокруг ярко освещено фарами полицейских машин, но даже тогда она осталась сидеть скорчившись на узкой полосе асфальта, нежно прижимая к себе легонькое тело своего сына и чувствуя, как затихают сотрясающие его тело конвульсии, как слабеет дрожь маленьких рук и ног.

* * *

Вертолет ЦРУ, дожидавшийся Алекса в аэропорту Вашингтона, доставил его прямо в Первый Мемориальный госпиталь. Было уже около полуночи, и в темноте он отчетливо видел расположенные в виде креста огни на посадочной площадке больницы. Вертолет снижался, и по спине Алекса вновь пополз холодок. В Нью-Йорке ему сообщили только, что Виктор жив, хотя рана его серьезна.

Виктор жив, все остальное не имело значения. Алекс спрыгнул на гудрон вертолетной площадки и побежал ко входу в приемный покой. “Господи, – думал Алекс, – помоги ему выжить, помоги уцелеть в этой войне, к которой он не имеет никакого отношения!” Щербатая улыбка сына мелькнула у него перед глазами, и Алекс в тысячный раз спросил себя, какого дьявола Клаудия потащила с детьми в Мэриленд.

В приемном покое его дожидалась седая санитарка.

– Я – сестра Жанетт, – представилась она. – Вашего сына оперируют, мистер Гордон. Пожалуйста, пойдите со мной.

Они быстро прошли по коридору мимо старика в кресле на колесиках, мимо двух молоденьких медсестер, которые негромко пересмеивались, шепча что-то друг другу. Миловидная блондинка с раздутым животом с трудом ковыляла им навстречу по коридору, толкая перед собой сложное сооружение на колесиках, с которого свисала капельница для внутривенного вливания плазмы. За закрытой стеклянной дверью настойчиво звонил телефон.

Над двойной дверью висела бросающаяся в глаза табличка: “Операционная, вход только для персонала”. Они прошли внутрь и оказались в просторном коридоре со сверкающими чистотой белыми стенами. В воздухе висел тяжелый запах антисептиков, а вдоль стены выстроились каталки с зелеными клеенчатыми матрасами. Напротив стояли три кресла, а рядом с ними Алекс увидел Клаудию, устало привалившуюся к стене с картонным стаканчиком кофе в руке.

– Подождите здесь, – сказала санитарка. – Доктор Фульдхейм сейчас к вам выйдет.

С этими словами она исчезла за дверью. Алекс посмотрел на Клаудию. Он не видел ее с тех пор, как она ушла от него. Сегодня она была в бежевой матроске с огромными пуговицами, желто-коричневых брюках и замшевых туфлях без каблуков. Брюки были в грязи и бурых пятнах, а левая штанина была разорвана на колене. Волосы в беспорядке падали на плечи, под глазами чернели круги, а на левой скуле алела свежая царапина, протянувшаяся от уха до носа.

– Здравствуй, Клаудия, – сказал Алекс.

Она кивнула.

– Какой?

Прежде чем Клаудия успела ответить, боковая дверь распахнулась, и в коридоре появилась сестра Жанетт в сопровождении рослого, атлетически сложенного мужчины лет шестидесяти в зеленом хирургическом халате, с серебряным ежиком коротких волос и острыми чертами лица.

– Это вы – Алекс Гордон? – устало спросил он. – Я – доктор Фульдхейм. Ваш сын все еще в хирургии. Мы делаем все возможное, но боюсь, шансов очень мало. Мальчик был ранен в спину двумя пулями. Задеты легкие, серьезно повреждены важные кровеносные сосуды.

Алекс посмотрел на врача.

– Он жив?

– Да, он еще жив, но, как я уже сказал, состояние критическое.

Алекс обернулся к Клаудии.

– Где Тоня? Что с ней?

– Мы заботимся о вашей дочери, – вставила сестра Жанетт. – Она в шоке. Мы...

– Ее тоже ранили? – хриплым голосом перебил Алекс, и взгляд его заметался между Клаудией и медсестрой.

– Нет, – спокойно сказала сестра Жанетт: – Ваша дочь физически не пострадала, просто она пережила сильнейшее эмоциональное потрясение. У нее началась истерика, и нам пришлось дать ей успокоительное. Теперь она уснула, а когда проснется – все уже будет в порядке.

Алекс снова повернулся к врачу.

– Скажите, доктор, какие шансы у моего сына?

Фульдхейм положил руку ему на плечо.

– Мистер Гордон, – сказал он, печально качая головой. – Вы должны мужественно смотреть правде в глаза. Вашего сына может спасти только чудо.

Хирург и сестра ушли в операционную, и Алекс проводил их ничего не выражающим взглядом. Колени его сами собой подогнулись, и он опустился в одно из кресел. Его сын умирал. Возможно, он не доживет даже до конца операции. Он не может этого допустить, он должен немедленно что-то сделать. Вот только что, боже милостивый? Что такого он сделал когда-то, что творил все эти пятнадцать последних лет, если наградой ему стало мертвое тело сына?!

Алекс обернулся. Клаудия что-то говорила ему, но он не слышал ни слова. Его сын в операционной, его дочь, накачанная транквилизаторами, лежит сейчас где-то в темной комнате, сражаясь с кошмаром, который будет преследовать ее всю жизнь. Клаудия стоит перед ним избитая, исцарапанная, чудом оставшаяся в живых. Неожиданно он вспомнил стеклянные глаза Нины, какие были у нее за день до смерти.

Все эти люди умерли или страдали из-за него, из-за его войны с Дмитрием. Из-за их кровавой вражды погибла Нина и может умереть Виктор, из-за нее Тоню будет преследовать постоянный страх. Клаудия даже пыталась бежать от него, но не сумела уйти достаточно далеко...

Его мрачные размышления были прерваны сестрой Жанетт.

– Вас срочно вызывают к телефону, мистер Гордон, – сказала она.

Он последовал за ней в тесную комнатку, где на заваленном бумагами столе стоял черный телефонный аппарат.

– Алло? – сказал Алекс, беря трубку, лежавшую рядом с аппаратом на чьей-то истории болезни. Звонил Бэбкок.

– Расследование подтверждает мои первоначальные выводы, – кратко сообщил он.

Алекс глубоко вздохнул. В эти минуты ему было не до Бэбкока с его расследованием.

– За машиной вашей жены никто, кроме меня, не следовал, – продолжал охранник. – Мы обнаружили оба автомобиля, которые были использованы для нападения; один остался на месте преступления, второй – рядом с Балтиморским аэродромом. Обе машины были взяты напрокат в Балтиморе сегодня утром еще до того, как миссис Гордон села на самолет, вылетающий в Вашингтон. Это была засада, Алекс.

Думая о маленьком сыне, Алекс с трудом понимал, о чем ему толкует агент. Он попросил повторить, но только когда Бэбкок принялся рассказывать все с самого начала в третий раз, он уловил страшный смысл его слов.

– Подожди, – перебил он и, оставив трубку на столе, вернулся в коридор. Клаудия стояла там, где он ее оставил, с рассеянным видом потягивая из стакана остывший кофе.

– Клаудия, – сказал Алекс, – прости, что я спрашиваю тебя об этом сейчас, но мне очень нужно это знать. Как вы оказались на Балтиморском шоссе?

– Какое это теперь имеет значение? – спросила Клаудия, не глядя в его сторону.

– Это важно. Мы должны найти напавших на вас людей.

Клаудия повернулась к нему, на лице ее застыло подавленное выражение.

– Я хотела побыть с детьми, одна... – начала Клаудия неуверенно, затем рассказала о своей идее провести выходные на берегах Чесапикского залива.

– Кто еще знал о твоих планах?

Она нахмурилась.

– Что ты хочешь сказать? Никто не знал.

– Никто?

Клаудия внезапно побледнела.

– Никто, только Робин... Он помогал мне все это спланировать. Ты что, снова пытаешься...

– Робин – это твой друг? – спросил Алекс. Даже сейчас он не мог произнести слово “любовник”.

– Как его фамилия?

– Уэстлейк, но что... – она схватила его за руку. – Что происходит, Алекс?

– Идем со мной, – позвал он ее.

Клаудия заколебалась, с болью глядя в направлении дверей операционной, затем послушно побрела за Алексом к маленькой комнатке сестры.

– Бэбкок? Срочно проверь, кто такой Робин Уэстлейк... – Он помолчал. – Да-да, ты прав...

Он повернулся к Клаудии.

– У него не американская фамилия.

– Он – англичанин, – ответила она скованно.

– Адрес? – спросил Алекс, с трудом подавляя приступ ревности.

Клаудия помолчала, затем неохотно продиктовала адрес в Верхнем Ист-Савде и номер телефона.

Алекс повторил эту информацию для Бэбкока.

– Он англичанин, – добавил Алекс, – так что справься в иммиграционной службе и перезвони, о'кей?

Он положил трубку на рычаги и повернулся к Клаудии.

– Что все это значит? – устало спросила она. – Ты что, подозреваешь Робина?

Алекс нежно обнял ее за плечи.

– Поверь мне, Клаудия, я молю бога, чтобы твой Робин не имел к этому никакого отношения, потому что, если он замешан в это дело, я никогда не прощу себе...

Он выпустил Клаудию и оперся на подоконник, прислонившись лбом к холодному оконному стеклу. Он в самом деле надеялся, что любовник Клаудии не вовлечен в этот заговор. Алекс горько винил себя в том, что не поинтересовался его персоной раньше; глупая гордость помешала ему сделать это, гордость и сознание того, что он будет таскаться за счастливым соперником по улицам Нью-Йорка. Правда, он боялся и того, что Клаудия обвинит его во вмешательстве в ее частную жизнь. И все же теперь, когда все встало на свои места или почти встало, он понимал, что именно таким мог быть план Дмитрия: сначала любовник для Клаудии, затем провокация против нее и детей.

Бэбкок позвонил Алексу час спустя. На этот раз Клаудия была рядом с ним, терпеливо ожидая, каким будет приговор.

Результаты расследования Бэбкока действительно были неутешительными. Робина Уэстлейка не оказалось дома, а обыск в его апартаментах показал, что отсутствуют туалетные принадлежности и кое-что из вещей. Швейцар видел, как мистер Уэстлейк вышел из здания с чемоданом в руке и сел в такси до аэропорта. Все это произошло чуть позже шести часов. Иммиграционная служба сообщала, что Робин Уэстлейк с паспортом гражданина Соединенного Королевства №47592845 вылетел из Соединенных Штатов в Лондон рейсом авиакомпании ТВА. Билет для него был заказан четыремя днями раньше.

Клаудия стояла совершенно неподвижно, и ее лицо было белым как мел. Положив трубку, Алекс шагнул к ней, но она отвернулась и выбежала прочь. Ее шаги эхом отдались в длинном пустом коридоре. Алекс побежал за ней, на мгновение потеряв Клаудию из вида в ярко освещенном тамбуре, и только потом заметил ее фигуру на стоянке около госпиталя.

Он догнал ее только, когда она остановилась, неглубоко и часто дыша, у ограды автостоянки. Клаудия словно обезумела от горя; она растерянно оглядывалась по сторонам и мелко дрожала.

Алекс снова обнял ее за плечи, но Клаудия забилась в его объятиях и

страхнула его руки.

– Пусти меня! – с болью прошептала она. – Не смей ко мне прикасаться!

Ночь была пронизывающе холодна. Завывания резкого восточного ветра заглушались лишь сиренами “скорой помощи”. Алекс посмотрел на Клаудию – одинокую, сломленную, вздрагивающую от унижения и горя. Он догадывался, что она испытывает в эти минуты. После пятнадцати лет совместной жизни она оставила его и влюбилась в другого мужчину. Со своим новым любовником Клаудия снова почувствовала себя счастливой, привлекательной и желанной, а теперь оказалось, что все это было ловушкой, что любовник был коварным и хитрым врагом, который воспользовался ею в своих целях. Человек, к которому она привязалась, оказался замешан в похищении и, возможно, убийстве ее детей.

– Клаудия, выслушай меня, – сказал Алекс.

– Оставь меня в покое.

– Не вини себя. Ты не могла даже заподозрить его. – Алекс отвернулся и глядел в сторону. – Это дело рук Дмитрия. Я уверен, что он подослал к тебе Уэстлейка, как только ему стало известно, что ты ушла от меня.

Клаудия не ответила, и Алекс заговорил снова, взволнованно и горячо.

– Я хочу сказать тебе кое-что, Клаудия. Я хочу, чтобы ты знала – я уйду из ЦРУ.

Она даже не посмотрела на него.

– Я уже решил, Клаудия, – продолжал Алекс. – Просто сейчас я занят одним делом. Это невероятно важная операция, и она может повлиять на будущее нашей страны. Чтобы закончить это дело, мне понадобится еще два или три месяца, но после него я уйду. Теперь я понимаю, каким дураком я был. Ты была права, права с самого начала.

Клаудия продолжала молчать. Губы ее были плотно сжаты, а взгляд оставался враждебным.

– Пойдем, – сказал Алекс. – Может быть, есть какие-нибудь известия о Викторе.

При упоминании о сыне Клаудия мгновенно вернулась к реальности. Развернувшись, она торопливым шагом пошла в сторону госпиталя. В приемном покое никого не было, и она, порывшись в сумочке, выудила оттуда сигарету. Несколько раз она с жадностью затянулась, потом раздавила сигарету носком туфли.

У дверей операционной их ожидала медсестра, которую они еще не встречали. Это была молодая негритянка с большими яркими губами.

– Это вы – мистер и миссис Гордон? Вас зовет дочь.

Палата, в которой лежала Тоня, была погружена в полумрак, однако Алекс сумел рассмотреть на постели ее маленькое тело и разметавшиеся по подушке светлые волосы.

– Мама? – слабым голосом прошептала Тоня. – Папа?

Клаудия шагнула вперед и схватила дочь за руку.

– Папа... – снова произнесла Тоня непослушными губами. – Где ты?

– Я тут, родная, – Алекс наклонился над ней и поцеловал в щеку.

– Дай мне руку.

Алекс взял ее тонкую руку в свои ладони и посмотрел на Клаудию, оказавшуюся с другой стороны кровати.

– Как Виктор? – спросила Тоня.

– Мы еще не знаем, сердечко, – с трудом отозвалась Клаудия, и Алекс понял, что она плачет.

– Можно нам вернуться домой? – проговорила Тоня. – Я хочу домой, пожалуйста...

Виктор умер на рассвете. Доктор Фульдхейм сказал, что они сделали все возможное, однако ребенок был обречен с самого начала. Алекс пожал ему руку.

– Спасибо, док, – пробормотал он и рухнул в кресло, закутавшись в свое пальто.

– Мой сын... – прошептала Клаудия надтреснутым, мертвым голосом. – Его больше нет, Алекс...

Алекс повернулся к ней и покачал головой. Говорить он не мог. Нет, никогда он не задумывался о том, что все может закончиться именно так. Ни в чем не повинный маленький мальчик пал жертвой его собственных идиотских игр. Все, что произошло, он сделал своими собственными руками. Чужая пуля попала в его сына, но это его палец спустил курок. Чувство вины, нараставшее в его груди, не отпускало Алекса ни на минуту.

– Клаудия, – прошептал Алекс и потянулся к ней. – Клаудия!

Он не смел вымолвить вслух ни одного слова из тех, что переполняли его. “Что же я наделал, Клаудия?! – хотелось ему сказать. – Какую беду навлек я на тебя и детей! Что я сделал с Виктором, названным так в честь моего отца?”

В сознании его внезапно возник Виктор Вульф, сильный и одержимый человек. “Я подвел тебя, отец, – подумал Алекс в отчаянии. – Мне так хотелось, чтобы ты был рядом со мной, что я назвал твоим именем своего сына, но жизнь его я сделал ставкой в своей игре и предал твою память. Если бы ты только знал, что твой сын посвятил всю свою жизнь борьбе с собственным братом. “Братья едины вовек!” – писал ты, но вот перед тобой два брата, которые жаждут крови друг друга. Только смерть моего собственного сына заставила меня увидеть, в каких безумцев мы превратились”.

Из горла ею вырвался хриплый стон, и Алекс расплакался как ребенок. Он отвернулся к стене и закрыл лицо руками; но рыдания продолжали сотрясать его тело.

Он плакал навзрыд и не осмеливался взглянуть в глаза Клаудии.

Клаудия неуверенно коснулась его плеч, лица, затем прижала его к груди и заплакала вместе с ним, глядя его по голове. Все ее тело вздрагивало, и Алекс был благодарен ей за то, что ему не в одиночку приходится противостоять демонам, которых он выпустил на свободу.

Когда он поднял голову, Клаудия все еще стояла, склонившись над ним, пристально глядя ему в глаза.

– Я... – сказала она, закусив губу. – Я хотела... Лицо Алекса внезапно оказалось в ее ладонях. Веки Клаудии распухли, а глаза смотрели безжизненно

и отрешенно.

– Тоня ждет, – сказала она, касаясь его кожи кончиками пальцев. – Давай отвезем ее домой, Алекс.

Глава 19

Где-то далеко три раза пробили куранты на Спасской башне. В полутьме своего кабинета Дмитрий Морозов откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. Он уже давно привык к ночной тьме, и ее бархатная, успокаивающая тишина даже нравилась ему. В эти предрассветные часы, когда все замирало, и даже его ночные помощники клевали носами в своих креслах, разум Дмитрия приобретал остроту бритвенного лезвия. Ночь была его царством, в котором он властвовал безраздельно, и именно в эти часы, когда его мозг оттачивался на оселке одиночества, ему в голову приходили самые блестящие из его планов и комбинаций.

Огонек сигареты слабо тлел в темноте, а сизый дым колыхался перед глазами подобно старой паутине, которая плавно раскачивалась и растворялась в воздухе.

Дмитрий уже давно постиг преимущества ночных бдений; это был один из секретов его ремесла, которым он научился у Октября; тот тоже предпочитал ночную охоту за мыслью. Теперь Октябрь вот уже неделю был мертв; он умер в страшных мучениях, уступив раку, который разъедал его тело буквально на глазах Дмитрия.

Дмитрий стал свидетелем того, как страшная болезнь приканчивала его учителя и друга в его старой, почти монашеской келье. Октябрь оказался единственным человеческим существом, к которому Дмитрий испытывал нечто вроде любви, единственным из всех, к чьим советам он прислушивался, единственным человеком, который был ему близок.

Дмитрий отчаянно нуждался в Октябре. Он хотел бы помочь ему, но не знал – как. Октябрь упорно отказывался принимать морфий и обезболивающее, а его последним желанием стало умереть на своей старой даче на берегу реки Клязьмы.

Дмитрий бросился в машину. Он гнал ее сквозь метель и пургу, стиснув зубы, он вцепился в рулевое колесо мертвой хваткой, не обращая внимания на свистки регулировщиков и отчаянный визг колес по обледеневшей трассе. Смерть, однако, не ждала. Когда они подъехали к дому Октября, наполовину похороненному под снегом, старик уже окоченел. Рот его приоткрылся в ужасной гримасе, а остекленевшие глаза внимательно вглядывались в беснующийся снаружи буран. В соответствии со старинным крестьянским предрассудком смерть с открытыми глазами означала, что и в смерти Октябрю будет отказано в покое и что дух его станет скитаться по родным полям до Страшного суда.

“Где же ты теперь, Октябрь? – подумал Дмитрий. – Именно теперь, когда ты так мне нужен. Где твой коварный извращенный ум, где твои интуиция и опыт?”

Он был так близок к тому, чтобы сломать брата и сделать его навеки своим пленником, однако его безупречный план рухнул, наткнувшись на неожиданную предусмотрительность немолодого телохранителя и отчаянную храбрость, неожиданно обнаружившуюся в Клаудии, жене Алекса. И конечно, виноваты в этом были его оперативники, провалившие простейшее задание.

Конечно, он не хотел смерти маленького Виктора Гордона. Меньше всего ему хотелось прослыть детоубийцей. Виктор и его сестра нужны были ему в качестве заложников. Он намеревался похитить их, чтобы шантажировать Алекса, добываясь от него прекращения расследования в отношении Гримальди и Деверо. Он не собирался давать своему брату возможность вмешиваться в свои дела.

С каждым днем Горбачев представлял собой все большую угрозу. Он позволил этому демагогу Ельцину захватить власть в Верховном Совете Российской Федерации, он позволил прыбалтам изгнать со своей территории части Советской Армии и допустил объединение Западной и Восточной Германии. Именно Горбачев санкционировал свободный отъезд евреев в Израиль и пресмыкался теперь перед израильским кабинетом министров, принимая его представителей у себя в Кремле со всеми почестями. Горбачевское преклонение перед американцами зашло так далеко, что он присоединился к американской блокаде Ирака, который на протяжении долгих лет был верным союзником Советского Союза на Ближнем Востоке. Вместо того чтобы помочь иракскому лидеру Саддаму Хусейну, как бывало раньше, Горбачев смиренно поддержал Америку в ее неизбежном нападении на Ирак. С Горбачевым нужно было покончить, и, если удастся по крайней мере на полгода сохранить в секрете детали подготовленного Дмитрием плана, эту проблему можно было считать решенной.

Строго говоря, именно такую цель держал в уме Дмитрий, планируя похищение детей Алекса. Шестимесячная передышка – время, оставшееся до начала поездки Горбачева в США, – нужна была ему как воздух. В Вашингтоне Горбачев должен был умереть.

Дмитрий всерьез рассчитывал на сентиментальность своего брата, на его и Клаудии привязанность к детям. Он ни мгновения не сомневался, что, если бы похищение удалось, Алекс был бы надолго отвлечен от расследования дела Деверо, так как все его силы были бы поглощены спасением собственных детей.

Однако в критический момент его бездарные исполнители дрогнули, поддались панике, застрелили мальчишку и бежали. Его план провалился.

“Помоги мне. Октябрь! – подумал Дмитрий. – Мне нужен новый план, чтобы заманить моего брата в ловушку. У каждого человека есть секретная кнопка; стоит нажать на нее, и человек начинает действовать иррационально, рискуя всем, что у него есть, даже своей жизнью. Где твоя кнопка, Алекс? На что мне следует нажать в первую очередь?”

От напряжения он даже закрыл глаза, пытаясь вызвать из глубин памяти последний разговор с Октябрем.

– Бей по семье, – говорил ему Октябрь в этой самой комнате, прищутив

пылающие глаза. – Бей по родственникам, в Союзе и за рубежом...

Это было верно: привязанность Алекса к своим родственникам, ближним и дальним, всегда была его ахиллесовой пятой. Но Нина была мертва, Клаудия и Тоня находились под надежной защитой, а в России он еще не нашел ни одного родственника Алекса.

Новое воспоминание возникло в его памяти, и он потянулся к черной пуговке интеркома.

– Слушаю, товарищ генерал, – голос Ивана Середы, его первого помощника, был невнятным и сонным.

– Зайди, – приказал Дмитрий, откидываясь на спинку кресла и закуривая сигарету.

Через полторы минуты в дверь кабинета негромко постучали. Середа вошел, держа в руках дымящуюся чашку с чаем и разломанную на дольки плитку швейцарского шоколада в стеклянной розетке.

Дмитрий отодвинул шоколад в сторону.

– Уже довольно давно я просил тебя достать мне досье Виктора Вульфа, – сказал он.

Вот уже несколько лет Дмитрий пытался добраться до этих древних документов, чтобы узнать из них фамилии и адреса родственников отца Алекса и заняться ими вплотную. В последний раз он, однако, обращался к этому вопросу полгода назад.

Середа серьезно кивнул.

– Я помню, товарищ генерал. Виктор Вульф, проходил по делу еврейских писателей в 1949 году. Я несколько раз запрашивал его досье и даже сам ходил в Центральный архив в северном крыле на Лубянке. Мне сказали, что такого дела у них нет. Я попросил проверить еще раз, однако не получил никакого ответа.

– Нет такого дела? – повторил Дмитрий. В прошлом он уже получал подобный ответ.

– Как это может быть, Середа? Человек был арестован, судим и получил срок. У них должно быть не одно дело, а по крайней мере полдюжины.

– Я так и сказал, товарищ генерал, но они ответили мне только одно: документы могут быть подшиты в другой папке.

Дмитрий отпил глоток крепкого, ароматного чаю. “Это Россия, не где-нибудь...” – подумал он, чувствуя нарастающий гнев. Некомпетентность, бюрократические рогадки, всеобщая безответственность – именно с этим приходилось ему сталкиваться, куда бы он ни обратился.

– Ладно, – кивнул Дмитрий. – Проверь среди дел, относящихся к Антифашистскому комитету. Приговоры 1949 года, трибунал седьмого района. Списки заключенных Воркутинского спецлагеря. Списки умерших в этом лагере.

Середа быстро строчил в блокноте, старательно облизывая пухлые губы.

– Все это введено в память компьютера и займет несколько минут, – заметил Дмитрий с легким оттенком презрения, – Ты можешь вызвать эту информацию на своем дисплее. Займись этим немедленно и возвращайся

вместе с делом.

Середа вернулся к нему на следующий вечер.

– Я проверил все, что вы сказали, товарищ генерал, – доложил он и нервно сглотнул. – Нет такого дела!

Директор Центрального архива КГБ оказался похожим на мышь полковником предпенсионного возраста. Его желтоватое лицо, самыми заметными частями которого были небольшой узкий рот и подвижные карие глаза, имело треугольную форму, заканчиваясь маленьким скошенным подбородочком. Судя по всему, полковник был не на шутку испуган неожиданным вниманием к своей персоне со стороны всемогущего начальника Тринадцатого отдела, так как он довольно робко пристроился на самом краешке стула и поминутно вытирал со лба выступающий пот.

– Я хотел бы знать, товарищ Севлиев, куда девалось интересующее меня дело, – сказал Морозов, выдыхая длинную струю табачного дыма в направлении маленького полковника.

– К сожалению, ничего определенного не могу вам сказать, товарищ генерал, – отвечал начальник архива, стараясь, чтобы голос его не очень сильно дрожал. – Мы не нашли никаких следов.

– Что значит – никаких следов? – взорвался Дмитрий, и Севлиев вздрогнул так, словно его хлестнули по лицу. – Этого человека судили и приговорили. Скорее всего он умер, но ведь он существовал, не так ли?

Полковник беспомощно развел руками.

– Я уже докладывал вам, что папку могли переставить на другую полку и забыть про нее. Дело, однако, в том, что дел, касающихся Виктора Вульфа, должно быть несколько. Если в наших архивах ничего не осталось, то это означает только одно: кто-то довольно тщательно над этим поработал. Я уверен, что все записи, касающиеся Виктора Вульфа, были изъяты или удалены.

– Кем удалены?

Севлиев воздел к потолку свои маленькие ручки.

– Кем-то весьма высокопоставленным, товарищ генерал. В противном случае досье не исчезло бы. Мы уничтожаем дела довольно редко, и только по прямому указанию Политбюро. Такое случается, когда дело касается непосредственно интересов государственной безопасности.

– Виктор Вульф никогда не был угрозой для государственной безопасности, – ворчливо заметил Дмитрий и раздавил сигарету в переполненной пепельнице, перешедшей к нему по наследству от Октября.

– Разрешите, товарищ генерал... – Севлиев, словно школьник, робко приподнял руку. – Вчера вечером у меня появилась идея...

Голос его звучал неуверенно.

– Может быть... может быть, это дело внесено в список высшей категории секретности?

Дмитрий нахмурился. Упомянутый список был доступен только ограниченному числу высших должностных лиц КГБ. Он мог вызвать его на экране своего служебного компьютера только при помощи специального

пароля, который изменялся каждую неделю. Только вчера он получил с нарочным запечатанный конверт, в котором находился лист бумаги с новым кодовым словом.

– Почему это дело оказалось в списках? – пробормотал Дмитрий. – Вульф не был ни главой государства, ни партийным деятелем. Он был грязным еврейским писакой!

– Это просто предположение, товарищ генерал, – сказал Севлиев, неловко вставая со стула. На его перекошенных губах появилась заискивающая улыбка. – Если я вам больше не нужен, я, пожалуй, вернусь на свое рабочее место. Может быть, мои люди тем временем нашли что-нибудь, что могло бы вас заинтересовать.

Коротким кивком головы Дмитрий отпустил его. Как только миниатюрная фигурка полковника скрылась за дверьми его кабинета, Дмитрий повернулся к своему персональному компьютеру, которым он пользовался довольно редко. Отперев сейф, он извлек оттуда плотный конверт с двумя красными полосками и штампом “Совершенно секретно”.

На этой неделе паролем служило прилагательное “Непокоренная”. Дмитрий не сдержался и хихикнул. Политруки и здесь не упустили возможности для пропаганды коммунистических идей. В последнее время идеологи партии усиленно вколачивали в головы граждан страны идею о том, что Россия никогда не бывала побеждена врагом, весьма беззастенчиво выдавая при этом желаемое за действительность.

Все еще сохраняя на лице кривую усмешку, Дмитрий включил компьютер, набрал необходимые предварительные команды и ввел пароль, личный шифр и секретный личный номер. Проконсультировавшись со справочной таблицей, он набрал несколько цифр, вызывая на экран списки высшей категории секретности.

На экране компьютера замигала надпись “Готов”. “Виктор Вульф, 1949”, – напечатал Дмитрий. Экран потемнел, затем на синем фоне возникла одна-единственная фраза, состоящая из мерцающих желтых букв и цифр.

– Черт меня возьми! – прошептал Дмитрий. – Черт меня возьми совсем!

Его разум отказывался воспринимать то, что он только что прочел. Сообщение было настолько удивительным, что просто не могло быть правдой, однако вот они – желтые буквы на синем экране, которые складываются в слова, сообщающие ему потрясающую новость и нетерпеливо ожидающие, пока он как-то откликнется.

По мере того как смысл полученного сообщения проникал в разум Дмитрия, волна сумасшедшей радости и яростного торжества захлестывала его.

– Наконец-то я поймал тебя, Сашка Гордон! – прошептал Дмитрий. – Наконец-то я держу тебя за горло!

Он нажал на кнопку селектора и торопливо произнес в микрофон:

– Срочно доставьте мне дело Рауля Валленберга!

* * *

Анхель Солтеро вошел в небольшую комнатку, служившую манхэттенской резиденцией Алекса Гордона.

– Последнее сообщение Гримальди, – доложил он, протягивая Алексу листок бумаги с напечатанным текстом. – Только что доставлено специальным курьером из Лэнгли. “Гоблины” расшифровали это сегодня утром.

Алекс рассеянно кивнул. “Гоблины” – шифровальщики – было новым словечком в словаре Солтеро.

Алекс стоял, согнувшись над своим столом, внимательно изучая предварительное расписание визита Горбачева в Америку. Красным фломастером он подчеркнул основные пункты, в которых советский лидер планировал длительные остановки: ООН и советское консульство в Нью-Йорке, посольство в Вашингтоне, визит в Белый дом, Государственный департамент, Минт (почему именно Минт, черт побери?), Арлингтонское кладбище. Капитолийский холм и Центр Кеннеди. В любом из этих мест опытный снайпер имел возможность подстрелить советского президента как куропатку. На этот счет у Алекса не было никаких сомнений, несмотря на то, что на протяжении всего маршрута Горбачева должна была сопровождать целая армия полицейских, агентов ФБР и “Сикрет Сервис”.

Алекс устало поднял голову.

– Посмотрим, что там напридумывал наш друг Гримальди, – пробормотал он, бросив взгляд на новенькую замшевую курточку Солтеро, состоявшую в основном из сверкающих молний, пуговиц и золотого галуна.

– Куда это ты собрался? На самбадром⁶?

– Сегодня ночь сальсы⁷, гринго, – протянул Солтеро. Алекс взял в руки лист бумаги и бегло просмотрел его. Добравшись до заключительных фраз, он вздрогнул и схватился за стол, чтобы не упасть. Комната закачалась перед его глазами, и он тяжело опустился на стул, все еще глядя на расшифрованное сообщение.

– Что-нибудь не так, сеньор Рэмбо?

Алекс не отреагировал, пожирая глазами убористый машинописный текст. С трудом сглотнув, он с шумом втянул воздух, пытаясь преодолеть бешеный стук крови в висках.

В донесении Гримальди было написано следующее:

...На следующей неделе представители Кремля планируют официально признать, что шведский дипломат Рауль Валленберг был расстрелян в 1945 году после непродолжительного заключения в воркутинском спецлагере. Казнь Валленберга произошла в присутствии троих свидетелей из числа заключенных того же лагеря. Свидетели остались в живых и содержались отдельно от остальных, скорее всего для того, чтобы их можно было использовать во внутренних расправах между советскими секретными службами. Казнь

⁶ Стадион или театр в Латинской Америке, где проходят состязания по самбо.

⁷ Современная латиноамериканская и пуэрто-риканская музыка, включающая в себя элементы рока и джаза.

Валленберга была проведена сотрудниками Министерства внутренних дел, которых поддерживали будущий премьер Никита Хрущев и будущий министр иностранных дел Андрей Громыко. Министерству государственной безопасности, которое было основным соперником МВД в советском обществе, удалось похитить свидетелей, тайно вывезти их на свой секретный объект и держать их там на протяжении двадцати шести лет. Их показания могли иметь самые губительные последствия для МВД и для тех, кто сделал на него ставку в своей политической игре. В случае, если бы показания этих трех человек были опубликованы, МВД предстало бы как банда убийц, которые не колеблясь расправились с известным западным дипломатом.

Все записи, касающиеся казни Рауля Валленберга, были уничтожены, исполнители – расстреляны, а из трех свидетелей в живых осталось только двое; третий, Павел Мичурин, скончался семнадцать лет назад.

После того как обстоятельства смерти Валленберга будут обнародованы, двое оставшихся в живых свидетеля будут выпущены из тюрьмы и отправлены на поселение в заполярный город Печору. Имена оставшихся в живых – Геннадий Корчагин и Виктор Вульф.

Алекс впился глазами в лист бумаги. Строчки прыгали у него перед глазами. Виктор Вульф. Отец. Живой...

Однако вскоре он понял, что все это слишком удивительно, чтобы быть правдой. Перед ним была очередная ловушка, за которой стоял его брат, Дмитрий Морозов. Он сам рассказал ему о своей любви к отцу, об интересе к его взглядам и его поэзии, и теперь Дмитрий безошибочно рассчитал, что известие о Викторе Вульфе разбудит в Алексе непреодолимое желание увидеть отца. Он был уверен, что Алекс приложит все усилия к тому, чтобы пробраться в Советский Союз и попытаться увидеться с ним.

Алекс в гневе стиснул зубы. Все, что касалось Валленберга, безусловно было выдумано Дмитрием специально для него. Гримальди понадобился ему лишь затем, чтобы переслать сообщение адресату.

С другой стороны, Дмитрий не мог не знать, что Алекс тщательно проверит поступившую информацию. КГБ было известно, что, кроме Гримальди, у ЦРУ были в СССР и другие источники. Если сообщение выдумано, Алексу станет известно об этом в двадцать четыре часа. Дмитрий не стал бы пользоваться подобной приманкой, если бы в ней не было ни слова правды.

Алекс сидел совершенно неподвижно. Что, если вся история – не выдумка? Что, если Виктор Вульф в самом деле чудом остался в живых? В этом случае ему было бы сейчас семьдесят восемь лет... что же, вполне вероятно.

Алекс поднял голову. Солтеро внимательно смотрел на него.

– Ты читал это?.. – хрипло спросил Алекс.

Солтеро кивнул.

– Я слышал про Валленберга, хотя подробности мне, конечно, неизвестны...

Алекс наклонился вперед и крепко сжал руки, чтобы скрыть дрожь.

– Рауль Валленберг был шведским дипломатом, который работал в

Будапеште во время войны. В 1944 – 1945 годах, в последние месяцы немецкой оккупации Венгрии, он спас тысячи евреев, обеспечив их дипломатической неприкосновенностью. Когда Советская Армия вошла в Будапешт, Рауль Валленберг исчез.

Солтеро нахмурил брови.

– Его схватили русские, правильно?

– Валленберга похитили и тайно вывезли в Советский Союз. Видимо, русские хотели, чтобы он работал на них после войны. У Рауля были могущественные покровители в Швейцарии, связи в Красном Кресте, он встречался с тогдашним папой римским, и в Швеции его безусловно ждало блестящее будущее... – Алекс допил последние капли кофе из своего бумажного стаканчика и поморщился от отвращения. – Но он отказался – и исчез.

– Никто никогда его больше не видел?

– Говорят, что видели, – сказал Алекс сдержанно. – Время от времени на Запад попадали сведения о том, что он все еще жив. В основном это были показания свидетелей, которые видели похожего на него человека в тюрьме или в лагере.

– А что говорили по этому поводу русские? Алекс покачал головой. После потрясающих новостей об отце голова его все еще слегка кружилась, а перед глазами вставала бескрайняя заснеженная равнина, укрытая полярной ночью, колючая проволока, прожектора, вышки часовых, хрипящие псы, карательный взвод с автоматами на изготовку, свежий труп на снегу и трое заключенных в лохмотьях, с ужасом вззирающих на эту сцену. Один из них был его отцом.

Голос Солтеро вернул Алекса к действительности.

– Что сказали по этому поводу “красные”? – повторил он свой вопрос.

– Москва все отрицала. Они никогда не видели Валленберга и никогда о нем не слышали. Со временем, однако, Валленберг превратился в легендарную фигуру, сделавшись предметом чуть ли не религиозного поклонения. Шведское правительство, еврейские организации, объединившие уцелевших после оккупации, семья Валленберга, а также весьма активное “Общество Рауля Валленберга” – все они продолжали добиваться правды, организуя шумные кампании в прессе, направляя советскому правительству многочисленные письма и петиции. О жизни Рауля Валленберга было написано немало книг и снято несколько кинофильмов.

Солтеро кивнул.

– Лично я был уверен, что Валленберг давным-давно мертв. Русские не стали бы держать такого знаменитого узника даже в самых секретных лагерях и тюрьмах. К тому же он мог только причинить им лишние неприятности. В последнее время, однако, в их прессе начали появляться странные слухи. Так, в прошлом году некоторые советские газеты сообщили, что в сорок четвертом Валленберг стал посредником между Берией и шефом СС Генрихом Гиммлером. В этом году советские средства массовой информации распространили еще более странный слух, будто бы Валленберг был близким другом Адольфа Эйхмана и других нацистских офицеров. По версии русских,

он был большим повесой и бабником.

Солтеро взмахнул руками.

– Они хотели дискредитировать его.

– Несомненно, – кивнул Алекс. – А это может означать только одно: русским есть что скрывать. Он помолчал.

– Давление нарастало, и в конце концов КГБ пригласил в Москву родственников Валленберга, передал им его паспорт и заявил, что шведский дипломат скончался в 1947 году от сердечного приступа в Лубянской тюрьме.

– Самое подходящее место для сердечного приступа.

– А теперь к нам поступает это сообщение от Гримальди, – негромко заключил Алекс. – Сообщение о казни Валленберга. Один из двух оставшихся в живых свидетелей...

Он замолчал, закрыв глаза, и глубоко вздохнул.

– Один из свидетелей – мой отец. Солтеро уставился на него с выражением крайнего изумления на лице.

Подтверждение сообщения Гримальди поступило сразу после обеда в пятницу, незадолго до того, как Алекс вылетел домой на уик-энд. В соответствии с запросом Алекса политический советник американского посольства связался с пресс-центром КГБ – еще одним порождением горбачевской “гласности”, где его заверили, что после тщательного расследования советское правительство наконец узнало подлинные обстоятельства смерти Валленберга. “Да, конечно, – вежливо сказал один из руководителей пресс-центра, – в понедельник будет официально объявлено, что Валленберг был казнен КГБ”. Ни о каких свидетелях расстрела в пресс-центре и не слышали. Представитель КГБ заверил политического советника посольства, что это скорее всего просто чей-то досужий вымысел.

Алекс заново перечитал шифровку уже в машине, которая везла его по оживленным улицам Манхэттена в аэропорт Ла Гардия. Приближалось Рождество, и витрины магазинов сверкали сотнями электрических лампочек. Повсюду были выставлены в кадках хвойные деревья, украшенные блестящими игрушками и присыпанные искусственным снегом, а на углах звонили в свои колокольчики многочисленные Санта-Клаусы с ватными бородами и усами. Всеобщее веселье, однако, омрачалось невеселыми газетными заголовками, которые гласили: война в Заливе неизбежна.

Этим же вечером, отправив Тонию спать, Алекс растопил в гостиной камин, наполнил коньяком два хрустальных фужера и перенес их к дивану, где, глядя на пламя, клубочком свернулась Клаудия. С трагических событий на Балтиморском шоссе они проводили вместе столько времени, сколько могли. Из-за Тони Клаудия оставалась в Вашингтоне, раз в неделю прилетая в Нью-Йорк, чтобы провести с ним ночь, а Алекс, в свою очередь, возвращался домой каждую пятницу, чтобы провести с женой все выходные.

После смерти Виктора оба почувствовали непреодолимое желание снова быть вместе. Они помногу разговаривали, совершали длительные прогулки и даже любовью занимались с прежней, давно забытой нежностью и страстью. Все вместе напоминало возрождение их давних отношений; и Алексу

оставалось только надеяться, что все это не было искусственным всплеском чувств, которые вскоре погаснут. Он был преисполнен решимости вернуть себе любовь Клаудии.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – сообщил Алекс, присаживаясь рядом с ней.

Клаудия тут же прижалась к нему, согревая бокал с коньяком в ладонях, и он рассказал ей о рапорте Гримальди.

Услышав имя Виктора Вульфа, Клаудия мгновенно оцепенела; затем она посмотрела на него, и Алекс увидел в ее глазах боль и муку. Лицо Клаудии было белым как мел.

– Твой отец... – прошептала она. – Твой отец жив.

– Ты понимаешь, что это означает, Клаудия? – спросил Алекс. – Это ловушка, я знаю. Моему брату в руки попало страшное оружие: он разыскал моего отца и хочет использовать его против меня.

– Я не верю, – ответила Клаудия. – Твой отец жив. Только представь себе, как вы двое встретитесь, обнимете друг друга... – Она внезапно замолчала. Значение происшедшего вдруг дошло до ее сознания, и она в испуге уставилась на него.

Алекс кивнул.

– Именно это Дмитрий и имел в виду. Он уверен, что, как только я узнаю об этом, ничто не помешает мне отправиться в Россию, чтобы найти отца.

Клаудия встала с дивана и подошла к окну, посмотрев сквозь занавески на темную пустынную улицу.

– Как ты думаешь, он все время знал, что твой отец жив?

Алекс не ответил, пытаясь разгадать стратегию Дмитрия.

– Нет, – сказал он наконец. – Если бы он знал, что Виктор Вульф жив, он использовал бы его против меня давным-давно. И не нужно было бы похищать детей.

– Почему нет?

– Он решился на похищение от отчаяния. Это ведь довольно сложная операция, к тому же на чужой территории значительно увеличивается риск. Он не стал бы предпринимать ничего в этом роде, если бы у него с самого начала был Виктор Вульф. Наверное, он узнал о нем только недавно.

– Как он узнал?

– Возможно, он наткнулся на имя отца, просматривая досье Валленберга. Это дело – серьезная головная боль для КГБ, им постоянно приходится что-то придумывать, чтобы отвести от себя всяческие обвинения со стороны мирового сообщества. Узнав, что Виктор Вульф жив, Дмитрий убедил своих начальников открыть правду о Валленберге и выпустить оставшихся в живых свидетелей. Готов поспорить, что он сам выбрал город Печору, чтобы поселить там моего отца.

– Где это?

– Где-то на севере европейской части СССР, рядом с Полярным кругом. Это закрытая зона, гражданские лица из других районов России туда не допускаются.

– Почему?

– Там полно лагерей и ракетных баз. Дмитрий выбрал эти края затем, чтобы быть уверенным – если я попытаюсь спасти отца, то окажусь полностью в его власти. Скорее всего он установил свой капкан, перевел отца в Печору, а затем продиктовал сообщение Гримальди. Наверное, он уже там, поджидает меня.

Клаудия вернулась на диван и села рядом с ним.

– Он так уверен, что ты приедешь?

Алекс кивнул.

– Это донесение – мой смертный приговор.

– Да, если будешь и дальше играть в эти игры. Он, безусловно, хочет, чтобы ты приехал в Россию и попытался спасти отца, – Клаудия нахмурила лоб. – Только безумец может попасться на такую удочку...

Она поставила свой бокал на ковер, взяла его лицо в свои ладони и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Но ты поедешь, ведь правильно?

Алекс не ответил.

– Я поеду с тобой.

Он посмотрел на ее прекрасное лицо, на упрямо сжатые губы.

– Ты сошла с ума, Клаудия.

– Я поеду с тобой, – повторила она.

Алекс затряс головой.

– Ни в коем случае. Это слишком опасное дело, которое может закончиться довольно печально.

В глазах Клаудии сверкнул дерзкий огонек, и Алекс понял, что отговорить ее будет непросто. Он не смог бы урезонить ее даже при помощи логики, так как его собственные намерения полностью выходили за рамки здравого смысла. И все же он не мог поступить никак иначе, не мог оставить отца гнить в затерянном приполярном поселке. Никакой альтернативы не было, он должен попытаться. Вот только если он снова оттолкнет Клаудию сейчас, то может никогда больше не найти ее, когда вернется. Если вернется.

– Когда умер Виктор, – негромко сказал он, – я поклялся себе, что никогда больше тебя не оставлю и не дам тебе повода оставить меня. Ты мне веришь?

Они еще долго разговаривали, и только далеко за полночь, когда дрова в камине давно превратились в золу, Алексу удалось достичь шаткого компромисса: Клаудия поедет с ним до границы Советского Союза и будет дожидаться там его возвращения.

На следующее утро Алекс позвонил Солтеру.

– Хай, сеньор Рэмбо, – раздался в трубке озорной голос его помощника. Анхель Солтеро оставался верен себе.

– Мне нужно, чтобы ты разведал, как лучше всего добраться до Печоры, – сказал Алекс.

Глава 20

Паром был полон шумными, веселыми финнами, направляющимися в Ленинград, чтобы провести уик-энд в вестибюлях гостиниц, недавно переоборудованных в казино, и насладиться дешевой выпивкой. На палубу парома они загружались автомобилями и целыми автобусами, закутавшись в теплые парки и натянув на самые глаза вязаные шапочки с кисточками. Пить и горланить они начали еще до того, как паром отошел от берега.

Алекс был одет в куртку голубого цвета, отороченную мехом, и в вязаную лыжную шапочку с красными, синими и белыми полосками. В кармане его лежал шведский паспорт на имя Арне Блома. К этой поездке он подготовился заранее, распространив немало ложных слухов, спланировав несколько обходных маневров и применив еще несколько уловок из своего обширного арсенала.

Его австрийский резидент организовал утечку информации в КГБ, что Алекс Гордон с паспортом югославского гражданина прилетит в Москву из Бухареста рейсом авиакомпании “Таром”. Другие сообщения помещали его то в поезд из Праги, то в туристский автобус, вышедший из Берлина накануне вечером, то в автомобиль, стоящий в очереди на таможню на польской границе. Даже среди врачей, направляющихся на международную конференцию в Одессу, был свой Алекс Гордон. Несколько ветеранов ЦРУ с сомнительными документами одновременно прибыли в СССР через разные въездные порты. Каждый из них мог быть Гордоном, и каждого из них пограничные власти подвергали тщательной проверке. Все они, однако, были посланы в Россию единственно для того, чтобы отвлечь внимание Морозова и дать Алексу возможность без помех перейти границу.

Пока его агенты были заняты игрой в прятки с людьми КГБ, Алекс планировал проникнуть в Россию морским путем, на пароме Хельсинки – Ленинград. Морское побережье на русском Севере охранялось довольно слабо, а паспортный контроль на четырнадцатом причале Ленинградского морского порта был простой формальностью.

Клаудия осталась в Хельсинки. Стоя на заснеженном пирсе, она махала ему рукой, и Алекс долго смотрел, как исчезает вдали ее высокая фигура, открытая холодному морскому ветру, дувшему со стороны Финского залива. Он не мог не думать о том, что видит ее, быть может, в последний раз в своей жизни. На мгновение перед его глазами возникло розовощекое, улыбающееся лицо маленького Виктора, и Алекс непроизвольно стиснул руки в карманах, как делал уже не раз. “Ох, Дмитрий, – подумал он. – Если я только смогу добраться до тебя, я заставлю тебя дорого заплатить за все горе, которое ты мне причинил”.

По мере того как плоский финский берег исчезал за белесыми полосами редкого зимнего тумана, палуба парома пустела. Пассажиры торопливо спускались вниз, в уютный кафетерий, спасаясь от пронизывающего холода, царившего на открытой площадке парома. Алекс остался наверху. Ему пришлось бы нелегко, очутись он сейчас в обществе веселых и беззаботных людей. Только не теперь, когда он готовится в первый и, может быть, в последний раз в своей жизни ступить на землю страны, в которой он родился.

На этой земле он может и умереть; вполне возможно, что где-то там, за стеной тумана и низкой облачностью, окутавшими русский берег, притаился и ждет его Дмитрий Морозов...

Алекс стоял на обледеневшей палубе совсем один, вглядывался в серую сырую мглу и видел всю свою прошлую жизнь. Он думал о тех пятнадцати с лишком годах, которые он провел в ЦРУ, посвятив всю свою энергию, все знания и помыслы бесконечной войне против Советской страны. “Стоило ли?” – спросил сам себя Алекс, но тут же постарался изгнать эту мысль из своего сознания, так как ответом на этот вопрос могло быть лишь однозначное и недвусмысленное “нет”. Ничем нельзя было оправдать коварство, обман и пролитую кровь. Ничем нельзя было оправдать глупую тайную войну, которую он вел, не зная ни жалости, ни стыда, со всеми ее жертвами, перекупленными шпионами, поддельными мертвецами, фальшивыми предателями и выдуманными героями. И война эта ни к чему не привела. Русские сами разрушили свою империю, с которой ничего не могли поделать все их враги со всеми своими союзниками, современными вооружениями, спутниками и ядерными ракетами.

Ледяной ветер, подувший с юга, полоснул его по лицу. Серый туман заколыхался, потом в нем появились все увеличивающиеся просветы, и наконец он почти полностью исчез. Вдали стали видны очертания побережья, и Алекс вспомнил строки из поэмы отца: “Я с радостью умер бы тысячу раз...” Он тоже готов был умереть тысячу раз, лишь бы единственный раз в жизни увидеть отца.

Когда-то Алекс мечтал о том, что однажды он издаст произведения матери и отца в своем переводе на английский. Даже название сборника было готово – “Сердца чистого мечта...”. Он собирался посвятить эту книгу своей маленькой Тоне и погибшему сыну Виктору. Но как же другой Виктор, его отец? Неужели они действительно встретятся? Удастся ли Алексу услышать его голос? Что он почувствует, когда назовет этого человека отцом?

Одинокая чайка пронеслась низко над палубой и исчезла в остатках тумана. Сердце Алекса лихорадочно стучало, и он пристально всмотрелся в приближающийся берег. “Где ты, Дмитрий? – раздался в его сердце одинокий печальный голос. – Где ты, брат мой, враг мой? Ждешь ли ты меня на ленинградском причале, в какой-нибудь темной дыре между ящиков или в зале для прибывших, глядишь ли в бинокль на палубу парома, готовясь отдать приказ открыть огонь? Или ты спрятался, затаился где-то, терпеливо ожидая ночи, чтобы под покровом темноты прокрасться в мой гостиничный номер и свернуть мне шею, как моей... твоей Татьяне? А может быть, ты остановишь меня на пустынном северном тракте, где-нибудь в тундре или в тайге, или будешь ждать в засаде на шоссе во главе команды своих вооруженных до зубов головорезов?”

“Прекрати мечтать! – оборвал он себя резко. – Думай, Алекс, думай. Ты знаешь его как самого себя, ты знаешь, что сунул голову в капкан, который он установил специально для тебя. Тебе известно, что он любит играть со своими жертвами как кошка с мышью, до последнего оттягивая убийство. Он позволит

тебе перейти границу, предоставив самому преодолеть все препятствия, и ты даже почувствуешь себя в безопасности, когда в самом конце пути внезапно возникнет он, готовый к тому, чтобы тебя уничтожить”.

Они вошли в порт, и перед паромом катились черную волну, разбиваясь о пирсы и волноломы, все еще укрытые холодным сырým туманом. Небольшие портовые буксиры рассекали акваторию во всех направлениях, словно призраки скользя в лежащем на воде тумане, издавая протяжные, скорбные гудки. Низкое небо, затянутое серыми облаками, почти не пропускало дневного света, а красавец город все еще был укрыт плотной завесой тумана, так что Алексу пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть знаменитые ленинградские достопримечательности – ростральные колонны и размытые очертания огромной Петропавловской крепости. На здании порта висел огромный плакат “Вечная слава городу-герою Ленинграду!”. Набережные и причалы были пустынные: холод прогнал даже таможенников и портовых рабочих.

Мощные двигатели парома заревели, вращая в обратном направлении гребные винты, и с полдюжины мужчин в поношенных куртках и грубых башмаках выбежали из здания таможни, рассыпались вдоль причала, не без труда справляясь с причальными канатами и якорными цепями парома.

Как Алекс ни старался, он не заметил вблизи никого, кто походил бы на переодетого сотрудника КГБ. “Впрочем, – подумал он, – в последнее время сотрудники КГБ стали попадаться на глаза все реже и реже”. Действительно, уже давно ему докладывали, что сотрудников госбезопасности не стало видно ни в аэропортах, ни на улицах, ни даже на митингах оппозиции, и даже охрана Кремля была поручена московской милиции.

Единственными офицерами КГБ, которые оставались на виду, была небольшая группа сотрудников из пресс-службы, прилагающая отчаянные усилия, чтобы хоть немного приукрасить общественное лицо своей страшной организации. В качестве доказательств того, что могущественное ведомство тоже перестроилось, они всячески демонстрировали “добрую волю”: публиковали кое-какие полузабытые секреты третьестепенной важности; блистали на пресс-конференциях и, ударяя себя в грудь, вопили о своей непричастности к массовым казням; организовывали экскурсии по зданиям на Лубянке; чествовали в телепрограммах недавно избранную “Мисс КГБ” – грудастую и миловидную двадцатитрехлетнюю Катю Майорову, которая, как сообщалось, была одинаково хороша в рукопашной схватке, в стрелковом тире и на кухне.

Все это призвано было помочь КГБ снискать в народе известную популярность, в то время как четыреста тысяч сотрудников, офицеров спецназа, стукачей и шпионов как бы растворились в воздухе, терпеливо ожидая своего часа, чтобы нанести ответный удар. Россия была охвачена голодом, рабочие и крестьяне нищали, но их этот процесс никак не коснулся. Их привилегии сохранялись в прежнем объеме, их квартиры и машины оставались при них, а спецраспределители по-прежнему предлагали богатый выбор дешевых продуктов и высококачественной одежды. Посреди хаоса, царившего в России, КГБ продолжал железной рукой руководить армией, церковью и

Коммунистической партией, тайно поддерживая такие националистические группировки, как “Память” и ей подобные. Очевидно было, что КГБ просто дожидался кризиса, удобного момента, чтобы снова взять в руки бразды правления и взмахнуть кнутом.

Единственными сотрудниками этой организации, которых Алекс увидел после прибытия, были четверо прапорщиков на паспортном контроле. Они были чрезвычайно заняты тем, что проставляли необходимые штампы в туристских паспортах. Мрачный пограничник не удостоил Алекса даже взгляда, просто проглядел его бумаги и небрежно взмахнул рукой, приглашая следующего туриста.

Карты, оружие, запасные паспорта были ввезены в страну другими каналами, и у Алекса не было с собой никакого багажа, кроме легкой спортивной сумки, поэтому таможенники – среднего возраста мужчины в серой форме с зелеными петлицами, собравшиеся возле протекающего самовара, – презрительно игнорировали его.

Их небольшой транзисторный приемник как раз передавал последние известия, и Алекс узнал, что переговоры в Женеве между иракским и американским министрами иностранных дел провалились. Выступавший по радио представитель российского МИДа утверждал, что война неизбежна.

Сразу на выходе из зала для приезжих толпились спекулянты, предлагавшие банки с икрой и меховые шапки и скупавшие американские доллары. Грязно-бежевое такси, за рулем которого сидел небритый мрачный парень с заостренными ушами, постоянно шмыгавший носом, доставило Алекса в гостиницу “Прибалтийская”, расположенную на ветреном западном берегу Финского залива.

Алекс терпеливо выстоял очередь и наконец достиг стойки регистрации. Заказ на его имя был сделан крупной финской туристической фирмой, которая занималась отправкой из Хельсинки большинства экскурсантов. У стойки Алекс получил карточку со своим именем и номером комнаты, расположенной на одиннадцатом этаже гостиницы. Ключа ему не дали; в соответствии с установившимися в России правилами, когда надзор за иностранцами считался важнее их удобств, ключ от номера находился у дежурной по этажу.

Вместо того чтобы подняться наверх на лифте, Алекс принялся слоняться по вестибюлю гостиницы, разглядывая витрины магазинов и сувенирных лавок. Рядом с витриной “Березки” он столкнулся еще с одним туристом, одетым примерно так же, как он сам. Человек этот был одного роста с Алексом, голубоглаз и с голубой сумкой через плечо, в вязаной лыжной шапочке. Они вежливо улыбнулись друг другу и пробормотали извинения; никто не заметил быстрого обмена картами гостя, которые оба держали в руках. Прежде чем они разошлись, второй турист сунул в расстегнутую сумку Алекса небольшой сверток.

Уединившись в углу вестибюля, Алекс рассмотрел гостиничную карту, переданную ему двойником. Она была выписана на имя Лейффа Сведелида, проживающего в комнате 872 на восьмом этаже гостиницы “Москва”, расположенной рядом с Александро-Невской лаврой. Затем Алекс проверил

сверток. Внутри оказался шведский паспорт на имя Сведелида со всеми необходимыми отметками.

Алекс вышел из “Прибалтийской” и на такси доехал до гостиницы “Москва”. Он начинал путать следы, и первый шаг был проделан безупречно. Теперь вряд ли кто-нибудь сумел бы связать его и Арне Блома, который, должно быть, именно в эти минуты входил в номер гостиницы “Прибалтийская”. Начиная с этого момента Алекс превратился в Лейффа Сведелида, еще одного шведского туриста, законным образом въехавшего в страну и успевшего даже зарегистрироваться в гостинице “Москва”.

Вряд ли Алекс смог бы заснуть в эту ночь. Возбуждение его дошло до такой степени, что он нарушил первую заповедь разведчика на вражеской территории и отправился на прогулку по Ленинграду. Великий город, однако, напоминал ему все что угодно, только не чужую страну Алекс знал, что завтра может умереть, что может умереть даже сегодня, однако это была его первая ночь на родине, первая ночь в городе, в котором бывали и который любили его родители. Он прошелся по широкому Невскому проспекту и перекусил в Литературном кафе, где великий Пушкин получил вызов на дуэль, стоившую ему жизни. Затем он бродил по набережным замерзших каналов и долго стоял в самом центре Дворцовой площади, с которой горстка солдат и рабочих начала штурм Зимнего дворца во время большевистской революции 1917 года.

Он чуть не заблудился среди скверов, дворцов, театров и старинных усадеб, которые придавали городу благородный вид. Громыхающий трамвай привез его на противоположный берег Невы к двум колоннам, охранявшим вход в Адмиралтейство. Напротив, по ту сторону залива, вздымался в небо шпиль Петропавловской крепости. Афиша Ленконцерта извещала о том, что на сцене Малого театра идет “Лебединое озеро”. Группа школьников промчалась мимо него, весело переговариваясь на мягком и певучем русском языке, и Алекс заметил голубые и розовые ленточки, вплетенные в шелковистые косы девчонок.

“Я в России, – не переставая твердил себе Алекс. – После стольких лет – снова в России”. Это была страна его предков и, одновременно, – страна злейших врагов.

Незадолго до рассвета, продрогший, усталый, глубоко взволнованный, Алекс вернулся в гостиницу, чтобы поспать хотя бы пару часов.

Его дорожный будильник поднял его в семь тридцать утра. Он позавтракал, приобрел билет на экскурсии в Эрмитаж и вскоре уже сидел в туристском автобусе. Свою сумку он затолкал на полку над сиденьем. Их гидом была полноватая блондинка средних лет, которая объяснила им на неправильном, сильно акцентированном английском, что хотя она и является членом коммунистической партии, однако считает, что мавзолей Ленина должен быть разрушен до основания и что Ленинграду должно быть возвращено его прежнее имя – Петербург.

Алекс выбрался из автобуса вместе с остальными туристами и два часа кряду бродил по залам великолепного музея, где были выставлены прославленные на весь мир шедевры живописи. По окончании экскурсии он

вернулся в автобус и сел на свое прежнее место. У гостиницы он взял свою сумку и вышел вместе со всеми, не забыв оставить “на чай” водителю.

Сумка выглядела точно так же, как и его собственная, однако ее содержимое было иным. Подмена совершилась, пока он осматривал художественные сокровища Эрмитажа. Алекс заперся в кабинке общественного туалета на первом этаже гостиницы и расстегнул “молнию”. Внутри оказалась аккуратно упакованная полевая форма майора Советской Армии, включавшая ботинки и фуражку. На дне сумки лежали два кожаных чехла. В одном из них лежали документы на имя майора Лаврентия Селюхина, командировочное удостоверение, разрешение на въезд в закрытую зону и билет Аэрофлота на ночной рейс до Мурманска. На офицерском удостоверении личности и на пропуске уже были наклеены фотографии Алекса.

Сразу после обеда Алекс, переодевшись в военную форму, сел в такси до ленинградского аэропорта Пулково и беспрепятственно поднялся на борт самолета до Мурманска.

Через сорок минут полета он был уже на месте. Выйдя из самолета, Алекс с любопытством огляделся по сторонам. За фотоснимки этой важнейшей военно-морской базы его контора заплатила огромные деньги какому-то польскому моряку, который почти год провел поблизости от русских атомных подводных лодок.

В мурманском аэропорту ему пришлось полчаса простоять в очереди, прежде чем он сумел уединиться в кабинке мужского туалета и в очередной раз замести следы. Из второго кожаного футляра он достал лейтенантские погоны и артиллерийские эмблемы на петлицы, а также документы на имя лейтенанта Владимира Золотова и билет на самолет до Ухты, вылетающий в восемнадцать ноль-ноль.

Приземлились они посреди заснеженной промороженной степи. Вокруг бушевал буран.

На стоянке возле крошечного взлетного поля стоял тяжелый армейский грузовик. Алекс достал из кармана ключи, которые обнаружил в чехле вместе с документами, отпер дверцу и забрался в кабину. Мотор завелся почти сразу; пару раз кашлянув, двигатель загудел ровно и мощно. Приборы показывали полный бак топлива и удовлетворительный уровень масла. Включенные фары высветили в окружающей тьме короткий коридор, в котором бешено плясали злые блестящие снежинки.

Алекс тронулся в путь.

Буран разыгрался не на шутку. Пронзительный ветер завывал над вымороженной тундрой, и подхваченные ветром темные массы кружащегося снега проносились в воздухе, укрывая сугробами узкую нитку асфальтированного шоссе. Видимость в буране была почти нулевая.

Склонившись над рулевым колесом тяжелого грузовика, Алекс медленно вел машину на восток. Фары и дополнительные прожектора на крыше бессильно упирались в стену несущегося снега прямо перед капотом. Он был в пути уже шесть часов, неуклонно пробираясь на север по бесконечной снежной пустыне, сопровождаемый злобным воем ледяного арктического ветра. Он

сумел проскользнуть сквозь расставленные Дмитрием частые сети и был настроен добраться до Печоры, даже если это будет последним, что он сумеет сделать на этой земле.

Печора находилась в самой глубине закрытой зоны, откуда в ясную погоду можно было разглядеть возвышающиеся над горизонтом заснеженные вершины Уральских гор. Исправительно-трудовые лагеря были единственными обитаемыми островками в этой богом забытой стране холода и снегов. Для обычных граждан этот регион был и вовсе недосыгаем, и именно поэтому Алекс остановил свой выбор на армейской технике. Один или два путешественника в машине с гражданскими номерами непременно вызвали бы подозрение, в то время как военную машину беспрепятственно пропускали на всех заставах. Его люди угнали этот грузовик неделю назад, поменяли номера и заботливо положили внутрь запас еды и топлива, теплую одежду и несколько одеял. Два чистых паспорта для отца Алекса были спрятаны в секретном отделении под водительским сиденьем. Там же лежал фотоаппарат, чтобы сделать с его помощью подходящие фотографии Виктора Вульфа, и два пистолета ГТ.

Алекс разложил карту Печоры на приборной доске. Его агенты сумели установить местоположение дома, в котором жили два выпущенных на свободу узника, и отметили его на карте зеленым фломастером.

Информацию несколько раз проверяли, пока не осталось никаких сомнений в ее достоверности. Виктор Вульф действительно был жив. В рапорте сообщалось, что его выпустили несколько дней назад. Подробное изложение обстоятельств гибели Рауля Валленберга было опубликовано чуть позже. Все складывалось одно к одному, все совпадало.

Несмотря на это, недоброе предчувствие не отпускало Алекса. Все было уж как-то чересчур просто. Его людям удалось без труда добыть и перепроверить необходимую информацию, а со времени его отплытия на пароме из Хельсинки его ни разу никто не остановил, ни разу никто не побеспокоил. Даже когда шесть часов назад он приземлился в Ухте в пестрой компании государственных служащих и военных, никто не потребовал у него ни удостоверения, ни командировочных документов. Два сотрудника КГБ, стоявших на входе в аэропорт, пропустили Алекса внутрь, едва взглянув на него. Это было по меньшей мере странно; Алексу было прекрасно известно сверхъестественное пристрастие русских ко всякого рода допускам, справкам, предписаниям и прочим бумагам. Им следовало проверить его хотя бы ради галочки.

Возможно, все это было делом рук Дмитрия. Возможно, он сумел забраться так далеко от границы только благодаря тому, что этого захотел его брат. Алекс был почти уверен, что Дмитрий уже поджидает его. Если это так, то он едет навстречу неминуемой гибели. Впрочем, выбора у него не было ни раньше, ни теперь. Ему оставалось только одно – попытаться спасти своего отца, даже рискуя собственной жизнью.

Справа от него, за снежной пеленой, замерцали тусклые пятна желтого света. Алекс подался вперед так, что лоб его уперся в холодное ветровое стекло, и взгляделся в темноту. За цепочкой огней виднелись огромные

прямоугольные строения – это были жилые дома.

Алекс прибыл на место.

Примерно в километре от него, в приземистом черном автомобиле, припаркованном у стены кирпичного барака, ждал Дмитрий Морозов. Сегодня ночью он надел свою парадную генеральскую форму. Мотор автомобиля тихонько урчал, и печка работала на полную мощность, обогревая салон. Гримальди, завернувшись в волчий полушубок, развалился на заднем сиденье.

Дмитрий не пытался перехватить своего брата в пути или помешать ему добраться до поселка. Его люди уже давно обнаружили очевидные признаки того, что Алекс начал действовать, а оперативный центр в Ясенева был буквально завален не соответствующими действительности рапортами о появлении Гордона в различных пограничных пунктах. Агенты и розыскники наперебой докладывали, что его брат замечен на немецкой, польской, чехословацкой границах, однако Дмитрий не обращал на них никакого внимания. “Что толку? – размышлял он. – Алекс все равно появится в Печоре. Остается только дожидаться его на месте”.

Дмитрий приехал в Печору днем раньше и обосновался в райотделе милиции. Его штаб и отряд спецназа КГБ, необходимый для операции, разместились в старинных кавалерийских казармах в Инге, на расстоянии двадцати восьми километров к северу, однако с наступлением темноты все они присоединились к своему начальнику. Час назад Дмитрий получил сообщение о том, что к Печоре движется армейский грузовик с лейтенантом-артиллеристом за рулем. Сообщил об этом дорожный пост, расположенный на шоссе к востоку от Ухты, и Дмитрий сразу понял, что это скорее всего Алекс.

Это был его метод, его почерк. Алекс Гордон и его агенты предпочитали использовать для прикрытия служебные машины, форму и официальные документы. Люди в России привычно уважали облеченных властью и полномочиями людей, поэтому документы у военных проверяли не так тщательно. “Секрет успехов Алекса как раз и заключается в том, что он знает нас лучше других, – мрачно подумал Дмитрий. – Его слабость в том, что я знаю его”.

Он откинулся на спинку сиденья и на несколько мгновений смежил веки. Он представил себе Алекса, вцепившегося в баранку грузовика, сражающегося со снежным бураном на пути к Печоре. Должно быть, ему потребовалось приложить неимоверные усилия, чтобы тайком проникнуть на территорию России, достать советскую военную форму и документы, украсть грузовик и въехать на нем в запретную зону. И все это лишь для того, чтобы попасть в расставленный капкан.

Через час, а может быть и раньше, их персональная тайная война будет закончена. Этот момент Дмитрий предвкушал уже несколько лет, мечтая о мести, заранее смакуя унижение, которому он подвергнет этого еврея, укравшего у него любимую женщину. И все же это будет бесполезная, пустая победа.

Когда вендетта между братьями только начиналась, американская и русская разведки вели между собой кровавую битву во всех уголках земли.

Сегодня ничто не в силах было изменить неприятной правды: Советский Союз разваливается, империя рушится, “холодная война” проиграна. Последний могучий удар, который он нанесет ЦРУ, захватив и уничтожив самого главного и прославленного агента, тоже ничего не изменит.

Дмитрий открыл глаза и бросил взгляд на окна комнаты Виктора Вульфа. Они были темными; старик, наверное, все еще сидит в гостях у своего старого товарища по заключению Корчагина, окна которого выходят на противоположную сторону барака. Старые узники не успели еще отвыкнуть друг от друга и с трудом переносили одиночество. Вульф, судя по всему, так и не заметил повышенного внимания к своей персоне со стороны КГБ, как не заметил крытых грузовиков, с обеда занявших позиции вокруг здания, – сильный ветер и снегопад были как нельзя более кстати. Еще утром Дмитрий задумывался о том, чтобы вечером нанести старику визит, однако теперь он решил дожидаться появления брата. Ему казалось, что так будет гораздо интереснее.

Возле автомобиля появилась залепленная снегом человеческая фигура, в которой Дмитрий не без труда опознал своего ординарца. Опустив стекло, он впустил в салон порыв ветра, насыщенного острыми ледяными кристаллами. Несколько снежинок попали на рукав его кителя.

Широкое украинское лицо Середы разругалось от волнения и мороза.

– Он вдет, товарищ генерал.

Алекс остановил грузовик на темной стоянке, запер дверцу и побрел к зданию, с трудом переставляя ноги в глубоком снегу. Ледяной ветер безжалостно хлестал его по лицу, рвал одежду, и Алекс согнулся чуть ли не вдвое, удерживая на голове фуражку. Он выпрямился только в подъезде блока номер 19.

Парадное, освещенное голой лампочкой, свисающей с потолка, выглядело холодным и обшарпанным. Цементный грязный пол весь растрескался, разнокалиберный мусор громоздился в углу словно курган, а облупившаяся краска свисала со стен неопрятными буро-коричневыми лохмотьями.

Из темноты лестничной клетки навстречу Алексу выдвинулась неуклюжая фигура, и он моментально узнал тяжелую походку Гримальди.

– Не ожидал встретить тебя здесь, – сказал Алекс. Своим появлением в Печоре Гримальди окончательно подтвердил факт своего предательства. Это было бессмысленно, но Алекс мгновенно припомнил все их совместные операции и свои детские надежды на то, что известие об измене Гримальди окажется ложным и что Наполеон снова станет его верным соратником. Увидев его перед собой, Алекс не испытал ни удивления, ни разочарования, одно лишь тупое безразличие и апатию. Гримальди остановился перед ним и кивнул головой.

– Привет, Алекс. Здесь – конец пути.

Алекс посмотрел на него, не обратив внимания на банальную фразу. Если Гримальди здесь, то и Дмитрий тоже где-нибудь поблизости. Наверняка все вокруг кишит спецназовцами из группы захвата и войсками. Это была ловушка, как он и предполагал с самого начала. Путь к отступлению отрезан, но даже

если бы это было не так, он все равно не побежал бы, не увидевшись с отцом. Дмитрий все это предвидел. И ждал. Игра была окончена, и его брат выиграл.

– Все совсем не так, как ты думаешь, – сказал Гримальди невпопад, вытаскивая из кармана толстого мехового полушубка черную сигару.

– Не так? – эхом откликнулся Алекс.

– Я не предавал тебя, – быстро заговорил Гримальди. – Я ничего не сказал им, Алекс. Можешь проверить. Только... только это горбачевское дело. Он опасен, Алекс опасен для всех нас.

Алекс посмотрел на лестницу через плечо Гримальди. Там никого не было. Он знал, что его арестуют и что живым ему из России не выбраться. Он только надеялся, что ему дадут напоследок увидеться с отцом.

– Ты и я – мы оба принадлежим к отмирающему поколению, – продолжил Гримальди, слабо улыбаясь. – Мы – последние из могокан, самураи “холодной войны”.

– Ты сегодня в ударе, Франко. К чему бы это?

– С Горбачевым у руля Россия больше не будет нашим противником, – сказал Гримальди, мрачней. – ЦРУ станет никому не нужным, неужели ты не понимаешь этого?

Алекс молча смотрел, как Гримальди раскуривает сигару.

– Мы больше им не понадобится, – продолжал перебежчик. – Ни ты, ни я и никто. Наша жизнь закончится в какой-нибудь пыльной государственной конторе, где мы будем весьма заняты, штампуя разрешения на застройку или вылавливая мелких торговцев наркотиками. Это конец, Алекс, конец нашей большой игры. Если не убрать Горбачева, у нас больше не будет ни захватывающих приключений, ни удовольствия, ни права на существование. Ребят из Лэнгли отправят работать в страховую компанию, а “Ферму” превратят в курорт для старушек.

– Значит, ты сделал это ради фирмы? – Алекс отодвинул Гримальди в сторону и прошел к лестнице.

– Постой, Алекс, нам нужно поговорить! – крикнул ему вслед Гримальди и сделал несколько шагов, но остановился. – Постой...

Алекс поднялся по лестнице до площадки второго этажа и оказался в сером, тускло освещенном коридоре. К третьей двери справа был кнопками прикреплен картонный прямоугольник размером с почтовую открытку. На нем кто-то написал имя и фамилию владельца комнаты: “Виктор Вульф”.

Алекс набрал в грудь побольше воздуха. Он понятия не имел, что может ждать его за дверью, но старался об этом даже не думать. Пальцы его легли на ручку двери и нажали.

В квартирке было темно. На фоне окна, лишённого занавесок, виднелся силуэт человека в кресле-качалке. В воздухе пахло крепким табачным дымом.

– Привет, Сашка, – сказал голос Дмитрия, и Алекс услышал нервный смешок брата. – Какая у тебя шикарная маскировка. Присаживайся, твой отец сейчас придет.

Какое-то время Алекс неуверенно топтался на пороге, затем шагнул в комнату. Внутри было душно, и он расстегнул воротник своего офицерского

“чеша”. Глупый маскарад внезапно вызвал в нем сильнейшее отвращение, ему захотелось снять советскую военную форму. Как глупо с его стороны было надеяться, что он сумеет перехитрить своего брата в его собственных владениях. Исход авантюры, которую он затеял, был предрешен с самого начала.

Когда его глаза слегка привыкли к темноте, он вытащил из-под стола стул и уселся на середине комнаты, сложив руки на коленях. Дмитрий молча покачивался в своем кресле у окна, и качалка слегка поскрипывала под его тяжестью. Оба молчали, не произнося ни слова. Говорить было не о чем. Алексу к тому же казалось, что любые несколько фраз, которыми они обменяются, закончатся дракой не на жизнь, а на смерть. Да и что он мог сказать Дмитрию? Почему ты убил Татьяну? Почему ты убил моего сына?

“Лучше всего молчать, – подумал он. – Лучше всего оставаться тихим и покорным”. Дмитрий поставил этот капкан, и он сознательно влез в него. И все же ему казалось, что между ним и братом существует молчаливое соглашение ничего не предпринимать до тех пор, пока не закончится встреча Алекса с Виктором Вульфом.

Прошло несколько минут. Дверь в комнату тихонько скрипнула, открываясь, и на пороге появилась сутулая, худая фигура. Алекс затаил дыхание. Щелкнул выключатель, и бедно обставленная комната осветилась слабым электрическим светом.

Алекс, чувствуя, как плохо слушаются и дрожат его ноги, встал и шагнул к дверям, Дмитрий – за ним. “Как мы, должно быть, неуместно выглядим здесь в своей военной форме, символизирующей для старика унижение, жестокость и смерть!” – подумалось Алексу.

Виктор Вульф действительно выглядел совершенным стариком со впалой грудью и абсолютно лысой головой. Изможденное лицо было покрыто густой сетью морщин, а кожа имела синевато-серый оттенок, свидетельствующий о болезни сердца. Нос у него был аккуратным и тонким, а высохшие и потрескавшиеся от мороза губы едва скрывали неровные, обломанные зубы с несколькими металлическим коронками. Морщинистую кожу на шее натягивал огромный острый кадык. Виктор Вульф был в толстых очках, которые держались на его голой голове благодаря тонкой резинке, а черный костюм из грубой дешевой шерсти болтался на худом теле как на вешалке. Серая рубашка без воротника была какого-то допотопного покроя.

“Боже мой! – подумал Алекс в смятении. – И это – тот самый возвышенный и тонкий поэт, околдовавший Тоню Гордон? Тот самый страстный и красивый мужчина, о котором рассказывала Нина, с гривой непокорных черных волос, чувственными губами и могучим поэтическим даром? Автор “Тысячи смертей”, человек, написавший “...едины братия вовек”?... Это мой отец?”

Виктор Вульф, казалось, ни капли не удивился, обнаружив в своей комнате двух незнакомых военных. Прищурившись против света, он пристально разглядывал обоих.

– Я вас слушаю, – сказал он хриплым, дрогнувшим голосом.

Сердце Алекса билось сильно и часто, словно пушечное ядро, стуча о ребра.

– Моя фамилия – Гордон, – сумел он проговорить, дрожащей рукой расстегивая воротник своей гимнастерки еще на две пуговицы. Он не хочет и не будет стоять перед своим отцом в этой ненавистной форме.

– Я – Алекс... Александр Гордон.

– А я – Дмитрий Морозов, – сказал его брат. Худая рука старика метнулась к горлу, словно ему внезапно стало плохо. Он покачнулся и схватился за стену. Дыхание его стало частым и прерывистым, губы дрожали как от холода, а блестящие черные глаза перебегали с Алекса на Дмитрия и обратно. Наконец он оттолкнулся от стены и пошел к ним, шаркая по полу ногами. Теперь он смотрел только на Алекса. Еще шаг, в сторону Дмитрия. Потом снова к Алексу.

– Моей матерью была Тоня Гордон, – подсказал Алекс. – Я ваш... твой сын.

Вульф впился в его лицо своими черными как угли глазами. Подняв руку, он легко дотронулся до щеки Алекса и вдруг отвернулся.

– Нет, – сказал он глухо, указывая на Дмитрия. – Вот мой сын.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Алекс и Дмитрий застыли как соляные столбы, не в силах ни пошевелиться, ни произнести хоть полслова. Лишь глаза их следили за согбенной фигурой Виктора Вульфа, который, шаркая ногами по голому дощатому полу, пошел к Дмитрию.

– Вот мой сын, – повторил он, оглядываясь на Алекса через плечо.

Алекс первым пришел в себя.

– Что такое вы... ты говоришь?

– Я же сказал... – тонким напряженным голосом вторил Дмитрий. Откашлявшись, он продолжил: – Я – Морозов, сын Бориса Морозова!

Старик только покачал головой, и Алекс готов был поклясться, что на его потрескавшихся губах появилась едва заметная, странная улыбка.

– Я не ожидал, что мы так... встретимся, – сказал он. – Я вообще не ожидал, что мы все когда-нибудь встретимся. Но вот он ты, мой сын... – Он приблизился к Дмитрию еще на несколько маленьких шагов.

– Ты не Морозов, ты Саша, Саша Вульф. Или Александр Гордон, если тебе так больше нравится...

– Ты сошел с ума, старик, – пробормотал Дмитрий и попятился от него, словно охваченный страхом.

– Нет, ничуть, – в этом старом и хрупком теле вдруг обнаружился недюжинный запас сил, а черные глаза вспыхнули, словно возвращаясь к жизни.

– Посмотри на себя в зеркало, сынок, – сказал он Дмитрию. – Посмотри, и ты увидишь наше с тобой сходство.

Его рука взлетела в воздух, как бы описывая воображаемые контуры лица.

– Тот же подбородок, те же скулы, такая же родинка над верхней губой, – Вульф коснулся своего лица, и голос его потеплел. – Ты действительно мой сын, не сомневайся. Тебя зовут не Дмитрий, ты – Александр, Саша, мой маленький Сашенька. Я уверен в этом, хотя никогда не видел тебя взрослым...

Господи, как мне не хватало тебя, сынок.

Алекс следил за их разговором совершенно потрясенный.

– Ерунда! – выпалил Дмитрий и уперся кулаками в бока. Голос его слегка дрожал. – Внешнее сходство еще ничего не значит!

– Конечно, – кивнул старик, – безусловно... Он покачнулся и поспешно схватился за подвернувшуюся ему под руки спинку стула. Некоторое время он молчал, пытаясь отдышаться.

– Видишь ли, Саша, – сказал он наконец своим хриплым, надтреснутым голосом. – В 1953 году я встретился с Борисом Морозовым незадолго до его смерти. Мы с ним сидели в одной камере две недели или около того.

– Я тебе не верю, – перебил Дмитрий, белый как стена. – Слишком это невероятное совпадение. Чтобы из миллиона заключенных встретились именно вы двое...

Виктор Вульф кивнул в такт его словам.

– Разве я сказал, что это было случайностью, Александр?

“Как странно, – подумал Алекс, – как странно слышать, что старик зовет Дмитрия Александром, Алексом”.

– Это было отнюдь не совпадение. У Морозова все еще оставались в МГБ его старью связи: близкие друзья, люди, которые были ему обязаны. Он попросил, чтобы нас поместили в одну камеру. Он знал, что его расстреляют, и хотел встретиться со мной. Ему нечего было больше терять.

Вульф замолчал, часто дыша и сжимая горло свободной рукой. Алекс сорвался с места и выбежал в крошечную кухоньку. Стаканов здесь не было, но он обнаружил рядом с раковиной недавно вымытую глиняную чашку. Набрав в нее воды, он поднес ее старику, и тот с жадностью выпил, пролив несколько капель на подбородок.

– Спасибо, – кивнул он и похлопал Алекса по плечу. Затем он снова повернулся к Дмитрию. – Борис Морозов рассказал мне, что случилось с Тоней, – продолжал он. – Он сказал мне, что когда он увидел ее мертвой – а он наблюдал за расстрелом из окна, как ты знаешь, – то поклялся спасти ее мальчика, своего единственного сына. Борис Морозов знал, что кто-нибудь в МГБ может приказать, чтобы с детьми Тони Гордон тоже расправились. Семьи изменников родины тоже часто страдали, как ты помнишь. Даже если бы его сына оставили в живых, вся его жизнь была бы сломана. И тогда он поклялся, что его сын должен вырасти свободным человеком в свободном мире, лучше всего – в Америке.

Алекс вздрогнул – до него наконец стало доходить.

– Морозов выдал своего сына за твоего! – прошептал он.

– Именно так он и поступил, – кивнул старик. – Борис был уверен, что Нина станет заботиться о нем, как о собственном ребенке.

Дмитрий продолжал отрицательно качать головой, нервно теребя в пальцах свои волосы и неотрывно глядя на старого политзаключенного.

– Чушь! – яростно выкрикнул он.

– Это было очень просто сделать, – Виктор Вульф тяжело опустился на стул. – Довольно трудно различить двухлетнего и трехлетнего ребенка.

Тебя, сынок, – Вульф посмотрел на Дмитрия, – он отправил в детский дом и записал под именем Дмитрия Морозова. Его не очень-то беспокоило, что может с тобой случиться дальше. Ему даже было удобнее, чтобы тебя считали его родным сыном...

Старик снова ненадолго замолчал, с трудом переводя дыхание.

– ...В то время как настоящий Дмитрий Морозов отправился в Америку под именем Александра Гордона.

Алекс посмотрел на Дмитрия. Все перевернулось с ног на голову, черное стало белым, белое оказалось черным. Алекс стал русским, гоем, в то время как его брат, русский националист и ярый антисемит, оказался евреем.

Странные мысли овладели им. Если бы в свое время Дмитрий оказался в Америке, вырос бы он другим человеком? Каким бы стал он сам, доведись ему воспитываться в детском доме? Наверное, Дмитрий мог бы полюбить поэзию, если бы ложился и вставал со стихами своих родителей; он питал бы отвращение к насилию, если бы насилие и жестокость не окружали его с самого детства. Он мог бы стать отзывчивым и добросердечным человеком, если бы вырос с Ниной, а не в аду сиротского приюта. С гордостью он носил бы на шее звезду Давида и любил свою еврейскую мать, если бы не считал ее причиной всех своих несчастий.

А он, Алекс, оказавшись на месте своего брата, мог бы стать профессиональным убийцей.

Дмитрий смотрел за оконное стекло, где, кружась, неслись крупные снежные хлопья. Наверное, такой же снежной ночью его мать стояла перед зарешеченным окошком своей камеры, глядя на падающий снег и ожидая конвоиров. Она умерла потому, что была еврейкой. И он тоже был евреем, одним из тех, кого с самого детства он ненавидел лютой ненавистью, считая виновными во всех своих страданиях и неудачах.

Но теперь все было по-другому, не так, как представлялось Дмитрию прежде. Это его русский приемный отец отправил его в детский дом, чтобы спасти своего русского сына. Неужели Борис Морозов мог быть столь изощренным и коварным? Этим человеком Дмитрий восхищался всю жизнь, даже носил в своем бумажнике его фотографию, а он оказался столь бессердечным циником.

Его передернуло. Нет, это не может быть правдой! Вульф лжет, стараясь побольнее уколоть его, потому что он – сын того самого Морозова.

Но что, если старик говорит правду?

Ему было нелегко вот так сразу поверить в то, что он только что узнал о себе. На память ему пришла история, которую Алекс рассказывал ему еще в Париже. Речь шла об аргентинском католике, одном из столпов католической веры в своей стране. Случайно он узнал, что является потомком марранов – евреев, обратившихся в христианство из боязни испанской инквизиции. Бедняга не перенес позора и застрелился.

Был ли он сам евреем? Конечно же, нет. Даже если в жилах его текла еврейская кровь, он был совсем иным, так как вырос, никак не соприкасаясь с ними. Но раз так, значит, вопрос о еврействе – это не вопрос национальности и

происхождения, а вопрос вероисповедания и образа жизни. Возможно, правоверные иудеи совсем другие, возможно, они и живут по-другому, не так, как он? Но много ли таких евреев встречал он в своей жизни? Сколько из них были ему по-настоящему отвратительны?

На следующей неделе он должен председательствовать на собрании общества “Память” в Москве. Что он теперь скажет? Что он сам – еврей? Что он уходит в отставку? Может быть, ему и вовсе не следует возвращаться в Москву? Может быть, лучше всего бежать, скрыться? Но куда? Где, в каком уголке огромного мира он сможет спрятаться от себя самого и своей еврейской крови?

Нет, это не может быть правдой. Старик наверняка лжет.

– Ты сошел с ума, – сказал Дмитрий Виктору Вульффу, но голос его сорвался. – Ты спятил. Лагеря довели тебя до сумасшествия. Твое место не здесь, твое место в психушке! Сорок с лишним лет ты просидел в лагере и окончательно тронулся. Тебе никто не поверит. Я не верю ни одному твоему слову!

– Я верю, – негромко вставил Алекс.

Старик неожиданно улыбнулся, улыбнулся печальной и горькой улыбкой.

– Существует одна старая проблема, древний вопрос, который веками пугал мою нацию, – сказал он. – Кто здесь еврей?

Он поднялся со стула и повернулся к ним лицом.

– Кто из вас мой сын? Ты? – Он указал на Дмитрия дрожащим пальцем. – Или ты? – Он повернулся к Алексу.

Дыхание с трудом вырывалось из его груди. Виктор Вульф достал из кармана скомканный носовой платок и вытер им лоб.

– Александр и Дмитрий, Дмитрий и Александр... – проговорил он задумчиво. Голос его звучал так тихо, что, казалось, он разговаривает с самим собой.

– Вы оба мои сыновья. Один из вас мой сын по крови, другой – в душе. Это – гораздо больше того, на что я смел надеяться...

Его ноги подогнулись, и он упал обратно на стул. Грудь его тяжело вздымалась, а дыхание было натужным и хриплым.

Дмитрий шагнул к нему и поднял руку, потянувшись к отцу, однако быстро справился с собой и отвернулся. Алекс подошел к старику сзади и с нежностью положил ладони ему на плечи.

– Ты все еще хочешь забрать его? – спросил Дмитрий, не оборачиваясь.

Эпилог

Алекс Гордон и Виктор Вульф пересекли финскую границу сутки спустя. В Хельсинки их ждала Клаудия. В тот же день все трое сели на самолет, отправляющийся в Нью-Йорк. По возвращении в США Алекс немедленно написал рапорт об увольнении из ЦРУ и обратился в Университет Брауна с просьбой о преподавательской вакансии.

Через две недели Дмитрий Морозов исчез из гостиницы в Вене. По некоторым сведениям, он перебежал на Запад.

Шестнадцатого января в Персидском заливе начались боевые действия против Ирака. В результате поездки Горбачева в США была отложена на несколько месяцев. С исчезновением Дмитрия Морозова, бывшего движущей силой заговора против Горбачева, от покушения на жизнь советского лидера пришлось также отказаться. “Ястребы” из КГБ и армейской верхушки поспешно изменили свою стратегию и 19 августа 1991 года захватили власть в Москве, блокировав Горбачева в его крымской резиденции. переворот, однако, был обречен с самого начала; без Морозова, самого решительного и безжалостного из заговорщиков, они продержались у власти совсем недолго.

Конспираторы растерялись, когда Борис Ельцин, первый президент Российской Федерации, призвал москвичей к активному противостоянию армии и КГБ. Хунта колебалась, не решаясь применить военную силу, и в конце концов капитулировала через шестьдесят часов после начала переворота.

Огромная толпа разгневанных россиян промаршировала на Лубянскую площадь и скинула с постаamenta мрачную статую Феликса Дзержинского, основателя ВЧК и крестного отца КГБ.

Драматические события в Москве только подтвердили правильность решения, принятого Соединенными Штатами накануне войны в Персидском заливе. В своей речи перед обеими палатами конгресса, встреченной бурными аплодисментами, президент Буш заявил, что он поддерживает проект “Звездных войн”. При этом он ссылаясь на мнение некоторых экспертов и аналитиков из Белого дома, утверждавших, что “перестройка” может неожиданно привести к обратным результатам, и тогда снова начнется “холодная война”.

Через несколько дней после злополучного переворота в Москве Франко Гримальди был насмерть сбит машиной, водитель которой скрылся с места происшествия и так и не был найден, Генерал Олег Калинин вышел в отставку. Его биография, со множеством цензурных изъятий, была изложена в известной книге Владимира Дубровина. По этой книге даже был снят фильм, названный “Тайный борец за мир”.

В июне в Сохо открылась персональная выставка Клаудии Гордон. Виктор Вульф с гордостью показывался публике рядом со своим портретом, написанным Клаудией. Его мемуары под названием “Тысяча смертей” должны были быть опубликованы следующей весной.

Гости, пришедшие на открытие выставки, обратили внимание на то, что талия художницы слегка пополнела. Поздней осенью она должна была снова родить...